

ЦАРСКИЙ ЛЕЙБ-МЕДИК

—•—

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ
ЕВГЕНИЯ БОТКИНА

Икона святого мученика Евгения (Боткина).

*Написана и освящена в феврале 2010 года в Санкт-Петербурге.
Передана в дар потомкам Е. С. Боткина, проживающим во Франции.*

*Евгений Боткин причислен к лику святых решением Священного
Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей.*

*Чин прославления совершен в Синодальном соборе
г. Нью-Йорка 19 октября/1 ноября 1981 года.*

По благословиению Высокопреосвященного
ВЕНИАМИНА,
архиепископа Владивостокского и Приморского

Главное место в этой книге составляют воспоминания Татьяны Евгеньевны Боткиной, дочери лейб-медика последнего Русского Царя Евгения Сергеевича Боткина, который с еще тремя слугами, оставшимися верными Царской Семье до конца, был расстрелян вместе с ними в Екатеринбурге.

Через хронику семейной жизни, облеченную в живой и волнующий рассказ, в повествовании Т. Е. Боткиной вырисовывается трагическая эпоха, от которой нас отделяет век, события жизни Царской Семьи, свидетельства о современниках, исторических событиях. Многие документы и фотографии публикуются впервые.

Это первое издание в России, которое с такой полнотой открывает современному читателю жизнь Царского лейб-медика, о которой до самого последнего времени было известно мало. Личность этого замечательного человека, Царского слуги, врача, новомученика, по-видимому, была достойным примером и для Царских детей. Недаром Великие Княжны называли Евгения Сергеевича «старым колодцем, в глубине которого они видят чистую воду», вероятно, проводя параллель с колодезем Иаковлевым.

В книгу также вошли письма Е. С. Боткина, адресованные его родным: детям и брату.

ISBN 978-5-91102-023-1

- © Т. Е. Боткина, текст под редакцией
К. К. Мельник-Боткина и Е. К. Мельник, 2010
- © О. Т. Ковалевская, составление; статьи «Теперь судьба
выбрала нас...», «Любовь отца была нам защитой», 2010
- © Издательство «Царское Дело», 2010

ЦАРСКИЙ ЛЕЙБ-МЕДИК

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ЕВГЕНИЯ БОТКИНА

Т. Е. Боткина

Воспоминания о Царской Семье

Е. С. Боткин

Письма родным

Санкт-Петербург
2010

**Благодарю за помощь и содействие
в подготовке издания данной книги**

протоиерея о. Константина Пархоменко (Санкт-Петербург);
родственников Евгения Сергеевича Боткина: внука **К. К. Мельник-Боткина**, правнучек **Е. К. Мельник** и **О. Н. Лукину** (Франция);
И. Н. Андрушкевича (Аргентина), ответственного редактора журнала «Кадетская Переключка», за предоставление для публикации писем **Е. С. Боткина** детям;

сотрудников Центрального местного отделения Санкт-Петербургского отделения Общероссийской организации «Красный Крест» **Л. П. Шинкареву** и **Т. И. Ганф**, предоставивших сведения о православных общинах «Красного Креста» в России;

Л. Ф. Капралову (Санкт-Петербург), библиографа РНБ;

Н. Б. Ветошникову (Санкт-Петербург) за помощь в сверке немецкого текста;

В. А. Ступина (Санкт-Петербург) за помощь в сверке английского текста;

И. А. Пашкову (Санкт-Петербург), выполнившую электронный набор текста;

Г. А. Генко (Санкт-Петербург), предоставившую сведения из семейного архива, касающиеся времени Первой мировой войны;

Б. Д. Гесселя (Франция) за фоторепродукции из семейного архива **К. К. Мельника**;

а также Санкт-Петербургское издательство «Царское Дело», в лице директора **С. И. Астахова**, который, несмотря на то, что не разделяет мнение автора по некоторым вопросам, в частности, касающимся личностей **Г. Е. Распутина** и **А. А. Вырубовой**, проявил широту, независимость взглядов и уважение к читателю, предоставив ему самому выбирать и формировать свою точку зрения.

Составитель О. Т. Ковалевская

«ТЕПЕРЬ СУДЬБА ВЫБРАЛА НАС...»¹

СЛОВО О БОТКИНЕ

1. Доктор больницы для бедных

О Евгении Сергеевиче Боткине известно очень мало: скудные строки в монографиях о его знаменитом отце Сергее Петровиче Боткине и беллетризованные очерки о гибели Царской Семьи, где есть некоторые сведения о Царском лейб-медике, в большей своей части не подкрепленные документально. Мемуары современников эпохи Императора Николая II, так широко издающиеся сегодня, лишь через запятую упоминают личность Е. С. Боткина наравне с другими и в незначительных эпизодах. Кое-что из изданного малым тиражом, где есть скудные сведения о лейб-медике, не входит в известные популярные сборники материалов о периоде правления Императора Николая II.

Почему? Ведь Евгений Сергеевич видел Царскую Семью, приходя для врачебного осмотра, каждый день, причем дважды: утром и вечером, когда Семья жила в Александровском дворце. Боткин сопровождал Семью в Ливадию, в Шхеры, за границу, в Ставку — Императора и Цесаревича. Громадная часть жизни лейб-медика была отдана службе Государю. Но ни Вырубова, ни Воейков, ни Буксгевден, ни другие известные и менее известные мемуаристы почти не упоминают о нем.

А между тем Боткин был для Царской Семьи одним из самых близких и дорогих людей. Брат Петр рассказывает в своей записной книжке, как Государь говорил ему однажды, что он очень беспокоится о здоровье Евгения Сергеевича, что тот совсем не бережет себя, слишком много работает и не отдыхает. Только приказ Царя заставил Боткина наконец первый раз за много лет взять отпуск и отдохнуть с детьми у брата

Евгений Боткин (второй ряд, первый справа)
с матерью, братьями и сестрой

за границей. Другой брат, Александр, 15 апреля 1916 года после приема у Императора записал его слова о Евгении Сергеевиче «...Ваш брат. Он для меня больше, чем просто друг, потому что он так беспокоится обо всем, что связано со мной, и переживает вместе с нами все наши болезни...»²

Для Императрицы Александры Федоровны он был единственным человеком из окружения, из светских, кто был равен ей — доктору философии Оксфордского университета, — равный по образованию, воспитанию.

Мемуаристы совершенно справедливо говорят об одиночестве Императрицы, о том, что она была не понята, оболгана и окружена завистниками и злопыхателями; при этом они вспоминают трех-четырёх действительно верных ей людей. Но Боткина среди них не называют. А ведь прочтя «Свет и тени Русско-японской войны» Евгения Боткина, Александра Федоровна увидела в нем не только врача, но человека колоссальной культуры, недюжинного ума, великой души, высокого духа, достойного собеседника, наконец. Именно потому он и был приглашен во дворец лечащим врачом. Это знание о Боткине было никому тогда не доступно, поэтому рассказать о нем современникам оказалось нечего. И потом он был хранителем врачебной и государственной тайны (о гемофилии Наследника никто не должен был знать), и эта миссия тоже отчуждала его от окружающих.

* * *

В канун дня рождения Е. С. Боткина 8 июня 2009 года несколько человек в Петербурге решили собраться, чтобы почтить память этого человека. Он родился в 1865 году в Царском Селе. Для встречи выбрали Санкт-Петербург, особняк его дяди Михаила Петровича Боткина — в начале XX века академик живописи. Особняк по 18 линии Васильевского острова, д. 1 чудом сохранился. Учреждение, занявшее его сегодня, впустило нас и предоставило одну из комнат. А организовал это событие — день памяти лейб-медика последнего Русского Царя — Красный Крест Центрального района Петербурга.

Мы напоминали заговорщиков: нас было немного, и событие, собравшее нас, оставалось никому пока не известным в Петербурге.

Сразу выяснилось (кто-то пришел с календарем), что совсем скоро наступит день памяти святого исповедника архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), врача-хирурга. Подумали, что, видимо, существует некая связь между новомучеником и исповедником, и это может стать темой для раздумья.

Каждый делился своими сведениями о Евгении Сергеевиче как личным открытием. Каждое выступление и было открытием.

Мы составляли грандиозные планы, как добытую информацию, сведения о личности лейб-медика сделать достоянием общества. Ведь не статистические данные и не выкладки историков, часто субъективные, а именно личность, по выражению Куприна, «воскрешает бытие отдаленных времен и народов»³.

Среди приглашенных была Галина Анатольевна Генко*. Она принесла документы матери Лидии Борисовны, урожденной Борисовой, сестры милосердия Георгиевской Общины. Георгиевская Община была любимым детищем Евгения Сергеевича.

Документы реально существовавшей сестры милосердия из Общины, в которой Боткин служил главным врачом?! Это было чудом. Впоследствии еще одним чудом оказалось появление перевода рукописи дочери Боткина, публикуемого в этой книге, и еще некоторые другие события.

В штампе на красивом листе бумаги большого формата было отпечатано: «Состоящая под покровительством Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Община сестер милосердия св. Георгия». А само удостоверение гласило:

«Дано сие Удостоверение причисленной к Общине св. Георгия сестер милосердия Красного Креста № 294 Лидии Борисовне Борисовой в том, что она находилась на службе в Лазарете с 27 ноября 1915 по 1 июня 1917 года (в лазарет Борисова была командирована от Общины — *О. К.*), отличалась все время аккуратным и добросовестным исполнением своих обязанностей, внимательным и сердечным отношением к раненым»⁴. Далее следовала подпись главного врача. Официальная казенная бумага подчеркивала такую важную черту медицинского работника — «сердечное отношение».

Но иначе и быть не могло. Цели и задачи Общины св. Георгия были благородны и дерзновенны: «...Твердой ногой стать против напора бедствий, преследующих человечество в виде жалких гигиенических условий нашего быта, ежедневных

* Галина Анатольевна Генко — геолог, дочь лингвиста-востоковеда Анатолия Несторовича Генко, изучавшего культуру кавказских народов; дважды репрессированного и умершего в тюремном изоляторе от истощения в 1941 году.

болезней, эпидемий, а в случае войны облегчать страдания раненых на поле битвы»⁵.

Евгений Сергеевич был назначен главным врачом Общины св. Георгия 1 января 1898 года. При этом у него оставалось много других обязанностей: врач для командировок при Военном клиническом госпитале, терапевт Мариинской больницы для бедных, преподаватель в Императорской Военно-Медицинской Академии. 6 мая 1905 года был назначен Почетным лейб-медиком Двора Его Императорского Величества, состоял в различных важных медицинских комитетах и обществах. Но заботу и попечение о своей Общине он никогда не оставлял.

«Моя Община» — называл он георгиевцев. Соблюдение традиций, обучение персонала, порядки — все находилось под его наблюдением. Удостоверение Лидии Борисовны от 1 июня 1917 года подписывал другой главный врач: Евгений Сергеевич был арестован в Александровском дворце вместе с Царской Семьей с марта 1917 года. Но «его Община» жила им заведенными порядками, им воспитанным отношением к больному. Собственно, этому и был посвящен рассказ Галины Анатольевны.

«Шла первая мировая война. В палате среди других раненых лежал солдат из крестьян, совсем простой человек из какой-то дальней деревни. После тяжелого ранения он не поправлялся, только худел и пребывал в угнетенном состоянии духа. Ничего не ел — совсем потерял аппетит. К его постели подошел врач: “Голубчик, — обратился он к солдату, — а чего бы ты хотел поесть?” — “Я, Ваше благородие, хотел бы поесть жареных свиных ушек”, — ответил раненый. Послали на рынок, купили свиных ушек. Изготовили и подали».

Здесь каждое слово удивительно. Желание больного раненого «солдатика», как называл русского воина Евгений Сергеевич, было неукоснительно исполнено. Солдатику подали заказанное им блюдо. «Подали», как подавали господам. Далее Галина Анатольевна продолжила: «Больной поел, повеселел и с того момента пошел на поправку». Об этом рассказывала ей мать.

Мы не можем засвидетельствовать документально, что врач, расспрашивавший раненого, был именно Евгений Сергеевич. Когда это было? В 1915-м или 1916-м году? Тогда вполне мог быть и он. Но то, что происходившее было его правилом отношения к больному, мы можем подтвердить.

Одну из лекций студентам в 1903 году Боткин посвятил вопросу: «Надо ли “баловать” больных?»⁶. Рассказывая о состоянии и настроении страдающего от недуга человека, он говорил: «А если он одинок... Если он находится в такой обстановке, в которой болезнь его не только не может пройти, но должна почти неминуемо осложниться? Если он лишен и воздуха, и света, и нужного питания? Что в таком случае делать врачу? Кто же, если не он, позаботится о больном... Но где же при такой безграничности врачебного дела еще возможность “баловать” больного? “Баловать больных”... Кого же и баловать, казалось бы, как не больных, — так по-детски беспомощных и часто так по-детски милых?»

Очень похоже на то, что это именно Боткин разговаривал с тем раненым.

Рассказ Генко произвел ошеломляющее впечатление: настолько необычный подход к больному был нам обрисован. И насколько такой подход нетипичен для нашего времени!

Понятие «милосердие» было упразднено в 1920 году. 22 мая 1920 года народный комиссар здравоохранения Н. Семашко издал приказ № 1026: «...С передачей краснокрестных учреждений органам здравоохранения “Общины сестер милосердия”, имеющиеся в таких учреждениях, ликвидируются... прежние монастырские и иные наименования краснокрестных школ (например, Крестовоздвиженская, Покровская, Утоли моя Печали и т. д.) упраздняются; равно упраздняется и слово “милосердие”...»⁷

Интересно, по какому приказу и согласно какой реформе нам оказывают медицинскую помощь сегодня?

Много на свете специальностей и профессий. Но профессия врача — особая. Пожалуй, в самой клятве Гиппократа отражена сакральная сущность этого служения. Клятва записывалась рукой дающего ее и, вероятно, удостоверялась подписью. Медицинская наука считалась особым тайным знанием. Не любой и каждый мог стать лекарем. Традиция передавалась от отца к сыну или от учителя к ученику. Таким образом, случайные люди медицину не могли изучать и, следовательно, стать врачом. Союз дающего знания и получающего их скреплялся обетом: ученик должен был заботиться об учителе, когда тот станет немощным в старости, помогать детям учителя

овладевать профессией — это тоже записывалось в клятве. Так велика была благодарная память о том, что ученик получил этот дар, и получил его безвозмездно. Он должен был, когда потребуется, отплатить добром за добро. И, наконец, основа клятвы: «Я направляю режим больных к их выгоде... воздерживаюсь от причинения всякого вреда и несправедливости. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного».

Вот как комментирует сегодня этот документ, созданный древнегреческим врачом, ученым и философом Гиппократом, Интернет: «О клятве Гиппократа вспоминают больные, желая мотивировать помощь врача».

Как же трудно сегодня милосердному доктору! Современные приказы предписывают ему тратить на больного не более 15 минут, иначе он не выполнит норму, а именно норма, определенное количество принятых больных, мерило работы.

И все-таки не «норма» критерий деятельности врача. Отец Евгения Сергеевича — известный клиницист, один из основателей отечественной медицины Сергей Петрович Боткин в своей речи на Выпускном акте Академии 17 декабря 1886 года сказал: «Нравственное развитие врача-практика поможет ему сохранить то душевное равновесие, которое даст ему возможность исполнить священный долг перед ближним и перед родиной, что и будет обуславливать истинное счастье его жизни»⁸.

Да укрепит милосердного доктора это осознание своего долга!

Евгений Сергеевич стал врачом, конечно, под влиянием отца (как и его братья, Сергей и Александр). Он прекрасно учился, как братья окончил Академию, причем с отличием, стажировался у лучших специалистов в университетах и клиниках Европы. От отца он усвоил медицину не только как науку, но и как искусство. У Сергея Петровича есть работа, которая так и называется — «Медицина как искусство». Но сын его, Евгений, признавал за медициной еще большее, высшее предназначение. Он ставил ее еще выше, чем науку и искусство. Он считал миссию врача Служением, сродни священническому (об этом его книга «Свет и тени Русско-японской войны»).

Как вспоминает друг С. П. Боткина с детских лет, соратник его и единомышленник Н. А. Белоголовый, Сергей

Петрович не жалел средств на образование и воспитание детей. Перед гимназией они получали прекрасное домашнее образование: кроме предметов по основным наукам, их учили музыке, рисованию, иностранным языкам. В гимназию дети поступали сразу в старшие классы. Но главными воспитателями были, конечно, родители. Белоголовый написал замечательные слова о матери Евгения Сергеевича⁹. Настасья Александровна была красивой, с прекрасными черными глазами, «но что ее делало лучше всякой красавицы — это тонкое изящество и удивительная тактичность, разлитые во все ее существо и бывшие следствием той солидной школы благовоспитанности, через которую она прошла. А воспитана она была замечательно многосторонне и основательно: она была отличная музыкантша и тонко понимала музыку, имела выработанный вкус к произведениям русской, немецкой и французской литературы и всеми этими языками владела в совершенстве. В довершение всего она была очень умна, остроумна, жива и чутка ко всему хорошему и доброму, поэтому внесла в существование Боткина тот мягкий женственный элемент, который при трудовой жизни делает семейный очаг особенно привлекательным». Очень многие черты матери, отмеченные Белоголовым, были свойственны и сыну Евгению. Он рос со своими братьями, согриваемый заботой и любовью матери, до десяти лет. В 1875 году она умерла.

Все в семье воспитывало детей: атмосфера труда, чрезвычайно важные занятия отца, работа его над подготовкой лекций дома. Кроме долгого пребывания в Академии, много времени дома уходило на прием больных. Лестницы до дверей всегда были полны народом, ожидающего приема, — все стремились посоветоваться, получить консультацию, ждали помощи от Сергея Петровича. Когда наконец отец освобождался от трудов к 12 часам ночи, к нему приезжал знакомый профессор-виолончелист из консерватории. И они музицировали. Иногда профессор привозил с собой кого-нибудь из музыкантов, тогда составлялось трио или квартет. Для Сергея Петровича это был настоящий отдых — музыка восстанавливала силы.

Весь Петербург знал и любил знаменитые «боткинские субботы». В этот день у него еженедельно собирались музыканты, поэты, писатели, художники. Хозяин дома был в курсе

всех литературных и художественных новинок, он обсуждал произведения искусства с их создателями с той же серьезностью, с какой ставил медицинский диагноз. Интересны его письма к И. С. Тургеневу, где врач тревожится о слишком резкой и явной, как ему казалось, тенденциозности одного из стихотворений Некрасова. Вникая в его разбор, удивляешься тонкому умению доктора понимать поэзию. Тургенев, Герцен (когда он встречался с ним за границей), Некрасов, Салтыков-Щедрин были его пациентами. А он был не только их доктором, но и другом и ценителем их творчества.

Некрасов посвятил С. П. Боткину четвертую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир», Чернышевский создал одного из своих любимых положительных героев в романе «Что делать?» Кирсанова врачом и придал ему некоторые черты Боткина. Критики того времени считали, что некоторые привычки тургеневского врача Базарова из «Отцов и детей» напоминают Боткина своим интересом к исследованию, эксперименту.

На «боткинских вечерах» в атмосфере творческих споров рождались замыслы поразительных шедевров. Талант участников «суббот» раскрывался во всей полноте, и часто эта атмосфера, пропитанная искусством, открывала неожиданные способности гостей. Зоолог Н. П. Вагнер стал автором уникальных фантастических сказок («Сказки Кота Мурлыки»), химик А. П. Бородин оказался еще и композитором, инженер, строитель фортификационных укреплений Ц. А. Кюи создавал лирические романсы.

Брат Евгения Сергеевича Петр гордился, что на одном из таких вечеров, в детстве, он сидел на коленях у самого И. С. Тургенева. Евгений, будучи младше брата на четыре года, вполне мог видеть тогда знаменитых друзей отца (и тоже сидеть на чьем-нибудь колене). Наверняка ребенком он видел Некрасова и Крамского и слушал игру на фортепиано Антона Рубинштейна...

Евгений в детские и отроческие годы проявлял способности к музыке. Он учился у Балакирева. Спустя годы в письмах к известному композитору он подписывался «Ваш ученик», или «Ваш бывший ученик».

После окончания с отличием Императорской Военно-Медицинской Академии Евгению Боткину, сыну знаменитого

профессора, были открыты любые вакансии. Самые престижные, с самым высоким жалованием. Но он никогда не пользовался авторитетом отца, всего всегда добиваясь самостоятельно. Сверхштатный ординатор Мариинской больницы для бедных — это был его выбор после Академии.

Получив блестящее медицинское образование, он будет знать многие дисциплины: детские болезни, эпидемиологию, практическое акушерство, хирургию, нервные болезни, болезни гортани и носа и другие, — усовершенствовав академические знания, непосредственно от самых опытных и знающих специалистов Европы и отечественных специалистов.

В 1902–1903 годах, одновременно служа в «своей Общине св. Георгия» (Боткин называл ее «моя Община») и в Мариинской больнице, Евгений Сергеевич читает лекции студентам третьего и пятого курсов Императорской Военно-Медицинской Академии. Кроме сугубо научных и специальных предметов, он посвящает студентов в особенности Служения врача; говорит о «высокой степени человеческого отношения к больным, которым отличается русский врач»¹⁰, будучи солидарен в этом с другим замечательным русским врачом и писателем Антоном Павловичем Чеховым.

История сохранила две лекции Евгения Сергеевича, благодаря тому, что они были напечатаны в «Больничной газете».

Познакомимся с тезисами одной из них (чтение лекций входило в обязанности Боткина как приват-доцента). Лектор начинает разговор с примеров, хорошо известных, — каждый встречался в жизни, еще до студенческой скамьи с болезнью и смертью, но больные в больнице, когда они представляют собой большое скопление страдающих, изможденных недугом людей, — явление особенное. Чем отличается их психология, каково их настроение, какова степень их доверия к врачу — все важно, говорит преподаватель. Эта лекция, прочитанная третьекурсникам 18 октября 1897 года, так и называется — «Больные в больнице»¹¹.

Одна из главных тем лекции — научить студентов понимать, насколько важен для диагноза и для будущего лечения «расспрос больного». В этом процессе очень много особенностей и нюансов. Обращает на себя внимание тон преподавателя — особая сосредоточенность в наблюдении за больными. В то время как вы «расспрашиваете одного из больных, остальные

ничем не помешают вам, если будут продолжать свои дела... Напротив даже, если хоть клочок из этой жизни будет проходить на ваших глазах, вы будете иметь возможность между делом подметить многое, что в противном случае ускользнуло бы от вашего внимания... вы увидите больных в их настоящем состоянии, а не в том виде, который они, сознательно или бессознательно принимают *для вас*... Не для того, чтобы уличить больного в симуляции, а чтобы, руководствуясь его слишком субъективными показаниями, не поступить ему во вред»¹². Боткин разбирает в своей лекции случаи тяжелых диагнозов и советует, как пользоваться болеутоляющим, если это необходимо. Объясняет, как понять ощущения больного, когда он сам не привык наблюдать за собой и путается в них. Стоит ли идти ему навстречу, когда дело идет о выписке, и какие здесь могут подстергать неожиданные опасности, ухудшения здоровья.

«Проверяя таким образом субъективные показания и жалобы больных собственным объективным наблюдением, нам еще строже приходится следить за самим собой. Каждому из нас, несомненно, известно, как легко увидеть то, что хочешь увидеть, как легко поверить тому, чему хочется верить, и как легко подыскать более или менее правдоподобные объяснения тому, чего, по нашему представлению, не должно и не может быть, — явлению, которое, так сказать, не стоит в нашей программе... Нужно бояться такого самовнушения, — предупреждает Боткин, — и если врач сделает ошибку на основании собственной самонадеянности и самоуверенности, то эта ошибка тяжелым грузом ляжет на его душу»¹³.

Наблюдая пациентов Мариинской больницы для бедных, Боткин анализирует этот контингент больных, подмечая особенности общения с ними и трудности составления анамнеза, истории болезни. «Получить обстоятельные и толковые сведения... от людей совершенно простых и необразованных представляется задачей иногда очень нелегкой, кропотливой, требующей не только времени, как я уже упоминал вам, но и большого терпения... Больные, часто лечившиеся и перевидавшие немало докторов, станут закидывать, желая подделаться под ваш язык, различными названиями вроде катаров (особенно излюбленное выражение), малокровий, горячек и т. п.; другие, наоборот, в первый раз, может быть,

попав на медицинский допрос, с неохотой будут отвечать на ряд ваших, по их мнению, совершенно пустых, ненужных, а иногда и неуместных вопросов; третьи, наконец, постараются рассказать вам все с самого начала и с самыми мельчайшими подробностями. Это последняя категория больных может показаться самой тяжелой, но я рекомендую ее вам как наиболее поучительную...»¹⁴

Все это было написано более ста лет назад, но как современно звучит!

Популярный сегодня американский многосерийный фильм о враче один из своих захватывающих детективных сюжетов строит на трудности составления анамнеза, опроса больного. Всегда наиболее чуткое к наболевшим проблемам искусство так начинает обращаться сегодня к этой актуальной теме. В наши дни существует теория, согласно которой проводится параллель между психологическими особенностями личности и болезнью, которая наиболее вероятно становится следствием нерешенных проблем — психологических и духовных.

И никакие нанотехнологии, высокооснащенная медицинская помощь не заменят врача, который побеждает болезнь сильнейшим средством — «сердечным отношением», которое рождает доверие больного.

Боткин приводит примеры, как надо разбирать каждый признак проявления болезни, каждое болезненное явление: «Не жалейте на это труда и потраченного времени... пусть он сразу убедится, что все, ему близкое, вас затрагивает искренно, — это будет хороший фундамент для ваших отношений... Раз приобретенное вами доверие больных переходит в искреннюю привязанность к вам, когда они убеждаются в вашем неизменно сердечном к ним отношении. Когда вы входите в палату, вас встречает радостное и приветливое настроение, вы чувствуете в ней бодрый и ясный дух, он тотчас же охватывает и вас, и вам поэтому легко его поддерживать. Эта бодрость духа в палате — драгоценное и сильное лекарство, которым вы нередко гораздо больше можете помочь, чем микстурами и порошками. Только сердце для этого нужно, только опять искреннее сердечное участие к больному человеку...»¹⁵

Вспомним здесь слова Боткина о больных — «так по-детски беспомощных и так по-детски милых». А если такой человек, болея, стал нетерпим со своими жалобами и испортившимся характером, если он неконтактен и капризен? Ответ один: сердечное отношение и любовь.

«У вас еще непочатый край этого чувства — так не скупитесь же им, приучайтесь широкой рукой давать его тому, кому оно нужно, кому оно по праву принадлежит, и пойдёмте все с любовью к больному человеку, чтоб вместе учиться, как быть ему полезным»¹⁶.

Во Франции, под Парижем, в Бужевале, в доме И. С. Тургенева, бережно сохраняемом замечательным ученым и просветителем А. Я. Звигильским, в парадной комнате в красном углу, как икона, висит большая литография¹⁷: толпа людей, крестьян, простолюдинов, слушает урядника, который читает «Указ об освобождении крестьян от крепостного права»; здесь самые разнообразные типы, очень выразительные лица. На картинке — Петербург: площадь от Исаакия и до Адмиралтейства. Художник собрал всех в столице, чтобы ярче запечатлеть это историческое событие. Для Ивана Сергеевича это был главный момент жизни, так же как и для тех, для кого был написан указ. Поражает на этой картине... тишина. Молчание. У каждого в этой толпе сомкнуты уста. Русская литература до этого момента — Пушкин и Гоголь и вся последующая литература и искусство... всматривались всегда в эти молчаливые лица. Вглядываясь в простого человека, посвящали ему свою музу Тургенев, Достоевский, Некрасов, Чехов...

Зная физиологию и анатомию человека, Е. С. Боткин подошел к проблеме изучения его внутреннего мира, его души и духа и в своих лекциях начал рассказывать об этих исследованиях, обнаруживая такое понимание личности, каким обладали великие русские писатели Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чехов... Боткин хорошо знал русскую литературу. Об этом, прежде всего, свидетельствует слог его произведений. Его лекции, «Свет и тени...», письма — это всегда художественные произведения, притом с глубоким профессиональным проникновением в определенную тему. В детстве, дома, конечно, читали вслух; такую традицию Евгений Сергеевич завел и в своей семье, читая вечерами детям, собрав их всех вместе в своем кабинете.

А как они все читали в изгнании! Как каждый вечер, по очереди, в Тобольске в Доме Свободы долгими сибирскими вечерами, собираясь вместе, читали! Аннушка Демидова записывала в своем дневнике: «Воскресенье, 10 сентября... вечером как всегда было чтение. Читал Долгоруков». «Понедельник, 11 сентября... Вечером чтение, читал Государь». «Вторник, 12 сентября... Вечером чтение до 11 часов, читал Боткин»¹⁸.

Царские дети и под арестом, и в изгнании все время продолжают учиться. (Это совсем особая тема...) Из преподавателей присутствуют только Жильяр и Гиббс. По остальным предметам учителей заменяют Родители или Долгоруков, Татищев, Шнейдер... Русскую литературу Царевичу преподает Боткин.

В своем последнем письме среди прочих важных мыслей Евгений Сергеевич упоминает: «На днях, т. е. третьего дня, когда я спокойно читал Салтыкова-Щедрина, которым зачитываюсь с наслаждением...»¹⁹

Литература для Боткина, впрочем, как и для целого его поколения не развлечение, но предмет постоянного обращения — для совета, для душевного успокоения, для поиска ответа на вопрос. Это нечто сродни изучению Евангелия — духовная потребность постоянно обращаться к русской литературе.

Две лекции Евгения Сергеевича, прочитанные студентам, которые дошли до нас, это, по сути, его уникальный труд, который столь же принадлежит медицине, сколько литературе, и представляет собою его вклад в русскую культуру. Это его произведение могло бы быть названо: «Пациент Мариинской больницы для бедных». Жанр этого произведения необычен — лекции. Это оригинальное произведение, будто созданное в спорах и встречах далеких «боткинских суббот» отца. Они сформировались на гранях соприкосновения и взаимопроникновения разных явлений общественного сознания — литературы, искусства, социологии, психологии, философии и медицины.

Евгений Сергеевич изучал больного с его социально-психологическими особенностями, причем, выделяя в особую группу — людей простых, часто необразованных, тех, кто не умел читать, никогда не учился и не привык говорить о себе, прислушиваться к своей боли, анализировать свои ощущения, концентрироваться на личных чувствах. Вспомним дневник

Анны Демидовой. В том потрясении, в котором находились все изгнанники, приехав в Тобольск, она фиксирует не свои ощущения, не волнение, не вопросы: ведь неизвестность обрушилась на них без ясной перспективы и надежды, — она перечисляет, что надо купить, чего не хватает, чтобы организовать быт: ведра, кувшины, умывальники, материал для штопки и т. п.²⁰

Русские писатели рассказывали о своей любви, участии, сострадании к «маленькому человеку». Боткин, ясно представляя свое назначение, учил его лечить и шел к нему непосредственно помочь побороть недуг, если случалась болезнь.

На «золотую полку» классической русской литературы, исследовавшей человека со всем вниманием, любовью и состраданием, именно «маленького человека», как обозначила этого типического героя литературоведческая наука, в один ряд с произведениями замечательных русских писателей встало бы сочинение Евгения Сергеевича Боткина: «Пациент Мариинской Больницы для бедных». Его исследование, в котором он с наблюдательностью ученого-физиолога и провидческой мудростью русского писателя создал собирательный образ «пациента» из бедных слоев населения, с его особенностями жизненного опыта и духовного мира. Это все люди с той тургеневской литографии. Читая лекции Боткина, почему-то слышишь молчание этой толпы на Петербургской площади. Это их призывает доктор расспрашивать со вниманием, не жалеть времени выслушивать их рассказы о себе — они так не привыкли к такому вниманию и так не умеют жаловаться на свою боль...

«...Никогда не обрывайте такого больного, пусть он вам действительно все расскажет с самого начала. Как он понимает и настоящие и предшествующие свои страдания, пусть расскажет и о своих родных, и вы не только приобретете немало анамнестических данных, но можете услышать и о разных интересных терапевтических вмешательствах, либо народных, либо наших же врачебных, видоизмененных самой жизнью. Напротив же, старайтесь, чтобы всякий больной разохотился рассказать вам все, что с ним бывало и что случилось теперь. Понятно, что в этих рассказах может быть и много лишнего... но если вам и придется укоротить его, вам нужно сделать это так, чтобы вы могли все-таки почерпнуть возможно

больше важных для вас и для вашего больного сведений. Для этого вы должны руководить рассказом, должны направлять его, вам нужно уметь слушать. Умение слушать — это то драгоценное свойство, которое располагает к откровенности, которое заставляет чужих людей нести к вам свои заветные мечты и думы, которые заставляют их выкладывать свою душу. Вы спросите меня, как приобрести это умение? Для этого необходимо только одно условие — ваше сердечное участие к больному и искренний интерес к его рассказу»²¹.

Чуть позже, в ходе Русско-японской войны, ему откроется во всем своем величии и глубине духовный мир русского «солдатика, такого же простого “маленького человека”». И он напишет об этом свою книгу «Свет и тени Русско-японской войны»²², по сути — патетическую поэму, воспевающую недостижимую высь и свет духа простого человека — защитника Отечества, которое и стоит, и живо благодаря беззаветной вере и любви есаула Власова, священника Курлова, сестры милосердия Будаговой* и тысячи тысяч рядовых русских солдатиков.

Боткин не успел обобщить свои уникальные наблюдения. Знание, понимание душевного и духовного мира человека — одно из мощнейших средств, которое делает лечение эффективным. По сути, две лекции «Больные в больнице», «Надо ли “баловать” больных», книга «Свет и тени Русско-японской войны» и несколько писем братьям и сыновьям и дочери — вот, пожалуй, и все творческое наследие.

Каким точным словом обладает автор, каким классическим слогом, какой глубиной мысли! И эта малость, дошедшая до нас, дает возможность оценить и писательский талант, и незаурядные способности врача и гениальность личности Евгения Сергеевича Боткина. Собственно, его внимание к «маленькому человеку» — это внимание к каждому из нас. Каждый из нас становится таковым, перед лицом болезни, всегда неожиданной, опасной, всегда неизвестной и грозной. А разве мы и сегодня не та же молчаливая толпа с той Петербургской площади, которая не умеет рассказать о себе и задать нужный вопрос!

* Герои произведения Е. С. Боткина «Свет и тени Русско-японской войны».

Евгений Сергеевич Боткин
среди сотрудников медицинского отделения Красного Креста
в Харбине во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

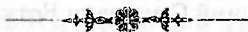
А маленький человек — ребенок?! Будь то Царское дитя или собственное. Боткин не разделял их на своих и чужих. Он любил и своих и Царских одинаково. Как он умел их защитить от болезней неусыпной заботой и любовью, вырывая порой из совершенно непредсказуемого течения болезни! Тиф, корь, краснуха, ангина, воспаление легких, ревматизм, простуда, приступы гемофилии... Оставшись единственным воспитателем и покровителем собственных детей (жена ушла из семьи к студенту Лихингеру), от делил с ними все радости

Д-ръ Евг. Серг. Боткинъ.

СВѢТЪ и ТѢНИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—5 гг.

(Изъ писемъ къ женѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лив., 28

1908.

Титульный лист к книге Е. С. Боткина
«Свет и тени Русско-японской войны»

Е. С. Боткин вместе с сослуживцем на госпитальном дворе в Харбине во время Русско-японской войны 1904–1905 годов

и горести, не снисходя до детского маленького возраста — всегда как с равными. И его дела и заботы тоже становились их заботами и предметом из молитв. Когда Царевич очень тяжело болел, он сообщал об этом своим детям и просил: «Молитесь, молитесь о нем, мои дорогие!»

Когда он был с дочерью и сыновьями, он испытывал состояние счастья. Вдали от них он писал им очень часто письма, выкраивая из своих очень загруженных суток ночи. «Ах детки, детки, детки, мои милые, ненаглядные, дорогие, золотые, неоцененные детки! Чем больше живешь с Вами, чем больше переживаешь с Вами и радостей, и забот, и огорчений (но именно с Вами и за Вас, а не из-за Вас), тем больше сживаешься с Вами и тем труднее от Вас отрываться. Вчера, когда я молился за Вас и за драгоценную нашу Царскую Семью, чувствуя Вас еще так близко, так страшно захотелось хоть еще по одному разику Вас крепко, крепко поцеловать — так хотелось,

так хотелось, что и сказать не могу. Ангелы Вы мои! Да хранит Вас Бог, да благословит Он Вас и да будет Он всегда с Вами, как и я всегда с Вами, всегда около Вас, где бы я ни был...

Поддерживайте и берегите друг друга, мои золотые, и помните, что каждые трое из Вас должны четвертому заменить меня. Господь с Вами, мои ненаглядные...»²³ Дети писали ему почти каждый день.

Мы знаем, как Царевич любил Евгения Сергеевича. Великие Княжны называли его «старый колодец». Великая Княжна Ольга Николаевна сказала однажды: «Когда я вижу вас, Евгений Сергеевич, мне кажется, что я вижу чистую воду в глубине старого колодца» (неволью у нас напрашивается аналогия с евангельским колодцем)²⁴. Марию и Анастасию, рассказывая о них своим детям, он называл «мои малютки». Он был действительно источником добра, оптимизма, источником надежды, — он их всех лечил, облегчал боль; дежурил ночами...

Мысли Боткина о единстве телесной и духовно-душевной сущности человека и значении этого единства через несколько десятилетий обобщит другой врач — святой исповедник архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)²⁵.

К этой своей важнейшей теме Евгений Сергеевич вернется еще раз в Екатеринбурге. Зная (в ЧК ему недвусмысленно дали понять)²⁶, что Царскую Семью и всех, кто с нею останется, ждет уничтожение, Боткин в письме брату Александру²⁷ подытожил весь свой жизненный путь. Это была, по сути, исповедь. Он не знал, когда оборвется жизнь узников Ипатьевского дома и его в том числе, но понимал: это может произойти в любой момент. Нам известно из многих свидетельств, как тяжелы были для заключенных эти екатеринбургские дни. Он ни словом, ни намеком не пишет ни о чем тягостном. Не только из-за цензуры. Чтобы не огорчать брата. Боткин рассказывает о своей жизни легко и свободно, с юмором и улыбкой, он представляет ему всех своих тобольских пациентов — он лечил всю округу, никому не отказывая. Сколько разных удивительных типов обрисовывает автор: самобытных, непохожих один на другой — все это в большинстве простой люд. В его лекциях, если бы он смог их продолжать читать, эти примеры дополнили бы знания студентов.

В этом последнем письме Евгений Сергеевич затрагивает самый главный вопрос: что есть его врачебный долг?

Вспоминая товарищей студентов по выпуску 1889 года, он определяет свой взгляд на профессию врача как следование «Курсовому» кодексу. То есть кодексу, в котором зафиксированы нравственные принципы, которым должен быть верен врач: честно служить делу по клятве Гиппократата.

«Среди нас было мало верующих, — пишет Боткин, — но принципы, исповедуемые каждым, были близки к христианским. Но если кому из нас к делам присоединяется вера, то это лишь по особой к нему милости Божией. Одним из таких счастливых путем тяжкого испытания — потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, — оказался и я. С тех пор кодекс мой значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о «Курсовом» (т. е. не только о соблюдении того кодекса правил, с которыми выпускники выходили в жизнь — *О. К.*), но о «Господнем»»²⁸.

Это удивительные слова, которые трудно вместить. Главное в пережитом горе для Боткина, которое он так и не мог избыть, (как мы знаем из записной книжки брата Александра)²⁹, была открывшаяся ему близость Господа, призыв Его в каждом шаге видеть не правила, не наставления, а «Господнее». И Евгений Сергеевич услышал этот призыв.

Вот почему в его жизни была больница для бедных, вот почему — Община сестер милосердия св. Георгия, вот почему — Русско-японская война, куда он пошел добровольцем, вот почему — Служба Ребенку, «который любит его всем своим сердцем», вот почему, оставляя своих детей в Тобольске, он уезжает с Царской Семейей в Екатеринбург, веря, что Господь их не оставит. И Господь услышал его молитву. Он не оставил детей Царского слуги.

Вот почему Ипатьевская тюрьма.

После того как Боткин отказался от свободы, в ЧК вызывали и Анну Демидову, и Алексея Труппа, и Ивана Харитонову. Слуги, как и Евгений Сергеевич, вернулись в дом Ипатьева, к Царской Семейей.

В книге Боткина «Свет и тени Русско-японской войны» есть эпизод. На брошенном при отступлении полустанке Боткин находит раненого солдата. Тот страшится, что вот-вот нагрянут японцы и санитарная повозка не успеет их вывезти. «Не успеем, — боится раненый. — Успеем, — отвечает

Боткин, — а если не успеем, так я останусь с тобой»³⁰. Раненый успокоился: вместе с Боткиным — не страшно.

Боткин остался с Царской Семей. И со слугами. Вместе с ним было не страшно. Конечно, свой выбор слуги сделали по примеру Боткина. Но сделали его сами.

Сохранилась расписка Алексея (Алоизия) Егоровича Труппа. Такую писал каждый из слуг.

«Желаю продолжить служить б. царю* и подчиниться всем требованиям Комитета Дома особого назначения. Считаю себя на равном состоянии, как и семья Романовых»³¹. Расписка была типовой. Первое предложение Алексей Егорович написал, как требовалось по форме. Закончил расписку он, вероятнее всего, от себя, как считал нужным.

Вот таков простой «маленький человек», слуга, лакей.

Боткин учил понимать «маленького человека» любить его, учиться быть ему полезным.

Этот «маленький человек» научил нас, он открыл нам последним своим свидетельством, (распиской в ЧК), свет своей души и высоту духа. Он — «на равном состоянии» с Царской Семей, с их слугами, с Евгением Сергеевичем Боткиным, потому что таковых есть Царствие Небесное.

II. Царский лейб-медик

«Пролияша кровь яко воду, яко во-о-ду...» — под сводами Петропавловского храма в Петербурге звучали песнопения службы Царственным Страстотерпцам. Был жаркий вечер 16 июля. Церковь заполнили горожане, экскурсанты Петропавловской крепости, богомольцы; праздные туристы и взволнованные высокие гости из-за границы, представители Дома Романовых, приехавшие в День памяти своих родственников. Отвлекала внимание от молитвы торжественная казачья охрана в яркой форме — они тихо, но настойчиво делали замечания, как им казалось, нужные.

Но эти, будто «едиными усты» выпеваемые трагические стихи — «Пролияша кровь яко воду, яко воду...» — настойчиво возвращали сознание к совершившемуся в ночь с 16

* «б. царю» — бывшему Царю. Такая форма применялась для обозначения Императора Николая II после 2 марта 1917 года.

на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге в Ипатьевском подвале. И потрясали невозможностью того, о чем пелось в прокимне.

Как же так? «Кровь яко воду?!» Кровь, этот драгоценный состав, носитель жизни. Если в организме его не хватает — человек умирает. Если в этом драгоценном эликсире отсутствует важный элемент — человек болеет, как Царевич, например. Как же «яко воду»?

Евгений Сергеевич Боткин прошел Русско-японскую войну и видел самые чудовищные ранения и смерти, но вид бессмысленно проливаемой крови на охоте приводил его в ужас, и он просил графа Бенкендорфа никогда не приглашать его на эти великосветские развлечения, даже если ему там надо было присутствовать по долгу службы.

Свою диссертацию он посвятил изучению состава крови — «К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма» (о роли лейкоцитов и значении этих кровяных телец, когда они в норме и при различной патологии).

Когда хотят сказать о самой большой драгоценности, которую готовы отдать как плату за необходимое, говорят: «Готов отдать всю кровь, по капле». О тех, кто защищает свой дом, страну от врагов, говорят: «Пролил кровь за Родину». Старший сын Евгения Сергеевича пролил кровь за Россию, он погиб в начале декабря 1914 года в Первую мировую.

Да, правда, как воду, проливали чекисты кровь своих жертв. В своих хвастливых рассказах «Как я убивал царя» они, между прочим, упоминали о лужах крови в Ипатьевском подвале.

В этой книге Татьяны Боткиной «Воспоминания о Царской Семье», которую она написала в 1980 году, незадолго до кончины, есть такие слова: «Сейчас никто в России не помнит последнего Русского Царя, сама память о нем стерта, а города России носят имена палачей». Она умерла в 1986 году без всякой надежды на то, что на ее родине что-нибудь изменится. Эту книгу она посвятила памяти своего отца.

В 1920 году, чудом вырвавшись из пылающей России, раздираемой братоубийственной войной, Татьяна Мельник-Боткина попадает в Белград (один из типичных путей русских эмигрантов в то время). В 1921 году она издает книгу «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции»³².

Эти «Воспоминания...» есть только у петербургских библиофилов, что свидетельствует об их особой ценности. В 1993 году книга была переиздана в Москве издательством «Анкор»³³. В 2004 году книгу переиздает в Москве издательство «Захаров»³⁴. Отрывки из этих изданий печатаются в разных сборниках, посвященных Царской Семье.

Судьба книги, которую мы представляем Российскому читателю, необычна. Первоначально она была издана во Франции в 1980 году на французском языке. В 1983 году книга переиздается в Германии на немецком. Наша соотечественница Мария Николаевна Давыдова в середине 80-х годов получила это издание в подарок от своих родственников, живущих в Германии. Мы не знаем, как книга попала к Марии Николаевне Давыдовой. Переправить ее через границу, переслать бандеролью было трудно, ибо издание относилось к категории запрещенной литературы: содержание книги было антисоветским. За хранение и распространение подобных сочинений могли дать «статью».

Зная немецкий язык, Мария Николаевна заинтересовалась содержанием — о событиях, описываемых в книге, было мало известно не только ей, но и громадному большинству населения нашей страны, как вполне справедливо и полагала Татьяна Евгеньевна. Мария Николаевна, читая книгу, стала записывать свой перевод. Так заполнила семь толстых общих тетрадей. Эти тетради стали книгой «самиздата» Марии Давыдовой тиражом в один экземпляр. Сочинение Татьяны Евгеньевны в переводе Давыдовой читали друзья, которым переводчик могла доверить запрещенную книгу. И действительно, страницы выглядят потрепанными. Некоторые листы и обложки потеряли «товарный вид». Видимо, у книги было немало читателей, и все они были верные друзья — каждая тетрадь цела, и «самиздат» не попал ни в одни случайные руки. Уже после кончины Марии Давыдовой, в 2007 году, ее дочь Елена Николаевна Давыдова доверила этот перевод подруге матери — Наталье Борисовне Ветошниковой, муж которой был дальним родственником Боткиных. Наталья Борисовна любезно передала эти семь тетрадей нам. Вот этот перевод книги Татьяны Боткиной и есть еще одно чудо, с которым мы повстречались после той памятной встречи в день рождения Евгения Сергеевича. Перевод уточнялся по «французской»

рукописи. Благодаря родственникам Евгения Сергеевича — внуку К. К. Мельник-Боткину, правнучкам Е. К. Мельник и О. Лукиной — мы смогли не только уточнить текст, но и воссоздать стиль, интонацию Татьяны Евгеньевны. Наталья Борисовна также уточнила многие вопросы, касающиеся перевода.

В книге Татьяны Боткиной она перевела сноски, которые были в немецком издании и восполнила обнаруженные купюры, считая своим долгом довести до конца дело, которое начала ее Муся, как она называет Марию Николаевну.

Восполняя пропуски, иногда страницы, иногда абзацы, иногда отдельные предложения, иногда одно важное слово, Наталья Борисовна, следя по немецкой книге, прерывала наше чтение перевода Давыдовой вслух, чтобы прокомментировать текст Татьяны Боткиной. Например, она сообщала, что мнение автора совпадало с мнением ее мамы относительно семьи Георгиевских (о которых рассказано в одной из глав). Это была семья одного круга со знакомыми Натальи Борисовны. Уточняя текст, где описано, как одеты были барышни на уроках танцев, Ветошникова объясняла, в чем красота и уникальность банта-пояса, охватывавшего талию, так как отлично помнит, как ее наряжали на Пасху. На наше удивление, она, смеясь, признавалась, что одну такую ленту хранит до сих пор.

Разве не промыслительно, что сквозь все потрясения века судьба вынесла из потока невероятных трагических и гибельных событий человека, прикасающегося к рукописи Татьяны Евгеньевны, который является ровесником детей Боткиной, а родители Ветошниковой принадлежали к слоям общества, где хорошо знали друзей Боткиных?! И содержание книги понятно ей не из исторических источников, она многое знает об этом времени, людях и судьбах из собственного опыта и помнит свидетельства родных.

Уточняя детали военной формы, чтобы верно перевести фразу, мы не только по историческим книгам добывали информацию, но и по воспоминаниям Натальи Борисовны. Она объясняла устройство шлема (головной убор принадлежал деду в бытность его офицером лейб-гвардии Конно-гренадерского полка). Особенности и отличия генеральской формы также ей хорошо известны.

Дойдя до главы о смутных днях 1917 года — «окайных», по выражению Бунина, — Ветошникова, подтверждая правдивость слов автора, привела случай, когда однажды в ненастную ночь ее деда Николая Ивановича Калугина — генерала царской армии — спас от самосуда разнузданной матросни один незнакомец (одетый также в матросскую форму). Он заслонил его собой и сказал: «Не трогайте его, я его знаю». Второй генерал, сослуживец деда, шедший рядом, был сброшен в воду Мойки и погиб. Сколько генералов, губернаторов, священников погибали тогда страшной смертью от самосуда разнузданной толпы! Митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), генерал Келлер... Незнакомец в матросской форме довел деда до дому, сказал, чтобы его домашние никому не открывали дверь, а если кто-нибудь будет звонить, он сам «разберется». Он остался ночевать у Калугиных, утром уходил, а вечером возвращался. И так было дней десять. После чего он попрощался, сказав, что «больше не нужен», и ушел. Что за тайна кроется в его внезапном появлении? Кто этот человек? Больше никто о нем не слышал. Запомнили фамилию — Соболевский. Впрочем, впоследствии семья не избежала «уплотнения» и репрессий.

В этой «связке» единомышленников, подготавливавших текст книги к изданию, неслучайный человек Лидия Федоровна Капралова — библиограф Российской Национальной Публичной библиотеки. Ее квалифицированная помощь бесценна в работе над комментариями и библиографическими сведениями. На протяжении десятилетий, отвечая на запросы читателей, среди которых и просьбы зарубежных соотечественников, работая над генеалогией родов и семейств дореволюционной России, являясь автором комментариев к книге «Императорский Пажеский корпус»³⁵, к книге «С Царем и за Царя» и многих других, она помогла сделать необходимые уточнения в биографических данных к персоналиям.

Нельзя не сказать еще об одном человеке — Иветте Алексеевне Пашковой, сделавшей компьютерный набор этих семи толстых рукописных тетрадей, порой с трудно читаемым почерком. Это тоже человек не случайный. Ее дед, Сергей Иванович Свечин, участвовал в Русско-японской войне. Мать Иветты, принадлежавшая к «бывшим», была репрессирована, выслана из Ленинграда как жена «врага народа». Иветта

родилась в Сибири недалеко от Тобольска и Екатеринбурга, под Тюменью. Галина Сергеевна Свечина, ее мать, умерла, когда дочери было четыре года. Веселое романтическое имя и добрых друзей в Ленинграде — все, что она смогла оставить дочери. Девочку вывезли из Сибири, друзья и немногие родственники приняли участие в судьбе ребенка. Каждое слово Татьяны Евгеньевны Иветта Алексеевна прочувствовала на своей судьбе, и она тоже свидетельствует о правде этой рукописи.

Такие неслучайные люди готовили эту книгу, и будто каждый, воссоздавая звено за звеном цепи, из своей ладони в другую теплую ладонь передавая свое кольцо другому, соединяли связь времен. Так, будто посланники особой почты, от Татьяны Евгеньевны Боткиной до нас, по особому «тракту», порой тайному, в наше время легальному, но не менее сложному пути, по волнам памяти несли мы послание Татьяны Боткиной о своем отце в сегодняшнюю Россию.

В чем сложность подготовки текста к печати? Необходима точность в слове, ответственность перед читателем, перед автором, перед Боткиными, перед сыном Татьяны Мельник-Боткиной Константином Константиновичем Мельником, правнуками Евгения Сергеевича.

Французский оригинал подготавливать к печати помогала Татьяне Евгеньевне Боткиной ее внучка — Екатерина Константиновна Мельник. Она отредактировала обширную рукопись, много работала со своей бабушкой над текстом. Был собран большой материал. Он разросся до громадных размеров. Задачей Екатерины было организовать текст, подчинить его композиции. Для этого необходим был отбор. Повествование Татьяны Евгеньевны приобрело особую ценность, когда было подкреплено документом, указанным источником. Надо было изучить все эти дополнительные по отношению к основному тексту материалы вместе с бабушкой и опять отобрать главное, отсесть лишнее.

Отсылки к письмам Е. С. Боткина родным должны были в определенной хронологии охватить все основные этапы жизни Евгения Сергеевича и его семьи. Повествование Татьяны Евгеньевны и приводимые ею документы создают эпическое полотно об одном из главных трагических, до сих пор отзывающихся болью в судьбах людей, периодов жизни России.

Ольга Лукина, вторая внучка, проживающая во Франции, прекрасно владеющая русским языком, уточнила некоторые фактические неточности, возникшие из-за особенности перевода текста на русский язык с двух языков. Издать работу Т. Е. Боткиной в 1980 году во Франции помог ее сын Константин Константинович Мельник-Боткин.

Теперь о содержании и авторе.

Как-то Евгений Сергеевич сказал своей дочери: «Все Боткины порядочные оригиналы». В силу своей скромности он не мог выразиться более точно: «Все Боткины на редкость удивительно талантливые люди, каждый в своем роде».

Вот только некоторые имена из этого обширного семейства, прославившего Россию своим служением ее благу. Петр Кононович Боткин — купец-чаеоторговец, снабжавший всю Россию чаем. Вся страна пила этот живительный и бодрящий напиток.

Дети Петра Кононовича (их было четырнадцать) были каждый замечателен по-своему.

Старший сын Василий Петрович (1811–1863, по некоторым источникам — 1869) оставил заметный след в истории русской литературы XIX века. Он был одним из главных ценителей, критиков, рецензентов произведений Л. Толстого, И. Тургенева. А. Фета... С его взглядами считались Белинский, Бакунин, Грановский, Герцен... Статьи Василия Боткина в журналах «Современник», «Телескоп», «Московский наблюдатель» и других отечественных и зарубежных изданиях были посвящены самым актуальным вопросам литературы, искусства, современности. С младшими братьями его разделяла большая разница в годах, и он сыграл очень важную роль в их воспитании и обучении. Большое влияние он оказал на брата Сергея, впоследствии известного врача-клинициста с мировым именем, сделавшего медицину точной наукой, лейб-медика Александра II и Александра III. Брату Дмитрию Василий помог развить интерес к искусству. Впоследствии он стал дипломатом, но главным делом его жизни было коллекционирование произведений искусства.

Михаил Петрович — младший брат Василия Петровича — посвятил свою жизнь искусству. Художественное образование он получил благодаря Василию, умело развивавшему интерес Михаила к рисованию и влиявшему на формирование

его художественного вкуса. Не без его участия Александр Иванов согласился «курировать» Михаила в его занятиях живописью. Собиратель и исследователь произведений искусства, он много сделал в общественных сферах художественной жизни России: участвовал в организации отечественных выставок. В европейских странах представлял работы российских художников. Много сделал полезного в должности директора Музея Императорского общества поощрения художеств, был членом Совета Императорской Академии художеств, за свой счет издавал каталоги художественных выставок и альбомы произведений Александра Иванова. Грандиозная, ценнейшая коллекция произведений искусства Михаила Петровича Боткина после революции значительно пополнила хранилища Русского музея, Эрмитажа и музеев зарубежных стран.

Сыновья Сергея Петровича (братья новомученика Евгения Сергеевича) составили славу России. Дипломат Петр Сергеевич. Военный врач, путешественник, исследователь-натуралист, изобретатель, работавший над созданием подводной лодки, Александр Сергеевич. Доктор медицинских наук, профессор Военно-медицинской Академии, блестящий диагност Сергей Сергеевич. Профессиональный кадровый военный офицер Виктор Сергеевич...

Дочь Евгения Сергеевича Боткина — Татьяна Евгеньевна — не исключение (так же, как ее дети и внуки). Она стала незаурядным талантливым писателем.

У нее была совершенно уникальная память. Внимательный и вдумчивый наблюдатель, она сумела подметить и запомнить множество мелких и характерных эпизодов жизни и быта не только своих близких и дальних родственников, но и знакомых, представителей общества, близкого ко Двору, медицинского персонала госпиталя, гимназических учителей, великосветских семей, знавших отца, и ценивших знакомство с ним; дворянских кругов, выпускников Пажеского корпуса, молодежи Царскосельских полков — словом, в ее повествовании воссоздаются все слои общества, с которыми был знаком ее отец. И опосредованно, из разных эпизодов, связанных со службой отца, Евгения Сергеевича, вырисовывается жизнь Царской Семьи.

Автор описывает быт и время во всех подробностях: жизнь госпиталя в Екатерининском дворце в годину бедствия.

Невероятно, но так было: на одну сестру милосердия приходилось порой до шестидесяти раненых; в помещениях, специально устроенных рядом с дворцом, могли расположиться приехавшие из других городов родственники, навещая своих родных и помогая в уходе.

Царская Семья отдает под госпитали свои дворцы. Царственные особы проходят специальные курсы обучения и своим высоким самоотверженным примером вдохновляют на этот подвиг других. Быть сестрами милосердия не гнушались некоторые аристократки, княгини и графини, представители старинных родовитых фамилий. Их было не так много, вот некоторые примеры. Софья Михайловна Бюнтинг, урожденная баронесса Медем, жена Тверского губернатора, графиня О. Н. Бобринская (урожденная Гартонг), княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, уехавшая в санитарном поезде на войну, баронесса Зоя Романовна Мейендорф (урожденная Вишау)...

Есть и такие, кто устраивал на свои средства частные госпитали и лазареты.

Младшие Царевны Мария и Анастасия тоже работали в госпитале «Марии – Анастасии», организованном Императрицей. Они были малы, чтобы ассистировать хирургам, как старшие в их Семье, но убирали палаты, приходили к раненым со смешными историями и милой детской болтовней. Это поднимало настроение, веселило душу. Цесаревич тоже навещал раненых, его не ограждали от тяжелых впечатлений. Он с интересом слушал солдатские рассказы «про войну».

Автор не только бытописатель, наблюдатель, хронист, в этом Боткина опирается на традиции русской классической реалистической литературы, она — талантливый романист. Из деталей, черточек, наблюдений и впечатлений Татьяна Евгеньевна воссоздает образы своих героев. Причем, описаны все не через «магический кристалл», через который некоторые великие писатели «различали даль свободного романа» — но созданы умением помнить, умением видеть, чувствовать, анализировать. Ее «строительный материал» — художественная деталь, мастерство диалога, точность описания, в котором правда все: цвет, дуновение ветра, настроение. «Иголки лиственниц, обрамлявших террасу, подрагивали от легкого ветерка. Мы собрались вокруг большого самовара, пили чай и наблюдали за косяками диких уток над озером.

Под уходящими лучами солнца стволы деревьев в лесу казались горящими». Оказывается, и такое можно помнить через шестьдесят лет.

По крупицам из отдельных реплик, высказываний разных людей, мимолетных впечатлений, из разных случаев жизни воссоздает автор необычайно притягательный в своей нравственной чистоте образ отца.

Личность Евгения Сергеевича Боткина — история его индивидуальной судьбы, как и другие персонажи, изображена в пространстве и времени исторического потока. И подробная, детальная прорисовка героя, и персонаж, показанный несколькими штрихами, одинаково убедительны. Столыпин, княгиня Юсупова, семья Шуваловых, Воейков, Распутин; персонажи простолудинов, которых не привыкли выводить авторы мемуаров и воспоминаний, широко издающихся нынче в нашей стране. Живо и с любовью описаны автором слуги Боткиных. Каждый со своей неповторимой особенностью и потому хорошо запоминающийся. Василий с его простодушным ответом телефонным абонентам хозяев: «У телефона преданный слуга»; кухарка Феодора, в своей заботе о давно выросшем «ребенке» Юрии. О рослом, плечистом великане она говорит, что он «болтал ножками», сидя на ступеньках вагона поезда, отправлявшегося на фронт. Кучер Федор, денщик Юрия Матвей, Франц Журавский, Царский слуга... И — «преданный» слуга Тевяшовой, донесший в ЧК на вдову генерала...

В разных воспоминаниях личность Распутина представлена мемуаристами очень противоречиво. Татьяна Боткина не ставит точки над «и». Ее интересует лечебная деятельность Распутина, потому что эта сторона его жизни обсуждалась в семье врача лейб-медика. Евгений Сергеевич не скрывал от детей своих взглядов на окружающих людей и, в частности, на Григория Ефимовича — он его не любил. А поскольку каждый приступ болезни Цесаревича был всегда глубоким переживанием и для детей Боткина, они горячо обсуждали все, что касалось лечения, выздоровления Наследника. О состоянии Цесаревича они всегда знали от отца; ждали известий, если его не было рядом, знали из его писем, если письма запаздывали, следили за сообщениями газет. «Молитесь, молитесь, мои дорогие», — писал Боткин детям, когда Алексею было совсем плохо. Татьяна не только приводит реплики отца

и Жильяра, она снабжает свой текст ссылками на новейшие медицинские исследования о гемофилии. Приводимые автором суждения «pro» и «contra» одинаково сильны, что свидетельствует о стремлении автора приблизиться к истине как можно ближе и при этом не быть тенденциозным.

Распутин и Боткин не испытывают друг к другу приязни. Боткин не выполняет просьбу Императрицы — не позволяет Распутину прийти к нему домой, чтобы получить врачебную консультацию (причем лейб-медик не отказывает Распутину в помощи, он сам навещает его).

Императрица, независимо от этих обстоятельств, ценила Евгения Сергеевича и очень сердечно к нему относилась. Так же обстояло дело и с графиней Анастасией Гендриковой. Ее отец был противник Распутина. Но Императрица берет Настеньку фрейлиной к своим дочерям. И мы знаем, как она не ошиблась в выборе. То есть, личность Григория Ефимовича является неким оселком, который дает возможность увидеть еще одну замечательную черту Александры Федоровны — ее непредвзятость в отношении к людям.

Автор обладает уникальным даром видеть «случайное». Как мы знаем, в жизни нет ничего случайного — все взаимосвязано и предопределено Творцом. Но видеть эту взаимосвязь и отмечать неслучайность событий может не каждый, а только тот, кому это дано. Ей — было дано. Мимолетная встреча, будто невзначай пришедший на память случай прослеживаются автором в своей закономерности. А вскользь брошенная догадка становится прозрением. Причем сюжет развивается без тенденциозности и нажима или назидания. Вот почему жанр этого произведения можно обозначить как документальный роман. Особенность движения сюжета, который строится в некоторых его линиях как неисповедимое руководство, будто диктуемое Свыше или данное автору как дар Благодати, ставит это произведение вровень с классической русской литературой. Например, «Детские годы Багрова внука» Аксакова в этом ряду.

Вот примеры развития и движения этого особенного сюжета. В Тобольске, накануне предстоящей разлуки, которая, Боткин понимает, — неминуема, он берет обещание с дочери выйти замуж за Мельника, если тот попросит ее руки. Еще неизвестно, где Мельник, жив ли, помнит ли Царское

Село, но Евгений Сергеевич знает, что жив, и дальнейшее развитие событий доказывает это. И правда, кто бы другой смог спасти Татьяну, вывезти из пылающей России ее и Глеба? Пожалуй, кроме Мельника — никто. Еще в Царском Селе Боткин рассказывает детям о Мельнике: «В соседней палате лежит тяжело раненый офицер из этого же полка. Николай Васильев рассказал мне, что этот юноша исключительной храбрости и интеллигентности. Его зовут Константин Мельник... Чтобы быть в Сибирских стрелках, надо быть действительно необыкновенным». Или другой пример: брат Татьяны Дмитрий знает, что больше не навестит графиню Шувалову, его непонятное поведение, кажущееся невежливым отказом, в ответ на приглашение графини бывать в их доме, выглядит странно. Но после гибели юноши все разъясняется.

Свободно и живо автор описывает действительность, заполненную событиями, но какими-то контрапунктами вдруг мешанина впечатлений концентрируется в неслучайный факт. Вот только один из многочисленных примеров. Счастливое время беззаботного детства. «Хорошие годы» называется глава. В доме звучит музыка. Мать играет сонаты Балакирева и опусы Кюи. Известные пианисты вечерами приходят играть с мамой в четыре руки. Старшие мальчики просят играть Чайковского. Дмитрий не может слушать «Лебединое озеро» без слез. Над его «чувствительностью» подтрунивает Юрий. Младшие дети — Татьяна с Глебом — счастливо засыпают под звуки рояля. Но проходит время. Рояль замолкает. На веранде звучат вечерами вместо музыки взрывы хохота, который мешает детям заснуть. Это появляется в доме циничный и самонадеянный Лихингер. К нему вскоре уйдет мать, и жизнь семьи круто изменится. Музыка в романе Боткиной — как дирижер событий и показатель нравственного здоровья, священное предназначение сопровождать благодать.

Уже мать ушла из семьи. Дети не вспоминают ее имени. В доме бывают разные люди. Родственники, друзья, знакомые. Бывает в гостях госпожа Тевяшова. Автор несколькими штрихами рисует ее удивительный портрет. Перед нами достойный, образованный, благородный человек. Естественно, за происхождение ее впоследствии расстреляют чекисты по доносу. Боткина вспоминает: «Когда госпожа Тевяшова склоняла голову, три больших бриллианта, которые были в ушах,

сталкиваясь с накрахмаленным воротничком ее блузки, издавали нежный хрустальный звон...»

Еще не грянула война. Еще не арестован отец. Еще жив Дмитрий. Еще звучит тихий хрустальный звон...

В эмиграции, чтобы выжить в так невероятно изменившихся обстоятельствах, надо было забыть прошлое, ужас пережитого и войти в новую жизнь, не оглядываясь.

Но Татьяна, как и жена Лота, обернулась. Перед нею все время стояли Содом и Гоморра — Россия, которую раздирают война, голод, террор и воинствующий атеизм. Обернулась, будто надеясь, что страшный морок рассеется и она вновь встретит Царскую Семью, Великих Княжон, Царевича, милых своих братьев и самого дорогого человека — отца.

Восемь месяцев после его расстрела она, не зная о случившемся, надеялась на встречу. Муж и брат скрывали от нее трагедию. Через некоторое время, оставшись жить, узнав правду, она стала вглядываться в прошлое и вспоминать пережитое. Мгновение за мгновением.

Именно после смерти Царской Семьи и отца она стала служить им. Их памяти. И это служение сделалось содержанием ее жизни. Она стала миссионером и воином, выполнявшим свой долг. Главным ее делом стало — помнить, чтобы потом записать. (Может быть, она записывала все время). Чтобы рассказать о Царской Семье и отце всем.

Родственникам рядом с нею было очень трудно. Работы для нее, такой, какую бы могла делать, не было. Хотя в юности она была очень деятельной: опорой отца, хозяйкой дома, распорядителем финансов семьи и карманных денег братьев, экономкой, затем, во время войны, надежной сестрой милосердия в Дворцовом госпитале, в домашнем лазарете, который организовал отец, она научилась выхаживать больных. В Тобольске она постоянно занимается отправкой посылок знакомым, которые голодали в Петрограде и Царском Селе. Она деятельна, живет надеждой и не падает духом. Занимается с Жильером французским. Потом, после отъезда отца с Царской Семейей, пытается добиться разрешения ехать в Екатеринбург, получив отказ, ищет работу и дает уроки английского языка.

Став эмигранткой, Татьяна очень изменилась. Она действительно будто окаменела, превратившись в соляной столб.

Ни трое детей, которых надо было растить, ни бытовые проблемы, которые надо было решать, — ничто не побуждало к действию, не вызывало интереса. Она будто пребывала в состоянии какого-то анабиоза. В 1924 году семья перебралась из Белграда во Францию, где на целлюлозно-бумажной фабрике требовался тяжелый и низкооплачиваемый труд. Другой возможности русским не предоставляли. В 1927 году у Татьяны родился третий ребенок, сын Константин. (Первая — Татьяна родилась в 1919-м, еще в России во Владивостоке, вторая, Елена, — в Сербии). Через два года после рождения сына семья распалась. Их брак не выдержал испытаний: один смотрел в прошлое, другой — в будущее. Татьяна с детьми перебралась в Ниццу. Здесь русскую диаспору объединял православный храм. Его выстроил еще Александр II. Церковь — единственное, что давало Татьяне какую-то возможность побыть в родной стихии. Сын Константин узнал и полюбил православную службу, стал прислуживать в церкви. Затем стал иподиаконом у настоятеля храма, владыки Владимира (Тихоницкого), впоследствии митрополита, сменившего на этой кафедре митрополита Евлогия. Быть может, этот опыт знакомства с Русской Православной Церковью, общение с духовным пастырем, возрастание в вере впоследствии даст нравственную опору уникальной деятельности Константина Константиновича на посту одного из главных консультантов правительства Шарля де Голля.

Татьяна Боткина — свидетель первых политических репрессий, приведших к первому террористическому акту, совершенному новыми властями России по отношению к самым дорогим ей людям — отцу и Царской Семье. А ее сын — стал одним из самых квалифицированных специалистов по антитеррору. К нему обращались за консультацией правительства мировых держав.

Как пишет И. Б. Линдер в предисловии к книге К. Мельника, посвященной современной разведке: «К мнению Мельника на Западе прислушиваются, причем, по обе стороны океана... В России о нем почти ничего не известно, его знают только в профессиональной среде спецслужб».

Но это все будет потом, сначала он пойдет изучать язык. Волей, трудом и талантом добьется самых высоких результатов, обучаясь в Париже в Институте политических наук, станет первым в выпуске.

Его биография насыщена невероятными событиями, которыми всегда полна жизнь человека, занимающегося большой политикой. Риск, мужество, отвага — это в нем, несомненно, от отца Константина Семеновича Мельника, бесстрашного рискованного казака, стрелка 5-го Сибирского полка. Но при всем этом он, конечно же, еще и Боткин. От Боткиных — умение аналитически мыслить и побеждать в больших политических играх одной силой ума и мудрого предвидения. Он «порядочный оригинал», как все Боткины, как сказал бы о нем дед Евгений Сергеевич. Но это уже совсем другое повествование, и в нем Константин Мельник мог бы рассказать современным нашим политикам, как можно было избежать террористических актов в Беслане и Дубровке и предотвратить новые.

Эта книга Татьяны Боткиной — не переиздание первой, вышедшей в 1921 году. Это новое произведение, со своими задачами, другой стилистикой и сюжетом, в нем вкраплено несколько эпизодов из прежней книги, но эти страницы прописаны более подробно.

Задача «Белградской книжки» — как можно быстрее, по горячим следам, сказать о главном: «...как хочется, чтобы побольше истинной правды распространялось об этой оклеветанной, невинной Семье Мучеников» — как она пишет в предисловии. Для своей задачи автор отбирает важные эпизоды, надеясь, что они помогут опровергнуть наветы, клевету и злобные выпады против Царской Семьи. В книге же, изданной во Франции (назовем ее условно «Французской книжкой») главная фигура — отец. Через рассказ о нем мы еще больше, чем из «Белградской книги», узнаем о Царской Семье.

...Обычный день. Евгений Сергеевич уходит утром в Александровский дворец. Дети знают, что сейчас он увидит Цесаревича, за здоровьем которого наблюдает, Государыню, Государя, Великих Княжон. Потом поедет в Красный Крест, потом по своим многочисленным делам, потом навестит нескольких больных, к концу дня он опять увидит Царскую Семью и проверит состояние здоровья каждого. А вернувшись домой, расскажет дочери и сыновьям о своем дне, передаст привет от Царских детей и обязательно какие-нибудь знаки внимания от Императрицы; расскажет, как нравятся Царевичу Алексею рисунки Глеба. Потом вместе с Татьяной просмотрит ее дневник, и они вспомнят еще и другие эпизоды, о которых она

либыла. Потом соберет детей в кабинете и станет читать вслух какую-нибудь хорошую книгу. А старший, Дмитрий, мирно заснет под звуки его голоса, уставший после учебы в Пажеском корпусе, скачек, шумных споров с друзьями и веселых и трудных хлопот этого дня.

Во «Французской книжке» Царская Семья описана по-другому. Здесь они родные, дорогие ее сердцу, очень близкие. Она так же любит их, как отца. И отец так же любил Царскую Семью, как своих детей. В одном из писем брату Петру Евгеньевичу Сергеевичу писал: «...Алексей Николаевич тоже очень радует, а с ним и его очарование. О Родителях я и не говорю: моя любовь к Ним и преданность безграничны... Вчера я участвовал в грандиозной прогулке с Государем... я прошел вместе со всеми шагом Его Величества, но потом отстал и пришел к конечной нашей цели, к каменоломне, только 15 минутами позже... Когда я дошел, наконец, до берега моря... милые Великие Княжны, как настоящие сестры милосердия и добрые спутники мои, встретили меня содовой водой, сохранившей в чудодейственном термосе всю свою прелесть».

... Через два месяца после того, как все ссыльные добрались до Tobольска, Татьяна наконец тоже приехала к отцу. После хлопот с пропуском, устройством в доме Корнилова она начинает осматриваться. Отец подводит ее к окну: «“Эта комната выходит во двор, в котором гуляет Царская Семья”, — сказал он. С бьющимся сердцем я подошла поближе к окну и немного приподняла портьеру. Все время вдоль забора, отделявшего двор от улицы, ходил Государь быстрым и ровным шагом. Справа и слева от него шли старшие дочери в серых плащах и маленьких шапочках из красно-голубой ангорской шерсти. Немного поодаль две младшие Великие Княжны разговаривали с охраняющими их солдатами. Наконец я обрела людей, которые мне были дороги».

«Французские воспоминания...» — эта книга возникла, видимо, именно тогда, когда пришло время полного осознания произошедшего. В России Царская семья оболгана и забыта: «Города носят имена палачей». Быть услышанной на родине невозможно. И тогда дочь Боткина создает книгу для четвертого поколения эмигрантов, многочисленной русской диаспоры.

Быть может, к этой работе Т. Е. Боткину подтолкнул судебный процесс, в котором ей суждено было стать свидетелем.

Речь идет об авантюристке Анне Андерсон, объявившей себя младшей Великой Княжной, Анастасией, якобы выжившей после расстрела. Самозванка была талантлива и хорошо осведомлена и подготовлена. Ее многие признали. Татьяна оказалась плохим свидетелем, хотя являлась одним из главных, она ошиблась. Но именно эта ошибка еще раз характеризует ее как человека, бесконечно любящего Царскую Семью. Вспомним, как она надеялась восемь месяцев, что Царская Семья и отец живы. Чекистские бандиты так замели следы, что следователю Соколову пришлось прежде всего доказывать очевидное: что в Ипатьевском подвале было совершено убийство. Каждая щепка от обрешетки стен подвала, каждое пулевое отверстие было измерено, пронумеровано и приобщено к вещественным доказательствам. Каждое пятно было подвергнуто действию специальных реактивов, и было доказано, что это следы человеческой крови. Палачи жгли, травили кислотой, закапывали, уничтожали улики, чтобы скрыть преступление. Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, мать Николая II, Великая Княгиня Ольга Александровна, сестра Императора, годы не знали ничего о судьбе родных. И надеялись.

За вещественными доказательствами охотились даже за границей. До сих пор неизвестна причина, по которой внезапно скончался следователь Соколов во Франции.

И вдруг возникла Андерсон — и для Татьяны сверкнула надежда: «Все-таки всех уничтожить не удалось. А вдруг и отец где-то живой!» Появился ничтожный шанс, миллионный. Как не поверить?! Она поверила и признала, потому что безгранично любила отца и Царскую Семью и верила в чудо. Поверила — значит, она все-таки не окончательно окаменела, и появилась надежда на ее возможное возвращение к жизни. И потом, не признать так похожую на Анастасию Анну Андерсон Великой Княжной значило для Татьяны еще раз расстрелять Царскую дочь.

Через некоторое время авантюристку Андерсон разоблачили, но Татьяна Евгеньевна не успела узнать об обмане.

...Выросли внуки, которые ее понимали и которым она сумела отдать и свою любовь, и внимание, и время, открыть внутренний мир. Екатерина, дочь сына, стала ее помощницей в подготовке рукописи. Книга была написана и издана, она выполнила свою миссию. Спасшись после кораблекрушения,

запечатала «бутылку» с «посланием». Как «бутылку» выловили из мирового океана, как Мария Николаевна Давыдова прочла «послание», и оно дошло до других, мы рассказали выше.

В книге есть эпизод, когда Боткин с дочерью приезжает в Москву, в дом родственника — коллекционера предметов искусства. Дом забит картинами, фотографиями, вазами, гобеленами. Евгений Сергеевич останавливается, рассматривает фотографии многочисленных родственников и полотна, которыми буквально сплошь покрыта стена. В центре экспозиции, окруженная фотографиями всех многочисленных Боткиных, располагалась картина, на которой было изображено Святое Семейство. Евгений Сергеевич шутливо замечает: «Я так и думал, что в нашем роду есть святые». Эта с улыбкой брошенная реплика тоже оказалась пророчеством. В их семействе действительно оказался святой — это он сам. В 1981 году Русская Православная Церковь Заграницей прославила мученика Евгения Боткина в лике святых.

Он служил своему делу «Верую. Верностью. Трудом», — как начертано на гербе рода Боткиных.

Пример жизни Царского лейб-медика Е.С. Боткина подтверждает Евангельскую мысль о возможности для мирян апостольского служения. Не раз эту мысль подчеркивал митрополит Антоний Сурожский в проповедях 80-х годов XX столетия. Апостольское служение в миру — в выполнении своего гражданского долга. Правило такого служения звучит в письме Боткина брату Петру: главное — «ответственность перед страной и историей».

О таком служении отца день за днем и рассказывает дочь Евгения Сергеевича. Причем на этом пути Боткину приходится

Герб рода Боткиных.
На ленте начертан девиз:
«Верую. Верность. Трудом»

преодолевать нелегкие препятствия. В том же письме Петру от 21 ноября 1909 года из Ливадии он пишет: «Здесь существует так много мелких людишек. Их интриги столь подлы, столь низки, а их непредсказуемые задние мысли так сильно пачкают все, что просто и свято...» Боткин, как щит, ограждал свою Пациентку от великосветской черни. Они требовали раутов и балов. А Императрице нужен был покой и лечение, и лейб-медик «противостоял их невероятным комбинациям», вопреки недовольству «этих людишек».

Он так поступал не только потому, что его ответственность велика, как он писал в другом письме брату 22 сентября 1908 года: «Да, моя ответственность велика — не только перед Царской Семьей, которая ко мне относится очень хорошо, но и перед моей страной и историей...», — он, один из лучших врачей и ученых России, выбрал для себя такое служение, так как душа его требовала другого — жизни «не от мира сего». Он искал места, где «просто и свято», и ради возможности жить по совести, «быть самим собой», он готов был терпеть интриги, «пока люди, с которыми я имею дело, очень далеки от этой грязи».

...Татьяна получает письмо от отца из Александровского дворца, где он арестован вместе с Императором. Он просит дочь упаковать вещи, развезти их по надежным знакомым и освободить квартиру. Она, поглощенная непомерной ответственностью, старается выполнить поручение. Надежными помощниками оказались... слуги. Вот и дрожки у крыльца, хотя никакой транспорт в неразберихе этих дней достать невозможно, ибо все соответствующие службы закрылись. Но у порога суетятся грузчики, укладывают багаж. «Сколько я вам должна?» — спрашивает Татьяна у извозчиков, у простых, неизвестно откуда появившихся людей, которые грузят вещи. «Барышня, нисколько, — отвечают они ей, — ваш отец столько раз бесплатно лечил наши семьи».

Он лечил Императрицу и Наследника, Княгиню Шувалову и Графиню Юсупову, пациентов Мариинской больницы для бедных, раненых солдат — самых простых людей: слуг, извозчиков, конюхов, приказчиков, сапожников. Их и их семьи. И причем — бесплатно. В Тобольске «он не пропускал ни одного дома, самого скромного и отдаленного и не отказывался даже зимой, когда было очень холодно», — вспоминает дочь.

...Идет Первая мировая война. В доме Евгения Сергеевича несколько гостей, он приглашает их, чтобы немного скрасить настроение сына Юрия, который с трудом поправляется после плена и изнулившей его почти до крайности болезни. Приносят телеграмму. Боткин читает, складывает и убирает в карман, продолжая беседу с гостями, как хозяин дома заботливо поддерживая атмосферу гостеприимства и дружеского общения. Вечер кончился. Провожая последнего гостя, сенатора Лопухина, он вынимает телеграмму из кармана и читает ее другу. В ней сообщается о гибели в бою старшего сына Дмитрия. Это случилось 3 декабря 1914 года. Лопухин потрясен: как он мог продержаться весь вечер с этой телеграммой в кармане?! Евгений Сергеевич объясняет, что не мог нарушить покой гостей, и потому ничего не сказал. «Ты удивительный», — сказал потрясенный сенатор.

За весь год, что отец проживет после этого трагического дня, произойдет множество событий. К ним из части приедет однополчанин с вещами Дмитрия. Каждый день Евгений Сергеевич будет приходить в Александровский дворец на свою службу. Он будет, кроме выполнения своих медицинских обязанностей, общаться с Царскими детьми и особенно много разговаривать с Цесаревичем. Он будет лечить вместе с Гедройц Вырубову после травмы, случившейся при крушении поезда, пригласит к себе жить молодых офицеров, ожидающих отправки на фронт, организует в своем доме небольшой лазарет для раненых; будет приглашать каждый вечер друзей своих сыновей и подолгу беседовать с ними — Львом Корбе, Андреем Дидрихом, Михаилом Безобразовым, восполняя их потребность в дружеском общении и мудром совете.

Он будет каждый день посещать госпиталь Царского Села, врачаю, консультируя. Он выйдет за этот год, кроме множества других, двух раненых, судьбы которых окажутся впоследствии связанными с судьбой семьи. Это Николай Васильев и Константин Мельник. Он выйдет сына Юрия и опять отправит его на фронт. Он обучит Татьяну в своем домашнем лазарете необходимым навыкам ухода за больными и ранеными. Он несколько раз побывает в Ставке, сопровождая Государя и Наследника, будет очередной раз биться за жизнь Цесаревича Алексея. Перечень можно продолжать. Много разных событий больших и незначительных произойдет за весь

1915 год. И все равно это будет бледное отражение его подлинной, истинной жизни, потому что он уже давно не просто проживает день за днем, а идет крестным путем. Жизнь его давно уже стала житием. Эта мысль читается сквозь строки письма брату, когда он просто и искренне рассказывает о себе, приоткрывая Петру глубину своего страдания и тем самым и меру этого страдания, тайну своего бытия. Он исповедуется братьям в письмах, из которых можно догадываться, какой тяжести крест он несет. (Вспоминаются здесь и письма 1918 года к братьям Петру и Александру.) «Если тебе было трудно написать мне после громадного несчастья (имеется в виду гибель сына Дмитрия на фронте), то ты можешь представить мое страдание, когда я прикасаюсь к этой открытой ране... за время этих 365 дней я видел и говорил с сотнями, тысячами людей, я лечил и делил с ними горе и радость, но все время, что я бодрствовал, меня не покидало чувство внутреннего горя... Царское Село 30/XI-1915 года (годовщина смерти сына)». О мере этого страдания можно догадаться, если вспомнить еще одну строку из письма брату о том, что в начале войны он *пожертвовал двумя своими сыновьями*, отправив их на фронт. И сила этого стона — одна из Евангельских аналогий.

Сказано: «Пусти свой хлеб по водам». Боткины принесли человечеству, не отдельному человеку (хотя и это очень много), но человечеству, столько добра, что, отданное когда-то людям оно постоянно возвращается уже другим поколениям.

...Татьяна и Константин Мельник на Дальнем востоке. За Мельником идет охота, его ищет новая власть. Семье необходимо немедленно скрыться, покинуть Россию. Дядя Викар, брат Евгения Сергеевича, уже сделал, что мог; он вызвал их во Владивосток, дальше необходимы документы, чтобы сесть на пароход какой-либо страны, чтобы уйти от преследований, чтобы бежать. Японцы готовы оказать услугу эмигрантам, но предлагают «сущую мелочь» — шпионить за дядей, занимающим серьезный пост в Британской миссии. Не могут помочь и англичане: пароходы переполнены. Спасают югославы. Славяне помнят еще Сергея Петровича Боткина, которого почитают на их родине за самоотверженную помощь раненым в Русско-турецкую войну в 1877 году, знают Царского лейб-медика. «Дочери такого человека обязательно надо помочь», — решают они и помогают.

В воспоминаниях австрийского пленного Мейера есть, на наш взгляд, важная подробность.

В революционный штаб по предложению Мебиуса еще раз вызывают Боткина (из воспоминаний ясно, что до этого случая Боткина уже вызывали). Белобородов, Маклашевский и доктор Милютин присутствуют при разговоре. Мейер пишет о Евгении Сергеевиче: «...он был в военной форме, не снял погон (как требовали охранники), со стражей в доме Ипатьева держал себя грубо, как будто она была ему подчинена».

В ответ на предложение комиссаров о свободе: «Мы только считаем своим долгом вас предупредить о вашей личной гибели...»

Боткин ответил: «Я вас благодарю, что вы идете мне навстречу... Но помогите этой несчастной Семье. Вы сделаете хорошее дело. Там в этом доме цветут великие души России, которые облиты грязью политиков. Я благодарю вас, господа, но я остаюсь с Царем».

Там, в Ипатьевской тюрьме, у Государя было время и возможность обсудить с Боткиным все обстоятельства своего «отречения», проанализировать тактику продажных генералов. Пожалуй, за этим последним обращением к палачам с просьбой помочь «этой несчастной семье» стоит точное знание всех обстоятельств предательства. Он знал истину; наверняка Государь доверил ему тайну «отречения». И Боткин пользуется последней возможностью, образумить палачей, взывает к милосердию.

Последние его слова, которые слышал кто-то из охранников, были: «Ваше Величество, — обратился он к Императору, — давайте я помогу Вам нести Алексея Николаевича, я вижу, как Вы устали».

Это обращение не только естественное для лейб-медика, соблюдение этикета, вошедшего в плоть и кровь придворного. Это последнее обращение последнего верного Государю генерала, который против всех грязных политиков, стоял с ним рядом, зная тайну молчания Императора.

* * *

Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина скончалась в 1986 году в предместье Парижа Фонтене-о-Роз. Похоронена

на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Последние годы она жила у дочери Елены, потом ей помогала дочь Татьяны, внучка Ольга (по мужу Лукина). Екатерина и Ольга окружили ее заботой и любовью. Кончина Татьяны Евгеньевны была «тихой, мирной, не постыдной, не лицемерной» — так молится каждый православный, прося о таком отходе ко Господу как об особой милости. И, может быть, потому Господь исполнил ее христианскую молитву, что она сумела выполнить свое предназначение — рассказать миру о своем отце и Царской Семье?

* * *

Третье важное событие, которое произошло после того памятного дня рождения Евгения Сергеевича, — нам после молитвы в храме Петра и Павла 16 июля в день Памяти Царственных Страстотерпцев и Их верных слуг была передана открытка, в которой представители Дома Романовых благодарили за совместную молитву.

И вспомним: все-таки под сводами храма звучит мелодичный трагический, грустный, незабываемый прокимен, звучит!

Ольга Ковалевская

16 октября 2009 года.

Санкт-Петербург

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Доктор больницы для бедных

- ¹ Слова из письма Е. С. Боткина брату Петру, написанного из Царского Села 30 ноября 1915 года // *Amelia Battistelli Zaoli*. Dr. Aleksandr Sergeevic Botkin capitano di Fregata, addetto Scientifico Politiko e Militare dello Zar Nicolò II. Edizioni Casa bianca. San-Remo. Maggio, 1996. P. 27.
- ² *Amelia Battistelli Zaoli*. Указ. соч.
- ³ *Куприн А. И.* Дневники и письма // *Скорбный ангел*. Сост. С. В. Фомина. М.: Общ. Святителя Василия Великого. 2005. С. 556.
- ⁴ Архив Центрального местного отделения Санкт-Петербургского регионального отделения Общероссийской организации «Российский Красный Крест». Папка: сестры милосердия.
- ⁵ Исторический очерк Общины сестер милосердия св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетие (1870–1895). СПб., 1895. С. 2.
- ⁶ Вестник С.-Петербургского Врачебного Общества взаимной помощи. 1903, № 4. Типография Министерства Путей Сообщения. СПб., 1903.
- ⁷ *Кунките М. И.* Проблемы источниковедения... // Материалы 1-й Санкт-Петербургской открытой научно-практической конференции по вопросам истории и развития сестринского дела и среднего медицинского образования в России. СПб., 2006. С. 6.
- ⁸ *Боткин С. П.* Курс клиники внутренних болезней. Т. 2. М., 1950. С. 25.
- ⁹ *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901. С. 258.
- ¹⁰ *Боткин Е. С.* Вступительная лекция, читанная в Военно-Медицинской Академии студентам III курса 18 сентября 1897 г. // *Больничная газета*. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Литография «Освобождение крестьян от крепостного права 19 февраля 1861 года». Типолитография торгового дома Е. Коновалова и К°. М., 1861.
- ¹⁸ Дневник Анны Демидовой // *Ковалевская О. Т.* С Царем и за Царя. М.: Русский хронограф, 2008. С. 69–70.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1, д. 12, л. 1–4.
- ²⁰ *Ковалевская О. Т.* Указ. соч. С. 66.
- ²¹ *Боткин Е. С.* Вступительная лекция... С. 1–14.
- ²² *Боткин Е. С.* Свет и тени Русско-японской войны. 1904–1905 гг. (Из писем к жене). СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908.
- ²³ *Кадетская Переключка*. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк. XXXIII год. 2003. № 74. С. 140–141 (письмо от 16 марта 1914 года).

- ²⁴ *Botkin Tatjana*. Meine Erinnerungen an die Zarenfamilie. Muenchen-Wien. Albert Langen. Georg Mueller. 1983. S. 435.
- ²⁵ *Войно-Ясенецкий Лука*. Дух, душа и тело // Жизнь с Богом. Брюссель, 1978.
- ²⁶ *Мейер И. П.* Как погибла Царская Семья. М., 1990. С. 16–17.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1, д. 12, л.1–4.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Amelia Battistelli Zaoli*. Указ. соч. С. 33–34.
- ³⁰ *Ковалевская О. Т.* Указ. соч. С. 171.
- ³¹ Внук повара Харитонов Валентин Михайлович Мультиатули-Харитонов написал об этом нравственном выборе стихи «Четверо слуг». См.: *Ковалевская О. Т.* Указ. соч. С. 11–12.

II. Царский лейб-медик

- ³² *Мельник Татьяна*. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. Белград: Всеславянский книжный магазин М. И. Стефанович и К°, 1921. 83 с.
- ³³ *Мельник Т. Е.* Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М.: Анкор, 1993. 206 с. (К 380-летию Дома Романовых и 125-летию со дня рождения Николая II).
- ³⁴ *Мельник-Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской Семье. М.: Издательство «Захаров». 2004. 160 с. (Серия «Биография и мемуары»).
- ³⁵ Пажеский Его Императорского Величества Корпус: страницы истории. USA. Oregon: Verdant House Publishing. 2005. 344 с.

Татьяна Боткина

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Памяти моего отца —
доктора Евгения Боткина,
лейб-медика русской Императорской Семьи,
убитого вместе с ней 17 июля 1918 года
в Екатеринбурге (Сибирь)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Июль, 1918. Колеблются основы новой советской власти. На окраинах Российской империи восстают целые провинции. Находящиеся в Сибири войска Белой армии и Чехословацкого корпуса продвигаются к центру России. Несмотря на угрозу контрреволюции (Ленин утешается: «По крайней мере мы продержались дольше, чем Парижская коммуна») у большевиков все-таки есть значительные успехи. Они доверили Троцкому создание Красной армии и готовы не на жизнь, а на смерть бороться за светлые, увлекающие за собой идеи, провозглашенные большевистским мессией «Ильичем». Белые, напротив, раскололись: наметились всевозможные противоречивые тенденции в их политических кругах, их генералы, адмиралы и атаманы могут предложить народу лишь борьбу за конституционное собрание, за «Отечество, честь и свободу».

В этой суровой и дикой стране только один-единственный человек может оказать сопротивление новой власти — законный Государь. Хотя в феврале 1917-го он отрекся от престола и в политических кругах его не очень ценят, но как символ авторитета и порядка, как наследник тысячелетних традиций, Государь смог бы направить выступление восставших народных масс в другое русло, и тогда, возможно, мятеж Советов превратился бы в одно из не имевших серьезных последствий крестьянских восстаний, как это случилось при Иване Грозном, Петре Великом и Екатерине II, когда бунтовщики были разгромлены.

Отрекшийся от престола Государь не обладал ни темпераментом, ни способностями тирана. Он был сослан Временным правительством в Сибирь, между тем как Белая армия находилась от него всего в двух-трех днях марша. И тогда Ленин решается не рисковать — Царь должен умереть!

После отречения и заключения в Тобольске Царь пережил крушение первой попытки вернуть его в Москву. В это время в России царила анархия, и местный Совет Екатеринбурга на Урале задержал его поезд. 30 апреля 1918 года рабочая милиция перевела сверженного Императора в дом инженера Ипатьева в Екатеринбурге. Красные назвали его «Дом особого назначения».

Царь не один. С ним Государыня Александра Федоровна, внучка королевы Виктории, и их дочери — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет. «Старшая — Ольга, — вспоминает один красноармеец, — бледная и болезненная, глаза ее большей частью были печальны и опущены. Вторая, Татьяна, приветливо улыбалась, если охрана вела себя прилично. Мария, если б ее накормить досыта, стала бы настоящей русской красавицей. Она была улыбчива, глаза ее так красиво блестели, на нее было радостно смотреть. Маленькая, Анастасия, была очень живая, всегда со своей любимой собакой, постоянно гримасничала, как в цирке»*.

Здоровье Царевича Алексея — главная забота Царской Четы. Ребенок болен. С раннего детства он страдает гемофилией; малейший ушиб или легкий удар вызывает кровотечение, которое никто не может остановить.

Свидетельствует один красноармеец из екатеринбургской охраны: «Его лицо было бледно и прозрачно, он еле ходил, и отец носил его всегда на руках. Его мать жила, в сущности, только для него, но каждому было видно, что

* Убийство Царской Семьи вызвало появление целого ряда сомнительной литературы. Поэтому я строго придерживаюсь высказываний непосредственных свидетелей, взятых из официального следствия следователя Соколова, а также частных исследований, которые профессор Сперанский провел в 1924 году в Екатеринбурге (*здесь и далее примечания автора, кроме особо оговоренных случаев*)¹.

миленький Алексей, даже если его перевести в самые лучшие места мира, не жилец на этом свете»². Горсточка преданных делит с ними плен в доме Ипатьева. Это — комнатная девушка Анна Демидова, камердинер Алексей Трупп, повар Иван Харитонов, покинувшие вместе с ними Царское Село.

Большевицкая революция не жалеет и «маленьких людей». Однажды Климентий Нагорный, матрос, приставленный к маленькому Алексею, выступил против солдат, обижавших Цесаревича. После этого его бросили в тюрьму «в ожидании выстрела в затылок», который, по высказыванию одного красноармейца, «должен напомнить этой каналье, что нельзя сопротивляться рабоче-крестьянской власти»³.

Еще один человек, большой, массивный, с исхудавшим лицом, делил страдания Царской Семьи и наблюдал за здоровьем Наследника. Он — врач Их Императорских Величеств, представитель знаменитой русской семьи врачей — доктор Евгений Боткин. Этот человек — мой отец. И если я сейчас в состоянии все это писать, то только потому, что меня спасло чудо. Мне было 19 лет, когда я последовала за моим отцом в Тобольск. После перевода всей Царской Семьи в Екатеринбург я просила разрешения ехать вместе с ними. Комиссар мне ответил: «В Екатеринбург я могу вас взять, если вы этого действительно хотите, но заключенных вы видеть не будете». И я осталась в Тобольске. Все остальные преданные люди, поехавшие с ними в Екатеринбург, были уничтожены.

Жизнь в «Доме особого назначения» — ад. «Когда Их Величества прибыли, их подвергли тщательному и грубому обыску, — свидетельствует камердинер Чемодуров. — Еда плохая... В два часа охрана приносила им обед. Он состоял из бульона и мясного блюда. Зачастую мы имели на шесть человек пять ложек. Прогулка в саду была разрешена один раз в день пятнадцать-двадцать минут. Великие Княжны спали на полу, так как кроватей им не дали»⁴. «Поведение охраны, особенно в отношении девочек, было отвратительно, — рассказывал Нагорный еще перед смертью. —

Без разрешения и охраны красноармейца они не смели даже сходить в клозет. Вечерами их заставляли играть на рояле»⁵.

Показания красноармейца Проскурякова: «Вениамин Сафонов вел себя невероятно отвратительно. Для всей Царской Семьи был только один клозет. Вокруг него Сафонов написал похабства. Однажды он забрался на ограду под окно и пел неприличные песни. Андрей Стрекотин рисовал в комнатах первого этажа неприличные карикатуры...»⁶ Другой красноармеец рассказывал: «Этим молодым деревенским парням, несущим вахту, было трудно хотя бы мысленно избежать искушения, чтобы подавить свои мерзкие инстинкты. Они издевались над беззащитными молодыми девушками. Позже наши товарищи по охране стали человечнее, но эти унижали и обижали девочек, шпионили за малейшим движением. Мне часто было их жаль. Когда они играли на рояле музыку для танцев, они улыбались, но из глаз их текли слезы на клавиши»⁷. Здоровье ребенка, истекающего кровью, занимало охрану меньше, чем их порнографическая писанина на стенах. «Когда доктор Боткин говорил с комиссаром, — рассказывает один красноармеец, — его лицо выражало презрение. Комиссары его терпеть не могли, при каждой его просьбе о помощи больному наследнику они приходили в ярость»⁸.

Но это обращение казалось большевикам недостаточно жестоким. Красноармейцы — это русские рабочие из соседних предприятий. Впрочем, со временем они начинают испытывать жалость к Царю.

Рассказывает один охранник: «Я получил возможность понаблюдать за Царем, я знал, что он одной расы с нами, но его взгляд, его манеры, его походка — все было иным, чем у простых смертных. Обычно он сидел на солнышке с опущенным взглядом. От него исходила какая-то особая сила, она чувствовалась. Николай Александрович был очень сдержан, каждому он мог сказать что-нибудь подходящее приветливым тоном. Его голос звучал мягко, но ясно, его манеры были исключительно благородны. Если какой-нибудь из наших грубиянов под действием

алкоголя говорил ему подлости — он отвечал вежливо и терпеливо. Его платье было заштопано, а сапоги полностью изношены, его камердинер рассказывал, что перед революцией его господин носил то же самое и ту же обувь. Мне довелось два раза с ним поговорить. Первый раз я нес службу в саду. Это было весной, когда Царскую Семью вывели на прогулку, — Царь подошел ко мне, посмотрел на меня спокойно и сказал так, как будто мы были давно знакомы: “Погода прекрасная для полевых работ, не правда ли?” — “Да, — ответил я, — для крестьянства теперь подходящее время”.

Слово за слово, мы поговорили тогда об урожае и цене на пшеницу... Во второй раз Николай Александрович был удручен и подавлен, по-видимому, потому, что все газеты были тогда полны сообщениями о дезорганизации Армии. Я сидел на маленькой кушетке рядом с входной дверью, держал свое ружье и дремал. Царь только что помылся, и через плечо у него висело полотенце. Я вскочил и приветствовал его. Он сказал только: “Добрый день. Я помню, как мы с вами однажды беседовали. Расскажите, что вы слышали о войне”. Не повышая голоса, я ответил: “Русские воюют теперь друг против друга, брат против брата”. Он слушал и просто сказал: “Да, да, действительно жаль нашей Родины”⁹.

Свидетельские показания красноармейца Якимова: «Для меня Царь был первым капиталистом, который жмет руку только капиталистам, а ни в коем случае не рабочим. Я не хотел Царя, и я думал, что для пользы Революции его надо хорошо охранять до того момента, пока народ не рассудит, предал он Отечество или нет. Но если бы я знал, что его убьют так, как это случилось, я никогда не пошел бы в охрану. То, что случилось, я считаю несправедливым и зверским. Убийство его Семьи еще хуже»¹⁰.

Эти чувства, высказанные простыми красноармейцами, — скандал для большевиков: власть большевиков не может ни в коем случае допускать такого сочувствия и возмущения мысли о справедливости. Наоборот: брат должен идти против брата и кровь должна проливаться

без суда. Как бы ни соответствовал этому «эталону» такой командир-красноармеец, как Авдеев, по свидетельству его подчиненного Якимова, «пьяница, злой, малообразованный грубиян», отказывавший в любой просьбе заключенных словами «идите к черту», «он, будучи мало бдительным, должен был бы быть сразу снят со своей должности»¹¹.

4 июля чекист Яков Юровский принимает командование над «Домом особого назначения». Приказы Юровскому приходят непосредственно из Москвы. Он получает указания от председателя ЧК Якова Свердлова лично через военного командующего Уральским округом Шаю Голощекина и Александра Белобородова, председателя Окружного Совета и заместителя комиссара внутренних дел. В лице Юровского ЧК нашла превосходного исполнителя. «Он любил, — говорил его брат, — если ему удавалось мучить людей»¹². Один из его товарищей по оружию сказал: «Так же, как и я, он потерял на военной службе всякий стыд, он был санитаром при Пермском пехотном полку, позже в лазарете в Екатеринбурге фигурировал как фельдшер и был заносчив до невозможности... Случай помог ему стать комиссаром, и он научился зверской чекистской хватке»¹².

Принимая командование, Юровский распорядился, чтобы отделение красноармейцев русской национальности осуществляло только внешнюю охрану дома Ипатьева. Внутри господствовали десять чекистов, которых он привез с собой: пять инородцев, в основном латышей, и пять военнопленных из немцев или австро-венгров.

Далее дело пойдет не об уничтожениях и оскорблениях, а об убийстве.

В воскресенье 14 июля священник Сторожев был отправлен в Дом Ипатьева, чтобы отслужить для заключенных обедницу. Он свидетельствует:

«Войдя в комнату коменданта, я нашел там тот же беспорядок, ту же грязь, ту же запущенность, как и при моем первом посещении. Юровский сидел у стола, пил чай и ел хлеб с маслом...

“Вас зовут С-С-Сторожев?” — спросил он растягивая первую букву моей фамилии.

“Сторожев”, — ответил я.

“Да, правильно, — сказал он. — Вы уже служили один раз здесь?”

“Да”.

“Ну и повторите это сегодня”.

Я вошел первым, затем диакон и последним Юровский. Одновременно из двери, ведущей в спальню, вышел Государь с двумя дочерьми. Перед аркой я увидел Государыню с двумя другими дочерьми и Царевича. Он сидел в кресле на колесах. На нем была матросская рубашка. Он был бледен, но не такой бледный, как в мое первое посещение, его взгляд был живее. Государыня тоже выглядела бодрее...

Обычно в определенном месте службы читается молитва “Об упокоении душ усопших”. Я не знаю, почему диакон вместо того, чтобы читать эти слова, запел их. И хотя я был удивлен этим, но тоже присоединился к пению. Как только мы начали, я услышал, как сзади меня все члены Царской Семьи опустили на колени.

Эту молитву поют только при отпевании на похоронах. В других случаях ее читают. Молча покинули мы с диаконом дом Ипатьева. По дороге диакон сказал мне: “С ними должно что-то произойти”. Эти слова соответствовали и моим ощущениям. Я остановился и спросил его, почему у него такие предположения. “Да это наверно так. Они совершенно другие, чем в прошлый раз”¹⁴.

Показания Виктора Буйвида — зажиточного крестьянина, живущего напротив дома Ипатьева:

«Я хорошо запомнил ночь с 16 на 17 июля 1918. Мне не спалось. Около 12 я вышел во двор, так как меня затошнило. Пока я там стоял, я услышал 15 глухих выстрелов — один за другим. Потом 3 или 4 одиночных револьверных. Было, должно быть, около 2-х часов ночи»¹⁵.

Свидетельские показания Филиппа Проскуракова:

«Утром во вторник я стоял до 10 ч. на посту. Егор Столов с Сысертского завода, с которым я жил в одной комнате, был в это время на вахте в первом этаже. Когда нас сменили, мы оба ушли, пили денатурат и после обеда пришли

домой, так как в 5 часов мы должны были опять идти на посты. Когда Медведев увидел, что мы оба пьяны, он запер нас в ванной, которая выходила во двор дома Попова, и мы спали там до трех часов утра. Потом Медведев пришел к нам, разбудил и крикнул: “Вставать быстро!” — “А что надо?” — “Вас зовут, пошли”. Было 3 часа ночи, так как у Столова были часы, на которые он посмотрел. Мы встали и пошли за Медведевым. Он повел нас на первый этаж дома Ипатьева, где собрались все рабочие охраны, кроме тех, что были на посту. Комнаты были полны пороховым дымом. В задней комнате с зарешеченным окном, которая находилась рядом с чуланом, на стенах виднелись следы пуль, на полу тоже. Особенно видны они были на одной стене. Вокруг дыр от пуль были видны пятна и брызги крови. На полу стояли кровавые лужи. В других комнатах тоже были кровавые лужи, так как через них переносили трупы во двор. Я понял, что недавно здесь было расстреляно много людей»¹⁶.

Из допроса Павла Медведева, сапожника, работавшего на Сысертском заводе, вступившего в апреле 1917 г. в партию, командира красногвардейского отряда в доме Ипатьева:

«16 июля около 7 ч. вечера Юровский распорядился отобрать у охраны все револьверы. Всего было 12 наганов, которые я принес и положил ему на стол. Утром он удалил маленького лакея* и отвел его к охране в доме Попова. Юровский мне ничего не объяснил. Только, когда принимал от меня оружие, сказал: “Сегодня мы расстреляем всю Семью”. В 10 он велел мне объяснить охранникам, что, когда они услышат выстрелы, чтобы не поднимали шума... В полночь Юровский разбудил Царскую Семью. Все встали, оделись и примерно через час вышли из своих комнат»¹⁷.

Показания Анатолия Якимова, токаря с Юговского завода:

«Было примерно час ночи по старому времени или 3 часа по новому, когда все пошли в комнату № 1 на первом

* Леонида Седнева, племянника Ивана Дмитриевича Седнева (прим. О. К.).

еще. Клещев хорошо видел их точно, как они шли через двор в вестибюль. Впереди Юровский и Никулин, за ними следовали Царь, Царица, их дочери, Боткин, Демидова, Групп и повар Харитонов. За ними шли Медведев и латыши, то есть те люди, что жили на первом этаже и которых получил Юровский от ЧК. У двоих было оружие»¹⁸.

Новый опрос Павла Медведева:

«Они были спокойны. Мысль об опасности не приходила им в головы. Николай сам нес Алексея. Все пошли в комнату, расположенную в конце дома. У некоторых были подушки. Камеристка* несла две...»¹⁹

Показания одного из красноармейцев:

«Доктор Боткин подошел к Царю и сказал настоятельно: “Ваше Величество, разрешите мне Вас сменить и взять Алексея Николаевича. Вы устали, я вижу это...” При этом свергнутый Государь в последний раз услышал, как его титулуют»²⁰.

И опять Павел Медведев:

«Юровский велел принести стулья. Принесли три. В середине стоял Царь, справа сел на стул Царевич, и справа от него стоял Боткин. Сзади них была Императрица, ее дочери и остальные.

Через несколько минут Юровский пришел в соседнюю комнату, где я находился, и сказал: “Пойди на улицу, смотри, чтобы там никого не было, и послушай, не слышно ли будет выстрелов”. Я вышел и сразу услышал выстрелы»²¹.

Якимов:

«Дерябин смотрел в окно и видел, как Юровский что-то говорил и сделал движение рукой. Клещев уверяет, что он слышал: “Николай Александрович, ваши сделали попытку вас спасти, но она не удалась. Мы вынуждены вас расстрелять»»²².

И опять Проскуряков:

«Царь не понял и спросил: “Что?” Юровский поднял оружие и, показав ему, сказал: “Вот”»²³.

Из показаний Якимова:

* Анна Демидова (прим. О. К.).

«В этот момент раздалось несколько выстрелов... Стали слышны стоны и плач женщин. Жертвы пали одна за другой, сначала Царь, потом Царевич»²⁴.

Анонимный красноармеец:

«Николай II, смертельно раненный в сонную артерию, пробовал рукой защитить свою шею, но внезапно упал лицом вниз на пол, не подав ни одного звука. Его левая рука была под грудью, правая, неестественно выкрученная, ладонью вверх. Последняя дрожь прошла по телу. Пальцы правой руки еще закрывались и раскрывались, пока не остались неподвижными. Умиравший дернул плечом, как будто хотел избавиться от тяжелой ноши. Кровь заливала ему бороду»²⁵.

Другой красноармеец:

«Доктор Боткин рванулся вперед, чтобы защитить Николая и его сына. Сразу после Царя он получил пулю в сердце и упал во всю длину своего тела рядом с Алексеем. Его пенсне со сверкающими стеклами осталось у него на носу, глаза были широко открыты. Царица упала беззвучно на спину между мужем и сыном. Красные пятна покрывали ее седые волосы»²⁶.

Якимов:

«Когда все жертвы упали, стали приканчивать тех, кто подавал еще признаки жизни, штыками или выстрелами»²⁷.

Свидетельские показания красноармейца Агафонова:

«По сообщению Якимова, предполагалось начать со стрельбы, а затем пускать в дело штыки и приклады. Много “работы” доставила горничная Демидова. Она бегала из угла в угол, закрываясь подушками. В общей сложности у нее оказалось 32 ранения на теле»²⁸.

Другой охранник добавляет:

«Анна Демидова бегала по комнате и кричала так громко, что, казалось, заглушала выстрелы. “О!!! Меня не надо, ради Бога, сжальтесь надо мной...” У нее было уже несколько пулевых ранений, когда она нашла силы, подняться и ясно сказала: “Вы — подлецы, Бог вас накажет”. Она еще несколько раз приходила в себя, затем вытянула

поги, затем снова их подтянула... “Женщина благородная, — сказал Никулин. — Ее туфли такие же элегантные, как элегантна она сама”. Безжизненное тело еще дополнительно было много раз проткнуто штыками...»²⁹

По показанию Якимова, Великая Княжна Анастасия потеряла сознание. «Когда ее обыскивали, она стала кричать, как сумасшедшая»³⁰. Один из красноармейцев: «Двое латышей несколько раз проткнули ей бок штыками. Она дрожала и без звука смолкла, ее дыхание остановилось, на лице появилось торжественное выражение. Она сразу стала старше... Старый повар Харитонов, много раз раненый в живот, еще ползал по полу... Со страшной жестокостью его прикончили штыками»³¹.

Палачи-космополиты ЧК выслуживались перед революцией, выполняя приказы Свердлова, а через него и Ленина. Медведев: «Когда я снова вошел в комнату, чтобы отчитаться Юровскому, все заключенные в разных положениях лежали уже в лужах крови на полу. Все были мертвы. Только Алексей еще стонал. Юровский выстрелил в него 2 или 3 раза»³².

Один из красноармейцев:

«Ребенок двигался в агонии, закрыв свою простреленную грудь тонкими ручонками. Он стонал жалобно, рот был полон крови, и он пытался позвать “мама”. Его длинные ресницы еще слабо вздрагивали»³³. Даже один из латышей, убиравший потом комнату, после сказал: «За 4 месяца войны на всех фронтах я такого никогда не переживал. На войне один вооруженный стреляет в другого, тоже имеющего оружие. Дети и женщины на войне табу, а тут было совсем другое... До моего последнего вздоха я буду помнить эту ужасную трагедию и никогда ее не забуду...»³⁴

Свидетельское показание Кухтенкова:

«Леватных сказал: “Когда мы пришли, они еще были теплые. Я сам ощупал Царицу. Она тоже была теплая. Теперь я могу счастливым умереть, так как я пощупал Царицу”»³⁵.

Следователь Соколов заключает: «17 июля использовали ночную тьму, чтобы в грузовике вывезти трупы в шахты.

Мертвых раздели или, вернее, с них содрали одежды... Тела разрезали на куски. Полили серной кислотой, сожгли на костре, облитом бензином. Пули, которые были в телах, расплавились, сохранилась только наружная оболочка. Было сожжено все, что было найдено на трупах.

Затем убийцы раскололи лед в глубине шахты и бросили туда все, что не сгорело в огне или что было в спешке забыто»³⁶.

Создатели «Архипелага ГУЛаг» действуют с большим размахом.

12 июля 1918 брат Николая II, Великий Князь Михаил, в пользу которого Царь отрекся, был убит в Перми.

В ночь после резни в Екатеринбурге чекисты убивают в Алапаевске всех Великих Князей, которые были туда высланы: сестру Царицы Великую Княгиню Елизавету, Великого Князя Сергея, трех сыновей Великого Князя Константина Константиновича: Ивана, Константина, Игоря — и молодого Князя Палей, сына Великого Князя Павла Александровича.

Свершились первые большие политические убийства XX века. Монархия в России была ликвидирована.

С тех пор прошло 60 лет, и в маленькой комнатке предместья Парижа я доживаю свою старость у той иконы, которую мне, как я думаю, перед лицом вечности подарила Царица Александра в Тобольске. И мне иногда кажется, что я, должно быть, последний выживший житель разрушенной планеты. На моих глазах цивилизованная Европа изменилась за последние годы больше, чем за две мировые войны, которые я сопережила. На моей Родине, которая называлась Россия, был полностью уничтожен любой след, любое воспоминание о Романовых, и никакой историк не может заниматься временем правления Николая II. Города, которые я знала и любила, носят имена палачей, убивших дорогих мне людей. В Екатеринбурге, который теперь называется Свердловском, в 1978 году бульдозером снесен «Дом Особого Назначения» и сровнен с землей, потому что, как мне сообщили из России, он грозил стать местом паломничества. Франция, которая меня приютила, гордится

своим республиканским прошлым. И так как она связана с Советским Союзом общей борьбой против фашизма, она не хочет больше вспоминать о своем союзе с монархией, главой которой, Государь, в 1914 году не сомневался послать свою Армию в ад плохо подготовленного наступления, чтобы осуществить победу на Марне.

Достигнув преклонного возраста, несмотря на тяжелые условия в изгнании, выростив не только детей, но и внуков, я решила написать эти воспоминания. Моей единственной целью при этом было со всей ясностью, на которую я способна, рискуя показаться наивной, возродить в воспоминаниях волшебный мир далекой молодости. Не сохранились подарки Великих Княжон из Сибири в память о Царской Семье, сопровождавшие меня всю мою жизнь, можно было бы усомниться, происходило ли все это на самом деле.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ХОРОШИЕ ГОДЫ

(1908—1914)

Глава I

Царское Село

ФИНЛЯНДИЯ действительно красива. По сравнению с нашим туманным Петербургом ее солнечный, украшенный соснами ландшафт являлся для нас приятной переменной. Наш дом был маленький, но удобный и уютный, в нем пахло свежей краской, а от покрытого линолеумом пола подымался приятный запах чистоты. Моя кровать казалась мне особенно мягкой, а одеяла особенно приятными. Мне достаточно было приоткрыть один глаз, когда я просыпалась утром, чтобы сразу понять, где я: каждый завиток ковра я знала, даже сделала пальцем в нем дырочку и заткнула ватой, это был мой секрет, мой талисман. Когда я на него смотрела, я чувствовала себя уверенней.

Ж-ж-ж... Толстая муха кружила над красной негасимой лампадкой высоко над иконой, напротив дверей. Глеб пошевелился в своей кроватке: «Ты слышишь муху?» — «Да». Его голос звучал немного испуганно: «Она погасит лампадку!» Он раздражал меня: «Ну и что? Лучше расскажи мне про приключения Мишки...» Глеб был на два года младше меня: беленький, толстощекий мальчик с удивительно красивыми зелеными глазами на розовом личике. Для своих восьми лет он обладал невероятной фантазией. Он приблизил свою голову ко мне через решетку кровати и начал: «Король Железная Рука умирал, и ему нужен был наследник. Придворные стали искать». Он внезапно замолчал. «Ты слышишь муху?» — «Это неважно, продолжай», —

ответила я, немного сердясь. Глеб продолжал: «Они нашли, что единственный законный наследник Короля был бедный мужик Мишка. Он был почтовым кучером, и все его богатство составляли четыре рубля, которые были в его большой сумке».

Толстая муха упала в лампадку и сгорела. В комнате стало темно. Глеб начал плакать: «Позови же кого-нибудь!»

Я высокомерно ответила: «Нет, ты позови, ведь тебе страшно, а не мне». Ему удалось приоткрыть щелку в дверях. Слабый свет проник в комнату. Там было вечернее чаепитие. Было слышно, как на террасе двигают стульями. Через несколько минут придут наши старшие братья спать в соседнюю комнату. Глеб почувствовал себя несколько уверенней. Когда Дмитрий и Юрий рядом, ничего не может случиться.

«Мама, поиграй нам из “Лебединого озера”». Я узнала голос Дмитрия. Моя мать села за рояль. Как я любила эту мелодию! Мне казалось, я вижу лебедя в небе и хороших танцовщиц в пачках, но вдруг появляется злой дух, весь в черном, и похищает красавицу Одиллию в свою пещеру...

Мать проиграла этот кусок еще раз. Через стену я услышала всхлипывание и голос Юрия, громко рассмеявшегося. «Дмитрий, ты реवेशь?» Никакого ответа. Но что же произошло?

Белый лебедь, черный лебедь — мы были счастливы! Черный лебедь, белый лебедь — мне было десять лет, и мы были так счастливы!!!

ОСЕНЬ надвигалась гигантскими шагами, и с нею бесконечные дожди. Мать поехала к отцу в Петербург. Хоть наш быт в Финляндии был прекрасно организован и прислуга аккуратна и надежна, мы все же чувствовали себя беспомощными, когда ее не было. Наконец как-то после обеда мы услышали скрип колес утлой финской повозки, которая летом была нашим единственным средством передвижения.

«Спорим, что это едет Матти Соусси», — сказал Юрий.

«Нет, — ответил Глеб, которого никто не спрашивал, но который обожал сердить кого-нибудь. — Конечно, это Иохан Кауко».

«Лучше посмотрите, кто это едет», — радостно заметил Дмитрий, показав пальцем на худенькую фигуру нашей мамы, завернутую наглухо в широкое пальто и с огромным зонтиком в руке, так как старая повозка не имела верха.

Мать освободилась из своей мокрой одежды, отдала ее подоспевшей прислуге, которая принесла домашние туфли, и указала кучеру место, куда нужно поставить ее багаж. Затем она перецеловала нас всех и удобно устроилась в мягком кресле.

«Мои дорогие дети, — объявила она своим ясным и четким голосом, — мне надо поделиться с вами важной новостью. Ваш отец назначен лейб-медиком Царя. Он получил теперь звание генерала и включен в Царскую свиту. Это большая честь, но и колоссальная ответственность».

Для нас это не было такой неожиданностью. Мы знали, что отец уже лечил Царицу, почему бы не лечить Царя?

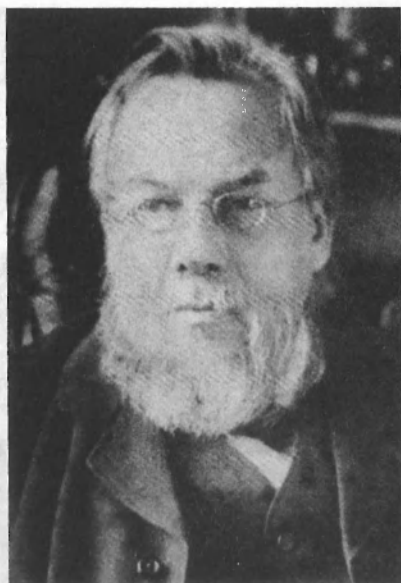
Мать сделала попытку объяснить нам понятнее: «При Дворе есть много врачей, но они не состоят в свите. Царский лейб-медик должен наблюдать за всеми больницами страны и охранять здоровье всей Царской Семьи. Точно так, как это делал ваш дедушка при Царе Александре II и Александре III».

Мой отец, будучи молодым врачом, начинал, не имея еще никакой известности. Он никогда не позволял себе пользоваться именем своего отца, знаменитого доктора Сергея Боткина, профессора Военно-Медицинской Академии в Санкт-Петербурге и лейб-медика Александра II и Александра III. Чрезвычайно скромный, он хотел свой успех заработать сам.

Нашего деда мы не знали, пятидесяти восьми лет он умер от грудной жабы. Но он был известен по всей России, и сейчас его знают в Советском Союзе. Памятник, поставленный ему перед Военно-Медицинской Академией, стоит и сейчас. Его именем названы несколько улиц и созданная им больница в Санкт-Петербурге не переименована.

При входе можно и сейчас прочесть надпись: «Боткинская больница».

Отец пошел по пути своего отца, и мы считали это естественным. Во время Русско-японской войны 1905 года он пошел добровольцем, чтобы организовать санитарную работу на фронте. Изданные им через некоторое время письма, которые он посылал жене во время Русско-японской войны, нашли большой отклик у читателей. Императрица, прочтя их, поверила в его проницательность, обратила внимание на смелость его суждений и выразила желание с ним познакомиться.

Сергей Петрович Боткин, знаменитый клиницист, профессор, отец Евгения Сергеевича Боткина.
1885 год

«Значит, мы будем жить при Дворе?» — спросил Глеб.

«Да, — живо ответила мама, — в Царском Селе».

Это название было нам незнакомо.

«Где же это Царское Село, мама?»

«Как, вы ничего не слышали об этом прелестном городке, в котором во времена Александра I был основан Лицей для мальчиков, учеником которого был сам Пушкин?»

«Это недалеко от Санкт-Петербурга, — вспомнил вдруг Юрий, который, хоть не был особо прилежным учеником, обладал прекрасной памятью».

«Правильно, — подтвердила мама. — Примерно тридцать верст надо ехать по железной дороге, но это быстро».

Глеб и я удивились. «Мы думали, Царь живет в Зимнем дворце!»

Мама рассмеялась:

«Вы в этих вещах отстали. После революции 1905 года Царская Семья переехала в Царское Село. Город маленький,

Евгений Сергеевич Боткин с супругой Ольгой Владимировной и первенцем Дмитрием. 1894 год

его легче охранять, там расквартировано несколько гвардейских полков. Он так близко от Петербурга, что Царь может оставаться тесно связанным с Правительством. Вы увидите, — закончила мама, — и мы будем чувствовать себя там хорошо».

Глеб все еще не до конца понял эту ситуацию: «Папа больше не главный врач Георгиевской больницы? Теперь все покончено с Петербургом и больницей?»

Мама ликовала: «Да, конечно, с больницей покончено. Мы получим в Царском Селе небольшой дом. Он еще не готов, но я уже подыскала обои и обивку для мебели. Помимо жалованья, хоть оно и не будет очень большим, папа будет иметь квартиры в обеих резиденциях — в Зимнем дворце в Петербурге и во дворце в Петергофе. Мебель, посуду, столовое серебро и белье — все мы получим от Двора. У нас останется наша прислуга, но будут еще два камердинера от Двора. Лакеи будут мыть окна, натирать паркет и ставить цветы в столовой и в гостиной...» Мамина радость передавалась нам, но перспектива такой радикальной перемены нашей жизни вселяла страх.

Евгений Сергеевич Боткин с женой и детьми:
Дмитрием, Глебом, Юрием и Татьяной.
Около 1905 года

«А как будет со школой?» — спросила я.

Мама улыбнулась.

«У тебя, Татьяна, и у тебя, Глеб, будут приходящие учителя. Вы, большие, пойдете в Лицей в Царском Селе. Лицей носит имя Государя Николая II. Его инициалы вы будете носить на шляпе и на поясе».

Мои братья обменялись восхищенными взглядами. Наконец-то хорошая новость. Больница святого Георгия, в которой мы жили*, находилась в густо населенном рабочем квартале города, и ближайшая гимназия оставалась, еще больше, чем другие школы, под революционным влиянием 1905 года. Дворянские дети были в меньшинстве и являлись «козлами отпущения» для своих товарищей.

* В 1908 году семья Е. С. Боткина проживала по адресу Финляндский проспект (бывший Новосампсониевский), дом 15 (прим. О. К.).

Мама нас окончательно убедила, и мы разделяли ее радость: перед нами открывались новые заманчивые перспективы, полные чудес.

«Отец нас на днях навестит, — сообщила мама. — Затем он поедет с Царской Семьей на Царской яхте «Штандарт» в путешествие. Пока наш дом не закончен полностью, нам будет предоставлена квартира во флигеле Екатерининского дворца».

В этот вечер я уснула, полна мечтаний, но меня разбудил тоненький голосок Глеба.

«Послушай, а как же будет с бельем? Если оно будет мало или велико? Кроме того, нас четверо: три мальчика

Е. С. Боткин на Императорской яхте «Штандарт» сопровождает Государя Императора Николая II Александровича и его Семью. 1908 год

Е. С. Боткин на Императорской яхте «Штандарт». 1908 год

и одна девочка. Вдруг нам дадут белье на четырех девочек?» По своей детской простоте мой маленький братец решил, что нам будет предоставлено не только постельное и столовое белье, но и носильное.

САМ РАЙ, наверное, не мог бы быть другим. Царское Село действительно было именно Царским и не имело ничего общего с Санкт-Петербургом. Здесь все дышало тишиной и покоем, порядком и чистотой. Никакие устаревшие трамваи не нарушали гармонии дворцов и парков. Здесь не было старых кляч, с невероятным шумом тащивших по заржавевшим рельсам омнибусы, место которым на свалке. Шумная, пестрая, неряшливая толпа, заполняющая русскую столицу, здесь полностью отсутствовала. Воздух казался легким, чистым, необыкновенно ясным и напоминал Финляндию. Наши дрожки завернули на улицу, которая оказалась нам еще шире и ухоженней остальных. Без пешеходов, без карет, она вполне соответствовала своему названию — Садовая. Спокойная и величественная, она тянулась совершенно прямо вдоль изящной чугунной решетки. За нею находился изумительно красивый, громадный парк в феерических красках северной осени, вдали виднелись тщательно ухоженные бесчисленные аллеи и, совсем вдали, на лужайках, мраморные античные статуи.

На другой стороне улицы поднимался ряд очаровательных домиков, совершенно одинаковых и почти нереальных со своими нежно-зелеными фасадами и рядами оконных рам из светлого дерева с орнаментом из камня.

Каждый домик имел небольшой садик с оградой, вдоль которой цвели пышные кусты пестрых георгинов. На темно-голубом небе выделялись, как огромный букет золотых цветов, пять сверкающих куполов церкви, возвышавшейся над Екатерининским дворцом.

Мама остановила дрожки у одного из дворцовых флигелей. «Здесь мы будем жить», — сказала она.

Временно мы стали устраиваться в помещениях, где сто лет назад учился Пушкин.

ДВОРЕЦ был великолепен. Благодаря роскоши убранства и из-за огромных размеров его помещений он был превращен в музей и больше не соответствовал требованиям современной жизни. Наверное, из этих соображений Царская Семья предпочла Александровский дворец, который

Флигель Екатерининского дворца в Царском Селе, где проживала семья Боткиных до переезда в дом на Садовой улице

был существенно меньше и уютнее. Квартира, которую нам предназначили, глубоко нас разочаровала. В ней было только две старомодно меблированные спальни, всюду висели тяжелые бархатные портьеры с золотыми помпончиками, так что Глеб и я были вынуждены спать в большой гостиной, стены которой были увешаны громадными картинами. Одна из них в особенности меня испугала. Она висела как раз над моей кроватью, и я, засыпая, всегда думала, что во время моего сна она свалится и задавит меня.

Однажды вечером к нам явился архитектор, который должен был привести в порядок наш дом. За ним следовал его секретарь. Он нес огромный альбом, который положил перед мамой. «Извините, милостивая государыня, — объяснил он, — но мы вынуждены попросить вас еще раз выбрать материалы для обоев и мебели. Альбом, который

мы вам показывали прежде, был предназначен для Ее Императорского Величества. К сожалению, она выбрала тот же самый рисунок...» Это означало, что наш переезд на Садовую улицу еще затянется: это было немыслимо, чтобы наша квартира и Царские покои имели бы одинаковые обои и обивку мебели.

В середине сентября 1908 года мы жили еще в Екатерининском дворце, когда получили телеграмму с борта яхты «Штандарт», в которой отец извещал нас о своем скором возвращении.

Мама, Глеб и я решили встретить его на вокзале. Не успели мы пройти и десяти метров, как услышали за собой лошадиный топот. В то же время мы услышали низкий голос отца, приказавшего кучеру: «Останови здесь!» Он прибыл с противоположной стороны. Мы еще не знали всех придворных обычаев и не знали, что Царская Семья и свита пользовались всегда «Царской веткой» железнодорожного пути. Она обслуживалась маленькой станцией на другом конце города.

Мы бросились к отцу. Его высокая массивная фигура склонилась, чтобы нас перецеловать, его руки в белых перчатках легли на наши плечи. Ярко-красные отвороты его шинели пахли духами, которые я хорошо знала — это были всегда одни и те же «Fuchsia du Japon»*, которые он специально выписывал из Парижа. Его короткая бородка дотронулась до моей щеки, и на одно мгновение я поймала его живой пристальный взгляд, такой добрый, что мое сердце захлестнула нежность. Папа отпустил нас, снял с правой руки перчатку и, взяв мамину руку, поднес ее к губам. Мама легко поцеловала его в висок. Только теперь мы обратили внимание на роскошную коляску с глубокими мягкими сидениями и двух прекрасных серых в яблоках лошадей. С непроницаемым лицом, держась совершенно прямо, неподвижно на своем немного приподнятом сиденье, кучер напоминал восковую фигуру. На нем была надетая черная треуголка, натянутая на уши, и серо-зеленая

* Японская фуксия (прим. О. К.).

с черным кантом ливрея, на которой был вышит золотой Царский орел.

При виде этого выезда мы оробели. К сожалению, одни мы не могли им пользоваться, так как он был предоставлен исключительно для моего отца. Семья, в его отсутствие, пользоваться экипажем не могла. Отец обернулся к кучеру: «Сегодня вечером в шесть». И статуя ответила вдруг абсолютно человеческим, хотя совершенно монотонным голосом: «Слушаюсь, Ваше превосходительство».

Мой отец начинал свою службу рано, в девять часов утра, с визита в Александровский дворец, где его принимала Царица в своих покоях.

Благодаря моему деду, профессору Сергею Боткину, консультации проходили совсем просто, с тех пор, как он настоял на отмене этикета, которого придерживались более ста лет. Моя мама нам часто об этом рассказывала. Когда мой дед впервые посетил Императрицу Марию, жену Александра II, она встретила его одетая и в присутствии фрейлин. Он просил разрешения ее обследовать. «Пожалуйста, профессор», — сказала она, не делая ни малейшего движения. «Ваше Величество, я не могу Вас исследовать сквозь платье. Пожалуйста, расстегните хотя бы блузку».

Доктор Е. С. Боткин в придворном экипаже. Царское Село, 1908 год

Она закричала от возмущения. Никогда раньше жена Русского Царя не раздевалась перед врачом. В это время вошел Александр II и спросил деда о диагнозе.

«Ваше Величество, — ответил С. Боткин со всей откровенностью, свойственной ему, — я отказываюсь лечить Императрицу, если она не хочет выполнять мои указания». Царь отдал ему должное. Императрица разделась, и мой дед смог ее нормально обследовать. Благодаря этому врачебному нарушению протокола мой отец мог теперь каждое утро обследовать Царицу. Александра Федоровна страдала значительным нарушением сердечной деятельности. После осмотра он составлял ей режим дня и практически запретил всякую физическую нагрузку.

Второй раз он навещал ее вечером перед ужином, около шести часов. Если он был недоволен ее состоянием, он требовал, чтобы она оставалась в своих покоях, и иногда даже запрещал ей ужинать.

После утреннего визита к Царице он шел к Царским детям. Каждый день он интересовался здоровьем Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. Даже если накануне оно было прекрасным. Потом он подольше задерживался у Царевича, гемофилия которого требовала постоянного внимания. Маленький Алексей почти всегда отказывался утром от завтрака. Отец садился с ним рядом и рассказывал ему всякие веселые истории из своего прошлого, из повседневной жизни и даже из нашей жизни. Царевич смеялся, за разговором пил свой шоколад и съедал незаметно один тост с медом или бутерброд со свежей икрой.

Сразу после обеда отец отправлялся в Санкт-Петербург в Общество Красного Креста. К нашему большому сожалению, он был очень занятым человеком. Кроме как за ужином, мы редко с ним виделись, и даже эта редкая радость нарушалась частыми путешествиями, в которых он должен был участвовать вместе с Царской Семьей.

НАКОНЕЦ настал долгожданный день нашего переезда. Мы въезжали в один из очаровательных домиков на Садовой улице, которая была предназначена для достойных

Государь Император Николай II с Государыней Императрицей Александрой Федоровной и Цесаревичем Алексеем. 1907 год

представителей государства. Нашими соседями были полковник Герарди, командующий дворцовой полицией, генерал Дедюлин — дворцовый комендант, и граф Фредерикс — министр Двора. Напротив нас, в доме размером побольше, жил генерал, князь Путятин — начальник Управления Двора.

Дом Боткиных в Царском Селе на Садовой улице

Наш дом был светлым и солнечным, и внутри был такой же приветливый, как и снаружи. При нем был маленький палисадничек, а черный ход вел в большой двор, в конце которого помещались Царские конюшни. Мои братья и я были заворожены зрелищем, которое там происходило, и мы часами наблюдали за кучерами, лошадьми, колясками и санями. Все было строго распределено.

Конюшни были прекрасно оборудованы и находились под строгим присмотром офицеров, дежурящих день и ночь. Определенные кучера обслуживали экипажи Царя и Царицы, а другие — Великих Княжон. Одни носили расшитые кафтаны в русском стиле, другие были одеты по-английски:

черные сюртуки и подходящие к ним низкие цилиндры, кокарды были цвета герба Романовых — золото с черным.

В это время Дмитрий и Юрий пошли в Лицей. Там была прекрасная атмосфера, полная противоположность гимназии на Выборгской стороне в Петербурге. Моим братьям не составляло труда завести знакомства среди титулованных учеников.

Глеба и меня учили дома. Летом, перед нашим переездом ко Двору, мама пригласила нам француженку мадемуазель Шюлер. Она была молодая, лет 30-ти, с приятной внешностью и прекрасными манерами, и моментально завоевала наши симпатии. Мы немного говорили по-французски, а с ней стали сразу делать большие успехи. Мадемуазель Шюлер должна была научить нас хорошим манерам и правилам поведения. Впрочем, этому нас учила и немка из Прибалтики — фрейлейн Эрна, молодая девушка, которую отец взял из сочувствия после лечения в больнице, так как он опасался, что без работы и без денег она может пойти по дурному пути. Она происходила, очевидно, из очень простой семьи, так как ее образование и воспитание составляли желать лучшего. Немка должна была давать нам уроки немецкого языка, но она довольствовалась тем, что читала нам вслух и диктовала короткие отрывки из книг, которые она даже не могла поправить, не имея текста под рукой. Очень скоро мы ее возненавидели. Глеб совершенно не мог выносить ее сладенький тон. Хотя ему было только восемь лет, он обладал довольно развитым критическим умом и острым язычком. Он очень скоро заработал ее неприязнь. Когда они были одни, она очень образным русским языком сулила ему порку, а в присутствии кого-нибудь называла его «моя золотая рыбочка».

Между двумя гувернантками царила длительная война. Эрна не пропускала возможности затеять с мадемуазель Шюлер спор, наговорить грубостей. Мы не смели сказать об этом матери. Она была за строгую дисциплину, и мы боялись, что она не поверит ни одному нашему слову.

Мадемуазель Шюлер мы очень любили. 24 июля, в Ольгин день, именины нашей матери, она организовала небольшой

спектакль, приготовления к которому нас очень занимали. Это была знаменитая французская комедия Мольера «Лекарь поневоле». Был большой успех, исключительно за счет Юрия. Его уверенность, его крупная фигура и глубокий сильный голос очень выделялись на сцене. В роли дровосека, в растрепанном парике, с фальшивой бородой, он был великолепен, так же как и в роли врача в остроконечной шляпе и мамином малиновом шелковом халате.

Появление на сцене Дмитрия в виде старика с горбатой спиной, хромого и с дрожащим голосом, тоже имело большой успех.

У Глеба была немая роль молодого камердинера в парике. А я была женой дровосека и одновременно молодой барышней. Это было нетрудно.

ДНИ проходили однообразно. Кроме уроков фрейлейн Эрны и мадмуазель Шюлер, приходил еще учитель, который занимался с нами английским языком. Дмитрий учился играть на рояле, а Юрий — на виолончели. Мои братья увлекались также верховой ездой, особенно Дмитрий, который, будучи худеньким, маленьким и гибким, скоро оказался прекрасным наездником.

По воскресеньям мальчики помогали во время службы в лицейской церкви. Они приходили задолго до начала службы. Юрий пел в хоре, а глубоковерующий Дмитрий любил погружаться в долгие молитвы. После воскресного обеда они шли кататься на коньках со своими друзьями, в то время как Глеб и я оставались с мамой дома, чтобы почитать или порисовать. Мама охотно рассказывала нам историю государства Российского. Особенное впечатление на меня производило то время, когда татарские орды напали на нашу страну. Я восхищалась князьями, которые оказывали сопротивление ханскому игу: под страхом смерти отказывались изменить своей христианской вере и молиться идолам. Резня, пытки и грабежи — события тех времен наполняли меня страхом, и я боялась, что такие ужасы могут случиться и у нас.

«Нет, — уверяла моя мама. — Россия теперь сильна. У нас есть Царь, который заботится о своих подданных. И откуда могут взяться завоеватели? Сейчас не бывает таких войн. Мы же в XX веке. Жизнь делается гуманней. Теперь войска врагов шадят мирное население... Папа ведь уже рассказывал вам о Русско-японской войне. Там не было жестокостей, и вообще никакая война нам не угрожает».

«А революции?!» — спрашивала я дрожащим голосом. — Вы же все были так озабочены в 1905 году? Людей убивали на улицах, мужики поджигали имения. Вы же за столом говорили об этом. Я и сама видела. Я с братьями спряталась за занавесками, когда мужики ходили по улицам. Среди них были даже женщины в грубых платках на голове и плечах. Они были почти все пьяны, они пели, кричали, дрались! Это было ужасно. Люди падали. А наши гувернантки заставили нас покинуть наш наблюдательный пост. Они не хотели, чтобы мы видели, как на земле лежали залитые кровью трупы. Я хорошо помню, как городовые призывали к порядку разнузданную толпу. Я вижу их, как сейчас: высоких и сильных, в черной форме, вся грудь в медалях. Боже мой, как было это страшно и ужасно!» Мама улыбнулась: «Это давно все прошло. Царь созвал Думу. Народ доволен. Не бойся, дорогая, полиция хорошо организована. В Царском Селе ты в безопасности».

Вечером, ложась в постель, я приоткрыла портьеры и выглянула в окно. На другой стороне улицы деревья большого парка, казалось, заснули на морозе, как в сказке «Спящая красавица». Освещенная уличными фонарями, сверкала длинная, чистая, с разметенным снегом Садовая улица так же, как днем.

Замерли в своих серых шинелях дворцовые полицейские, размещенные на равном друг от друга расстоянии. Днем здесь стоял полицейский в штатском. Его называли «тайная полиция», так как все прекрасно знали, кто это. Он выглядел незаметным со своим зонтиком, котелком и черными блестящими галошами. Неустанно ходил он по Садовой взад и вперед. Наверное, весь Двор он знал, как свою собственную семью. Но никогда он не позволял себе

с кем-нибудь заговорить. Даже с нами, с детьми. И если какой-нибудь прохожий подозрительного вида или пьяный рабочий забредал на нашу улицу, его тотчас же окликал наш «ангел-хранитель», и по его приказанию подозрительного типа отводили в центр города. Да, в Царском Селе было мирно. Мои опасения исчезали, и я ныряла под одеяло. Мама была права. Мы жили в XX веке, веке цивилизованном и культурном. Мир стал иным, чем прежде...

Глава II

Жизнь при Дворе

ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ была не очень веселой, и ничто не вносило разнообразия в ее монотонность. Официальные банкеты были редкостью, так же, как и приемы (очевидно, из-за слабого здоровья Царицы). Если на Садовой мы встречали ее экипаж, Великие Княжны нас приветствовали, но мы никогда еще не были приглашены во дворец, хотя отец часто там о нас рассказывал. Царские дети никак не контактировали с семьями свиты. Великие Княжны знали только своих кузин и кузенов. Отец рассказывал, что Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия были очень дружны между собой. Может быть, им хватало своего собственного общества?

Мама ужасно скучала. Среди придворных дам у нее была только одна подруга — фрейлина императрицы Ольга Бюцова. Она была нашей дальней родственницей. Несмотря на свое высокое положение, она оставалась очень простой. Она нисколько не обиделась, когда в ее первый приход к нам Юрий, почувствовавший ее замечательные духи, скатился по лестнице с криком: «Кто здесь пахнет иностранным?»

Правдивая, сердечная, без всякой фальши, она всегда была в прекрасном настроении. У нее был хронический насморк, и она всегда держала в руках носовой платок.

Ее квартира была напротив нашей, в Екатерининском дворце, и, если она не была занята у Императрицы, она приходила к маме неожиданно, без доклада.

Однажды отец неожиданно пришел домой к обеду. Мама сразу заметила черную повязку у него на рукаве.

«Почему ты надел траур? — удивилась она. — Кто умер? Почему ты не сказал мне ничего об этом?»

«Это не в нашей семье, — ответил отец. — Это в Царской Семье. Дядя Царя, Великий Князь Алексей, умер, и весь Двор должен носить траур».

Настало время чаепития. Каждый день, когда мальчики возвращались из лицея, в столовой подавался чай. Это не был простой «чай с пирожками», это была настоящая церемония. Высокий самовар возвышался в конце стола рядом с чашками и сахарницей. В серебряных корзиночках было сливочное печенье «Альберт», круглые хрустящие пирожки от «Huntley and Palmers» из Лондона. Свежее масло стояло под стеклянным колпаком на столе, а в хрустальных вазочках разное красное варенье. В плетеных ивовых корзиночках лежали разные сорта хлеба: черный, ржаной, крендельки. Белый хлеб, который у нас назывался «французским», подавался только к завтраку и к ужину. Мама сидела у самовара и возглавляла застолье. Она сама заваривала чай в фарфоровом чайнике. По мнению отца, пользоваться серебряным чайником было святотатством. Очевидно, так было принято еще при нашем прадеде Петре Боткине, который должен был знать, как заваривать чай, так как семья Боткина долгое время торговала в Москве чаем.

Мы как раз передавали маме наши чашки, чтобы она налила чай, когда влетела Ольга Бюцова, вся в черном. Мама пошутила: «Дорогая подруга, вы тоже в трауре по поводу смерти Великого Князя Алексея?» Ольга очень удивилась: «Разве вы не знаете, что кроме детей, весь Двор должен надеть траур?» Она огорченно посмотрела на мамينو платье.

«Ольга Владимировна, вы должны обязательно переодеться. Ваше платье может быть скромное, но оно не годится для нынешнего времени. Светло-серый — это полутраур. Оно годится через шесть месяцев официального траура. А пока вы должны надеть черное».

«Но я же дома, — запротестовала мама, — и не принадлежу ко Двору!»

«Вы — жена Царского лейб-медика, и Евгений Сергеевич состоит в чине генерала свиты. Представьте себе, что к вам неожиданно явится кто-нибудь из придворных. Если вас увидят в таком виде, это будет нарушением приличий, и это может повредить карьере вашего мужа! У вас есть черное платье?» — спросила она повелительным тоном.

«Да», — ответила мама робко.

«Тогда пойдите и сейчас же переоденьтесь!» — сухо сказала она.

Мама попробовала слабо сопротивляться: «Но я не хочу, я же у себя дома...»

«Здесь не должно быть “дома”, — запротестовала фрейлина Императрицы, — ваш муж придворный, и вы должны соблюдать правила этикета. Кроме того, вы должны носить также черное пальто. Не забывайте об этом, когда вы выходите. А теперь довольно разговоров, идите и сейчас же переоденьтесь».

Мама сделала «хорошую мину при плохой игре» и покинула нас, позвонив горничной.

Через несколько минут она появилась вся в черном, этот цвет не шел ей из-за ее темных волос. Но в течение двух лет, прожитых в Царском Селе, мы никогда больше не видели ее в другом платье, так как из-за величины Царской династии и большого количества связей с Царствующими Домами Европы смертельные случаи при Дворах следовали беспрерывно. Единственным исключением, которое мама себе позволяла, были посещения ее кухни Елены Казициной, моей крестной, в Петербурге.

«Приходи, когда хочешь, — говорила тетя Елена по телефону, когда они договаривались, — но, пожалуйста, не в черном платье! Под пальто ни один человек не увидит, что на тебе надето. У меня в доме ты не встретишься ни с кем из придворных. Я не хочу видеть тебя одетой, как монахиня».

Ольга Бюцова сияла. «Я принесла для вас замечательную новость! — сказала она маме. — Я пришла прямо от

Императрицы, и она мне сказала, что намерена очень скоро принять вас во дворце. Сейчас ноябрь. Ваш муж уже два месяца как занял свой пост, и Ее Величество хочет, чтобы вы были ей представлены».

«Я этого ожидала, — сказала мама радостно. — Но почему Евгений мне ничего об этом не сказал?»

«Я хотела вам об этом сказать раньше, — пояснила Ольга Бюцова. — Чтобы вы успели своевременно обдумать свой туалет».

Она не смогла подавить улыбку: «Конечно, черное платье, совсем строгое. Подберите к нему совсем маленькую шляпку без булавок, без лент и без перьев, так как ваша шляпа ни в коем случае не должна коснуться щеки Ее Величества, когда вы будете распрямляться после реверанса».

Фрейлина сделала паузу.

«А вы вообще умеете сделать реверанс? После обеда мы пойдем в гостиную и поупражняемся. Я уверена, что вы все сделаете безупречно!»

Упражнения продолжались все послеобеденное время. Мои братья и я смотрели на них с удивлением. Юрий не смог удержаться, чтобы не шепнуть мне: «Как бы ты выглядела при Дворе со своим памятником павшим воинам на голове?» Этот «памятник» был моей гордостью — фетровая шляпа со множеством лент. Мои братья считали, что у нее форма торта, и она их ужасно смешила. Когда я надела ее впервые, они разразились хохотом: «Что это у тебя на голове? Ты хоть смотрела на себя в зеркало?» Юрий добавил: «В самом деле — скифская гробница, степной курган».

Я стала плакать, а Дмитрий обнял меня и стал утешать: «Киса, киса маленькая, маленькая моя кошечка, не вой!»

Я очень любила, когда он меня так называл. Это ласкательное имя он вычитал в какой-то сказке. Но он редко его употреблял, только в минуты особой нежности.

Мама как раз закончила свои упражнения, когда пришел отец.

Как всегда, он сразу пошел в ванную, чтобы переодеться. Зимой он носил сюртук военного покроя из темно-

голубого сукна с твердым бархатным воротом и инициалами Царя Николая II и двумя вышитыми золотыми звездами на погонах. Летом он носил тонкий, цвета хаки, шерстяной мундир и никогда не забывал пристегнуть шпоры, так как по старинному регламенту все члены Царской свиты должны были быть готовы сопровождать Царя верхом, если понадобится. Дома отец никогда не оставался в форме, в которой он наносил визит Великим Княжнам и Царевичу. Он боялся заразить Царских детей инфекцией, которую могли занести братья или я из города и из школы. Когда он приходил домой, его денщик приносил ему «тужурку». Это слово происходит от французского *tous les jours* (ежедневно). Это удобная военная куртка мышино-серого цвета. Даже Государь носил тужурку, когда был один или обедал с Семейей.

Большая фарфоровая миска стояла уже на столе, полная щей, которые ели с теплыми, смазанными маслом и посыпанными натертым сыром пирожками. Когда отец занял место рядом с мамой, он сразу же рассказал ей о приглашении Государыни. Придворный экипаж отвезет ее в течение недели. Мама будет принята только Царицей.

Великий день настал. Для мамы это было как бы посвящением ко Двору, и она очень волновалась. Как и все прочие, она слышала о непредсказуемом характере Императрицы. Некоторые даже уверяли, что она холодна и высокомерна.

Ольга Бюцова ей объяснила, что Александра Федоровна ни в коем случае не хочет кого-либо оскорбить, она сама страдает от своей болезненной стеснительности*.

* В сентябре 1908 года доктор Боткин писал своему брату Петру:

«На борту Императорской яхты “Штандарт”».

Моя Пациентка совсем не настолько больна, как это обычно утверждают. Конечно, у нее нет требуемых для ее положения сил. Тем не менее благодаря своей выдержке, терпению и железной воле, в течение многих лет она собирает все свои силы, чтобы выполнять свой долг. Эти упражнения не сделали ее сильнее, напротив. Мне кажется, что после них она утомляется, слабеет. Поэтому я хотел бы по возможности сберечь (экономить) любое напряжение. После отдыха моя Пациентка чувствует себя хорошо и храбро

Все прошло прекрасно. Царица долго разговаривала с мамой о проблемах воспитания детей, задавала вопросы о нас, наших вкусах, нашей школе. Мама была в восторге от ее шарма, естественности и простоты. На нее произвел большое впечатление ее чистый, без всякого акцента безукоризненный русский язык, несмотря на немецкое происхождение и детство, проведенное при Дворе королевы Виктории. Мама познакомилась также с Царевичем, который в свои пять лет показался ей очень нежным, и с Великими Княжнами. Это были хорошенькие приветливые девочки, вполне здоровые. Ольге исполнилось как раз тринадцать, она держалась грациозно и с достоинством. Татьяна была самоуверенна и выглядела старше своих одиннадцати лет. Мария и Анастасия соответствовали своему возрасту десяти и семи лет и были еще очень ребячливы. Поговорить с ними маме не удалось, так как они пришли в гостиную, когда аудиенция уже была закончена. Мама была в восторге, может быть, не очень обоснованно, так как несмотря на приветливый прием, который ей был оказан Государыней, ее больше во дворец никогда не приглашали.

Здесь-то и была одна из трудностей, которую переживала наша мать в жизни. Сухая и замкнутая, она не имела таланта заводить друзей.

Мои родители посещали спектакли придворного театра. Когда они попадали в ложу с другими придворными того же ранга, мать никогда не старалась поближе познакомиться с придворными дамами. Дома редко бывали гости. Те немногие, кого у нас принимали, стали скоро близкими друзьями, как, например, князь и княгиня Орловы. Князь

веселится. Она умеренно может ходить пешком и играть с детьми. Время, когда она сможет полноценно заниматься общественной жизнью, может наступить не так скоро. Во-первых, моя Пациентка, не может действительно полностью отдыхать, во-вторых, как ты знаешь, ей многое невозможно, а, в-третьих, она только что прошла через тяжелое время нервного напряжения, и ей потребуются какое-то время на восстановление. Я имею основание надеяться, что Императрица будет полностью здорова, но пока это время далеко. Я должен буду преодолеть все трудности».

был шефом придворной канцелярии и управляющим царским гаражом. В 1908 году автомобили были еще роскошью, и князь был одним из первых автомобилевладельцев в России. Как прекрасный автомобилист, он часто работал царским шофером, но его полнота была таковой, что пришлось переделать переднее сиденье и убрать частично обивку задней стенки, так как такая импозантная фигура не могла разместиться между спинкой и рулем.

Мы принимали также полковника Дрентельна, любимого адъютанта Царя. Он был красивый, благородный и тонко образованный человек, который параллельно с офицерским образованием еще учился в университете. Он был прекрасным пианистом-виртуозом. И этим нравился матери, так как она очень любила играть в четыре руки, но редко могла найти хорошего партнера. Возвращаясь из дворца, папа часто приводил его домой к ужину, и мы очень радовались, когда видели его высокую благородную фигуру, потому что знали, что вечер закончится музыкой. Глеб и я, которые раньше, чем остальные, должны были ложиться спать, охотно тихонечко слушали. Под звуки сонат Балакирева или Цезаря Кюи мы счастливо засыпали.

Отец был очень демократичен и в душе не был придворным. Общественные обязанности он не любил. По этой причине он просил гофмаршала графа Бенкендорфа освободить его, по возможности, от больших приемов, парадов и охоты. Государь был страстный охотник и часто отправлялся в Польшу в леса Беловежской пушчи на зубров, которыми славились эти места. Отец старался, чтобы принципиально между медициной и охотой не было ничего общего. Одно только намерение пролить кровь его пугало. Единственный раз он принял приглашение Царя сопровождать его в Финские леса. Несмотря на веселую непринужденную атмосферу, его навсегда отвратило от этого занятия, и он поклялся никогда не принимать больше в этом участия. Он поговорил с Царем о своих впечатлениях и был полностью освобожден от этого развлечения. Но было еще много всяких других моментов, которых нельзя было избежать. Тогда он надевал слегка приталенный мундир из темно-

голубого сукна с расшитым серебром стоячим воротником и широкими, отделанными тоже серебром эполетами. При вечерних церемониях он должен был надевать все ордена и медали. Орден Владимира и Анны на шее, Владимирский крест с мечами, полученный им во время Русско-японской войны, который он носил повседневно на шее.

Обычно он должен был участвовать в банкетах, когда принимали иностранцев. Отец был одним из немногих в свите, кто безупречно говорил по-французски, по-немецки и по-английски. Их Величества тоже говорили на этих языках, а большинство адъютантов и генералов владели только французским. По долгу службы отец должен был повсюду сопровождать Царскую Семью, и мать страдала от частых разлук с мужем. Лето 1909 года было для нас особо тяжелым: Царь предпринял несколько путешествий. Если все проходило благополучно, то отец мог побыть два-три дня с нами. Только осенью он предполагал вернуться в Царское Село из путешествия по Финляндии на яхте «Штандарт». Спустя месяц он должен был надолго уехать в Крым. Да, жизнь замужней дамы высокого придворного не всегда была розовой. А маме было тридцать семь лет.

Глава III

От Санкт-Петербурга до Крыма

ТЕПЛЫЙ солнечный свет заливал классную комнату, в которой я и Глеб готовили французский урок с мадемуазель Шюлер; Дмитрий и Юрий рядом в комнате тоже занимались уроками. Они не умели молча учиться и напевали всегда что-нибудь про себя, чтобы оживить рвение к занятиям. Юрий предпочитал арии из опер Глинки, Дмитрий — сентиментальные народные мелодии. В это утро Юрий был один. Он утешался тем, что насвистывал то польку, то военный марш. Мы с Глебом находили это очень занятным, а мадемуазель Шюлер еле сдерживала возмущение. «Во Франции хорошо воспитанные мальчишки не свистят в комнатах, свистят кучера в конюшне. Скажите ему, чтоб он перестал». Я осторожно постучала: «Мадемуазель

просит тебя больше не свистеть!» Воцарилось молчание, но через пару минут опять послышался веселый свист. Мадемуазель Шюлер в негодовании передернула плечами.

Внезапно послышались громкие голоса с первого этажа. Фрейлейн Эрна, казалось, была вне себя и кричала во весь голос. Горничная пыталась ее прервать. Новая прачка тщетно хотела вмешаться. Мадемуазель Шюлер пошла узнать, в чем дело. Было ясно, что урок сегодня закончен. Всегда в поисках возможности прервать занятия Юрий вышел из своей комнаты и начал лихорадочно раскрашивать наш учебник. После того, как свинка стала яркосиней, а деревья ярко красными, на него напал судорожный смех. Немного погодя мы сами спустились вниз и узнали, что драма разыгралась из-за пропавших простынь. «Я говорила вам, милостивая государыня, — фрейлейн Эрна повернулась при этих словах к маме, — что нужно всюду обыскать. Я сама нашла эту пару под постелью мадемуазель Шюлер».

«Если б вы лучше заботились о белье, оно бы не пропало, — ответила мама ледяным тоном. — Мадемуазель не отвечает за вашу безалаберность». Немка скрылась в своей комнате и тихонько закрыла за собой дверь. «Она злая и плохая, — пропел Глеб тихонько. — Меня не удивит, если она окажется воровкой». Мама отказала новой прачке, но время от времени кухонные полотенца и посуда продолжали пропадать, к большому горю кухарки, которая никак не могла этого понять.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ за границу Царь и Царская Семья решили некоторое время отдохнуть в своей любимой резиденции в Петергофе. Мама тоже поехала туда к отцу. Она пробыла во дворце около двух недель и, очень разочарованная, вернулась обратно. Квартира, предоставленная отцу, ей вообще не понравилась. Комнаты были маленькие, темные и сырые. Все в Петергофе ей показалось сырым. Во время ее пребывания там ежедневно лил дождь, и она уверяла, что все пахнет плесенью. В парках, правда, были тысячелетние деревья, бесчисленные

фонтаны и удивительные статуи, но мама утверждала, что ветви деревьев от старости падали, а что касается статуй, то у нее было желание укрыть их одеялами, чтобы они не мерзли.

Когда мама вернулась в Финляндию, наступило лето. Оно там недолгое, но удивительное. Морской бриз регулирует жару, которая никогда не бывает невыносимой. Соусы пахнут смолой незабываемо и волшебно. С мадемуазель Шюлер мы расстались. По соображениям экономии летом у нас не будет новой гувернантки. Но на время каникул с нами по математике будет заниматься студент, который будет у нас жить.

Михаил Акулов сразу завоевал нашу симпатию. Жизнерадостный, без комплексов, всегда аккуратно одетый, он очень скоро оказался очаровательным молодым человеком. Он совсем не походил на этих чумазных революционеров, которые кишели на факультетах университета и пропагандировали антимонархические идеи. Я лично предпочитала мужиков этим так называемым интеллектуалам, которые одно только и знали — борьбу с Церковью и Царем.

«Мужики, — думала я, — склонны к водке, но они, по крайней мере, чистые. Каждую субботу они собирались в специальной избе, в которой находились громадные котлы с кипятком. Время от времени поливали водой раскаленные камни. Пар вздымался вверх, становилось жарко, и крестьяне могли помыться и переодеться в чистые рубахи».

У нас в Финляндии тоже была такая изба — «баня», как она называлась по-русски. Дома не было водопровода, и фрейлейн Эрна должна была по утрам приносить нам несколько кувшинов воды для мытья. Когда нельзя было купаться, нам топили и, как мужикам, делали баню.

Мама сделала правильно, пригласив к нам Акулова. Он был не только умный учитель, но и фантастически интересный товарищ для моих старших братьев. Иногда они ходили на нашей маленькой лодке в море, или он сопровождал их верхом по чудесным финским лесам. Он помог им построить двухэтажный кукольный дом. В нем все они

сделали своими руками. Даже мебель и обивку. В то время мальчишки еще играли в куклы, и у Дмитрия была изумительная кукла, вся в белых локонах. Он уверял, что это его дочка, и звал ее Мариночка. Он вставал рано утром, первым, и отправлялся за руку с Мариночкой куда-нибудь гулять. Когда мы выходили к завтраку на террасу, мы наблюдали издали его тонкую фигурку в белой косоворотке с тонким кожаным ремешком вокруг талии. Когда он подходил, мы видели, что в руках у Марины были всякие цветочки. О чем же мог мечтать этот высокий юноша, которому исполнилось уже шестнадцать лет? Об этом мы никогда не узнаем. Когда кончились каникулы, он отказался оставить Мариночку с другими куклами в Финляндии. Он взял ее в Царское Село и устроил ей постельку в ящике своего письменного стола. По воскресеньям он выводил ее гулять и сажал в саду на скамейку. Позже, когда он покинул дом и поступил в Пажеский корпус, он ее запер. Но каждый раз, когда к нему приходили друзья, он открывал ящик и торжественно говорил: «Я хочу вам что-то показать». И удивленным юным офицерам он представлял свою Мариночку, красиво завернутую в одеяльце.

С ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ мать осталась сиротой и воспитывалась у дедушки с бабушкой, которые жили круглый год в Петербурге и были состоятельными людьми. Они поручили ее хорошей молодой гувернантке восемнадцати лет — Кате, которую моя мать очень полюбила. Катя тоже привязалась к этому одинокому и очень умному ребенку с довольно неуправляемым характером. Через три или четыре года Катя объяснила очень тактично своей питомице, что она должна ее покинуть для того, чтобы продолжить свое учение и таким образом занять лучшее место. Настоящую причину ее отъезда мама узнала много позже. Молодой дядя моей матери, только что ставший инженером, влюбился в Катю. Он хотел на ней жениться, но его родители были против женитьбы на простой гувернантке без приданого и будущего. Катя всю жизнь больше никого не любила. Она осталась старой девой и посвятила себя

воспитанию глухонемых. Очень часто она проводила воскресенья в нашем доме, а летом она всегда жила с нами в Финляндии месяц-другой. Мы звали ее «Tante Katisch» («тетя Катиш»). Редко встречались мне такие справедливые люди, как она. Весь день она проводила со мной и Глебом. Утром — сопровождала нас на пляж, после обеда ходила с нами на прогулки по полям. Она рассказывала про зверей, о растениях, о природе и описывала подробно все дни, проводимые ею со своими глухонемыми.

Татьяна Боткина в своей комнате в доме на Садовой улице в Царском Селе с тетей Катиш и братом Глебом

«Катя! — вздохнула мама однажды за обедом. — Сегодня так жарко! Что, если мы пойдем потом с младшими в «Собачий клуб»? Пойдем?»

«Собачий клуб» — это была небольшая светлая просека на полпути между пляжем и сосновым лесом. Мама велела посадить там цветы, поставить садовую мебель и повесить гамак. Она часто отдыхала там со своими приятельницами. Они болтали и занимались рукоделием, отчего мама и говорила: «Мы работаем, как прилежные собаки...» Отсюда и пошло это название.

Глеб взял альбомы для рисования, а я, как взрослая, — рукоделье. Мама и тетя Катя, уютно устроившись в шезлонгах, стали разговаривать, как вдруг мама вскочила.

«Я забыла в комнате шерсть и шелк. Сейчас я их принесу!» Через десять минут она вернулась совершенно обескураженная.

«Катя, мои драгоценности пропали! Знаешь, моя брошка и крест с бирюзой, и цепочка тоже! Все лежало на туалете в хрустальной коробочке, я уверена, что видела их еще перед обедом».

«Смешно, мы же знаем всю прислугу. Они вне подозрений!» — заметила тетя Катя. Ее прервала фрейлейн Эрна, которая принесла чай, а также крик Глеба, сообщавшего: «Почтальон пришел!»

Фрейлейн Эрна быстро схватила письма, передав их со своей сладенькой улыбочкой. «Наконец-то известие от папы, я уже начала волноваться», — сказала мама. Она лихорадочно разорвала конверт, и ее лицо прояснилось: «Ой, как хорошо, он приезжает с Царской Семьей на короткое время в Петергоф и берет на два дня отпуск, чтобы навесить нас. Через три дня он будет здесь. Наконец-то!»

Она захлопала в ладоши, как маленькая девочка, и исчезновение ее драгоценностей уже было забыто.

Вечером я все-таки решила высказать ей свои подозрения насчет фрейлейн Эрны. Я говорила вокруг да около и даже плакала. Но мама успокоила меня, объявив, что она и сама уже решила отказать Эрне по возвращении в Царское Село. У нее будет две недели отпуска, а потом она пойдет в распоряжение Благотворительного общества, которое помогает безработным девушкам.

В тот момент, когда гувернантка села в тележку Матти Соуссиса, чтобы ехать на вокзал, с моей детской души свалилась тяжесть. По возвращении в Царское Село мы узнали от нашей горничной, что все пропавшие драгоценности появились, подкинутые папиному камердинеру. Этот честный человек понятия не имел об их происхождении. Очевидно, фрейлейн Эрна великодушно их ему подарила.

ПАПА ВЕРНУЛСЯ, и это был праздник. Мы, как зачарованные, смотрели ему в рот, слушая рассказ о путешествии. При этом он должен был особенно останавливаться на жизни Царя, Царицы и, конечно, в первую очередь подробно рассказать о Великих Княжнах и Царевиче.

Он побывал в Англии, Швеции и Франции, где принял участие в военно-морском параде в Шербурге в присутствии президента Фалье, который вручил ему орден

Е. С. Боткин и Великие Княжны Ольга и Татьяна в Англии.
1909 год

Почетного легиона. Из Швеции он привез мне три маленьких брошки из белой, розовой и голубой эмали — это были мои первые украшения.

Мама не могла насладиться этими мгновениями и уже страдала от мысли, что, только приехав, он должен будет снова уезжать в путешествие на яхте «Штандарт».

«Неужели никто не может поехать вместо тебя?» — спрашивала она, забыв совершенно об его огромной ответственности*. Не ожидая ответа, она продолжала: «А после этого?» «После, — успокоил ее отец, — мы спокойно проведем целый месяц в Царском Селе». Она передернула плечами. «Спокойно? Это при твоих обязанностях! А потом ты опять уедешь? Как всегда!» «Да, — согласился отец. — На три месяца в Крым. В середине декабря я вернусь». «Господи, помилуй! Неужели они не могут хотя бы один раз провести всю зиму в Царском?»

«Ты же знаешь, что для моей Пациентки пребывание в Крыму всегда очень полезно, — попробовал папа ее утешить. — Я думаю, что для тебя тоже было бы хорошо провести недели две в Крыму. Обычно светские не могут взять во дворец свои семьи, когда Царь живет там. Но ты будешь жить в отеле, и так как работы у меня будет меньше, чем в Царском, у меня будет больше времени для тебя. Фрейлина Бюцова и полковник Дрентельн тоже будут там. Увидишь, скучать тебе не придется».

* Из письма доктора Боткина к брату Петру от 22 сентября 1908 года: «Борт Императорской яхты “Штандарт”».

Да, моя ответственность велика — не только перед Царской Семейей, которая относится ко мне очень хорошо, но и перед моей страной и историей... Я нахожусь между двух огней. Одни мной недовольны, потому что я слишком забочусь о моей Пациентке; другие, напротив, находят, что я ею пренебрегаю и что моя забота недостаточна действительна. Сама же Пациентка, кажется, считает, что я слишком серьезно исполняю мою обязанность. Тяжесть всех этих обвинений я буду терпеливо нести, свой долг я и в дальнейшем буду спокойно и неукоснительно выполнять, руководствуясь при этом только моей совестью. Я сделаю все возможное, чтобы расположить к себе всех этих критиков и примирить их друг с другом».

«Бог милостив», — как имел обыкновение говорить наш папа.

Мама была счастлива. «Мы поедем в Крым... Мы поедем в Крым!» Они обменялись взглядами, и она протянула к нему руки.

Когда Царь жил в Крыму, он ходил гулять по Ливадии. Однажды ему захотелось проверить на себе полевое снаряжение пехотинца, он приказал принести себе форму простого солдата и в таком виде отправился по своим владениям. На обратном пути он попал на маленькую улицу, где, как он знал, стояли полицейские. Царь подошел к одному из них и спросил, как пройти к казарме. Человек не узнал его и ответил очень неприветливо: «Частное владение, проход воспрещен. Иди, откуда пришел. Ближайшие казармы в этом направлении», — показал он рукой в направлении Ореанды, где стоял 16-й стрелковый полк. Царь молча повернул и пошел туда. Впоследствии его очень веселило то обстоятельство, что ему запретили вход в собственные владения, и он всегда подчеркивал при этом надежность охраны. Во дворце адъютант, который его ждал, попросил его заполнить военный билет на память об этом дне, в котором, как всегда, указывались имя, фамилия, адрес, вероисповедание. На эти вопросы Царь ответил в присутствии моего отца: «Николай Романов, место рождения — Санкт-Петербург, уезд — Царское Село, православный, женат. Поступил в полк 16 июня 1887 года в царствование своего отца Александра III». Это был день, когда он был произведен в офицеры. Николай II, однако, ничего не упомянул о своем чине и удовольствовался только упоминанием «стрелок с 24/X—1909 г.» Он должен был указать свое положение при вступлении в полк. Владельцы определенных дипломов получали определенные льготы. Например, тот, кто имел высшее образование, автоматически становился унтер-офицером и мог служить в том городе, где проживала его семья; некоторые становились воспитателями, что давало право на уменьшение срока службы. Царь написал одну-единственную фразу: «Без всяких льгот до самой смерти».

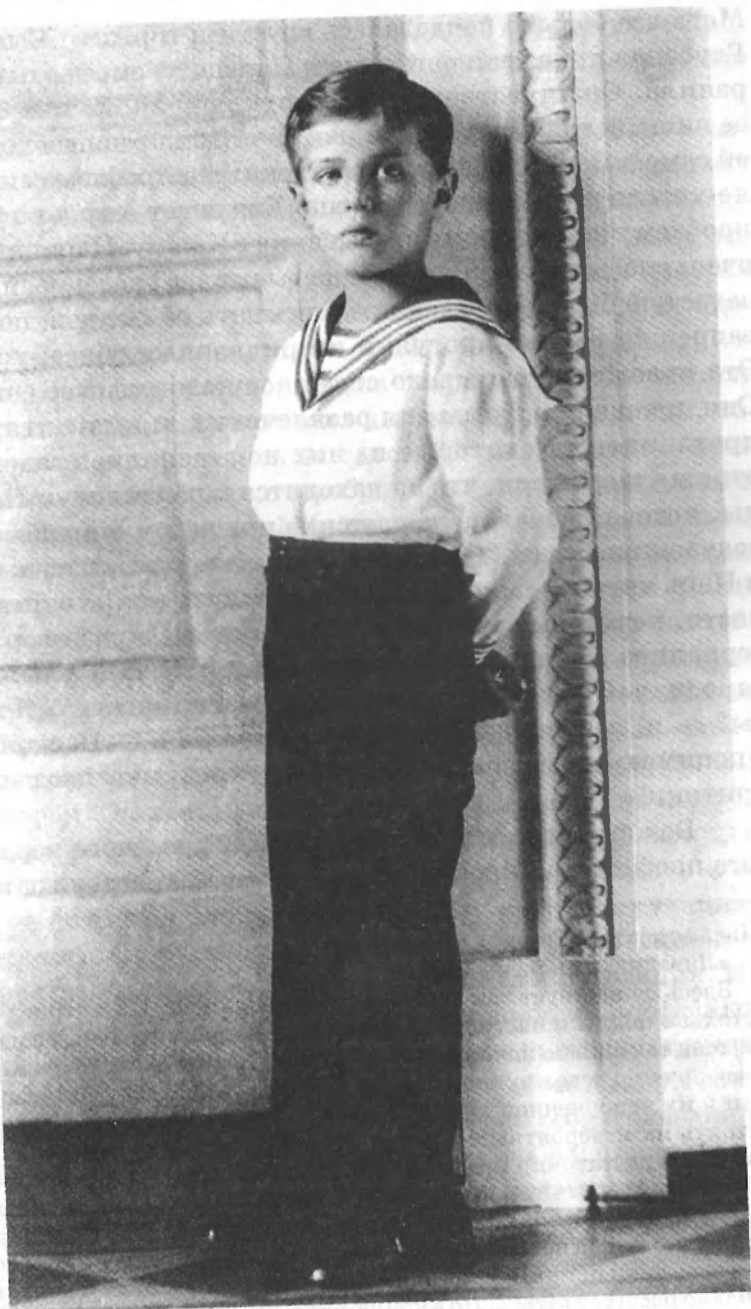
Без всяких льгот до смерти... С тех пор прошло семьдесят лет, и эта красивая и простая фраза, сказанная Государем,

Е. С. Боткин (на первом плане) в свите Императора Николая II

кажется мне предчувствием его собственной судьбы. Скромность и самоотречение, может быть, плохие качества для государственного человека, но как человеческие качества, они достаточно редки для того, чтобы быть почитаемы. Память о Николае II однажды будет очищена и поднята на должную высоту, как в других государствах, где наш Царь почитается как первая жертва среди тех миллионов, погибших в России при величайших политических и религиозных преследованиях.

НЕСМОТРЯ НА ПРОСТУЮ и свободную обстановку, царившую в Ливадии, мама себя в Крыму чувствовала нехорошо. Она пробыла там всего три недели и, разочарованная, вернулась домой. Что-то с ней произошло, это мы почувствовали. Она надеялась за это время ощутить вновь теплую, интимную обстановку своих первых лет замужества, но, к сожалению, мой отец, полностью занятый здоровьем Царицы и приступами гемофилии у Царевича, не смог уделить ей столько времени и внимания, как она ожидала.

Цесаревич Алексей. 1909 год

Мать все больше поддавалась грусти и горьким мыслям. Глубокая привязанность отца к Царской Семье ее глубоко ранила. Она чувствовала себя отключенной, как будто ее лишали той части любви, которая была так необходима ей самой. Занятая своими собственными проблемами, она не хотела понять проблем отца. Бог знает, сколько было проблем у него во время пребывания в Крыму. Царица была очень слаба, состояние ее сердца вызывало опасение, и отец зачастую был вынужден предписывать ей полный покой, запрещая всякие прогулки и придворные обязанности. Это положение вызывало страшное недовольство свиты. Они приехали в Крым для развлечения, и им не хватало праздников*. Некоторые из них не стеснялись задевать отца и утверждали, что он находится под влиянием Царицы, которая ненавидела светские приемы и старалась их всячески избегать. Однажды, когда она удалилась к себе и Царь читал Великим Княжнам вслух, как это бывало часто, некоторые свитские вызвали отца на разговор. Он терпеливо выслушал их претензии и с легкой улыбкой спросил: «Кто лечит, в сущности, Ее Величество? Я или вы? — и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Насколько я понимаю, вы не врачи? И тогда я не воспринимаю вашей критики!»

Вскоре после этого он пригласил известного кардиолога профессора Сиротинина во дворец. Он настоял затем,

* Письмо доктора Боткина к брату Петру.

«Ливадия, 21 ноября 1909 года.

Здесь существует так много мелких людишек. Их интриги настолько подлы и настолько низки! А их непростительные задние мысли так сильно пачкают все, что просто и свято, что против них совершенно невозможно защищаться. Нужно обладать их мыслями и их испорченной душой, чтобы иметь возможность противостоять их невероятным комбинациям. Я сделал окончательный вывод: я достаточно стар, чтобы отважиться быть самим собой. Я буду поступать так, как подсказывает мне чутье и мои мысли. Я готов, ничего не боясь, отвечать за свои поступки, если они действительно мои, а не навязанные кем-то извне. К сожалению, я должен все-таки принимать во внимание и считаться с этим и непроизвольно расстраиваться. Но в конце концов все это ничто, пока люди, с которыми я имею дело, очень далеки от этой грязи».

чтобы Царица поехала на лечение в Германию, в Бад-Наугейм. К счастью, в это время у Царевича как раз не было приступа гемофилии.

Дома кое-что изменилось. Состояние здоровья мешало мне учиться, я была подвержена ангине, ревматизму и иногда очень болезненной астме, и все это наряду с сердечной недостаточностью. Мама нашла замену мадемуазель Шюлер — русскую учительницу, которая должна была готовить меня к поступлению в гимназию. Я уже достаточно повзрослела, чтобы ходить на уроки танцев, которые посещали все дворянские отпрыски. Когда учитель подавал знак, мальчики должны были подойти к нам, поклониться и пригласить на танец. По парадным случаям они были в матросках с серебряными шнурами, а в обычные дни — в простых. Мы, девочки, тоже должны были соответственно одеваться — светлое платье, шелковая лента вместо пояса, завязанная сзади большим бантом. Длинные волосы распущены по плечам. Мы чувствовали себя почти совсем взрослыми, и нам это казалось прекрасным. Мы учили сначала польку во всех видах: «конькобежцы», «бабочку», «венгерскую», «испанский шаг» — и, конечно, вальс, краковяк и мазурку. Глеб оказался ужасным танцором. Он хватал свою партнершу сзади за бант, чтобы быть уверенным, что она не выскользнет, и вдобавок цеплялся за толстую прядь волос. Если его за это критиковали, он пожимал плечами и называл нас «галопирующими чертями». Он очень скоро забросил танцы, предпочитая оставаться дома со своими альбомами для рисования. Надо сказать, что тут он был значительно более способным.

В восьмилетнем возрасте он сочинил сказку про приключения жителей планеты Марс. В его богатом воображении марсиане были зверьми, которые вели себя и одевались, как люди. Они жили человеческой жизнью и принадлежали все к различным породам зверей. Белые медведи, например, были русские. Сказка никогда не была записана. И мы придумывали все новые эпизоды из жизни марсиан. Глеб начал рисовать большие картины, чтобы иллюстрировать приключения героев. Так как один из медведей был

избран царем, вокруг него быстро образовался целый двор. Вскоре все мужские персонажи были одеты в роскошную форму, весьма похожую на русскую. Женщины, которых было очень мало, носили изумительные кринолины. Ольга Бюцова не могла надивиться на рисунки Глеба. Ее особенно заинтересовало, что все звери имели большое сходство со многими нашими придворными. Она расхвалила рисунки Глеба среди знакомых, и наш младший брат стал маленькой звездой. Каждый раз, когда у родителей был прием, открывалась дверь нашей классной и слуга торжественным тоном объявлял: «Господа Дмитрий, Юрий, Глеб и барышня приглашаются в гостиную. Госпожа просит господина Глеба захватить свои рисунки». Дмитрий и Юрий не были в восторге от такого развлечения и, как только представление заканчивалось, удалялись сразу к себе. Я же всегда оставалась, разговоры взрослых мне казались очень интересными. Наши гости явно развлекались: «Посмотрите, это же Орлов!» — «Нет, это скорее Дрентельн... А этот серьезный полицейский?.. Полковник Герарди!» Зачастую, родители чувствовали себя неловко. Они боялись, что те, на кого Глеб нарисовал карикатуру, обидятся. Но никто не чувствовал себя обиженным. Напротив, уговаривали его продолжать.

Юрий тоже любил рисование и писал очень хорошие пейзажи. Наше маленькое имение в Финляндии граничило с поместьем Репина. Однажды отец посетил его со старшими мальчиками, чтобы показать художнику их рисунки. Репин взял пачку акварелей и стал их раскладывать на полу. Особенно интересными он нашел рисунки Юрия, сказав, что у него задатки прекрасного пейзажиста. Отец решил учить и того и другого рисованию. Он пригласил одну даму — Делаво-Кардовскую, имевшую уже славу художника. Несколько ее картин были куплены музеем Александра III. Она сразу же начала учить мальчиков писать портреты углем. Понадобились модели. Все «бородачи» в окрестностях были мобилизованы, начиная с кучера и кончая стекломоем. Нужны были обязательно «бородачи», так как подбородок у них был закрыт, и поэтому рисовать было гораздо легче. К счастью, в России бородачей хватало.

ЯРКО ОСВЕЩЕННЫЙ ЗАЛ Мариинского театра сверкал от хрусталя и серебра. Небесно голубой бархат шпиртера дополнял это великолепие. Вечером я первый раз в жизни выезжала и была счастлива. В честь моего одиннадцатилетия родители взяли меня и моих старших братьев вложу на балет. Давали «Лебединое озеро» с прямой-балериной Трефиловой в главной роли. Я еще никогда не видела такого большого и прекрасного спектакля — мне казалось, что все происходит во сне. Великолепие происходившего оплело меня настолько, что я забыла об усталости. В первом антракте мы оставались в ложе, и я услышала, как папа сказал маме: «Посмотри напротив — там сидит Биша с семейством. Они делают вид, будто нас не видят, но я все-таки пойду поприветствовать их». — «Пожалуйста, не надо, — ответила сильно раздосадованная мама, — нечего добиваться Бишиного расположения». — «Что за расположение? — спросил папа. — Я не добиваюсь ничего расположения, Биша мой брат, а я его давно не видел». В это время поднялся занавес, и разговор родителей прекратился. Брат папы Сергей, прозванный Бишей, был тоже уважаемым врачом, но он болезненно воспринимал, что папа, который был на пять лет моложе его, занимает более высокое положение, чем он. Тем не менее он был профессором Военно-Медицинской Академии и к тому же заведовал после смерти отца его кафедрой. Биша критиковал и даже в несколько угодливых выражениях открыто поддерживал ту партию при Дворе, которая была против моего отца. И оба брата рассорились. Вот уже более двух лет они не контактировали.

В конце второго акта папа встал и сказал маме: «Я все же пойду».

Через несколько мгновений мы увидели, как он появился в ложе напротив, на другой стороне зала. Он расцеловался со всеми и вернулся к нам вместе с Бишей. Я почти забыла, как выглядит мой дядя, ведь я еще была слишком мала, когда видела его в последний раз. Его любезность в тот вечер потрясла меня.

Через несколько недель отец, как всегда, пришел домой к обеду, и мы сразу заметили его необычно глубоко

расстроенное выражение лица. «Знаешь, — сказал он маме прерывающимся голосом, — как хорошо, что я успел обнять Бишу. Сегодня ночью он скончался от сердечного приступа. К счастью, он не страдал».

ГОД МЕДЛЕННО КОНЧАЛСЯ, но перспектива праздников маму совершенно не вдохновляла. После нашего возвращения из Ливадии она потеряла ко всему интерес. Даже мы, дети, не привлекали ее внимания. Я не задумывалась над этим. Я думала, что у нее начинается кризис, как у всех женщин после сорока лет. Может быть, она отдалилась от меня, потому что видела все возрастающую мою дружбу с братьями. У нас был тесный блок. С тех пор, как мы жили в Царском Селе, Дмитрий очень хорошо развивался. Я его боготворила. Его успехи в гимназии, его благородная внешность, безупречные манеры, честность, жизнерадостность и необыкновенный шарм очаровывали меня. Мои отношения с Юрием были значительно проще. Может быть, мама чувствовала, что испытывает к этому слишком высокому, немного неуклюжему, шумному и иногда нахальному подростку некоторую антипатию. Она одинаково плохо переносила как его жизнерадостность, так и его дикие выходки.

Глеб был ее любимчик, наверное, потому, что был младший. Она обращалась с ним как с маленьким и часто брала с собой к тете Вере — одной из кузин, которая жила рядом, купив в Царском Селе дом.

Тетя Вера происходила из очень состоятельной семьи. Она была дочерью ученого Михаила Воронина, одного из крупнейших ботаников в Академии Наук. В своем стремлении выбраться из обыденной жизни буржуазии она влюбилась в инженера Павла Шатко, скомпрометированного участием в революционном движении и арестованного. Они поженились в тюрьме. Позже его выслали в Сибирь, тетя Вера последовала за ним. Но потом жизнь разлучила ее с любимым мужем, и она устроилась в Царском Селе, ни на йоту, однако, не изменив своим революционным взглядам.

НАСТУПИЛО РОЖДЕСТВО. Мои родители устроили небольшой праздник и пригласили нескольких друзей: тетю Веру с ее тремя детьми и тетю Елену Казицину с мужем.

Папа все прекрасно организовал. Для каждого из нас он приготовил замечательные подарки. Особенно для мамы. Для нее он приобрел у знаменитого ювелира Фаберже изумительный кулон. Когда мама открыла коробочку, все ахнули от восторга, но отделанный бриллиантами опал оставил ее равнодушной. Она не только не поблагодарила отца, но сказала с недовольной миной: «Ты же знаешь, что я не выношу опалы! Они приносят несчастье!» Она закрыла коробочку и сделала вид, будто пытается вернуть подарок обратно.

«Если это тебе не нравится, — сказал отец, — ты можешь всегда его обменять. Я не хочу этого делать, поскольку боюсь, что могу вторично не угодить тебе», — добавил он с ласковой улыбкой.

По своему вкусу мама обменяла опал на аквамарин, который был совсем не такой красивый. Но и эта драгоценность не принесла ей счастья...

Глава IV

Развод

Я ЕГО НЕНАВИДЕЛА. Все в нем действовало мне на нервы. Его самоуверенность, вызывающие манеры, его болтовня... даже его внешность казалась мне ужасной. Он был молод, высок, с хорошей фигурой. От него исходило здоровье и энергия. Плоская студенческая фуражка, какие носили немецкие студенты, только подчеркивала правильность его черт.

Фридрих Лихингер из Риги, как большинство прибалтийцев, прекрасно говорил по-русски, хоть и с небольшим немецким акцентом. Он был новым учителем у моих старших братьев. Его приветливый вид произвел благоприятное впечатление на членов нашей семьи, хотя я чисто интуитивно не могла побороть антипатию.

Лихингер должен был жить все лето 1910 года с нами в Финляндии, и я вынуждена была делать «хорошую мину

при плохой игре» и терпеть его присутствие. Очень скоро ничто не обходилось без него — катанье на яхте, походы, верховая езда и бесконечные теннисные матчи.

Этот немец никому не давал покоя, и все были от него в восторге. Даже Глеб забросил свои рисунки и присоединялся ко всем. По вечерам рояль молчал, мама почти не играла, предпочитая часами болтать с Лихингером и старшими братьями. Лежа в кроватях в нашей комнате, мы с Глебом слышали их громкий смех. Потом началось бесконечное фотографирование. Мама делала так, что Лихингер всегда стоял на первом плане. Я не подходила близко, да меня никто и не просил.

«С Фридрихом я спокойна, — сказала как-то мама тете Катиш, когда мальчишки ушли на лодках в залив. — Когда он там — с мальчишками ничего не случится». «Я с тобой не согласна, — сказала тетя Катиш. — Я не люблю этого Лихингера, не знаю почему. У него много претензий, и он зачастую бывает наглым».

Мама ничего не ответила и сделала вид, как будто не слышала, а я была рада, что тетя Катиш разделяет мою антипатию.

Несколько недель спустя я была одна в «Собачьем клубе» — лежала с книгой в гамаке и немного задремала. Лихингер увидел меня, сел рядом на скамейку. Его присутствие действовало мне на нервы. Я решила сказать ему об этом и хотела спрыгнуть с гамака. А он внезапно схватил меня за платье и притянул к себе на колени. Наши взгляды скрестились. Ему не удалось меня как следует обнять: ощутив отвращение, я выскользнула от него. Никогда ни один мужчина со мной так не обращался! Рано утром на следующий день я пришла к маме в комнату и все ей рассказала. К моему большому удивлению, она заплакала...

ЭТИМ ЛЕТОМ папа не приезжал в Финляндию, мои родители почти пять месяцев были врозь.

Царь наконец внял папиным советам и вместе со всем Двором поехал во Фридберг (в Германию) к Великому герцогу Гессенскому, брату Императрицы Александры Федоровны. Резиденция находилась недалеко от Бад-Наугейма.

Государь Император Николай II Александрович
и Цесаревич Алексей.
1910 год

Там были целебные источники, которые делали буквально чудеса с сердечными больными и которые мой папа часто рекомендовал своей Пациентке*.

Отца нам очень недоставало. Его отсутствие создавало невероятную пустоту. Нам бы так хотелось поговорить с ним о всех происшествиях, которые нас занимали. С тех пор как Луи Блерио перелетел через пролив, Дмитрий начал мастерить модели аэропланов. Раньше его интересовали только яхты, теперь прибавились аэропланы. Он потратил много терпения и умения, чтобы создать хорошую модель, которая при помощи закрученной резинки поднималась в воздух. Когда Дмитрий ее запускал над нашими головами, она пролетала пять-шесть метров. Мы рукоплескали ему. Он был нашим семейным Блерио.

«Но Блерио же не русский, — протестовал Глеб. — Опять наши матросы должны спасти итальянца!»**

Два года назад Мессина была полностью разрушена от землетрясения, и русский военный корабль спас многих пострадавших. Мировая пресса хвалила мужество наших матросов, и мы гордились нашей принадлежностью к сильнейшей стране мира.

Когда мы уехали из Финляндии в Царское Село, Лихингер, к моей большой радости, уехал домой. По непонятным мне причинам я была как-то беспокойна. Мама наняла

* Из письма доктора Евгения Боткина брату Петру:

«Замок Фридберг [около Бад-Наугейма (*прим.О.К.*)], 21 августа 1910 г.

Болезнь Царицы меня очень волнует. Дело идет о нервном заболевании, которое действует на сердце и ослабляет сердечную мускулатуру. Этот диагноз подтвердили наши профессора, которых я пригласил перед отъездом, и здешний врач подтвердил его. Я говорю тебе это откровенно, так как решил не делать больше секрета из заболевания Государыни. Я считаю, так лучше, чем давать повод к разным домыслам и фантазиям. Здесь очень целебные ванны, оборудованные с царской роскошью. У меня есть все основания предполагать, что они принесут пользу моей Пациентке».

** Видимо, Блерио «спасали» в игре. Луи Блерио (1872–1936), французский авиатор, был удачлив и впервые в истории авиации преодолел расстояние более чем в 30 км, перелетев через Ла-Манш (*прим. О. К.*).

шим новую гувернантку. Мисс Лаура Бойль была молодая англичанка, очень симпатичная. Когда она вошла в вестибюль, я сразу заметила две теннисных ракетки, которые были привязаны к ее чемодану. Уже была осень, и в Царском Селе не было ни одного теннисного корта. Где же она собиралась играть? Но это ее не сбило с толку, и она, веселая и свеженькая, начала тренироваться у стенки нашей классной комнаты. Конечно, Дмитрий и Юрий сразу же начали ей подражать.

В МОЮ ЖИЗНЬ мисс Бойль, в сущности, как следуют не вошла, потому что я теперь ходила в гимназию. Приемные экзамены я сдала хорошо. Лучшей отметкой считалось 12 баллов, а у меня почти по всем предметам было 12. Для поступления в гимназию совсем не обязательно было быть дворянкой, и преподавательский персонал, в большинстве своем женщины, не делали никакого различия между ученицами. Только швейцар считал своим долгом называть девочек по фамилии, если они были из особо знаменитого рода. Меня он приветствовал кратко: «Добрый день, мадмуазель Воткина!» Одну мою лучшую подругу, Настю Гудович, он приветствовал: «Добрый день, Княжна!» Поскольку в России титул «княгини» или «графини» носили только замужние дамы, то их дочери довольствовались уменьшительной формой.

Рано утром, приходя в гимназию, мы снимали шляпы и пальто и убирали их в гардероб, где у каждой из нас был свой шкафчик и ящик. Горничные в белых передниках помогали нам привести в безупречный порядок платья и прически. В младших классах обязательно носили косы, в старших — шиньоны, строго затянутые на затылке. Мы носили коричневые платья с длинными рукавами и высоким стоячим воротничком. Сверху надевался черный передник. Длина платья должна была быть 30 см от пола независимо от того, какого роста девочка, чтобы было ровно, когда мы стояли в ряд. На больших праздниках, например, при раздаче табелей, мы надевали белый воротник «а-ля Мария Антуанетта», который придавал светлую

ноту нашей темной форме. Это был большой белый воротник из органди, отделанный рюшем из валенсианских кружев, который свисал с плеч, перекрещивался на талии и завязывался на спине.

Старшие прикрепляли себе на левое плечо отличительный знак в виде большой плоской пуговицы, обтянутой светло-голубым сатином и обрамленной шнурком, в честь Государыни Марии Александровны, супруги Александра II. Голубой цвет был ее любимым. Гимназии, которые она основала для девочек, носили ее имя, кроме Смольного института, основанного Екатериной Великой. Но он был только для высшего дворянства.

Во время моего первого учебного года я обедала в гимназической столовой, но из-за моей анемии мне была прописана особая диета. Каждый день горничная приносила мне в корзиночке обед между двумя тарелками, завернутый в теплые салфетки. Она никогда не забывала десерт и маленькую бутылочку молока, которое я так любила.

Каждый класс имел свою классную даму. Они ходили в скромных голубых платьях, освеженных белым воротничком, присутствовали на всех занятиях, сидя в другом конце классной комнаты, как раз напротив учителя, и должны были следить за порядком. Наша классная дама была уже немолодая, довольно мягкая и не слишком принципиальная. В классе напротив классную даму называли фрейлейн Битнер. Я обратила на нее внимание, так как часто в переменах она была окружена ученицами, которые ее, по-видимому, любили и уважали. Ее твердый характер нам импонировал. Тогда я не знала, что встречу ее много позже при ужасных обстоятельствах.

Каждый урок длился пятьдесят минут, после чего мы выходили в рекреационный зал. Если по дороге нам встречался учитель, мы должны были делать небольшой книксен. Больше всего мы любили ходить, держась за руки или за талию, по четыре-пять человек. Мы упражнялись делать книксен все одновременно. Классные дамы поощряли это, и у нас выходило совершенно синхронно. Если же нет, нас наказывали. Вечером дома я немного болтала с мамой. Она

рассказывала мне о своей учебе в гимназии и даже доверила один секрет. Один из ее учителей так ей нравился, что во время его уроков она всегда занимала место в первом ряду. Она получала всегда прекрасные отметки и украсила свое платье красивым кружевным воротником, чтобы он обратил на нее внимание. Мне это очень не понравилось. Я вообще не понимала, как можно прибегать к таким уловкам, чтобы понравиться молодому человеку. То, что это был ее учитель, еще более усугубило ее вину в моих глазах. Я твердо решила никогда в жизни не вести себя так, даже когда я вырасту. Как видите, романтические чувства у меня еще отсутствовали. Летом я начала читать романы Чарской, очень нравившиеся девочкам. В ее книгах рассказывалась история молодой грузинской Княжны Нины. Все было полно дружбы, любви, одиночества и цветов. Там были прогулки при луне и только благородные чувства.

Однажды вечером надо мной склонился Юрий, как раз в это время я проливала слезы о своей героине.

«Ты читаешь эту ерунду? Кто дал тебе эту книгу?»

«Мама, — сказала я. — И мисс Бойль говорит, что это подходит моему возрасту».

Юрий громко рассмеялся: «Глупая корова все время занята своим теннисным мячом, которым бьет о любую стенку! Я посмотрел эту книгу — куча глупостей. Только хихиканье, секреты, шепот и мечты о молодом принце... Ты и сейчас не очень умна, но если ты это читаешь, совсем одуреешь. Я рекомендую тебе лучше биографии или исторические книжки. Я могу тебе кое-что дать, если хочешь».

Я последовала совету брата и нашла среди его книг такие, которые меня гораздо больше захватили, чем шепот при луне.

С этого времени мои мечты увлекли Шамиль, вождь восставших магометан на Кавказе, и «Тарас Бульба» Гоголя.

ПРЕБЫВАНИЕ Царской Семьи в Германии закончилось только 3 ноября 1910 года.

Мама с каждым днем все больше нервничала. Ее почти никогда не было дома, она все вечера была у тети Веры или у моей крестной Елены Казициной.

Однажды она отсутствовала целых две недели, которые провела у старинной подруги, вышедшей замуж за богатого коммерсанта из Гельсингфорса. За несколько дней до возвращения отца она была дома. Очень счастливой от возвращения своего мужа она не казалась. К моему большому удивлению, родители жили теперь в разных комнатах.

«Почему папа спит на диване в кабинете?» — спросила я однажды утром маму.

«Я чувствую себя несколько усталой, — ответила мама. — Отец находит, что у меня анемия, и мне нужен покой. Мы ведь и так встаем в разное время, а по вечерам он работает так долго...»

Ответ показался мне неубедительным. Мои родители выглядели грустными и озабоченными. Отец больше не приходил к ужину домой, и гости к нам не приходили. Даже Ольга Бюцова заходила реже.

Приближалось Рождество. Праздничный Рождественский ужин был, как всегда, совместно с семьей Шатко, тетей Еленой Казициной, ее мужем и с несколькими друзьями. Но... на этот раз мы были не все — мама отсутствовала. Ее здоровье ухудшилось, и в начале месяца она объявила нам о своем отъезде в санаторий в Гельсингфорс. Мы делали нечеловеческие усилия, чтобы казаться веселыми, но смущенные лица гостей, их слишком явное желание нас развеселить наполняло нас неприятными предчувствиями. Худо-бедно, мы утешались мыслью, что мама к Новому году будет с нами дома.

Несколько дней спустя отец пришел домой значительно раньше, чем всегда. Он прошел прямо в комнату старших мальчиков и провел с ними некоторое время. Мы пробовали подслушивать у дверей, но они говорили слишком тихо. Когда отец вышел оттуда, Глеб спросил его с детской непосредственностью: «Мама будет здесь к Новому году?»

«Как раз об этом я и хотел с вами поговорить», — ответил отец.

Он совершенно спокойно сел в кресло и продолжал: «Мама к Новому году не вернется и, возможно, не вернется

вообще. — Он прервал себя и добавил. — Мама и я разводимся. Мама хочет выйти замуж за другого, вы его хорошо знаете».

Я уже не помню, что мы на это сказали. Я думаю — ничего. Отец старался всячески скрыть свое смущение. Он повторил, как будто старался себя убедить: «Мама не хочет больше жить со мной. Когда она выйдет снова замуж, она предлагает вам переехать к ней. Как вы думаете, за кого она выходит замуж?»

В первый момент я подумала о Дрентельне, о музыкальных вечерах, когда они играли в четыре руки, но у меня никогда бы не сорвалось с губ имя Царского адъютанта. Отец нарушил долгое молчание. «Она выходит замуж за Лихингера», — с трудом произнес он.

«Лихингер! — крикнула я. — Этот ужасный тип! Он всегда был мне отвратителен». Отец промолчал. «Старшие мальчишки остаются со мной, но Глеб и ты можете жить с мамой, если хотите. У вас все будет, я об этом позабочусь».

Я не колебалась ни одной минуты. «Я тебя не покину. Я остаюсь с тобой». Глеб задумался. Для него выбор был не так прост. Он был в общем-то еще мал — в десять лет, и вполне естественно, что он был привязан к своей матери. В это время вышли из комнаты Дмитрий и Юрий. Отец взял меня за плечи и сообщил: «Танюша остается с нами!» Голос Глеба задрожал, когда он спросил: «Мама тебя покинула?» «Да», — просто сказал отец.

«Если бы ты ее покинул, я остался бы с ней. Но когда она тебя покидает, я остаюсь с тобой!» — объяснил Глеб звенящим голосом и бросился в раскрытые объятия отца. Я подбежала к нему и покрыла его мордашку поцелуями.

На следующее утро меня разбудил запах чего-то горелого, который шел из комнаты братьев. Я постучалась к ним и вошла, не дождавшись ответа. Они занимались тем, что сжигали в печке все фото нашего последнего лета в Финляндии. Я не могла оторваться и долго тупо смотрела в огонь, который медленно уничтожал красивую улыбку Лихингера. Я не предполагала, что эта драма была первой и самой легкой изо всех, которые постигнут нашу семью и разрушат

нашу страну. К счастью, мы были прочно защищены любовью отца.

КОГДА ГОСПОЖА Тевяшова склоняла голову, три больших бриллианта, которые висели в ее ушах, стучась с туго накрахмаленным воротничком ее блузки, издавали нежный хрустальный звон. Госпожа Тевяшова излучала благородство. Высокая и стройная, она очень прямо держалась, у нее были красивые, слегка вьющиеся белые волосы. Зимой она носила скромный черный, летом серый костюм, который еще больше подчеркивал ее обаяние и породу.

Присутствие молодежи ей было приятно, и я чувствовала себя в ее обществе очень уютно. Ей было по крайней мере столько же лет, сколько моей бабушке, но это мне не мешало. Она умела разговаривать со мной как с подругой, и я восхищалась ею. Я часто думала, что когда мне будет за пятьдесят, я бы хотела на нее походить. Когда она узнала о разводе моих родителей, она пригласила нас на Святки. Дмитрий и Юрий были очень дружны с ее внуками Николаем и Микой Ушаковыми, у которых гувернером был мистер Бойль, брат нашей гувернантки.

Отец, со своей стороны, всячески старался отвлечь нас от мысли об отсутствии матери, и так как он хотел приучить моих братьев к общению с молодыми офицерами, он решил дать большой ужин 6 января. Помочь нашей прислуге он впервые попросил своего придворного камердиенера в черной с золотом ливрее, красной жилетке и белых штанах. Отец пригласил нескольких только что вышедших из Пажеского корпуса молодых офицеров. Пажеский корпус был военным учебным заведением для молодых дворян. Все они состояли в «4-м батальоне Императорских стрелков». Этот полк имел прекрасную славу и далеко не так дорог, в смысле экипировки, как другие полки: все офицеры происходили из очень хороших семей, однако, не очень состоятельных, поэтому они не могли позволить себе многие дорогие удовольствия. Они поэтому были рады входить в дома, где их принимали как друзей. По православному

Доктор Боткин с детьми: Глебом, Татьяной, Юрием и Дмитрием.
1910 год

обычаю, 6 января* — последний день, когда можно еще зажигать свечи на елке. Это также день гаданий, когда предсказывают судьбу на новый год.

Например, растапливают воск и выливают его в ведро со снегом. Когда он застывает, образуются замысловатые фигуры, которые можно по-разному истолковать. В этот вечер каждый получает предсказание о себе:

«Смотрите: нос и очки, — ты будешь близоруким!»

«Нет же, это ведро и метла, — он женится на уборщице!»

«Посмотрите-ка с другой стороны, это сани!»

«Нет, это рояль».

Мы смеялись и начинали другую игру, которая тоже была традиционной и состояла в следующем: на длинных бумажных ленточках писали свои желания на будущий год. Слуга приносил эмалированный таз, до половины наполненный водой. Один конец бумажек приклеивали к краю таза, а другой — свисал свободно над водой.

«Орех! — крикнул Глеб. — Нам нужны орехи». Он подбежал к елке и принес один из висевших на ней позолоченных

* Все даты, которые приводит автор, даны по Юлианскому календарю, который употреблялся в России до революции и по сравнению с Григорианским календарем, употребляемым на Западе, имеет разницу в 13 дней (прим. О. К.).

орехов, которые были украшением. Он аккуратно расколол его на две половинки и укрепил в одной скорлупке свечку. Я опустила этот импровизированный пароходик в таз и поболтала пальцами в воде. Огонек покачался и поплыл к бумажкам, которые начали загораться.

«Потуши скорее, Танюша! — крикнул папа. — И скажи, что ожидает нас в будущем?»

Я прочла предсказание громким голосом, и Глеб стал смеяться, когда услышал, что в ближайшем времени я стану полковником казачьего полка.

Без мамы жизнь стала другой, но она продолжалась...

В РОССИИ неделя перед Великим постом называется Масленица. В это время можно объедаться маслом, молоком, яйцами. Потом наступает Великий пост до Пасхи, который продолжается семь недель. Все православные строго придерживались поста. В это время театры, концерты и другие увеселительные заведения были закрыты. А во время Масленицы вся Россия была охвачена волной увеселений. Каждый старался использовать последние дни перед постом, чтобы устроить большие званые обеды, где, в основном, уничтожались «блины», которые ели с топленным маслом, свежей сметаной, копченой лососиной и икрой. Привилегированные классы не страдали от поста. Масса различной рыбы давала возможность поварам показать свои способности. Завтрак для меня был проблемой. Я не любила мед, который намазывали на бутерброды вместо масла.

Отец считал, что пятьдесят дней поста для нас, детей, слишком много. Мы соблюдали три важнейших для православных недели поста: первую, которая называется Святой неделей, четвертую — Крестопоклонную, и седьмую — Страстную. Отец соблюдал пост со всей строгостью, но в то время когда мы, дети, не должны были поститься, ему приносили обед с придворной кухни, чтобы не перегружать домашнюю прислугу. Он мог бы поступать так ежедневно, но он не хотел использовать многочисленные привилегии, которые давало ему положение по службе.

Не в его характере было употреблять вино или другие деликатесы, поставляемые для придворных. Вино бывало у нас в доме только к приходу гостей, а что касается сладостей, то мы их так любили, что Двор был бы разорен, если бы мы их оттуда получали. Было у нас два излюбленных лакомства: наполненные марципаном трубочки и толстые, обсыпанные сахарной пудрой пластинки из горького шоколада. Превосходные!

Однажды перед Масленицей отец объявил нам как о чем-то особенном: «К Великому посту мама вернется к нам обратно. К Святому празднику мы будем опять вместе и, может быть, помиримся, хотя развод уже объявлен».

Глеб был как сумасшедший от радости. Дмитрий и Юрий, наоборот, чувствовали себя неуютно. Я же была полна противоречий. Я была рада, что мама хотела к нам вернуться, но ощущала барьер, который возник между нами, и у меня не было желания его разрушать.

Едва приехав, мама отправилась к тете Вере. Вернулась она очень веселая и сообщила нам, что ее кухня организуется на Масленице большой маскарад, на который мы все приглашены. Дмитрий пусть оденется маркизом, поскольку он предназначался кавалером Лики, хозяйской дочери, которая будет одета маркизой. Эта перспектива вызвала наши улыбки. Тонкие черты лица Дмитрия, без сомнения, подходили к парикю. Но что будет с Ликой, одетой маркизой Помпадур, при революционных взглядах ее матери?

Вскоре после бала Дмитрий спросил папу: «На этой неделе придут стрелки?»

«Конечно», — ответил отец.

«Кто это — стрелки?» — спросила мама недовольным тоном.

«А это ты увидишь! — воскликнул Юрий. — Они такие веселые! С ними всегда весело! Мы играем в жмурки и всякие другие веселые игры, и нам это очень нравится!»

Мама ничего не ответила и сделала недовольное лицо. Я сразу поняла, что она не выносила наших новых привычек, приобретенных во время ее отсутствия.

Дмитрий Боткин и его кузина Маргарита в костюмах маркиза и маркизы на маскараде в Санкт-Петербурге. 1911 год

За ужином она вела себя очень неприятно по отношению к приглашенным офицерам. Как только это стало возможным, она ушла к себе и велела мне идти с ней.

«Я совершенно не понимаю, как отец может позволять такие сборища и даже поощрять их! Эти молодые люди совершенно невозможны. Они очень шумные и ведут себя, как у себя дома! Я очень рада, что начинается Великий пост. По крайней мере, в это время не будет таких вечеринок!»

Мама очень серьезно относилась к Великому посту. Однажды, когда отца не было дома, она поделилась с нами своим желанием пойти одной к исповеди и причастию.

Услышав об этом, Юрий взглянул на нее: «Я думал, разведенным не разрешается исповедь и причастие»*.

«Да, это так, — возразила мать. — Но только тем, кто взял вину на себя. Ваш отец по-рыцарски взял ее на себя, и я имею право на исповедь и причастие». И добавила тихим голосом: «Я думаю, мне это необходимо...»

«Но тогда отец не может идти к причастию!» — воскликнул Юрий.

Мать приказала вызвать коляску. Она хотела вовремя быть в церкви, чтобы оказаться в числе первых, которые будут исповедоваться после Обедни. Когда она появилась через четверть часа, мы очень удивились. Из нашей классной мы услышали ее жалобное рыдание.

Горничная пришла к нам и сказала: «Госпожа просит господина Дмитрия или лучше Юрия, который сильнее, ей помочь. У нее сильные боли в ноге».

Мальчики бросились в вестибюль. Мама была в плачевном состоянии. Начался дождь, и ее пальто и юбка были запачканы грязью.

«Я не знаю, как это могло случиться! Лошадь понесла, коляска упала, и я оказалась под ней. Мы были уже недалеко от церкви, и я бы могла дойти пешком. Но я не могла выпрямиться. Прохожие останавливались, чтоб помочь кучеру, который был испуган и ругался ужасно! Я не знала, что делать. Мимо проезжали дрожки, я их остановила. Мне нужна была помощь, чтоб взобраться...»

Мальчики отнесли мать в постель, и горничная помогла ее уложить. Вечером, придя домой, отец обнаружил растяжение и велел ей лежать. После ужина мать позвала нас к себе. Она говорила тихим, прерывающимся от рыданий голосом. «У тебя такие боли?» — спросил Глеб. Мама улыбнулась сквозь слезы: «Я плачу не из-за ноги, а потому что Бог меня наказал. Он не хотел, чтобы я исповедовалась. Я недостойна принять причастие. Теперь я знаю, я наказана за свой грех!»

* Так у автора. Имеется в виду исповедь перед причащением, а не исповедь вообще (прим. О. К.).

Развод родителей вызвал много толков в Петербурге и в Царском Селе.

«Доктор Боткин — святой», — говорили одни.

«Ольга Владимировна — сумасшедшая», — утверждали другие.

Перед разводом мать мало показывалась среди людей. Она чувствовала, что общество отвернулось от нее. Она взяла свою девичью фамилию, под которой ее никто не знал, и у нее даже не было желания заказывать новые визитные карточки.

Однажды мама хотела навестить Ольгу Бюцову. Через площадь у дворца шел один наш знакомый, который ее увидел и прошел, не поздоровавшись, мимо. Страшно оскорбленная, мать вернулась домой.

Позже отец рассказал мне, как обидело его отношение знакомых к матери. Особенно было обидно, что все эти выпады были как раз тогда, когда они хотели помириться.

«Как он мог взять ее опять к себе?» — перешептывались одни. «Даже Каренин не пошел на это...»

Для отца эта ситуация была совершенно невыносима, если б Царь и Царица не проявили столько понимания: он заявил им о своей отставке, потому что считал, что его должность не совместима с положением человека, который разводится.

«Ваш развод, — ответила Царица, — ничего не меняет в нашем доверии к вам. Вы не один разведенный при Дворе. Дрентельн тоже живет отдельно от жены. Даже в нашей Семье есть такие случаи. Великая Герцогиня Виктория, жена моего брата герцога Гессенского, разведена с ним, для того чтобы выйти замуж за двоюродного брата Царя — Великого Князя Кирилла Владимировича».

ДОМА Пасхальные каникулы тянулись медленно и скучно. Впервые со времен нашего детства Пасхальная ночь не была так радостна, как это бывает в России по окончании Великого поста и при Воскресении Христовом. Отец пригласил стрелков, но мать предпочла остаться в своей комнате.

Через несколько дней мы с облегчением узнали, что она опять уезжает «на лечение». Прощание было тяжелым, но коротким. Предложенное отцом примирение не состоялось. На этот раз мы почувствовали, что разлука будет долгой, но мы уже понимали, что иначе не может быть. Никогда больше мы не упоминали имени нашей матери.

Глава V Две силы

«**В**ЫСОКИЙ МУЖЧИНА в длинном черном кафтане, какие носят состоятельные мужики по праздникам, в тяжелых сапогах... Длинные нечесанные темные волосы, черная густая борода, высокий лоб, широкий нос, резко очерченный рот...»³⁷ Так описывает Морис Палеолог, в то время французский посол при Российском Царском Дворе, Григория Распутина. Он добавляет: «Выражение лица сконцентрировано в глазах. Глаза серые, удивительно блестящие, удивительной глубины и притягивающей силы. Взгляд острый и нежный, беспечный и хитрый, прямой и отсутствующий. Когда он говорит, его зрачки как бы заряжаются магнетизмом».

Я лично с Распутиным никогда не встречалась. В 1911 году я даже не слышала его имени, наверное, потому что мне было тогда всего тринадцать лет. Он же был известен во всей России и особенно в высшем свете Петербургского общества.

Григорий Ефимович был уроженец села Покровского, которое находилось в Сибири. Родился там в 1872 году и получил известность благодаря своему дару предвидения. Он надолго останавливался в монастырях, и очень скоро его стали считать святым. Заметили, однако, что его фамилия «Распутин» напоминала о грехе, и поэтому его охотнее называли «старец». Так называли ведущих подвижническую жизнь аскетов и мистиков в Православной Церкви. Хорошо снабженный восторженными рекомендательными письмами, данными ему церковнослужителями, которые были под впечатлением его

способностей, Распутин впервые появился в Петербурге весной 1903 года. Вице-ректор Духовной Академии епископ Феофан ввел его к кузине Царя Великой Княгини Милице Николаевне. «Замечательный странник», — сказал он. Великая Княгиня скоро стала одной из его горячих поклонниц. В ноябре 1905 года она, не колеблясь, представила его Царской Чете, и Николай II записал в своем дневнике: «Мы познакомились с Божьим человеком Григорием из Тобольска».

Начался невероятный успех Распутина. Из монастырей он перешел в салоны. Скучающее светское общество Петербурга очень им заинтересовалось. Что он еще и опасен, тогда еще не было известно. Все были очарованы исходящим от этого простого мужика, необразованного и невоспитанного, неоспоримым магнетизмом. «На экзальтированных людей он действительно производил очень сильное впечатление»³⁸, — замечает священник Георгий Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства, один из его главных противников. — Все его существо, его слова и манера говорить были как-то таинственны. У него были глубокосидящие колючие, пугающие глаза, узкий лоб, спутанные волосы, неухоженная борода, а его речь — короткая и невнятная, с таинственными намеками и ссылками на Бога; он быстро двигался, был отважен, смел, умен в своих суждениях и не терпел противоречия. При этом он говорил очень авторитетно, не обращая внимания на личность своего собеседника. Одних это поражало и удивляло, других подчиняло его власти. Бесспорно, он выделялся из общей массы. Его нельзя было не заметить». Одна женщина особенно попала под его влияние. То была Анна Вырубова. Я видела ее однажды, когда она нанесла маме визит вежливости. Она была маленькая, кругленькая. Покинутая своим мужем при особо драматических обстоятельствах, она сумела завоевать доверие Государыни, которая имела склонность принимать участие в чужих страданиях, и таким образом Вырубова стала ее подругой и поверенной. Вырубова никогда не представляла себе, что Распутин ведет двойную жизнь: безграничная святость, с одной стороны,

и пьянство и распутство — с другой. Легковерие этой женщины, мистического и экзальтированного существа, никогда не подвергалось сомнению.

К счастью, не все придворные обманывались кривляниями «старца». Мой отец, понимавший всю опасность такой персоны для России, очень скоро убедился, что необходимо назначение сильного, интеллигентного и неподкупного человека в Святейший Синод, чтобы остановить все возрастающее влияние Распутина. (Святейший Синод руководил Русской Православной Церковью. Призванный Петром Великим вместо смещенного политически влиятельного Московского Патриарха, он состоял из духовенства — большинство были епископами, но прокурор был непременно светский). Когда этот пост стал вакантным, мой отец употребил все свое влияние, чтобы выдвинуть одного из своих друзей Сергея Лукьянова — абсолютно преданного монархии, очень смелого человека. Он был бывшим студентом моего деда и не имел никаких связей при Дворе и в духовной среде. Как выдающийся патолог, он обладал интеллигентностью и исключительной способностью логически мыслить. Он был далек от русских государственных интриг. Его прямолинейность завоевала уважение Столыпина, который был также очень дружен с моим отцом. Их совместная работа скоро принесла плоды.

Политическая ситуация в России причиняла моему отцу много хлопот. Его мнение было таково: эта огромная страна, начавшая медленно, но успешно развивать свою промышленность и преодолевать хозяйственную отсталость, должна обязательно современно управляться. Политические и административные структуры России казались ему неадекватными. На этом основании он поддерживал реформы Столыпина и старался поддерживать молодых людей, которые, как он был убежден, способны привести монархию и Россию на путь успеха. Так он добился выдвижения своего брата Виктора (которого мы называли Виктор) на пост уполномоченного по особым поручениям при военном министре генерале Сухомлинове.

Дядя Викар был неугомонным драгунским офицером. В Китайском походе* он был тяжело ранен в правую руку и дошел со своим полком до Дальнего Востока. Там вел он обычную гарнизонную жизнь в бесконечных пьянках и игре в «кукушку». Игра проходила так: в большой комнате офицеры расходились по разным углам, свет гасился, и один из играющих с револьвером ждал, пока в темноте кто-нибудь не крикнет «ку-ку». В этом направлении следовал выстрел.

«Но ведь вы могли так все друг друга перестрелять!» — восклицали мы. «Ну и что?» — говорил дядя Викар. Потом он успокаивал нас: «В моем полку никто не был убит, было несколько раненых, но не тяжело». Во время Русско-японской войны Викар был переводчиком при иностранных миссиях. Он стал спокойнее и считался приятным гостем. В обществе он был веселым, остроумным и обаятельным. Но его часто ядовитое остроумие не всегда завоевывало друзей. Моя мать его не любила, и до развода родителей он очень редко бывал у нас в доме.

Позже он стал бывать чаще. Когда он появлялся в вестибюле, мы сразу слышали его мощный голос, стук его палаша по паркету и металлический звон шпор. Мы сразу ожидали взрывов смеха, ведь он смеялся часто, и слуга тоже не мог оставаться серьезным, слушая остроты моего дяди, пока помогал ему раздеваться. Викар недолго оставался на посту у Сухомлинова. Очень скоро частые контакты подчиненных Сухомлинова с немецкими властями вызвали недовольство дяди, и с его неукротимым темпераментом он сделал заключение, что министр предает свою страну. К сожалению, Викар не мог держать язык за зубами. Сухомлинов проведал о его обвинениях и при первом удобном случае дал ему отставку. Эта возможность представилась, когда Викар случайно в министерстве зашел в гостиную и застал жену генерала в щекотливой ситуации с адъютантом

* Китайский поход 1900 года — действия русских войск в Манчжурii в составе международных сил для защиты иностранных подданных и КВЖД во время восстания «боксеров» (прим. О. К.).

ее мужа. Так как он сам имел виды на очаровательную супругу, он бросился на адъютанта. Был большой скандал, и Викар потерял свою должность, что очень рассердило отца. Викара же это ни чуть не смутило, и он вернулся на Дальний Восток в свой старый полк.

Меня связывала с ним глубокая дружба. Под маской светского льва я чувствовала горячее сердце отважного человека.

Своим братом Александром отец был давно очень доволен. Дядя Саша был на год младше отца, и отец его очень уважал, считая, что из пяти братьев Боткиных он был самым интеллигентным. Окончив Медицинскую Академию в чине майора, дядя Саша стал исключительно хорошим врачом. Его безошибочные диагнозы, основанные на энциклопедических знаниях, сделали бы из него знаменитого практика, но у него была страсть — путешествия. После смерти моего деда он стал морским врачом. Вернувшись из первого кругосветного путешествия, он представлял свою жизнь врача несоединимой со своими интересами. Он с успехом сдал экзамены в морское училище. Став морским офицером и пройдя все моря в мире, он устал от тупости своих товарищей и вышел в отставку в чине фрегат-капитана*.

Известный русский исследователь адмирал Вилькицкий попросил Александра сопровождать его в экспедициях по рекам Обь и Енисей и поручил ему закупить необходимые для этого материалы в США. Позже дядя Саша участвовал в экспедиции по Миссисипи и два года провел в гидрогеографических экспедициях на Байкале. Со времени женитьбы его всюду сопровождала жена. Они ездили восемь лет, и их счастье ничем не омрачалось.

Рождение дочери очень слабого здоровья Марианны заставило их вернуться к оседлой жизни. Они решили жить в Финляндии, недалеко от Хельсинки, в деревне Ино. Дядя Саша всегда носил морскую форму, которую изнашивал до неприличия.

* Фрегат-капитан — капитан II ранга (прим. О. К.).

Он управлял своим имением передовыми методами. Супруги вели очень простую жизнь. Его авторитет и немного резкий характер не вызывали симпатий, но его высоко ценили.

У него была очень небольшая практика, но он никогда не отказывал в помощи — ни днем, ни ночью, не беря за это никакого гонорара. Он стал вскоре очень популярен как среди финнов, так и среди русских, которые жили в этих местах. Отец очень беспокоился, когда начались неприятности с Финляндией. Он советовал Царю сделать дядю Сашу посредником между финским населением и Царской властью. Успех его миссии зависел от того, будет ли он признан как представитель Его Величества при довольно неприязненном в тот момент отношении финского населения к России.

Назначенный на этот пост в 1912 году, он занимал его до 1917 года. Его назначение понравилось не всем. Злые языки уверяли, что вся дворцовая политика находится в руках Орловых и Боткиных. Но роль врача, если и была такой выдающейся, основанной на доверии Государя, могла быть все же только ограниченной.

Я ЗАБОЛЕЛА. Государыня прислала мне бутылочку со святой водой, Великая Княжна Татьяна — букет роскошных цветов, а когда отец уходил с борта «Штандарта», Царевич крикнул ему: «Привет Тане от меня!»

Когда они узнали, что я больна, Государыня настояла, чтобы отец покинул яхту и навестил меня в Финляндии. Так как ему трудно было оставлять своих Пациентов, он еще медлил, и только когда дядя Казицин, волнуясь о моем здоровье, дал ему телеграмму, он решился уехать.

У меня была высокая температура, непрерывная головная боль и желудочные спазмы. Я плохо спала и часто бредила. Ни один врач не мог разобраться в моем заболевании. Глеб и я находились во время каникул в средней Финляндии в Айрикола на Ваммель-ярви, где было имение моей крестной Елены Казициной. Старшие братья гостили в Тамбове у наших друзей Петрово-Соловова. Каждый знал, что летом Царская Семья путешествует и мой отец

их сопровождает, поэтому никто из нас не захотел вернуться в наше собственное имение в Оллила, и наши друзья пригласили нас провести с ними каникулы. Тетя Елена была не то чтобы несимпатичной, но очень холодной, неприступной, зачастую саркастичной в высказываниях и очень высокомерной. Она окружала свою собаку — фокстерьера Картуша — безграничной любовью, у него было свое кресло в гостиной, на которое никто не мог садиться. Большую часть времени она проводила ругая горничную. «У Картуша мокрые лапы, — слышали мы каждое утро. — Я уверена, что вы ему не надели сапожки для прогулки».

Она боготворила также своего мужа Дмитрия, которого ласково называла «Тиау». Мы же за его короткую черную бородку и широкое лицо дали ему прозвище «Туз пик». Терпение нашего дяди было безгранично. Страшно нервная, его жена часто билась в конвульсиях. Иногда во время обеда она хваталась за горло, ее лицо искажалось судорогой, она выходила из-за стола и бежала к себе в комнату. За столом воцарялось тягостное молчание, но ненадолго. Через две минуты раздавался громкий зов: «Тиау! Тиау!»

У дяди делалось непроницаемое лицо, он шумно отодвигал свой стул, бросал салфетку и поднимался наверх утешать жену.

Как президент Торговой палаты и член Наблюдательного совета крупного банка, он управлял ее имуществом. Оба жили на широкую ногу. Крестная вечно приглашала к себе каких-то бедных родственников, платила компаньонке высокое жалованье и содержала летом своего личного врача.

Ни он, ни вызванный дядей из Петербурга доктор не смогли диагностировать мою болезнь. Только с приходом отца было твердо установлено — тиф.

Когда я увидела отца, входящим в мою комнату, я заплакала от счастья. Он встал на колени и взял обе мои руки в свои. Он был тут, со своей доброй улыбкой и нежным утешающим взглядом. Это был мой папа, и для меня это был лучший в мире врач. Тогда лекарства были очень слабые. Я знала, что лечение будет долгим и выздоровление —

тяжелым. К счастью, Эльстина ухаживала за мной как настоящая медицинская сестра. Мисс Бойль уехала в Англию, и у нас была новая гувернантка — немка Эльза Вейдемани. По-русски ее называли Эльза Христиановна. Ее отчество ей нравилось. Она находила, что так серьезнее. Но через некоторое время мы выдумали сокращение, и получилась Эльстина.

По-русски она говорила так же хорошо, как и по-немецки, немного разбиралась во французском. Она была очаровательна, хотя и немного карикатурна. Нос уточкой, ярко-рыжие вьющиеся волосы, на которые она надевала смешную соломенную шляпку.

Во время моей болезни она была день и ночь у моей постели, сменялась иногда только с сиделкой, которую отец выписал из Царского Села. Регулярно три раза в неделю отец приходил ко мне и ночевал в моей комнате, где он спал на двух больших креслах. Иногда он писал или читал во время своего дежурства.

Температура упала, мне стало лучше, но все-таки должен был прийти парикмахер, чтобы обрезать мне волосы. Я слишком долго пробыла в постели, и их было не расчесать. Когда Великая Княжна Татьяна узнала о печальном состоянии моей головы, она прислала мне очаровательную голубую шапочку, которую я долго носила, даже когда волосы отросли.

Мою первую еду после выздоровления отец готовил сам. Мне принесли толстый бифштекс, и с помощью очень острого ножа он отрезал тончайшие ломтики, которые потом наворачивал на вилку и поджаривал на свече. Один за другим он совал эти кусочки мне в рот. Это было восхитительно и очень полезно. После этого я получала чашку бульона, рецепт которого отец дал кухарке. Для этого брали фунт хорошего сочного абсолютно постного мяса, которое резали кубиками, складывали в чистую, пустую бутылку из-под шампанского и хорошо закупоривали, после чего, без добавки воды, ставили в водяную баню. Не знаю, на сколько времени, но в результате получалась чашка потрясающе пахнущего бульона без всякого привкуса.

Наконец настал день, когда я смогла побыть в саду. Ноги меня еще не держали, не говоря уже о лестнице. Дядя Дмитрий решил пригласить нашего кучера Петра — громадного пятидесятилетнего мужика. Хороший человек, он решил по этому случаю особенно приодеться. Он надел красную рубаху, голубую жилетку, шаровары и блестящие сапоги. Он очень обиделся, когда тетя потребовала, чтобы он надел белый передник, чтобы поднять меня на руки. Он поднял меня, как перышко, и положил с осторожностью в шезлонг.

Свежий ветер легко гладил лицо, и солнечные пятна играли на усеянной хвоей дорожке. Я никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, что живу...

Перед поездкой в Ливадию, где Царь собирался провести осень, он должен был ехать в Киев на закладку памятника Александру II. Отец решил, что мы можем спокойно опоздать к началу занятий, чтобы поехать с ним в Крым. Перспектива пробыть с ним три месяца нас очень увлекала.

НО СНАЧАЛА мы поехали обратно в Царское Село — старшие братья были уже там, и мы очень радовались, что опять находимся вместе. Дома меня ожидал сюрприз. У меня теперь была своя собственная комната.

Отец хорошо ее обставил: два кресла красного дерева, старинный туалет, большое зеркало, книжная полка, небольшой письменный столик и китайская ширма у кровати. Вещей было многовато, но было так уютно. Мебель была обтянута той же материей, что и занавеси: большие розы и голубые ирисы на светло-сиреновом фоне.

Глеб делил комнату с отцом, который купил ему большой письменный стол. Эта комната была рядом с комнатой Юрия и Дмитрия, и дверь их была почти всегда открыта. Теперь все три мои брата были вместе.

«Послушайте, — вскричал однажды Дмитрий, листая газеты перед обедом. — Случилось ужасное. Министр Столыпин тяжело ранен анархистом. Это произошло в Киевском театре. Царь был там, и с ним вся Царская Семья!»

Юрий недоверчиво склонился над газетой. «Это официальное сообщение, — сказал он потрясенно. — Ужасно! Хоть бы он выжил».

Я схватилась за газету. К сожалению, сомнений не было — все было именно так.

Во время антракта, когда зрители прогуливались в фойе, Столыпин оставался в партере около рампы и разговаривал с военным министром Сухомлиновым. Неспешно подошел молодой человек и выстрелил три раза. Столыпин качнулся, увидел кровь, показавшуюся на груди, и медленно упал в кресло.

«Я счастлив умереть за Государя!» — прошептал он. Он нашел еще силы обернуться на Царскую ложу и перекрестил ее. Царь как раз в это время вошел туда, и раненый подал ему обеими руками знак оставаться там.

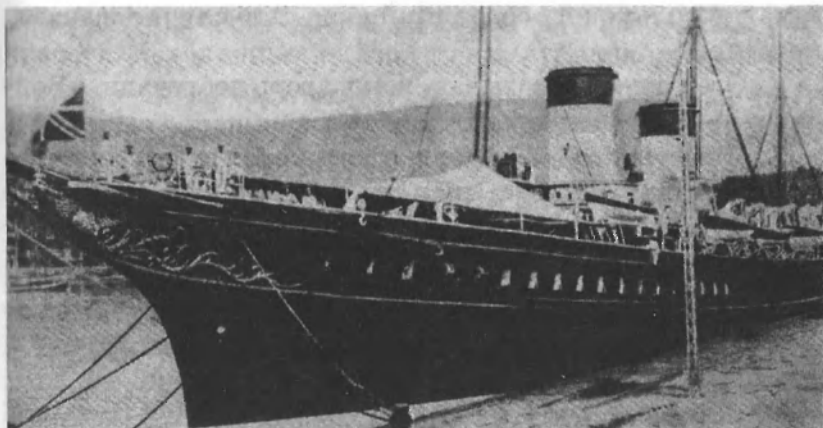
Убийство Столыпина потрясло моего отца. Он горевал о друге, но еще больше — о выдающемся государственном деятеле. Столыпина похоронили в Киеве на территории большого монастыря. Царская Семья в полном составе присутствовала на похоронах перед отъездом в Крым.

В том году Царь должен был переехать в новый дворец, построенный в Ливадии, но когда «Штандарт» пришел в Севастополь, оказалось, что строительство еще не закончено. Вместо того, чтобы ехать в Ялту, Царь предпочел остаться на яхте. Отец был там же и написал, чтобы мы к нему приехали. Дядя Викар и тетя проводили нас на вокзал. Сорок часов поезда! Это было целое событие!

Глава VI

Царская яхта

ОТЦОВСКАЯ КАЮТА была маленькой, выглядевшей скромно, но уютно. Блестящие обои с маленькими букетами фиалок из белого кретона придавали ей интимный и веселый вид. Мы были очень удивлены, не увидев массивной фигуры отца на вокзале в Севастополе. Вместо него нас встречал дежурный морской врач с Царской яхты «Штандарт» — доктор Смирнов. Он рассказал, что у отца

Императорская яхта «Штандарт»

поврежден коленный сустав, из-за чего он вынужден лежать в постели.

Доктор Смирнов доставил нас в отель, и лейтенант Бутаков, племянник адмирала Бутакова, отвез нас к Графской пристани, где ожидала моторка, которая должна была доставить нас на яхту. Элегантный силуэт яхты меня очаровал, и во время всего переезда я не отрывала от нее глаз. Между двумя белыми трубами сверкали лакированные мачты. Пока моторка подъезжала, лейтенант Бутаков обратил наше внимание на отделанный листовым золотом бушприт. На палубе мы никого не встретили. Были натянуты большие белые тенты, чтобы защитить деревянную обшивку от солнца. Лейтенант провел нас через заставленный вещами свиты проход прямо к каюте папы. Папа еще лежал в постели. Он подал руку Эльстине и крепко нас расцеловал. Вскоре он спросил, читали ли мы в газетах сообщение о смерти Столыпина. «Да», — ответил Глеб и начал плакать. Отец печально улыбнулся и рассказал нам, что повредил себе колено сразу после покушения. Встревоженный криками, он поспешил в салон, где Столыпина положили для оказания первой помощи. В спешке он споткнулся о ковер и тяжело упал. В то время его помыслы были заняты ранением друга, и он ничего не почувствовал,

заметив только на следующий день, что случилось с его коленом.

Отец еще рассказывал, как в дверь постучали. «Войдите», — механически ответил он.

Я обернулась — и мое изумление было безгранично: я увидела сразу всех четырех Великих Княжон. Я никогда

Царские дети. 1910 год

не забуду красоты, жизнерадостности, доброты и приветливости, исходивших от этой группы. Какая из них была самая очаровательная? Я не знаю. Они все представляли собой такой грациозный ансамбль, что невозможно было отдать предпочтение какой-нибудь одной. Ольга и Татьяна были в белых юбочках и вышитых светло-голубых блузках; Ольга — самая светлая из блондинок, излучала доброту и простоту. Мне сразу захотелось поделиться с ней всеми моими секретами и сделать ее своей доверенной.

В эту осень 1911 года мне исполнилось тринадцать лет. Татьяна была только на один год старше меня, но нас разделял целый мир. Она была уже взрослая барышня и, несмотря на скромную одежду, ее красота, нежность и тонкая фигурка произвели на меня сильное впечатление. Ее красивые, отброшенные со лба волосы падали шелковыми волнами на спину. Она держалась очень непосредственно, даже с некоторым достоинством. Рядом с ней я, со своими короткими волосами, в сшитом Эльстиной хлопчатобумажном платье, чувствовала себя скованно и неудобно. Мария и Анастасия были в красных, в белый горошек, юбках и белых блузках. Они выглядели еще совсем девочками и были нам с Глебом ближе, чем старшие. У них были необыкновенно блестящие голубые глаза Романовых, и только их взгляд был различным. Мария глядела очень мягко, в то время как глаза Анастасии искрились лукавством.

Они пробыли недолго. Перед их уходом отец спросил: «Татьяна Николаевна, не будете ли вы так добры попросить у Государыни разрешения, чтобы мои дети могли прийти завтра?»

Татьяна почти тотчас же вернулась обратно: «Мама сказала, что Таня и Глеб могут приходить каждый день, пока вы больны». В середине дня мы покинули яхту, но в следующие дни мы всегда приходили около двух часов и уходили около семи вечера. Каждый раз, когда моторная лодка с яхты, описывая элегантный вираж, причаливала к Графской пристани, повторялась одна и та же сцена. На причал сбегались зеваки. Бедняги думали, что увидят наконец кого-нибудь из Царской Семьи, и каждый раз, когда

выходили только мы, они явно были разочарованы. Великие Княжны Мария и Анастасия точно знали, когда мы придем, и вскоре появлялись в папиной каюте. Они оставались до нашего отъезда. Мария иногда уходила, Анастасия — никогда.

Робкая Эльстина скромно садилась на стул, Глеб и я тесно устраивались в кресле, в то время, как Великие Княжны совершенно естественно усаживались у папы на кровати. Я была очень растрогана, когда увидела, с какой доверчивостью относились Царские дети к нашему отцу. Когда мы должны были приехать во второй раз, отец нас предупредил — на этот раз он ожидает Государыню.

Она не хотела, чтобы отец пришел к ней. Но она плохо себя чувствовала и настояла, чтобы он ее обследовал, когда она сама к нему придет.

Перед каждой консультацией отец обязательно мыл руки, но так как он не вставал, то просил своего камердинера подать ему тазик. Камердинер не понял, чего от него хотят, и принес хрустальную вазу для фруктов. Отец удовольствовался этим и попросил меня ему помочь. Великие Княжны находились тут же, и я видела, как их внимательный взгляд следил за мной, в то время как я взяла вазу, наполнила ее водой, а другой рукой взяла мыло и перекинула себе полотенце через плечо. Все вместе я подала отцу. Анастасия засмеялась: «Евгений Сергеевич, почему вы моете руки в вазе для фруктов?» Отец объяснил ей ошибку камердинера, и она стала смеяться еще больше. Только я поставила все по местам, как раздался стук в дверь. По знаку отца Глеб открыл. На Государыне было широкое белое кружевное платье, вокруг шеи жемчужное ожерелье. Она подошла к нам с большим достоинством, такая нежная, улыбающаяся и такая красивая. Мы поцеловали ей руку, она поцеловала нас в голову. Села в кресло, и отец попросил нас выйти.

В коридоре перед каютами стояли громадные чемоданы пассажиров. Мы взбирались на них, Глеб и Анастасия с одной, Мария и я с другой стороны. Эльстина искала, куда бы присесть тоже. Между Глебом и Анастасией быстро возникла дружба, ведь Глеб был очень общительным

и не таким робким, как я. Мы оставались там около получаса и оживленно болтали. Потом вышла Государыня. Мы сразу соскочили со своих мест, и она прошла мимо нас, тепло улыбаясь.

Великие Княжны вернулись с нами в папину каюту, и мы начали бесконечную партию в дурака — игру, популярную в то время в русских гимназиях. Анастасия выигрывала у меня регулярно и после целого ряда побед решила сменить партнера, вызвав моего брата. Но с ним дело обстояло не так-то просто. Глеб выигрывал подряд, и Великая Княжна постепенно потеряла интерес к игре. Она уступила свое место Марии, не забыв, однако, предупредить ее своим звонким голосом, который у всех сестер был одинаковым: «Будь осторожнее, он хорошо играет!»

ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ДНЕЙ после нашего первого посещения мы познакомились с Царевичем. Это был очаровательный маленький мальчик, который сразу же стал экзаменовать нас по яхте «Штандарт», очевидно, для того чтобы завоевать свой авторитет.

Он говорил очень серьезно, сначала называя нас на «вы», но вскоре перешел на «ты». Ему только исполнилось семь лет!

К сожалению, Глеб и я не были сильны в навигации. Мы мало что могли ответить и показались ему полными профанами. К счастью, отец пришел нам на помощь. Он объяснил Царевичу, что мы еще никогда не были в море, что его ошарашило. Почему мы были такие невежды, если мы были старше его? Вдруг он увидел папины костыли, которые стояли у кровати. Он взял один костыль и просунул в него голову. Затем он закрыл глаза и закричал: «Вы меня еще видите?» Он был твердо уверен, что стал невидимым, и его лицо приняло такое серьезное и значительное выражение, что мы не могли удержаться и громко рассмеялись.

Он поблагодарил нас очаровательной улыбкой, пожал торжественно всем руку, после чего ушел, сопровождаемый матросом Деревенько, который был к нему персонально приставлен.

Потом я стала пробовать вязать одеяльце — нас учили, что никогда нельзя сидеть без дела. Анастасия выгребла из карманов своей красной юбочки целый клубок из скомканных кусочков шелковой бумаги* и стала разглаживать ее у себя на коленях. После этого она сложила их снова и спрятала обратно в карман. «Что вы делаете, Анастасия Николаевна, — спросил отец. — Для чего вам эти обрывки?» «Я играю с ними», — ответила Великая Княжна совершенно серьезно. Как она с ними играла? Этого мы никогда не узнали. Анастасия охотно нас поддразнивала. Глеб и я ходили по каюте, а она с невинным видом подставляла нам ножку.

Каждый вечер в шесть часов раздавался выстрел. Анастасия всегда делала вид, что страшно испугана: она забивалась в угол отцовской кровати и таращила глаза. Потом она прощалась с нами и уходила. Однажды, когда дверь была открыта, мы заметили две маленьких лаковых туфельки, которые выступали из-под портьеры. «Мы видим вас, Анастасия Николаевна», — закричал отец. Она откинула портьеру, лукаво засмеялась и убежала.

На другой день она повторила ту же сцену, но на этот раз мы увидели лишь одну лаковую туфельку. Отец окликнул ее, ответа не было. Отец дал мне знак откинуть портьеру, но там никого не оказалось, только одна туфелька. Очень довольная своей шуткой, Анастасия стояла в коридоре в одной туфле. Увидев меня, она схватила туфлю и, засмеявшись, исчезла.

ДВА РАЗА Царь навестил отца. Я видела его всего несколько минут, но он произвел на меня огромное впечатление. Я никогда еще не видела таких глаз — голубых, блестящих, ясных. Именно этот взгляд производил на меня такое впечатление всегда, когда я ребенком рассматривала портреты Романовых в книгах. Хотя Государь сказал мне несколько приветливых слов, а я была так взволнована, что не смогла ответить. Глеб спас меня, сказав что-то любезное.

* Шелковая бумага — бумага из шелкового волокна, изготовленная по старинной китайской технологии (прим. О. К.).

Государь Император Николай II Александрович.
Начало 1910-х годов

Каждая сказка имеет конец, и в один прекрасный день отец нам сообщил, что яхта скоро отправляется в путь: дворец в Ливадии, наконец, закончен. Мы с Глебом проводили остаток каникул в небольшом отеле недалеко от Ялты, в Симеизе, где отдыхало также все семейство доктора Смирнова. После нашего отъезда отец ещё должен был лежать, Анастасия продолжала его ежедневно навещать

после обеда. Однажды он попросил ее позвать из соседней каюты камердинера.

«Зачем он вам нужен?» — спросила она.

«Я хочу, чтобы он помог мне вымыть руки, ведь скоро сюда придет Государыня».

Анастасия приветливо улыбнулась: «Я же могу вам помочь», — сказала она.

«Анастасия Николаевна, я вас прошу...»

Но Великая Княжна не отставала: «Таня так хорошо справилась с фруктовой вазой, почему я не смогу?»

Таковыми простыми были Царские дети, так они были воспитаны, так же просто они и умерли рядом с ним.

«КОШКА» день за днем продолжала лежать носом в воде. Навострив уши, она, казалось, подкарауливала «монаха», который четко вырисовывался своим капюшоном на горизонте. Я не уставала удивляться этим скалам, освещенным солнцем, охранявшим у Симеиза подход к морю.

Госпожа Смирнова приняла нас с Глебом очень дружелюбно. Мы не пропускали возможности проводить ее в город, чтобы любоваться живописными картинами этих мест. Пальмы и кипарисы выглядели совершенно иначе, чем петербургские деревья, и казались нам экзотическими. Нежные вьющиеся розы, желтые от жары лужайки — все это мы находили прекрасным. Впервые я увидела татар. Они были маленького роста, худые, загорелые, с очень темными волосами и сильно изогнутыми носами. Всегда опрятно одетые, они, как правило, носили вышитые жилеты поверх белой рубашки, а вокруг талии повязывали широкие яркие пояса, которые придерживали доходящие до щиколоток штаны. Традиционные шапочки или тюбетейки были также обильно расшиты золотом, серебром и шелком.

С госпожой Смирновой мы ходили по узким переулочкам. Она останавливалась у прилавков и перекидывалась несколькими словами с торговцами, отвечавшими ей остроумно на плохом русском языке. «Как холодны твои

желания, добрая женщина, — обратился к ней один из них, у которого она рассматривала расшитые серебром платки. — У меня красивые красные домашние туфельки, а ты предпочитаешь им холодный металл...» Но нас больше всего притягивали лотки с белым виноградом, вокруг которого кружились осы. Горы золотого винограда распространяли такой изумительный аромат, что мы обязательно его покупали. Крымский виноград знаменит своими целебными свойствами, и множество русских приезжали с севера, чтобы пройти курс лечения. Прошло четырнадцать дней со дня нашего приезда, и мы были бы совершенно счастливы, если бы отец нас навещал. Он опять стал ходить, но приехать навестить нас он не мог. Ливадия была слишком далеко от Симеиза. Мы были в восторге, когда отец сообщил нам, что на остаток отпуска мы приглашены к Князю и Княгине Юсуповым в их роскошное имение, которое находилось в Кореизе, около Ливадии. Для всех состоятельных дворянских семей владеть имением в этом вечнозеленом, цветущем уголке Крыма было делом престижа.

Дворец Юсуповых, в стиле ренессанса, был весь из серого камня, увитый плющом. Он был одной из самых величественных построек этой местности, но и самой строгой и скромной. Князь и Княгиня Юсуповы пригостили нас один из очаровательных двухэтажных павильонов, окруженных пестрыми георгинами. Мы были на седьмом небе от счастья жить в очаровательном доме баронессы Тизенгаузен («дача баронессы Тизенгаузен») — фрейлины Императрицы Александры, супруги Царя Николая I. Весь первый этаж предоставили нам. Две спальни, шестиугольная, обитая голубым кретоном гостиная и большая столовая в восточном стиле с красивыми занавесями, диваном с бесчисленными подушками и с мебелью из черного дерева, инкрустированного перламутром. Отец сразу представил нас Юсуповым, которых он тоже лечил.

Очень высокий и плотный князь показался мне двойником моего отца, только более строгим. Княгиня, наоборот,

сразу же, с первого взгляда нас очаровала. Она действительно была очень красива и нежна; у нее были большие голубые глаза и очень правильное, обрамленное белыми, как снег, волосами, лицо. Ее сын Феликс произвел на меня (неизвестно почему) странное впечатление. Я не нашла его таким красивым, как всегда все утверждали, а сказанная отцом фраза: «У него противоестественные склонности», — мне ничего не объяснила. Среди других приглашенных в гости была княгиня Вера Голицына в сопровождении племянника Михаила Галле. Очень свободный в общении, он только что окончил Пажеский корпус и очень напоминал наших Императорских стрелков.

Мы симпатизировали друг другу, и сразу же в первый день он показал нам все Юсуповское имение. Он провел нас по прекрасному парку до террасы, наверху парадной лестницы, с двух сторон которой стояли два белых мраморных льва. Лестница вела через плантацию винограда и карликовых груш прямо на пляж.

«Видите этот большой камень?» — Михаил показал пальцем на море.

Глеб и я ответили в унисон: «Ну да, конечно».

«И что стоит на нем?» — продолжал он.

«Русалка», — сказал Глеб.

«О, у нее два хвоста», — добавила я.

«Я ручаюсь, что вы впервые видели двуххвостую русалку. Запомните это, ибо вы нигде не увидите второй. Только князь Юсупов настолько богат, что мог себе это позволить». Очень довольный своей остроотой, Михаил громко рассмеялся.

Каждое утро он показывал нам одну из многих статуй, населявших парк. И быстро исчезал до следующего дня. Нам не оставалось ничего другого, как дожидаться папу, который приезжал в коляске к обеду.

Если позволяла погода, папа брал нас на большую прогулку. В первый день он показал нам Ялту и пригласил в свою маленькую квартирку в Ливадии. Она была очень уютная и красиво обставлена, как раз против его окон были комнаты Царских детей. Они находились так близко, что

отец, когда открывал окна, всегда мог слышать их голоса и смех. Однажды он взял нас на устраиваемый Государыней благотворительный праздник, средства от которого были предназначены для двух больниц, основанных ею в Крыму. Все жены Великих Князей, Великие Княжны и великосветские дамы должны были принимать в нем участие.

Великие Княжны и Цесаревич Алексей на благотворительном празднике «Белого цветка» в Ливадии.
1912 год

По желанию Царя вход был свободный, и народ смешался с элегантными аристократами и помещиками. Царица и ее дочери сидели за громадным полукруглым столом, на котором лежали бесчисленные предметы, которые были выполнены ими собственноручно: подушечки, подставки, дорожки, салфетки, носовые платки, коробки для перчаток. Толпа в залах была так велика, что казалось невозможным добраться до Государыни. Отец взял нас за руки и стал пробираться, раздвигая зевак своими широкими плечами.

Оглушенная шумом и запыхавшаяся, я с удивлением рассматривала возбужденные, потные лица окружавших меня людей. В этой толпе выделялся мусульманин знатного происхождения. Высокий, в роскошном, вышитом золотом шелковом халате, подчеркивающим еще сильнее его полноту, он стоял, прислонившись к стене, охраняемый несколькими солдатами. Его красивое правильное лицо под белым, усеянным драгоценными камнями тюрбаном оставалось абсолютно неподвижным.

«Это Сеид Алим — эмир Бухарский», — прошептал отец.

Наконец мы подошли к столу, у которого стояла Царица. Я была страшно рада еще раз побыть поблизости от нее и Великих Княжон. Но они были слишком заняты продажей вещей и автографами и не могли уделить нам много внимания.

Отец сделал большие покупки, а когда мы уходили, Государыня подала ему огромную соломенную шляпу, украшенную роскошным маком из красного шелка.

«Это для Тани», — сказала она и улыбнулась.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ старшие братья встретили нас с явной радостью. Хоть у них и были теперь свои занятия, свои друзья и своя жизнь, нас им, по-видимому, не доставало. Я с удовольствием опять увидела свою хорошенькую комнату. С тех пор, как мы вернулись, папа привык меня каждый вечер навещать. У меня не было от него секретов, и я с радостью читала ему свой дневник, который я регулярно вела. Иногда он останавливал меня посреди фразы, и мы вспоминали прошедшее. Тогда он рассказывал мне кое-какие доверительные вещи, дополняя при этом: «Это я говорю только тебе».

Ни за какие блага я не нарушила бы его доверия. В такие минуты он говорил о своей ответственности при Дворе, о заботах, которые доставляет ему Распутин, о маме, про которую он говорил, что она единственная женщина, которую он любил. «Я никогда больше не женюсь, — говорил он. — Теперь ты хозяйка дома. Мы оба должны объединять

нашу семью и сделать все возможное, чтобы мальчики были счастливы». Я слушала его со слезами на глазах. Такое отношение наполняло меня гордостью, хотя мне было всего тринадцать лет.

Глава VII В тени Петра Великого

ВЕСНА 1912 года. Царская Семья вопреки своей привычке уехала в Крым уже к Пасхе.

Как раз тогда, когда Дмитрий должен был сдавать выпускные экзамены и держать экзамен в Пажеский корпус, мы снова должны были расстаться с папой. В это же время к нам приехали дядя Петя и тетя Фанни. Мы виделись с ними редко, потому что папин второй брат Петр Боткин был дипломат и чаще всего находился за границей. Он женился на хорошенькой американке, которую мы, однако, не очень любили. Всегда в шляпе и в перчатках, еле говорившая по-русски, она была для

Е. С. Боткин (второй слева) на Императорской яхте «Штандарт» среди членов экипажа. Июль 1912 года

Е. С. Боткин (стоит крайний справа) с Царской Семьей, придворными и командой Императорской яхты «Штандарт». Июль 1912 года

Е. С. Боткин и капитан Императорской яхты «Штандарт» контр-адмирал Иван Иванович Чагин. Июль 1912 года

нас чужой и официальной. Наша сердечность и простота ей не нравились.

Через несколько дней после нашего возвращения в Царское Село нас навестил Коля Петрово-Соловово. Он был очень сердит. «Знаете, что мой отец выдумал? — спросил он нас сразу. — Он копается во всех старых документах, чтобы доказать, что Петрово-Соловово — ужасная фамилия, правда? — родственники графам Перовским. Так как в этой семье нет мужского потомства, он вбил себе в голову заполучить графский титул. Представляете? Но я не хочу этого ни в коем случае!»

«Чем тебе это мешает?» — спросил Дмитрий.

Голос Коли задрожал: «Ты должен знать, что в заговоре, который стоил жизни Царю Александру II, участвовала графиня Вера Перовская*. Это та же самая семья. Убить того, кто освободил славян от турецкого ига и дал свободу крестьянам, мерзко и гадко, и я не хочу носить это имя!» От волнения у него пропал голос. Дмитрий взял его дружески под руку: «Пойдем прогуляемся по парку, ты увидишь, какой он красивый, а когда нет Царской Семьи, можно гулять повсюду».

Мы отправились гулять и через полчаса, пройдя большую площадь у Екатерининского дворца, подошли к хозяйственным постройкам и остановились у довольно запущенной конюшни.

«Этого я и ожидал, — пожаловался Коля, — с Дмитрием можно посещать только каких-нибудь лошадей».

«Подожди, ты еще увидишь», — ответил ему Юрий.

Из глубины конюшни доносились глухие звуки, и вскоре появился в дверях хобот и клыки большого слона.

«Ну, что ты скажешь о Заре?» — с невинным видом спросил Дмитрий своего друга. Коля от удивления открыл рот.

«Она очень умна и знает много трюков. Один Индийский Принц подарил ее нашему Государю. Но раз ты предпочитаешь лошадей, то я покажу тебе действительно необыкновенный экземпляр».

* Так у автора. Имеется в виду Софья Перовская (прим. О. К.).

Мы прошли на маленькую лужайку, где мирно паслась лошадь неопределенного возраста.

«Ну и что в ней особенного? — проворчал Коля, плохое настроение которого еще не совсем прошло. — Он очень стар, это видно. Может, он был еще в Ноевом Ковчеге...»

«Это последняя лошадь Александра III, — продолжил Дмитрий. — Посмотри на его спину...»

«Она совсем кривая», — заметил Коля.

«Все лошади Александра III были с кривой спиной, — пояснил Дмитрий. — Царь был такой большой и тяжелый, что ни одна породистая лошадь не могла выдержать его веса. Все большие парады он принимал на битюге пивоваренного завода».

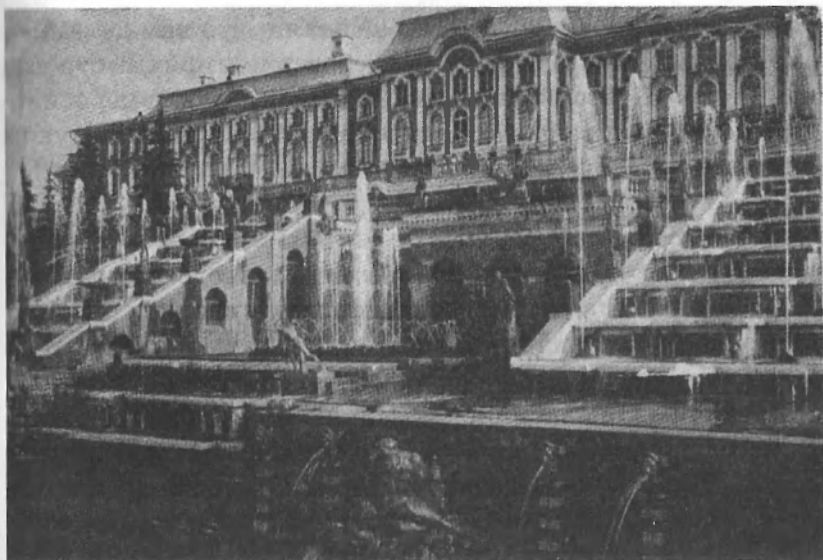
После прогулки настроение Коли несколько поднялось. Оно прошло совсем, когда мы показали ему кладбище лошадей, принадлежавших Русским Царям. У одной могилы мы вспомнили породистого коня, на спине которого Александр I в 1814 году триумфально вошел в Париж.

Через несколько дней началась тяжелая экзаменационная пора. Юрий прошел со средними баллами, Глеб и я были переведены в следующий класс, а Дмитрий получил за аттестат зрелости золотую медаль. По традиции его имя и фамилия будут выгравированы на почетной мраморной доске во дворе Лицея. Он узнал, что он принят в Пажеский корпус и вскоре уедет на маневры.

В тот вечер он не ужинал дома, вернулся только на рассвете и в первый и последний раз в своей жизни страшно напился.

ПЕТЕРГОФ, который тогда так не понравился нашей матери, нас восхитил — может быть, потому, что мы приехали после очень одиноких Пасхальных каникул и там встретились с папой.

Наша квартира была очень приятная, у нас был сад, полный жасмина и цветущей сирени. Они изумительно благоухали. Гостиная была красиво обставлена. Софа и кресла из орехового дерева, обитые бело-розовым ситцем. Отец взял напрокат рояль, чтобы я могла продолжать уроки

Большой дворец в Петергофе

музыки. Я прилежно упражнялась, но, окончив, сразу бежала на террасу к мальчикам. Вечером мы с Глебом нетерпеливо ожидали двух слуг, которые обслуживали свитские квартиры. Первый смотрел за часами. В каждой комнате стояли часы, которые били каждый час. Несмотря на все старания часовщика, их невозможно было заставить бить одновременно. Всегда была разница в одну-две секунды. Второй отвечал за лампы: в Петергофе не было электричества. Комнаты освещались большими керосиновыми лампами, а на наших ночных столиках стояли свечи.

У нас был свой персональный лакей. Он выглядел так, как будто служил еще со времен Екатерины Великой — такой он был старый, пыльный и к тому же торжественный. Кроме того, его звали Африкан. Хотя мы взяли из Царского Села своего слугу, Африкан вмешивался во все. Отец ничего не имел против, он нам пояснил, что это была единственная для старика возможность не умереть с голоду. Когда он появлялся в столовой в своей придворной ливрее, такой же ветхой, как он сам, осыпанный крошками табака, который нюхал, и если он при этом сгибался под

тяжестью суповой миски, мы не знали, что нам делать — смеяться или опасаться, что он перевернет горячий суп нам на голову. Но что поделаешь? Африкан, часы и керосиновые лампы были частью Петергофа с его старинным духом и обаянием.

ДВОРЕЦ был действительно роскошен. Монументальные лестницы, спускавшиеся от главного фасада, венчали две громадные статуи, державшие в своих бронзовых руках кувшины, из которых низвергались каскады прозрачной воды.

На правой лестнице ступени были выложены листовым золотом, на левой — черно-белым, как шахматная доска, кафелем. Всюду били фонтаны, поражая величию и сверкающей красотой. Внизу, у лестницы, зеркало бассейна бесконечно отражало статуи и фонтаны. К пристани вел канал, обрамленный белой балюстрадой. Там стояла вторая Царская яхта — «Александрия», элегантные линии которой четко выделялись на фоне Финского залива.

Когда позволяла погода, на горизонте можно было даже увидеть в легкой голубой дымке очертания Кронштадта. Поблизости от причала, окруженный лужайками, с кустами роз и массой георгин, находился маленький павильон из красного кирпича, придавленный громадной крышей, крытой шифером. Это «Монплезир», построенный Петром Великим для личного употребления, — он не любил жить в большом дворце. В Монплезире все скромно и строго. Большой черно-белого кафеля вестибюль служил одновременно гостиной. Там стоял массивный стол из черного дерева и несколько стульев с высокой спинкой. Перед монументальным камином находилось большое кресло, в котором Петр I любил сидеть и просто отдыхать. Тень этого властелина будто витала повсюду. Мне казалось, что я ощущаю присутствие этого грандиозного человека, страшного и великодушного одновременно, заложившего основание новой Царской России, жизнь которого была полна скандалами и непотребством, и мне чудилось, что я слышу его шепот, его последние, сказанные на смертном

одре слова: «Я надеюсь, Господь Бог простит мне мои бесчисленные прегрешения. Ради блага, которое я хотел для моего народа...»

Павильон «Марли», тоже принадлежавший Петру Великому, нравился мне значительно меньше. Единственно оригинальным там был маленький пруд, в котором резвились целые косяки золотых рыбок. Каждый раз, когда приходили посетители, появлялся старый лакей, звонивший в колокольчик, на этот звон рыбки приплывали за кормом. Этот обычай, как известно, был введен еще самим Петром, и с тех пор тщательно соблюдается служителями Марли до сего дня.

«Я думаю, — прошептал Глеб, — эти рыбки потомки тех, которым Царь скармливал своих подданных!»

В Петергофе было множество замечательных маршрутов для прогулок. На Царском острове возвышался «Каприз» Николая I. Эта дача была точной копией дома в Помпеях. От мозаичного пола до дверных ручек — все было привезено из Италии.

Немножко дальше, на Бабигонской возвышенности, располагался Розовый павильон. На его втором этаже находился большой белый с серебром зал, с балкона которого можно была видеть изумительной красоты ландшафт.

Из серого тумана на горизонте вырисовывались гигантские трубы петербургских фабрик.

Царская Семья не жила в Большом дворце. Они жили в другом, значительно меньшем, скорее напоминавшем имение. Царские дети ездили кататься в коляске, а две старшие дочери часто совершали прогулки по парку верхом.

Наше пребывание в Петергофе заканчивалось, и Дмитрий поехал в Царское Село в лагерь Пажеского корпуса. Он вернулся оттуда очень утомленный. Длинные походы в тяжелых солдатских сапогах его вымотали. В то время когда они отдыхали с Юрием на даче у Петрово-Солововых, мы с Глебом гостили у дяди Саши в Финляндии.

ЧТОБЫ ПОПАСТЬ из Петергофа в Ино, мы должны были пересечь залив на моторной лодке. К сожалению, в этот раз был очень сильный ветер, и наш такой всегда мирный

летом залив был бурным, как в ноябре. На причале нас ожидал дядя Саша с великолепной военной выправкой, в форме капитана II ранга. Он показал нам свой автомобиль. Такой я еще никогда не видела. Он выглядел как цинковая ванна, был старый, весь во вмятинах, неопределенного цвета и имел колеса, сиденья и, вероятно, мотор. Весь его облик не вызывал доверия. Я не узнала его марки, но это явно не был тот удобный «Мерседес-Бенц», на котором ездили при Дворе.

«Правильно, — сказал дядя Саша. — Он выглядит непрезентабельно, но служит мне хорошо...»

Действительно, это чудище поехало. Быстро домчались мы до дома, который стоял как будто посреди леса. Тетя Мария встретила нас на парадной лестнице. Она была высокая, хорошо выглядела и еще не слишком пополнела. Она сердечно нам улыбнулась и сумела тактично и деликатно завоевать несколькими фразами нашу симпатию, не обращая внимания на наш панцирь из гордости и замкнутости, который мы носили с момента ухода нашей матери.

Затем появилась наша маленькая кузина Марианна. Ей только что исполнилось семь лет. Она болела костным туберкулезом ноги и бегала на костылях. Это было печальное зрелище. Жизнерадостная и приветливая, она показала нам очень умной. Она улыбалась нам, но не осмеливалась приближаться, пока рядом находился ее отец. Дядя Саша любил ее сумасшедшей, собственнической любовью. Так же панически и болезненно он боялся бактерий и заразы. Поэтому он запретил дочери всякий контакт с посторонними, даже если это были ее двоюродные брат и сестра. Если они уезжали куда-нибудь поездом, то дядя заказывал целое купе. Как только поезд останавливался на перроне, целая толпа слуг спешила в вагон. Они оббивали все отделение белыми простынями и скатертями. Только тогда, когда это было закончено, Марианне с гувернанткой и тетей Марией разрешалось войти в вагон. Этот панический страх перед бактериями заставил дядю Сашу построить для Марианны и ее гувернантки маленький отдельный

домик. Впрочем, он заполнил все помещение всевозможными строительными деталями и, вероятно, был одним из первых, кто ввел в России строительные блоки, изготовленные фабричным способом. Рядом с главной дачей, кроме домика Марианны, стоял павильон для прислуги, дом для гостей, гараж, баня и прочие постройки. И прежде всего «Музей», где мы проводили каждый дождливый день. Это была длинная, и вместительная комната, уставленная стеллажами, на которых были размещены книги или стеклянные коробки с бесчисленными удивительными вещами. Они будили фантазию и мистически приковывали к себе взгляд: пестрые, всех цветов радуги доски, которые эскимосы почитали как богов, кости мамонта, камни из русла Миссисипи... Все это воспоминания, привезенные дядей Сашей из различных экспедиций.

Это лето на Ино проходило мирно. Вечерние прогулки в лесу, в сумерках, мы любили больше всего. После ужина было уже настолько темно, что не было видно ни дорог, ни тропинок. Дядя Саша шел первым, так как он хорошо ориентировался. Его белый морской китель служил нам ориентиром. Мы следовали за ним и всей грудью вдыхали целебный сосновый воздух, поднимающийся от тихого теплого леса. Между различными хозяйственными постройками стояло несколько будок для сторожевых собак. Они все были одной породы и происходили от одной пары родителей, которую дядя Саша привез из своего путешествия по Сибири. В Центральной России никто таких собак еще не видел, и когда дядя Саша и тетя стали раздавать щенят среди друзей и соседей, их прозвали «Боткинская», или «Боткинская порода». На самом деле это были лайки, и одна из них через столетия была признана как «первая в мире». Но лучшим сторожем в доме был сам дядя Саша. Он не любил рано ложиться спать. Когда все уже лежали в постелях, он начинал обход всего своего поместья и часами ходил один по лесам. Только с зарей возвращался он домой.

«Все Боткины порядочные оригиналы», — имел обыкновение говорить мой отец.

ЛЕТО КОНЧАЛОСЬ. Глеб и я вернулись в Царское Село, а старшие братья покинули своих друзей Петрово-Соловово и встретились с отцом в Москве для участия в торжественных празднествах по случаю 100-летия Бородинской битвы. Эту битву французы называют «Битва при Москвереке» и считают большой победой Наполеона. Дмитрий поехал как зритель, а Юрий, как приглашенный, откомандированный от Лицея. Правительство не пожалело сил, чтобы отыскать последних участников битвы и их потомков.

Но в Москве ходили слухи, что устроители хотели прежде всего произвести впечатление на Царя. Месяцами ездили они по стране и предлагали старым седым людям много денег за участие в празднестве. Им объясняли, что они должны знать о Бородине на случай, если Царь задаст какой-нибудь вопрос.

ВСКОРЕ мы включились в учебу. Дмитрий стал Пажом. Его отсутствие создавало неимоверную пустоту, Юрий был в тяжелом настроении и очень от этого страдал. Часто нервничал и впадал в ярость. Иногда без всякой причины. Тогда он кричал и ругался и в конце концов запирался в своей комнате, где со всей своей гигантской силой крушил мебель. Он стал спокойнее только тогда, когда через две недели в первый свободный день дома появился Дмитрий в зимней военной форме.

Как прекрасно он выглядел! Он отрастил немного волосы, которые в Лицее всегда коротко стригли. Строгое военное поведение подчеркивало его начинающееся возмужание. Военная форма оттеняла его тонкое и непринужденное поведение. На нем был приталенный мундир черного цвета с золотыми пуговицами и большими погонами с широким золотым шитьем на воротнике и рукавах. Узкие черные брюки с узкими красными лампасами. К этому еще черная шинель с широкими золотыми погонами, маленькая черная каска, которую украшал небольшой черный двуглавый орел. Обязательны были также белые перчатки, подчеркивавшие элегантность формы. Но все это великолепие имело и теневую сторону.

С осени этого года все финансы семьи находились в моих руках. Отец оставил себе только четверть, за остальное отвечала я. Я рассчитывала жалование прислуге, оплачивала счета поставщикам и выдавала карманные деньги своим взрослым братьям.

Дмитрий, как большинство пажей, заказал себе форму, что было совершенно нормальным. Но у него была другая, очень дорогая страсть — обувь. Ясно было, что эти расходы он не может оплачивать из своих карманных денег, которые я ему давала. Он посылал счета на мое имя домой. Затем он приходил ко мне в комнату и с очаровательной улыбкой предъявлял мне свои долги.

Но я хорошо знала средства, которыми мы могли располагать, и находила эти расходы лишними. Отец часто говорил мне: «Что им нужно, мальчики должны иметь». Но, по-моему мнению, границы были давно превышены. Мне было всего четырнадцать лет, Дмитрию почти девятнадцать, но ему нечего было мне возразить, когда я упрекала его: «Форма — еще согласна, но зачем столько обуви? В проходе у ванной стоят уже несколько пар».

«Киса, киса, маленькая моя кошечка, ты должна понять...» Лицо Дмитрия смягчалось. «Сапоги быстро снашиваются, — продолжал он. — Мне надо одни для походов, для езды в манеже, для верховой езды на каждый день. В городе мне нужны полуботинки для выхода и лаковые для танцев...»

Он был прав. Пажеский корпус был самым элегантным из офицерских школ, как отмечали в иностранной прессе. Молодые офицеры принадлежали по крайней мере к трем поколениям дворянства. Дмитрий не мог отставать. У меня разламывалась голова, и я оплачивала все...

Глава VIII Драма в Спале

РАССКАЗЫВАЕТ Матрена Распутина, дочь «старца»: «Он упал на колени перед иконой и стал молиться. “Твоего сына Алексея помилуй, да будет воля Твоя. Дай ему мою силу, Господи, если это понадобится для его

здоровья". Отец выглядел таким больным, что я стала бояться. Его голос становился все тише, замирал. Его лицо стало белым, как мел, и исказилось мукой. Он тяжело дышал. Пот струился со лба по щекам. Глаза были стеклянные и ничего не выражали. Он упал на спину на пол, подвернув левую ногу под себя. Казалось, он ведет смертельную борьбу... Я сварила чай и принесла отцу. Он все еще был без сознания. Прошла целая вечность, пока он не открыл глаза и не улыбнулся. Я налила ему остывший чай, который он жадно выпил»³⁹.

Несколько минут спустя «старец» дал телеграмму в Спалу, в Польшу, где Царь со свитой находился на охоте. Распутин писал Государыне. «Не волнуйся, болезнь не столь опасна, как она кажется. Главное, чтобы его не мучили врачи».

«И невероятное случилось, — пишет генерал Александр Спиридович, начальник дворцовой охраны при Николае II, — Царевич стал себя лучше чувствовать и поправляться. Его безмерно счастливая мать видела только одно: исцеление пришло от друга. Его молитвы спасли жизнь ребенку»⁴⁰.

Трагедия произошла после празднества 100-летия битвы при Бородине. Вскоре после этого Царская Семья вернулась в свои владения в Спале, где Царь любил охотиться.

Играя в ванне, Царевич сильно ушиб ногу. Еще за несколько дней до этого в лесу Беловежской пушчи, прыгая из лодки на сушу, он сильно ударился бедром о борт. После второго несчастья начались внутренние кровотечения. Болезнь прогрессировала, и вскоре образовалась гематома. Боли стали невыносимыми, и ребенок не мог вытянуть ногу.

«Его крики и плач раздавались по дворцу, — рассказывает Спиридович. — Температура быстро поднималась, Боткин ни на минуту не отходил от него, не зная, чем помочь. Боли были так сильны, что маленький пациент не разрешал дотронуться до опухоли. Он лежал на боку, бледный и худенький с подтянутой под себя ногой. Во дворце никто уже не ожидал помощи от врачей, вся надежда была только

на Бога. Больного соборовали. Бедный ребенок сознавал свой приближающийся конец: “Мама, когда я умру, не забудь поставить на могилку маленький памятник”, — шепнул он однажды своей, почти обезумевшей от боли, матери, которая ни на минуту его не покидала»⁴¹.

Государыня Александра Федоровна ни в коей мере не была предназначена для такой трагической судьбы. Родившаяся в 1872 году, принцесса Алиса, младшая дочь Великого герцога Людвига IV Гессенского и Принцессы Алисы Английской, она была кузиной Германского Кайзера Вильгельма II и выросла при Дворе Королевы Виктории.

Государыня Императрица Александра Федоровна с Цесаревичем Алексеем в своей каюте на яхте «Штандарт». Июль 1912 года

Ее брак с Царем Николаем II должен был укрепить отношения России как с Англией, так и с Германией, но это был также настоящий брак по любви, так что будущее представлялось им в розовом свете. К сожалению, молоденькая девушка приехала в Россию в то время, когда ее свекор, Царь Александр III, великан, сраженный в расцвете сил, лежал на смертном одре. Он умер через десять дней, и очень скоро среди народа поползли слухи: «Принцесса пришла вслед за гробом». Второй удар судьбы: страшная катастрофа, бросившая тень на коронацию в Москве, — собралась масса зевак, и построенные трибуны рухнули под их напором. Позже рассказывали, что, не успев убрать последствия катастрофы, на трупах жертв построили новые трибуны. Молодую жену объявили несерьезной и легкомысленной. Великосветское общество продолжало считать Александру иностранкой. Александр III ввел «французское господство», чтобы прекратить немецкое влияние в Европе. С тех пор стала развиваться в стране ненависть к германцам. Никто не хотел вспоминать, что до Николая II не менее четырех Царей были женаты на немецких Принцессах. Не вызывало сочувствия и то, что Алекс, с шести лет потеряв мать, детство провела у бабушки, Королевы Виктории. Королева перенесла на нее всю свою любовь. Но воспитание бабушки было строгим. Это развило в ее характере большую робость и глубокое отвращение к шумному образу жизни. Все это, а так же частые болезни, о которых знал мой отец, создали мнение о ее «высокомерии». Генерал Воейков, дворцовый комендант, описывает ее так: «Я вижу ее как живую. Величественная манера держаться. Ее большие серо-голубые глаза отражали какую-то грусть. Во время больших собраний ее глаза принимали болезненное и одновременно холодное выражение. Как будто все, что ее окружало, ей полностью было чуждо. Это послужило причиной тому, что многие плохо знавшие ее люди всегда считали Государыню высокомерной и недоступной. Они не понимали, что она чувствовала себя хорошо только тогда, когда могла дать утешение и смягчить страдания людям. Модные разговоры с их пустотой и несдержанностью всегда были ей мучительны»⁴².

Рождение четырех дочерей дополнило семейное счастье Царской Четы. В 1904 году родился мальчик, Наследник, будущий Царь всея Руси, и все ужасы революции 1905 года и катастрофы Русско-японской войны, казалось, были забыты.

Никто не подозревал, что настоящая драма только начинается. После первого ушиба из-за падения Наследника выяснилось, что у него гемофилия. Оказалось, Королева Виктория была родоначальницей этого недуга: ее дочери передавали эту болезнь по наследству всем своим сыновьям. Кровь больных гемофилией не сворачивается, стенки кровеносных сосудов страшно хрупки, малейший удар, небольшое кровотечение может вызвать необратимую потерю крови. Александра Федоровна прекрасно понимала, что страшная болезнь получена ее сыном от нее, ибо ее младший брат умер тоже от гемофилии. Она считала себя непосредственной виновницей. Глубоко верующая, она искала прибежища в религии. Ее любимым чтением была книга «Друзья Божьи» немецкого мистика позднего средневековья. Из книги можно было узнать, что Бог покровительствует правителям, посылая им благочестивых ясновидцев. Анна Вырубова подчеркивает в своих воспоминаниях ценность этой книги для Государыни: «Первая книга, которую она дала мне в 1905 году, — пишет приятельница Царицы, — называлась “Друзья Божьи”. Это была книга XVI столетия. Правители верили в существование людей, необязательно духовных лиц, которые, как во времена апостолов, были отмечены Божьей благодатью и молитвы которых были Им услышаны»⁴³.

Телеграмма Распутина совпала во времени с чудесным исцелением Наследника и смогла еще более укрепить веру в чудо. Даже в декабре 1916 года, в предреволюционное время, которое должно было уничтожить Государство и династию Романовых, Государыня писала мужу: «В книге “Друзья Божьи” говорится, что страна, где Божий человек служит Государю, не погибнет. И это правда. Мы только должны его слушаться, ему доверять и просить его совета. Мы не должны думать, что он ничего не знает. Бог открыл

ему все»⁴⁴. Когда и через сколько столетий утихнет, наконец, болезненная ненависть советских вождей к монархии, мы сможем располагать теми историческими документами, которые объяснят нам глубоко личную трагедию этой приехавшей в Россию из Англии несчастной женщины. Она была твердо намерена служить благу подданных, не только неся крест смертельной болезни своего ребенка, которою сама его наградила, но терпя раскол Российского общества, в котором только очень немногие ясновидцы понимали, что начинающийся XX век будет веком коренного переустройства всей страны.

МЫ БЫЛИ очень обеспокоены. В своем первом письме отец во всех подробностях описал нам несчастье, произошедшее с Царевичем. Но нас совсем напугало сообщение, прочитанное утром Юрием 9 октября 1912 года, напечатанное в «Новом времени» на 1-й странице, где официально сообщалось о болезни Царевича и о его тяжелом состоянии. Сообщение было датировано 8 октября и подписано «доктор Евгений Боткин, лейб-медик Его Величества». Мы были потрясены: жизнь Царского Сына шла к концу, вся страна должна была знать об этом...

На следующий день пришло письмо от отца: «Я прекрасно понимаю, что вы испытали, прочитав подписанное мною сообщение о здоровье нашего любимого Алексея Николаевича. У меня нет сил рассказать вам, что я переживаю. Я не в состоянии что-либо делать, хотя я, конечно, делаю все, что можно. Я не могу думать ни о чем другом, только о нем и его Родителях. Молитесь каждый день, мои дорогие, усердно молитесь за нашего дорогого Наследника».

Через пять дней, 14 октября 1912 года, пришло второе письмо: «Дорогому больному делается лучше, душевные молитвы бесчисленных людей услышаны — Наследник чувствует себя значительно лучше. Хвала Господу! Но какие тяжелые дни позади... Мне кажется, моя душа постарела на годы. И сейчас еще я не могу совершенно оправиться, так как выздоровление бедного Наследника будет длиться долго и могут возникнуть многие непредвиденные осложнения».

В это драматическое время отец настоял, чтобы из Петербурга был вызван знаменитый хирург профессор Федоров и его ассистент доктор Деревенко*. Оба врача отклонили операцию, потому что шанс спасти Царевича был слишком мал.

В это время Распутин прислал свою знаменитую телеграмму. Удивительное дело, но температура начала спадать, и гематома рассосалась.

Анна Вырубова называла это чудом, но отец оставался более скептичен. Он видел Распутина всего два раза во дворце. Первый раз на ходу, когда «Божий человек» как раз уходил из дворца. Другой раз в классной комнате Царевича. Отец остался на несколько минут, чтобы понаблюдать за ним поближе. Распутин произвел на него впечатление мужика, который довольно фальшиво пытался играть роль «старца», известного нам по роману Достоевского. Этим высказыванием он приблизился к мнению своего друга Столыпина: «Его бледные глаза пробежали по мне, он бормотал что-то таинственное и невнятное из Евангелия, делал странные движения руками, и у меня возникло неопишваемое отвращение к сидящему передо мной паразиту»⁴⁵. Через столетия тайна Распутина остается нераскрытой. Американский историк Роберт К. Масси пишет в своей книге «Николай и Александра»⁴⁶: «С другой стороны, имеются важные причины для предположения, что уменьшение внутреннего напряжения оказывает задерживающее действие на кровотечение. Если пациент спокоен и ощущает хорошее самочувствие, давление в капиллярах падает, и крепость сосудов повышается...

Если Распутин применял к Алексею внушение... то практически подчинял своей воле измученного болями

* С этого момента доктор Деревенко должен был оставаться при Наследнике в качестве личного врача. Его фамилия похожа на фамилию матроса Деревеньки, который должен был нести настоящую вахту у ребенка, чтобы предотвращать опасные падения, так как любая травма была сопряжена с опасностью для жизни больного гемофилией ребенка.

мальчика. Когда он говорил с ним в тоне, не допускающем ни малейшего сомнения, Алексей верил, что боли отступают, что он скоро вновь сможет ходить, что они вместе, может быть, увидят чудеса Сибири.

Вызванное мощным потоком успокаивающих слов расслабление напряженного состояния вызывало у Наследника эмоциональное изменение организма. Кровотечение замедлялось, и измученный ребенок засыпал, а затем кровотечение полностью прекращалось...»

Эта интересная гипотеза, подтверждаемая клиническим опытом современной медицины, не выдерживает, однако, проверки*.

Так как мой отец не терпел совершенно присутствия Распутина в комнате больного и, по свидетельству воспитателя Царевича Пьера Жильяра, Алексей Николаевич видел Распутина чрезвычайно редко: с 1/1—1914 года и до его смерти всего три раза. Вполне вероятно, что доверие матери к молитвам «старца», о чем она без сомнения говорила мальчику, могло вызвать его ощущение, что боль успокаивается. И это является решающим моментом в лечении гемофилии, что подтверждает современная медицина. Разве нельзя себе представить, что мать в состоянии мистической экзальтации, собравшая всю духовную силу, чтобы воспрепятствовать смерти единственного сына, передавала ему со всей своей верой надежду, вызванную «молитвами» Распутина. Пьер Жильяр замечает, что если даже влияние «старца» на своего пациента равно нулю, то сама его персона воздействовала на воображение и поглощала его⁴⁸.

И все же только мать, только она влияла своими рассказами на ребенка и, как наблюдал Пьер Жильяр, предсказания «старца» были тайными пожеланиями

* Доктор Лукас, заинтересованный феноменом Распутина, в госпитале Джефферсона, в Филадельфии под гипнозом удалял больные зубы гемофиликам. В результате одно-единственное кровотечение на 150 случаев. Massie сообщает, что один из пациентов доктора Лукаса во время операции по поводу травмы на бейсбольной площадке не только не ощущал боли (операция также не вызвала кровотечения), но был в хорошем настроении, ощущал радость⁴⁷.

Императрицы, ибо она подсознательно внушала ему пророческие слова⁴⁹.

Тем не менее, чтобы укрепить свое влияние на Государыню, Распутин должен был обладать известными медицинскими познаниями, позволяющими ему в самый благоприятный и подходящий момент реализовать точную информацию, сообщаемую ему Анной Вырубовой, о состоянии больного. Не заходя так далеко, как Соколов (следователь), который однозначно видел неблагоприятные контакты между «старцем» и врачом бурято-монгольской национальности Бадмаевым, приверженцем тибетской медицины, собиравшим у себя в Санкт-Петербурге «политический салон», я хотела бы руководствоваться мнением моего отца:

«Почти в каждой русской деревне есть свой костоправ, знахарь из мужиков, владеющий умением, например, заговаривать кровь. Этот дар переходит от отца к сыну, и исцеление, которое всегда очень театрально обставляется, проходит под аккомпанемент загадочных формул, применения целого ряда молитв из впечатляющего православного ритуала. Распутин бесспорно сродни этим деревенским знахарям».

Какой необычайной страной была Россия в начале этого века! С одной стороны, Государь с Государыней доверяли полностью врачу, получившему образование в Гейдельберге и Париже, испытывающему к Распутину только недоверие, с другой стороны, они принимали Распутина как «старца» и приписывали его молитвам сверхъестественную силу.

Анна Вырубова рассказывает в своих мемуарах: «Распутина проводили во дворец в кабинет Государыни обычно через боковой вход по узкой винтовой лестнице... По русскому обычаю целовались при встрече, а затем усаживались для разговора.

Распутин рассказывал о Сибири, о нуждах и заботах крестьян и о своих паломничествах. Ее Величество говорила о хрупком здоровье Наследника и обо всем, что в это время волновало. Когда Распутин через час уходил, у нее оставалось сознание чего-то радостного, волнующего»⁵⁰.

Глава IX

Путешествие за границу

ЗАЛ БЫЛ ПОЛОН зрителей, которых я не знала, а я стояла у ярко освещенной рампы и тихо плакала, как это было предписано ролью. Я играла молодую, несчастную в браке женщину, встретившую своего прежнего жениха и понявшую, что она его все еще любит. Этот спектакль был устроен моей гимназией, и я впервые стояла на сцене перед настоящими зрителями. По этому случаю отец подарил мне замечательно красивое платье из небесно-голубого сатина и к нему настоящий русский кокошник, вышитый жемчугом и стразами, как носили прежде на Руси.

Татьяна Боткина в традиционном русском костюме. 1912 год

Куда девалась моя робость? Я нашла нужный тон и правильные движения, чтобы без всякого кокетства «стразы на кокошнике засверкали». В конце представления на меня обрушились аплодисменты. Я скромно поклонилась. Этот успех показался мне чудесным. Я бы охотно задержалась в фойе немного подольше, но мне надо было быстро переодеться, ведь папа ожидал меня в вестибюле. Эльстина побежала вперед к нему вниз, а я торопилась, чтобы скорее спуститься на первый этаж, как вдруг заметила, что меня преследует целая ватага мальчиков. Я обернулась и увидела сначала моих братьев, смех которых красноречиво подтверждал их присутствие, затем я узнала большинство мальчиков, с которыми встречалась на уроках танцев у Георгиевских, очень уважаемой и скучной семье, куда отец обязательно хотел нас ввести. Глава семьи был профессор статистики в Петербургском университете. У них было четыре дочери и сын Ванюша, который очень меня любил и которого я находила невероятно скучным. Так же как у Георгиевских, много молодежи бывало и у Комстадиусов, с которыми мы познакомились в Крыму. Я предпочитала бывать у них — там было много лоску, занимательнее и не столь суетливо, как у более провинциальных (по сравнению с Комстадиусами) Георгиевских. Однако несмотря ни на что у последних мы бывали часто, где среди прочих встречали обоих братьев Озеровых и трех братьев Кириллиных. И вот теперь они-то и бежали за мной. Красивый Глеб Кириллин догнал меня первым и засыпал комплиментами. «Изумительно, — сказал он мне, как светский молодой человек, — прекрасно! В следующий раз, когда вы будете играть, я буду вам особенно аплодировать!» Я удовольствовалась тем, что глупо посмотрела на него, не ответив. «Где ваше пальто? Вы позволите?» — он взял мое пальто, и я уже подошла к нему, как вдруг отец, занятый до тех пор раздачей чаевых гардеробщикам, внезапно повернулся к нам и взял его из рук смущенного Кириллина.

«Извините, господин паж, но я сам помогу моей дочери одеться».

Официальный тон отца меня поразил. Он обычно был всегда так мил с молодежью. Кириллин сразу вытянулся, и пажи с уважением поклонились. В это время швейцар выкрикнул: «Карету Его Превосходительства доктора Боткина!»

Придворное ландо с величественным кучером в треугольной шляпе и красивыми в яблоках лошадьми подъехало к большой парадной лестнице. Никогда больше Глеб Кириллин не приглашал меня танцевать. Я была так наивна, что обдумывала, как высказать ему мое сожаление об этом инциденте.

Однажды вечером отец пришел, как всегда, ко мне в комнату, когда я уже лежала в кровати, и сказал, что никогда не любил артистического таланта у молодых девочек. Игра на сцене может привести к соблазну играть и в жизни. Когда меня на следующий год пригласили играть новую роль, я постаралась сделать так, чтобы кто-нибудь меня заменил.

ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ Наследника отразилась также на папином здоровье. Он переработал и не мог больше это от нас скрыть, а мы догадывались, какие нечеловеческие усилия он делал, чтобы оставаться спокойным и даже равнодушным.

Чтобы немного разрядиться, он каждый вечер принимал перед сном горячую ванну.

Зачастую он засыпал в ванне. И только в 5-6 часов утра, когда вода остывала, он просыпался, доползал до кровати и ложился под одеяло. И как трудно было ему снова начать бодрствовать. Тогда его камердинер, испробовав все средства безрезультатно, ставил поднос с завтраком рядом с его постелью.

В конце 1912 года отец несколько раз опаздывал во дворец к утреннему визиту. В конце концов Государыня очень приветливо спросила его о причине опозданий. «Ваше Величество, — ответил отец, — простите меня за мою откровенность, но я встаю с опозданием всегда, когда засыпаю в ванне». — «Как?»

Лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин.
Ливадия, 1912 год

Государыня была очень озадачена, а Великие Княжны Ольга и Татьяна, присутствовавшие при этом разговоре, громко рассмеялись: «Вы опять ночевали в ванне!.. Вы опять переночевали в ванне!..»

Из-за болезни Наследника и страха, в котором постоянно пребывала его мать все это время, жизнь во дворце была очень скромной.

НАСТУПИЛО РОЖДЕСТВО. К нам приходили некоторые гости, в том числе князь Путятин и двое его сыновей. Праздник давно начался, когда наш слуга вызвал Дмитрия, делая таинственные знаки. Когда через несколько минут мой брат вернулся, мы были очень удивлены. Он представил папе пажа, которого мы не знали. И какого пажа! Он выглядел совершенно иначе, чем все другие. Он был маленький, неряшливо одетый, неуклюжий и такой толстый, что казался тучным.

Это неблагоприятное впечатление, однако, исчезло, благодаря симпатичной манере поведения, открытой улыбке и какой-то наивности, которая светилась в его глазах. Они были странной формы и похожи на две запятые. Паж звали Андрей Дитрих. Отец встретил его приветливо, и он с удовольствием вошел в наш кружок. Его домашняя жизнь была явно не блестящей, так как после смерти отца он жил со своей матерью, сестрой и старшим братом в маленькой квартире. Он чувствовал себя везде просто и хорошо, несмотря на то, что в Царском Селе был принят не каждой семьей. Очень скоро он стал другом моих трех братьев, которые ценили его жизнерадостность и хорошее настроение.

НАЧАЛО 1913 ГОДА было отмечено празднествами по поводу 300-летия династии Романовых. Дмитрий был неутешен, так как знал, что в них будут участвовать только пажи старшего курса.

Юрий, напротив, был весел и даже позволял себе опаздывать к ужину и только через три дня соблаговолил объяснить, что в Лицее подготавливают к этому празднику историческую пьесу и он помогает в этих приготовлениях.

Он играет на балалайке в оркестре в опере «Жизнь за Царя» Глинки, и, кроме того, ему поручили поднимать занавес. Его старания отец не смог увидеть, потому что за несколько дней до представления в Лицее Императорская Семья покинула Царское Село и переселилась в Зимний дворец, где должно было начаться празднование 300-летия дома Романовых.

Царская Семья. 1913 год

Прибыв 20 февраля 1913 года в Санкт-Петербург, Государь и Государыня одни, без свиты, направились в церковь. Было время вечерней службы. Церковь была полна. Они смешались с толпой, и никто их особо не заметил, продвинулись вперед, чтобы пройти к иконостасу и иконе Христа Спасителя, чтобы там встать на колени и помолиться, и только тогда они были замечены. Громадная толпа собралась перед церковью на площади. Когда они вышли из церкви, верующие упали на колени. Некоторые старались схватить их руки, чтобы поцеловать.

На следующий день, 21 февраля, — день коронации первого Романова, в Казанском соборе была торжественная служба, которую возглавлял Патриарх Антиохий. Император был в форме полка Императорских стрелков («Наши стрелки!»). На нем был малинового цвета мундир, застегивающийся сбоку, с офицерским воротником, широкие темно-зеленые шаровары и мягкие кожаные высокие сапоги со сборками. К этому подходящий к шароварам кафтан, открытый от горла у ворота, обшитый золотым галуном, а на голове довольно плоская с золотым крестиком «астраханская» шапка. Форма придавала этому живописному, типично русскому зрелищу особую цветовую окраску. Вдоль всего пути, по которому должны были проследовать Их Величества, стояла огромная толпа. Представители всех сословий желали Августейшей Чете долгого и счастливого царствования. В заключение в Зимнем дворце состоялся грандиозный банкет. А 23 февраля дворянство дало роскошный бал в честь Императорской Семьи. Но, к сожалению, празднование прервалось сразу после бала из-за болезни Великой Княжны Татьяны. У нее был тиф. Все знали, что в Санкт-Петербурге вода плохая, вместо нее лучше было пить минеральную или хорошо прокипяченную. Очевидно, Великая Княжна захотела вечером пить и неосторожно налила себе стакан воды из первого попавшегося крана.

Императорская Семья вернулась в Царское Село; отец должен был проводить все свое время во дворце, не отходя от больной.

Вскоре она совершенно выздоровела, но продолжать празднество не стали из-за гибели брата вдовствующей Императрицы. Король Георг I Греческий 5 марта был убит анархистами. Государь же должен был уехать в Берлин, чтобы присутствовать на свадьбе дочери Императора Вильгельма II.

Поэтому предусмотренное к 300-летию Романовых путешествие смогло начаться лишь 16 мая 1913 года. В сопровождении большой свиты Государь со всем семейством собирался посетить все города, связанные с судьбой Романовых. Прежде всего они остановились в Костроме на Волге — родине первого Царя из этой династии Михаила Федоровича Романова. На берегах ожидала их несметная толпа. Крики «ура!» даже заглушали колокольный звон. Когда Государь с Государыней появились на палубе парохода, двигавшегося вверх по Волге, бесчисленное количество людей бросились в воду, чтобы приблизиться к ним.

Путешествие оканчивалось в Москве, где Государь вместе с Великими Княжнами должен был проехать сквозь толпу, которая собралась в его честь на Красной площади. Народ как с ума сошел и почти прорвал полицейские кордоны.

Собравшиеся начали петь «Боже, Царя храни!» Уважение к Государю глубоко тронуло Государыню. Однако, Александра Федоровна очень устала от празднеств. Ей не только надо было присутствовать на всех религиозных церемониях, но и на всех банкетах, концертах и балах. Несколько раз она все же просила извинить ее. Она была на пределе сил. Ее сын выздоравливал медленно от своей болезни в Спале. Левая нога, вследствие атрофии нервов, была почти парализована.

«Государыня, — пишет генерал Спиридович⁵¹, — чувствовала себя скверно. У нее на лице появились красные пятна. Наследника носил на руках казак из эскорта. На мальчика было больно смотреть, и в толпе, полной сочувствия, начали креститься». Государыне во время этого путешествия не хватало также ежедневных консультаций моего отца. Отца не было с ней рядом — в конце концов, свалился и он. Болезнь победила его преданность. Однажды

отец раньше обычного вернулся из дворца. На этот раз он не поцеловал нас, как обычно. Слабым голосом он попросил нас к нему не приближаться и позвать дядю Сашу*. Глаза его лихорадочно блестели, щеки горели, как при высокой температуре. Однако он собрал все силы, чтобы добраться до своей комнаты и лечь в постель. Когда через час пришел дядя Саша, он поставил диагноз: тиф.

«Его организм так истощен, — озабоченно сказал дядя Саша, — что у него нет сил сопротивляться инфекции. Постоянное присутствие у постели Великой Княжны Татьяны стало для него роковым. Теперь у него самого тиф. Я приглашу профессора Сиротинина и доктора Андреса, а проходя мимо Георгиевской Общины, попрошу главного врача прислать к вам свою лучшую сестру милосердия». Потом он повернулся ко мне: «Таня тоже плохо выглядит, но тиф у нее уже был, значит, это что-то другое. Ее тоже надо обследовать».

Дядя Саша поднял всех на ноги — и в тот же вечер профессор Сиротинин, доктор Андрес и похожая на дракона сестра собрались у постели отца. У папы поднялась очень высокая температура, сердце ослабло, и доктор Андрес, которого мы все очень любили, решил остаться у нас на ночь. У меня была ангина и мой неизбежный ревматизм. Это было для нас тяжелое время. По ночам все молодые врачи Санкт-Петербурга дежурили по очереди у постели папы. Днем приходили лучшие специалисты для консультации. И как раз в это время случилось нечто ужасное. Настоящие орды мышей начали систематически атаковать наш дом. Не только кухню, погреб или чердак... Они присутствовали повсюду, даже в ванной. Одна из них устроила себе квартиру в моей комнате, чтобы во время завтрака подбирать упавшие крошки. Когда она насыщалась, она сразу исчезала под софой. Ночами я слышала, как она грызла ножку стола. Самое ужасное произошло в комнате отца. Однажды вечером мышонок предпринял путешествие под юбки сестры-дракона. Сохраняя рептилиеподобное

* Александр Сергеевич Боткин, брат Евгения Сергеевича (прим. О. К.).

хладнокровие, она раздавила скотинку между колен. Наши слуги сочли нашествие мышей плохим предзнаменованием и начали втихомолку осенять себя крестным знаменем. По их мнению, смерть хотела войти в дом Боткиных.

СОСТОЯНИЕ ОТЦА все ухудшалось. Дядя Саша решил послать телеграмму брату Петру, который был чрезвычайным полномочным послом в Лиссабоне. Петр Боткин описал наш тяжелый период жизни в своих мемуарах. «Весной 1913 года я находился в Лиссабоне и получил однажды телеграмму из С.-Петербурга о том, что мой брат опасно болен. Сложная форма тифа, сильная сердечная слабость, рожистое воспаление. Я вскочил в Южный экспресс, затем в Северный экспресс и через три дня был в Царском Селе у брата. Ему хоть и сказали, что я в командировке, но он понял, что это из-за него, и пожал мне руку так сильно, как только смог. Между тем я нашел в его состоянии поворот к лучшему. Он был уже вне опасности, и его выздоровление освещало все, как солнце после бури. Перед отъездом в Лиссабон я попросил аудиенции у Государя и сразу был принят. Я вошел к нему в кабинет и увидел его за письменным столом. Увидев меня, он улыбнулся такой хорошо знакомой его близким улыбкой, почти нежной, очень русской, которая придавала ему особое очарование.

Часто утверждают, что Николай II не имеет ничего величественного в манере держаться, в нем нет ничего от властного Государя. Я другого мнения. Хотя Николай II не имел импозантной фигуры Александра III и Царского величия Александра II, но под его приветливостью, под его застенчивостью, граничащей со скромностью, скрывалось благородство души. В его, казалось бы, очень русской персоне было что-то от специфически славянской простоты, делавшей из этого великого Государя всея Руси человека, стоявшего к самому незаметному подданному ближе, чем любой другой властитель или глава государства по отношению к жителям своей страны.

Государь протянул мне руку и, посмотрев на меня своими доверчивыми большими голубыми глазами, тотчас же заговорил о моем брате:

“Он нас напугал, — сказал он. — Когда вас уведомили телеграммой, я был в большой тревоге... Он был так слаб, так переработался... Ну, теперь это позади, Бог взял его еще раз под свою защиту. Ваш брат для меня больше, чем друг... Он все принимает к сердцу, что с нами случается. Он даже делит с нами болезнь”.

“Ваш брат работает за десятерых, — сказал он через некоторое время. — Так продолжать нельзя, он должен себя больше беречь. После выздоровления ему надо наконец взять отпуск”.

“Но Ваше Величество, — сказал я, — Ваше Величество знаете моего брата. Он никогда не пойдет в отпуск. Едва оправившись, он снова вернется к своей службе”.

“Это верно, — подтвердил Государь, — но я мог бы ему просто приказать уехать в отпуск. — И после раздумья он продолжал: — Знаете, что я сделаю? Я пошлю вашего брата к вам в Лиссабон”.

Мы говорили о Португалии, и я удивился, как много Он знал об этом уголке света, так далеко расположенном от России. В конце аудиенции я услышал шум в соседней комнате, детские голоса. Затем дверь позади Государя открылась и сразу же захлопнулась.

“Я думаю, — сказал Государь, и казалось, что он извиняется, — меня ожидают к обеду”.

Он пожал мне руку, как другу, уезжавшему в дальний путь, и аудиенция закончилась⁵².

Наследник еще не полностью владел ногой, но Государь сдержал слово. Когда в конце мая отец опять появился во дворце, Николай II приказал ему навестить своего брата Петра Боткина. Мы были в восторге от возможности сопровождать папу в Португалию. Этот отпуск был первым со времени его пятилетней службы при Дворе. К сожалению, Дмитрий не смог с нами поехать. После успешных переводных экзаменов в следующий класс он должен был провести два месяца в летнем лагере Пажеского корпуса,

недалеко от Царского Села. Прежде чем ехать в Лиссабон, мы остановились на несколько дней в Париже. Отец зарезервировал комнату в отеле «Орсей». То в фиакре, то пешком мы гуляли по Елисейским полям, по площади Конкорд, в «Тюильри» перед посещением Лувра. Венера Милосская повергла меня в страх и ужас. Непобедимое отвращение наполняло меня при виде этого тела, казавшегося мне бесформенным, извращенно непристойным.

Это пребывание в Париже было слишком коротким, и впечатления мои остались неблагоприятными.

Сравнивая Париж с величественными ансамблями Петербурга, широкой Невой, роскошью садов, парков и дворцов, я была очень разочарована этим городом, каким-то мелким и унылым. Я не знала, что открою однажды его настоящую прелесть и даже проведу в нем всю мою последующую жизнь...

«В ИЮЛЕ 1913-го, — рассказывает в своих мемуарах Петр Боткин, — я отдыхал в Бусако, горной местности, расположенной посреди кедрового леса над одной из красивейших долин Северной Португалии. Там я получил телеграмму из Царского Села, в которой мой брат сообщал о своем приезде. Вскоре после этого на маленьком вокзале Лузо-Бусако высадилось из Южного экспресса русское семейство. Это был мой брат со своими детьми, учительницей, картонками, коробками, мешками и чемоданами. Они привезли запах юфтовой кожи, который исходил от всего багажа...

Какими счастливыми были эти дни в Бусако! Мой брат был блестящий собеседник. У него был особый дар описывать различные вещи с большим подъемом, точностью наблюдений и большой дозой особой, очень русской иронии, которая была острой, но никак не злой.

Что касается его отношения ко Двору, он был очень сдержан, и я уважал его чувства. Я знал цену его отношений к Императору, Императрице, и знал, какое место они занимали в его сердце. Наследника он обожал. Я знал, что мой брат хорошо знаком с Царской Семьей и видел их

по несколько раз в день, но я знал также, как тактично должно было быть поведение лейб-медика»⁵³.

После серого Парижа загородная прелесть Бусако произвела на меня положительное впечатление. В то время как взрослые общались в изумительно красивом парке при отеле, мы с Глебом совершали долгие прогулки по лесам и по горам, мы любовались нежно-голубыми гортензиями, они были видны повсюду — в диком винограде, на стволах деревьев, или вдоль дороги, на стенах, свисавшими с винограда, с каменных стен. Но нашим каникулам помешала печальная весть: отец тети Фанни* умер от разрыва сердца. И когда наш дядя поехал на похороны, мы стали собираться обратно в Россию. Мы остановились в Мадриде. Отец отдыхал в отеле, а мы, Юрий и я, отправились в путешествие по улицам испанской столицы, которая приводила нас в неимоверное изумление. Кафе со столиками и стульями располагались прямо на улице. В России не было ничего подобного, и мы смотрели с осуждением на всех этих хорошо выглядевших людей, которые под взглядами прохожих ели мороженое и пили соки. Мы нашли этот обычай не соответствующим хорошему тону. Мы считали, что такое поведение подходит только людям из низших слоев населения.

Отцу стало существенно лучше. Вдали от Двора и этикета он, казалось, совершенно изменился. Он шутил, смеялся и мог даже объясняться с испанцами, применяя свои знания латыни.

В конце концов мы прибыли в Марсель, самый шумный город, который мы когда-либо видели. Улицы были полны моряков, которые пели, кричали друг другу через всю улицу.

«Такая недисциплинированность, — негодовал Юрий, — была бы в России немыслима!»

В нашем возмущении мы забывали характерные черты собственной страны: беспорядок и безответственность. Как только наш поезд достиг русской границы, суэта на перроне вернула нас снова к реалистической оценке действительности.

* Фанни — жена Петра Сергеевича Боткина (прим. О. К.).

Русский поезд, который, в сущности, должен был уже ожидать нас, еще не пришел и значительно опаздывал*.

...Пассажиры сидели уже в вагонах и ждали отправления, как вдруг в проходе раздалась страшная ругань. Мужчина вроде швейцара, с фуражкой на затылке и в большом белом переднике, сильным движением ноги толкал в проходе три чемодана и орал: «Кому принадлежит, наконец, этот багаж?» Этот вопрос он дополнял каскадом непонятных ругательных слов, которые он изрыгал в оскорбительном тоне и с невероятной быстротой. Сомнения не было — мы были в России.

Из Царского Села Глеб и я поехали дальше, в Финляндию. Отец, восстановивший свое здоровье, приступил к своим обязанностям в Крыму у Государя и Наследника, но мы не могли его туда сопровождать.

Глава X

На пороге 1914 года

ПОГОДА была теплая, хорошая. Сосны тихо шумели над головой, и мой гамак ритмически покачивался. Марианна лежала рядом со мной, прижавшись ко мне всем своим тельцем. В ее глазах я видела обожание, к которому я не привыкла. Я была ее любимицей, и это утро было утром большой нежности, поскольку дядя Саша со своим страхом перед инфекцией — отсутствовал. Между нами была значительная разница в годах: Марианне было тогда семь, а мне четырнадцать лет. Черные банты, которые я носила в волосах, внушали ей большое уважение. Взглянув на меня, она сказала: «Ты похожа на мою Лайку, твои шелковые банты, как два больших уха». Это был комплимент, ведь моя маленькая кузина обожала животных, и дядя Саша даже разрешал ей после обеда покормить собак остатками еды, прежде чем лечь отдыхать. Кухарка должна была проследить, чтобы на Марианне был надет большой белый передник и перчатки...

* Разная ширина железнодорожной колеи в России и в Западной Европе требовала на границе пересадки.

Однажды дядя Саша привез с собой дядю Викара. Мы были в восторге. С появлением этого жизнерадостного драгунского офицера атмосфера в доме нашего улучшилась. Дядя Саша стал тоже подольше оставаться с нами, и настроение сделалось более «мужским».

«Дядя Саша, — спросил его Глеб однажды вечером, — почему ты ешь только рыбу и никогда не ешь мясо?»

«Я слишком люблю животных и не могу их убивать, — ответил бывший путешественник и исследователь, — а рыбы мне не внушают ни малейшего угрызения совести. Это настоящие чудовища, и я их ценю так же мало, как и людей».

Дядя Саша наклонился ко мне и приподнял правую бровь, как всегда, когда хотел рассказать какую-нибудь историю. «Ты мне не веришь? — продолжал он. — Представь себе, задолго до Русско-японской войны я на собственные средства построил себе подводную лодку! Все было точно рассчитано. Я сам ее испробовал. Она шла прекрасно. Но русский флот тоже захотел познакомиться с моей лодкой и послал целый комитет “ревизоров” на мою шею, состоявший из дюжины офицеров. Конечно, эти идиоты не могли удержаться и не попробовать ее сами. Знаешь, что они сделали? Они потонули. Эти слабоумные просто забыли задрать входной люк. Я тебе говорю, что люди еще глупее рыб, эти хоть могут под водой дышать».

«Ты не прав, — не удержалась я. — Неужели во всех своих путешествиях ты не встретил ни одного человека, достойного твоего уважения?»

«О, конечно, — ответил дядя Саша, и глаза его внезапно заблестели, — я вспоминаю одного сибирского проводника поезда, которого я встретил в Иркутске. Я попросил его протопить мое купе. “Невозможно, — ответил он, — у меня нет растопок”. Если я употреблю свою “финку”, чтобы нащепать растопок, она сломается. Вот если б у меня был мой нож для свежевания туши!»

«Что за “финка”?» — удивился Глеб.

«В Сибири, — пояснил дядя Саша, — это нож с очень тонким и острым клинком. Нет ничего лучше для того,

чтобы кому-нибудь перерезать глотку. Мой проводник был так любезен, что даже показал мне, как это делается. Но этот нож можно применять только летом. Зимой они пользуются ножом для свежевания туши. Он гораздо надежнее. Клинок вонзает между ребер, он входит и не ломается. Даже если на человеке надет тулуп из овчины. Когда снег стает, из покойника получается «подснежник», так там говорят».

Дни становились все холоднее, и часто мелкий осенний дождик загонял нас после обеда в «Музей», а вечером со взрослыми в столовую под большую висячую керосиновую лампу, спускавшуюся с потолка. Я занималась тогда вязанием очередной полосы для одеяла, которое начала два года назад на борту «Штандарта».

Когда мы были маленькими, у всех нас были одеяла, связанные мамой, с тех пор они сильно потрепались, так как я заменяю маму, я и решила связать новые всем братьям, начиная с Дмитрия.

При свете лампы беседы продолжались. Глеб регулярно добивался своей цели: вызвать на разговор дядю Сашу, чтобы он рассказал о своих приключениях в экспедициях. Тогда мы вместе «летали» в Америку, на Сандвичевы острова или на Байкал. Вскоре мы узнали все об обычаях эскимосов, но наши каникулы в Ино подходили к концу. Лето Юрий провел, готовясь к приемным экзаменам в Лицей*. В то время в России это соответствовало юридическому факультету. Он стал интерном. Глеб и я поехали к папе в Крым. На этот раз Юсуповы предоставили в наше распоряжение другое место — «дачу Морозова» — роскошный дом, с террасы которого можно было видеть весь Кореиз и море. Я с восторгом смотрела на множество белых домиков (с их плоскими крышами), расположенных тесно один к другому, как пчелиные соты, на лесистых склонах Ай-Петри, величественная двуглавая вершина которого вздымалась к небу. Посреди деревни возвышалась мечеть с высоким минаретом, вокруг которого шла узкая винтовая лестница наверх.

* Автор, по-видимому, имеет в виду Александровскую гимназию (прим. О. К.).

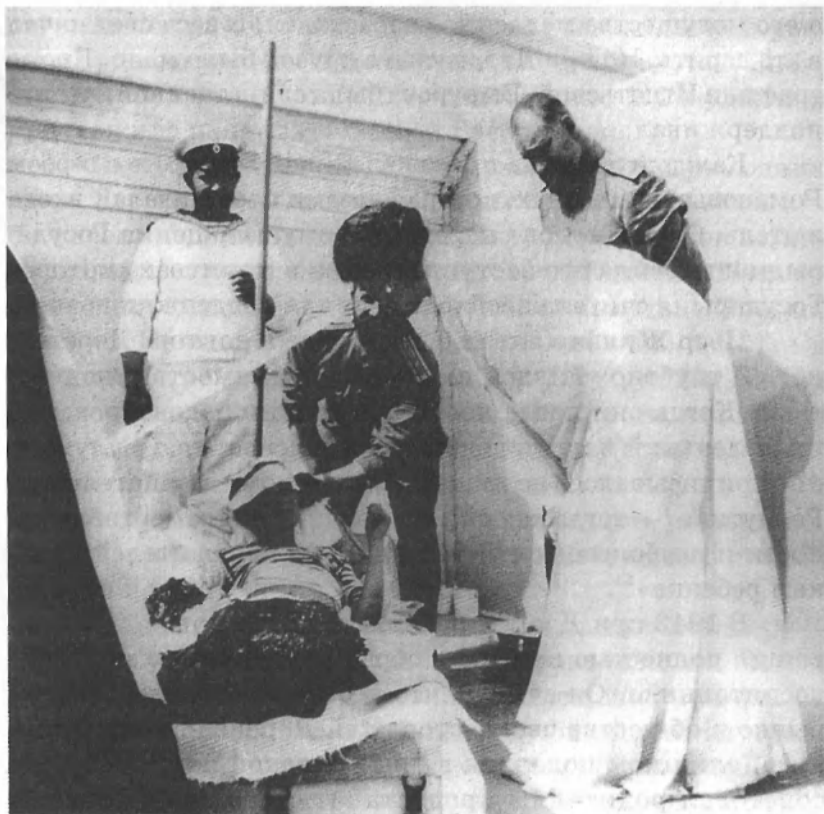
Я не могла наслушаться длинных молитв муэдзина, когда они раздавались в тишине, и розовый туман подымался с моря.

Жизнь на даче Морозова протекала так же, как и два года назад на даче Тизенгаузен. Несколько визитов ради приличия к Юсуповым на чашку чая, утренние прогулки на море и редкие прогулки с папой.

Здоровье Наследника улучшалось. Чтобы окончательно вылечить паралич левой ноги, отец рекомендовал ему целебные грязевые ванны, которым он очень доверял. Целебную грязь привозили из Саки, курорта на Черном море. Два раза в неделю ее доставляли в Ливадию в специальных бочках на борту эскадренного миноносца, и в тот же день ее нужно было применять. Отец собственноручно с помощью ассистента доктора Деревенко и в присутствии Государыни накладывал аппликацию на ногу маленького пациента. Однажды утром миноносец попал в такой шторм, что не мог подойти к суше. Один из офицеров, лейтенант Федосеев, решил на лодке подойти к санаторию и предложил добровольцам его сопровождать. Море бушевало, но матросы продвигались вперед. Однако несмотря на все усилия Федосеева, сидящего у руля, лодка недалеко от Саки опрокинулась. К счастью, матросам удалось спастись и спасти бочку с целебной грязью. Шторм утих, и целебная грязь была доставлена вовремя во дворец. Информированный о мужестве своих матросов, Государь наградил их всех и дал аудиенцию лейтенанту Федосееву.

Лечение пошло Наследнику на пользу. Он начал понемногу нормально ходить и стал опять жизнерадостным ребенком, которого так любил мой отец.

ПРИ ДВОРЕ шли бесконечные интриги, и в ту осень 1913 года Распутин решил приехать в Ялту. Узнав о намерении «старца», генерал Думбадзе, командующий этого округа, грузин с огненным темпераментом, послал зашифрованную телеграмму министру внутренних дел, в которой просил разрешения утопить Распутина во время переезда из Севастополя в Ялту. Когда его предложение было

Цесаревич Алексей принимает грязевые ванны. Рядом Императрица Александра Федоровна, врач В. Н. Деревенко, врач Е. С. Боткин и боцман А. Е. Деревенько. Ливадия, август 1913 года

отклонено, Думбадзе заявил, что не отвечает за безопасность «старца», и передал эту задачу шефу полиции в Ялте. В высшей степени обеспокоенный возложенной на него миссией, он выполнял поручение так старательно, что все население считало, что Государыня отдала приказ на особую охрану «святого человека».

Распутин остановился в лучшем отеле. Во дворец его никогда не приглашали, но интриганы и карьеристы стремились встретиться с ним и надеялись таким образом втереться в милость Государыни. «Старец» вел роскошную жизнь и хвастал своим влиянием на Государыню. Миф

о его могуществе медленно разрастался, и весь свет начал в это верить. Но при Дворе у него друзей было мало. Кроме графини Игнатьевой, Вырубова была единственной, кто его поддерживал.

Каждый день она приезжала к нему в карете с гербом Романовых на дверцах, которая часами простаивала у входа в отель. Очевидно, она передавала ему сообщения Государыни и просила его заступничества в молитвах, которое Государыня считала необходимым для поддержки врачей.

Пьер Жильяр писал о моем отце и докторе Деревенко: «Я глубоко удивлен их энергией и самоотверженностью... Когда они после ночных дежурств радовались, что их маленький пациент снова в безопасности, это улучшение приписывалось не им, а удивительному вмешательству Распутина, — тогда как они оба были полны самоотверженности и глубокого сочувствия к страхам родителей и мукам ребенка»⁵⁴.

В 1913 при Дворе произошло нечто новое. Жильяр решил полностью изменить образ жизни своего молодого воспитанника. Он считал, что ребенок, находясь непрерывно в обществе своих сторожей Деревенько и Нагорного, слишком подавлен в повседневной жизни. Он посоветовал родителям предоставить развитию Алексея Николаевича больше свободы.

«Чем строже становился надзор, — писал Жильяр, — тем более стесненно чувствовал себя ребенок и все изобретательнее старался обойти этот надзор. И при этом возникала опасность, что он может сделаться нечестным и хитрым.

К моему большому удивлению, родители сразу согласились... Хотя они оба любили ребенка до безумия, но как раз эта любовь и давала им силу, и они решили, что лучше рискнуть, может быть, даже под угрозой несчастного случая, даже со смертельным исходом, чем видеть, как калечится личность и вырастает из мальчика человек “без позвоночника, без моральной самостоятельности”»⁵⁵.

Результаты нового решения не заставили, к сожалению, долго ждать.

Однажды я была приглашена на спектакль, который давали дети сиротского дома в честь Царских детей. Спектакль проходил в здании небольшого кино, и Государыня предложила папе взять с собой Глеба и меня.

Сын доктора Деревенко, который был примерно одних лет с Наследником, тоже был приглашен. Этот мальчик был очень подвижным. Во время антракта он начал бегать по столам и стульям и за ними прятаться. Конечно, Наследник начал ему подражать, и начался кавардак. Правда, Великая Княжна Мария делала все возможное, чтобы их успокоить, но ее не слушались. Если отец или и доктор Деревенко открывали дверь, чтобы посмотреть, что происходит, Наследник возмущался и начинал недовольно возражать: «Взрослым здесь нечего делать!»

Я с ужасом смотрела на это, в пятнадцать лет я не понимала, почему Государь не слушает советов моего отца об осторожности.

«Вначале все шло хорошо, — рассказывает Жильяр, — и я начал успокаиваться, как вдруг произошло несчастье. Мальчик, взобравшись на стол, скатился вниз и ударился правым коленом об угол. Уже на следующий день внутреннее кровоотечение усилилось, и опухоль, образовавшаяся под коленом, распространилась вниз. Кожа под давлением внутренних кровеносных сосудов потеряла всякую эластичность, поток крови зажимал нервы в ноге, боли с каждым мгновением становились все сильнее»⁵⁶.

Папин кошмар начался снова: меньше чем через год после драмы в Спале, Наследник опять стоял на пороге смерти.

«Однажды, — пишет Жильяр, — я нашел мать у постели сына. Ночь прошла очень плохо. Доктор Деревенко был очень озабочен — кровоизлияние не прекращалось, и температура опять поднималась. Опухоль стала еще плотнее, и боли еще невыносимей. Наследник лежал в кровати и стонал. Мать поддерживала его голову, и его узкое, бескровное лицо искажилось страданием. Время от времени он прекращал стоны и бормотал только одно слово: “мама”. Мать покрывала его волосы, лоб, глаза, поцелуями, как

будто они могли смягчить его боль и вернуть ему жизнь, которая потихоньку его оставляла»⁵⁷.

И Жильяр добавляет: «Никогда Государь и Государыня не сказали мне и слова упрека»⁵⁸.

Общее мнение тех, кто знал Николая II, было: этот человек — праведник.

ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ шла, однако, своим чередом. В этом году состоялся большой благотворительный праздник, который устраивала Государыня в новом здании, названном Народный дом.

Я знала, что такой Дом есть уже в Санкт-Петербурге. Это был театр, в котором играли лучшие артисты за минимальную плату. Эльстина ходила туда часто, и находила это отличным, прежде всего для людей со скромным достатком, из-за дешевых билетов. Кроме того, там необязательны были вечерние туалеты, что меня очень сердило, — я не могла себе представить, как можно пойти в театр в обычной одежде и сидеть рядом с рабочими.

Когда мы проходили мимо киоска, где находилась Государыня с дочерьми, я поздоровалась с графиней Настенькой Гендриковой. За год до этого Государыня назначила ее фрейлиной. Она была совершенно очаровательная, образованная молодая женщина, очень скромная. Их Величества знали, что ее отец, граф Гендриков, настроен против Распутина, и Государыня приказала «старцу» не появляться в присутствии Настеньки. Несмотря на это недвусмысленное положение, очаровательная Настенька Гендрикова очень быстро завоевала дружбу Великих Княжон, которые очень ее полюбили. За спиной молодой графини я увидела высокую молодую девушку. Она была элегантно одета, что выделяло ее среди придворных дам. Как только я покинула праздник, я поспешила удовлетворить свое любопытство. Это новая фрейлина. Ее имя Софья. Для друзей она — Иза. Ее отец, барон Буксгевден, был нашим послом в Дании. Она так же образована, скромна и хорошо воспитана, как Настенька. Она, конечно, будет для Великих Княжон хорошим

примером». «Так что, теперь у нас три фрейлины?» — спросила я удивленно.

«Да, так и есть, — подтвердил папа. — Ольга Бюцова еще, правда, на своем месте и зачастую проводит время с Государыней, но для Великих Княжон она немного не по возрасту».

Одна деталь меня все же удивляла. «Ты не находишь, — спросила я папу что баронесса Буксгевден слишком хорошо одета?»

Отец рассмеялся. «Ты права, Танюша. Иза Буксгевден должна была выходить замуж, и вдруг ее жених отказал. Она была очень расстроена. Это происшествие послужило поводом для Государыни ею заинтересоваться. Сегодня Иза носит платье из своего приданого, которое было уже готово. Но эти туалеты больше подходят замужней даме, чем молодой девушке!»

Теперь в окружении Государыни стало на одного человека больше из тех людей, семьи которых были известны своей враждебностью по отношению к Распутину. Но это не повлияло на отношение общественности, критиковавшей Государыню. «Так как окружение Распутина, как заключила впоследствии следственная комиссия, было всегда подобрано им самим, и было очень велико, его жизнь протекала необычно, между истеричным обожествлением и ненавистью, и при этом каждый знал, что все более или менее от него зависимы»⁵⁰.

Ноябрь 1913-го шел к концу. Мы вернулись в пятницу в Царское Село, и уже на другой день мальчики появились дома. Дмитрий стал камер-пажом при Дворе и в этом качестве при каждом официальном приеме должен был находиться при ком-нибудь из членов Царской Семьи. Отец был очень дружен с Великой Княжной Ольгой Николаевной и хотел, чтобы Дмитрия персонально прикрепили к ней. К сожалению, один из его товарищей обскакал его на один балл, и наш Дмитрий стал камер-пажом Великой Княгини Виктории. Когда мы увиделись снова в Царском Селе, он был уже в новой форме от лучшего портного. Парадная форма поставлялась Пажеским корпусом и стоила

Дмитрий Боткин в парадной форме камер-пажа. 1913 год

целое состояние. Сюртук был длиннее и спереди весь расшит золотом. Узкие брюки были из белой лосины, а прекрасно подогнанные лаковые венгерские сапоги доходили Дмитрию до колен. Довольно высокую каску венчал тонкий султан из перьев, спадавший ему на плечи.

По сравнению с Дмитрием Юрий показался мне гораздо менее элегантным. Форма Александровской гимназии была много скромнее пажеской, и Юрию совершенно не шла. Шинель его очень толстила. И когда я его видела рядом с Дмитрием, я не могла отделаться от мысли, что он выглядел как полярный медведь рядом с оловянным солдатиком.

Во время нашего отсутствия мои старшие братья завели новых друзей — Гудовичей и Шуваловых, которые жили тоже в Царском Селе недалеко от нас. Страсть к лошадям свела Дмитрия с Васей Гудовичем. Его брат Петя и наш Юрий предпочитали цыганские песни. Однолетка Юрия, Петя выглядел моложе, потому что был невысокого роста. Кроме того, юноша был очень жизнерадостен.

Николай Шувалов, наоборот, — высокий, очень сердечный мальчик. Худой и долговязый, с угловатым лицом. Его можно было принять за аскета, если б его взгляд не был так ироничен. Вместе с Андреем Дитрихом, небрежным пажом, они, пятеро мальчиков, образовывали регулярно посещавшую театры, концерты и бега веселую компанию, которая шокировала посетителей.

Дома папа организовывал, как и раньше, совместные ужины. Однажды рядом с нашими обычными гостями — князем Орловым, ротмистром Дрентельном и фрейлиной Бюцовой — появилось новое лицо — генерал от кавалерии Воейков, который после смерти генерала Дедюлина стал комендантом дворца. Мы все знали, что отец не был рад этому, и Дрентельн также его не любил. Воейков хорошо выглядел, был светский и одновременно очень манерный и самоуверенный человек. Нам он с самого начала не понравился. Единственным положительным качеством его было стремление побороть склонность большинства офицеров к алкоголю. В его бытность командиром лейб-гвардии гусарского полка, он заходил так далеко, что велел себе во время еды подавать молоко.

Но антиалкогольное усердие нашего нового гостя стало мне сразу подозрительным, когда я узнала, что генерал делает свои дела, эксплуатируя минеральный источник.

«“Источник” называется “Кувака” — объяснил мне Дмитрий. — Поэтому в кавалерии его называют “генералом от кувалерии”».

В канун нового 1914 года отец взял нас всех в Мариинский театр. Мы слушали оперу «Китеж» Римского-Корсакова. Инсценировка последнего действия была фантастична. Рай, куда попадают обитатели Китежа, чтобы избежать татарского плена, был, как в старых русских сказках, изображен так: белые с золотом дворцы и золотые купола церквей, осеняемые двумя громадными, символизирующими Божественную мудрость, птицами. Спектакль был таким впечатляющим и возбуждающим, что на обратном пути от Санкт-Петербурга до вокзала на Царское Село Юрий и Глеб, открыв окно кареты, кричали каждому прохожему: «С Новым годом, с новым счастьем!» На следующее утро около 11 часов они отправились поздравлять с Новым годом те семейства, где были приняты. Но у них еще не было визитных карточек, и они довольствовались тем, что записывались в «Золотую книгу». Отец, со своей стороны, поехал во дворец, чтобы поздравить и принести свои сердечные пожелания Императору и Императрице. После чего отправился ко всем лицам, кто был выше его рангом, и оставил там свои визитные карточки.

Дома, как и ожидали, раздавались бесчисленные звонки в дверь, так что наш дворецкий все время был в вестибюле, где наша «Золотая книга» лежала на маленьком столике, рядом с вазой из севрского фарфора, в которую клали визитные карточки.

Вечером, накануне Крещенья, 5 января*, я впервые надела на бал к Георгиевским новое шелковое платье цвета слоновой кости, которое мне подарила моя тетья к Новому году. Мои братья и я были приглашены на бридж к Пулятиным, и Мика Ушаков предложил свои услуги в качестве «блюстителя моей добродетели». Отец согласился, наверное, потому, что Мика был внуком нашей уважаемой мадам Тевяшевой.

* По старому стилю (прим. О. К.).

Время пролетело быстро. Когда обеспокоенный отец прислал за мной карету, было уже три часа утра. Я проснулась только на другой день после полудня от звуков балалаечного концерта. Братья выстроились за моей дверью, и Юрий голосом ярмарочного зазывалы заорал песню: «Говорят, я некрасивая, так зачем меня домой отвезли?» В тот же вечер у нас в гостях опять были «Императорские стрелки». По традиции нам принесли ведро со снегом, куда мы для гаданья лили воск. Мы были потрясены, когда воск превратился в многоугольную фигуру, Дмитрий взял ее и осветил так, чтобы ее тень упала на белую стенку. Ее форма стала явственна: пики и штыки.

«Германия. Будет война с Германией!» Все засмеялись. «Глупости! Оракул ошибается! Война не предвещается!»

Мы были счастливы. Год 1914-й казался полным счастливых перспектив и богатым веселыми обещаниями.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЛЬШАЯ ВОЙНА

(1914—1917)

Глава XI

Надвигающееся сумасшествие

В БОЛЬШОМ МАНЕЖЕ Пажеского корпуса проводились довольно странные состязания по верховой езде. Как всегда, на строго прописанном расстоянии друг от друга стояли препятствия, но они представляли собой необычно живую картину: у каждого барьера, прислонившись к нему, стоял с безукоризненной выправкой паж. Уверенный в себе Дмитрий методично брал барьер за барьером на своей старой серой кобыле. Его товарищи видели, как его лошадь брала препятствия над самыми их головами. Последнее препятствие было самым высоким и широким. Андрей Дитрих, не колеблясь, лег на спину на барьер и его объемистый живот существенно увеличил высокий барьер. Дмитрий, к большому удовольствию живых барьеров, уже прошел половину дистанции без ошибок. Вдруг в манеже внезапно появился офицер — весь выпуск был сразу же отправлен в казарму. А смелый наездник должен был получить особо тяжкое наказание. Эта история сделала, однако, моего брата еще популярнее.

К началу 1914 года, казалось, легкое сумасшествие охватило весь Санкт-Петербург. У всех молодых людей, которых мы встречали, было одно желание — как можно легче прожить свою жизнь.

Во время вечеринки у Георгиевских, где я не была из-за своей вечной ангины, Глеб Кириллин потушил свет, мальчики сняли свои перчатки, и по желанию партнерш

бал продолжался в темноте. Девушки дрожали от контакта с голыми руками партнеров. Узнав об этом, я не могла успокоиться: такое неприличное поведение выводило меня из себя.

Однажды Эльстина пришла домой сердитая. «Я не люблю ваших друзей из Лицея, — сказала она Юрию. — Меня сегодня чуть не переехала одна тройка, которая мчалась галопом по улицам. Спереди стоял великан и правил лошадьми, при этом он так кричал, что я от страха чуть не упала!» «Вы не узнали случайно этого кучера?» — с невинным видом поинтересовался Юрий.

Я-то хорошо знала, что только он был достаточно силен, чтобы, стоя, удерживать запряженную тройку на такой скорости, и что сумасшествие, охватившее его друзей, охватило и его. Когда у Дмитрия был отпуск, в доме постоянно толпились его бесчисленные друзья. В прошлую зиму брат особенно сдружился с двумя пажами, с которыми проводил теперь любую свободную минуту.

Первый был родственником Гудовичей. Его звали Михаил Безобразов, между собой — Миша. Он был сыном генерала, командующего Царской гвардией. Немного выше Дмитрия, с тонким породистым лицом, красиво очертанным ртом с чудесными зубами и носом с горбинкой, который еще больше подчеркивал его аристократический профиль, и очень красивыми темными, глубокими глазами. Так как все экзамены в конце года он сдал лучшим, по традиции он стал камер-пажом Государя. Эта ответственность, однако, ничуть не влияла на его простое и приветливое поведение. Второй друг моего брата был Лев Корбе. Особенно красивыми были его глаза. Они были ярко-голубого цвета и освещали его матовое лицо. Голос был глубоким и нежным и при этом, сразу же, внушал доверие. Он редко смеялся, но его улыбка, как бы украдкой, скромная и сдержанная, придавала ему необыкновенное очарование.

Глубокая дружба связывала Дмитрия с этими двумя мальчиками. Совместная жизнь в Пажеском корпусе сделала их даже чем-то похожими друг на друга, но если их манеры и поведение были одинаковы, то центром этой группы,

без сомнения, был Дмитрий. Ему стоило открыть рот, и сразу наступало восторженное молчание.

Молодые дамы начали интересоваться моим старшим братом. Однажды Великая Княгиня Виктория устроила танцевальный вечер в честь Великих Княжон Марии и Анастасии, и Дмитрий, как ее персональный камер-паж, был также приглашен. На другой вечер папа пришел со службы из дворца, таинственно улыбаясь. «Мария и Анастасия разочарованы, — бросил он в сторону Дмитрия. — Сегодня они меня с утра спрашивали, почему ты не приглашал их танцевать». Впервые в жизни я увидела Дмитрия смущенным. «Я не осмелился, — ответил он и покраснел. — Я ведь еще не офицер. И я подумал, если Их Высочества хотят со мной танцевать, то они могли бы меня пригласить сами».

«Может, они и хотели бы этого, — сказал отец, — но они сказали мне, что ты не отходил от дочери Великого Князя Петра Николаевича!..»

«Но она же меня выбрала кавалером, — запротестовал Дмитрий. — Мария и Анастасия были так окружены, что мне было к ним не подойти». Дмитрий казался действительно огорченным. Ему и во сне не снилось, что Царские дочери ожидают от него первого шага, как от пажа. «Это вполне возможно, — продолжил отец, — но раз мои дорогие малютки сделали мне такое замечание, значит, они действительно были разочарованы».

Между папой и дочерьми Царя установились особые отношения. На официальных приемах Ольга Николаевна, старшая, часто была его дамой за столом, и они вели долгие беседы. Великая Княжна, в ее 19 лет, до тех пор мало общалась с внешним миром и очень хотела ознакомиться со всеми идеями и течениями, которые не имели места при Дворе. Она хотела понять различные стремления в разных слоях русского общества.

Отец очень ценил ее интеллигентность, открытость, а она, со своей стороны, могла его слушать бесконечно.

«Когда я вас слушаю, — сказала она однажды, — мне кажется, что я вижу в глубине старого колодца чистую воду».

Великие Княжны Мария, Татьяна, Анастасия, Ольга.
1914 год

С тех пор Великие Княжны стали называть нашего папу «милый старый колодец» и показывали таким образом, какое доверие и дружбу они к нему питают.

КОГДА у нас не бывало гостей, отец любил читать нам вслух. После ужина мы усаживались в голубой гостиной в два дубовых кресла, с прямыми спинками и голубыми бархатными сиденьями, которые прежде стояли в старомодной дедушкиной гостиной. Глеб и Юрий усаживались за карточный стол: один со своими рисунками, другой с пасьянсом.

Дмитрий предпочитал пойти в свою комнату, чтобы готовиться к заключительным экзаменам и производству в офицеры. Но если он был слишком усталым, то присоединялся к нам. Он тихонько отворял дверь и делал мне знак, чтобы я освободила кресло. Я устраивалась тогда рядом с ним на маленьком диванчике. Он подходил, ложился рядом, а я брала его голову к себе на колени. В такие моменты он смотрел на меня с такой любовью, что, казалось, ребенок ищет защиты и нежности. Через несколько секунд он закрывал глаза, было заметно его легкое дыхание, и при этом лицо его становилось еще моложе. Незадолго перед последним вечерним чаем, когда папа заканчивал чтение, Дмитрий просыпался от наступившей тишины. Он смотрел на меня и шептал мне: «Киса, киса миленькая, маленькая, кошечка моя, маленькая кошечка...»

Я наконец кончила свое вязаное одеяло. Оно предназначалось для него, и так ему понравилось, что он задрапировался в него, как римский патриций. Глеб и Юрий никогда не позволяли себе уснуть, когда папа читал вслух, но Дмитрию разрешалось все, так велико было наше к нему уважение. Единственно, чего отец не терпел, это были долги. Когда однажды вечером Дмитрий пришел с приема от друзей, он попросил у отца денег. Отец удивился, и Дмитрий объяснил ему, что играл в «шмен де фер» и проигрался.

«На этот раз я оплачу твой долг, — сказал отец, — но это последний раз. Ты должен дать мне честное слово, что никогда больше не будешь играть на такие деньги. Твои

расходы не должны превышать твоих карманных денег, которые и так достаточно велики».

Это единственный раз, когда отец был так строг с Дмитрием. После происшествия в манеже он никогда больше не делал ему замечаний. Отец не терпел ничего, что было похоже на порок.

«ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!» — «Воистину воскрес!» Дмитрий собрал всю нашу прислугу в столовой, и после этих праздничных фраз мы все должны были похристосоваться, три раза поцеловать друг друга. В эту пасхальную ночь 1914 года, после замечательной ночной службы в церкви Екатерининского дворца, мы все вчетвером, без отца, который был с Царской Семейей в Ливадии, отправились разговляться домой.

Мы строго выдерживали пост и почти умирали от голода. Пирожки, крашеные яйца, ветчина, холодные цыплята и сласти уже ожидали нас на большом столе в столовой. Приготовленные нашей кухаркой Феодорой в Страстной четверг традиционные пасхи и куличи — эти сладкие, пахнущие ванилью, яства — пестрели изюмом и цукатами.

На маленькой полочке стояли раскрашенные деревянные яйца, которые можно было открывать. В них находились подарки, которые приготовил нам папа и оставил их Эльстине. Мальчики получили по несколько золотых пятирублевков, а я — небольшое украшение. Уральский самоцвет, в форме маленького яичка. В то время было модно среди молодых девушек собирать такие яички и носить их на золотой цепочке на шее. Мы со своей стороны послали папе со спецкурьером придворной канцелярии разные сласти. Дмитрий и Юрий превзошли себя, и после церковной службы в Страстной четверг они весь вечер расписывали разными миниатюрами яйца, уже сваренные Феодорой. Отец получил нашу посылку в пасхальную ночь и был очень тронут. Судя по его письму, он был в восторге, что проводит праздники в Крыму, где розы и тюльпаны были уже в полном цвету. Он рассказывал нам, какое большое впечатление произвела на него простота церковных служб

в маленькой Ливадийской церкви. По православному обычаю, каждый, прежде чем получить причастие, должен попросить прощение у своих близких. Государь и Государыня не составляли исключение. Войдя в церковь, они остановились у иконостаса, низко поклонились перед всеми молящимися, прося прощения за грехи.

Солнце стало ярче, началось таяние, и мы слышали звонкую капель с крыш. Бесчисленные воробьи вновь появились и наполняли воздух непрерывным чириканьем. Весна приближалась. По просьбе Дмитрия, которого приводила в ужас недостаточная элегантность моих туалетов, я заказала несколько платьев: красивый светло-серый костюм и платья, среди них одно цвета морской волны с белой отделкой, оно мне очень шло и очень нравилось.

Отец еще не вернулся, но наша жизнь была мирной и счастливой, а мои старшие братья были еще в отпуске. «Не ожидайте меня к чаю, — сказал однажды Дмитрий. — Я возьму свою лошадь и поеду к Корбе. Мы поедем в поля», — и Дмитрий удалился. Мы, оставшиеся, очень весело болтали в голубой гостиной, когда я вдруг взглянула в окно и то, что увидела, заставило меня закричать от ужаса. Дмитрий, скорчившись, сидел в обыкновенной деревенской телеге, которая выглядела совершенно не к месту на элегантной Садовой. Голова его была почти скрыта под огромной повязкой. Юрий выскочил на улицу. Они слевой Корбе вынесли брата из телеги. Лицо Дмитрия было совершенно разбито, и открыт был только один глаз. Мы положили его в папиной комнате — постели мальчиков были слишком узки.

Лев Корбе был явно потрясен, но держался внешне спокойно. Он распоряжался всем и сразу же послал за своим домашним врачом, который вскоре появился. Он обследовал Дмитрия, лежавшего совершенно неподвижно, его сотрясали только приступы рвоты. «Позовите немедленно хирурга», — распорядился доктор. Мы позвали Княжну Гедройц, которая руководила придворной клиникой. Она сразу же пришла в сопровождении медсестры. Кроме сотрясения мозга, на которое указывали приступы тошноты,

она установила еще пролом черепа и зашила отвратительную рану на щеке. Она успокаивала нас: «Это не так уж плохо, он выкарабкается. Совершенно необязательно вызывать отца. Его можно лечить дома, я приду завтра». Затем она расспросила Льва Корбе о подробностях несчастного случая. Он рассказал, как это произошло. Оба юноши скакали через поля по уже подмерзшей земле. Неожиданно перед ними оказался пригорок, за которым еще лежал снег. Дмитрий не мог удержаться, чтобы не взять это препятствие. «Я перескочу», — крикнул он Льву и дал шпоры коню. Он не мог знать, что под снежным слоем скрывалась яма. Лошадь прыгнула и сбросила его. С ужасом Лев увидел, как лошадь вскочила и, как бешеная, ускочила. Но Дмитрий застрял одной ногой в стремях, так что лошадь понесла его за собой. Головой он все время ударялся о землю.

Лев сразу поскакал следом, и ему удалось нагнать их, на ходу схватить за узду и остановить. Он спешился, завязал поводья обеих лошадей за шею, высвободил безжизненного Дмитрия из петли и взял на руки. Так он дошел до первой деревни, зашел в трактир, попросил воды, промыл рану, перевязал и нашел телегу, в которой и довез раненого.

Потрясенные, мы слушали его рассказ. Он был героем, спасшим Дмитрия от верной смерти.

Дмитрий довольно быстро встал на ноги. Каждое воскресенье его навещали друзья: Корбе, Безобразов, Дитрих, Великий князь Игорь Константинович. Мы даже были приятно удивлены, когда появилась тетя Рая, которая наконец решила провести каникулы в России. Она была кухней нашей матери, и мы ее очень любили, но редко видели. Большую часть времени она жила в Германии, кроме того, 14 лет она прожила в США. Ее приезд стал для нас большим утешением. Ее рассказы о путешествиях увлекали и помогли нам пережить эти страшные дни.

Экзамены были на носу. Дмитрий окончил, но с гораздо более слабыми отметками, чем мы от него ожидали. Он признался нам, что ему стоило большого труда повторить еще раз все темы, которые он хорошо знал. Он вдруг

стал забывать, как назывались знакомые понятия, и у него образовывались провалы в памяти. Внешне он также изменился. Иногда он начинал косить, был очень бледен, и через всю щеку у него шел шрам.

Только его страсть к лошадям оставалась неизменной. Через месяц, не дожидаясь возвращения отца, он вернулся в летний лагерь Пажеского корпуса. Когда он прибыл в Царское Село, он первым делом вскочил в седло и проскакал снова все свои любимые препятствия.

ДВОР ВЕРНУЛСЯ в Царское Село только 5 июля 1914 года Царь ожидал визита Короля Саксонии, в честь которого должен был состояться большой парад гвардейских полков. Из окон нашего дома мы могли наблюдать эту церемонию. Полки выстроились перед дворцом бок о бок в разноцветных мундирах. Все блестело на ярком летнем солнце. После исполнения гимна Царь проследовал на своей парадной лошади. На нем был длинный красный мундир и папаха кавказских казаков. Сопровождаемый Королем Саксонии и его многочисленной свитой, он проехал перед строем и приветствовал все полки, отвечавшие ему громким «ура!»

Когда появился Царевич с матерью в открытой карете, запряженной тремя парами белых лошадей, ликование усилилось. Четыре Великие Княжны, улыбаясь, следовали в большом ландо. Перед дворцом у главной лестницы Царская свита остановилась, чтобы посмотреть на парад войск. Духовенство выступило вперед, и прозвучала молитва. Как только она кончилась, загремел первый военный марш. Сначала шла пехота — четыре стрелковых полка один за другим. Наши стрелки! Лучшее всего выглядел Царский стрелковый батальон. Все были выше среднего роста и выглядели особенно браво. У них были зеленые кафтаны и малиновые русские рубашки, у всех были темные волосы и маленькие коротко остриженные усы.

Потом пошла кавалерия с полками терских и кубанских казаков. Широкоплечие, с тонкой талией всадники в красных мундирах с узкими серебряными ремнями.

Затем выскочили гусары, как в балете, в темпе своего походного марша.

Все всадники первого эскадрона, который назывался «эскадрон Его Величества», были с небольшой короткой бородкой. С плеча их мундиров свисали короткие белые, отороченные мехом, ментики. Грациозность их арабских чистокровных лошадей сильно контрастировала с тяжелыми лошадьми кирасир, следовавших за ними. Их украшенные двуглавыми орлами каски и золоченые кирасы ярко блестели на солнце. В заключение появились полки донских, уральских и оренбургских казаков. Каждый полк состоял из четырех сотен, причем, у каждой сотни был свой цвет рубашек. Из-под шапок у них свисали туго заплетенные волосы.

Внезапно донские казаки поскакали быстрее, склонили свои копыта и на полном галопе, нагнувшись низко в седле, проскакали перед Государем.

Солнце добавляло красоты блеску униформ, золоченые кирасы отражались в куполах дворцовой церкви, и лица солдат сияли гордостью от возможности показать своему Государю преданность. Это был незабываемый спектакль, самый красивый парад, который я видела за десять лет своей жизни в Царском Селе. Это был и последний парад в Царском Селе. Три месяца спустя большинство из этих замечательных воинов исчезли из нашего поля зрения. Одним — суждено было погибнуть в горниле войны, другим — остаться калеками на всю жизнь...

15 июня* 1914 года сербский националист убил в Сараево эрцгерцога Фердинанда. Австрия угрожала маленькой Сербии. Как будет реагировать Германия, которая всегда стремилась расширить свои границы за Балканы? Что будет делать Россия, предвидя это окружение? Масса вопросов, на которые мы, к сожалению, вскоре должны были получить ответ.

* Как уже было отмечено ранее, автор дает все даты по старому Юлианскому календарю. По Григорианскому календарю речь идет о 28 июня 1914 года (прим. О. К.).

Глава XII

Грозовые тучи

ПОСЛЕ ПАРАДА в честь Саксонского Короля, отец поехал в Петергоф: Царская Семья собиралась на несколько дней уехать в финские шхеры. Путешествие это должно было быть коротким, потому что Царь ожидал визита Французского президента Раймонда Пуанкарэ. К несчастью, Наследник споткнулся в тот момент, когда входил на борт «Штандарта», и ушибся о первую ступеньку лестницы.

«Вечером, — сообщает Пьер Жильяр, — у ребенка начались боли, которые становились все сильнее. Все указывало на плохое продолжение событий. Когда я на следующее утро проснулся, мы уже находились в финских шхерах. Ландшафт был изумительный: волны изумрудного цвета, повсюду маленькие островки из красного гранита, на которых в сиянии яркого солнца росли редкие сосны. Я спустился вниз, в каюту Алексея Николаевича. Он провел очень тяжелую ночь. Государыня и доктор Боткин были у него, бессильные смягчить страдания мальчика. Нога у него болела сильнее, когда он ее поднимал»⁶⁰. Отец написал нам в письме, полном тревоги: «Кровоизлияние было для ребенка особенно болезненным, так как произошло на высоте сустава». «Если б Наследник скорее поправился, — сказал мне Юрий, — тогда бы все, наконец, заметили, что это от лечения папы, а не от “молитв” Распутина». Слова Юрия меня успокоили наполовину. Даже на расстоянии Распутин внушал мне страх. По настойчивому совету полиции «старец» должен был уехать в свою сибирскую деревню. Иначе Государыня узнает кое-что о его недостойном поведении. «Даже если он уедет, это ничего не изменит, — сказала я. — Он будет пробовать убедить Государыню, что это должно было произойти именно потому, что его не было».

Через несколько дней Государыня получила телеграмму из Сибири: на Распутина было совершено покушение. Одна из его бывших любовниц с целью отомстить

воткнула ему нож в живот. Жизнь «старца» была в опасности. Большинство свиты тайно радовались этому известию, кроме, конечно, Вырубовой, которая не делала из ее опасений секрета.

Государь молчал и не комментировал этого происшествия. Государыня проводила все время у постели Наследника и не показывалась, но один из лучших хирургов страны, доктор Вреден, тотчас отправился к Распутину. К нашему большому огорчению, операция была удачной и, после долгого выздоровления, Распутин полностью поправился.

К визиту президента Французской Республики, к счастью, боли у Наследника прекратились. Он смог даже сопровождать Николая II в Петергоф, где девятилетний Наследник смог побеседовать с президентом Пуанкаре по-французски.

Болезнь русского Наследника была государственной тайной. Все делалось для того, чтобы никто из подданных, не говоря о загранице, ничего об этом не узнал именно в то время, когда над Европой собирались грозовые тучи. После 10 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум и потребовала подключить австрийских криминалистов для разъяснения обстоятельств убийства в Сараево.

После участия в большом параде в честь французского президента Дмитрий вернулся домой. Я давно не видела его таким веселым. Через два дня должны были состояться скачки в Финляндии, и мой брат рассчитывал на хороший для себя шанс. Его несчастный случай, трудности с учением — все было забыто.

Он рассматривал эти скачки как первый этап своей спортивной карьеры, о чем уже давно мечтал. Дмитрий так был занят этими мыслями, что когда Юрий спросил его: «Что ты думаешь об австро-венгерском ультиматуме Сербии, это не угроза?» — он не придавал этому значения. «Все еще придет в порядок», — сказал он. Слухи об угрозе войны его мало касались. Война — это часть офицерской службы, которой подчиняешься лишь тогда, когда приходит этому время. В данный момент Дмитрий, погруженный в свои мечты о спортивной славе, был в другом мире.

12 июля* с утра Дмитрий и Юрий поехали в Шувалово. Ни я, ни Глеб, приглашены не были, и нам предстоял довольно унылый день, так как наших друзей в это жаркое лето 1914 года в Царском Селе не было. Незадолго до обеда раздался телефонный звонок. Наш слуга снял трубку и сразу же прибежал в гостиную — к телефону просили Глеба Евгеньевича.

Я последовала за Глебом в папину комнату, несколько обеспокоенная. Когда он повесил трубку и обернулся, лицо его было необычно серьезным. Мое сердце забилося сильнее. «Это Безобразов. Он просит Дмитрия немедленно вернуться в Царское Село. Сегодня после обеда Царь будет принимать внеочередной выпуск офицеров на месяц раньше». К сожалению, мы не знали телефона Шуваловых и, во всяком случае, Дмитрий все равно бы опоздал. День стал для нас гнетуще тяжелым, мы же понимали, что такой внеочередной выпуск — плохой признак. Было уже далеко за полночь, когда Дмитрий вернулся домой.

Глеб его дожидался, чтобы сообщить новость. «Поздравляю», — крикнул он брату, когда он тихо вошел в комнату. «Откуда ты знаешь, что я пришел вторым?» — спросил Дмитрий удивленно. «Вторым? Изумительно! Но нет, я этого не знал. Я поздравляю тебя не поэтому. С сегодняшнего дня ты офицер! Хорунжий Царского казачьего полка!»

Дмитрий бросился на кровать, чтоб дослушать сообщение Глеба. Потом он взглянул в потолок и пробормотал про себя: «Когда я подумаю, что был сегодня счастлив, как никогда! И как раз в это время я прозевал свое производство, которое осуществлял сам Царь». На следующее утро Юрий рассказал нам об успехе Дмитрия.

«Дмитрий был единственный паж, который участвовал в скачках. Большинство других участников были уже “старые зайцы”, но он не смутился. Если б ты знала, как он прекрасно выглядел на лошади! Никакого напряжения, никакой нервозности. Никогда не видел я его таким. Он всех

* Дата дана по Юлианскому календарю (прим. О. К.).

оставил позади! Только Вяземский, которого все считают нашим лучшим наездником, его обскакал. Когда объявили, что он второй, все мальчишки зааплодировали, как дикие. Он станет знаменитым наездником, я в этом уверен».

После обеда Юрий пришел ко мне в комнату: «Я хотел с тобой поговорить по секрету. Знаешь, вчера во время приема произошло что-то странное. Когда Дмитрий хотел попрощаться, к нему подошла графиня Шувалова: “Я надеюсь, что вы теперь будете у нас бывать чаще!”

Дмитрий медленно посмотрел вверх, потом перевел на нее взгляд и посмотрел так, что мне стало не по себе, и сказал: “Нет, никогда больше”. Я был в шоке. Графиня была явно обескуражена ответом молодого человека, который всегда слыл очень воспитанным. Дмитрий как будто не понял своего невежливого ответа, он был как лунатик, и говорил как во сне. Его взгляд отсутствовал, как будто все вокруг вообще не существует. “Я все-таки надеюсь вас еще увидеть”, — повторила графиня. Дмитрий не ответил. Очень серьезно он отсалютовал и удалился, я уже попрощался и быстро его догнал, но не осмелился с ним заговорить. Он показался мне таким странным...» Рассказ Юрия произвел на меня сильное впечатление: после того как Дмитрий упал с лошади, я была обеспокоена состоянием его здоровья. Однако все оказалось именно так. Он больше никогда не будет у Шуваловых.

С начала лета в народе стали ходить антивоенные слухи. По непонятным мне причинам начались забастовки, на некоторых предприятиях собирались толпы на улицах, к которым присоединялись ремесленники и мужики из ближайших деревень. В предместьях Петербурга имели место акты насилия: зачинщики останавливали уличный транспорт, разбивали витрины и задирали полицейских, как мне казалось, «таких симпатичных городских», если они были в одиночку. Дмитрию необходимо было явиться в столицу. Его казачий полк получил задание навести на улицах порядок. Через два дня он был снова дома. «Мы оказались как раз вовремя на месте, — рассказал он нам. —

Толпа направилась уже к центру города. Один городской был убит». Дмитрий, очевидно, не принимал эти беспорядки всерьез. Смеясь, он рассказывал нам, как командовал конным отделением в двадцать пять человек, и как они, с нагайками* в руках, рассеивали толпу. Казаки привели пару беглецов, которые, по словам брата, выглядели очень растерянными и глуповатыми и вовсе не казались опасными.

Дмитрий допросил их: «Что означают эти беспорядки? Вы просто бессмысленная толпа. Почему бастуете? Почему бьете витрины и нападаете на городских?»

Зачинщики отвечали: «Ваше благородие, мы и сами не знаем. Пришли люди, у которых карманы были полны трехрублевками. Они стали их нам раздавать и велели за это кричать и все крушить. Ну а раз мы получили за это трехрублевки...»

Дмитрий вскоре поехал опять в Санкт-Петербург. Он жил в нашей квартире, но должен был ежедневно являться в полк в распоряжение начальства.

Возможность войны с Германией становилась все реальнее.

Однажды вечером Дмитрий явился домой к ужину. Мы его не ждали, и он обрадовался, что я была одна. Я думала, он заговорит со мной о политических событиях, но он избегал ответов на мои вопросы. Подготовка к войне его не беспокоила. Я чувствовала, что он готов выполнить свой долг, но без энтузиазма. Он встал, походил по комнате и остановился у окна, откинув немного голову и скрестив руки за спиной, как будто высматривал что-то в высоких деревьях сада.

Между делом, с кажущимся равнодушием, он вскользь сообщил мне, что проходил мимо Петрово-Солововых. После долгого молчания он бросил: «Мара завтра выходит замуж». Я знала, что Мара помолвлена с одним красивым гвардейским офицером-кавалеристом из хорошей семьи.

* Нагайка — казачья кожаная плетка. Она подобна «кошке» с девятью хвостами. «Хвосты» снабжены дополнительно металлическими наконечниками.

«Это чудесно! Но почему так скоро?»

«Из-за войны. Это должно произойти в узком семейном кругу. Я в этом не буду участвовать, потому что должен быть в своем полку».

Он резко повернулся ко мне: «Ты находишь это чудесным?»

«Это свадьба по любви».

«Да, ты права, — заметил он мечтательно. — Это счастливая свадьба по любви...»

Солнце медленно скрывалось за высокими деревьями. Я не могла разглядеть лицо брата. Его высокая фигура выделялась на светлом сумеречном небе. Он молчал, как бы забыв о моем присутствии.

Я его обидела, слишком тепло приняв это известие?

При всем желании я не могла себе представить, что Дмитрий мог думать о женитьбе на Маре. Слишком многое их разделяло. Отец Мары был из древнего рода, мать — урожденная княгиня Долгорукая. Наше же дворянство было всего в третьем поколении, и у нас не было никакого состояния.

Вечером после чая отец сказал нам, что он должен вернуться в Петергоф. Мы решили поехать с ним. Дмитрий вызвал извозчика, чтобы ехать на вокзал. «Я попрошу один день отпуска, чтобы вас навестить, — сказал он. — Я сообщу вам по телефону». Он поцеловал папу и, улыбнувшись, отсалютовал по-офицерски, прыгнул в пролетку, крепко придерживая свою кривую казацкую саблю.

Глеб и я никогда больше его не увидели.

В ЭТОМ ГОДУ лето было ужасно жаркое. Из-за лесных и торфяных пожаров в воздухе носился удушающий дым, висевший белыми клочьями на волшебных улицах Царского Села.

Поэтому мы были счастливы, что могли сопровождать папу в Петергоф, где морской воздух приносил прохладу. Дядя Петя и тетя Фанни встретили нас с восторгом.

«Как ты за последний год выросла», — воскликнул дядя.

По его одобрителюму взгляду я поняла, что повзрослела и мое новое девичье платье ему нравится. Он добавил: «К твоему шестнадцатилетию у тебя будет бал, но только у нас».

Большинство разговоров шло о политических событиях. До последнего момента дядя Петр оставался приверженцем союза с Германией, он считал, что Россия с ее только начинающейся индустриализацией в случае войны только потеряет.

15 июля, вскоре после нашего приезда, папа пришел из дворца и сообщил:

«Австрия объявила Сербии войну. Белград сегодня был обстрелян».

17-го Царь объявил всеобщую мобилизацию.

«Избежать войны почти невозможно», — сказал дядя Петя.

Мы сидели в саду, вечер был теплый, жасмин и сирень пахли одуряюще. И в удивительной тишине нам была слышна вечерняя молитва, которую пели все полки вместе. Сначала «Отче наш», затем «Спаси, Господи, люди Твоя».

Мы любили эти выводимые сотнями мужских голосов проникновенные молитвы, доносившиеся к нам. Когда они в сумерках затихли, отец обратился к дяде Пете: «Такие люди заслуживают победы!»

Вечером 18 июля отец принес из дворца известие о невероятно оскорбительном ультиматуме немцев: русские должны за двенадцать часов отменить мобилизацию.

Дядя Петя на следующее утро уехал, чтобы продолжать свою службу в Лиссабоне. Вечером мы узнали, что Государь отказался выполнить оскорбительное требование немцев. В семь часов немецкий посланник передал министру иностранных дел Сазонову ноту об объявлении войны.

Царь получил это известие, возвратившись с вечерней службы в Феодоровском соборе, где он молился о мире. Он послал еще одну телеграмму своему кузену Вильгельму II, чтобы попросить избежать конфликта, и надеялся, что благоразумие восторжествует.

«Я сделал все, чтобы избежать войны, — скажет он потом Жильяру. — Я никогда еще не испытывал таких мук»⁶¹.

Во время ужина Императрица и Великие Княжны не могли скрыть слез, когда услышали, что непоправимое произошло.

«Пруссия — это несчастье Германии, — сказала Государыня позже. — Немецкому народу прививались чувства ненависти и мести... Битва будет ужасной, человечество пройдет через величайшие страдания»⁶². Мы по своему юношескому легкомыслию были в восторге: «Наше мужественное войско в союзе с Францией и Англией быстро покончит с немецким империализмом!» Мы не сомневались в победе. Крайне возбужденный Юрий объявил нам, что пойдет добровольцем. Он бросился в комнату, где папа общал последние новости по телефону дяде Саше. Когда разговор окончился, он объявил папе свое намерение пойти на фронт простым солдатом. Папа поцеловал его: «Хорошо, ты храбрый, я с твоим намерением полностью согласен». Когда я увидела Юрия, стремившегося пойти на войну, мне стало очень горько, что я женщина и не могу, как он, принять участие в предстоящих испытаниях, которые выпали на долю святой России.

Глава XIII

Победа за три месяца

В ДЕНЬ, когда Германия объявила нам войну, Царь отправился в Санкт-Петербург, чтобы присутствовать на молебне. Офицеры, сановники, люди более простые были приглашены в Зимний дворец. Полиция вообще не контролировала, и громадная толпа теснилась в вестибюле и на лестнице.

В первых рядах люди держали портреты Царя и Царицы, в воздухе колыхались многочисленные штандарты.

В Зимнем дворце после молебна дьякон огласил манифест о вступлении России в войну, затем Царь обернулся к собравшимся и воспользовался старой формулой,

которую применял еще Александр I в 1812 году. Он призвал русских солдат сражаться «с мечом в руках и крестом в сердце».

Он благословил свое воинство и добавил: «Я не подпишу мир, пока на русской земле не будет ни одного вражеского солдата». Эти слова Государя вызвали громадное воодушевление. Грянуло громогласное «ура», и затем раздался гимн «Боже, Царя храни!» К пению присоединились все присутствующие. Не придерживаясь протокола, люди окружили Царскую Четугу, целовали руки Царю и платье Царицы, которая не могла больше сдерживать слезы. После богослужения Царь вышел на балкон, Царица последовала за ним. Собравшаяся на площади толпа упала на колени и склонила знамена с гербом Романовых. Единодушно зазвучала молитва «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое...» После призыва к победе России все осенили себя крестным знамением. В то время как русский народ, включая Думу, духовно объединился с Царем, вся Европа наблюдала, что происходило в Санкт-Петербурге.

«Французский посол Морис Палеолог, — рассказывает французский очевидец, — просил аудиенцию у Государя. Французская армия, — сказал он Царю, должна будет принять на себя удар двадцати пяти немецких корпусов. Я прошу, Ваше Величество, дать указание Вашим войскам начать немедленное наступление, иначе французская армия будет просто растоптана».

Николай II ответил совершенно спокойным ровным голосом: «Мы должны вооружиться мужеством и терпением. Что касается меня, то я буду бороться до последнего. Чтобы победить, я отдам свой последний рубль, пожертвую моим последним солдатом. Я не подпишу мир, пока хотя бы один враг стоит на русской или французской земле».

Немного позже французский посол записал решающие слова министра иностранных дел Сазонова: «Вы можете рассчитывать, что мы сделаем все, чтобы прийти на помощь французской армии. Практически, однако, очень много трудностей. Генерал Жилинский, командующий

Северо-восточным фронтом, считает, что наступление на Восточную Пруссию обречено на верный провал. Но Император и Великий Князь Николай Николаевич того мнения, что они не могут оставить своих союзников, и что, несмотря на большой риск такого предприятия, они обязаны сейчас выступить...»

Жоффри, французский главнокомандующий, со своей стороны, ожидал, что русские войска начнут наступление. Однако 13 августа 1914 года, задолго до назначенного срока, его сомнения рассеялись, он совершенно успокоился. «Вечером 13-го, — писал он, — пришло очень важное и счастливое известие. Великий Князь Николай Николаевич извещал нас, что Вильнюсская и Варшавская армии завтра утром рано начинают наступление. Таким образом Россия предварила наши ожидания и начала битву одновременно с нами. Эти проявления единодушного братства тем более заслуживают благодарности французов, что соединения Русской армии Государя и Великого Князя Николая Николаевича были еще отнюдь не закончены»⁶³.

ОТЕЦ рассказывал нам со слезами на глазах о грандиозной демонстрации в Санкт-Петербурге, в которой он только что принимал участие.

Глубоко тронутый Юрий, дослушав, рассказал, как провел целый день у Шуваловых.

«Папа, — сказал он, — я не единственный, кто хочет идти добровольцем! Николай Шувалов тоже так решил, и Петя Гудович тоже. Они уже записались. Николай — в кавалерию, а Петя — в Конную гвардию. Вася Гудович не пошел. Ему остался год до окончания юридического, и он считает, что жаль терять целый год из-за войны, которая продлится всего три месяца. Папа, ты разрешишь мне записаться в один из этих полков? Я бы так хотел быть вместе с Николаем!»

«Конечно. Завтра мы все устроим».

На следующее утро, в виде исключения, мы завтракали все вместе в папином кабинете. Он долго говорил по телефону с Дмитрием.

«У меня для тебя плохая новость, Юрий, — сказал он озабоченно. — Гвардейские кавалерийские полки сегодня рано утром ушли на фронт. Ты уже туда не попадешь».

Юрий очень огорчился.

«Дмитрий советует тебе уже сегодня записаться в Императорские стрелки, — продолжал отец. — Это прекрасный полк, и ты уже знаешь там почти всех офицеров. Как простой солдат, ты не будешь с ними в дружеских отношениях. Но всегда приятнее иметь вокруг себя знакомые лица».

«Пусть так! — воскликнул Юрий. — Главное, чтобы не было поздно».

«Полк Дмитрия еще тоже не выступил, — добавил отец. — Он предназначен — я говорю это под большим секретом — для охраны Главнокомандующего всеми вооруженными силами Великого Князя Николая Николаевича. Прежде чем ехать на фронт, он должен сопровождать Государя в Москву, где будет такой же молебен, как был вчера в Санкт-Петербурге. Ты должен использовать возможность и завтра пообедать с братом. Он очень гордится тобой и всем сердцем с тобой согласен».

Отец как раз закончил свой утренний туалет, когда появился Андрей Дитрих. Наш милый Андрей был очаровательным, но невероятно ленивым мальчиком. Ему помогла его сестра, которая была намного старше его. Она заставила его работать, чтобы окончить Пажеский корпус и попасть в такой хороший полк, как Императорские стрелки.

«У нас вчера было офицерское собрание, — с энтузиазмом рассказал он, — чтобы немного спланировать наш предстоящий отъезд. Мы все уверены, что война продлится не более трех месяцев. Германия не сможет дольше сопротивляться».

Мы, молодежь, спросили нашего командира полка, полковника Гольдгоера, не надо ли нам упаковать с собой нашу парадную форму. Мы же должны быть прилично одеты, вступая в Берлин? Он ответил, что парадную форму можно послать в последнюю минуту. Надо только ее сейчас упаковать, чтобы была наготове!»

«Гольдгоер дал вам правильный совет, — сказал папа. — Ты можешь себе представить, что это была бы за упаковка парадной формы для всей армии? Ты, как офицер, должен знать, что вслед за армией в первую очередь идет обоз и Красный Крест. В войне, как известно, будут раненые и убитые...»

«Он это тоже сказал», — подтвердил Андрей, явно несколько разочарованный.

После обеда папа в сопровождении Юрия и Андрея уехал.

Юрий пришел домой вовремя, чтоб успеть рассказать мне, как все происходило. Он был страшно доволен, что полковник Гольдгоер взял его связным в одну из разведывательных верховых частей. Во всяком случае, в пехоте было мало солдат, которые бы так хорошо ездили на лошади, как он. Это избавило бы его от длинных пеших маршей, но могло быть в сражении очень опасно, так как связные были для врага хорошей мишенью. Юрий получил два дня отпуска, чтобы навестить Дмитрия и позаботиться о своих делах. После чего он должен был дожидаться выступления в казарме.

Его воинское воодушевление все еще было настоящим, но я спрашивала себя, не преувеличивал ли он его, чтобы скрыть свой страх. Мы все были уверены, что разлука будет недолгой, но из теплой семейной обстановки попасть сразу в пекло, это мог не каждый. Мы были все еще в шоке от всех этих событий, когда Эльстина вернулась из короткого отпуска от своих друзей. Она разделась и пришла к нам в кабинет. Мы сразу почувствовали, что наша гувернантка не разделяет наши чувства к происходящему. Эльстина всегда держалась, как настоящая русская. Каждый раз, когда мы были в гостях на борту «Штандарта», она, казалось, была очарована личностью Государя, красотой Государыни и приветливостью Царских детей. Но теперь, после объявления войны с Германией, она вдруг вспомнила о своем немецком происхождении и зашла так далеко, что считала Россию инициатором конфликта. Разговор вскоре принял нехороший оборот. Я, правда, помалкивала, но

Е. С. Боткин с сыновьями Дмитрием и Юрием (справа).
Август 1914 года

находила, что мои братья становились грубы, а Эльстина — бестактна. В конце концов оба мальчика стали так злобны и несправедливы, что она, разрыдавшись, убежала и заперлась в своей комнате. В тот же вечер она объявила о своем намерении нас вскоре покинуть.

Я облегченно вздохнула. Мне было пятнадцать лет, и через три месяца, когда мои братья вернутся с победой домой, никому больше в доме гувернантка не будет нужна.

На прощание папа пригласил Дмитрия и Юрия в большой ресторан. Срок отъезда Дмитрия был перенесен, потому что Великий Князь Николай Николаевич не должен был сопровождать Государя в Москву. Юрий не мог проводить брата на вокзал, его полк готовился к выступлению и находился в казарме, таким образом, это был последний раз, когда братья могли повидаться. Прежде чем расстаться, папа свез их к фотографу.

Вихрь революции не уничтожил эту фотографию, снятую в августе 1914 года. На ней папино лицо в окружении лиц двух сыновей отнюдь не выражает того оптимизма,

который он старался изображать перед нами в эти тяжелые дни.

Петр Боткин рассказывает: «Мой брат навестил меня в Санкт-Петербурге с двумя своими сыновьями. “Они сегодня оба уходят на фронт”, — сказал мне просто Евгений, как если б сказал — “они идут в оперу”. Я не мог смотреть ему в лицо, потому что боялся прочесть в его глазах то, что он так тщательно скрывал: боль своего сердца при виде этих двух молодых жизней, уходящих от него впервые, а может быть, и навсегда...» На следующее утро Юрий вернулся в свою казарму. Единственным багажом у него был старый рюкзак, принадлежавший дяде Саше. Он служил ему в экспедициях: в нем было несколько предметов туалета и немного белья. Юрий уверял нас, что у него еще будет отпуск и мы увидимся через несколько дней.

Население находилось все время в состоянии постоянного воодушевления. Забастовки и беспорядки кончились, каждый гордился тем, что можно высказать свою преданность и патриотизм по отношению к Царю. Вокзалы были переполнены в первую очередь отбывающими на фронт полками, провожающими их семьями, молодыми парнями, резервистами, специалистами, оставленными на своих рабочих местах. Все хотели доказать свою солидарность и преданность, продемонстрировать свою любовь к солдатам, отбывающим на фронт.

В день отъезда Дмитрия отец поехал провожать его на вокзал. Чрезвычайно плотная толпа кричала здравницы казачьим полкам. Когда появился отец в своей генеральской форме, к нему бросилась группа молодежи с криком: «Качать генерала!»

В своем экстазе они хотели по русскому обычаю качать отца, несмотря на его полноту. Один из них, увидев Дмитрия в его новых погонах и с длинной казацкой саблей, воскликнул: «Оставьте генерала, слишком тяжел, качайте лучше юношу!» Дмитрий терпеливо переносил взрыв такого патриотизма. Я вспоминаю, как еще в детстве он не переносил качели — его тошнило...

После отъезда Дмитрия папа отправил нас — Глеба и меня — к одной из своих кузин в Москву. А через несколько дней он приехал со свитой Государя. Я сразу спросила, как прошел отъезд Юрия.

«Я простился с ним в казарме, его полк должен был уехать сегодня. Так что никто из семьи не проводил его на вокзал. Только наша верная Феодора. Она говорила о Юрии в третьем лице множественного числа, как это было принято в то время.

Юрий находился поблизости от вагона для перевозки скота, в который были погружены лошади отделения разведки. Феодора его сразу узнала по росту. «Они сидели на ступеньках вагона, — рассказывала она нам. — Они смеялись и пели. Можно было подумать, что они едут на праздник, так весело болтали они своими ножками, свесив их со ступенек вагона»».

Я не могла удержаться от улыбки, услышав о «ножках» Юрия. Это был пережиток прежней формы вежливости, все, что относилось к «хозяевам», было деликатно и изысканно... Проявит ли враг столь много уважения?

Глава XIV

Ранний траур

МОСКВА меня разочаровала, хотя москвичи любят свой город как сердце древней России, но я никогда не смогла бы разделить их чувства. Улицы немощеные, на извозчиках трясло, как на телегах в деревне. Домишки невероятной бедности стояли рядом с красивыми старинными домами, и никогда у меня не было чувства безопасности. Даже в центре я видела развалины, в которых ютились иногда целые семьи бедняков.

Отец показал нам Кремль, Красную площадь и храм Василия Блаженного. К его большому сожалению, я ничего не испытывала, глядя на них.

Архитектура мне казалась слишком сложной, перегруженной, почти варварской. Я не могла найти в ней русскую душу. Глеб полностью разделял мои чувства. У нас

было ощущение, как будто мы за границей, и мы оба стремились в Царское Село в мирное очарование дворцов и в старинное колдовство Петергофа.

Дом папиной кухни был старым гнездом Боткиных, в то время когда они еще были чаеоторговцами. Он находился вдали от центра. Внешне он выглядел неплохо — с крышей, устроенной уступами, и узкими окнами, с величественной лестницей и мраморной колоннадой у входа. Сад был большой и разбит во французском стиле. Клумбы тщательно ухожены. К сожалению, внутри оказалось менее уютно. Невероятное количество различных комнат, соединяемых темными коридорами, лестницы, как в лабиринте, вверх и вниз. Складывалось впечатление, что постройка велась в несколько приемов, и ходы и переходы все удлинялись или дополнялись. Меблировка выглядела массивной и претенциозной. Два салона, один рядом с другим, показались мне особенно отвратительны. Мебель красного дерева была в них абсолютно одинакова и стояла точно на десятилетиями определенных местах, только в одном салоне крыта голубым, а в другом красным сатином. Кошмар! Стены увешаны картинами и гравюрами разных эпох, стилей и жанров. Самодельная экспозиция представляла собой плотные ряды разных шедевров, сплошь покрывавших поверхность стен. Однажды отец остановился перед такой особо перегруженной всякими изображениями выставкой: «Я так и знал, что святые числятся в нашем родстве», — сказал он с шутливым удивлением, рассматривая многочисленные портреты родственников. В самой середине громадного Боткинского семейства находилась картина с изображением Божией Матери с Младенцем Иисусом и Святым Иосифом...

Но это только детали. Нас дружески принимали две младшие дочери дома, две старшие были давно замужем. С мальчиками мы не нашли общего языка, — в разговорах они выражали свои политические мнения, которые казались нам слишком смелыми. В нашем присутствии они все время выражали восхищение своим дядей, несменяемым президентом Думы Гучковым, которого мы с Глебом

из-за его враждебного отношения к монархии считали опасным революционером. К счастью, я могла сослаться на усталость и скрыться в своей комнате на третьем этаже.

Из окна у меня была видна вся Москва. Я могла часами стоять и рассматривать «колыбель» старого русского государства. С такого расстояния исчезали из глаз бедные домишки. История первого Царя и старые легенды приходили мне на память. И тогда становилось ясно, что бушевавшая теперь война — это продолжение борьбы славян против тевтонских завоевателей.

Число дворцов и садов, а главное, церквей впечатляло. Бесчисленные купола, отражающие в своем золоте солнечные лучи, контрастировали с монотонностью каменных и деревянных построек и придавали старой столице величественный и сказочный характер.

В сумерках все колокола одновременно созывали людей к службе. Их непрерывный звон создавал глубоко впечатляющую волну мелодию, в которой маленькие колокола звучали как бесчисленные звоночки, сопровождаемые волной мощных басовых колоколов.

Весь город казался окутанным волшебством, которое меня просто завораживало.

Церемония, подобная той, что прошла в Санкт-Петербурге, должна была повториться и в Москве — объявление военного Манифеста и молебн.

Царь Николай II выбрал для этого собор Вознесения Божьей Матери*, в котором молился Александр I, когда Наполеон начал наступление своей «Великой Армии» на Россию. Получить туда приглашение уже было поздно. Но папе удалось нас привести в один из Кремлевских дворцов, окна которого точно выходили на портал собора.

На Красной площади собралась громадная толпа. Неподвижно и тихо ожидала она молебна.

* Согласно дневникам Государя Николая II, это был Успенский собор (прим. О. К.).

Когда Государь вместе с Семей появился на площади перед собором, волна восторга захлестнула все. Проникновенно зазвучал Гимн «Боже, Царя храни!»

Свита медленно поднималась по лестнице между двух рядов казаков и вступила на красную ковровую дорожку. Толпа напирала и теснилась, чтобы лучше разглядеть Царскую Семейю. Тысячи рук протянулись им навстречу. Детей поднимали, чтобы они могли увидеть Царя. Старые женщины падали на колени и крестились. Эта сцена под теплым и ярким солнцем поздней осени казалась величественной. Никто больше не мог сомневаться в близкой победе.

На обратном пути в Царское Село отец рассказывал нам, что он находит церемонию в Санкт-Петербурге более сердечной и впечатляющей. В Москве Государь показался ему глубоко озабоченным. Для Николая II началась пора испытаний.

С началом войны жизнь в Царском Селе полностью изменилась. Почти не было семьи, где бы один или несколько ее членов не ушли на фронт.

Мы знали, что Дмитрий со своим полком все еще находится недалеко от Минска, где Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич разбил свою квартиру. Полк Юрия был уже на Австрийской границе.

Сразу после нашего возвращения из Москвы отец решил устроить в нашем доме небольшой лазарет для легкораненых. В столовой было поставлено десять кроватей. В маминой маленькой гостиной устроили пост для медсестры, а прекрасный рояль, на котором я играла Балакирева и Цезаря Кюи, любимых композиторов мамы, переехал в классную комнату мальчиков, где мы теперь обедали.

Папа пригласил сестрой милосердия госпожу Дохтурову, которая казалась мне очень нежной и хорошо воспитанной. Она ведала приемом раненых и оказанием им первой помощи. Впрочем, ее работа не была трудной, потому что тяжелораненые к нам не поступали.

Татьяна и Глеб Боткины во дворе своего дома. В первом ряду — раненые, которые находились на излечении в их домашнем лазарете. Во втором ряду, в центре, возможно, сестра милосердия Дохтурова.

Домашние работы, туалет больных и еда обеспечивалась Василием, нашим слугой, замещавшим обоих камердинеров. Один пошел в артиллерию, а другой — в саперы.

Сестра милосердия ожидала до вечера возвращения отца, мы обедали все вместе, а затем наступало время перевязок и небольших операций. Затем мы принимали участие в солдатской молитве, которую все пели хором по военной традиции. Мы начинали с «Отче наш», потом «Спаси, Господи, люди Твоя!» и заканчивали гимном. После молитвы запрещалось слушать граммофон или играть в карты. Но, если хотелось, солдаты могли еще некоторое время побеседовать. Этот порядок был введен везде, чтобы обеспечить отдых солдат.

Сама Государыня первой показала хороший пример. Ее Величество и Великие Княжны Ольга и Татьяна прошли курс медсестер, и часть Екатерининского дворца была превращена в офицерский лазарет. Ведущий хирург был доктор Деревенко. В самом дворце, недалеко от Камероновой галереи, по указанию Государыни были выделены помещения для жен и матерей тяжелораненых.

Августейшие сестры милосердия: Государыня Императрица Александра Федоровна, Великие Княжны Ольга и Татьяна, а также А. А. Вырубова (крайняя слева) в Царскосельском госпитале. 1914 год

Многие молодые дамы последовали примеру Государыни. Многие врачи организовывали медицинские сестринские курсы, а те, кто не чувствовал в себе сил для участия в этой самоотверженной работе, служили в канцелярии или посещали раненых.

Санитарами работали не пригодные к военной службе мужчины, такие, как наш Василий, или единственные сыновья, которых в России никогда не призывали. Русская организация бойскаутов отправляла мальчиков старшего возраста на вокзалы, когда приходили вагоны с ранеными, для помощи и сопровождения носилок.

Мальчишки помладше были заняты распределением медикаментов и продуктов.

Тетя Рая говорила: «Можно подумать, что я выбрала для своего отпуска в России нужное время». Она громко высказывала свое недовольство. «Но я все же не жалею. Если б я оставалась в Германии, было бы еще хуже! Если мой отпуск так и так испорчен, то уж лучше я буду полезна. Евгений, ты можешь найти мне занятие в какой-нибудь больнице? Не медсестрой, я это не могу, но если хочешь, в какой-нибудь канцелярии».

«Конечно, я надеюсь, что ты у нас останешься. Дети одни, Эльстина нас покинула. Они будут счастливы, если ты будешь с ними!»

«С этим я не справлюсь, — запротестовала тетя Рая. — Я слишком привыкла жить одна. Кроме того, вы устроили в доме лазарет с этими солдатами, которые курят, и потом граммофон, который все время играет. Это выше моих сил!»

Мы были огорчены ее отказом, ведь отец был очень занят в Красном Кресте и военных госпиталях, которых много открылось повсюду в Царском Селе. К счастью, в эти первые месяцы войны мы не могли жаловаться на одиночество. Двоюродный брат отца, Сергей Дмитриевич Боткин, дядя Сережа, как мы его звали, был нашим первым гостем. Незадолго до войны он занимал дипломатический пост в посольстве в Берлине. После объявления войны он осуществлял репатриацию русских подданных. Это была

трудная задача, потому что немецкие власти показали себя с очень агрессивной стороны и всячески препятствовали этой работе*. Дяди Сережины дети все это пережили. В то время как кузены беседовали в папином кабинете, Борис подробно рассказал нам об их приключениях.

«Я встретился в поезде с фантастической женщиной. Она была в трауре в маленькой черной шляпе с вуалью, почти до пят. На шее у нее был осыпанный брильянтами медальон на золотой цепочке, другая цепочка толщиной с палец тоже была золотой. Были очки. На запястьях драгоценные браслеты, на пальце — сверкающее, как маяк, брильянтовое кольцо. По ее манере говорить по-немецки также легко, как по-русски, можно было понять, что она очень образована». Глеб и я молчали, но нам казалось, что мы узнали эту даму. «Немецкий офицер, — продолжал Борис, — сделал при ней неприличное замечание. Его товарищи засмеялись. Не говоря ни слова, дама взяла свой лорнет и начала что-то искать у ног этого офицера. Удивленный этим, один из офицеров спросил ее, что она ищет. Она выпрямилась, смерила его взглядом и объяснила: «Я ищу старое немецкое рыцарство»».

Я громко засмеялась. Теперь я была уверена, что не ошиблась. «Милый Борис, эта дама — наша родственница, тетя “Со” — одна из кузин отца с материнской стороны». И мы рассказали ему о романтической жизни этой дамы.

Длинную траурную вуаль она носит по Баварскому Королю Людовику II. Она давно была в него влюблена, не вышла замуж и живет со своей сестрой, нашей тетей “Си”, которая, со своей стороны, носила траур по Наполеону Бонапарту.

За ужином разговор шел о первых военных действиях. Дядя Сережа утверждал, что русская мобилизация

* Особенно мы были возмущены, когда наш дядя рассказал об отношении немцев к вдовствующей Императрице. Мария Федоровна была этим летом в Германии. Когда она в связи с объявлением войны захотела вернуться домой, немцы перевели стрелки ее поезда на Копенгаген, откуда она должна была пересечь на пароход, чтобы вернуться домой в Россию.

произошла с такой быстротой, что перевернула все планы немцев!

«Незадолго перед отъездом мы слышали, как немецкие офицеры говорили о быстром покорении Франции, потому что русские не сумеют за месяц провести мобилизацию. А на самом деле за четырнадцать дней наша Армия была готова к маршу».

«Это верно, — подчеркнул отец. — Поэтому Ренненкампф смог без значительного сопротивления напасть на восточную Пруссию, и его марш продолжается дальше. Инициатива по-прежнему в наших руках на Галицийском фронте.

Дядя Сережа спросил, нет ли известий от Юрия.

«Мы получили открытку, — ответил отец. — Он оказался на высоте и участвовал уже в опасном деле. И поэтому был произведен в унтер-офицеры и получил Георгиевскую медаль».

«Эта война невероятно начинается, — заключил дядя Сережа. — Если и дальше пойдет так, мы должны будем победить».

«Твои бы слова да Богу в уши», — пробормотал папа.

На следующий день незадолго до ужина появился дядя Саша. У него было очень плохое настроение. Даже не поцеловав меня, он бросился к папе в кабинет.

«Я пришел прямо из дворца, Государь хотел выслушать мое мнение о плане обороны, предложенном военным министром. Знаешь, о чем речь? Этот умник Сухомлинов предлагает законсервировать все наши береговые защитные укрепления от Финляндии до Балтики».

«Что за глупости, — вскричал отец. — Какие причины он приводит?»

«По его мнению, эти защитные укрепления слишком дорого содержать. Прибрежную артиллерию и службу он хочет послать для подкрепления фронта. Это не глупость, как ты думаешь, это — преступление. Я ясно сказал Государю: «Ваше Величество, если эти укрепления перестанут действовать, немцы через три дня будут в Петербурге. Вам надо тогда только подписать приказ об отступлении».

«И что же сказал Царь?»

«Он согласился со мной. Он обещал воспротивиться этому проекту. Но он не хочет убирать Сухомлинова, как я ему предложил».

Папа сменил тему, чтобы дядя Саша успокоился.

«Знаешь, какой будет новый закон? Алкогольные напитки станут продавать исключительно по рецепту. Я думаю, здоровье народа от этого только выиграет».

Но этого не хватало для успокоения дяди Саши.

«Русский народ, как эскимосы, — ворчал он, — они всегда найдут способ напиться. Ты увидишь. Бравые русские мужики наложат руку на военные расходы».

«Ты слишком пессимистичен, Саша!»

«Как же не быть пессимистом? Ренненкампф блицмаршем дошел до Восточной Пруссии. Это прекрасно, но генерал Самсонов не сдвигается с места. Если обе армии в ближайшее время не соединятся — катастрофы не избежать!»

Я была потрясена словами дяди Саши. Я впервые услышала, как кто-то из нашего окружения сомневался в непобедимости нашей Армии. Несмотря на опасения дяди Саши, наши войска продолжали храбро сражаться.

Днем позже нам сообщили за ужином, что наша кавалерия нанесла большой урон немецкой армии в Восточной Пруссии. Особенно отличился в этом сражении барон Врангель. Во главе кавалерийского эскадрона он захватил позицию немецкой тяжелой артиллерии. С достойной удивления невероятной храбростью гвардейцы-кавалеристы штурмовали ведущие огонь вражеские орудия.

«Это удивительная победа, — прокомментировал отец. — Но боюсь, что мы понесли большие потери, нападая на пушки!» Отец по поводу этой победы высказывался осторожно. Он спрашивал себя, нужно ли было посылать так много молодых людей на верную смерть еще до того, как начались решающие бои. Озабоченное выражение не сходило с его лица до конца ужина, после которого он тотчас ушел в свой кабинет позвонить по телефону. Разговор продолжался недолго. Когда он вернулся, мы сразу поняли, что он сообщит нам плохое известие.

«Я был почти уверен, что Николай Шувалов, который пошел простым солдатом вместе с Юрием, был в эскадроне Врангеля. Мне сообщили, что Николай погиб в первой атаке!»

Я окаменела. Еще несколько дней тому назад наш дом сотрясался от смеха беззаботной молодежи. Сегодня один из них был уже мертв. Лицо Николая мерещилось мне, как во сне, с особой четкостью. Звонко смеясь, он пил за победу. Это было за день до его отъезда. Дмитрий стоял рядом с ним в своей гвардейской форме, они дружески обнимались. Эта картина стояла некоторое время у меня перед глазами, потом исчезла, и все стало опять серым. Я поняла, что никогда больше не увижу Николая, и слезы полились из глаз. Я сопровождала папу и Глеба к графине, чтобы выразить ей наше соболезнование. Она приняла нас с большим достоинством и скрывала свое горе за усталой улыбкой. После обмена банальными фразами графиня открыла коробочку, стоявшую рядом с ней на столе. Она вынула оттуда телеграмму и передала папе.

«Вы все можете ее прочесть, — сказала она. — Это самое трогательное соболезнование из всех полученных мною».

Папа открыл телеграмму, и через его плечо я прочитала: «Был бы счастлив умереть такой геройской смертью, как ваш сын. Дмитрий Боткин».

Мы все были так тронуты, что не могли вымолвить ни слова.

Я КАК РАЗ закончила свои уроки и просмотрела лекции. Я не была особо довольна собой. С начала военных действий мне было очень трудно сконцентрировать внимание на гимназии. Я была очень обеспокоена известиями, приходящими с фронта. После эйфории первых дней они стали вызывать опасения.

Пессимистические прогнозы дяди Саши начали сбываться. Ренненкампф должен был остановить наступление в Восточной Пруссии. А армия Самсонова несла большие потери. В некоторых более или менее информированных кругах ходили пораженческие слухи. Обвиняли военного

министра Сухомлинова в том, что войска плохо вооружены, ружья старого образца, некоторые солдаты вообще безоружны и стоят в последних рядах с палками в руках. Они должны ожидать смерти соседа, чтобы получить оружие.

Газета, которую мы дома читали, «Новое время», была консервативной. Там никогда не писали о дезорганизации нашей Армии вследствие стремительной мобилизации.

Раненые прибывали ежедневно. Сведения, которые они мне сообщали, когда я разговаривала с ними, чтобы отвлечь от боли, волновали меня все сильнее и сильнее.

Я сидела, свернувшись в большом кресле у папы в кабинете, и старалась отогнать от себя ужасные видения, которые мне чудились, как вдруг открылась дверь, и в нее ввалился совершенно невменяемый Коля Петрово-Соловово, лицо его подергивал нервный тик. Он буквально кинулся ко мне, опрокидывая все стоявшие на пути стулья. «Скоро ли вернется Евгений Сергеевич? — спросил он, заикаясь. — Мне необходимо с ним поговорить. Он должен сегодня же вечером быть у Государя». Коля начал нервно ходить взад и вперед по комнате. Его голос был отрывистым, он тяжело дышал.

«Для меня это вопрос жизни и смерти. Ты ведь знаешь мою болезнь?»

Я знала, что бедняга Коля родился без пальцев на ногах, но не могла понять, при чем тут Государь. Я думала, может, друг Дмитрия хочет предупредить Государя о каком-нибудь значительном событии, может быть, о случае шпионажа?

«Я должен быть в армии, — продолжал Коля, срывающимся голосом. — Это должно свершиться скорее, уже так много раненых, так много погибших. Я был на комиссии, но когда предстал перед врачом, он сразу сказал: “Ага, вы значит, граф Петрово-Соловово. Покажите ваши ноги. Ваш отец мне уже все рассказал”. И тогда меня сразу же признали негодным. Это просто жестоко. Мой отец меня предал. Я уверен, что Государь может еще все поправить, особенно если твой отец замолвит за меня слово. Скажи мне, сможет он еще сегодня к Нему пойти?»

Коля был как будто в шоке. Он несколько раз повторял одно и то же. К счастью, появилась наша прислуга, чтобы накрыть на стол, а вскоре пришел и папа. Коля изложил ему свои соображения уже немного спокойнее. Папа терпеливо слушал.

«Я тебя прекрасно понимаю, мой мальчик, — сказал он, — но я никак не могу сегодня еще раз беспокоить Государя. Ты знаешь, что наши войска проходят сейчас тяжелейшие испытания. Германский Кайзер разорвал линию фронта французских войск. Из-за того, что Ренненкампф пригвожден к месту, Самсонов должен нести всю тяжесть германского наступления. Вопреки нашим предположениям, война продлится дольше трех месяцев и будут большие потери, особенно среди офицеров. Ты должен поступить в офицерскую школу и пройти ускоренный курс. Если хочешь, я поговорю с директором Пажеского корпуса и с их врачом». Коля был на седьмом небе и совсем успокоился, с любовью глядя на папу.

«Знаешь, — продолжал папа, — каждый добавочный офицер будет в Армии очень желателен. Я сегодня получил сообщение о смерти Великого Князя Олега Константиновича. Он был тяжело ранен и умер из-за плохой организации санитарного транспорта. Он пробыл всю ночь без ухода, а наутро было уже поздно».

Я тогда еще не знала, что отец просил Государя отправить его на фронт для реорганизации санитарной службы. Но здоровье Наследника было неважным, и Николай II отклонил его просьбу. Через десять дней сияющий Коля появился у меня в пажеской форме. За ним стоял очень элегантный блондин.

Несмотря на заботы и волнения, которые я испытывала в отношении Юрия, от которого еще не было никаких известий, я почувствовала себя неожиданно бодро и полной сил. Хорошее настроение Коли передавалось мне, а белокурый юноша был очарователен и интересен. После отъезда старшего брата у меня не было возможности поболтать с молодыми офицерами. С большим удовольствием прислушивалась я к их разговорам, в которых присутствовал

особый военный жаргон, так что война на этот вечер была забыта.

Коля и его друг были еще один-два раза у нас в доме. Мне нравилось, когда они приходили. В их присутствии я получала снова заряд бодрости.

Мы пребывали в ежедневном страхе в думах о Юрии. После заметной наступательной операции в Галиции наши части на Австро-Венгерской границе начали отступление. В Восточной Пруссии Ренненкампф не сделал ни шага вперед, армию Самсонова ежедневно теснили в неравном бою. После ужасных потерь Самсонова окружили у Танненберга, и он капитулировал. Он не мог пережить свой позор и покончил собой.

На следующий день мы узнали, что в разведывательном бою был убит Петр Гудович. Из трех друзей, ушедших добровольно на фронт, один Юрий был еще жив.

ОДНАЖДЫ, придя из гимназии к обеду, я увидела в вестибюле папино пальто. В это время дня он обычно не приходил домой. Убрав книги, я бросилась в кабинет. Он сидел за письменным столом совершенно неподвижно, не говоря ни слова, и подал мне открытку. Я сразу же узнала почерк Юрия. Наконец-то весточка после такого долгого времени! Но моя радость была недолгой. Там было всего несколько слов по-немецки, нацарапанных карандашом. Я посмотрела на отца, и страх сжал мое сердце.

«Юрий написал по-немецки, потому что он в плену, — объяснил папа. — Посмотри на адрес. Чтобы подтвердить свое происхождение, он написал мой полный титул “Его Превосходительству Евгению Боткину, лейб-медику Его Величества Николая II”. Юрий сообщал нам, что попал в плен, заболев дизентерией. «Слава Богу, он жив! Я поеду завтра в Ставку. Может быть, у них там больше информации о наших пленных? Должен же быть способ письменного общения с ними?»

Отец говорил спокойным тоном, но я слишком хорошо его знала, чтобы не почувствовать страха, который им овладел.

С пропуском из Ставки отец направился на Австрийский фронт. В штабе ему объяснили, что действительно в районе Сандомира целый русский полевой лазарет с ранеными и всем медицинским персоналом попал в плен. Красный Крест еще не послал туда своего представителя, и мы поэтому оставались без известий о пленных.

По плану Ставки Русская армия готовилась восстановить свои потери. Других сведений папе не удалось получить, и единственным утешением была мысль, что Юрий находится в руках австрийцев, которые обращались с пленными гораздо гуманнее немцев. Но это было небольшое утешение.

В Ставке отец получил возможность встретиться с Дмитрием. Он нашел его очень странным, отсутствующим, как будто он находится во власти какого-то кошмара. Иногда он говорил о своей теперешней жизни в прошедшем времени. «Когда мой полк был в Ставке...»

«Почему ты говоришь “был”, — прервал его отец, — ты ведь здесь».

«Ах да, верно...»

Но тут же продолжал дальше:

«Меня назначили в разведку...»

Отец опять поправил его: «Но тебя ведь еще не назначили!..»

«О, это будет скоро, это неважно».

Отец очень переживал, он считал, что эти странные слова — следствие его падения с лошади. Но как его лечить? Симптомы были неявные, и Дмитрий никогда бы не согласился на перевод на гражданскую службу.

В ЦАРСКОМ СЕЛЕ все более совершенствовалась и все более рационально организовывалась работа по уходу за ранеными и инвалидами. Несмотря на поражение наших войск, моя вера в близкую победу оставалась непоколебимой.

Государыня и обе старшие Великие Княжны работали сестрами милосердия в военном госпитале, носящем имя Ее Величества. Мы больше не видели, как они проезжают мимо нашего дома, приветливо отвечая улыбками на

Государыня Императрица с дочерьми Ольгой и Татьяной
в Царскосельском военном госпитале

мой реверанс и поклон Глеба. Время прогулок кончилось. Государыня и ее дочери покидали дворец в десять часов утра и садились в автомобиль, который их быстро доставлял в лазарет. Они были в форме: серая юбка, белый передник и большая косынка, закрывавшая волосы и часть лба. Автомобиль всегда проезжал мимо нашего дома, но так скоро, что их не успевали заметить.

Государыня и Великая Княжна Татьяна работали в хирургии и ассистировали при операциях. Татьяна, несмотря

на молодость, была очень умелой и быстрой, даже когда дело касалось тяжело раненых и во время сложных операций.

Ольга Николаевна была слабого здоровья и чувствовала себя в операционных нехорошо, но она убирала палаты, дежурила по ночам у тяжелых больных или немного ободряла своим присутствием выздоравливающих, особенно тех, у кого не было посетителей. Государыня забыла о своих недомоганиях. После обеда, если не намечалось срочных операций, она направлялась к постелям тяжело раненых, утешала их и разговаривала с ними. При этом она всегда что-нибудь вязала для нуждающихся детей. Даже вечером она еще раз заходила к тяжелораненым, если они ее звали.

Две младшие Княжны, Мария и Анастасия, были еще слишком малы, чтобы быть сестрами милосердия. Но Государыня организовала третий военный госпиталь, носящий их имя, новое строение недалеко от Александровского дворца. Когда их занятия это позволяли, Мария и Анастасия отправлялись туда, чтобы поболтать с ранеными. Они были такие хорошенькие, такие прелестные, казалось, что одно их присутствие освещало палаты. Иногда они брали с собой Наследника, который очень любил слушать рассказы о военных действиях. Ему было всего десять лет, и ему не разрешали посещать тяжелораненых, но всегда находился какой-нибудь выздоравливающий офицер, который рассказывал Цесаревичу боевые истории.

Во многих дворцах Санкт-Петербурга, а также в большом Екатерининском дворце в Царском Селе были устроены мастерские. В этих благотворительных учреждениях работали молодые люди и девушки, посещавшие еще школы или университет. Они изготовляли перевязочные материалы, которые упаковывались в посылки солдатам.

«ИДИТЕ СКОРЕЕ сюда, ее Величество Государыня у нас». Эта новость дошла до нас молниеносно. Служанка повторила ее дважды, но мы застыли как вкопанные. Мы с Глебом были одни дома. Госпожа Дохтурова, в виде исключения, пошла проводить папу в госпиталь, таким образом

я имела честь оказать прием, но чувство застенчивости засело во мне, как ком в горле. Государыню сопровождали Великие Княжны Ольга и Татьяна. На всех троих были темные пальто и маленькие шляпки, и они уже вошли в палату к раненым. Государыня задала мне несколько вопросов, не заметив, как я оробела. Глеб молчал, а я, запинаясь, что-то бормотала в ответ, неспособная дать членораздельное объяснение о состоянии наших больных. Солдаты стояли, вытянувшись, в головах у своих постелей, они оторопели, как и мы. Великие Княжны, как всегда, очаровательно улыбались присутствующим. Татьяна легко двигалась между постелями, она была сама элегантность и приветливость. Ее сестра Ольга, хоть и была старше, стояла позади нее, меня удивлял ее нежный, немного меланхоличный взгляд, совершенно такой же, как у ее отца.

Проходя через вестибюль, Государыня заметила целый ряд валенок. Улыбаясь, она обратилась ко мне: «Я вижу, вы уже подготовились к зиме». Я ответила еле слышно: «Да, Ваше Величество». В саду сидел мужчина, углубившись в Евангелие. Это был один из рядовых запаса, раненный в ногу и почти совсем глухой. Государыня подошла к нему и спросила, что он читает. Он ответил, что у него болит колено. Он явно был не способен к разговору, и Государыня покинула нас, улыбаясь и не обменявшись ни с кем из нашего маленького лазарета ни словом.

Солнышко слабо светило через голубые занавеси моей комнаты. Я встала с тоской в душе. Этот день будет такой же, как все, день тревоги и работы в госпитале. Но это еще и день моего шестнадцатилетия. Конечно, сегодня не будет никакого бала у дяди Пети, никакого праздника, никакого веселья. Но я об этом не жалела. Когда я вернулась из гимназии, папа поджидал меня. Несмотря на все его тяжелые заботы, он этого не забыл и передал мне два подарка: вставленную в рамку фотографию, где он с двумя братьями сфотографирован перед отъездом Дмитрия на фронт, и маленькое кольцо с тремя бриллиантами, которые выломал из ордена, которым его наградил Саид Алим, Эмир Бухарский, перед войной. При своем неимоверном богатстве

Эмир раздавал русским генералам ордена с настоящими бриллиантами. Они же вынимали камни и дарили их своим женам и дочерям. Вместе с кольцом папа надел мне на руку браслет из тонкого золота, принадлежавший раньше маме. Фермуар состоял из трех бриллиантов и двух рубинов. В России в то время был обычай праздновать шестнадцатилетие молодой девушки с особой торжественностью, и я понимала, что отец старался сделать все возможное, чтобы хоть немного смягчить горечь времени, в котором мы жили.

Коля и красивый блондин-паж, которого он обязательно хотел мне представить, были в офицерской форме. Они были только что выпущены, и в своих длинных шинелях, сверкающих погонах и сапогах со шпорами выглядели совершенно иначе, чем всегда.

После их отъезда мне стало удивительно грустно. Мне казалось, Коля после первого посещения уже должен был заметить, что я больше не та глупенькая девочка и что мой шиньон мне так же идет, как и длинное платье. И почему именно меня хотел он показать своему другу? Я взяла себя в руки. Как можно быть такой легкомысленной, когда мои братья и их друзья участвуют в тяжелых боях, которые мне день ото дня казались все страшнее?

Глава XV

Пленный

НА АВСТРИЙСКОМ ФРОНТЕ русская армия опять получила перевес. Несколькими успешными боевыми операциями мы взяли обратно утерянные области и получили возможность продвинуть наше наступление до Лемберга, который мы и заняли. Только что узнав последние сводки с фронта, отец получил телеграмму: «Ваш сын освобожден. Место пребывания — лазарет Лемберга. Приезжайте немедленно». Папа выехал в тот же день. Уже в начале августа 1914 года среди очень истощенных солдат Галицийского фронта разразилась эпидемия дизентерии, и Юрий стал одной из ее жертв.

Его сразу же послали в маленький военный госпиталь вблизи линии фронта. Несколько дней спустя, во время утреннего обхода, врач вошел в палату и сказал зловещим голосом: «Поздравляю, господа, мы все в плену». Поскольку фронт все время перемещался, австрийское командование решило отправить пленных в тыл. Началась эвакуация. Больные вынуждены были подняться на ноги и идти пешком через весь город на вокзал. Когда Юрий встал, он увидел, что все его белье, форма и сапоги украдены. Единственное, что у него осталось, была шинель, больничная пижама и пара старых тапочек на ногах. На вокзале пленных поместили в вагон для перевозки скота. Для больных дизентерией это путешествие было настоящим кошмаром. Очень скоро вся солома под ними была загажена. Нигде не оставалось чистого местечка. Они были в грязном платье, их лихорадило от высокой температуры. После 24 часов пути поезд прибыл в Сандомир. Больные были отправлены в последний лазарет, где еще оставалось несколько грязных, заскорузлых от нечистот мест.

Персонала не хватало, из-за недостатка лекарств врачи не могли выполнять свою задачу, так что о полагающемся уходе не могло быть и речи. Пациенты от неподвижного положения получали пролежни и, если выживали, то случайно. Один из товарищей Юрия сумел спрятать на себе небольшую сумму денег, на которую покупал у австрийских солдат часть посылочек, получаемых из дому. Он делил скудную еду (немного водки и твердокопченной колбасы) с Юрием. Этого хватало, чтобы не умереть с голоду, но при такой диете понос становился еще сильнее. После укола грязным, плохо дезинфицированным шприцем у Юрия на руке ниже плеча начался абсцесс. Боли и температура повергли его в состояние полного отупения, из которого он вряд ли бы выбрался. Вокруг него больные умирали один за другим. Он видел, как австрийские солдаты хватали трупы за голову и за ноги и вытаскивали из палаты. Проходя, они давали знак больному, лежавшему на полу, занять освободившееся место. Однажды утром весь госпиталь пришел в невероятное волнение. Русские усилили наступление,

и австрийские войска отступали. Больных вынудили встать и одеться. Несмотря на приказы санитаров, Юрий оставался лежать на своем соломенном матрасе, и был не в состоянии сделать даже небольшое усилие, чтобы сдвинуться с места. «Вон! Вон!» — орали санитары. Юрий не двигался. «Ну тогда оставайся лежать и подыхай». В опустевшем госпитале один, без ухода и еды, Юрий потерял сознание.

«Ты пленный?»

Тень перед Юрием говорила по-русски! Юрий с усилием поднял голову и увидел, что перед ним стоит офицер казачьего полка. Подсознательно Юрий вспомнил, как надо приветствовать офицера простому солдату.

«Так точно, ваше превосходительство».

«Какого полка и как тебя зовут?»

«Императорский стрелок 4-го полка, унтер-офицер Боткин».

«Боткин? Сын лейб-медика Его Величества?»

«Так точно, ваше превосходительство».

«Я хорошо знал твоего отца еще по Русско-японской войне. Я пошлю ему телеграмму. Ты ведь пошел добровольцем? Молодец! Ты мужественный мальчик. Я о тебе позабочусь!»

Юрий был тотчас же переведен в русский лазарет в Лемберге. Но при всем уходе, который ему могли там оказать, болезнь быстро прогрессировала. Абсцесс не проходил, Юрий бредил.

Однажды утром он увидел хорошо знакомую фигуру, проходившую через палату. Он узнал отца, но все это ему казалось, как во сне. У него не было сил говорить или сделать движение...

Вместо того чтобы подойти к нему, массивная фигура подошла к следующей кровати, в которой лежал рыжий бородатый солдат, и удалилась... Папа не узнал Юрия! Он пошел во второй раз в приемный покой и объяснил, что не нашел своего сына в указанной палате.

«Ваш сын, — объяснила сестра, довольно нелюбезно, — лежит в двухместной палате на третьем этаже, левая

дверь. Я вам уже это сказала. Вы не могли ошибиться. Его сосед пожилой военный с бородой...» Папа вернулся обратно и на этот раз внимательно присмотрелся к больному, лежавшему рядом с бородачом. Он просто не мог поверить, что это исхудалое лицо, это большое костистое тело... Нет, это невозможно! И все-таки, глаза! На этот раз он не ошибался, это были глаза его сына, которые молили его узнать.

ВО ВРЕМЯ долгого папиного отсутствия я снова посвятила себя роли хозяйки дома. Война вызвала целый ряд нарушений в нашем хозяйстве. Частая смена прислуги заставляла меня одной выпутываться из этого положения и самой нанимать кухарку и горничную. Это было для меня прекрасным испытанием, и я решила после моего неудачного представления Государыне раз и навсегда покончить с застенчивостью. За столом в кабинете я принимала кандидатов и с серьезной миной читала рекомендации, принесенные ими, задавала пару вопросов об их семьях. Но в этой области у меня не было никакого опыта, и я доверилась исключительно своей интуиции. Мой выбор пал на двух молодых девушек, примерно моего возраста, которые показались мне подходящими. К счастью, они таковыми и были. Кухарка оказалась настоящей мастерицей, всегда аккуратно и чисто одетой. К сожалению, сразу после ее поступления значительно возросли счета от лавочников и мясников. Она предъявляла их мне с уважительной миной, которая меня не обманывала, однако я не знала, как выразить свое мнение по этому поводу.

Другую девушку, которая заменила нашу старую горничную, звали Паша. Она была действительно очаровательной и хорошенькой. Паша была раньше у одной дамы, которая взяла ее двенадцати лет из сиротского дома. Я тогда еще не знала, что бывают внебрачные дети. Поэтому я удивлялась, что девушка из бедноты может быть такой нежной и послушной и хорошенькой, как Паша. Ее голос был низким, но приятным, и мне доставляло радость видеть ее в доме за работой. Каждое ее движение, даже самое простое, было исполнено грации. Я была очень горда,

что сама выбрала новую прислугу. Несмотря на мои шестнадцать лет, я становилась превосходной хозяйкой. Наконец мы получили телеграмму, что папа и Юрий едут санитарным поездом.

Вместе с госпожой Дохтуровой и Глебом мы ожидали их в голубой гостиной, когда раздался звонок. Мы кинулись в вестибюль. Но Василий уже отворил обе двери, чтобы пропустить носилки с Юрием. Из-за страшной худобы Юрий казался старше. Его глаза приветливо смотрели на нас, но лицо выражало такую печаль, что мне стоило огромных усилий узнать в нем веселого товарища наших игр, добродушного великана, который десять месяцев тому назад мог на полном ходу остановить тройку. Когда носилки поставили на пол, папа повернулся к Дохтуровой и сказал торжественно: «Я могу вам представить моего сына Юрия». Тогда мы увидели какое-то движение в этом длинном, исхудавшем теле, как будто Юрий пытался встать. Мы поняли, что он, несмотря на свою исключительную слабость, хотел представиться по всем правилам, но сил у него не было, и он дал знак Василию, чтобы тот его приподнял так, что он, бледный и шатающийся, почти теряя сознание, смог все-таки поклониться госпоже Дохтуровой.

Юрия, так же, как и Дмитрия после его несчастья, положили к папе в комнату. Юрий был очень слаб, не мог вставать, ему трудно было читать. Мы никогда не оставляли его одного, но избегали с ним долгих разговоров, потому что он был еще не способен следить за мыслью. Он очень страдал от поноса и от громадного абсцесса, от которого распухло все предплечье. Через неделю он начал набираться сил, и папа разрешил его навещать. Первым явился лично его командир полка, чтобы вручить Георгиевский крест и сообщить о его производстве в фельдфебели. Когда он немного окреп, ему разрешили проводить время до обеда в кресле на колесах. Во время обеда он лежал в кабинете на тахте и мог принимать участие в разговорах. Семейная жизнь понемногу пошла опять по-старому. С большой осторожностью мы наконец сообщили ему о гибели Николая Шувалова и Пети Гудовича. Узнав о смерти

своих товарищей, Юрий страшно побледнел, и его лицо исказилось. Я думала, он потеряет сознание, но он внезапно рассмеялся так громко и неестественно, что все его тело затряслось.

«А я-то, какое свинство, — повторял он, — какое свинство! Смерть меня не берет!»

Но также быстро он успокоился и неподвижно просидел в кресле весь день, не говоря ни слова.

На следующий день его навестить пришли старшие сестры Николая. Они были хорошенькие, на них был траур и длинные черные вуали, спадавшие с маленьких шляпок. Юрий принял их просто и приветливо, но был при этом очень печален. На следующий вечер пришел товарищ из его кавалерийского эскадрона. Я остановилась, как вкопанная, при виде его. Он был черно-шоколадного цвета. После его ухода Юрий назвал нам его имя — Апти.

«Апти, — повторила я с удивлением. — Это сын черного лакея из Александровского дворца, который отворял двери?»

«Так и есть. Его мать — русская, и он превосходно образован. Из всех солдат, с которыми я лежал, Апти был единственным хорошо воспитанным. Мы очень скоро с ним сблизились. Мы в чем-то похожи». Отца Юриного товарища я хорошо помнила. Однажды вечером он пришел к нам попросить у папы рецепт. Он был очень черным, огромным, и у него были правильные красивые черты лица.

Черные слуги были привезены к русскому Двору Екаториной Великой из Африки. Теперь их было трое, и они были роскошно одеты. Пестрые короткие жилеты, шаровары и громадные белые тюрбаны, украшенные страусовыми перьями. Их работа состояла в том, чтобы открывать и закрывать двери и передавать сообщения с этажа на этаж. Наверное, поэтому их называли «скороходами».

К сожалению, я вскоре обнаружила, что Юрий привык выпивать. Он напивался ежевечерне, но плохо переносил алкоголь, быстро делался агрессивным и задиристым. Из-за этого он постоянно попадал в неловкое положение. Но дома, уважая папины взгляды, он не пил. Выходы

и встречи с друзьями стали редкими. Я проводила мучительные часы за музицированием, чтобы хоть немного взбодрить Юрия, в то время как Глеб рисовал в кабинете. После того как он иллюстрировал басни, он стал писать батальные сцены на основании многих услышанных им рассказов. Отец привык уносить эти рисунки во дворец, чтобы показать Наследнику, которому они очень нравились. Однажды ребенок отвел папу в сторонку: «Спросите Глеба, не может ли он сделать пару рисунков лично для меня?»

Глеб был очень рад получить заказ персонально от Наследника и сразу принялся за работу. Он разрисовал красивый альбом, состоявший из шести больших картин. На первой странице он написал красиво разукрашенными буквами: «Его Императорскому Высочеству Наследнику Царевичу Алексею Николаевичу. Глеб Боткин».

Когда папа передал альбом, Царевич нетерпеливо взял его и стал любоваться серией рисунков, которые Глебу действительно удалось. Прежде чем закрыть альбом, он задержался на первой странице и тихо, но четко прочитал: «Его Императорскому Высочеству, Наследнику Царевичу...», на этом слове он задумался и продолжил: «Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу, Самодержавному Великому Князю Алексею Николаевичу». При этом он подчеркнул слова «Самодержавному Великому Князю», которые Глеб забыл написать. Без дальнейших замечаний он очень приветливо поблагодарил отца и добавил: «Попросите Глеба нарисовать мне второй альбом».

Глеб с удовольствием согласился на эту просьбу. Но на этот раз он, предупрежденный папой, полностью указал полный титул. Когда Цесаревич при словах «Самодержавный Великий Князь» приостановился, его улыбка осветила его красивое личико. Отец был глубоко тронут. Он любил находиться в присутствии этого ребенка, над которым постоянно витала смерть. Доставить ему какую-нибудь радость, несмотря на его страдания, было для него несравнимой удачей.

После рассматривания второго альбома Цесаревич попросил опять: «Мне бы хотелось, чтобы Глеб нарисовал

мне теперь госпиталь — настоящий, в котором трудятся моя мама и сестры. Может он это?»

«Ну конечно. Когда сделает уроки, Глеб проводит все свое время за рисованием!»

Альбом с госпиталем был настоящим произведением искусства. Глеб превзошел себя. Во-первых, ему удалось передать голубые сумерки в палатах, когда горят ночники и раненые солдаты в полутьме спят под надзором сестер и врача, очень похожего на папу. Показав альбом всей семье и друзьям, папа решился показать его Царевичу.

«Я хотел бы оставить этот альбом себе, — сказал папа Наследнику. — Он весь посвящен врачебному делу. Глеб нарисует вам другой. Вы увидите, он рисует очень быстро».

«Вы думаете, он сумеет нарисовать такой же?»

«Ну конечно, все так же точно, и госпиталь там тоже будет изображен».

Папа попрощался с Алексеем Николаевичем и, взяв альбом подмышку, пошел к дверям. Царевич, не отрываясь, смотрел на него, вскочил внезапно со стула, подбежал и схватил его за руку. «Евгений Сергеевич, — жалобно закричал он, — я хотел бы этот оставить себе! Глеб может нарисовать вам другой. Пожалуйста, пожалуйста...» Его взгляд был таким умоляющим, что папа отдал ему альбом.

Папу тронуло, что этот мальчик, будущий Царь всея Руси, робко о чем-то просил, в то время как другой удовольствием был требовани-ем.

Печали и заботы нас не обходили. Только поправился Юрий от своей болезни, как мы получили письмо от Дмитрия, в котором он сообщал, что отправляется на передовую. Наши армии снова имели успех, некоторые полки покрыли себя славой. Много говорилось о военных доблестях сибирских стрелков, тех фантастических солдат (во времена Русско-японской войны они носили громадные черные папахи) слава которых была легендарной. Например, после длительной езды по железной дороге и многодневного марша они в штыковой атаке напали на врага, и германская пехота была отброшена. На бегу немцы кричали: «Кзаки! Кзаки!» — так, как будто ничего страшнее не могло быть.

Дома мы радовались этим успехам, но трагедия Юрия обострила наше восприятие ужасов войны. Наш восторг от удач на фронте был далеко не таким радостным. Когда мы следили по газетам о наступлении наших армий, мы все время думали о Дмитрие.

Глава XVI

Смерть офицера

«3-ГО ДЕКАБРЯ 1914 г. Ваш сын Дмитрий во время наступления попал в засаду. Считается пропавшим без вести. Надеемся найти его живым». Телеграмма была за подписью командира Императорского казачьего полка. Было не в папиной привычке что-нибудь от нас скрывать. Он положил лист бежевого цвета на стол. Мы смотрели друг на друга в ужасе от страшного известия. Этого же не могло быть! Не с Дмитрием! Что делать, как не хвататься за последний шанс, — последние слова телеграммы «Надеемся найти его живым». Мы начали предполагать менее трагичные варианты событий, чтобы хоть как-то немного приглушить наш страх, Юрий рассказал нам, что и он был в атаке под огнем противника и лишь благодаря коню ему удалось спастись.

Конь у Дмитрия был превосходный, прекрасный скакун, купленный для него незадолго до отъезда на фронт. Чтобы не накликать беды, мы решили никому не говорить об этом ужасном известии.

Но сами себя мы переубедить не могли. Разве не написал командир «считается пропавшим без вести», а что могли означать эти слова, мы слишком хорошо знали со времени смерти Николая Шувалова и Пети Гудовича. Три дня спустя мы с несколькими друзьями собрались в 10 часов за традиционным вечерним чаем. Юрий прилег на большую кровать в спальне, когда камердинер отца принес новую телеграмму. Отец прочел ее, сложил и сунул в карман, затем продолжал принимать участие в общем разговоре, как будто ничего не случилось. Понемногу наши гости разошлись, только сенатор Лопухин остался последним.

Папа проводил его в прихожую и только в момент прощания развернул телеграмму и прочел глухим голосом: «Из рассказов пленных, Ваш сын Дмитрий погиб в наступлении. Из-за атаки тело не найдено. Письмо с подробностями и вещами следует с офицером».

«Не мог же я сообщить это при всех», — просто сказал папа.

В течение всего вечера он не проявил никаких эмоций. Его лицо оставалось неподвижно, голос совершенно спокойный. Лопухин был потрясен таким мужеством. «Ты удивительный, — сказал он дрожащим от волнения голосом. — Я преклоняюсь перед тобой». Никогда не забуду я эту ночь. Отец поднялся в кабинет и попросил меня и Глеба пройти в комнату Юрия, который еще не спал. Он сел рядом с ним и показал ему телеграмму, которую дал потом нам — Глебу и мне. «Все кончено, — сказал он тихо. — Он мертв». Не в силах больше сдерживаться, папа зарыдал. Слезы потекли по худому

Дмитрий Боткин в военной форме

лицу Юрия. Несмотря на свои собственные слезы, несмотря на рыдания Глеба, который плакал, положив голову на руки у письменного стола, я видела только горе этих двух мужчин. Папа крепко держал Юрия в объятиях, как будто хотел уберечь его от судьбы брата, потому что знал, что однажды его сын должен будет опять идти на фронт, может быть, к такому же концу...

ПАНИХИДА была через несколько дней в церкви недалеко от дома, где Дмитрий часто бывал в гостях. Папа стоял очень прямо, рядом с иконостасом. Его лицо было замкнутым и строгим, руки судорожно вцепились в спинку Юриного кресла. Под моей густой темной вуалью я, стоя рядом с ним, могла скрыть свои чувства и свою боль. Глеб спрятался за колонной и рыдал не стесняясь. Я завидовала ему и боролась со слезами, которые подступали. Но время слез для меня прошло. Я должна была быть достойной духовного величия Дмитрия. Разве он не писал матери Николая Шувалова: «Я был бы рад умереть такой героической смертью, как Ваш сын...»

Молодой офицер Императорского казачьего полка привез нам его вещи и письмо от командира полка. Полковник сообщал нам показания немецкого пленного, бывшего свидетелем этой сцены: «Наш батальон готовился к атаке на ваше соединение. Как вдруг вы послали патрульных казаков под командой молодого офицера на разведку. Когда они нас обнаружили, офицер дал приказ отступить, что его люди тотчас же выполнили. Он оставался последним, чтобы прикрыть отступление. Одна из наших пуль его сразила. Он упал с лошади, но сразу же вскочил снова. Наш полковник крикнул: “Сдавайтесь, бросайте оружие!” Но он громко ответил: “Русский офицер никогда не сдается!” — выстрелил и смертельно ранил нашего полковника. Мы пошли на него в штыки. Господа, Ваши офицеры умеют умирать...»

Начало рассказа совпадало с тем, что рассказали сами казаки. Разведывательный патруль пал под сильнейшим обстрелом немецкой пехоты. Дмитрий приказал своим

людям отступить и оставался последним... Позже уже никто не знал, что с ним стало. Его конь вернулся обратно, с простреленным седлом... то седло было теперь у нас. Судя по ходу пули, Дмитрий был убит выстрелом в живот. Его тело так никогда и не нашли. Распаковывая его вещи, я искала одеяло, которое связала ему и которое он так любил. Мне хотелось оставить его себе, завернуться в него, как он это любил, в надежде почувствовать тепло любимой вещи, найти частицу его сущности, в последний раз быть с ним. Но мне не было дано это утешение. Одеяла не было в его тяжелом кожаном чемодане.

Отец Георгий Шавельский, протопресвитер военного и морского духовенства, написал нам сочувственное письмо, глубоко нас тронувшее. Этот священник был духовником Дмитрия. Он сказал, что получил с фронта письмо-исповедь от Дмитрия от 2.XII.1914 года, накануне его гибели.

В этом письме Дмитрий писал, что у него есть предчувствие своей близкой смерти и потому он должен исповедоваться в своих грехах, которые до сих пор держал в тайне. Мы были глубоко потрясены. С тех пор, как с Дмитрием произошел несчастный случай, я стала думать, что он стал жертвой плохих предчувствий. Несмотря на его веселость и обаяние, я знала его одержимость, я чувствовала, что в его бесстрашии был поиск смерти. Хотел ли он ее спровоцировать, бросился ли он ей навстречу по своему желанию? Прощение, вымаливаемое им у Церкви, должно ли оно было относиться и к его «самоубийству»? Я не могла в это поверить. В моем представлении Дмитрий выполнил до конца свой долг как русский офицер, как герой и честный человек. Когда в газетах появилось сообщение о его героической гибели, отец получил много писем, полных восхищения, от молодых незнакомых офицеров.

Государь решил посмертно наградить Дмитрия званием Георгиевского кавалера. Он посчитал нужным лично передать отцу эту награду, сопровождая ее простыми словами: «Я рассказал своим детям о героической смерти вашего сына». Через неделю, разговаривая с ранеными

нашего маленького лазарета, Глеб и я услышали вдруг папин голос. Мы побежали в переднюю и увидели Царевича, стоявшего рядом с папой.

Маленький Наследник, которому было теперь десять лет, подошел к нам и робко подал нам руку. Папа представил ему раненых и попросил тех, которые могли говорить, рассказать о своих военных переживаниях. Царевич слушал рассказы с большим интересом. Перед его отъездом Василий завел граммофон, и раздался замечательный русский гимн «Боже, Царя храни!» Светлая улыбка озарила маленькое бледное личико Цесаревича... Когда десять лет спустя после кровавой смерти большинства участников этого рассказа я находилась в изгнании, дядя Петя Боткин передал мне все, что осталось от моего отца, — пакетик пожелтевших писем. Одно из них точно передает состояние мужчины, овладевшее им после смерти сына.

«Царское Село 30/XI—1915 г.

«Если тебе было трудно написать мне после моего огромного несчастья, то ты можешь себе представить мое страдание, когда я прикасаюсь к этой открытой ране. Год назад я потерял своего сына и за время этих 365 дней я видел и говорил с сотнями, тысячами людей, я лечил и делил с ними горе и радость; вел такую же жизнь, как они, ни одного дня из этого ужасного года я не пропустил на работе, но все время, что я бодрствовал, меня не покидало чувство большого внутреннего горя. Эта боль становится особенно сильной, когда я вынужден рассказывать о смерти моего ребенка или когда кто-то или что-то напоминает мне о разных случаях из его жизни.

Ты поймешь, почему я так долго не писал. Сегодня, напротив, у меня непреодолимое желание говорить с тобой...

У меня был довольно сильный грипп, что для меня из-за моего сердца часто приводит к осложнениям. Я признаюсь, что на этот раз не думаю еще раз возвратиться к жизни и ожидаю конца почти с радостью и надеждой быть вскоре с Мимой* и, наконец, успокоиться вблизи него. С другой

* В русском языке ласкательная форма имени Дмитрий.

стороны, было бы хорошо побыть еще на этом свете, чтобы выходить Юрия, когда он снова будет ранен, в чем я уверен. И увидеть свою маленькую Таню в надежных любящих руках. Короче, я мог бы еще быть полезен своим детям. Но если Бог призовет меня раньше, то я рассчитываю на вас, мои братья, и на ваших милых жен.

Нам не надо было стараться ускорить окончание войны, никакая жертва не оправдывает этого. Несмотря на все, мы победим, в этом мы не сомневаемся ни минуты. Наш несравненный народ не жалеет себя, как солдаты, так и офицеры с воодушевлением идут на смерть и радостно умирают с мыслью, что умирают за Царя и Отечество. Что касается меня, то я рад, что имел такого сына, как Мима, я счастлив и полон святого восхищения перед этим мальчиком, который без колебания и с вдохновением отдал свою жизнь за честь своего полка, своей Армии, своей Родины. Когда мы, оставшиеся, оплакиваем наши личные утраты, то это горе эгоистично, так как мы сами лишь только песчинки в мире. Сколько поколений России страдало и умирало, чтобы подарить нам эту счастливую мирную жизнь, которой мы жили некоторое время, наслаждаясь. Теперь нам выпала судьба страдать и умирать, чтобы поколения, следующие за нами, смогли жить в лучших условиях...»

Глава XVII

Страна погружается в пучину

В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ 1915 года произошло крушение поезда, шедшего из Царского Села в Петроград (Санкт-Петербург звучало слишком по-немецки и в начале войны его «русифицировали»). Крушение произошло по неизвестным причинам. Сразу же заговорили о заговоре, ибо в поезде ехала Вырубова, подруга Царицы. Несколько пассажиров были тяжело ранены, и Вырубову также с трудом извлекли из-под обломков вагона. Она была в обмороке, и ее положили на скамейку в маленьком зале ожидания в близлежащем вокзале. У нее был перелом позвоночника и многочисленные ушибы. Когда через несколько часов специальный

поезд привез ее обратно в Царское Село, она все еще была без сознания, и опасались самого плохого. На вокзале ее ожидала Государыня и Великие Княжны, чтобы отвезти ее в военный госпиталь Ее Величества, во главе которого стояла Княжна Гедройц, лечившая Дмитрия после несчастного случая со скачками.

Присутствие женщины в госпитале, где лечились раненые фронтовые офицеры, хоть она и была подружкой Государыни, не вызывало удовольствия. Но когда на следующее утро, набравшись нахальства, явился Распутин собственной персоной, тут разразился почти скандал. Офицеры, рисковавшие жизнью на фронте, плохо переносили его присутствие. Поскольку доктор Гедройц была хирургом, мой отец ограничился лишь общим лечением Вырубовой. Однажды они с Княжной Гедройц встретились в палате и нашли там Распутина.

«Ты здесь! — вскричала Княжна. — Я же тебе сказала, не оставаться надолго!» Госпожа Гедройц выглядела не слишком женственно, и ее размеры придавали ей импозантность. Распутин не пошевелился, она подошла к нему, схватила его за плечи и повела к дверям.

«Но я не хочу», — протестовал он.

С необычайной энергией госпожа Гедройц потащила его к двери.

«Я предупреждаю, я буду жаловаться, — заорал «старец». — Я расскажу, как со мной здесь обращаются. Берегись!»

«Давай, убирайся и жалуйся, куда хочешь!» — И она захлопнула дверь перед его носом.

Папа, который наслаждался этой сценой, шутя спросил:

«С каких пор вы с ним на ты?»

«Он же называет всех и каждого на “ты”. Вы же не думаете, что я буду с ним иначе обращаться?»

Если верить слухам, то доктор рисковала. Говорят, было опасно идти против Распутина. Но ничего не случилось, и Государыня оставила ее на своем месте, потому что все-таки очень ценила ее работу в это трудное военное

время. У кровати своей единственной подруги Государыня снова встретила Распутина.

«Бог возьмет ее, если ее труды для тебя и страны не нужны. А если она нужна, Бог ее оставит...» — сказал «старец».

Анна Вырубова выздоровела, но ее влияние и влияние Распутина на окружающих от этого не возросло.

Благодаря успехам и поражениям Россия выдержала шок от первых месяцев войны. Разгром Восточной Пруссии позволил осуществить победу на Марне, а на Юге австрийские армии начали отступать через Карпаты.

«Государь и Государыня, — замечает Жильяр, — проникнуты ответственностью своих обязанностей и переживают трудные мгновенья. Они чувствовали себя действительно центром большого народного движения, которое охватило всю Россию»⁶⁴.

ЧАС «Божьего человека», который хотел спасти Царя и Россию, еще не наступил.

Дома мы должны были научиться жить без Дмитрия. Чтобы забыть свое горе, папа пригласил к нам жить молодых офицеров из провинции, пока они не присоединятся к своим частям. Они спали, где придется: на диванах в гостиной, в вестибюле, в комнатах для гостей. Из-за постоянного движения туда-сюда мы не могли пребывать все время в траурных мыслях, хотя они сразу же нас охватывали, как только мы оставались одни.

Друзья Дмитрия бывали у нас, как прежде, в особенности Михаил Безобразов и Лев Корбе. Они оба были очень приветливы и деликатны. В моем присутствии они старались не показывать свою ностальгию. Я знала, что они тоже потрясены смертью Дмитрия, но их воспитание и характер придавали им силы выдержать испытания войны, смерть друзей с твердостью, которая вызывала мое уважение и придавала мне мужества.

Чаще всего у нас бывал Лев Корбе. Это был очень спокойный юноша, умеренный в своих делах и высказываниях. От всего его существа исходила доброжелательность и душевное равновесие, которые делали его очень

привлекательным. Будучи офицером Кубанского-Казачьего полка, он имел лишь одно желание — сражаться на передовой. Каждый раз, когда его часть получала предписание отступить, он просил о переводе в другой полк, который шел на фронт. Я не знаю, сколько раз он менял свою часть. Во время коротких отпусков он ежедневно приходил домой к обеду или ужину. Папа очень ценил его общество. Оба садились у камина и часами разговаривали в спокойном мирном тоне. Несмотря на разницу в годах, у них было очень много общего.

Иногда им не хотелось больше говорить. Они оставались молчаливо сидеть, задумчиво глядя в огонь. Мне кажется, для папы это были последние минуты, когда он испытывал что-то вроде счастья. О возвращении Юрия на фронт еще речи не было. По совету папы, он решил готовиться дома к экзаменам, которые надо было выдержать, чтобы стать офицером. Один интеллигентный и очень образованный молодой поручик согласился быть его наставником. Сухотин, тридцатилетний кавалерийский офицер, был ранен сразу же в начале войны и жил и поправлялся в Царском Селе со своим отцом, женой и маленьким сыном. Прежде чем возвращаться обратно на фронт, он — гениальная голова — сдал курс Академии Генерального Штаба. Он страшно любил дискуссии и споры и побивал слушателей своими знаниями, быстротой реакции и, прежде всего, юмором. К сожалению, его взгляд на монархию и существующий порядок был слишком пренебрежительным. Мне часто действовал на нервы его ироничный, насмешливый тон, тем более, когда в первые месяцы 1915 года газеты становились все беспомощнее. На Австро-Венгерском фронте наши войска терпели одно поражение за другим.

В феврале немцы предприняли неожиданное наступление, во время которого наши части оказались запертыми в лесу у Августово и были вынуждены сдаться. После этого поражения Верховное Командование решилось на отступление. Таким образом, Восточная Пруссия, которую мы завоевали с такими жертвами и таким героизмом, была для нас потеряна.

К счастью, наши войска, находившиеся на другом фронте против австрийцев, опять завоевали преимущество. В марте 1915 года русские войска под командованием генерала Брусилова все время шли вперед. Сильное укрепление Перемышля оказалось в наших руках. В апреле была занята вся Галиция, наши войска обосновались в Карпатах и использовали победу, заняв еще город Тарнов. Государь объехал всю эту территорию. Население, в большинстве своем славянское, устроило сердечный прием. Ему были представлены различные полки, принимавшие участие в славных боях.

Первым Государь посетил 16-й стрелковый полк, новое обмундирование которого он сам утвердил перед войной после долгого похода, находясь в Ливадии. Его встретили около ста человек под командованием только одного сержанта, так как все офицеры были убиты или ранены. Во время его посещения все солдаты, только что пришедшие с фронта и буквально падавшие от усталости, начинали петь марш, который вдохновлял их на победу.

ОДНАЖДЫ в воскресенье отец взял меня в большой Феодоровский собор, который закончили строить только за год до войны. Как и каждую неделю, вся Царская Семья присутствовала на литургии. Вообще посещение этого собора разрешалось только придворным, и мы были очень удивлены, увидев там Сухотина. Погруженный в свои мысли, он стоял в нескольких метрах от нас.

«Как ты сюда попал?» — спросил его папа при выходе.

«А вот как», — и Сухотин показал нам с торжеством шинель, которую держал под левой рукой. Это была шинель отца с генеральскими эполетами и красными отворотами.

«Я проходил мимо вашего дома, и Василий сказал мне, что без приглашительного билета меня в собор не пустят. И тогда я взял вашу шинель и вскочил на первого же попавшегося извозчика. Когда при входе меня хотел задержать полицейский, я показал ему шинель и прошел. Так просто, не правда ли?»

Папа озабоченно кивнул.

Феодоровский Государев собор.
Встреча Их Императорских Величеств

Поблизости от собора был лазарет, где находился один молодой раненый офицер, которого он хотел навестить.

«Это сын моего старого друга, — объяснил нам отец. — Его семья живет в Москве, а я обещал его навестить. Я ненадолго, подождите меня в саду».

Когда мы остались одни, Сухотин подошел ко мне. «Пройдемтесь немного, хорошо? Дело касается вашего брата Юрия. Он очень способный, но страшно ленив. Он вас очень любит. Мне кажется вы можете его уговорить немного побольше подзубрить».

Он заглядывал своими близорукими глазами прямо под мою шляпу с большими полями.

Мне показалось эта близость неприличной, и я хотела ему это сказать, когда вернулся папа.

«Не хочешь ли ты со мной подняться, я представлю тебе нашего раненого. Он из знаменитого полка Сибирских стрелков».

В просторной солнечной палате на большой подушке в чистой постели лежал раненый с маленькой, почти лысой головой и глубокосидящими глазами, которые меня с любопытством и приветливостью рассматривали.

«Николай Васильев...»

Я подошла к постели и с удивлением подала незнакомцу руку. Он не был похож на тех бойцов, вызывающих страх, о которых писали всегда немецкие газеты. Когда мы вышли, отец сказал: «В соседней комнате лежит тяжелораненый офицер из этого же полка. Николай Васильев рассказал мне, что этот юноша исключительной храбрости и интеллигентности. Его зовут Константин Мельник».

Это имя показалось мне странным.

«Он украинец, — пояснил отец. — У них бывают смешные фамилии. Чтобы быть в сибирских стрелках, надо быть действительно необыкновенным».

«ЧТО ты тут делаешь?»

Юрий наклонился над моим большим столом, где были разложены сахар, яйцо, масло и большая коробка геркулеса.

«Тетя Катиш научила меня, как делать кекс из масла и сырого геркулеса. Это очень питательно и долго сохранится. Я наполню коробку и отправлю на фронт», — ответила я.

«Тогда ты можешь рассчитывать на объяснение в любви от счастливого адресата. Как будто тебе мало нежных взглядов Андрея Дитриха и Миши Безобразова».

«Ну что ты там болтаешь! Это же друзья Дмитрия, и если они со мной приветливы, то только из симпатии».

«Ты думаешь? Мне кажется, Миша Безобразов сильно влюблен. Когда ты появляешься, то кажется будто для него декабрьской ночью восходит солнышко».

«Я нравлюсь ему только потому, что я приветлива с нашими отпускатниками. С Лево́й Корбе то же самое. Но что это ты делаешь? Ты съешь мой кекс сыром?»

«Ерунда, будет на один меньше. Знаешь, что меня беспокоит? Это очень плохо, и мне нужен твой совет».

У Юрия не было в привычке чем-то со мной делиться, а тем более, доверительно разговаривать и просить моего совета. Может, действительно, Сухотин был прав, и Юрий беспокоится о своих экзаменах?

«Слушай, я провел всю ночь, катаясь верхом с одной девушкой. Она на несколько лет старше меня. Мы даже переночевали в деревенском трактире. Очень рано встали. Рано утром так хорошо в деревне! Я уверяю тебя, мы не делали ничего плохого. Но, может быть, это ее скомпрометировало? Мне кажется, я должен просить ее руки, чтоб спасти ее репутацию! Как ты думаешь?»

Я пришла в замешательство. Юрий действительно был далек от мысли об экзаменах. «И зачем он уверял меня, что они не делали ничего плохого? Что они вдвоем могли делать плохого? Наверное, они там целовались, как это делают в романах? Но почему это компрометирует девушку?»

Мне было всего шестнадцать лет, и я могла только сказать ему: «Ты находишь, что она немного старовата, чтобы быть твоей женой?»

«Возможно! В сущности у меня нет выбора. Хотя у меня нет никакого желания жениться. Но если дело идет о чести — я готов! Сначала принципы, а потом уж счастье».

В тот же день он послал письменное предложение. Через два дня я спросила, получил ли он ответ.

«Я ее видел и очень рад, потому что она считает, что стара для того, чтобы стать моей женой». Ему было двадцать, а ей — двадцать четыре года...

В АПРЕЛЕ 1915 года я сдала гимназические выпускные экзамены. Я немного боялась, что из-за домашних неприятностей немного отстану. Я сдала, но была только пятой. Мои учителя рассчитывали, по меньшей мере, на серебряную медаль, но я пропустила это мимо ушей, потому что не хотела оправдываться работой в госпитале и ссылаться на смерть моего брата.

После оглашения результатов, как всегда, было представление у вдовствующей Императрицы. Мать Государя Николая II каждый год принимала выпуск девочек, окончивших гимназию. Представление проходило в Петрограде в Аничковом дворце. Папа сам отвез меня туда в придворной карете. Нас было около пятидесяти девочек, по пять из каждой гимназии. Все — в белых длинных платьях, с высокими прическами. Нас торжественно проводили в большой зал, где предложили сгруппироваться вокруг своих директрис и классных дам. Я не могла побороть небольшого страха. Государыня Мария Федоровна не смогла простить отцу того, что он отклонил предложение стать врачом у ее сына, Великого Князя Георгия. Я боялась, что со мной она будет неприветлива. Когда она появилась в сопровождении своих фрейлин, меня поразила ее молодость. Она была маленькая, стройная, грациозная и без морщин. Может, действительно правда, что болтали в Царском Селе, будто она сделала подтягивание кожи лица.

Одна за другой перед ней проходили девушки, представляемые директором. Когда дошла очередь до меня, я подошла, поцеловала ей руку и сделала глубокий придворный реверанс. Подавая мне свою фотографию и традиционную памятную медаль, Мария Федоровна спросила меня, подчеркнуто приветливым тоном, как здоровье моего отца.

Когда я рассказывала папе об этом, он был тронут, что Государыня простила его за то, что он предпочел

«новый Двор», как в окружении вдовствующей Императрицы называли свиту Николая II.

Через несколько дней я записалась в педагогический класс, который открылся в гимназии. Новый диплом давал возможность после годичного обучения стать преподавательницей в начальных классах гимназии.

Мои подруги удивились: «Тебе же необязательно надо работать? Зачем тебе еще целый год торчать в гимназии?» Я не знала, что им ответить. Как объяснить свою внутреннюю потребность получить специальность? Война прервала нормальный ход вещей.

Будущее было неизвестным и полным угрозы. Я не хотела быть беспомощной в жизни, как многие девочки моего круга, которые без защиты своей семьи были совершенно неприспособлены к жизни. Наши хорошие годы давно прошли, и мы погрузились в эту войну, которую считали всего трехмесячной...

НЕ СТРОИТЬ гримас, не отчаиваться, не грустить, не пасть жертвой усталости! Это была *idée fixe*, овладевшая мною в этот первый год войны. Я хотела быть достойной наших молодых людей, самоотверженно рискующих жизнью на войне. На каждое новое испытание я отвечала усиленной деятельностью. Со всей серьезностью старалась преодолеть все трудности, выпадавшие на мою долю: моя роль хозяйки дома и нашего частного лазарета и, наконец мое учение. Я точно знала, что если хоть на мгновение я допущу меланхолию, у меня уже не будет сил сопротивляться.

Однако очень трудно скрывать от близких людей симптомы глубочайшего утомления. Постепенно я теряла сон и аппетит, мое здоровье пошатнулось. Очень озабоченный этим, папа вынудил меня взять короткий отпуск и провести его в Финляндии у дяди Саши. Тетя Рая, которую война лишила ее любимого занятия — путешествовать, согласилась меня сопровождать. К сожалению, мы не могли поехать в имение Ино. Дядя Саша боялся немецких обстрелов, что было вполне возможно из-за близости военных укреплений. Эта мысль меня пугала, впервые у меня появилось

чувство, что XX век совсем не то счастливое и мирное время, о котором моя мать мечтала еще в 1908 году. Мы оказались во времени, которое могло стать еще более варварским, чем старое, которое так пугало меня в детстве.

Мы поехали в другое имение, которое находилось у дяди Саши посреди финских лесов, далеко от любого города, на берегу озера, где была масса водоплавающих птиц. Имение называлось Мурило и состояло из двух маленьких домиков, частично каменных, частично из бревен, с узкими окнами и высокой острой крышей, чтобы с нее скатывался снег. Зимой, во время охоты на оленей или медведей, это были охотничьи домики.

ТЕТЯ МАРИЯ была рада возможности нас принять, но из-за нехватки места меня поместили в одной комнате с тетей Раей. Мамина кухня была не в восторге от моего соседства, но из вежливости промолчала. Перед сном она приветливо пожелала мне «спокойной ночи». В полусне я иногда слышала, как она ворочалась в постели, но я была слишком усталой, чтобы обратить на это внимание.

На следующее утро тетя Рая встала первой и ожидала нас на террасе к завтраку. Дядя Саша пришел последний, по своей привычке он обходил ночью имение. Он был очень доволен и бросал многозначительные взгляды на тетю Раю. Затем он выждал тихий момент и серьезно заявил: «Сегодня ночью я нашел в усадьбе труп».

«Что? Но это же ужасно! Ты говоришь такие ужасные вещи!» — воскликнула тетя Мария.

«Дай же мне договорить, — перебил ее дядя Саша. — Я совершал свой обычный обход, было уже довольно поздно, я был на берегу озера и вдруг увидел большой черный пакет, имеющий форму человеческого тела. Я подошел поближе... Нет, сомнения не было — это был мертвец. Но мертвец любил комфорт и спал на подушке. Я приподнял немного одеяло и что же я увидел? Тетя Рая, живая и здоровая, мирно похрапывала, завернувшись в свой плед. Вот как мы относимся к нашим гостям! Они так плохо размещены, что предпочитают спать на природе».

После этого случая к привычкам тети Раи отнеслись внимательнее. Ее постель поставили в столовой, которая летом пустовала, и остаток нашего пребывания прошел без всяких происшествий.

ИГОЛКИ лиственниц, обрамлявших террасу, подрагивали от легкого ветерка. Мы собрались вокруг большого самовара, пили чай и наблюдали за косяками диких уток над озером. Под уходящими лучами солнца стволы деревьев в лесу казались горящими. Каким тихим был этот летний вечер и как далек от войны!

«Ага! У нас гости», — заметил дядя Саша между прочим. Гудки автомобиля и шум моторов достигли и наших ушей. Через мгновение два автомобиля остановились у лестницы: маленький элегантный «Мерседес» и другой, побольше, с придворным шофером, который был членом секты молокан. Из автомобилей выбрались три молодых человека. Двое из них вылезли с трудом, потому что были ранены в ноги. Наконец с достоинством появился папа. «Мы приехали за тобой. Без тебя в доме пусто».

Это были два моих брата, Андрей Дитрих, Сухотин и Лев Корбе, который очень элегантно выглядел в форме Кубанских казаков. Несмотря на свое отвращение к гостям, дядя Саша оказался очаровательным хозяином. Слуги быстро накрыли в саду столики и принесли закуски — сыр, пирожки, холодную говядину, рыбу, картофельный салат, крутые яйца, огурцы, клубнику... У тети Марии всегда было полно всего в запасе.

Во время еды сразу заговорили о войне. Наши части опять сдали завоеванную с таким трудом Галицию. Как много напрасных жертв! Это было непостижимо. Дядя Саша ругал Ставку. «Это или изменники или совершенно неспособные люди. В любом случае их надо поставить к стенке!»

Мысль, что некоторые представители верховного командования могли бы оказаться предателями, очень взволновала молодых офицеров. Но военный министр, генерал Сухомлинов, был снят. Дядя Викар не ошибался. Один из ближайших сотрудников министра — Мясоедов — был

осужден и приговорен к смерти как немецкий шпион. Дядя Саша упомянул и другие фамилии, которые подтвердил и Сухотин. В их глазах ситуация стала критической. Чтобы еще как-то избежать катастрофы, нужно было принять энергичные меры в высших инстанциях. «Без сомнения, были допущены ошибки, — заметил Лев Корбе, — это часто бывает в такой трудной ситуации. Но не нам, молодым офицерам, об этом судить. Если мы допустим дух критики, мы погибли. Если хочешь хорошо сражаться, все сомнения надо подавить. Наши солдаты бьются необыкновенно и нуждаются в нашей доверии, нашей вере в победу». Лев Корбе говорил спокойным, четким голосом. В общем он не хотел принимать участие в беседе и довольствовался тем, что слушал со вниманием, не принимая ничьей стороны. Я удивлялась его спокойной решимости. Если бы я осмелилась, я бы дала ему понять, как хорошо влияло на меня его присутствие. Но его отчужденность меня пугала, и он сам, кажется, боялся остаться со мной наедине.

Папа согласился с его словами и постарался сменить тему. Война вскоре была забыта, и хорошее настроение вернулось вновь. Мы уехали из Мурило только поздно вечером. Дядя Саша, тетя Мария и тетя Рая оставались. Они стояли на лестнице при свете фонаря, который принес лакей, и смотрели, как мы исчезали из виду.

Еще ощущалась дневная жара. «Мерседес» шел на хорошей скорости сквозь ряды величественных больших неподвижных лиственниц. Папа сидел со мной на заднем сиденье, Глеб и Лев — на раскладных, напротив нас.

Обратный путь был удивителен, как в сказке, и я его никогда не забуду. Была белая ночь, одна из удивительных северных летних ночей, во время которых дневной свет переходит в светлые тени сумерек. Нежный, белый туман, казалось, летал в воздухе, неуловимый и прозрачный. Лес пробегал мимо нас. Меня охватило незнакомое до сих пор ощущение счастья. Мне казалось, что я здесь и одновременно где-то далеко, как будто моя душа отделилась от тела. Против меня сидел Лев в папаше. Он улыбался. Я чувствовала его рядом, как составную часть этой белой ночи,

которая меня околдовала. Никогда в жизни я не испытывала раньше такого нежного, светлого ощущения. Мне хотелось, чтоб это никогда не кончалось, но оно кончилось вместе с поездкой, как кончается сон. Когда я вошла в свою комнату в Царском Селе, чтобы лечь наконец спать, я увидела на секретере длинный кинжал в ножнах, который лежал в серебряном футляре. Перед кроватью стояла пара сапог, мягких, лаковых, какие носили кавказские казаки. На кресле лежали галифе. Во время моего отъезда папа разрешил Леве спать в моей комнате. Я собрала его вещи, чтобы отнести ему, когда он постучал в дверь. Немного растроганная, я отдала ему его имущество. Он поблагодарил, улыбнувшись, и повернулся к выходу. Мы не сказали друг другу ни слова, даже не подали на ночь друг другу руки...

Лев провел у нас еще почти неделю. Папа предложил ему постель Дмитрия. После его смерти на ней никто не спал.

Лето было еще теплое. Мы проводили дни в болтовне на террасе первого этажа или гуляли в саду.

Совершенно неожиданно Лев однажды сбросил свою кавказскую форму, положил ее на траву, оставшись в блестящем облегающем черном шелковом бешмете. Со всей силой своих двадцати лет он подпрыгнул, схватившись за дождевую трубу, и не спеша подтянулся до края крыши. Как канатоходец, раскинув руки для равновесия, он прошел по краю крыши над Садовой улицей. Затем он так же ловко спустился. Мы смотрели, затаив дыхание. «В Пажеском корпусе он был самый сумасшедший из всех, — таинственно шепнул мне Андрей Дитрих. — Не проходило и дня, чтобы он не выкинул бы какого-нибудь фортеля».

Я задумалась. Лев был со мной всегда так предупредителен и корректен! Сегодня он нарушил правила, как будто не мог больше сдерживаться, показав мне свою другую сторону, спрятанную до сих пор от меня.

На следующий день он уезжал на фронт. Мы все провожали его на вокзал. Папа пытался быть веселым,

как будто хотел вдохнуть в нас мужество, но я чувствовала, что он глубоко потрясен. При прощании он прижал Леву к груди. Для него было несвойственно открывать свои чувства, и мне даже показалось, что в его глазах в этот момент блеснули слезы. На обратном пути он отвел меня в сторону: «Лева уверен, что был у нас в последний раз. Он ожидает своей скорой смерти. В последнюю ночь он видел необычный сон, о котором мне рассказал: он стоял на берегу реки, на другой стороне был Дмитрий, который кричал тихим голосом: “Иди ко мне, я жду тебя”. Как загипнотизированный, Лева прыгнул в реку, переплыл на другой берег, где Дмитрий подал ему руку, и оба удалились в ночь. Рассказав это до конца, Лева добавил: “Дмитрий меня позвал, я иду к нему, так и будет”».

ЛЕВ КОРБЕ не ошибся. Через месяц он погиб в засаде от немецкой пули. Так же как и тело Дмитрия, его тело не было найдено.

Панихида была позже, в серый дождливый осенний день. Семья Левы была невелика, а его товарищи были или ранены или на фронте. В почти пустой церкви свет от свечей не мог разогнать полутьму, в которой раздавались торжественные звуки церковной службы. У меня вдруг как будто сломалось что-то в сердце, горе охватило меня, и я не могла удержать рыдания. После смерти Дмитрия я не плакала. При выходе папа сделал мне строгое внушение о моем неслыханном поведении. Было недопустимо так плакать в общественном месте, в особенности если ты не принадлежишь к семье усопшего.

Оставшись снова одна в своей комнате, я бросилась на постель, в которой спал тогда Лева. Воспоминание о необыкновенной белой ночи в Финляндии вновь охватило меня, и я рыдала: Дмитрий, Николай Шувалов, Петя Гудович и теперь Лев Корбе... Все они, умершие, вокруг меня. Молодые, вдохновенные лица, которых я больше никогда не увижу.

Миша Безобразов и Андрей Дитрих тоже были отправлены на фронт. Без старых друзей Дмитрия наш дом

казался мне пустым. К счастью, Николай Васильев, молодой раненый сибирский стрелок, которого я навещала с папой в лазарете, пришел к нам в гости, как и обещал. Хотя у него и был пропуск до вечера, ему нельзя было покидать лазарет из-за сложного ранения. Это был молодой человек лет за тридцать, умный, веселый и жизнерадостный. Мы сразу стали симпатизировать друг другу, и очень скоро он взял в привычку почти ежедневно приходить к нам поболтать. После краткого генеалогического исследования он установил родственные связи между нашими семьями и доказывал каждому, кто хотел его слушать, что я являюсь его тетей. Хотя он был вдвое старше меня, он всегда торжественно кланялся мне, целовал мне руку* и называл меня «тетушка».

Его посещения меня очень развлекали. От природы дилетант, он никогда всерьез не учился, но был широко и разнообразно образован. Репертуар его шуток был неистощим, и он рассказывал их с неотразимым холодным юмором. Никогда нельзя было знать, надо ли смеяться или быть серьезным.

Васильев лечился в госпитале «Имени Марии—Анастасии», и обе Великие Княжны никогда не пропускали возможности его разыскать. Он, ни капельки не стесняясь, старался развлечь их разными смешными историями, которые для них были своеобразным отдыхом от строгой атмосферы двора. Позже я поняла, что Николай Васильев под своей веселой манерой скрывал застенчивость и ранимость души.

Однажды в конце лета я с Глебом была в кабинете, когда Николай вошел с ужасной миной и трагическим голосом объявил: «Я убийца. Я его убил. Да, я убийца». Моей первой реакцией было поверить, что он опять шутит, так комично выглядело его лицо, обезображенное гримасой боли.

«Пожалуйста, я прошу вас, не смейтесь. Мне, кажется, я убил Константина Мельника!»

* В России, по обычаю, целовать руку принято только замужним женщинам.

Великие Княжны Мария и Анастасия навещают раненых в лазарете, который носил их имена. 1915 год

«Вашего украинского соседа? Но этого же не может быть?»

«Нет, может. Все утро до обеда я рассказывал ему всякие смешные истории, чтоб его немного подбодрить. Он так смеялся, что началось внутреннее кровотечение. Вы знаете, что он был тяжело ранен, — он захватил артиллерийский расчет, но пуля пробила ему печень и легкое. А я об этом не подумал. Я был охвачен своим энтузиазмом рассказчика. Я — дурак несчастный». Отец занялся Константином Мельником, который опять действительно находился в опасности. Но этот молодой человек исключительно хорошей конституции выносил боли с терпением и мужеством, что поражало весь персонал лазарета. В соседней палате Николай Васильев не мог спать. Мучимый угрызениями совести, он не решался даже прийти к нам в гости.

ДЛЯ ГЛЕБА и меня в конце августа 1915 года начались занятия в гимназии, как и в прошлые годы.

Я была теперь в новом, так называемом педагогическом классе, и мне это нравилось. Частично моя работа состояла в том, что я давала сама уроки в присутствии учителя в младших классах. У меня было чувство, что изучаю настоящую профессию, чтобы стать полезной. Классной дамой была госпожа Битнер, которую я знала со времени моего поступления в гимназию. В начале войны она сдала экзамены на медицинскую сестру, и после работы занималась ранеными в одном из самых больших госпиталей Царского Села. Иногда я ее встречала, когда сопровождала папу по визитам, и у меня появилось к ней глубокое чувство приязни. К началу учебного года Юрий появился для сдачи экзаменов. Несмотря на пессимистические предсказания Сухотина, он хорошо сдал и был произведен в капитаны. Он пошел в Царский Стрелковый полк. Так как он уже поправился, то вскоре должен был опять идти на фронт. Для папы и для меня это было тяжелым испытанием, но мы должны были смириться. Больше чем когда-либо Россия нуждалась в каждом боеспособном мужчине, чтобы защищать свои границы.

Государыня, которая всегда трогательно нами интересовалась, дала Юрию аудиенцию перед отъездом, как делала это для всех отъезжающих на фронт молодых офицеров. Ее Величество приняла его очень просто в своей маленькой гостиной в присутствии двух старших Великих Княжон. Она передала ему как благословение маленький молитвенник и задала несколько вопросов о его учении и его плене. Юрий был польщен интересом, который проявила к нему Государыня, но одновременно очень стеснялся. Покидая комнату, он споткнулся о ковер и чуть-чуть не растянулся во всю длину. Но Государыня и Великие Княжны, конечно, сделали вид, как будто ничего не заметили.

СЕНТЯБРЬ месяц 1915 года стал для нашей армии катастрофой. Чтоб остановить русское наступление, немцы поспешили на помощь Австро-Венгрии, которая была их союзником, и русские должны были отступить на всех

фронтах. Галицию, которую мы так блестяще завоевывали, мы должны были опять полностью освободить. Польша была завоевана, так что теперь нависла угроза нашим границам. В такой серьезной ситуации Государь решил сам возглавить нашу действующую армию.

«Вы не можете себе представить, — доверился он Жильяру, — как меня угнетает это стояние далеко от фронта. Здесь заботятся лишь об интригах, а там впереди борются и умирают за Родину. На фронте одно чувство сильнее всех других — воля к победе»⁶⁵.

В своем большинстве армия с восторгом приняла решение Царя. Правительство же было озабочено: отдаленность Государя от столицы вынудило бы Государыню принять на себя дела государства, а это открыло бы Распутину все двери.

Жильяр писал: «В эти трудные часы Государыне необходимо иметь моральную поддержку и как раз у того, кого она считала спасителем своего сына, но и представителем народа, которого избрал Бог для спасения России и своего Государя»⁶⁶.

Наследник сопровождал Государя в Могилев, где находилась Ставка. Они спали в одной комнате на походных кроватях. Мой отец несколько раз посещал их, чтобы заменять отсутствующего профессора Федорова. Наследник был все время в сопровождении Жильяра, который ежедневно с ним занимался. Приветливость Государя, его спокойствие и предупредительность немного освещали строгую жизнь в Ставке. После ужина, перед тем как идти к себе в кабинет работать, Государь позволял себе сыграть партию в домино с членами своей свиты, пил традиционный вечерний чай, который сам наливал в стаканы в серебряных подстаканниках.

В первый же вечер, когда он взял на себя функции Верховного Главнокомандующего всеми военными силами, была получена победная телеграмма от генерала Щербачева, который опять перешел в наступление в Галиции. Были уничтожены две немецкие дивизии, взяты в плен пятьдесят офицеров и семь тысяч солдат. После нескольких

отступлений Русской армии удалось опять стабилизировать фронт, что принесло немцам, рассчитывавшим на быструю победу, разочарование.

Под Верховным командованием Государя наши армии опять черпали вдохновение. «Было ли это ложное заключение? — спрашивает Жильяр. — В русском народе слишком крепко сидит монархическое чувство»⁶⁷.

«К сожалению, — говорил мне доверительно отец, — за малейшую ошибку сразу же сделают ответственным Государя».

Глава XVIII

Святость Распутина

МИХАИЛ БЕЗОБРАЗОВ в форме гвардейца выглядел действительно превосходно. Он стоял передо мной и очень нежно смотрел с высоты своего роста своими большими, темными, с золотыми искорками глазами. Я была не в состоянии пошевелиться и сказать что-нибудь. Его лицо приблизилось к моему. Он обнял меня и очень нежно дотронулся губами до моих губ. Мой первый поцелуй...

Я помню, как галун его серебряного погона расцарапал немного мою щеку, но это было неважно — мы только что дали друг другу обещание в вечной любви... Вскоре после отъезда Васильева на фронт папа пригласил Мишу Безобразова в наш маленький лазарет подлечиться от последствий только что перенесенной операции. Глеб и я были очень рады этому. Его присутствие напомнило нам о наших дорогих покойниках и внесло в нашу жизнь нечто от жизнерадостности Льва и Дмитрия. Сначала я старалась не отдавать Мише предпочтения и вменила себе в обязанность вести себя с ним так же, как с другими ранеными. Но мне это давалось с трудом. После уроков в гимназии мы с Глебом оставались в комнате Миши. Мы болтали или играли в «паззлы», раскладывая их на большой доске для рисования у него на постели. Понемногу отец разрешил ему вставать сначала рано по утрам, а затем на весь день. Так как выходить из дома ему еще не разрешалось, то он

проводил время со стихами Пушкина или Лермонтова, выучивая их наизусть и потом, когда я возвращалась домой, читал их мне. Несмотря на присутствие Глеба, я угадывала по Мишиному волнению в лирических пассажах, что его чувства ко мне становятся все горячее. Я же поняла, что все сильнее ожидаю свиданий. Мне кажется, что через две недели мы друг в друга влюбились.

Папа быстро открыл наши чувства. Он не вмешивался, не подавал вида, но хотел прояснения ситуации. Поскольку здоровье Миши больше не требовало его присутствия у нас, он рекомендовал ему поехать домой и там окончательно встать на ноги. Между нами не было объяснения или обещаний, и поэтому наше прощанье было просто меланхоличным, без особой печали и сердечной боли. Через три дня после отъезда Безобразова папа пришел, как всегда, вечером ко мне в комнату. Спокойным голосом он сообщил, что только что звонил Миша. «Он сказал мне, что не может привыкнуть быть вдали от нас, в первую очередь от тебя. Я ему возразил, что понимаю его чувства, но в случае его возвращения к нам настаиваю на обручении. Тогда он сразу же попросил меня оказать ему честь и разрешить просить твоей руки. А теперь все зависит от тебя...»

«Тогда: да».

Я ответила не колеблясь, как будто это было заранее решено — стать женой Миши Безобразова. «Дмитрий, — думала я, — одобрил бы мой выбор».

Отец, казалось, был очень рад.

«Я тоже не желаю для тебя лучшего жениха, — сказал он. — Молодой человек интеллигентен, не легкомыслен, и мне кажется, у него серьезные намерения. Конечно, он должен поговорить со своей матерью и написать отцу, который находится на фронте. До тех пор не должно быть официального объявления. В присутствии гостей вы должны вести себя так, как будто вы не помолвлены».

На другой день Миша появился к чаю. Дома был папа, Глеб и госпожа Дохтурова. Мы очень строго поздоровались и очень старались не выдать свой секрет посторонним. Миша сиял; немного напуганная, я потихоньку за ним

наблюдала, и у меня возникло странное ощущение, как будто я вижу его впервые. Когда чай был окончен, папа попрощался и пошел во дворец. Госпожа Дохтурова спустилась к раненым в палаты, а Глеб просто исчез. В первый раз я осталась с Мишей наедине. Миша приходил регулярно, каждый день к чаю, после чего я имела право до ужина оставаться с ним вдвоем в моей комнате. Мы обменивались поцелуями, а потом долго болтали. Мы говорили о прошлом, о счастливом времени, когда Дмитрий и Лев были с нами.

С тех пор как ушла наша прислуга, Василий должен был обеспечивать также и телефонную «службу». С восторгом, при первом звонке мчался он к телефону, кричал громко в трубку: «У телефона преданный слуга, с кем желаете говорить?» К большому огорчению, я не смогла переубедить его говорить иначе.

Однажды после обеда, когда я ждала с нетерпением прихода Миши, я вдруг почувствовала физическую боль в груди. Из передней донесся голос Василия: «У телефона графиня Безобразова, хочет говорить с Его Превосходительством».

Когда папа заговорил, меня обуял страх и стыд. Как же должна обо мне судить госпожа Безобразова, после того, как она услышала по телефону в доме Боткиных невежественного слугу. Я была так взволнована, что не слышала, как папа договаривался о встрече.

Когда мать Миши пришла к нам, я потихоньку за ней стала наблюдать, не показываясь и боясь мысли быть ей вскоре представленной. Это была красивая дама, одетая с безупречной элегантностью, высокомерное выражение лица которой произвело на меня впечатление. Папа имел с ней долгую беседу, после чего пригласил меня, чтобы представить. Взглянув ей в лицо, я сразу поняла, что должна выдержать сильное разочарование.

Госпожа Безобразова поздоровалась со мной с холодной вежливостью, не сказав мне ни слова, и вскоре распрощалась. Папа ласково положил руку мне на плечо: «Госпожа Безобразова находит, что намерения ее сына преждевременны. Тебе 17, ему 19 лет. Она считает, что лучше было

бы подождать. Она против того, чтобы Миша считался официально твоим женихом».

На следующий день пришел озабоченный Миша. Как только мы остались одни, он взял мою руку и рассказал, что получил письмо от своего отца. Смущенно подал он мне листок бумаги, вынув его из кармана. В нем содержалось предостережение генерала Безобразова своему сыну, в котором он настоятельно рекомендовал держаться по отношению ко мне более сдержанно и избегать интимности. Он напоминал Мише, что офицер гвардейского полка должен иметь невесту равного происхождения. Боткины получили дворянство только недавно, в третьем поколении. Если он будет держаться своих брачных планов, которые из-за нашей молодости так быстро не осуществляются, ему придется выйти из полка.

Это письмо повергло меня в глубокое уныние, но Миша поторопился изменить мое настроение: он никогда от меня не откажется, даже если придется покинуть полк. Гвардейский полк ему не так дорог, как я.

Из-за своей честности Миша решил показать это письмо моему отцу и просил разрешения посещать нас, как прежде. Он хотел, чтоб его считали моим женихом. Отец ничего на это не сказал, но разрешил посещать наш дом, при условии, что наше обручение останется в тайне.

Несмотря на разочарование, я продолжала надеяться. Как и прежде, я принимала Мишу в моей комнате между чаем и ужином. Каждый раз, проводив его в прихожую, я приходила в маленькую гостиную, где задерживалась госпожа Дохтурова, с немного растрепанными волосами и горящими щеками. Она смотрела на меня своими добрыми близорукими глазами и приветливо говорила, проходя мимо: «Милое дитя, будьте осторожны!»

Эти слова оставались для меня загадкой. Через несколько дней Миша уехал на фронт и оставил мне, как залог любви, браслет из тяжелого золота.

«СЕГОДНЯ годовщина смерти Дмитрия», — сказал папа. В этот ужасный день он прилагал много усилий, чтобы

скрыть свое горе. Он старался соблюсти приличия, но я чувствовала, как он устал, и его страдальческое выражение лица расстраивало и меня. Как он постарел за этот год!

Письмо, полученное нами от Юрия, тоже не способствовало утешению. Он писал, что от вечного стояния в окопах схватил воспаление легких. Военврач отправляет его обратно, и он скоро приедет для лечения. Юрий прибыл даже раньше, чем мы ожидали. Я была одна дома. Он опять сильно похудел, но мог все-таки двигаться без посторонней помощи.

«Прежде всего, — объявил брат, — я хочу принять ванну».

Это было правильно, он выглядел действительно ужасно грязным. Он, который так много обращал внимания на одежду, был в совершенно грязной, местами рваной одежде.

Василий торжествовал. Как всегда, открыв дверь, он заорал так, как делал это каждое утро при наших раненых: «Бриться, стричься и мыться, братец». Он быстро побежал напустить ванну и помог Юрию раздеться, отнес его вещи в прачечную с видом отвращения и, смеясь, воскликнул: «Даже мужик не надел бы такое».

Я пошла к Юрию в комнату. Он уже лежал. Я подошла к кровати, и он взял меня за руки: «Я слышал, что ты выходишь замуж за Мишу. Я поздравляю. Он достойный человек. Мне кажется, вы будете счастливы».

Я начала рассказывать ему все подробности о нашей помолвке, пока не поняла, что закрыв глаза и, держа мою руку, он мирно уснул.

КАТАСТРОФЫ не прекращались.

Утром, в день смерти Дмитрия, папа сказал, что молодому Наследнику, которого он так любил, опять угрожает смерть. В зиму 1915 г. здоровье Цесаревича было удовлетворительным, и Государь считал необходимым показать одиннадцатилетнего сына войскам, командование над которыми он принял. С 11 октября до 3 декабря они объехали фронт с юга на север: осматривали полки, делали краткие выезды на передовую и посещали госпитали.

Как свидетельствовал Пьер Жильяр: «Восторг был грандиозным не только у солдат, но и у крестьян, которые при каждой остановке Царского поезда, собирались толпами со всей округи, чтобы посмотреть на своего Государя и Наследника и выражали свой восторг. 14 декабря, в четверг, Алексей Николаевич, простудившись накануне, получил сильный насморк, начал чихать, что вызвало сильное кровотечение из носу... Ночью ему стало хуже, температура поднялась, и он на глазах слабел»⁶⁸. Профессор Федоров решил отправить его в Царское Село. Несмотря на усердное лечение, продолжалась потеря крови, и поезд пришлось часто останавливать.

Эту ночь верный матрос Нагорный, ни на минуту не оставлявший Царевича одного, поддерживал его голову на подушках. Силы Наследника заметно убывали, и он потерял сознание. Кровотечение прекратилось лишь к утру.

По прибытии пациента в Царское Село произошло событие, которое прояснило феномен Распутина.

Анна Вырубова рассказывает в свойственном ей экзальтированном тоне: «Я была у Царицы, когда пришла телеграмма о предстоящем возвращении Царя и Наследника в Царское Село, и я никогда не забуду страх и горе, с которым бедная мать ожидала своего больного, может быть, умирающего ребенка. Я тоже не могу забыть восковую бледность маленького заострившегося лица мальчика, когда его очень осторожно несли во дворец и положили на его маленькую белую постель. Поверх окровавленных бинтов на нас смотрели умоляющие глаза, и все, стоявшие у постели, думали, что настал последний час несчастного ребенка. Врачи делали все что могли, чтобы остановить кровотечение. В отчаянии Государыня велела позвать Распутина. Он вошел в комнату, перекрестил постель, и, строго взглянув на ребенка, сказал: “Успокойся. Ничего не случится”. После чего вышел из комнаты и покинул дворец. Вот и все. Мальчик заснул, и на другой день ему стало так хорошо, что Государь отправился в Ставку»⁶⁹.

Пьер Жильяр дает существенно более трезвую версию происшедшего: «Исключительно осторожно пациента

внесли во дворец. Наконец удалось остановить кровотечение»⁷⁰.

Здесь я привожу свидетельство моего отца: «Распутин был допущен в комнату Царевича только на следующий день после прижигания. Пациент, который обычно очень медленно набирался сил, был в это время уже вне опасности»^{*}.

«Государыня, — пишет Жильяр, — приписала наступившее утром улучшение состояния Царевича молитвам Распутина»⁷¹. «Старец» вернулся с триумфом домой и, как позднее установила следственная комиссия Временного правительства, сказал: «Теперь Царь будет слушать мои советы».

Новое заболевание Царевича произошло как раз в поворотный момент в истории России. «Страдание сломило Государя, — замечает Жильяр, — он переживает мистические периоды, во время которых теряет ясное суждение о людях и событиях. Его вера в святость Распутина подтверждает это. С другой стороны, Государыня все больше принимает участие в государственных делах, чтобы помочь своему мужу, который под ношей ответственности выглядел все более удрученным»⁷². Жребий был брошен. Следственная комиссия Временного правительства в конце концов установила: «Необычная природа этого вышедшего из повиновения мужика открывает яснее сущность того, что та пуля, которая оборвала его жизнь, попала одновременно в сердце правящей династии»⁷³.

Рождество было слишком близко от дня смерти Дмитрия, чтобы мы могли веселиться или ходить на приемы. Вечер перед Новым годом, после гимназии, я посвятила раненым, чтобы немного облегчить их грустную участь быть вдали от дома и семьи. Папа, как всегда, провел вторую половину дня в Красном Кресте. Перед приходом домой он еще позвонил по телефону, чтобы сообщить мне, что приведет к ужину украинского друга Васильева.

^{*} Этот случай подтверждает предположение следователя Соколова о том, что Распутин вмешивался тогда, когда точно знал от Вырубовой состояние больного и имел квалифицированную оценку течения болезни, которую представлял ему доктор Бадмаев.

Подпоручик Константин Семенович Мельник в полевой форме Сибирских стрелков. 1915 год

«Константина Мельника»? — удивилась я.

«Да, — ответил он. — Его как раз отпустили из лазарета, а раз в Петрограде он никого не знает, я подумал, что ему будет приятно встретить Новый год в нашем обществе. Ты увидишь, он очень приятный молодой человек».

Когда открылась входная дверь, и папа вошел, мы увидели за его спиной темноволосого великана с характерными чертами лица, в прекрасно сидевшей на нем военной форме, не имевшего ничего общего с небрежными манерами многих из его соотечественников. У него, правда, не было пажеского лоска, но элегантности ему хватало. В профиль, своим немного горбатым носом и зорким взглядом, он напоминал мне хищную птицу. Несмотря на свое провинциальное происхождение, он говорил по-русски чисто, без украинского акцента.

Сухотин, явно предпочитавший нашу семью своей семейной жизни, был тут же. Со своими как

бы размытыми чертами лица, маленькими в серебряной оправе очками, и выражением лица нервного интеллектуала, он был полной противоположностью нашему новому гостю. «Я не могу предсказать ничего хорошего для будущего, — сказал он в конце обеда. — С отъездом Царя обратно в Ставку Распутин стал при Дворе всемогущим. Он диктует Царице назначение новых министров».

Я поняла, что ему очень хотелось поделиться своим мнением о существующей обстановке. Как только мы вышли из-за стола, он повернул разговор на Распутина. Мельник слушал внимательно и настороженно.

«Жизнь этого человека — постоянный скандал, — продолжал Сухотин. — В Петрограде об этом только и говорят. Он даже не пытается скрыть это, он как будто уверен в своей безнаказанности. В день своих именин он пригласил нескольких дам из высшего общества. Алкоголь лился рекой. С улицы были слышны громкие раскаты его смеха и обрывки пьяного разговора. Чтобы вечер был более пикантным, он позвал девушек из деревни, которые были полностью в его власти, так как “святой человек” больше всего ценит оргии и распутство. Вместо того чтобы обижаться, дамы из общества принимали в этом участие. Возмущенные этим спектаклем цыгане-музыканты отказались играть и ушли домой. В вестибюле стояла полицейская охрана. Наконец мужья этих молодых дам (в большинстве офицеры) ворвались на рассвете с саблями наголо в дом и хотели прикончить Распутина, но полицейские оказали сопротивление. Хозяин дома воспользовался возможностью и скрылся со своими соучастниками с черного хода. Офицеры нашли квартиру пустой за исключением нескольких лакеев и молодых “девушек” в жалком состоянии. И этого человека принимают при Дворе! Государыня делает все, что он хочет. Он выбирает министров! Это уже невыносимо!»

Папа попытался остановить Сухотина:

«Рано или поздно Царь узнает правду».

«Нет, он никому больше не доверяет. У него нет ни одного надежного друга. Все вокруг него законспирировано».

Сухотин говорил со злорадством, в очень неприятном, циничном тоне и, казалось, получал от этого удовольствие. Он добавил: «Пусть теперь сама Государыня убедится в святости Распутина».

«В этом-то и есть трагедия, — сказал папа. — Восстановление здоровья Наследника произвело на нее такое сильное впечатление, да и многие придворные дамы того же мнения, в особенности Вырубова».

«Но Вырубова и Распутин — наемные немецкие шпионы», — возразил Сухотин.

«Простите, господин поручик, — внезапно вмешался подпоручик Мельник и очень пристально поглядел на Сухотина. — То, что вы здесь утверждаете, очень тяжкое обвинение. Если Вырубова шпионка, вы должны это доказать».

Сухотин обомлел. До сих пор он совершенно не обращал внимания на Мельника, который был моложе и младше его чином. Он попробовал говорить в немного презрительном тоне.

«Но все же это дает повод к такому заключению, не так ли? И прежде всего интриги с этим несчастным Григорием».

«Какие интриги? — позволил себе задать вопрос Мельник. — Я понимаю, что Распутина и людей, окружающих его, критикуют, но объявлять их шпионами — это уже другое дело. Если у вас есть доказательства, сообщите их полиции. А распространять бездоказательные слухи бессмысленно и опасно, особенно, если это вредит Их Величествам».

«Не находите ли вы, подпоручик, странным, что в середине войны назначается Председателем Совета министров господин Штюрмер немецкого происхождения, или вы считаете это случайностью?»

Тон Сухотина стал резким, но наш сибирский стрелок не растерялся.

«На это я могу возразить, что в России есть много офицеров с немецкими фамилиями, и несмотря на это, они храбро отдали жизнь за Отечество. Хотя, может быть, этот Штюрмер полный нуль».

«Или предатель», — яростно бросил Сухотин.

«Я того же мнения, что и Мельник, — сказал папа, желая положить конец этому разговору. — Такие вещи нельзя утверждать без доказательств. Во всяком случае мы должны доверять нашему Государю при любых обстоятельствах...»

«Доверять Царю, при любых обстоятельствах...»

С ночи 1 января 1916 года до сего дня я провела больше шестидесяти лет в изгнании и имела время, чтобы подумать об этом высказывании моего отца. Если бы русский народ и русское общество следовали бы своим традициям и основному, согласно положению русской истории, принципу поведения, лицо XX века было бы другим*⁷⁴.

Тогда благодаря объединенным усилиям Франции и Царской России кровавая бойня 1914 года гораздо раньше закончилась, что бы привело бы к неизбежным политическим реформам, тогда вряд ли бы Ленин, которого вынесла на гребень волны усталость от войны, имел бы шанс испытать власть и экспериментировать со своими кровавыми утопиями. Тогда наступил бы мир. Россия, уже тогда зерновая

* Эти мысли о случайности Октябрьского переворота, о несвойственности для психологии русского народа желания революционных переустройств высказывал А. А. Блок в начале мая 1917 года в дневнике еще до того, как пойти на службу к чекистам. «...Порядок требовал людей верующих (вера в помазание) мужественных (нераздрвоенных) и честных (аксиомы нравственности)... Русская власть находила опору в исконных чертах народа... Для того, чтобы вывести из равновесия положение, надо было ждать толчка. Толчок этот, по громадности России, должен был быть очень силен. Таковым оказалась война 1914–1917 года. Надо помнить, однако, что старая русская власть опиралась на очень глубокие свойства русской души, на свойства, которые заложены в гораздо большем количестве русских людей, в кругах гораздо более широких (и полностью, или частями) чем принято думать; чем полагается думать «по-революционному». «Революционный народ» — понятие не вполне реальное. Народ, для которого, в большинстве крушение власти оказалось неожиданностью и «чудом»; скорее просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция» (прим. О. К.)⁷⁵.

кладовая Европы, продолжила б индустриальное развитие, которое началось при Николае II. Что касается Германии, то архивные материалы русских дипломатов, взятые ими в изгнание, основательно доказывают, что императорская дипломатия предусматривала ограничение влияния прусского империализма (без угнетения немецкого народа, в виде Версальского договора), но значительно большее ограничение, как в 1814 году, для строительства нового Европейского равновесия. Не было бы ни Сталина, ни Гитлера, и Россия избежала бы шестидесяти миллионов мертвых и несмываемого стыда «Архипелага ГУЛАГа», зарождавшегося уже в переворотах февраля и октября 1917 года. Каждый благоразумный человек, как говорит русская поговорка, «имеет Царя в голове».

Русская элита, зараженная плохо перевариваемым «западничеством», введенная в заблуждение европейскими демократами, думала проигнорировать эти признаки русского средневекового состояния русского общества. С помощью прусского империализма, который хотел таким образом уменьшить свои военные долги на Востоке, они загнали наш бедный народ в руки «красных царей», одержимых неприемлемой для России экономической идеологией Карла Маркса; не признавая никаких этических и духовных ценностей, они растоптали уважение к человеку и веру в Бога.

Глава XIX

Перелом

В НАЧАЛЕ Великого поста папа взял нас ко всеобщей в Феодоровский собор в нижний храм; когда мы вошли, мы никого не увидели, но перед иконостасом, немного позади, стояла Государыня и обе старшие Великие Княжны. В церкви было довольно темно, и мы деликатно остановились при входе и любовались профилем трех сестер милосердия в белых платьях и в белых косынках. Они были погружены в молитву. Еще до конца службы мы незаметно удалились. На следующий день Государыня попросила

папу не приходиться во время вечерни: озабоченная здоровьем сына и ходом войны, она хотела быть одна со своими детьми, но чуткая, как всегда, к чувствам других, она прислала нам к Пасхе особенно сердечные пожелания.

Впервые после начала войны мы поехали на праздники в Крым. Государыня попросила папу помочь организовать санитарный поезд, которым туда поедут раненые. Папа должен был задержаться на несколько дней в Ливадии, чтобы доложить Государыне о состоянии крымских госпиталей и прежде всего ускорить освящение нового санатория, который создала Государыня недалеко от Ялты. С большой радостью я узнала, что могу ехать тоже как ассистентка доктора Боткина. Этот официальный титул мне очень импонировал, а также меня радовало то, что Юрий и Константин Мельник тоже попали в этот список раненых.

После Петрограда, холодного и мокрого, я была в восторге от Крыма, никогда мною еще не виданного в это время года.

Воткнутой коляске, доставившей нас в Ливадию в Царский дворец, я упивалась запахами множества цветов, которые цвели по краям светлых улиц, извилистыми уступами спускавшихся к берегу. Нас принял начальник интендантской службы в Ливадии генерал Янов, сопровождаемый своими тремя дочерьми, которые в легких бело-розовых перкалевых* платьях были похожи на бабочек. Он проводил нас до дома Царской свиты, где папа обычно останавливался. Мы с Юрием устроились в нем, а Константин Мельник поехал дальше в направлении санатория в Массандру. Папа сообщил мне приятную новость: там, в госпитале, находится Миша Безобразов.

Папа не давал себе ни минуты покоя. Он регулярно сообщал Государыне сведения о состоянии здоровья раненых, находящихся в санаториях, а также о реформах, проводимых им в здравоохранении. Специальный курьер занимался доставкой обширной корреспонденции, которую

* Перкаль — плотная тонкая хлопчатобумажная ткань (прим. О. К.).

папа давал обычно на немецком языке. Одновременно все справки о солдатских семьях в Крыму он передавал Великой Княжне Ольге Николаевне — президенту Общества помощи семьям воинов, находящихся в запасе. Но самой большой его заботой был санаторий в Ливадии, который до сих пор еще не был готов. В этом роскошном здании, план которого был разработан еще до войны, органично соединялся современный комфорт с классической архитектурой. Но работа велась так медленно, что это приводило отца в отчаяние. Он постоянно должен был разбирать жалобы архитекторов, ссылавшихся на трудности с рабочей силой, на невозможность достать нужные материалы, вплоть до дверных ручек. Тем не менее постепенно работа двигалась, и санаторий был почти готов. Когда папа взял меня однажды с собой на стройку, оказалось что рабочие простаивают там без дела. Отец был вне себя, велел позвать архитектора. Я никогда не видела его в такой ярости, как тогда, когда он узнал, что работы прерваны из-за того, что стекла для дверей не присланы в Ливадию.

«Ваша небрежность непростительна, — взорвался он. — Через два дня я привезу священника для освящения помещений, и в тот же день после обеда поступят первые раненые и медицинский персонал».

Через два дня все было готово для принятия первых выздоравливающих — Константина Мельника и Миши Безобразова.

МИША недавно перенес легкую операцию, однако он не должен был еще покидать палату. Когда я пришла его навестить, он лежал на постели в роскошном халате из пурпурного шелка. Кашемировый платок на шее подчеркивал его бледность. После болезни лицо его похудело, и ослепительно белые зубы придавали ему немного жуткое выражение. Никогда я не видела его столь обольстительно прекрасным.

«Дни в этом санатории ужасно длинные, дорогая Татьяна. К счастью, иногда приходит Мельник поиграть со мной в шахматы. Это мое единственное развлечение. Ты

не можешь себе представить, как я завидую свободе твоего передвижения...»

Во время этой речи он смотрел мне испытующе в глаза без всякой теплоты, и мне стало неуютно. Я не находила того настроения, которое владело нами в Царском Селе. Неужели прошло это время, когда мы читали стихи? Мне не хотелось этому верить. Может быть, он подчинился требованию родителей? Ни разу он не упомянул о нашей тайной помолвке. Когда в конце моего посещения он меня поцеловал, похоже было, что он не огорчен расставанием. Я ощутило почувствовала, что он неохотно остается в своей комнате без общества, без разговоров. По дороге в Ливадию я уже не знала точно, действительно ли я счастлива...

КРЫМСКИЙ ВОЗДУХ действовал на Юрия хорошо. Загорелый, прекрасно выглядевший в своей сшитой по моде белой форме, он развлекался, как сумасшедший, с привилегированной молодежью Петрограда. Верховая езда, теннисные матчи, катанье на лодках сменяли друг друга, прерываясь лишь для встреч в чайном домике «Флориан», в отеле «Россия» или на борту одной из яхт, стоявших в гавани. Однажды утром мой брат попросил папу о получасовом разговоре. Ровно через десять минут он, сияя, появился в маленькой гостиной. «Папа согласен», — объявил он радостно. «Согласен? С чем?» — «С моей свадьбой!»

Я как с луны свалилась. Правда, с начала нашего пребывания в Ливадии я часто видела его вместе с многочисленными девушками. Но он не казался увлеченным какой-то одной из них. «Можно мне узнать имя твоей счастливой избранницы?» Он обнял меня и поднял в воздух. От нетерпения Юрий был неудержим: «Нелли. Нелли Абаза, дочь адмирала. Ты ее встречала на благотворительном празднике у Государыни. Сегодня после полудня мы все идем вместе в «Россию» на чай. Во «Флориане» слишком много народа. Я хотел бы представить ее папе в особо благоприятных условиях».

Мне же трудно было представить себе его женатым. Очевидно, он угадал мои чувства по моему выражению лица. «Знаешь, — сказал он совершенно серьезно, — Абаза —

родственники Безобразовых. Я стану Мишиным родственником, кузеном. Это без сомнения расположит их к тебе». Я ничего не ответила. Я снова увидела строгое лицо госпожи Безобразовой у нас в гостиной в Царском Селе. Она держит Мишу под гнетом своего влияния, и я чувствовала, что она не откажется от своей власти.

«ВХОДИ ЖЕ, милая Таня». Я остановилась молча, не в состоянии сделать ни шага дальше. У постели Миши сидела молодая сестра милосердия, погруженная в оживленный разговор. Я попыталась убедить себя, что это совершенно нормально, что больному нужно общество, чтобы немного рассеяться после долгого времени болезни. Но это было сильнее меня: я почувствовала, как мне сдавило виски, и сердце заколотилось в груди. Боже мой, какой я показалась себе смешной. Я ревновала к этой глупой гусяне с банальной внешностью! А Мишино поведение мне казалось особенно пошлым. Снисходительным движением руки он дал мне знак, чтобы я наконец вошла и начал совершенно никчемный разговор, но его тон был умышленно возбужденный и светский. Как только я вышла, меня охватила ненависть к самой себе. Я говорила себе, что мне надо было бы остаться и делать «хорошую мину при плохой игре». Такой человек, как Миша, принадлежавший к высшему дворянству, не мог же влюбиться в простую сестру милосердия! Она была слишком обыкновенной, и, честно говоря, красивой я ее не нашла. Я сама удивилась своей реакции. Но когда я увидела их вместе, у меня появилась уверенность, что меня предали.

Моя гордость не позволяла мне высказать Мише свои сомнения. Я навещала его у него в палате, но наши разговоры стали совершенно незначительными. У меня появилось неприятное ощущение, как будто я краду его время. А он старался меня снова успокоить. Я знала, что эта сестра вечером опять к нему придет, да она сама это и не скрывала. Когда настало время ехать в имение к Абаза на Юрину свадьбу, я пошла к Мише попрощаться. Он был один, и мы поцеловались, однако без малейшего тепла. У него было

жесткое, холодное выражение лица, которого я раньше у него никогда не видела. Казалось, он сердится на меня за то, что я его еще люблю.

КРАСНЫЙ ФОНАРЬ в конце поезда медленно исчезал в бесконечной степи. Было два часа ночи. На пустой платформе маленького уездного вокзала Подольска папа и братья собирали наш багаж. Нас никто не встречал! Повозки, которая должна была отвезти нас в имение к Абаза, не было. К нам приближался мерцающий свет фонаря. Это был начальник станции в надетой на ночную рубашку длинной шинели, в служебной фуражке и с красным фонарем. Не выслушав объяснений, он привел нас в маленький деревянный домик на платформе. Войдя, поставил свой фонарь на земляной пол и дал нам знак, чтобы мы сели на единственную скамейку, находившуюся в помещении. В углу я заметила спальное место и пару одеял. Бедный человек этот, оказывается, здесь и жил. Печка потухла, и в комнате стоял запах дыма.

«Нам нужна коляска и лошади. Нам предстоит еще долгий путь». Начальник станции с непонимающим видом смотрел на папу. Хотя он сказал несколько слов, но в отличие от Константина Мельника его украинский язык был так ужасен, что мы ничего не поняли. Он кивал головой и еще качался всем туловищем вперед и назад. Можно было подумать, что он ненормальный. Ледяной степной ветер дул через плохо пригнанные доски стен. Завернувшись в наши дорожные пелерины, мы дрожали от холода и усталости. Потеряв терпение, папа вынул из кармана мелочь. «Нам нужен экипаж, понимаешь? Должна же быть какая-нибудь деревня поблизости?» Человек подошел к папе, взял деньги и засунул их себе под шинель. Вид денег пробудил в нем жизненные силы.

«Экипаж? Да, Ваша милость. Конечно».

Не сказав больше ни слова, он поднял фонарь, открыл дверь и исчез в темноте. Через час наше внимание привлек звон колокольчиков. На пороге появился старый еврей, запакованный в три теплых пальто и одеяло, из-под меховой

шапки был виден только длинный кривой нос и выпученные глаза, блестевшие при свете фонаря, как у внезапно ослепленной дневным светом ночной птицы. Начальник станции подтолкнул его к нам, очень гордый результатом удачной экспедиции. Бедный возчик почтительно поклонился и показал концом кнута через дверь на упряжку, стоявшую перед домом. Юрий подошел ближе и громко рассмеялся. Действительно, вид был комичный: несчастная коняга в огромных защитных шорах на глазах, красным помпоном на загривке мирно выковыривала копытом и щипала жалкую травку поблизости. Хвост и грива у нее были заплетены в косички, а красная кожаная сбруя украшена медными колокольчиками. Она выглядела как старая цирковая лошадь, запряженная в похоронные дроги. Повозка была выкрашена в черный цвет и определенно предназначена для этой цели. Это, конечно, не выглядело сказочной упряжкой, которая должна везти жениха на свадьбу, но у нас не было выбора. Имение Абаза находилось примерно в двадцати километрах от станции. Сопровождаемые колокольчиками и скрипением колес, мы отправились по песчаной дороге прямо на восток. Перед нами расстилалась степь, величественная и однообразная, как окаменевший океан на мертвой планете. Когда наконец прошло возбуждение от отъезда, папа и братья завернулись в пледы и быстро заснули. В полутьме я видела, как их головы мерно качались между деревянными стенками повозки. Как я завидовала их сну! Несмотря на усталость, я не смогла сомкнуть век. Неприятные мысли одолевали меня. Я видела Мишу в больничной палате, его красивое лицо, отмеченное болезнью, видела его улыбку, предназначенную маленькой сестре милосердия, сидевшей у него в головах. Я снова во всех подробностях переживала эту сцену: комната была полна нежным солнечным светом, молоденькая сестричка, собравшаяся уходить, и остановивший ее жест Миши, и я, судорожно вцепившаяся в ручку двери, с ощущением провала в бездну. Как одиноко и покинуто чувствовала я себя в этой повозке, увозившей меня все дальше в бескрайнюю степь...

Небо на горизонте начинало голубеть. Внезапно оно взорвалось огнем и золотом. Волна света прокатилась по степи, и солнечный диск величественно-медленно поднялся над горизонтом. Все краски заиграли в волшебном блеске. На темно-зеленом фоне луга засверкали вдруг многочисленные дикие цветы. Над нами пронеслась в полете ласточка, славя своим пением праздник этого дня. На скамейках, скорчившись, спали папа и мои братья.

Абазы принадлежали к старому русскому провинциальному дворянству. Они вели очень строгий образ жизни, простой и размеренный, и до них долетало лишь эхо от обычаев и привычек придворной жизни, которую они осуждали.

Отец Нелли, адмирал Абаза, был уже пожилой, полный господин. Ежедневно при любой погоде он вставал перед восходом солнца, чтобы верхом объехать свое поместье. Этот человек из прошлых времен, игравший важную роль во время Русско-японской войны, страстно интересовался новинками сельского хозяйства. Он пытался своим мужикам привить интерес к новейшим методам хозяйствования, вывезенным из Западной Европы и Америки. В своих специально построенных для этого оранжереях он старался вырастить невиданные плоды и сорта овощей, которые демонстрировал потом гостям и членам своей семьи. Считалось хорошим тоном хвалить результаты его экспериментов, даже если на самом деле находили их несъедобными. К свадьбе своей дочери Абаза хотели устроить большой праздник. Были приглашены все соседи. К сожалению, пять сыновей были на фронте, так что многие девушки оставались без кавалеров, образовав довольно бесцветное общество, очень меня смущавшее. Юрий же, наоборот, чувствовал себя как рыба в воде, в хорошо облежавшей его парадной форме он был выше всех, хотя бы по росту, свободно переходил от одной группы к другой, шутил, целовал ручки, выслушивал комплименты.

Маленькая Нелли в белом платье, была просто загляденье и скромно следовала повсюду за Юрием.

Как тяжело чувствовать себя чужой в разгаре таких празднеств. К вечеру я, сославшись на усталость, сбежала

в парк в одну из беседок. Я сидела на скамье и слышала сзади смех и пение крестьян, которые тоже праздновали свадьбу дочери своего господина. С позволения адмирала весь день лилось рекой грузинское вино. Несколько бочек из запасов было выставлено. Женские голоса сливались со звуками гитар и аккордеонов. Сдерживая внезапно нахлынувшие мысли, я обхватила голову руками и вдруг сразу как-то поняла, что никогда больше не увижу Мишу Безобразова.

СРАЗУ ПОСЛЕ СВАДЬБЫ Юрий и Нелли поселились в Царском Селе, и тетя Рая рискнула согласиться на совместную жизнь с нами. Из-за недостатка места мы должны были отказаться от нашего маленького лазарета.

Очень тактичная, почти робкая, молодая жена Юрия старалась никого не стеснить. Как все девушки, воспитанные в хороших традициях русского дворянства, она полностью подчинилась своему мужу. Она жила только для него, и казалось, у нее не существовало других интересов. На ее счастье было трогательно смотреть, так что очень скоро она была признана всей семьей. К моему большому удивлению, Юрий вел себя как образцовый муж. С каждым днем он все больше отказывался от алкоголя и от своих ночных прогулок. Но одна тень витала над их нежным счастьем: Юрий вскоре должен был возвратиться в часть. Его былая восторженность уступила место сомнениям. Война затягивалась и требовала ежедневно новых жертв. О победе говорить не отваживались.

ПРОХОДИЛИ НЕДЕЛИ, но я не получала никаких известий от Миши. Его молчание подтверждало мои опасения. Он больше даже и не думал сохранять видимость. Иногда в приступе гордости я сама думала взять на себя инициативу разрыва. Я выдумывала красивое, холодное, высокомерное письмо, полное вежливых формулировок, которые должны были его задеть и обидеть. Но я не могла взять себя в руки и написать его. Глубоко в душе я все же сохраняла последнюю, как я понимала, абсурдную надежду, что в один прекрасный день он вернется нежным и влюбленным.

К счастью, у меня были занятия, отвлекающие от моей печали. Как прежде, я занималась в кабинете. Я любила видеть свои книги в порядке: красиво переплетенный красно-белый в цветочек словарь, большой французский атлас, подаренный мне дядей Сашей, книги, полученные в виде награды за прошедшие годы, с золотым обрезаем переплета и украшенные гербом гимназии.

С тех пор как у Глеба была своя комната, он почти сюда не приходил, и я чувствовала себя здесь вольготно. Проходя мимо двери, он всегда видел меня прилежно склонившейся над тетрадами и книгами и не мог удержаться от шутки: «Бедная Танечка, ты изведешь себя работой. Если ты будешь гувернанткой у каких-то сопляков, это для них слишком». У меня не было желания отвечать на его насмешки, и я оставалась погруженной в свои тетради. «Прежде твой язычок был острее. Что-нибудь произошло?»

Это было впервые, чтобы Глеб обратил на меня внимание. Я ожидала новых острот, но вместо этого он подошел и молча положил руку мне на плечо. Удивленная, я посмотрела на него. Как он изменился! Я впервые это заметила. Я так привыкла видеть кругленького косолапого мальчика, немного маленького для своего возраста. Теперь мне трудно было поверить, что из него получился высокий худощавый интеллигентный молодой человек, очень обаятельный.

«Пожалуйста, извини меня, я тебя оставляю».

Я почувствовала, как его рука с нежностью погладила меня от плеча до затылка. Это не было уже жестом ребенка. В последующие дни у меня было время, чтобы установить меру его превращения. Глеб был красивый молодой человек с тонким лицом интеллектуала. Трудно было устоять под взглядом его зеленых глубоких глаз с длинными ресницами, как у нашей матери. У него были длинные, очень выразительные пальцы — пальцы художника, которыми он очень гордился. Он хорошо играл на скрипке, а его талант к рисованию все еще вызывал восхищение. Примерно с год уже он находился в дружественных отношениях с Александром Казем-Беком, который был

на год младше. Оба ходили на религиозные собрания, которые организовал их школьный священник. Он объяснял литургию и все ее части. Обсуждал с ними евангельские тексты, и они под его руководством анализировали разные богословские сочинения.

Очень скоро мальчики стали неразлучны. Они обменивались книгами о мистике и с большим воодушевлением часами комментировали их. Я не могла понять их, но находила, что для их возраста они ведут слишком одухотворенную жизнь. Мне все еще не хватало брызжущей жизнерадостности Императорских стрелков и пажей. Кто из них был жив?

«ДЛЯ ТЕБЯ письмо. Из Крыма...» Нелли выглядела радостным вестником. Она подала мне голубой конверт со штампом «Ялта» и незаметно исчезла.

Бедняжка, она и не предполагала!

Мне не надо было открывать письмо, чтобы догадаться о его содержании. Я ждала его слишком долго. Беззвучные слезы покатались по лицу. Это был конец. Не торопясь, я вскрыла конверт. «Моя милая Татьяна...» Я не ошибалась — обычное прощальное письмо. Бедный Миша не очень напрягался. Его строки казались мне такими знакомыми, как будто я их сто раз читала. «Я надеюсь, что мы все же останемся друзьями...» Он не пропустил ни одной штампованной фразы. Слезы потекли по моим щекам, а на следующее утро я написала ему холодное письмо, в котором возвращала ему свободу.

Глава XX

Сражение у Стохода

ИЗВЕСТИЕ о расторжении нашей помолвки Юрий принял очень плохо. Он считал, что Миша оскорбил честь семьи и хотел вызвать его на дуэль. Папа тоже был задет, но приложил все силы, чтобы отговорить брата от этого намерения: «Юрий, это неуместно. Ты хорошо знаешь, что это помолвка была не официальной...»

Но Юрий не сдавался. «Миша обманул Танечку. Он обещал ей жениться. Это оскорбление должно быть наказано!» Мне казалось, что Юрий потерял всякую реальность. Нелли, которая обычно была всегда такой молчаливой, позволила себе тоже вступить в дебаты: «Через два дня ты идешь на фронт. Мише тоже недолго ожидать возвращения. Не кажется ли тебе, что лучше было бы дождаться конца войны и потом уже выполнить свой замысел?»

Охваченный мыслью о мести, Юрий совсем забыл, что должен вернуться к себе в часть. Впервые после женитьбы и при особенно серьезных обстоятельствах он будет оторван от Нелли. На фронте потери были, как и раньше, велики. «Ты права, Нелли, но что касается чести, нельзя поддаваться. После войны мы посмотрим, что будем делать...»

С тех пор как Государь возглавил Ставку, дела на фронте улучшились. После пятидневного штурма наша Кавказская армия под командованием генерала Юденича захватила крепость Эрзерум. Было взято в плен 13000 солдат и 235 офицеров, захвачено 325 орудий. Это громадный успех. Через неделю в Ставку приехала английская делегация, чтобы вручить Царю британский маршальский жезл. Со стороны Английского Короля это было не только признание, но и залог большой дружбы.

После взятия Эрзерума был занят Трапезунд. Наши части освободили Армению, где, как я только сейчас узнала, турки устроили настоящую бойню этому маленькому мужественному и храброму армянскому народу. В мае 1916 года итальянцы испытали сокрушающие атаки и умоляли нас о помощи. Россия почувствовала необходимость изменить свои планы и начать наступление, которое было запланировано только через четырнадцать дней. Наши армии под командованием генерала Брусилова подтвердили свою боеготовность на Юго-Западном фронте. Эффект внезапности действовал превосходно, и в июле мы вновь заняли большую часть Галиции.

«К чему нам победы, — язвил Сухотин, — если в правительстве все идет криво. Ах, этот Штюрмер, он не только председатель совета министров, но и министр иностранных

дел. Он изворотлив. Как может Царь ему еще доверять? Несмотря на возраст, его съедает честолюбие, и все время он занимается тем, что лижет подметки Распутина. Наверное, для этого его назначили!»

Отец был возмущен: «Вы не знаете, что говорите. Если надо наказать виновного, то Царь это сделает. Лучшее доказательство — изгнание Сухомлинова. Он предает его военному суду, невзирая на преклонный возраст».

«Сухомлинова надо было бы давно отставить, — сказал Сухотин. — Он не должен был стать военным министром, а его смещение и перевод в военный трибунал в середине войны — грубая ошибка. Он был все же Царским генерал-адъютантом. Его дискредитация означает дискредитацию Двора».

По лицу отца пробежала грустная улыбка: «Вы, протестующие, все одинаковы! На вас не угодишь! Война всех свела с ума. Она дает всегда трудноразрешимые проблемы, и нам не хватает компетентных лиц в правительстве. Нам нужны такие люди, как Столыпин».

«Может быть, и есть такие люди, — заметил тихо Сухотин, — но не в правительстве».

Папа печально покачал головой: «Мне не хотелось бы никогда в жизни видеть таких людей в правительстве».

КОГДА настал август 1916 года, я уже подготовилась к экзаменам. Голова была забита заботами, и это хорошо действовало против моего горя. В одиночестве, в своей комнате я находила свою судьбу почти переносимой. Я выдержала экзамены без труда.

Теперь с гимназией было покончено. Я намеревалась начать со следующего года сестринское образование. Отец был согласен с моим выбором и обещал поддержку.

Одно известие прервало мои вынужденные каникулы. Юрий, прошедший много ночей подряд в засаде в болотистой местности, схватил особо болезненный ревматизм ног. Его опять доставили санитарным поездом в Царское Село. Нелли, мужественно переносившая его отсутствие, сияла при мысли вскоре снова его увидеть. Но, увидев

это большое тело неспособным самостоятельно подняться (каждое движение вызывало у него гримасу боли), она разразилась слезами. Юрий превратился в настоящего калеку.

Через несколько дней Васильев заявил нам по телефону о своем скором визите. Он был ранен в руку и лежал в госпитале Великих Княжон. Едва появившись, он сразу же хотел подняться к Юрию, чтобы засвидетельствовать свое почтение Нелли. Правая рука у него была в гипсе, но это не помешало ему поцеловать ей руку, как положено. «Я прибыл из Стохода, — сказал он однажды, когда мы сидели вокруг самовара. — Там ад, можете мне поверить. — Он ходил взад и вперед, нервно и спотыкаясь, как когда-то, но его лицо изменилось и потеряло радостное выражение, оно казалось намного старше. — Наши части необыкновенны. В Галиции, в районе Стохода, мы добились больших успехов. Но наши потери колоссальны. Это трудно себе представить. Артиллерийские дуэли ужасны: настоящая лавина из железа и огня...»

Васильев повернулся к Юрию, который, завернув ноги в теплое одеяло, сидел, не шевелясь, в кресле.

«Возможно, ваш ревматизм спас вам жизнь! Гвардия сражалась недалеко от наших сибирских стрелков в центре операции. Раненые рассказывали мне в поезде, что почти все офицеры были убиты».

Взгляд Юрия затуманился. Он, конечно, думал о своих друзьях, которые там остались и которых он, возможно, никогда больше не увидит. Васильев предложил ему сигарету из своего маленького серебряного портсигара, который он, чтобы немного отвлечь, пустил по кругу и гордо сказал: «Это подарок от моей части. Посмотрите на надпись: “16-е ударное отделение своему командиру, лейтенанту Васильеву”. Мы делали вместе невероятные вещи. При отступлении это было самое презируемое отделение во всем полку. Шестнадцатое? Ах, эти? Они последние, это отделение для самых неспособных, полумертвых. Но когда я принял командование, я им сказал: «О вас плохая слава, с вами обращаются, как с самыми последними из последних».

Я вам обещаю, что все будет иначе. Мы станем 16-м штурмовым отделением!»

«И как вы это сделали?» — спросил Глеб с удивлением.

«Не мне об этом говорить. Но одно верно, все эти люди могли больше не стыдиться!»

Звук подъехавшей к дому коляски прервал наш разговор. Глеб бросился к окну.

«Это Мельник! Это он, с бородой и на костылях!»

Васильев сразу встал. «Знаете, — сказал он, — этот человек совершенно не такой, как другие. Как я вам говорил, у нас уже почти не осталось офицеров. В последний раз, когда я его видел, он командовал целым батальоном».

«Батальоном? — переспросил Глеб. — Но у него же нет чина, и его возраст не подходит для этого!»

«Мой мальчик, в таких случаях считаются только с заслугами. Знаешь, что может Мельник? Дай ему десять человек, и он проделает работу сотни с минимальными потерями. Он появляется в опаснейших местах, не кланяясь пулям. Его люди говорят, что он заговоренный, и они правы. Этот раз я думал, что его больше никогда не увижу. Что меня заботит, это его борода. Костыли — я понимаю. Но борода...»

Мельник неподвижно остановился в вестибюле, потом прислонил костыли к стене, так избавляются от надоевшей вещи. Он выглядел смертельно усталым. В его исхудавшем, закрытом наполовину бородой лице виднелись только лихорадочно блестящие глаза. Несмотря на усталость, он обнял Васильева, который снял с него фуражку и шинель, и подошел ко мне, чтобы поздороваться.

«Плохо?» — спросил он Васильева, указав на его загипсованную руку.

Васильев указал на его костыли:

«Плохо?»

И они упали друг другу в объятия и захохотали от души.

Глеб подал Мельнику костыли и отступил на шаг назад, чтобы пройти в голубую гостиную.

«Спасибо, костыли мне не нужны, — сказал Мельник. — Это идея хирурга, который считает, что я ранен в ногу».

Я последовала за ними в голубую гостиную и заметила, что он все же сильно хромает. Левая нога совершенно не сгибалась».

«Когда он говорит о хирурге, — вставил Васильев, — то кажется, что у него, по крайней мере, деревянная нога. Вспомните о его первом ранении. «Совсем маленькая дырочка в груди», а на самом деле прострелено легкое и печень, когда он в одиночку штурмовал немецкое орудие».

«Что ты там рассказываешь?» — Мельник поднял брови и приставил руку к уху, как слуховую трубку. Он сделал вид, что ничего не понимает.

«Вдобавок ты глухой? Что значат эти шрамы на голове? Рассказывай. Что с тобой случилось?»

Васильев почти кричал. Мельник наконец понял, что мы все нетерпеливо ждем сообщения с фронта.

«Наверное, Васильев вам уже рассказывал, что битва на реке Стоход — это настоящая бойня, битва невероятно жестокая. Я командовал батальоном 5-го полка Сибирских стрелков. У меня было задание переправиться через реку, чтобы наладить связь с двумя другими батальонами 2-го и 3-го Сибирских полков».

Васильев перебил его: «Генерал Брусилов как раз начал свое большое наступление. Немецкая артиллерия пришла на помощь австро-венграм и обстреливала наших днем и ночью. Настоящий апокалиптический огонь! Мертвых считали на обеих сторонах тысячами...»

«Это было ужасно, — продолжал Мельник. — Когда я добрался до реки, я увидел, что переход осуществляется через деревянный мост, который по всей длине обстреливается вражескими орудиями. Я решил не выполнять приказа и попросил своих Сибирских стрелков, которые все были прекрасными стрелками, найти где-нибудь переправу. Это было быстро выполнено, но перейти на этом месте было еще труднее. В реке плавали сотни и сотни трупов, русских и немцев, которых приносило течением. Их руки и ноги были перепутаны, как стволы деревьев, вырванные ураганом. Вода была красной и липкой от крови. Мы должны были переправляться под мощным вражеским

огнем и стараться кроме того избегать, чтобы трупы нас не утащили. Когда я оказался наконец на другом берегу, половина моих людей погибла. Я сам был ранен в колено, но рана мне не мешала, я ее почти не чувствовал».

Я слушала его безмолвно. До сего дня война состояла для меня из кавалерийских атак, которые я видела в детстве на картинках, и только сейчас я ощутила ее ужасную действительность.

«Мы должны были искать укрытия, используя ландшафт, — продолжал Константин спокойно, — занимать вражеские окопы, чтобы сохранить то прежнее положение под огнем врага, разившего без перерыва. Два других батальона смогли связаться с нами лишь вечером. У них тоже были значительные потери, все офицеры погибли. Они пришли в плачевном беспорядке и были близки к полной панике. От 1200 человек наших трех батальонов уцелело 120. Так как я оказался старшим по званию, я принял командование. Организовал защиту траншей, которые мы только что заняли, распределил охрану и обеспечил раненых первой помощью. Ночь показалась нам очень длинной. Артиллерийский огонь немного утих. Иногда мы слышали ужасное рычание, причину которого нельзя было выяснить из-за темноты».

Мельник иногда прерывал свой рассказ, чтобы сделать глоток чая. Он зажмурился глазами, и тихая улыбка появлялась на губах. Рядом с ним сидел Васильев, бледный, как смерть. Он вспоминал эти ужасные картины и, казалось, они возвращались к нему въявь.

«Незадолго до рассвета, — продолжал Мельник, — курьер Генерального Штаба принес приказ отступить на наши прежние позиции. Я отказался повиноваться, так как еще раз переправиться через реку в темноте, среди плавающих трупов, было бы просто самоубийством. Я остался в траншеях со здоровыми людьми. Мы ежеминутно ожидали атаки врага. Я разделял бункер с двумя офицерами, один из которых был еще мальчик. Как только он немного задремал, я услышал страшный взрыв, и часть нашего бункера была засыпана. Я подумал, что пришел конец. Тишина.

12 из 82 офицеров 5-го Сибирского стрелкового полка, переживших сражения под Варшавой и Стоходом. Первый справа сидит командир полка Васильев. Второй справа стоит подпоручик Мельник

Темнота. Я ничего не видел и не слышал. Невероятная тяжесть прижимала меня к земле. Двигаться я не мог. Я думал, что я мертв. Не знаю, сколько времени я так лежал. Внезапно я почувствовал, что могу шевелить мизинцами в сапогах. Удивительное ощущение. Очень издалека я услышал голоса, слышал, как называли мое имя и звание «Подпоручик Мельник!!!» Значит, я жив! Скажу честно: в первый момент мне показалось это комичным. Подкрепление все же пришло, и санитары освободили меня из руин бункера.

Вес, давивший на меня, был телами моих двух товарищей, которые были мгновенно убиты. Меня ударило балкой и засыпало землей. Садины на голове, и лопнула барабанная перепонка — больше ничего. Полковой врач требовал посадить меня в санитарный поезд и отправить в Царское Село в лазарет. И, таким образом, я имею честь и удовольствие очутиться второй раз в вашем милом обществе. Я — нарушитель приказов и мятежник, но я — командир, отразивший со своими солдатами австрийскую атаку».

Мельник вежливо поклонился своим слушателям и взялся опять за чашку чая.

«Твои люди правы, когда говорят, что в тебе сидит черт», — заключил Васильев. Он притянул к себе руку друга, как будто хотел убедиться, что он жив.

«Фронт держится, — пробормотал Мельник. — Самое главное, что тыл тоже».

Глава XXI

Страшный конец 1916 года

ПОСЛЕ недолгого пребывания в госпитале Васильев и Мельник по-домашнему обосновались у нас. Отец был очень рад видеть их ежедневно после работы, и трое мужчин проводили вечера в разговорах далеко за полночь. Полное согласие царило между ними, несмотря на разницу в возрасте.

Здоровье Константина Мельника быстро восстановилось. Подстриженная и ухоженная борода ему так шла, что все уговорили ее оставить. Она придавала ему очень впечатляющий достойный и бравый вид. Несмотря на свои двадцать три года, он выглядел как ветеран. На основании оперативных и находчивых действий в битве при Стоходе он был представлен к высшей британской награде «Великая Победа», но от нее отказался: «Награды я принимаю только от своего Государя».

Папа ему полностью доверял. Но, в сущности, мы мало о нем знали. В разговорах мы поняли, что он из украинской крестьянской семьи, и что, когда объявили войну, он пошел простым солдатом. Васильев тоже знал о нем немногим больше: «Он никогда не рассказывал мне о своей личной жизни. Даже в госпитале, когда был так близок к смерти. Он удивительный парень, редкий человек. И если б это было нужно, я последовал бы за ним хоть на край света».

«В ГОСПИТАЛЬ Екатерининского дворца требуется новая сестра милосердия. Тебя это не интересует?» Папа задал этот вопрос равнодушным тоном. Он спросил

это без энтузиазма, он не был в восторге от мысли отпустить меня из дома, но я ответила не колеблясь: «Конечно! Если ты думаешь, что я с этим справлюсь. Ты же знаешь, что я еще не начала своего медицинского образования». Я была страшно обрадована, но не хотела этого слишком показывать.

«Я думаю, что опыт, полученный тобой в нашем маленьком лазарете, достаточен. Наши службы перегружены, ежедневно приходят поезда с ранеными, нам не хватает коек и персонала. Мы должны быть рады каждому добровольцу. Опыт придет на практике.

Конечно, это не всегда просто, но у нас нет выбора». Говоря со мной, папа подошел поближе, положил руки мне на плечи и пристально посмотрел в мои глаза.

«Подумай хорошенько, прежде чем решить. Это очень трудная задача для девушки восемнадцати лет. Тебе придется делать все». «Мой ответ: да! Кроме того, ты знаешь, что дочь доктора Боткина не потерпит снисхождения».

Я почувствовала его губы на своем лбу. Я закрыла глаза и ощутила бесконечную грусть, как будто связывающая нас нить внезапно оборвалась.

Екатерининский дворец, в котором в 1916 году находился лазарет

«Ты будешь работать под прямым руководством старшей сестры. Это очень способная особа. Она сама возьмется за твое образование».

На лице отца не осталось ни капли умиления. Он говорил спокойно, его красивый голос звучал, как поющий бас. «Я предупреждаю тебя, она строга в обращении. Но это необходимо, когда стоишь во главе такой службы. С молодыми сестрами милосердия всегда проблемы». — «Проблемы?»

Папа улыбнулся: «Да, некоторые сестры не всегда ведут себя как надо. Они больше ищут развлечений с ранеными, чем заботы о них. А после этого трудно заслужить уважение. Они считают, что офицеры слишком свободно себя ведут, но это их вина. Если бы они хорошо выполняли свои обязанности и больше ничего, этих трудностей бы не было. Ты поняла?»

На следующий день папа отправился в Петроград, чтобы привезти мне новую форму: длинную юбку, блузу и белую косынку — форменный наряд сестры милосердия госпиталя Екатерининского дворца.

Когда я в первый раз открыла дверь и вошла в комнату старшей сестры милосердия, сердце мое билось гораздо сильнее, чем обычно. Мне навстречу встала женщина, ей было за пятьдесят.

«Мадемуазель Боткина? Я очень рада с вами познакомиться. Пойдемте, я представлю вас нашему маленькому коллективу. А потом покажу вам различные отделения нашего госпиталя».

Ее авторитетный, немного сухой тон в первый момент меня испугал.

«Вас будут называть “сестра Боткина”. Наши сестры не монахини, но так полагается называть их — сестрами. Вы увидите, что к этому очень быстро привыкаешь».

Она решительно промаршировала через длинные коридоры Екатерининского дворца. Еще немного «зажатая», я старалась за ней успевать и не хотела пропустить ни одного объяснения, которые она мне давала.

«Нас всего шесть сестер. Это немного, если учесть, что у каждой примерно шестьдесят раненых, за которыми она

должна ухаживать. Это в большинстве — офицеры. Вот эта комната для солдат. Сейчас их только четверо. Вы начнете работу с ними».

Я была всего четверть часа в госпитале и уже заступила на ночное дежурство. Удивительно, но я почувствовала облегчение, оставшись одна.

Мне хотелось поскорее показать, на что я способна, доказать, что я могу выполнять свои обязанности так же хорошо, как любая другая, даже не имея диплома.

Один из четырех солдат был утром прооперирован. Он находился еще под действием эфира и, бедняга, так плохо это переносил, что его тошнило во сне время от времени. Я сидела на краю кровати и вытирала мокрым полотенцем его запачканное лицо, простыни и подушку. Остальные раненые лежали тихо в своих постелях и молча смотрели.

Их любопытство мне не мешало, я привыкла, что в нашем домашнем лазарете за мной наблюдали. отвратительный запах, стоявший в комнате, я переносила легко, и мне ничего не стоило убирать кровавую рвоту; как будто сестринская форма придала мне все нужные этому призванию качества.

Обедала я в госпитале. Обеды проходили в бывшей столовой дворца за длинным столом, где сервировка была такой же, как дома. Это была официальная придворная посуда: тарелки из белого фарфора с голубым с позолотой ободком, и серебро с двуглавым орлом. Старшая сестра возглавляла стол вместе с начальником лазарета доктором Деревенко, который сидел справа от нее. Присутствовали все сестры и пациенты, которые могли передвигаться без посторонней помощи.

Еда была не очень обильна, но приготовлена тщательно. Совершенно естественно начинались разговоры между персоналом и некоторыми пациентами. Атмосфера была приветливой, почти фамильярной. Чтобы вовлечь меня в разговор сначала заговорили о папе, о состоянии здоровья Царской Семьи и о моей работе в нашем маленьком домашнем лазарете. Потом тему сменили. Я поняла, что меня «приняли», и со мной будут обращаться, как с другими сестрами.

Татьяна Боткина в форме сестры милосердия. Лазарет Екатерининского дворца, 1916 год

«Моя дорогая девочка, будьте готовы провести тяжелую ночь, — сказала мне старшая, когда я заступила на ночное дежурство. — Мы ожидаем прибытия санитарного поезда около 12 часов. Если будут тяжелораненые, разбудите меня, не колеблясь!»

Я ей улыбнулась и стала приводить в порядок шкаф с лекарствами, слушая одновременно, не идет ли папа: каждый раз в мое ночное дежурство он заходил меня навестить. Около 11-ти он вошел через дверь из парка, которую я умышленно «забыла» запечатать. Я слышала, как он приближался. Он шел осторожно, чтобы не звенеть шпорами.

Мы провели чудесные мгновения, перешептываясь и лакомясь шоколадками из большой круглой коробки, которую он всегда приносил, чтобы «подсластить» мне ночное дежурство. В тот вечер папа, как всегда, был у меня. Сразу после его ухода я услышала гудок санитарной машины. Санитар помчался к выходу, старшая сестра тоже.

«Я еще не легла», — крикнула она мне на ходу.

Раненых на этот раз было не очень много, и доктор Мухин отобрал тех, кому была необходима экстренная помощь. Я вскоре заметила одного офицера, который заметно выделялся. Он стоял прямо, абсолютно прямо в безупречной форме. Георгиевский крест блестел на его мундире. Я подошла к нему, и он поздоровался со мной, как будто мы были в обществе: «Полковник Степанов».

«Какое у вас ранение?»

«Я не ранен. У меня угрожающее состояние — воспаление брюшины. Можно мне получить отдельную комнату? Моя жена приедет меня навестить. Офицеры из моего Эриванского полка, часто попадавшие в госпиталь Екатерининского дворца, советовали мне обратиться сюда, так как, я слышал, жен устраивают тоже во дворце. Это правда?»

«Совершенная правда», — ответила я.

Я улыбнулась ему с самой сердечной приветливостью, я, конечно, знала, что Эриванский полк особо отличился в боях.

До операции его положили в комнату № 12.

«Сестра Боткина, я доверяю его вам, — сказала старшая, — но сначала позаботьтесь о раненом в голову».

Это был молодой человек, которого внесли на носилках. Он беспрерывно стонал и вращал глазами от боли, что делало его похожим на сумасшедшего. Верхушка черепа была у него снесена осколком гранаты, прямо под повязкой был мозг.

Остаток ночи я провела у его постели, следя за ним, чтобы он не сорвал повязку с головы. Под утро он впал в глубокую кому. Он лежал окостенев, как будто он уже был на том свете, у него не было сил стонать. Иногда его веки поднимались, но взгляд был пустым.

Я осторожно взяла его руку в свои, она была теплой. Я нащупала пульс, когда он вдруг зашевелился. Его глаза увидели меня, и он стал бормотать совершенно непонятные слова и крепко держался из последних сил за мою руку. Меня охватила паника. Я смогла вырваться и, трусливо бросив своего пациента, выбежала в коридор и позвонила старшей сестре, которая спала. Когда с ней вместе я вернулась обратно, он был уже мертв. К вечеру приехали его родители. Это были скромные крестьяне, отец в заштопанном тулупе, мать в застиранном платке на голове. Трясаясь от рыданий, она упрямо цеплялась за врачей, бросилась перед ними на колени, целовала им ноги, плакала, молилась, умоляла... Они хотели, чтобы врачи спасли их сына. Они не могли понять, что он уже умер. Их сын был

для них гордостью, они тяжело работали всю жизнь, чтобы он смог добиться своих офицерских погон. Я попробовала, как могла снова их успокоить. Я редко бывала так потрясена. К счастью, хорошее известие помогло мне перенести эту смерть. Одна из сестер должна была нас покинуть, и на ее место пришла Таля Абаза, старшая сестра Нелли. Я была очень рада, потому что Таля должна была передать мне весь свой опыт. Она с начала войны принадлежала к самым опытным «кавалерийским» сестрам: как прекрасные наездницы, эти девушки под вражеским огнем разъезжали на переднем крае фронта и оказывали на месте первую помощь.

Однажды в субботу Таля пришла к нам в гости. Она была в сопровождении высокого молодого офицера, он выглядел мужественно, в безукоризненно сидящей на нем летной форме. Я очень удивилась, узнав в нем Георгия Безобразова, брата Михаила. Несколько месяцев до этого Георгий был частым гостем в доме. Он был тогда довольно бесцветным молодым человеком, готовящимся к поступлению в Пажеский корпус, и мы очень удивились, когда узнали, что он поступил в эскадрилью своего кузена, очень известного летчика. С тех пор мы его не видели, и я никогда не осмеливалась спросить о нем у Миши.

Как повзрослел он на войне! Со знанием дела говорил он о своей летной части и рассказывал, какое громадное впечатление произвел на него его первый вылет за штурвалом нового 4-моторного «Сикорского». Однажды во время обычного ночного посещения, когда я дежурила в госпитале, папа сел на край моей койки. «Я долго говорил с глазу на глаз с Георгием, — сказал он. — Он ничего не знал ни о твоей помолвке, ни о расторжении ее».

Я грустно улыбнулась: «Откуда он мог об этом знать, если его семья никогда не считала нас помолвленными?»

«Он очень критиковал поведение Миши, — продолжал отец. — Он не ожидал такого легкомысленного поведения и неверности по отношению к тебе. Он — возмущен».

Папа немного помолчал. Затем он продолжал очень серьезным тоном: «Георгий просил твоей руки. Он хочет

на тебе жениться и спасти честь семьи». Я онемела. Выйти замуж за Георгия? Я не знала, плакать мне или смеяться. Даже возмужавший, даже так хорошо выглядевший Георгий всегда остался бы в моих глазах ребенком...

Юрий все еще страдал от ревматизма, и папа посоветовал ему провести курс лечения в Евпатории. Когда он вернулся, здоровье его значительно улучшилось. Он мог теперь один ходить по лестнице и делать небольшие прогулки с Нелли, которая скоро должна была родить.

А война, как и раньше, приносила бесконечную цепочку траурных известий. Глеб Кириллин, который подавал мне пальто после моего первого успеха на сцене, попал в плен, два его брата погибли.

Гвардейская пехота понесла значительные потери у Опатова. У Царских стрелков погибло девять офицеров, среди них один из наших друзей, Николай Тихменев, а также оба брата Озеровы: Сергей, паж того же выпуска, что и Дмитрий, и Алек, с которым я часто танцевала мазурку...

Однажды, в начале декабря 1916 года, отец пришел вечером домой в сопровождении офицера из Императорских гусар — графа Игнатьева, который хотел поговорить с Юрием.

«Царь только что предложил мне стать военным аташе в Париже, и я предлагаю вам стать моим заместителем».

Папа оставался спокойным, а Юрий с трудом скрывал удивление. Ему был всего двадцать один год, и тем более лестным казалось предложение графа.

«Я благодарю вас, граф, — ответил он. — Но я несколько удивлен. Мое здоровье улучшилось, и я готовлюсь к возвращению на фронт. Мне кажется, что из-за больших потерь, которые мы несем, мое место там».

«Я понимаю ваши чувства, — настаивал Игнатьев. — Но вы сможете служить Родине так же преданно, если займете пост, который я вам предлагаю. В армии ваши возможности и ваше образование не использованы. Ваше образование вам не мешает пасть в бою. Подумайте хорошенько и дайте мне завтра ответ».

Официальное фото Цесаревича Алексея, которое посылалось на фронт солдатам. 1916 год

Прежде чем уснуть, я задала себе вопросы:

«Как мог мужчина в ранге графа Игнатьева принять пост за границей? Как они могли предложить молодому офицеру отказаться от его обязанностей, отказаться от передовой?»

На следующее утро Юрий категорически отказался. Папа это никак не комментировал, однако я почувствовала, что он в глубине души облегченно вздохнул. Но когда мой брат захотел вернуться обратно на фронт, папа категорически запретил. Его ревматизм еще не долечен, и он рискует повторным случаем.

В сущности, войны уже не было. Холод и снег исключали любую большую военную операцию. Войска стояли на месте, и газеты все более кратко объявляли: «На фронте без перемен».

Русские и союзники подготавливались к большому Новогоднему наступлению 1917 года, которое должно было наконец сломить Германию.

Я ВСЕ МЕНЬШЕ понимала, что собственно происходит с Россией. Папа никогда не говорил о политике, но противоречивые слухи волновали госпиталь и даже наш дом.

Семнадцать миллионов стояло под ружьем, что вызывало дезорганизацию промышленности и сельского хозяйства, транспорта и снабжения. Цены значительно росли, ассортимент товаров становился все меньше, общественное

мнение было возбуждено. После убийства главы правительства Столыпина на его месте, в сущности, не было настоящего государственного деятеля, и министры оказались неспособны справиться с этой ситуацией. В то время как Государь принял полностью на себя тяжелую ответственность в качестве Верховного Главнокомандующего, распоясалась революционная пропаганда, поддерживаемая германскими тайными службами. Против Государыни разразилась кампания, которая делала ее виноватой во всех несчастьях. При этом пропаганда использовала факт ее немецкого происхождения, отношение к Распутину или же ее влияние на правительство. Дума не была больше единой, как в начале войны, она распалась на множество течений, где антимонархисты под влиянием нашего родственника Гучкова, а социал-революционеры под руководством Керенского нещадно критиковали друг друга и с успехом раздували малейшую ошибку.

Возбуждение достигло высшей точки, когда Государь назначил министром внутренних дел приверженца «старца» Протопопова, человека, главным свойством которого была любовь к интригам. Вождь левых либералов — Милюков, держал в Думе речь, в которой открыто обвинял Штюрмера, Протопопова и Распутина в создании антигосударственной клики. Он приводил бесчисленные доказательства после любого утверждения и подчеркнуто спрашивал: «Что это — предательство или глупость?»

Милюков закончил свое выступление уничтожающим заключением: «Если это глупость, ее слишком много, и плохо этому верится!» Отставка Штюрмера и его замена Треповым, честным, но посредственным человеком, не улучшила положения. Трепов сейчас же потребовал отставки Протопопова. Царь согласился, но Императрица энергично протестовала, и Царь уступил. По мнению Царицы, Протопопов, за которого ручался Распутин, был единственным министром в правительстве, действительно достойным доверия.

Трепов послал одного из своих родственников к Распутину и пообещал ему большую сумму денег и высокую

пенсию до конца жизни, если он не будет никогда больше вмешиваться в государственные дела. Распутин поспешил довести это предложение до Царицы, и его категорический отказ еще более усилил доверие к нему. Трепов отступился, и на его место пришел Князь Голицын. Даже близкие родственники Царской Семьи начали задумываться. Некоторые Великие Князья считали необходимым ограничение влияния Государыни на государственные дела. Но как? Изолировать Распутина было так же трудно. Все донесения Царю, содержащие неоспоримые доказательства против Распутина, оставались без последствий. Два Великих Князя взяли на себя ответственность предупредить Государя об опасности, которая угрожала всему государству*.

Император отказался их выслушать. Он считал их позиции неуместными, выражающими личную антипатию, дискредитирующую Императрицу. Россия находится в состоянии войны, и должна собраться с силами для победы.

Недовольство в политических кругах достигло апогея. Уже в конце 1916 года рассматривался проект создания Временного правительства. Либеральный Князь Львов

* Великий Князь Александр Михайлович констатировал: «Прежде всего мы живем в одном из самых опасных моментов в истории России, когда речь идет о том, чтобы узнать, существует ли великая и свободная страна и может ли она оставаться способной независимо развиваться». Он подчеркнул, что «Россия не может существовать без Царя», и предложил образовать правительство, «состоящее из честных, либеральных и преданных монархии лиц», которые представляют собой мозг, разум и волю», а не сочетание «узких специалистов», приносящих свои доклады Царю совершенно независимо друг от друга. Такое правительство должно предложить Думе и всей стране программу мероприятий, которые должны гарантировать успех — программу реформ, которых ожидает страна» Великий Князь предостерегал Николая II о постоянно увеличивающейся пропасти, которая отделяет его от народа. «Если я говорю “народ”, я говорю о тех, которые понимают его нужды, а не о тех, кто ощущает себя огромной массой, готовой следовать за выдающимся индивидуумом, ведущим эти массы за собой». Великий Князь выражал мнение, что «народ любит своего Царя, но хочет восстановления порядка без потрясений и переворотов, который (порядок) должно было бы осуществить правительство, имеющее доверие масс».

должен был встать во главе; своих министров он уже подобрал.

Один жандармский офицер открыл заговор и подал подробный рапорт по начальству. Заместитель Протопопова — генерал, хотя и ознакомился с ним, но рапорт положил в папку с пометкой: «Мы справились с революцией 1905 года, и с этой мы тоже справимся!»

17 декабря 1916 года после возвращения с ежевечернего визита во дворец папа сообщил нам с озабоченным видом: «В Петрограде все говорят о необыкновенном исчезновении Распутина. Государыня очень обеспокоена. Она боится его похищения или даже убийства...»

Постепенно правда вышла наружу: Распутин действительно был убит, и убийство произошло при таких ужасных обстоятельствах, что фантазия обывателей разыгралась.

«Только мужик смог добраться до Царя, — зашептали в народе, — как его господа и уничтожили».

На самом деле «старца» заманил в западню молодой Князь Юсупов, которого я недавно видела в Крыму. Затем пришли еще четверо убийц: Великий Князь Дмитрий, двоюродный брат Царя, экстремист правого толка депутат Думы Пуришкевич, доктор Лазаверт и поручик Сухотин. Наш Сухотин, который, к счастью, у нас больше не появлялся с тех пор, как Юрий сдал экзамены.

Феликс Юсупов совершенно не приложил никаких усилий, чтобы уговорить Распутина отужинать у него. Уже давно «святой» человек мечтал познакомиться с его очаровательной женой Княгиней Ириной, племянницей Царя*. Распутин приветствовал Князя с распростертыми объятиями. Перспектива этого вечера его особенно радовала.

«На Распутине была белая шелковая рубашка, вышитая васильками, — пишет Юсупов, — подвязанная красным поясом с двумя кистями. Широкие черные бархатные шаровары и новые высокие сапоги. Волосы на голове и борода

* Ирина Юсупова, жена Феликса, была дочерью сестры Николая II Великой Княгини Ксении Александровны, которая была замужем за двоюродным дядей Николая II, Великим Князем Александром Михайловичем (*прим. О. К.*).

были расчесаны и тщательно приглажены. Когда он подошел ко мне, мне ударил в лицо запах дешевого мыла. Очевидно, он сегодня потратил много времени на свой туалет. Во всяком случае я никогда еще не видел его до сих пор таким чистым и аккуратным»⁷⁶.

Распутин и Юсупов скрылись в лимузине, который их ожидал, и через четверть часа за ними захлопнулась высокая решетка ворот Юсуповского дворца на набережной Мойки. Юсупов проводил своего гостя в роскошно обставленную гостиную полуподвального помещения. С первого этажа доносились звуки веселых песен. «Это моя жена, — извиняется Юсупов, — у нее гости. Но они скоро уйдут, и она придет к нам». На самом деле Княгиня Ирина в Крыму, а Сухотин, Лазаверт и Пуришкевич ожидали дальнейших событий в рабочем кабинете Князя, сидя рядом с граммофоном, играющим на полную мощь.

Распутин садится к столу, съедает три куска шоколадного торта, начиненного цианистым калием, и выпивает два бокала мадеры, тоже с этим ядом. Реакции — никакой.

Потеряв дар речи, Юсупов оставляет своего гостя на минуту одного, идет к себе и сообщает друзьям, что яд не действует.

«При той дозе, которую он проглотил, он должен быть уже мертв, — уверяет Лазаверт. — Дело в нескольких секундах...»⁷⁷

Юсупов идет обратно и снова угощает Распутина отравленной мадерой. Он сам уже чувствует действие алкоголя, а «старец» остается невредимым.

«Спой мне песню», — просит Распутин.

Князь берет гитару и начинает петь цыганский романс. Ничего!!! Уже 3 часа утра, Феликс опять идет к своим друзьям. Они советуются. Феликс берет револьвер Великого Князя, прячет его за спину и возвращается к своему гостю.

Распутин сидит неподвижно, но дышит очень тяжело. Князь подходит к нему, «старец» вдруг встрепенулся и требует еще выпить.

Юсупов полностью растерян. Еще никто не мог противиться цианистому калию. Ни один человек, ни одно

живое существо! Может быть, дьявол? Он видит распятие, что стоит на шкафу. Приближается к нему, берет его в руки, и зовет Распутина: «Иди сюда. Я хочу показать тебе ценную вещь».

«Старец» тяжело встает и берет распятие, которое ему протягивает Феликс. Он начинает его рассматривать, но Князь укоризненно говорит: «Ты забыл перекреститься». И в то время когда Распутин крестится, Князь стреляет. «Старец» падает на медвежью шкуру.

Появляются четыре сообщника. Распутин лежит на спине, и лицо его дергается, но доктор Лазаверт уверяет, что он мертв. Пуля попала в область сердца. Пока вытаскивают его тело, Юсупов и Пуришкевич остаются одни в кабинете Феликса. Феликс, сам не зная зачем, решается спуститься обратно в столовую. Там он подходит к телу Распутина, наклоняется и начинает его трясти. Вдруг он видит, как открывается левый глаз «мертвеца», а немного погодя оба глаза. Распутин вскакивает, и бросается на своих убийц.

«Его глаза дико вращались, как бы выскакивая из орбит. Вернувшись к жизни, Распутин повторял хриплым шепотом беспрерывно мое имя... Между нами началась ужасная борьба. Последним, громадным усилием мне все-таки удалось вырваться, я освободился. Распутин, хрипя, упал на спину, в одной руке у него был мой погон, который он содрал с меня в борьбе.

Я помчался наверх, чтобы позвать на помощь Пуришкевича»⁷⁸.

Депутат Думы врывается с револьвером в руке. «Старец» пытается убежать и пересекает двор. Пуришкевич следует за ним; на бегу он дважды стреляет, но промахивается. Тогда он останавливается и целится уже точно. Распутин падает в снег на живот, вытянув вперед руки. Пуришкевич настигает его и бьет его в голову ногами...

Папа узнал все эти ужасные подробности из доклада Протопопова, который дала ему прочесть Государыня.

«Это преступление, — сказал он нам печально однажды вечером, — первый сигнал анархии». Я еще не знала, что в сообщениях полиции говорилось: «Поэтому эти слухи

об убийстве Распутина — первая ласточка террора, за ней последуют другие террористические акты»⁷⁹.

Однажды вечером после работы я решила навестить классную даму Клавдию Битнер. Она была очень рада увидеть меня и начала мне рассказывать обо всем, что происходит в Александровском госпитале, где она была начальницей. При этом она все время упоминала имя некоего полковника Кобылинского, что навело меня на мысль, что он ей не чужой человек.

«Знаешь, что я завтра сделаю? — спросила она внезапно. — Ты никогда не угадаешь!

Я пойду молиться и ставить свечи на могилу Павла II!»

«Что вас туда тянет?» — удивилась я.

Ее лицо стало очень серьезным.

«Ты знаешь его трагичный конец, позорный заговор, жертвой которого он стал! Кое-кто из верующих заметил, что молитвы, произнесенные рядом с его могилой в Петропавловском соборе, особенно помогают. Были даже несколько случаев мгновенного исцеления. Бог попустил ему умереть мученической смертью, но, по-видимому, сделал из него святого. Возьми, к примеру, ранение полковника Кобылинского. Оно было особенно тяжелым, была затронута почка, и он мог бы умереть в любой день. Когда он узнал, что безнадежен, он попросил меня пойти помолиться к гробу Павла I.

На другой день он уже почувствовал себя лучше, а сегодня он уже вне опасности. Он просил меня завтра поставить свечку, чтобы поблагодарить Императора Павла I за это исцеление».

Я была ошарашена. Что я ничего не понимала в политике, было нормально, но куда же мы катимся, если даже высшие офицеры начинают верить в такие чудеса?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИЯ

(1917—1920)

Глава XXII

Восстание в Петрограде

В ПЕРВЫХ ЧИСЛАХ января 1917-го я заболела. Я ухаживала за пациентом, у которого была ангина, и, конечно, заразилась сама. Я лежала на узкой железной кровати на жестком матрасе с плоской подушкой, проводя в своей комнате все время и рассматривая портрет своей матери.

В Татьянин день я все еще лежала и медленно набиралась сил. Сколько визитных карточек, корзинок с цветами и букетов получила я из госпиталя! Глубоко тронутая, я опять перечитывала письма от раненых из лазарета Екатерининского дворца, от всех пациентов, даже от тех, кого я не знала (совместно подписанных). Меня тронуло до слез, как они меня ценили, несмотря на мою неопытность.

Наконец я смогла встать и принимать гостей. Утром 24 февраля пришла тетя Рая, чтобы со мной поболтать.

Она была очень обеспокоена все нараставшим в последние дни в Петрограде возбуждением и недовольством. Недостаточная зарплата, повышение цен и плохое снабжение толкали народ на восстание. Два дня назад, когда Государь опять отбыл в Ставку, на большинстве предприятий произошли стачки. Хлеба стало не хватать, и перед булочными выстраивались очереди длинной на сотни метров.

Всюду появлялись красные флаги, демонстранты шли по улицам, крича: «Хлеба! Хлеба! Долой войну! Долой правительство!»

Полиция повсюду пыталась навести порядок, но новобранцы из недавно сформированных полков бойкотировали эту задачу, а казаки, смеясь, приветствовали восставшие массы и избегали всяких столкновений.

Слезы выступили у меня на глазах. «Это невозможно, — кричала я возмущенно, — это ложь!» Я отказывалась верить, что наши храбрые русские солдаты, так героически сражавшиеся на фронте, хотели дезертировать, хотя война еще не кончилась и родной земле угрожал враг!

Когда папа вернулся в тот вечер из дворца, он подтвердил правильность слухов: «Положение гораздо сложнее, чем в 1905 году, — сказал он взволнованно. — Революционеры из организаций выжидали отъезда Царя, который один мог своим присутствием остановить восстание. Его престиж еще колоссально велик. Я удивляюсь мужеству Государыни. Ей удастся сохранять спокойствие, когда отовсюду бьет тревога. Маленький Царевич болен, у него высокая температура, и Великой Княжне Ольге тоже плохо. Я, наверное, на несколько дней останусь во дворце. Боюсь, Царские дети все заболеют корью».

Несколько дней мы общались с папой только по телефону, что нас мало успокаивало. Из Петрограда приходили все более тревожные известия. Наш страх час от часу возрастал.

27 февраля 1917 года, понедельник, навсегда останется в моей памяти. Это было после обеда. Мы все собрались в комнате у наших молодоженов. Глеб опять рисовал (как всегда) очень усердно, а я болтала с тетей Раей, тщательно избегая, однако, политической темы.

Распахнулась дверь и запыхавшаяся Таля, сестра Нелли, вбежала в комнату. Она только что была в лазарете Екатерининского дворца. «Петроград в руках восставших! — сообщила она нам, отдышавшись. — Солдаты дезертируют, обезоруживают офицеров и всех, кто оказывает им сопротивление, — уничтожают. Один из моих пациентов говорил с городом. Девять офицеров Волынского полка убиты. Даже солдаты Преображенского полка дезертировали

и присоединились к рабочим. На Литейном мосту верные правительству полки приготовились к стрельбе, но их опередили!»

Мы молча слушали. Глеб сидел с открытым ртом, а на лице тети Раи возмущение сменялось беспокойством. Я оставалась неподвижна. Я знала, что Таля говорит правду, и все-таки такая ужасная реальность не укладывалась в голове.

Погода была прекрасной. Блики почти весеннего солнца отражались в лакированной крышке рояля и распределялись повсюду: на большом персидском ковре и ситцевой обивке мебели...

Если б мы получили известие из дворца! Внезапно меня охватило чувство облегчения: на лестнице послышались шаги папы! Дверь отворилась. Отец был с нами! Мы хотели кинуться к нему, поцеловать, но он сделал нам знак, чтобы мы не подходили из-за опасности заразиться.

Одно его присутствие меня утешало; его массивная фигура, его честный взгляд внушал доверие. Папа нас утешит... К сожалению, это было не так!

«Знаете, что происходит?» — спросил он нас просто.

Несмотря на его кажущееся спокойствие, мы почувствовали, как он взволнован. Его лицо было бледным, он выглядел усталым. В нескольких словах он обрисовал нам ситуацию, которую знал точно, благодаря ежедневным докладом Протопопова Государыне. Его голос зазвучал вдруг серьезно:

«Чтобы предотвратить дальнейшие злодеяния, Государь, возможно, будет вынужден отречься от Престола».

От безграничного удивления мы застыли, как громом пораженные.

«Государь? Отречься?» Тогда действительно все будет кончено. Революция все унесет в бездну. Все, что нам дорого: Родину, убитых наших дорогих покойных и все другие жертвы войны, Царя и его Семью и всех, кто, как мы, останутся преданными ему.

Да, именно это я услышала. Папа сказал, что мы должны ожидать худшего. Его место было при Государыне

и ее больных детях, он не сможет их оставить, пока Государь находится в Ставке.

Папино лицо делалось все серьезнее и серьезнее:

«Сегодня после полудня восстание началось в Царском Селе. Немедленно пакуйте чемоданы — Садовая улица будет первой целью революционеров. Берите только самое необходимое. Таля должна попробовать устроить Юрия и Нелли у ее матери. Я сам отвезу Глеба и Татьяну к нашему другу госпоже Тевяшовой».

«Мне нечего бояться, — мгновенно сообщила тетя Рая. — Я остаюсь здесь со слугами охранять дом».

Спустилась ночь, начался сильный снегопад, когда мы добрались до Тевяшовой. Наша приятельница встретила нас с большим радушием, а папа сразу же уехал во дворец. Вдалеке раздавалась стрельба. Мы не спали всю ночь. Старый слуга и его сын выходили время от времени и приносили известия с улицы. Солдаты были еще относительно спокойны, но они болтались повсюду и стреляли ради потехи в воздух. Петроградские полки по телефону подговаривали их к революции. Они сообщили, что еще этим вечером придут с танками и оружием в Царское Село, чтобы взять дворец. Говорили о восьми тысячах человек. Мы были угнетены и глубоко потрясены. На улицах хотя и было полно солдат, но дворец еще не был взят.

Восставшие утверждали, что из-за снегопада танки на полпути должны повернуть обратно к Петрограду. Что касается полков, расположенных в Царском Селе, то дело шло не так хорошо: снегопад не отменил их намерения. Первый и Второй Гвардейские стрелковые полки поддались агитации Петроградского руководства.

Четвертый полк, Императорский, закливаемый своими офицерами, долго оказывал сопротивление, но в конце концов тоже заполнил улицы.

В этот день Глеб не пошел в гимназию, и мы провели его вместе у окна. Происходящее было жутким. Солдаты с криками грабили лавки и магазины, начиная всегда там, где были вино и водка. С начала войны водку свободно не продавали, и появилась новая категория горожан, так

называемые «политурные» — из-за их пристрастия к политике, сделанной на основе алкоголя. Избитый мотив советовал: «Ваня, не пей лаки, тогда у тебя будут деньги на субботний вечерок». Уже с раннего утра солдаты были совершенно пьяны. Неужели это были те же самые люди, которыми мы восхищались несколько месяцев тому назад? Теперь это была банда воров, оборванных, нахальных, зверей... Они шлялись вокруг; некоторые нагруженные бутылками водки и коньяка, другие — огромными рулонами материалов, сапогами, туфлями, вытащенными из картонных коробок, которые тут же выбрасывали. Их шапки были украшены разноцветными лентами, свисающими вокруг головы и придающими им сходство с цирковыми лошадьми.

В этой беспорядочной человеческой толпе иногда попадались и женщины в платках, которые держали за руку детей.

Грузовики, полные пьяными военными, пытались, громко гудя, пробить себе дорогу. Все шло с многочисленными щитами с лозунгами: «Смерть богачам! Власть — нам!»

Вдруг откуда-то под ногами появлялся гусь, который мчался, как сумасшедший, на своих красных лапах.

Внезапно мы увидели казаков из личного эскорта Его Величества. Они проехали мимо, великолепные, как всегда, только на их шапках, на красивой форме и на гривах коней — всюду были красные кокарды и красные банты! Они проезжали мимо, улыбаясь пестрой толпе. Я была возмущена. Они, право же, заслуживали виселицы. Бесконечное доверие и необычайный комфорт, которым они пользовались на Царской службе, — как за один день все это можно было забыть!?

2 марта папа приехал в гости. На улицах стало заметно спокойнее. Велись переговоры между Думой и Государем. Папа появился в своей генеральской шинели с красными отворотами и даже в собственном придворном экипаже с кучером на козлах. Тот был в пелерине с двуглавым орлом и в треуголке. Это снова придало нам немного мужества. Значит, жизнь во дворце шла, как прежде.

Но вскоре наше мнение должно было перемениться. Через несколько минут мы обнаружили, что экипаж папы

возбудил интерес группы вооруженных солдат, красные банты и мрачные лица которых не обещали ничего хорошего.

В дверь позвонили. Госпожа Тевяшова, бесстрашная, как всегда, несмотря на свой возраст, сама открыла дверь. Офицерский денщик в сопровождении группы вооруженных солдат спросил угрожающим тоном: «Генерал Боткин у вас?»

«Он врач, — ответила госпожа Тевяшова храбро, — и приехал к больному брату». «Это нас не интересует, — ответил денщик. — У нас приказ арестовывать всех генералов». Госпожа Тевяшова повысила голос: «А меня не интересует, кого вы должны арестовывать и почему. Я — вдова генерал-адъютанта, и думаю, прежде всего вы должны соблюдать порядок; а теперь можете покинуть мой дом!»

Новые герои еще плохо были подготовлены к революционным подвигам и без дальнейших слов удалились.

Новости, принесенные отцом, не были утешительными: Государыня еле держалась на ногах от забот, она вообще не знала, что происходит в Ставке, а дети из-за болезни должны были лежать. Только Великая Княжна Мария еще держалась; несмотря на свои семнадцать лет, она находила слова, успокаившие мать.

Вечером отец рассказал нам, что дезертиры Царско-сельского гарнизона решили захватить дворец, не дожидаясь подкрепления из Петрограда. Царская резиденция охранялась солдатами Объединенных Пехотных полков под командованием генерала Ресина. Гвардейцы-матросы стояли в четыре шеренги; они были хорошо вооружены и готовы к стрельбе. Они должны были укрепить защиту.

Телефонный звонок из полиции предупредил Государыню, что бандиты уже убили одного городского и находятся в пятистах метрах от входа в парк. Уже была ночь, и выстрелы слышались все ближе. От ужаса, что для ее защиты может пролиться кровь, Государыня в сопровождении Великой Княжны Марии вышла на страшный мороз, чтобы поговорить с солдатами. Она заклинала их не проливать кровь и напомнила им, что жизнь Наследника находится в их руках. Ситуация долго оставалась неясной, среди восставших нашлось и несколько защитников дворца.

Восставшие должны были сами убедиться, что Царская Семья хорошо защищена, и наконец удалились.

«С этого момента мы в руках Божьих», — сказал папа и опять надел генеральскую шинель. Он поцеловал нас и невозмутимо сел в карету. Но когда кучер поднял кнут, один вооруженный солдат выскочил вперед и стал преследовать упряжку до ворот Александровского дворца.

На следующий день, как разорвавшаяся бомба, на нас обрушилось известие из Петрограда, что Государь отрекся от Престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила, но тот, в свою очередь, отказался и передал власть в руки Временного правительства.

4 марта все газеты поместили сообщение об отречении Николая II. Наш папа комментировал это так: «Вместо того чтобы клеветать и порочить, наша революционная пресса должна была бы глубже анализировать ситуацию, как это было сделано республиканской прессой в свободной стране*, как, например, в журнале “Дебаты” № 77:

“Русский Царь избавил Россию от революционных беспорядков, последствия которых были бы непредсказуемы... Манифест, в котором он отрекается от власти, — это свидетельство его удивительного благородства и такого же огромного величия духа...

Оставляя трон, Николай II оказывает своей стране последнюю услугу, самую важную, какую можно было бы оказать в настоящем критическом положении”»**.

5 марта отец снова нас посетил. На этот раз он приехал в коляске и был достаточно осторожен: проехал мимо дома, чтобы сначала переодеться в штатское.

Во дворце все время ожидали возвращения Царя. Новый командующий Петроградским гарнизоном генерал Корнилов дал понять Государыне, что она является пленницей в Александровском дворце. Это же относилось к ее детям и всем членам свиты, кто хотел с ней остаться. Папа решительно сообщил нам, что для него покинуть Царя

* Имеется в виду французская пресса (прим. О. К.).

** В письме к сыну Юрию.

и Царицу совершенно невысказано. Он будет делить с ними их судьбу пленников.

Отец быстро ушел, потому что торопился к маленькому Царевичу. С тяжелым сердцем мы смотрели на его массивную фигуру, когда он садился в коляску. Когда мы опять увидимся? И при каких обстоятельствах?

ТАК КАК ГЛЕБ должен был снова вернуться в гимназию, он забрал из дома на Садовой улице свои книги. Дом не был разграблен, и Василий, все еще улыбаясь, появился гордо с красной повязкой Временного правительства.

«Василий, — возмутился Глеб, — как ты можешь!»

«А что вы хотите, — ответил тот, смеясь. — Солдаты пришли, их была дюжина, все вооружены... Потом они меня допрашивали: “Ты за народ?” — “Но я же и есть народ”, — ответил я. Тогда они меня поздравили, похлопали по плечу, и так я получил красную повязку». Василий, нежно ее поглаживая, вышел из комнаты, захлопнув дверь, как обычно, пинком ноги.

Слава Богу, среди солдат у нас оказался все-таки еще один защитник — Матвеев: в штатской жизни рабочий, он был денщиком у Юрия, когда тот, больной, вернулся с фронта. Несмотря на свое большевистское мировоззрение, он нас полюбил, что теперь было очень кстати.

О возвращении Государя мы узнали из газет. Он сделал остановку в Ставке, прежде чем явиться в сопровождении князя Долгорукого во дворец. Никаких подробностей мы не знали, но в прессе подчеркивалось, что Керенский лично говорил с ним и сам инспектировал Царскую резиденцию, превращенную в тюрьму. Наконец мы получили письмо от отца, к сожалению, очень короткое; он сообщил, что Великая Княжна Мария тоже заболела корью. Этот телеграфный стиль дал нам понять, что корреспонденция контролируется. Если народ радовался, что получил свободу, то наша — была потеряна.

Погода стала мягче, и я воспользовалась случаем известить Нелли, которая скоро должна была родить.

«Знаешь ли ты одну большую новость? — сразу спросила она меня радостно. — Моего брата Диму выгнали из Морского училища. Он сделал что-то совершенно невероятное! На грот-мачте учебного парусника было прикреплено красное знамя, он залез туда и разорвал его!» Нелли была очень горда, и я разделяла ее восхищение.

«Что же он будет теперь делать?» — спросила я.

«Он хочет пойти в Дикую дивизию! Ты ведь знаешь, что этот кавалерийский полк состоит только из черкесов, которые так хорошо сражаются».

Когда я вернулась к госпоже Тевяшовой, то увидела ее внука Мику Ушакова, только что вернувшегося с фронта. Временное правительство решило отложить наступление, так тщательно продуманное Царем и генералом Алексеевым.

Дни проходили печально. Я играла на рояле. Мика молча слушал меня, держа руки в карманах. Глеба почти постоянно не было дома. Он проводил время то в гимназии, то у своего друга Казем-Бека. Однажды, когда Мики не было дома, госпожа Тевяшова провела меня по всем комнатам и показала все накопленные сокровища: мебель, фарфор, картины, драгоценности, повторяя каждый раз: «Это все будет принадлежать Мике, когда он женится!»

Милая, достойная почтения госпожа Тевяшова! Я легко догадалась, что ее самым большим желанием было видеть Мику женатым. Если б мы поженились, то могли бы бежать со всеми деньгами, что у нее еще были. Покинуть Россию и остаться за границей...

Но как я могла оставить моего отца пленником в Александровском дворце?!

Глава XXIII

Первая тюрьма

ПАПА СТОЯЛ выпрямившись по другую сторону решетки у входа в Александровский дворец. Охранник дал мне знак подойти поближе. Мы вошли в маленькое, довольно темное помещение, где за обычным деревянным столом сидел офицер. Он принимал участие в нашей встрече

и вежливо дал понять, что нам строго запрещается говорить на каком-либо другом языке, кроме русского.

Мы начали разговор о нашем состоянии здоровья. Папа выглядел усталым, но, как всегда, не признавался в этом. Он хотел все знать о маленьком мальчике, которого родила Нелли, и я старалась ответить на все вопросы. Время от времени офицер вставал, чтобы перекинуться несколькими словами с кем-то, кто находился в комнате рядом. В такие моменты папа шепотом быстро описывал мне условия заключения Царской Семьи. Сейчас не было возможности их перемещения, они должны были оставаться в Александровском дворце. Первый дворцовый комендант — Коцебу, бывший офицер Царской Гвардии, оставался всегда очень корректным, но сейчас его заменил друг Керенского — Коровиченко, который «не замечал» хамства сторожей. При этом солдаты 4-го Стрелкового батальона всегда показывали себя с лучшей стороны.

Офицер вышел и закончил наше свидание. Папа, сильно взволнованный, попрощался и отпустил меня, обещая написать, когда мне можно будет опять прийти во дворец.

Печально вернулась я в квартиру, в которую мы недавно переехали. Нам нашла ее наша кухарка Феодора. Весь наш домашний штат выразил желание остаться у нас на службе, а я была рада снова жить с Юрием и его бэби.

Продолжался день, и в городе было еще спокойно. Ночью все улицы были полны пьяными рабочими и солдатами. Прошло много времени с тех пор, когда полиция Царского Села удаляла всех, кто был подозрителен.

Я чувствовала симпатию к нашей молодой горничной Паше. С ней вместе я исповедовалась на Страстной неделе. Глеб тоже причащался. Юрий же все время проводил с Нелли дома: она трудно поправлялась после родов.

Пасхальная ночь была самая грустная из всех, мною пережитых раньше. Мы сидели вместе почти безмолвно за нашим холодным ужином и с тяжелым сердцем думали о папе.

Перед тем как лечь в постель, я раздвинула шторы и с удивлением увидела море огней от горящих свечей,

которые несли верующие домой после ночной службы, чтобы зажечь от них лампадки у икон.

На следующее утро мне принесли роскошный букет роз. Кто мне его послал? «Тебе понравились цветы?» — просто спросил Глеб, и я поняла, что они от него. Мое удивление он воспринял очень весело.

Новые власти к Пасхе были безразличны. Они объявили торжественные похороны «жертв революции», которые погибли месяц назад при восстании в Петрограде. Эти похороны должны были пройти с особыми церемониями: покрытые красными флагами гробы опускали в могилу без священнослужителей и без молитв — только с песнями, в которых прославляли героические деяния павших.

Однако многочисленные жертвы случались и в религиозных семьях, и несмотря на зоркость охраны или с ее помощью, большинство трупов выкрали и втихомолку похоронили по православному обычаю.

Количество оставшихся покойников оказалось так мало, что церемония грозила перейти в фарс. Кто-то пришел к мысли тайно пробраться в морги петроградских больниц и украсть безвестные трупы, предназначенные для анатомических работ.

Торжественную похоронную траурную церемонию планировали провести в Царском Селе. Мы были потрясены, что это должно было произойти на прелестном лугу перед Александровским дворцом, как раз перед окнами Царского кабинета. На сей раз «жертвами революционной борьбы» была банда солдат, перепившихся этой морозной ночью и найденных где-то на задворках. В этот день мы только и мечтали: «Хоть бы погода перечеркнула их планы». И — о чудо! Когда почетный караул шагал к лужайке, над городом началась настоящая снежная буря, быстро разогнавшая всех зевак.

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ, когда я увидела папу, он сообщил мне, что и Царская Семья вздохнула легче, ибо несмотря на организацию этого траурного торжества,

революционеры тоже задумались: «Если Царь отрекся, то только для того, чтобы не лилась больше русская кровь!»

В начале мая 1917 года папа дал мне знать, что я опять могу посетить его во дворце. На сей раз я узнала от него важное известие: Царская Семья не будет оставаться на зиму в Царском Селе. Но место назначения еще неизвестно.

Переговоры, которые вело Временное правительство с Англией о переводе Царской Семьи за границу, наткнулись на категорический отказ англичан принять сверженную с трона Чету*.

Папа сказал мне также, что прежде всего надо вывезти из дома на Садовой все наши вещи и спрятать в надежном месте. Так как у Гудовичей было много имений, папа предложил попросить у них разрешения перевезти к ним наши личные сундуки, мебель и рояль.

Папа сообщил, что Дворцовый комендант смещен. Теперь — это отставной тяжело раненый гвардейский офицер — полковник Кобылинский, довольно сердитый «бурбонистый» мужчина, но всячески старавшийся по возможности улучшить существование пленников.

«Я думаю, хорошо, если бы он сопровождал Царскую Семью в ссылку», — сказал еще папа.

«Я во всяком случае поеду с тобой, куда бы тебя ни послали», — объявила я.

Папа попробовал слабо, но все же ободряюще улыбнуться.

Кобылинский? Мне показалось это имя знакомым. Внезапно я вспомнила: это был тот тяжело раненый, о котором мне рассказывала госпожа Битнер, тот самый, о ком она молилась у гроба Павла Первого!

Выйдя из дворца, я сразу отправилась к своей старой приятельнице. Она, как всегда, была сама приветливость. «Да, это он, — подтвердила она сразу же. — Это человек замечательный, но у него трудная задача. Он стоит между двух огней: Их Величества его презирают, поскольку он

* Письма русского посла в Португалии Петра Боткина французскому правительству остались тоже без ответа. Франция тоже отказалась.

стал их тюремщиком после того как принадлежал к знаменитому полку. Из этих же соображений его подозревают солдаты и правительство. — Она продолжала, — ты знаешь, что Анна Вырубова покинула дворец? Она тоже заразилась корью, а когда поправилась, Керенский запросил решение твоего отца. Он хотел знать, можно ли ее отправить домой. Твой отец сказал: “Да”, и тогда она должна была покинуть Государыню».

Мы узнали позже, что Керенский не сдержал своего слова. Он посадил Вырубову в Петропавловскую крепость, к тому же при ужасных обстоятельствах, и только через шесть месяцев после бесконечных допросов и издевательств ее выпустили. Она должна была представить справку о своей девственности, чтобы доказать, что она не была любовницей Распутина. После освобождения ее приютила бедная семья, которую она раньше поддерживала с помощью Государыни. Позже она смогла переселиться в Финляндию, а затем в Швецию, где тихо и закончила свою жизнь. Естественно, не зная, как сложатся дальнейшие события, отец спас Вырубовой жизнь*.

«Если Царская Семья должна покинуть Царское Село, — сказала я, — отец поедет тоже, и я буду его сопровождать, чего бы это ни стоило! Не может полковник Кобылинский замолвить за меня слово?» Битнер кивнула: «Я тоже, Танечка, уеду куда бы то ни было. Я не оставлю бедного полковника Кобылинского одного».

Затем обняв за плечи, она стала трясти меня, как грушу, — это была ее манера выказывать свое расположение.

«А твои братья?» — поинтересовалась она.

«Не знаю, — ответила я. — Не думаю, что Юрий будет нас сопровождать. У них маленький ребенок, а жена себя плохо чувствует. Но Глеб поедет обязательно».

Битнер стала серьезной: «Твой отец обращался к Керенскому и просил срочно отправить всю Царскую Семью

* Рассеянные по миру изгнанники не имели информации друг о друге, поэтому некоторых фактов из биографии А. А. Вырубовой Т. Е. Боткина не могла знать. См. библиографическую справку об А. А. Вырубовой (прим. О. К.).

в Крым, в Ливадию. Керенский отказал, уверяя, что по дороге на них могут напасть».

Я ничего не сказала, но хорошо представляла себе, что власти боялись попытки освобождения с помощью народа, так как авторитет правительства оставался спорным, а монархически настроенные офицеры не скрывали, что без Царя страна скатится к анархии и хаосу⁸⁰.

Мне предстояло приниматься за неблагодарную работу — убрать все, что нам принадлежало, из нашего любимого дома на Садовой улице. Рассортировать вещи и все упаковать — это занимало у меня в течение двух месяцев вторую половину дня. Было очень грустно и очень хлопотно. Одна, в грязи, в платке и фартуке, я рассматривала предметы счастливой поры, проведенной в этих стенах всеми нами. В ожидании скорого отъезда я заполнила папиными и своими вещами большой сундук и один чемодан и поставила их в подвал к госпоже Тевяшовой. Я всегда вовремя приходила к ужину, чтобы еще принять участие в семейной жизни. Известия с фронта, сообщаемые в газетах, не приносили ни малейшей надежды. Армия разбежалась. Советы солдатских и рабочих депутатов все меньше считались с авторитетом Временного правительства. По всей стране мужики перешли к грабегам и поджогам имений и уничтожению жителей. Нас тоже не пощадили.

Однажды вечером, когда я пришла с Садовой, Паша сказала мне: «Там для вас письмо, я положила его на письменный стол». Как конверт, так и почерк показались мне подозрительными, а текст привел в ужас. Это была анонимка: «Ваш брат Глеб Боткин вместе со своим другом Максом фон Хелленсом организует монархическое движение в пользу генерала Маннергейма. Если Вам дорога жизнь Вашего брата, повесьте сегодня ночью пакет с 2000 рублей на решетку собора напротив вашей квартиры. Если Вы не выполните эту просьбу, то Вы и Ваш брат будете уничтожены солдатским и рабочим Комитетом как монархисты и контрреволюционеры». Эту ночь Глеб должен был ночевать у Казем-Бека. Я решила, что лучше не показывать письмо Юрию. Он мог пойти на улицу и устроить скандал,

который нам повредит еще больше. Очевидно, письмо было составлено кем-то, кто не знал о существовании Юрия, иначе ему бы тоже угрожали. Видимо, это было делом какого-нибудь гимназиста, который хорошо знал о дружеских отношениях Глеба и Макса фон Хелленса, финского происхождения, сына полковника Императорского Стрелкового корпуса и связанного как-то с Маннергеймом. Очень часто моего брата наказывали за его легкомысленное поведение и шуточки. У меня больше не было денег, и у Юрия тоже. С момента заключения отца с нашими финансами было очень плохо, и о выкупе не могло быть и речи. Я решила не спать всю ночь и следить из-за занавески за решеткой собора.

Я уверена, что не спала ни секунды. Улица была совершенно пустынной. Когда с рассветом появились первые пешеходы я, усталая и озабоченная, пошла к себе в комнату. Глеб пришел к ужину, и когда мы остались одни, я дала ему прочитать письмо.

Судя по всему, оно его не очень испугало. «Что Маннергейм имеет намерение проскользнуть сюда, это верно, — сказал он просто. — К сожалению, я к нему никакого отношения не имею. Это месть одного из моих соучеников по классу...»

«ВЕЛИКАЯ БЕСКРОВНАЯ» — такой хотел Керенский видеть свою революцию, происходящую грандиозно и с размахом. Но событиями он не владел столь хорошо, как владел своим языком, своими речами. В Кронштадте матросы уничтожали своих офицеров, они убивали их, обливали бензином, чтобы сразу поджечь. Иногда они не давали себе труда их расстреливать, а сбрасывали живыми в общую могилу. На фронте наши части продолжали отступление. Солдаты братались с врагом или просто покидали свою часть, чтобы идти домой и принять участие в разграблении имений. В Петрограде они врываются во дворцы, сдирали портьеры, крушили мебель и паркеты. Вандализм разрастался. Мы узнали также, что в Петрограде появился некий Ленин. Говорили, что он очень опасный большевик, долго скрывался в Швейцарии, и немцы отправили

его в запломбированном вагоне домой. Он обосновался во дворце примы-балерины Кшесинской и с балкона стал говорить долгие речи. Его цель была ясна: разрушить все, что было построено Царями, установить военный режим и передать всю власть солдатам и рабочим. Само собой разумеется, что все нарушения порядка при этом оставались безнаказанными. Толпа слушала. Дезертиры радовались. А Временное правительство вообще не реагировало. Никто не думал, что Ленин придет когда-нибудь к власти.

ПОГОДА сделалась мягче, и Нелли, которая была еще очень слаба, схватила сильную простуду. Мы пригласили врача из Царского Села. Но он не смог остановить болезнь.

После недели интенсивного лечения он установил сложное воспаление легких, к которому мы не были готовы. Хотя мать Нелли жила с нами, но она привыкла быть окружена своей прислугой и не была нам помощницей.

Иногда отец телефонировал нам из дворца, и Юрий рассказал ему о нашей ситуации. В тот же вечер он был у нас дома. Полковник Кобылинский позволил ему оставить дворец.

Несмотря на наш страх за Нелли, мы были очень рады увидеть отца. Он сразу же подтвердил диагноз своего коллеги и начал лечение. Он попросил меня занять Талино место в госпитале, в котором ее не было с января. Он нашел, что лучше будет, если она останется дома у него под рукой, ведь опыт у нее был значительно больше моего.

Старшая сестра сердечно меня приняла, но я уже не нашла своих бывших пациентов. Я была очень разочарована: госпиталь был почти пустой. Солдаты братались на фронте так интенсивно, что раненых вообще не было! Я возвращалась домой пораньше и присоединялась ко всей семье, обосновавшейся в большом кабинете, который был переоборудован в папину спальню. Папа рассказывал нам с мельчайшими подробностями все, что произошло с момента нашего расставания. В тот день после памятной ночи, когда восставшие окружили дворец, Государыня из уст своей прислуги услышала об отречении Государя. Сначала

она не хотела этому верить, но Великий Князь Павел, дядя Царя и отец молодого князя Дмитрия, который принимал участие в убийстве Распутина, пришел к ней и подтвердил это известие.

Отчаяние Государыни было неопишимо. Ей удалось сохранять присутствие духа перед дочерьми, которым она сообщила об отречении, но препоручила Жильяру сказать об этом Царевичу. Через несколько часов во дворец прибыл генерал Корнилов*.

Будучи представителем Временного правительства, он разъяснил Ее Величеству, что она вместе с детьми, Государем и теми придворными, кто захочет с ними остаться, будут находиться на положении арестованных. Все остальные должны покинуть дворец. Государь телеграфировал из Ставки, где он ожидал посещения своей матери, Вдовствующей Императрицы Марии, что он вскоре вернется в Царское Село. Он приехал 9 марта 1917 года перед обедом. Полковник Кобылинский встречал его на вокзале. В Царском поезде было много свитских. Едва только они вышли, как сразу воспользовались любым предлогом, чтобы удалиться.

По-видимому, они хотели при любых условиях избежать судьбы, предстоящей Государю. В самом дворце большинство обслуживающего персонала покинули свои посты. Даже матрос Деревенько исчез, предоставив Царевича покровительству Нагорного, верно выполнявшего свой долг до самой смерти. Священник Александр Васильев, даже терпевший присутствие Распутина во время церковной службы, высоко почитаемый Царской Семьей, отказался отслужить молебен для Государыни.

Отцу было отвратительно поведение этих людей, которые сразу позабыли все, чем были обязаны Государю или его Супруге. Только князь Василий Долгоруков, гофмаршал, вернулся с Государем во дворец.

Поднимаясь по лестнице, запруженной солдатами, Николай II, как всегда, по-военному приветствовал их, отдавая честь. Ни один из них не ответил ему.

* Корнилов прибыл 8 марта в 8 ч. 45 мин. (прим О. К.).

ЖИЗНЬ ПЛЕННИКОВ медленно стабилизировалась. Дети оправились от кори, Цесаревич стал опять шалить и играть со своей собакой, как прежде.

Четыре Великие Княжны заняли одну комнату. Ольга и Мария, самые хрупкие, спали в настоящих кроватях. Татьяна и Анастасия поделили большой диван. Иногда Татьяна засиживалась вечерами в кабинете Царя, который громко читал ей вслух. Когда она возвращалась к сестрам, то говорила: «Я была одна у отца, так было хорошо с ним вместе».

Чтобы у детей не было перерыва в образовании, Государыня организовала уроки. Жильяр, как всегда, преподавал французский язык, баронесса Буксгевден — английский. Государь давал Царевичу уроки истории и географии, доктор Деревенко — естествознание, а папа — русскую литературу.

Он начал знакомить своего молодого ученика со стихами Лермонтова, и вскоре Алексей страстно полюбил легкие, изящные, иногда горькие стихи этого поэта, убитого на дуэли в 28 лет.

Николай II был хороший спортсмен, и физическую бездеятельность он переносил тяжело. Получив от Кобылинского разрешение разбить маленький огород, он так усердно работал лопатой и мотыгой, что охрана наблюдала за ним с большим удивлением. Однажды мой отец слышал, как охранник прошептал: «Этот умеет трудиться, если б ему дать маленький кусочек земли, он бы быстро завладел опять всей Россией...»

Глава XXIV

Прощание с прошлым

«**Э**ТО БОЛЬШЕ не солдаты, а люмпены и трусы». Васильев использовал свой фронтовой отпуск, чтобы побывать у нас в новой квартире. Но вместо того чтобы, как раньше, описывать геройство своего храброго 16-го Штурмового отряда, он ругал своих людей за недисциплинированность. Его лицо выдавало усталость, глаза были безжизненны, он казался совершенно деморализованным и не пытался этого скрывать.

«Я вообще не могу командовать “ватаку!”, ибо я не знаю, последуют ли они за мной, — сокрушался он. — Надо стоять за ними и подталкивать, угрожать им, как стаду телят. Как можно победить при таких условиях!?»

С некоторых пор пошли слухи, что Керенский хочет инспектировать фронт и подтолкнуть войска к атаке. Генерал Рузский уже попытался «просить» советских солдат провести подготовленное к февралю 1917 года Царем и генералом Алексеевым наступление. Но из этого ничего не вышло. Положение Временного правительства стало критическим.

Советы солдатских и рабочих депутатов приобретали все большее значение. Кругом воровали, подкупали, грабили целые конвои. Временному Правительству нужны были деньги, и оно попросило кредит у США. Вильсон ответил, что сначала надо разобраться в военных делах; пока русские войска продолжают «брататься» с врагом, о финансовой помощи не может быть и речи.

Мы никогда не видели Васильева так пессимистически настроенным. Отец не мог согласиться с ним и еще верил в патриотизм русских солдат: «Они опомнятся. Армия никогда не согласится с бесчестием и унижением побежденных».

Васильев уже не имел никаких иллюзий. «Они потеряли головы, — повторял он. — Я не узнаю их. Они дали ход самым низменным инстинктам и больше не способны на такие чувства, как гордость».

День клонился к вечеру, когда я собралась уходить, потому что должна была собираться к переезду с Садовой улицы. Васильев коснулся моей руки, как будто хотел меня задержать. Его голос задрожал, он казался глубоко расстроенным: «Милая Тетушка, — сказал он, — у меня нет большого желания помочь вам с переездом, но я должен буду там попрощаться. В последний раз хотелось бы увидеть этот гостеприимный дом, где нам всем было так хорошо вместе. Завтра, рано утром, я уезжаю в нашу “победоносную” армию, которая наверняка после пламенных речей Керенского обретет снова свое мужество!»

ВАСИЛЬЕВ нашел меня позже в одной из верхних комнат, когда я убирала письменный стол Дмитрия, к которому никто не прикасался с момента его смерти. В одном из ящичков я наткнулась на куклу Мариночку. Я стояла среди сундуков, пустых шкафов, открытых комодов и сдвинутой мебели, крепко прижав к сердцу этот остаток счастливого времени. У меня было ощущение, как будто я спасла его при кораблекрушении, тогда как все наше прошлое невозвратно затонуло.

Я провела Васильева в голубую гостиную, которая еще не была убрана. В этой комнате, в которой еще оставался какой-то уют, все-таки что-то гнетущее веяло в воздухе и вызывало боль в груди. Мебель была уже передвинута, картины, казалось, висели криво, повсюду лежала пыль, и это старое, уютное место выглядело уже давно покинутым. Мы сели на большую тахту. Васильев молча оглядывался, как будто хотел навечно запечатлеть в своей памяти эту комнату, где так часто звучали их разговоры с Константином Мельником. После долгого молчания он взял мои руки и поцеловал их одну за другой: «Ну, дорогая Тетушка, до свиданья». Он никак не мог решиться уйти. Он последовал за мной и смотрел, как я упаковываю книги и фотографии. Я чувствовала некоторое смущение: казалось, он ожидает от меня чего-то, а я не знала, как реагировать.

«Милая Тетушка, что вы будете делать, когда ваш отец последует за Государем в ссылку?» — «Я последую за ним, как только узнаю, где он и как мне туда добираться». — «Ну тогда до свидания».

Он опять взял мои руки в свои и стал покрывать их поцелуями.

«Но мы же уже простились», — удивилась я.

Его взгляд выражал одновременно и тоску, и упрек. Он отпустил мои руки и пошел к дверям на лестницу. Как хорошая хозяйка, я из дружбы и вежливости пошла с ним. Он казался таким встревоженным... Уже на пороге он отпустил ручку двери и повернулся ко мне. Глаза его были полны слез. Он опустился передо мной на колени и прижал свое лицо к моему платью. «Мне не везет! Это, без

сомнения, моя вина!» Бедный Васильев! Значит, он любил меня, а я-то испытывала к нему только дружбу. Я не могла ему соврать, он казался так много старше меня! Я хотела положить руку ему на плечо, но он резко поднялся.

«Только не это! Прощайте!» Не оборачиваясь, он бросился из комнаты и побежал по лестнице. Я слышала, как хлопнула за ним дверь.

Время любви и беспечности кончилось.

ПОСЛЕ нескольких бойких патриотических речей Керенский открыл свое знаменитое наступление. Вначале было несколько шумных успехов, но немцы тотчас же усилили свои позиции, решив во что бы то ни стало использовать преимущества, которые давала поддерживаемая ими революция.

Потом пространные речи Керенского были внезапно забыты. При германской организованности недисциплинированность наших войск вела только к полному разгрому. Дезертирство снова увеличилось. Солдаты критиковали приказы начальства или просто сопротивлялись наступлению. Константин Мельник писал нам, что гонит своих людей на фронт, толкая их саперными лопатами в спину.

Однажды в разведке он увидел совершенно голый труп, повисший на проволочном заграждении. Он подошел поближе и с ужасом узнал Васильева*.

Был ли наш друг убит немецкой или русской пулей? Кто его раздел? В это время дезертиры и мародеры обращались против своих же офицеров и при первой возможности убивали их. На фронте теперь стало все дозволено.

КОГДА НЕЛЛИ окончательно была вне опасности, папа снова решил занять свое место во дворце при Царской Семье. Он позвонил Кобылинскому, но тот ответил, что теперь нужно персональное согласие Керенского. Через

* Племянник Васильева Алекс Васильев — единственный французский адмирал русского происхождения (прим. Л. Капоровой).

несколько дней Керенский вызвал папу к себе. Беседа проходила в ледяной атмосфере, глава Временного правительства был одержим идеей заговора, он боялся, что верные Царю офицеры похитят Царскую Семью, и это вызовет контр-революцию.

«Я думаю, лучше всего было бы отправить Царскую Семью в их владения в Массандре, — предложил папа снова. — Климат был бы для всех них очень полезен».

Но забота о здоровье Царской Семьи меньше всего волновала Керенского. Он прервал отца: «Нет, не в Крым! Я определил для этого город в Центральной Сибири. Пока я не могу его назвать, но рекомендую вам взять теплые вещи. Зима в этом краю очень суровая. Они выедут примерно через две недели!»

30 июля папа со своими вещами опять переехал во дворец.

ДОМА медленно кончались деньги. К счастью, я нашла на Садовой несколько денежных купюр в ящике папиного письменного стола. Это поможет какое-то время продержаться. А дальше? Глеб решил ехать в имение Казем-Беков недалеко от Казани. У него оставалось как раз столько, чтобы оплатить дорогу. Но это, казалось, его не беспокоило, оттуда он хотел пробраться в тот сибирский город, о котором говорил Керенский. Юрий же собирался с Нелли и ее семьей на Кавказ, а я, вопреки всякой логике, должна была жить в Екатерининском дворце и ждать папиных указаний. Несмотря на угрожающие события и наши финансовые трудности, мы старались сохранить трезвые головы.

Дядя Саша же, напротив, был все таким же деятельным и нерасчетливым. Однажды он так таинственно позвонил нам из Петрограда, что мы были ошарашены. Он хотел поговорить только с Юрием и очень быстро, но брат не должен был приходить к нему домой. Дядя Саша договорился встретиться на очень оживленной улице далеко от вокзала.

«Если мои руки будут скрещены за спиной, — добавил дядя Саша, — Юрий должен сделать вид, что он меня

не видит, и идти дальше». Когда Юрий пришел на место встречи, он еле узнал морского офицера. Саша оделся как бродяга и шел волоочащейся походкой вдоль по улице, согнувшись и опираясь на палку, как нищий. Руки не были скрещены за спиной, так что Юрий заговорил без особых предосторожностей. Он нашел маскарад Саши очень веселым и сделал вид, что ищет несколько копеек в кармане. Но шутка не была одобрена дядей Сашей. «Оставь эту ерунду, Юрий, положение серьезно! Все шпионы, которых я посадил, выпущены Временным правительством. Наша жизнь в опасности! У этих типов в голове только месть».

«В таком виде ты ничем не рискуешь, — ответил Юрий. — Бедные люди сейчас возвысились».

«Тебе хорошо смеяться! Если вы не одумаетесь, ваше легкомыслие будет стоить вам жизни. Я отправляюсь со своей семьей в Крым, я снял там маленький домик где-то в горах. Если большевики захотят меня поймать, я встречу их стрельбой и уничтожу всех. Твоя тетя Мария мне в этом поможет, она тоже хорошо стреляет!» Дядя Саша незаметно оглядывался по сторонам. Внезапно он кинулся к Юрию, схватил его за горло и зашипел: «Это секрет, если ты скажешь об этом кому-нибудь, я тебя задушу. Предупреждаю тебя!» Юрий высвободился насколько смог. «Нищий, который душит офицера посреди улицы, сейчас ничем не рискует; можешь этим воспользоваться!» Дядя Саша наконец успокоился и вытащил из кармана тщательно завернутый пакетик. «Это от тети Елены. Она просила меня тебе это передать для твоей семьи. А теперь до свиданья, да благословит тебя Бог!»

Придя домой, Юрий открыл подарок тети Елены. Это был небольшой пакетик акций из банка, где дядя Казицын был директором. Каждый из нас получил по 35 000 рублей. Деньги действительно были кстати!

Керенский назначил Кобылинского командующим трех отрядов, которые должны были охранять Царя. Это называлось «Отряд особого назначения», который состоял из 1-го, 2-го и 4-го Гвардейских Стрелковых полков. Гражданским уполномоченным Временного правительства

До конца оставшиеся верными Царю:
Е. А. Шнейдер, генерал И. Л. Татищев, Пьер Жильяр,
графиня А. В. Гендрикова, князь В. А. Долгоруков.
Царское Село. Март, 1917 года

при Царской Семье был назначен комиссар Макаров. Желавшими сопровождать Государя в изгнание были: фрейлина графиня Анастасия Гендрикова, гофлектриса Екатерина Шнейдер, гофмаршал князь Василий Долгоруков, лейб-медик Царя, то есть мой отец, и воспитатель Царевича Пьер Жильяр; доктор Деревенко и баронесса Букстевден получили разрешение присоединиться позже. Керенский просил Царя назвать еще кого-нибудь из его личного окружения. Николай II предложил целый список генералов свиты. Когда им сообщили о желании Императора, ни один из них не выказал желания сопровождать Государя в Сибирь. Последним в списке Царь упомянул генерала

Татищева, который сразу же согласился. До войны генерал Татищев был русским военным атташе в Германии; в 1914 году был назначен флигель-адъютантом Царя. Однако он жил не во дворце и даже не считался близким приближенным.

Отъезд был назначен в ночь с 31 июля на 1 августа 1917 года. Поздно вечером Керенский появился в апартаментах Царя. «Все должны быть наготове, — объявил он, — не позже часу ночи весь багаж должен быть в одном месте». Глава Временного правительства был озабочен и лихорадочно возбужден; подстегиваемый страхом, он проводил время у телефона, отдавал приказания, отменял их, лично контролировал любую мелочь.

В большой гостиной крепко спал на диване Наследник. Время проходило, но никакого указания не было; прошло три, четыре часа утра... Ожидание становилось тягостным. Государыня и Великие Княжны тихо плакали, не в силах утаить печаль, от страха и усталости. Отец ходил с успокоительными каплями и стаканом воды от одной к другой и пробовал приветливым словом их взбодрить.

Царь, как всегда, сохранял достойное примера спокойствие.

Наконец Керенский потерял терпение. Железнодорожники бесконечно обсуждали приказы Временного правительства и заставили себя долго ждать, прежде чем подали поезд. Когда стало светать и в помещение проник рассвет, Керенский дал наконец приказ подать автомобили, в которых должны были быть доставлены на вокзал Царская Семья и ее свита.

Печальный конвой с невероятной быстротой мчался по тихим улицам Царского Села и без всяких трудностей прибыл к поезду. Керенский, лично наблюдавший за посадкой пленников, отказался все же назвать город назначения. Только в Сибири, а именно в Тюмени, Царская Семья после четырех дней пути узнала, что их должны доставить в Тобольск. Путешественники пересели на пароход «Русь», на котором по Иртышу они должны были быть доставлены к конечной цели.

Пароход проходил мимо села Покровское, где недалеко от реки возвышался богатый двухэтажный дом, внешне напоминающий крестьянскую избу и отличающийся от других своими размерами. Это был дом, где родился Распутин. Царская Семья вышла на палубу, чтобы посмотреть на него подольше. Никто не говорил ни слова.

В Тобольске, когда судно причалило, полковник Кобылинский в сопровождении офицера отправился в бывший губернаторский дом*, предоставленный для расположения Их Величеств с детьми и частью сопровождающего их персонала. Члены свиты должны были разместиться в большом доме напротив, принадлежавшем богатому тобольскому купцу Корнилову, который уже покинул город. Кобылинский установил, что ремонтные работы в этих домах еще не закончены, так что Царская Семья со свитой и всем персоналом должна была провести две недели на борту парохода. К счастью, погода была хорошей, все пассажиры вышли на берег, чтобы размять ноги или посидеть на песке и погреться на приветливом, но уже слабом осеннем солнце.

Ремонт продвигался довольно медленно. Большинство русских строительных рабочих были на фронте, те же, кто остался, оказались в основном неспособными к труду. Полковник Кобылинский решил поэтому взять пленных немцев из сибирских лагерей. Через несколько дней малярные, плотничьи, электротехнические работы были закончены. Недостающая мебель покупалась у частных лиц, причем отец скоро стал обладателем двух роялей — одного для Великих Княжон, другого — для меня. Когда все было готово, пленники проследовали пешком от причала к своему новому месту жительства. Местные жители, наслышанные о происходящем, стояли вдоль дороги небольшими группками и деликатно молчали. Когда надо было перейти через порог, Царь поднял голову и прочел надпись над входом. Дом губернатора был переименован, он назывался теперь «Дом свободы».

* Дом губернатора Николая Александровича Ордовского-Танаевского. В 1915–1918 годах — губернатор Тобольска. См. биографическую справку о нем (прим. О. К.).

Глава XXV

Отъезд в Сибирь

«КАК ЖЕ ВЫ собираетесь переезжать?» — растерянно спросил меня Василий. Упаковка и уборка на Садовой были закончены. Мне надо было только перевезти нашу мебель в один из домов графа Гудовича. Это было непросто, потому что после революции обслуживающие конторы были дезорганизованы полностью. К счастью, наш милый Василий поспешил на помощь.

«Я не представляю, как быть. Василий, дай мне совет».

«Искать сейчас специалистов по перевозке то же самое, что искать в стоге сена иголку, в особенности таким людям, как вы. Вы рискуете, что у вас все раскрадут. Подождите, я спрошу Федора».

Так я узнала, что кучера, который возил папу десять лет, звали Федор. Несколько дней спустя я увидела целую толпу сильных мужчин, одних совсем молодых, других постарше, которые пришли к нам в дом. На них были царские ливреи: короткая черная куртка, бриджи с сапогами и черная с красной выпушкой шапка. Они пригнали несколько тележек на больших колесах, в которые были впряжены роскошные придворные лошади; еще несколько месяцев тому назад они возили элегантные коляски. Моей главной заботой был рояль. Как будут его спускать с первого этажа? Мое беспокойство вызвало у Федора улыбку. В один момент мужчины подвинули рояль на террасу, затем обвязали его толстыми канатами и с необычайной осторожностью спустили через балюстраду в сад.

«Как видите, барышня, он целехонек! Когда будет время поспокойнее, будете, как и прежде, на нем играть...» Когда я увидела свой рояль, крепко привязанный к телеге, у меня сжалось сердце при словах «как прежде».

Теперь дом был пуст. Я еще раз обошла его, чтобы проверить, что ничего не забыто. Я старалась ни о чем не думать, чтобы не поддаться ностальгии. Ставни были закрыты, двери тоже... На лестнице ожидал Василий.

«Сколько я должна Федору и его друзьям за перевозку?»

«Они еще раньше сказали, — возразил Василий с широкой улыбкой, — что не возьмут никаких денег. Его Превосходительство очень часто лечил их семьи даром...»

Я провожала глазами телегу Федора, на которой посреди мебели стоял мой рояль Василий тоже глядел несколько смущенно.

Он первым прервал молчание.

«Барышня, вам нельзя больше оставаться. Теперь все кончено...»

Через два дня я появилась со своими вещами в Екатерининском дворце. Начальница встретила меня с материнской заботой.

«Милая девочка, на первом этаже одна постель свободна, но вы тогда должны делить комнату с сестрой Грот и сестрой Фоменко; на втором этаже есть комната с ванной, сестры не хотят в ней жить, потому что она принадлежала к апартаментам Павла Первого. Они боятся, что он появится привидением». Я решилась на привидение Павла I. Комната была обширная и устроена с большим вкусом. Окно выходило в парк, и сквозь вершины деревьев я угадывала наш дом на Садовой, покинутый нами без всяких надежд на возвращение. У нас больше не было дома, члены нашей семьи были раскиданы по разным концам России, и у меня было такое ощущение, что мир, в котором я жила, уходит из-под ног.

Население Петрограда выказывало все более враждебное настроение к Временному правительству. Ленин держал речи одну за другой и призывал солдат и рабочих к захвату власти. Сдержанное недовольство, охватившее весь Петроград, могло в любую минуту перейти в кровавую демонстрацию.

Я охотно заглушила бы свою печаль работой, но половина кроватей оставались незастеленными, и врачи уже говорили о том, что госпиталь надо опять закрывать.

«СЮДА на несколько дней вернется лейтенант Ацен». При этом известии лицо сестры Грот посветлело. Она часто рассказывала мне об этом литовском солдате, его

необыкновенном мужестве в бою и способности переносить боль. Когда он появился за столом, начальница тотчас же представила его мне: «Лейтенант Ацен. Сестра Боткина».

Я повернулась к незнакомцу, но улыбка застыла у меня на лице. Несомненно, лейтенант Ацен был красивым мужчиной: высокий, стройный, под легким голубым халатом угадывалось атлетическое, хорошо тренированное тело. Его острые, но не уродливые черты лица излучали мужское обаяние. Но я не могла освободиться от подсознательного чувства, которое меня отталкивало от него, — я чувствовала, что этот человек может быть бессовестным, наглым и жестоким.

После окончания обеда он встал из-за стола и взял с собой толстую книгу.

Начальница удивленно спросила его:

«Как, лейтенант Ацен, вы будете продолжать ваши занятия? — и, обратившись ко мне, добавила: — Лейтенант готовится самостоятельно к экзамену на инженера-химика...»

Я вежливо кивнула. Ацен с сильным литовским акцентом сказал: «Мне это нужно. Меня не должны были, в сущности, призывать». И с подчеркнутым презрением он произнес слово «призывать», как будто не было ничего отвратительней этого.

Несколько дней спустя, когда я вошла в палату к только что прооперированному еще одному литовцу, я увидела, как лейтенант Ацен, сидя на постели, курил трубку.

«Господин лейтенант, — сказала я как можно спокойнее, — вы, конечно, знаете, что курение в комнате только что прооперированного строго запрещено».

Не вынимая трубки изо рта и глядя мне прямо в глаза, он, пуская колечки дыма в потолок, улыбаясь и как можно медленнее удалился с трубкой во рту.

Совершенно вымотанная, я тоже покинула комнату. После этого происшествия лейтенант Ацен при встречах в коридорах госпиталя смотрел мне прямо в глаза, но не здоровался.

«Здесь солдат, который вас спрашивает», — окликнула меня сестра через дверь комнаты.

Было около девяти вечера, госпиталь был почти пуст. От страха у меня сжалось сердце. В это время простые солдаты не вызывали доверия; им, «взбодренным» революционной пропагандой, доставляло удовольствие пугать дворянские семьи или семьи высших военных чинов.

Когда я, спускаясь по лестнице, увидела, кто стоит внизу, мой страх прошел, уступив место чувству радости. Дима, брат Нелли, ожидал меня на лестнице первого этажа. Спокойно, но решительно он ходил взад-вперед. Увидев меня, он очаровательно улыбнулся.

«Я рад тебя видеть, Танечка. Наша Дикая дивизия устроила себе штаб-квартиру недалеко отсюда. Когда могу, я всегда езжу в Петроград. Я вернусь. А пока вот тебе телефон, по которому в случае необходимости меня можно найти».

«Спасибо, Дима, большущее спасибо. Ты должен знать: я получила письмо от папы, опущенное где-то по пути в Сибирь. Я до сих пор не знаю, когда мне можно будет ехать к нему». — «Обещай мне не уезжать, не предупредив меня. Я попробую тебя проводить на вокзал. Сегодня я не могу дольше оставаться. До свидания».

Диму я знала до сих пор по восторженным рассказам его сестры, и он всегда был мне симпатичен. В это суматошное время его жизнерадостность и солнечность действовали отрадно. Его короткий визит придал мне мужества: будущее показалось не таким мрачным, как до этих пор, в этой одинокой комнате, где я часами ожидала сна.

В тот же вечер во входную дверь госпиталя опять постучали. Было мое дежурство: как только я открыла, мне на руки упала молодая женщина в длинном черном пальто. Это была Маргарита Хитрово, друг Царской Семьи, ее брат был вместе с Дмитрием в Пажеском корпусе. Она ухаживала за Великими Княжнами во время их болезни как медсестра и с тех пор стала искренней почитательницей Царской Семьи.

«Вы знаете, что они все в Тобольске?» — спросила она сразу.

«Да, папа писал».

«Тогда мне надо туда как можно скорее. Я знаю паломников, которые отправляются в Тобольск, чтобы помолиться у мощей святого Иоанна*. Я к ним присоединюсь, чтобы при первой возможности навестить Царскую Семью. Дайте мне письмо к вашему отцу. Это доставит ему радость».

Маргарита Хитрово, казалось, не понимала всей серьезности обстановки. Она была возбуждена, как маленький ребенок, который играет в заговорщиков.

«Я не отправилась бы туда на вашем месте, — воскликнула я. — Вы не относитесь к тем, кто занесен в списки сопровождающих Царскую Семью. Ваше появление может доставить неприятности всем».

«Ни в коей мере! Почему я могу оказаться подозрительной? Вы увидите, все будет хорошо».

Через две недели я получила открытку от Маргариты, которая меня взволновала:

«Население полностью на нашей стороне. Успех нашего предприятия обеспечен. Рита».

Маргарита действительно верила, что может участвовать в заговоре по освобождению Царской Семьи. И это она написала черным по белому в открытке! Такая беспечность, такая инфантильность подействовали на меня ужасно.

Письмо от папы прояснило мне окончание этой истории.

В Тобольске Рита случайно встретила Настеньку Гендрикову, которая шла как раз из «Дома Свободы». Настенька ее сердечно приветствовала, взяла к себе и сообщила папе о ее приезде. Через несколько минут полковник Кобылинский примчался в дом Корнилова и дал тотчас приказ арестовать Риту. Сейчас же был произведен обыск у Настеньки и у папы, но, конечно, никаких доказательств заговора найдено не было.

Риту Кобылинский отправил под охраной обратно в Петроград, где ее сразу же арестовали. Ее сумасшедшее предприятие имело, однако, непосредственное последствие

* Святитель Иоанн Тобольский (1651–1715) прославлен в лике святых 23 июня 1916 года; его честные мощи покоились в Софийском соборе в Тобольске (прим. О. К.)

для жизни арестованных. Комиссар Макаров, который был всегда очень предупредителен к Царской Семье, был назван солдатами спецхраны «слабаком».

Донесение дошло до Керенского, который сразу отозвал Макарова и заменил его двумя новыми, менее лояльными комиссарами. Когда через несколько дней ко мне пришел один комиссар, я подумала, что я тоже нахожусь под подозрением и что это связано с Ритиной открыткой. Но человек, ожидавший меня у парадной, выглядел так корректно, лицо его было так симпатично, что моя растерянность сразу прошла.

«Макаров, — представился он, пожав мне руку, — бывший комиссар при Царской Семье».

Папа рассказывал мне обо всех усилиях, которые предпринимал Макаров, чтобы облегчить судьбу арестованных. Увидев его, я очень пожалела об его отставке. В нем не было ничего от революционера. Он был хорошо воспитан, серьезен и даже приветлив. Он рассказал, что посетил меня по просьбе папы, который обо мне очень беспокоится; дал мне советы для моего отъезда и заботливо предупредил об однообразии и суровости сибирской зимы.

«Возьмите теплые вещи, — повторял он, — книги и кое-какие любимые предметы, которые украсят вашу комнату: фотографии, салфеточки, картины... Там этого нет, а зима бесконечная».

В связи с моим переселением в Тобольск Макаров доверил мне устное сообщение от папы. Гувернантка Настеньки Гендриковой — учительница, жившая в Царском Селе, — выразила желание ехать со мной, чтобы разделить изгнание своей воспитанницы. Старший брат фрейлины граф Петр Гендриков должен был организовать путешествие и достать билеты.

Прощаясь со мной, Макаров прошептал: «Скажите в Тобольске, что я всегда в распоряжении Царской Семьи и сделаю все, что в моих силах, чтобы им помочь».

Россия переживала действительно странные времена: этот человек, готовый оказать помощь, был между тем все же членом соцреволюционной партии...

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ агитации со стороны Советов, которые в Петрограде становились все активнее, Керенский искал убежище в Царском Селе, где поселился в Екатерининском дворце.

Покои Александра II, которые он занял, граничили с очаровательным садом, за которым находился сад нашего госпиталя. Я часто видела его одного, сидящего среди цветов на скамейке. Он был маленький, хилый человек с невыразительным лицом, и я с трудом могла себе представить, что он держит в руках судьбу России и Царской Семьи.

После визита Макарова я начала собирать вещи. Известие о моем скором отъезде облетело госпиталь. Наш лучший санитар, очень симпатичный человек, задержал меня однажды в дверях и начал тихо умолять, чтобы я взяла его в Тобольск, чтобы он мог служить Государю до конца своей жизни. Это меня очень тронуло, но мое прибытие в ссылку вместе с незнакомым человеком, без сомнения, вызвало бы осложнения. Может, еще худшие, чем у Риты.

Огорчение этого человека меня ранило. С нашей молодой горничной Пашей было еще хуже. Она просила меня взять ее с собой в Сибирь. Так же, как и санитару, я объяснила ей, что это невозможно, и она потонула в слезах. «Я умоляю вас, возьмите меня, возьмите меня с собой. Я так одинока с тех пор, что вы живете в госпитале. У меня нет семьи, нет никого...»

Напрасно я расписывала ей все ужасы жизни, ожидающие нас в Тобольске, Паша не хотела ничего слышать и беспрерывно рыдала. Расстроенная, в слезах, я с ней простилась. С тех пор никогда никто не получал о ней никаких известий.

Мое прощание с госпожой Тевяшовой было тоже очень грустным. Она отказывалась покинуть Петроград по причине, которую не хотела мне объяснить. У нее были деньги, и, как многие семьи, она могла бежать за границу и на Юг, куда еще не проникла революционная агитация.

Покидая ее дом, находившийся рядом с казармами, я услышала за собой твердый шаг солдатских сапог.

Я была в форме сестры милосердия, и друзья говорили мне, что в своей белой косынке я очень похожа на Великих Княжон. Спутали ли меня с одной из них? Я ускорила шаги, не оборачиваясь, но сзади тоже ускорили шаги, и я поняла, что не уйду от преследования. Внезапно я услышала голос, который меня позвал: «Барышня, это же я, Матвей!»

Облегченно вздохнув и счастливая от этой встречи, я остановилась; так как несмотря на его большевистские убеждения, я всегда доверяла этому солдату.

«Это правда, что вы едете в Сибирь?»

Откуда он мог это узнать?

«Да, Матвей, это правда. Я скоро уезжаю».

«Тогда передайте большой привет вашему отцу от меня (теперь ему не надо было говорить “Его Превосходительству”). Я вам напишу. По какому адресу?»

Не думая об опасности, я сказала:

«Дом Корнилова, Тобольск».

«Я так и слышал у себя в части. У меня там несколько приятелей. Ну, счастливого пути, барышня!» — он приветливо улыбнулся и простился по-военному.

Я спрашивала себя не без страха, зачем солдаты расположены в доме Корнилова. Какая жизнь ожидает меня в Тобольске?

Гувернантку Настеньки Гендриковой, которая должна была сопровождать меня во время путешествия, звали Викториней, но вся семья называла ее Викочкой.

Увидев ее впервые, я поняла, что она будет мне скорее помехой, чем помощью. Передо мной сидела маленькая пожилая дама с белыми, тщательно собранными в узел волосами. Ее лицо было таким милым, взгляд таким доверчивым, что нетрудно было себе представить, что она провела всю свою жизнь в семье Гендриковых, воспитывая детей, без всякого контакта с жестокой действительностью реального мира. У нее имелись все необходимые для нашей поездки документы, но не было никаких известий от графа Гендрикова, которому предстояло позаботиться о плацкартах в поезде.

Сейчас это было не так уж плохо, так как назревали важные события, которые заставляли нас откладывать отъезд: воодушевленный слабостью Временного правительства, новый Главнокомандующий генерал Корнилов решил направить войска на Петроград, и планируемый ввод Дикой дивизии под командованием генерала Крымова вызвал панику в столице.

Начальница пригласила меня в канцелярию: «Моя милая девочка! У вас сегодня ночное дежурство. Я надеюсь, все пройдет благополучно. Дикая дивизия стоит совсем близко. Я ее не боюсь, но я знаю их дисциплину. Я боюсь реакции большевиков на казаков. Чтобы отомстить, они ни перед чем не пойдут. Если вы услышите хотя бы малейший подозрительный шорох, разбудите меня. Я вас заменю, и вы сможете запереться у себя в комнате». Перспектива встретиться с жаждущими крови большевиками была ужасна, и я провела тяжелую ночь. Я смотрела то в направлении площади, то в направлении парковых аллей в темноту и не могла побороть страх. Малейший шорох ночью, будь то лошадиный топот или стук колес коляски, заставляли меня вздрагивать. Наконец небо начало понемногу светлеть, и мои ночные страхи исчезли. Если теперь придет опасность, я не буду одна.

Ранним утром пришли известия, которые я посчитала катастрофическими. Корнилов не сверг Временное правительство, и генерал Крымов покончил собой. Когда Дима Абаза навестил меня в форме Дикой дивизии, я не посмела задать ему вопрос об «афере Корнилова». Я дала ему адрес тети Раиных друзей в Петрограде, где буду жить в ожидании билетов в Сибирь. Прощание с госпиталем было печальным. Растроганные до слез начальница и сестра Грот проводили меня до входа в парк, где я встретилась с тетей Раей. Она взяла извозчика, который довез нас до вокзала. Проезжая по Садовой улице, мы заметили, что наш дом заселен. Портьер больше не было. Солдаты часто снимали их и дарили своим женам. Несмотря на хорошую погоду и раннее утро, у папы в кабинете горела большая люстра, и мужчина в рубашке-хаки сидел у письменного стола...

От отвращения я закрыла глаза. Когда Корниловский мятеж разогнали, я решила, что скоро появится граф Гендриков с билетами. Но несколько дней прошло без всяких признаков жизни с его стороны. Я рискнула позвонить по телефону. Его ответ звучал смущенно. Наконец я поняла, что он ничего не сделал, чтобы получить билеты первого класса до Тюмени. По его мнению, поезда были перегружены; бесчисленные дезертиры пытались попасть в свои деревни и брали лучшие вагоны штурмом.

«Что же вы посоветуете, граф?»

«Я, право, не знаю. Подождите еще немного, имейте терпение».

Этот разговор поверг меня в отчаяние. Как в последнюю инстанцию, я позвонила Диме Абазе, который сразу же пришел мне на помощь. «Думаю, я сумею помочь, — сказал он уверенно. — Один из наших бывших слуг, хороший человек, работает сейчас в Управлении железных дорог. Через него наверняка мы получим билеты».

Через несколько дней Дима принес два билета первого класса до Тюмени. Отъезд должен был состояться через день.

«Как видишь, — сказал он, — связи в настоящее время — все!» — улыбка Димы меня утешила. Его естественная беззаботность действовала как чудо среди революционной неразберихи. Его ничто не удивляло, он воспринимал происходящее уверенно, спокойно, почти играя.

«Ну а теперь, — посоветовал он мне, — скажи даме, которая тебя сопровождает, пускай она ждет нас у окошка кассы. Я сам провожу вас в купе и послежу, чтобы никто туда не сел».

На вокзале Дима взял наш багаж и посоветовал тете Рае не ждать отправления поезда. Среди мечущейся толпы ее элегантность и повелительные манеры привлекут внимание и могут вызвать нежелательный инцидент. Вискочка же была такая маленькая и незаметная, что ее можно было принять за старую бабушку, отправляющую своих внучат в путешествие. Дима без труда прокладывал путь сквозь толпу. Его форма Дикой дивизии, его бравый вид внушали уважение. Без труда мы нашли вагон и купе, где

нам были зарезервированы места. Дима устроил нас у окна, сел у дверей купе и положил свои ноги и саблю на противоположное сидение, чтобы загородить вход. Каждый раз, когда какой-нибудь солдат хотел войти, Дима бросал на него устрашающий взгляд, который сразу же разубеждал в пользу дальнейших посягательств. Когда раздался сигнал к отъезду, Дима спокойно подал нам руку и в последнюю минуту соскочил с тронувшегося уже поезда.

В ТО ВРЕМЯ даже самые отъявленные революционеры не рискнули бы связываться с офицером Дикой дивизии. О появлении Димы, очевидно, уже пошли слухи, потому что до Тюмени ни один человек не рискнул нам помешать.

А в городе у нас были большие трудности найти паром до Тобольска. Наконец с согласия Викочки я решила договориться с баржей под командой краснорозега моряка, явного любителя водки. Пассажиры вызывали сочувствие: киргизы, сибирские мужики, длинноволосые студенты — судя по их черной, пыльной, с пятнами одежде, очевидно, бурса, ученики церковной школы.

14 сентября 1917 года мы прибыли в Тобольск. Мелкий дождь покрывал город, как вуалью. Вместе с другими пассажирами мы встали в очередь на проверку документов. После весьма тщательного просмотра наших бумаг полицейский офицер сказал тоном, не допускающим возражения: «Ваши бумаги не в порядке. Вам нельзя находиться в городе».

Я показала ему письмо, написанное Макаровым своему заместителю Панкратову.

«Комиссара с такой фамилией я не знаю», — сказал он неприветливо и подал мне письмо обратно.

«Но я при всех обстоятельствах должна попасть в Тобольск, — продолжала я. — Если вы считаете меня подозрительной, арестуйте, посадите в тюрьму и отведите под конвоем к полковнику Кобылинскому!»

Полицейские посмотрели на меня с удивлением. Очевидно, впервые в жизни кто-то сам предлагает его арестовать.

К счастью, имя полковника Кобылинского кое-что для них значило.

«Почему же нет, если сейчас есть охранник. Эй, Антип, тебе делать нечего? Возьми ружье и проводи гражданку. Какой адрес?» — спросил он, повернувшись ко мне.

«Дом Корнилова, мне кажется, улица Свободы».

«Антип, ты знаешь эту улицу?»

«Конечно», — буркнул солдат, вскинув ружье на плечо.

Викочке, которая в ужасе смотрела на меня, уходящую с вооруженным солдатом, я дала совет укрыться от дождя, ожидать моего возвращения и смотреть за багажом.

Центр города находился на небольшом холме над пристанью. Мне было трудно поспевать за солдатом, который шел очень быстро. Улицы были немощеные, и на каждом шагу я рисковала скатиться в грязь. Несколько раз я останавливалась и спрашивала солдата, нет ли где поблизости почты или лавочки, где есть телефон. В конце концов он сердито объяснил мне, что все закрыто, потому что сегодня праздник.

«Воздвижение креста, вы знаете такой?» — спросил он насмешливо.

В Царской России на время церковных и государственных праздников были закрыты все магазины. Городок Тобольск, несмотря на революции, сохранял традиции.

Было не холодно, и дождь прекратился. Наконец мы вышли на более широкую и не такую грязную улицу. «Это улица Свободы, — сказал мой провожатый и повернулся ко мне. — Этот белый дом и есть “Дом Свободы”. Вам надо туда?»

Если б я сказала «да», то этот ограниченный солдат привел бы меня прямо к Государю! Но мне вспомнилось несчастливое приключение Риты Хитрово, и я тотчас ответила:

«Нет. Я ищу дом Корнилова».

«Может быть, это он. Посмотрите сами».

Я побежала к входу и оказалась лицом к лицу с Настенькой Гендриковой, которая в пальто и шляпе собиралась

куда-то идти. Безумно счастливая встретить кого-то знакомого, я кинулась к ней. Но, к моему изумлению, она отступила.

«Назад, идите назад!»

«Но где мой отец?» — спросила я вне себя.

«Он там, уже там! Идите наверх и по коридору. Но я умоляю, не говорите больше ничего!» Фрейлина Государыни обогнула меня сбоку и скрылась через дверь на улицу.

Она явно думала, что я, как Рита, приехала сюда без разрешения.

К счастью, я увидела полковника, к которому бросилась, как к якорю спасения. Это был Кобылинский, который сегодня утром случайно задержался в доме Корнилова. Он внимательно выслушал мой бессвязный рассказ о нашей поездке.

«Я провожу вас на пристань, — перебил он меня. — С этим документом полицейские вас обоих тотчас пропустят».

Из папки, которая была у него под мышкой, он достал большой лист, который я смогла прочесть: «Выполняйте приказы владельца этого пропуска полковника Кобылинского так, как если б это были мои собственные. Александр Керенский».

«Благодарю вас от всего сердца, — бормотала я. — Но где мой отец?»

«Вот эта дверь в его комнату, я буду вас ждать».

Я вошла в плохо освещенную комнату. Никаких следов папы не было. Но через дверь, рядом с постелью, я услышала звук журчащей воды в ванне.

«Я тут, — закричала я. — Я иду на пристань с Кобылинским!»

«Ты? Наконец-то! Иди скорее, я приду следом».

Папа догнал нас по дороге.

Бумага Кобылинского действовала как талисман. Меньше чем через пять минут дело было сделано.

Это был первый раз, когда я видела Кобылинского. Он не был красивым, но его интеллигентное лицо, честный прямой взгляд тотчас же вызвали у меня симпатию.

Папа рассказал, что из-за меня у него было очень много волнений. Одно семейство, бежавшее в свое время от Корниловской аферы из Петрограда в Тобольск, рассказало ему о ситуации в столице в очень мрачных красках. Папу я нашла бледным, похудевшим, но мое присутствие, казалось, его утешало.

Царская Семья была расположена в «Доме Свободы» вместе с Жильяром и несколькими слугами. Вокруг дома был построен высокий дощатый забор, чтобы оградить от любопытных глаз место, где гуляли арестованные. Напротив дома Корнилова были казармы солдат «Особого назначения». В цокольном этаже, немного приподнятом, находилась кухня, зал собрания Совета отряда особого назначения, столовая для офицеров, комнаты моего отца, комнаты офицера по фамилии Зима и комиссаров Панкратова и Никольского.

На первом этаже жили госпожа Шнейдер, графиня Гендрикова, генерал Татищев, князь Долгоруков, учитель английского языка Гиббс и уборщицы. Доктор Деревенко, его жена и сын занимали две маленькие комнаты над комнатой Никольского, выходившие на черную лестницу.

Отец отдал мне свою большую комнату в четыре окна и переселился в соседнюю, где поставил добавочную кровать для Глеба, которого мы ждали со дня на день.

Рояль встал посреди комнаты, а для пополнения моей мебелировки отец купил шкаф и умывальник с педалью. Когда я окончательно устроилась, отец взял меня за руку и подвел к окну. «Эта комната выходит во двор, в котором гуляет Царская Семья», — сказал он. С бьющимся сердцем я подошла поближе к окну и немного приподняла портьеру.

Вдоль забора, отделявшего двор от улицы, ходил Государь быстрым и ровным шагом. Справа и слева от него шли старшие дочери в серых плащах и маленьких шапочках из красно-голубой ангорской шерсти. Немного поодаль две младшие Великие Княжны разговаривали с охраняющими их солдатами. Наконец я опять обрела людей, которые мне были дороги.

«Дом Свободы» в Тобольске, где находилась в заключении Царская Семья с 13 августа 1917 года по 12 апреля 1918 года

Глава XXVI

В ссылке

КОГДА Государыня узнала о моем приезде в Тобольск, она предложила папе почаще приглашать меня в «Дом Свободы». Это было не так просто, ведь необходимо было получить разрешение, а для этого нужно было веское основание.

Папа обратился к Кобылинскому, основанием было мое желание заниматься с Жильяром французским. Кобылинский возразил, что не имеет права вводить в Царскую Семью постороннего; только комиссары были полномочны допустить такое смягчение общего порядка для арестантов.

Папа повторил свою просьбу Панкратову. Новый комиссар был человеком лет за пятьдесят, темноволосый, густая борода закрывала половину лица. Впавшими щеками и крючковатым носом он походил бы на старого разбойника, если бы не его глаза, такие добродушные. В молодости Панкратов много страдал за свои политические убеждения. В девятнадцать лет он убил жандарма, когда

Дом Корнилова в Тобольске, где была размещена свита.
Здесь же находились помещения охраны

тот хотел арестовать молодого революционера, которого Панкратов у себя прятал, — за что и был осужден на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость, а затем — в Сибирь, в район Якутска, где такие суровые зимы, что термометр иногда достигает минус 70°С. Панкратов пробыл там двенадцать лет, там же он познакомился с Никольским, который отбывал свои семь лет. Второй комиссар при Царской Семье был фанатик — социал-революционер. Он думал только о дальнейшей пропаганде своих убеждений. Внешность его была грубой, и что меня особенно впечатляло — это его невероятно сильные челюсти, которыми, казалось, он мог размалывать кости. Он говорил нам «доброе утро».

Когда папа просил Панкратова допустить меня в «Дом Свободы», чтобы вместе с Великими Княжнами заниматься французским, он получил ответ, что такое решение не может быть принято без согласования с Советом отряда особого назначения.

Совет заседал все послеобеденное время и после убедительного выступления Никольского отказал в моей просьбе, но разрешил Жильяру один раз в неделю приходить к нам.

Я восприняла это решение как придирку, но Государыня утешила меня, прислав мне стул, маленький, обтянутый желтым шелком диванчик и две собственноручно вышитые ею подушечки.

В первое же воскресенье я навестила госпожу Битнер, которая устроилась в квартире Кобылинского. В это смутное время это никого не удивило. Ее пустили в Тобольск как медсестру при Отряде особого назначения, и она всегда ходила в форме, хотя, как кажется, никто не пользовался ее услугами.

Учительница по профессии, она предложила давать уроки Наследнику. Государыня согласилась, и ребенок радовался, что имеет дело с таким веселым человеком, жизнерадостность которого немного скрашивала монотонность заключения.

Вскоре после меня в Тобольск прибыл Глеб. Он сильно похудел, и его лихорадочный взгляд придавал ему странный и беспокойный вид. Он объяснил нам, что у него в дороге украли оставшиеся деньги и он несколько дней был без еды.

Глеб расположился со своими книгами, рисунками и красками у папы в комнате. Эта вынужденная ссылка ему особенно не мешала, он только жаловался на бесконечное хождение туда-сюда, мешавшее его работе. Комната, которую делил с ним папа, была проходной, и солдаты беспрерывно ходили мимо.

Наша жизнь в ссылке шла медленно. Папа вставал по утрам первым и отправлялся к Государыне, а до того он завтракал с Великими Княжнами. Так же, как фрейлина Настенька Гендрикова, он питался вместе с Царской Семейей. Глеб и я виделись с ним редко, но он все-таки старался выкроить часок после обеда, чтобы провести его с нами. Три раза в день придворный лакей приносил нам что-нибудь поесть. Блюда готовились на офицерской кухне Отряда особого назначения, и папа оплачивал их. Но наше меню отличалось все же от офицерского: порции были такие маленькие, что Панкратов выдал нам талоны на муку, чтобы немного подкрепить.

Дни тянулись медленно, монотонно и безрадостно. Мы с Глебом усаживались обычно у папы в комнате, я читала ему вслух, а он рисовал. Тщательно разрисовывал целые альбомы, которые папа, спрятав под шинелью, пронесил

Последний снимок доктора Боткина с дочерью Татьяной и сыном Глебом. Тобольск, 1918 год

в «Дом Свободы», чтобы немного развлечь маленького Наследника. Никольский или солдаты часто проходили, тяжело ступая, через комнату, мы наивно думали, что могли бы сами себя охранять в этой мало уютной комнате, которая в любое время контролировалась охраной.

Регулярно приходил Жильяр, чтобы давать нам уроки французского языка, и только посещение Татищева или Долгорукого нарушало наше одиночество. Мы говорили о политике, пробовали обсуждать слухи, доходившие до нас, но как только раздавались шаги Никольского, сразу же меняли тему. Часто я не могла больше выносить вида солдат и уходила к себе в комнату, чтобы поиграть на рояле и написать письма. От скуки я даже начала писать роман, где говорилось о Крыме, теплых летних вечерах, благоухании роз и о судьбе молодых людей. При этом я забывала на короткое мгновение о моей новой ссыльной жизни и ее трудностях. Но стоило мне подойти к окну, как иллюзия пропадала.

В «Доме Свободы» во дворе бесцельно, под надзором охраны гулял Государь. Ему разрешили колоть дрова, и он предавался этому занятию со страстью, которая меня завораживала. Великие Княжны старались ему подражать,

и у Марии Николаевны из-под большого топора летели кругом щепки. Иногда и Государыня выходила на балкон погреться на солнышке. Она очень похудела, ее лицо стало узким, и пепельные, а теперь седые волосы потеряли всякий блеск.

На основании решения Никольского солдатский Совет постановил строго контролировать малейшую нашу активность. В комнате Зимы и в двух наших стены были такие тонкие, что мы слышали почти все разговоры в общем зале Совета.

Мне даже казалось, что вонь от пота и грязи, присущая каждому солдату Отряда особого назначения, сама медленно проникает в нос.

Таким образом мы могли против собственной воли следить за развитием происходящей государственной аферы и о важности, которую придавали ей Советы.

Макаров, узнав о скудном убранстве в комнатах Царской Семьи, послал с разрешения Керенского несколько ящиков с коврами и портъерами из Александровского дворца, а также некоторые предметы, которые позволяли сделать комнаты Государыни и Великих Княжон несколько приятнее.

В виде знака особого внимания он послал еще ящик с лучшими французскими винами. Этот ящик вызвал настоящую бурю среди солдат. Перед ними была дилемма колоссального значения: с одной стороны, они не хотели передавать его Царской Семье, а с другой — считали оскорбительным выпить самим «Царское вино».

Напрасно втолковывал им Зима, что вино будет в хорошей сохранности и выдаваться будет в маленьких количествах; напрасно доказывал им доктор Деревенко, что в случаях болезни он будет прописывать его как маленький «глоток утешения». Совет решил, что ящик этот никому не достанется, и он был торжественно утоплен в реке. Время серьезных большевистских преступлений, очевидно, еще не пришло...

Жизнь свиты была точно регламентирована Советом, только врачи, согласно статусу, введенному в Царском

Селе, имели относительную свободу. Отец и доктор Деревенко получили разрешение обеспечивать врачебной помощью население Тобольска; таким образом они свободно выходили и входили. Отец со страстью отдался этой задаче, и от двух до трех часов лестницы дома Корнилова были переполнены.

Отец проводил прием пациентов, большей частью крестьян и мелких лавочников; потом он до ужина пропадал в городе, делая визиты на дому у других пациентов — лежачих. Он не пропускал ни одного дома, самого скромного и отдаленного, и не отказывался даже зимой, когда было очень холодно. Тобольск был покрыт толстым слоем снега, и некоторые дороги и скрытые снегом канавы становились опасными.

Однажды отец шел по такой улице к пациенту; при этом он установил, что четные номера домов следовали вперемежку с нечетными. Его разочарование увеличилось, когда, подойдя к № 12, он узнал, что его пациент живет в другом доме № 12 — на другой стороне канавы. У него не было другого выбора, как с трудом перебраться сквозь глубокий снег. Сапоги были слишком легкие для этого времени года и его мало защищали.

СОЛДАТЫ, почувствовав вкус свободы, восприняли ее за короткое время очень серьезно. Болтовня их была бесконечна, но политическая и революционная пропаганда не затрагивала. Некоторые стрелки жаловались и на Никольского, обвиняя его в организации неразберихи во время собраний.

Совет отряда особого назначения, наоборот, очень точно знал свои полномочия: регулирование прогулок для членов свиты (это было предметом всевозможных дебатов). Солдаты опасались, что выход на улицу может быть использован для завязывания контактов с внешним миром с целью подготовки побега Царской Семьи.

Таким образом Совет решил: выход на улицу (не считая врачей) ограничить двумя часами в неделю под вооруженной охраной.

ПРИЛОЖЕНИЕ 102

Письма и факсимиле.

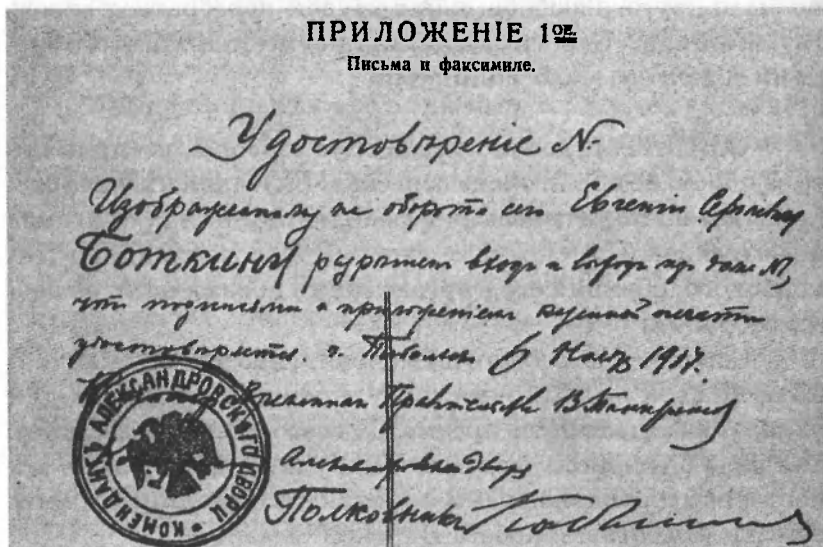

Фото Е. С. Боткина на удостоверении для пропуска в «Дом Свободы» и текст этого удостоверения, подписанного комиссаром Панкратовым и полковником Кобылинским

«Вам нельзя применять такие методы к Жильяру и Гиббсу. Они иностранцы, поехавшие в изгнание по собственному желанию», — заметил Кобылинский, который принимал участие во всех собраниях Совета.

Наш Совет, к счастью, придавал большое значение мнению других стран, и одной из самых часто слышимых через стены фраз была: «Товарищи, не забывайте: вся Европа на нас смотрит!»

Чтобы не нанести урон международному престижу, наши симпатичные «советчики» решили разрешить Жильяру и Гиббсу гулять один час в неделю без сопровождения!

«Вы, правдолюбивые товарищи, — продолжал Кобылинский, — не находите ли вы, что запрещать одному то, что дозволено другим, несправедливо?»

И с этого момента вся свита могла один час гулять на свободе.

Затем были дебаты по поводу проблемы с детьми. Это касалось меня и Глеба. После долгих дискуссий мы тоже получили разрешение уходить без надзора на сколько нам захочется.

Для меня это была возможность открывать Тобольск и его достопримечательности. Город Тобольск расположен на холме над рекой. Узкие, кривые улицы, очевидно, были проложены без всякого плана. Мне нельзя было заговаривать с местными жителями, а городского плана не существовало, и я прилагала все усилия, чтобы не заблудиться. Когда я в первый раз ринулась в авантюру по улицам, решив побродить, я стала ориентироваться на колоссальную колокольню ближайшей церкви, которая, в противоположность церквям в Москве с голубыми с золотом луковичными куполами или Петербургским церквям, была совершенно белая и имела высокие конические бледно-зеленые колокольни, выделяющиеся на снежном небе. Через некоторое время я решила: лучше будет повернуть обратно. Как я и предполагала, церковь я нашла, но, к моему большому разочарованию, не узнавала улицы Свободы. Я опять пошла дальше и через некоторое время опять наткнулась на эту церковь, но снова окруженную незнакомыми улицами. Через

полчаса ходьбы я начала понимать причину моих блужданий: в Тобольске все церкви были абсолютно одинаковы! Позже я узнала, что их было двадцать четыре на двадцать тысяч населения.

Улицы имели многозначительные названия — Большая Мокрая, Малая Мокрая — и были все страшно грязные! Выделялись только улица Свободы и несколько главных улиц в центре, выложенных деревянной брусчаткой, как это делалось раньше на перронах железнодорожных станций. После революции улицы перестали чистить. Брусчатка гнила от дождя и снега, и однажды я видела, как в ней застряла лошадь. Понадобилось много мужчин, чтобы ее вытащить; бедное животное при падении сломало себе ногу.

НОЧЬЮ УЛИЦЫ не освещались. Слышался лай собак, лаек, который будил во мне древний страх и одиночество затерянного в необъятных степях Сибири человека.

Я думаю, что нас, меня и Глеба, во время прогулок никто не охранял. Было большое искушение — организовать заговор и помочь в бегстве Царской Семье. Но как могли мы в свои семнадцать и девятнадцать лет осуществить это в глубине Сибири, в затерянном городе, без друзей и без денег?

Мы жили почти в полной изоляции от внешнего мира. Газеты в Тобольск не приходили, только время от времени по улице проносились мальчишки, крича хриплыми голосами: «Телеграммы, очень важные телеграммы!» При этом они держали целую связку охристо-желтых листков, на которых печатались «последние известия» текущего месяца или еще более давние сведения, не столь важные теперь, так как цензура долго задерживала текст. Мы ничего не знали об Октябрьской революции и только в конце ноября 1917 года получили робкие, неточные известия о свержении Временного правительства большевиками. Солдатский Совет все более ожесточался и часто открыто сомневался в авторитете утвержденных Керенским комиссаров. Однако офицеры, и это парадокс для тех, кто не знает Россию, удерживали известное влияние на Совет, и я часто слышала

через стенку, как наш сосед Зима, офицер 1-го Стрелкового полка, призывал к мирному и умеренному существованию. На собраниях Совета Кобылинский делал настоящие чудеса и никогда, даже при самых сильных оскорблениях, не терял спокойствия. Он пытался избавить пленников от унижений и злоупотреблений. Из наших комнат мы все слышали, и часто Глеб и я содрогались при мысли об ужасной опасности, какую представляют собой эти люди, если выйдут из повиновения своих начальников.

К счастью, почтовая связь еще не совсем была нарушена, и мы из писем, время от времени доходивших до нас, черпали утешение. Я через день писала Юрию, он делал то же самое. Только некоторые письма доходили до нас, и мы таким образом имели кое-какие сведения о его жизни на Кавказе.

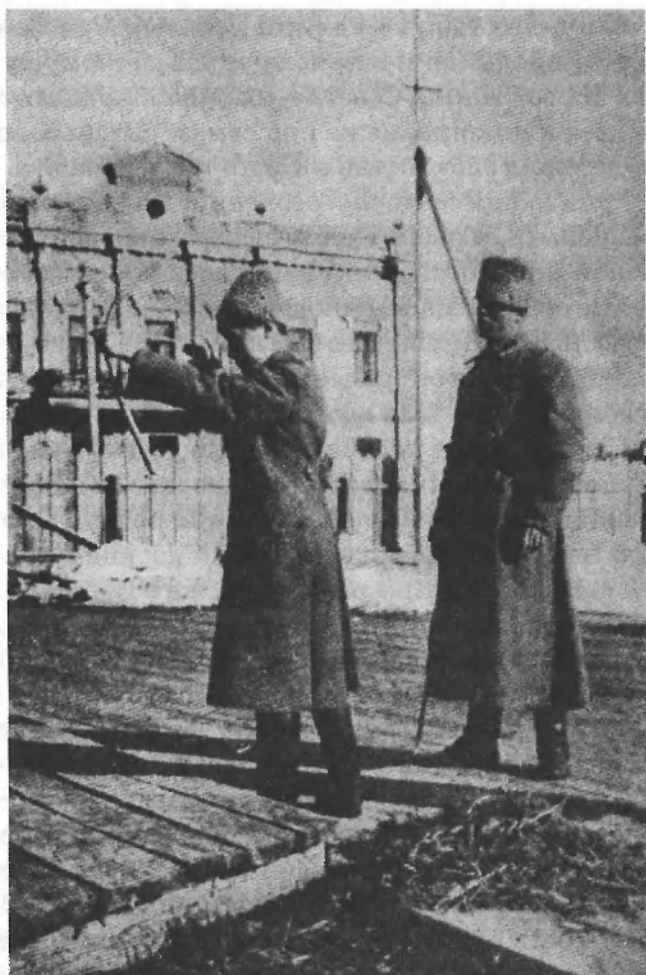
В конце ноября 1917 мы пережили большую неожиданность. Папа получил письмо от Константина Мельника, который находился в Красноярске, тоже в Сибири!

Из всех наших бывших друзей он был единственным, кто находился недалеко от нас. Он писал, что, как служащий сибирской военной части, не имел трудностей в получении разрешения на проезд в эту часть страны. Без всяких подробностей он сообщил нам, что сейчас работает как транспортный рабочий на разгрузке товарных вагонов.

Другой рабочий — Матвей, бывший денщик Юрия, — тоже писал папе. Он никогда не писал о политике, а справлялся всегда о нашем здоровье. Чтобы подчеркнуть свою приверженность большевикам, он никогда не обращался к папе титулуя его, а всегда — «мой любимый старик».

Наш милый Василий написал из своей родной деревни, где он устроился, два длинных трогательных письма. Неуклюжими, но выразительными и трогательными предложениями он передавал свою печаль о переменах, произошедших в России, и кончал словами: «Я здесь каждому говорю: без Царя мы не выдержим». И скоро письма его прекратились. Бедный Василий.

«Я — это народ», — говорил он, но такой честный и порядочный, каким был Василий, он, очевидно, не смог удержаться в этом потоке ненависти.

Царевич Алексей во время стрельбы из лука во дворе «Дома Свободы» под наблюдением охранника-красноармейца

До конца декабря 1917 года температура держалась минус 10°С, что для этой местности было очень мало. Снег выпал очень обильно. Мы ждали Рождества, будучи в изгнании.

Папа рассказывал, что Государыня с дочерьми все свое время сейчас проводят, готовя подарки, и не только для свиты и слуг, приехавших из Царского Села, но и для

тех, кто здесь, на месте, был к ним приставлен: полковник Кобылинский, госпожа Битнер, оба комиссара, офицеры Отряда особого назначения отделения и солдаты, которые будут дежурить в Рождественский вечер.

Государыня и ее дочери были талантливые вышивальщицы, и они очень много запланировали, поскольку хотели каждому доставить удовольствие.

Панкратов разрешил купить елку, а Макаров прислал из Петербурга нужные украшения. В виде исключения Совет разрешил Царской Семье и свите участвовать в ночной службе в одной из тобольских церквей.

За несколько дней до Рождества Великие Княжны решили просить Панкратова разрешения на проведение праздника в семейном кругу со мной и Глебом. К их большому удивлению, Панкратов категорически отказал. Мария Николаевна пробовала его еще просить, но комиссар был негибким.

«У меня приказ не допускать гостей, — объяснил он. — Исключение сделает этот приказ еще строже...»

После отказа Панкратова Государыня послала слугу, чтобы купить елку нам. Она также прислала все необходимое, чтобы ее украсить, и Государь прикрепил маленькие свечки, которые он собственноручно вырезал из купленных в церкви свечей.

После вечернего богослужения папа нас покинул, чтобы пойти к Царской Семье. Весь Совет был приглашен в «Дом Свободы»: комиссары, Зима, повара и солдаты...

Глеб и я остались одни в большом пустом доме. Мы зажгли свечки, и Глеб углубился в рисование. Гнетущее молчание, нависшее над домом, вызвало у меня слезы на глазах, охватила волна страха: что-то будет с Россией? Какова будет наша судьба? Мы единодушно решили погасить свечи и зажечь их, когда вернется папа.

Было уже довольно поздно, около одиннадцати часов, когда хлопнула входная дверь. Мы услышали шаги, вошел Никольский, громко топая. Он быстро прошел через нашу комнату, не сказав ни слова. Папа следовал за ним, нагруженный подарками.

Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна вышили мне два красивых саше для белья. Мария придумала мне дорожный прибор. Государыня рассталась с одной своей драгоценностью — золотым с бриллиантами брелоком. Глеб получил от Анастасии вышитую сумку для писем и книгу, которую Государыня разрисовала на титульном листе. Когда срезали подарки, висевшие на елке, Государь подошел к столу с подарками и из своих личных вещей подарил папе красивую китайскую вазу. С трогательной заботливостью Царская Семья никого не забыла, ни одного последнего солдата из охраны. Днем, по окончании Рождественской литургии, группа солдат шумно ввалилась в комнату к Зиме. Они говорили громко и сердито.

«Этот дьякон просто бессовестный», — возбужденно восклицал один солдат скрипучим голосом. «Во время революции он возглашает “Te Deum”» — добавил другой. «К тому же, специально для Царской Семьи», — добавил третий.

Из всех проклятий и ругани, смысла которых я не поняла, только через некоторое время я сообразила причину этой злобы. Царская Семья получила разрешение принять участие в торжественном молебне в церкви, расположенной поблизости. По окончании литургии дьякон как в лучшие времена монархии, возгласил «Te Deum» и «Многие лета Царю». И эта обычная молитва вызвала злобу охраны. Участники Совета сразу объединились. Они считали это персональной провокацией против их революционных убеждений и решили на будущее запретить Царской Семье ходить в церковь: теперь служба могла проходить только в «Доме Свободы».

Отец очень беспокоился по поводу этого происшествия. Он подозревал, что священник это спровоцировал специально, чтобы ухудшить положение заключенных, и боялся, что Царь посчитает священника верным другом.

С НАЧАЛА 1918 года охрана стала вести себя все более вызывающе по отношению к арестованным. Кобылинскому все труднее было их сдерживать. Холода делались

все суровее, и наше мужество падало вместе с температурой на термометре.

Что будет с нами, если большевики захватят власть по всей территории России?

Жители Сибири всегда считали свою землю особой частью России и думали, что наступление Советов в этот отдаленный угол государства замедлится. Все же известия из Петрограда и Москвы, доходившие до нас, становились тревожными. Я получила письмо от начальницы госпиталя в Екатерининском дворце. Она описывала мне хаос в снабжении Петрограда, где царили голод, и неумолимые репрессии Чрезвычайной Комиссии, так называемой ЧеКа, организованной большевиками для слежки и ликвидации контрреволюционеров. Опираясь на правдивую информацию, моя милая начальница обвиняла чекистов в пытках, чтобы добиваться признания вины. Она добавила к тому же, что ее прежние литовские пациенты из госпиталя называли ей имя самого свирепого среди чекистов — лейтенанта Ацена.

Это сообщение заставило меня содрогнуться, несколько ночей подряд меня мучили кошмары. Я видела Ацена с кровавыми руками, в платье, залитом кровью, со страшной складкой в углах рта, вперившего в меня свой взгляд.

Когда я прочитала папе письмо начальницы, он предложил мне послать нашим друзьям в Петроград муку, которую получали Глеб и я дополнительно, благодаря Панкратову. Каждые 14 дней мы получали примерно 8 фунтов муки, которую я с трудом тащила домой, отстояв длиннущую очередь среди киргизских и калмыцких крестьян. Впервые в жизни мне пришлось что-то нести самой, даже мои школьные учебники носила горничная, и эти несчастные четыре килограмма мне казались тоннами. Благодарственные письма, полученные мной, позволили мне определить нужду тех, кто остался в Петрограде. По сравнению с ними наша судьба могла показаться завидной.

Госпожа Тевяшова писала: «Твой мешочек с мукой я прижала к груди и плакала от радости».

Письмо тети Веры меня особенно тронуло: она дожидалась до того, что у нее отняли дом, и она отказалась от всех своих революционных убеждений. «Теперь я понимаю, — писала она, — что вы, дети, были правы, а не я со своими иллюзиями».

Скоро вся Россия пришла к этому заключению. Однажды утром вместо ненавистных большевиков к нам вошла фрейлина государыни Иза Буксгевден. Ей пришлось отложить свое путешествие в Тобольск из-за болезни. Это опоздание показалось солдатам Совета подозрительным, и они запретили ей доступ к Царской Семье. Совет собрался, чтобы решить ее дальнейшую судьбу. Разговоры длились целых два дня, а Иза томилась в доме Корнилова. На другой день произошел один случай, которым воспользовался Никольский, и надежды Изы жить вместе с Царской Семьей рухнули. Еще живя в Царском Селе, она заказала себе зимнее пальто светло-серого цвета с широким воротником и на меховой подкладке, которое было очень похоже на пальто Настеньки Гендриковой. Охрана перепутала фрейлин и сообщила Совету, что Иза без разрешения пошла к Царю.

Возмущенный Совет решительно отказал баронессе Буксгевден посещать Царскую Семью и даже запретил ей жить в доме Корнилова.

Наши занятия с Жильяром были очень интересны. Мы разговаривали друг с другом по-французски, и поскольку никто из окружающих не понимал этот язык, то мы могли говорить очень свободно. Жильяр был сердит на бездеятельность монархистов. «Это типично русское головотяпство, у меня нет для этого другого слова, — считал он. — Я не могу себе представить, что в моей стране может случиться что-нибудь подобное. У нас уже давно каждый кучер, каждый почтальон был бы заменен офицером. Государыня подозревает, что где-то поблизости расположена монархическая организация из трехсот офицеров. Откуда она это взяла?»

«Я думаю, от того священника, который провозглашал “Многие лета” в конце Рождественской литургии», — сказал Глеб.

«Да, верно, — согласился Жильяр, — этот священник попробовал завоевать доверие Царской Семьи слишком явно. И все же после этого трагического случая солдаты его чуть не прикончили. Так что епископ Гермоген Тобольский должен был его спрятать в монастыре. Приходишь в отчаяние, когда видишь, как ситуация проваливается. Полковник Кобылинский на нашей стороне, это очевидно, также и некоторые солдаты, среди них из 4-го Стрелкового батальона, которые не забывают, что носят почетное название Императорских стрелков. Первый полк не так верен, и только Второй явно враждебен и напичкан революционными идеями. — Жильяр задумался. — Пока из Москвы не пришлют на нашу голову новую охранную команду, — сказал он, — арестанты могли бы бежать. Через месяц будет уже поздно... Говорят, большевики хотят получить всю страну в свои руки...»

«Слышишь? — спросил меня Глеб и придвинулся к стене. — Они опять орут».

И правда, Совет был в разгаре. Мы слышали все время в разговоре слово «погоны». Этот символ авторитета в глазах солдат стал невыносимым. На следующее утро Совет торжественно объявил свое решение: «С настоящего времени солдаты и офицеры не смеют носить погоны».

Полковник Кобылинский передал это решение Царю и его свите. Царь был возмущен и отказался выполнять это требование. Князь Долгоруков был того же мнения. Генерал Татищев и отец, напротив, понимали трудности, которые ежедневно должен был преодолевать Кобылинский. Они объяснили Царю, к чему может привести отказ от выполнения приказа и чем это угрожает для них всех, и очень просили его последовать желанию Совета. В конце концов Царь нашел выход из положения, надев форму казачьего полка, у которой погоны были необязательны. Долгоруков снял свои, а Татищев вообще все время ходил в гражданском. Отец оставил свои погоны и ходил и дальше в своей генеральской шинели, а если кто-нибудь из солдат его спрашивал, отвечал: «Я не солдат, я врач».

Глава XXVII

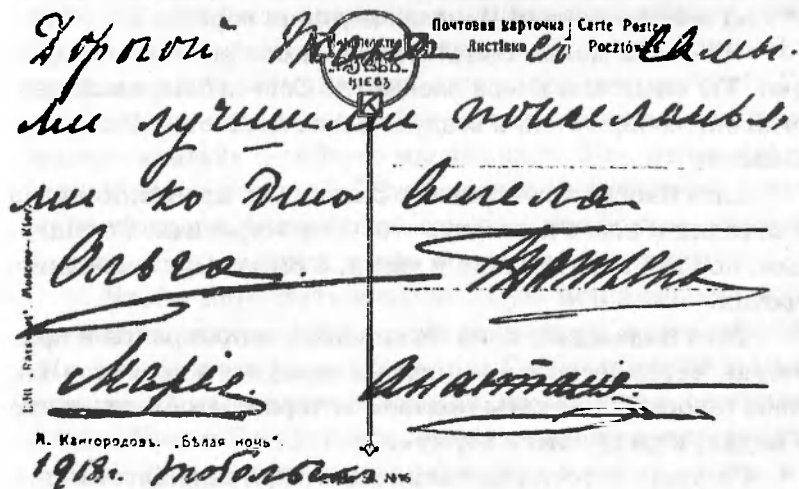
Красная армия

В СЕРЕДИНЕ ЯНВАРЯ шел очень сильный снег, и термометр показывал минус 25°С.

На дворе Царские дети стали сооружать ледяную горку. Солдаты 4-го полка — «Стрелки Его Величества Императорской фамилии» — им помогали, подвозили снег на телегах. Князь Долгоруков и Жильяр принесли около тридцати ведер воды, которую вылили на маленькую горку и подровняли ее лопатами.

На следующее утро Великие Княжны скатывались на санях, сделанных Царем и Жильяром. За этим последовали отчаянные бои снежками, и битва кончилась тем, что ее участники устроили «кучу малу» в снегу. После обеда, когда было холодно, они играли в «Акульку», пока дежурил 4-й полк. Пока Царь и Царевич играли, Мария и Анастасия болтали с солдатами, спрашивали их о родной деревне, семье и о боях, в которых они участвовали во время войны. Это были чаще всего унтер-офицеры с Георгиевскими крестами и которые назло пропаганде Никольского и Октябрьской революции оставались глубоко преданы Царю и его детям.

Глеб и я жили по-прежнему вдвоем и видели папу два три часа в день после его посещения больных в городе, которые делались все тяжелее, чем дольше длилась зима. В наших комнатах мы еле согревались. В доме Корнилова жили только солдаты 1-го и 2-го Стрелковых полков. Они были настроены против нас, и их ни капельки не беспокоило наше существование. Солдат, которому было поручено отопление большой кафельной печи, обогревающей весь этаж, был из нового призыва, неплохой мужик, без всякой выправки, в громадной меховой шапке, которую он никогда не снимал. Он изменил свое имя на французский манер и хотел, чтобы его называли «Жорж». Он считал, что это звучит революционно. Но его скоро русифицировали, назвав Жоржик. Папа, который его лечил от насморка и бронхита, называл его на «ты» и по имени. Когда он входил и шел

Почтовая карточка: Императрица Александра Федоровна за работой (Царское Село, 1915 год). На обороте: поздравление Великих Княжон Татьяне Боткиной ко дню Ангела в январе 1918 года. (Из архива К. К. Мельника)

через нашу комнату в своей шапке, со своими льняными волосами, падающими постоянно на глаза, в стоптанных валенках, папа кричал ему: «Слушай, Жоржик, я считаю, что тут здорово холодно. Если б ты немного протопил?»

«Ну что ж, почему бы и нет, это можно», — отвечал он добродушно. Тогда три-четыре дня у нас было относительно тепло в комнатах.

В конце января 1918 года мы узнали из телеграмм, которые продавались на улице, что произошло перемирие между правительством большевиков, Австро-Венгрией, Германией и Болгарией.

Определенные года призыва были демобилизованы, и 4-й Стрелковый полк, состоявший в большинстве из старослужащих, был полностью заменен. Царь потерял таким образом преданных его Семье стрелков, а с ними, очевидно, последний шанс уйти от большевиков.

Солдаты — каждый в отдельности — приходили прощаться с Царской Семьей. Царь принимал их, а потом забрался на ледяную горку, чтобы видеть их уход.

«Глеб, посмотри! Исчезла ледяная горка».

«Этого не может быть! Не может она растаять за одну ночь. Ты слышала вчера заседание Совета? Каждый раз, когда они собираются, в воздухе висит несчастье. Я спрошу у Зимы».

Глеб иногда заговаривал с Зимой. Он, правда, никогда не заходил к нам в комнату, чтобы не встретиться с солдатами, но Глеб караулил его у двери, и Зима ему приветливо отвечал.

Глеб подождал, пока Зима ушел, и прокрался в прихожую. Через несколько минут он вернулся в ярости: «Что я тебе говорил? Солдаты пришли вечером, чтобы их никто не видел, и разрушили горку».

Государь спросил Кобылинского о причине. Он ответил, что некоторые участники Совета посчитали неприятным, что Царь забрался на горку, чтобы попрощаться с 4-м Стрелковым полком. Предлогом они выдвинули, что на него могли совершить покушение, так как его было видно снаружи».

Глеб негодовал:

«Они не выносят признаков верности. Когда местные жители проходят мимо «Дома Свободы», они преклоняют колена и крестятся. И за это Совет сейчас мстит!»

Панкратов и Никольский все больше беспокоятся о разворачивающихся событиях. Они боятся стать жертвами революции, которую так хотели. Несмотря на пламенные речи и бесконечные уговоры, которые мы слышали из своей комнаты, 27 января 1918 года их выгнали. Они были назначены Временным правительством, а оно больше не существовало. С известной логикой Совет решил, что для их присутствия больше нет основания. Только Кобылинский, благодаря своей должности и настоящим чудесам храбрости, умел сохранять видимость авторитета у солдат.

В Москву послали представителя от Совета, чтобы попросить у большевиков комиссара, который будет лучше проводить линию нового режима. Панкратов нас оставил не прощаясь, а Никольский внезапно появился у нас в комнате. На нем была громадная папаха и чемодан в руках. Он подошел поближе, чтобы подать руку, и бросил: «Я никогда не думал, что покину этот город раньше вас!» Глеб впервые рискнул к нему обратиться: «И что же вы теперь будете делать?» — «Этого мы не знаем. Искать оскорбленному чувству уголок...»^{*} Этой перефразированной цитатой из Грибоедова Никольский доказал, что больше понимает в русской литературе, чем в искусстве политики.

Чтобы нарушить невыносимую монотонность бесконечных зимних вечеров, а ночь начиналась около трех часов дня, оба воспитателя, Жильяр и Гиббс, пришли к мысли устраивать маленькие спектакли, каждый на своем родном языке. Кроме Государыни, все принимали в этом участие. Сам Государь инсценировал пьесу на русском языке, в которой он играл главную роль, а именно: знаменитую комедию Чехова «Медведь». Папа отказывался играть, ссылаясь

^{*} Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»; реплика Чацкого: «...Иду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок...» (прим. О. К.).

Последнее фото Цесаревича Алексея
в январе 1918 года в Тобольске

на необходимость посещать своих городских пациентов. «Кроме того, кто-то должен быть зрителем, не правда ли?» — добавлял он успокаивающе.

Однажды вечером к нему подошел Алексей Николаевич.

«Евгений Сергеевич, — сказал он очень серьезно, — мне надо с вами поговорить».

Он взял папу за руку и пошел с ним в большой зал. «У меня к вам большая просьба. Вы обязательно должны принять участие в одном

из наших будущих спектаклей, там есть пожилой доктор. Для вас это будет совсем легко. Пожалуйста, сделайте это для меня». У папы не хватило духу отказать. Но обстоятельства сложились так, что он не смог доставить своему маленькому пациенту это последнее удовольствие.

10 февраля 1918 года пришло первое конкретное подтверждение существования большевистского центрального правительства: телеграмма, в которой было отказано Царской Семье в дальнейших правах жить на государственном обеспечении. Предоставлялась сумма в 600 руб. на человека из персонального состояния Романовых, причем оплата прислуги не входила в эту сумму. Арестованные должны были еще сократить свой прожиточный минимум, и так очень скромный. Исходя из правил, по которым теперь в России все люди выбирали Советы, Государь попросил своих генералов, а также Жильяра, составить некий Совет и придумать план экономного хозяйствования, так как предоставление шестисот рублей было только

теоретическим. Деньги, которые Царская Семья взяла в Тобольск, подошли к концу, а все остальное было заблокировано в Петрограде.

«Совет Государя» нашел, что единственное возможное решение этого вопроса — отпустить часть прислуги. Их Величества были этим очень озабочены и решили, что часть суммы, которая у них оставалась, должна быть выплачена увольняемым, чтобы у них что-то было на жизнь, пока они найдут себе новую работу. Сами арестанты должны были назначить себе ограничения. Некоторые дорогие продукты, как то: масло, сахар, кофе — были вычеркнуты. Тотчас же стали поступать посылки от купцов, частных лиц, даже от монахинь из соседнего монастыря, но им было трудно проникнуть к получателям: стража становилась все недоверчивей и грубее. Продукты попадали с трудом, кое-как, в маленьких количествах, в карманах и под шинелью моего отца, доктора Деревенко и иногда и Кобылинского. Только монахини, приходившие петь на церковные службы, имели возможность пронести большее количество продуктов под своими широкими одеяниями. Среди жителей Тобольска, которые таким образом показывали свою приверженность Царю, была одна богатая купеческая семья, использовавшая любую возможность, чтобы передать Государю продукты. Их сын часто приходил к нам, каждый раз тяжело нагруженный. Он был очень молодой и похож на переодетого театрального офицера. Глеб, увидев его впервые, с трудом мог сдерживать свое веселье. Лицо «офицера» было усеяно прыщами, голова украшена белой кудрявой гривой, которую он, как крестьяне в воскресенье, все время расчесывал. Очень самоуверенный молодой человек, жестикулируя, повторял, что он — глава значительной монархической организации.

«Я как раз занимаюсь организацией заговора», — объяснил он мне, говоря шепотом, как заговорщик.

Я не могла удержаться, чтобы не сказать ему о моем сомнении в успехе этого предприятия.

«Как, Татьяна Евгеньевна! Вы мне не верите?! — воскликнул он, размахивая руками, как ветряная мельница. —

Никто еще до сих пор не сомневался в моем организационном таланте! Вот такой я врожденный организатор!»

Все это показалось мне таким комичным, что я прозвала его «Организатор». Если все тобольские монархисты были того же калибра, у нас было мало оснований ожидать чего-либо извне.

ИЗ ИЗВЕСТИЙ, получаемых из Петрограда и Москвы, у нас сложилось впечатление, что Россия постепенно погружается в хаос.

Был подписан Брест-Литовский мир. На самом деле это была капитуляция большевистского правительства перед врагом. Россия проиграла войну и предала своих союзников.

Папа рассказывал о подавленном состоянии Их Величеств. Когда Государю сообщили это известие, он сказал еле слышным голосом: «Боже мой, что они сделали с нашей любимой Россией?»

Князь Долгоруков намекнул, что немцы требовали выдачи им Царской Семьи целой и невредимой. Но это вызвало у них только возмущение. Государь смотрел на это предложение как на оскорбление, а Государыня добавила: «Лучше умереть в России, чем быть спасенными немцами». Какая судьба ожидала Царскую Семью? Никто не осмеливался поднимать этот вопрос, но мы все время об этом думали.

13 марта 1918 года в чудесный солнечный день вдоль нашей улицы проехали сани с бубенцами, в которых сидели солдаты с красными кокардами на папах. Это был красноармейский отряд, прибытия которого мы так опасались. Несколько раньше, чем всегда, папа пришел домой в сопровождении «Организатора». Положив на камин две мороженые, длиной с метр, рыбы (это была навага, очень любимая всеми рыба и предназначенная для Царской Семьи), «Организатор» отвел нас в сторонку и рассказал о прибытии красноармейского отряда.

«Не беспокойтесь, это отряд из Омска и находится под командой офицера по фамилии Дегтярев, он уроженец Тобольска. Это родственник бывшего губернатора и один из

моих друзей». «Организатор» был очень возбужден, постоянно двигался и бегал туда-сюда. Неосторожным движением он задел и уронил одну из наваг, которая сразу сломалась.

«Вы увидите, — продолжал он, запыхавшись, — это все настоящие монархисты! Если во главе мой друг — мы выиграли! С помощью моей организации, где все офицерство и фронтовые солдаты, все пойдет как по маслу».

«Вы действительно уверены в этом?» — спросил Глеб несколько скептически.

«Уже два дня здесь находится большевистский комиссар. Его фамилия Дуцман, и он назначен комиссаром при Царской Семье».

«Я же говорю вам, что мы это сделали, — ответил «Организатор» и заважничал. — Единственная неприятность в том, что заместитель моего друга-комиссара Демьянов известен своими революционными убеждениями. В нужный момент мы его сбросим. Не беспокойтесь об этом».

Вечером Государыня, которая узнала от своих слуг о прибытии отряда Красной армии, доверительно сказала моему отцу, что в Тюмени, недалеко от Тобольска, стоят триста офицеров, готовые к освобождению Царя. Это, казалось, подтверждало данные «Организатора», но сказать, от кого она получила эту информацию, она отказалась.

Несколько дней прошло без происшествий. Большевики не выказывали враждебности к Царской Семье и были заняты скорее тем, чтобы охватить город сетью революционных организаций.

Дуцман, который утверждал, что он комиссар из Омска, заменил Панкратова при арестантах.

Тобольский горсовет был полностью смнен, а во главе его вместо Никольского встал бывший матрос Павел Хохряков. Отряд держался дисциплинированно, не производил обысков, и один из командиров — Дегтярев — был действительно известен в Тобольске своими монархическими убеждениями. Мы снова стали надеяться. Однажды вечером — папа был уже дома — мы стали свидетелями необычайного возбуждения в доме и на улице. Несмотря на необычное время, собрался солдатский Совет. На сей раз

он был недолгим. Решение было принято единогласно. Вскоре мы слышали, как стрелки мчались вниз по лестнице. Глеб увидел, как Зима с полными руками оружия вышел из своей комнаты. Через щелку в портьерах мы увидели, как он распределяет его среди стрелков, которые пошли в «Дом Свободы».

Затем на большой скорости подъехали дрожки, полные солдат, которые, очевидно, были в городе в отпуску.

На следующее утро после посещения Государыни папа рассказал мне, что Царская Семья не спала ночь. Красноармейский отряд во главе с Демьяновым хотел произвести обыск. Однако наш солдатский Совет воспротивился этому. Дискуссия продолжалась всю ночь. По приказу Кобылинского вокруг дома расположили тяжелооруженных стрелков и орудия, чтобы отбросить любого, кто захочет проникнуть в дом, так что Демьянов прошел только во двор. На следующий день Дуцман, комиссар, взял опять все в свои руки. Он объяснил, что Красная армия хотела только проверить готовность охраны к защите.

Он показал солдатам свою полную власть, дающую ему право в течение двадцати четырех часов и без суда расстреливать каждого, кто воспротивится его приказам. В противоположность Керенскому, большевики не занимались речами, чтобы влиять на Советы...

После этого Дуцман заявил, что он сам произведет обыск в двух домах. На этот раз солдаты не возражали.

Когда дошла очередь до нашей комнаты, Дуцман остановился на пороге, внимательно разглядывая нас, и молча удалился. Это был литовец, очень похожий на тех, что я видела в госпитале: блондин со светлыми глазами, с тяжелыми веками, с невыразительным взглядом и довольно правильными чертами лица. В своей голубой форме, похожей на ту, что носили летчики, он выглядел почти элегантно.

Примерно в то же время папа получил письмо от Константина Мельника. Бывший подпоручик Стрелкового полка сообщал, что не писал нам, потому что был болен.

Он надеется покинуть Красноярск, чтобы пробиться к нам в Тобольск, пока стоят реки.

«Я не верю в эту болезнь, — сказал папа. — Наверное, с ним произошло что-то нехорошее. Но то, что он написал, означает: он на свободе. Но навигация начнется самое раннее через два месяца, и я задаю себе вопрос, будем ли мы еще здесь».

Папа выглядел более озабоченным, чем всегда. Он посмотрел на меня молча, а затем продолжал медленно, подчеркивая каждое слово: «Если я последую за Государем, а ты должна будешь остаться здесь, я прошу тебя обязательно выйти замуж за Константина Мельника; он необыкновенный человек. Если мы с тобой разлучимся, я буду спокойнее, если буду знать, что ты находишься под его защитой».

Явно отвлеченный своими мыслями, он вертел письмо Мельника в руках. Я была потрясена. Выйти замуж за Мельника? Я смотрела на него как на интеллигентного знакомого; конечно, ради папы я обязана, но мне он никогда не говорил ни одного нежного слова.

«Мельник вообще в меня не влюблен», — попробовала я вернуть.

«Я все-таки думаю, да, — сказал папа. — Он говорил о тебе в очень лестных выражениях. Я уверен, он очень к тебе привязан. Я не требую обещания от тебя, но если он захочет жениться, не уклоняйся, возьми его в мужья».

Взгляд отца был таким печальным, что меня вдруг охватило страшное предчувствие. Он говорил так, как будто стоял на пороге смерти.

Письмо доктора Боткина его брату Петру в Лиссабон: «Тобольск, 12/XII-1917 год — Дом Свободы.

Мой дорогой брат и друг!

Мои мысли и руки парализованы из-за больших трудностей. Ты не представляешь, как мне трудно начинать, именно начинать то, что не может быть завершено удачно. Это должно объяснить тебе мое молчание, несмотря на мое страстное желание связаться с тобой, мой дорогой брат. Но сегодня, в день поминовения нашего отца, я не могу

удержаться, чтобы не поговорить и чтобы не написать тебе эти несколько строк, не надеясь на то, что ты получишь их когда-нибудь.

Мы тут как в Ноевом ковчеге во время всемирного потопа. И если наша лодка не разобьется и не потонет в водах или случайно избегнет неминуемой гибели, найдя пристанище на утесе до конца всемирного потопа, может быть, тогда мы только сумеем понять то, что с нами произошло в этом всемирном хаосе.

Доживу ли я до этого дня? Кто мне может сказать это? И что мы знаем о том? Сейчас я вверяю свое письмо почте, опускаю его в почтовый ящик моего дома — я делаю это с чувством того, кто потерпел кораблекрушение и бросает в море бутылку со своим последним приветом к Родине и родным.

Тот, кто тонет, не знает никогда, будет ли эта бутылка выловлена из моря, прочтут ли это послание те, кому оно предназначалось, он на это и не рассчитывает, но несмотря на это, он все же это делает, так как испытывает душевную потребность иметь хоть какую-нибудь связь с родными в последние минуты своей жизни и так как он знает, что это единственный способ, оставшийся ему, и может быть, крик его души достигнет своей цели.

До Петербурга мое письмо, по всей вероятности, еще, может быть, дойдет, как дошли почти все мои письма, посланные нами, благодаря добросовестной работе почтовых служащих; а уж потом моя бутылка с потерпевшего кораблекрушения судна останется в волнах разбушевавшегося моря...

И несмотря на все сообщения одного нашего друга, оставшегося в Петрограде, и несмотря на то, что мы изредка получаем оттуда газеты, и даже несмотря на то, что читаем телеграммы, которые нам удастся прочесть, несмотря на телеграммы, нам не удастся составить себе точного представления о положении старой столицы бывшей Российской империи.

Газеты доносят до нас тенденциозные новости, противоречивые и с большим опозданием. Что касается наших друзей, так они по вполне понятным соображениям держатся

от настоящей политики в стороне и в курсе дел не больше нас. Телеграммы мало понятны и тоже противоречивы; а между тем события разворачиваются одно за другим с невероятной скоростью молний, подобно урагану.

То, что кажется правдой в день публикации в Петрограде, теперь или оказывается неправдой, или уже изменилось, или уже было как-то переделано, и так касается всего. Происходит что-то невероятное. Я понимаю, как тебе тяжело издалека смотреть на предсмертные конвульсии нашего государства, но я рад, что ты не присутствуешь при этом, а живешь там в своем маленьком гнездышке в Грати в условиях, о которых мы, бедные сыны России, оставшиеся на ее земле, даже не можем мечтать. Душа так изранена, что не в состоянии на что-либо реагировать. Нас уже ничего более не удивляет и ничего не потрясает. Мы уподобились избитым собакам, вынужденным слушаться и готовы ко всему, даже к самому худшему. Это состояние можно определить как форму какой-то невропатии, при которой мы находимся в состоянии поникших, пассивных и равнодушных людей. Безразличие... Понимаешь, а что мне стоит это кажущееся безразличие? Какое умственное перенапряжение и холодность сердца, какой самоконтроль, стойкость и смирение мы должны проявлять, и к тому же надо добавлять наше всепрощение...

В начале войны я пожертвовал двумя своими сыновьями, и тогда я понял, что для меня в этом мире нет больше покоя, но тогда у меня были еще надежды, и какие это были надежды!

Теперь уже остается только одна единственная надежда — это надежда на всепрощение Господа Бога. Мы живем в постоянном волнении, не уверены ни в судьбе родных, ни друзей, где бы они ни находились, а если только они находятся в нашей стране, то они подвергаются еще большей опасности... Не исключено, что они находятся вне политики. Где бы ты ни находился, ты всегда в заботе о своих близких и друзьях. Но если они находятся в этой стране, то они в опасности, большой опасности... То, что они не участвуют в политической жизни, ничего не значит...

Меня все лелеяли на протяжении всей моей жизни, как ребенка, ко мне все относятся с большой симпатией, и благодаря этому у меня всегда было много друзей, вот теперь мое сердце болит за тех, кто страдает, кто рискует своей жизнью...

Хотя бы уж здесь все было мирно и спокойно. Вот уже 5 месяцев как мы тут живем. Слава Богу! Мне удалось занять две комнаты с дочкой Таней и моим маленьким кадетом, сыном Глебом. В комнатах зимой несколько холодно, но это не сказалось тут на здоровье детей. Дети мои со мной с сентября месяца. Когда я тут был один, я был несчастен. Я не ощущал самого себя: куда иду, что меня ожидает. Даже вынужден был скрыть об одной моей поездке, ведь при мне не могла сначала оставаться моя дочь и я вынужден был оставить ее совсем одну в Царском Селе. К счастью, мои друзья устроили ее сестрой милосердия в госпиталь при Большом дворце, где она раньше работала и лечила больных со всем рвением и отдачей, которые она унаследовала от меня, а я в свою очередь от отца.

Тобольск 20 марта /2 апреля 1918.

Подумай, мой дорогой брат, сколько же времени прошло с тех пор, как я начал писать это письмо. “Заколдованное, да и только”, так называют в Сибири время, которое длится слишком долго.

Если б у меня было время для того, чтобы перечитать все то, что я тебе уже написал, я бы давно отослал это письмо тебе, но у меня ни времени, ни сил на это не было.

Все дни я провожу в осмотре больных, так как никому и никогда не отказываю в помощи. Только одного не могу себе никак позволить — принимать на дому; я тебе уже писал, что мы живем втроем в двух комнатах. Я живу в комнате с моим сыном. Увлечен своей работой и все силы отдаю ей, а так как местные жители мне полностью доверяют — это очень милые, простые и сердечные люди, то и работа дает мне силы выжить и переносить все испытания, посланные мне судьбой. “Потоп” продолжается, но мне кажется, что “Ноев ковчег” устоит...

Я обнимаю тебя, мой дорогой и добрый друг, а так же твою милую Фанни.

Еще раз все трое тепло и сердечно вас обнимаем.

Да сохранил и благословил вас Господь.

Нежно любящий тебя твой брат

Евгений.

Р.С. К нам пришла великолепная весна. Весна. Я стою перед открытым окном, и можно уже выйти на улицу без пальто»*.

Глава XXVIII

Чекист

КАК МЫ ОПАСАЛИСЬ, сплетенный «Организатором» заговор оказался жалкой химерой. Красноармейский отряд не выказывал никаких контрреволюционных намерений, и если Дегтярев в свои юные годы был монархистом, то он это основательно забыл.

Кобылинский же, со своей стороны, с трудом поддерживал среди нашей охраны минимум дисциплины. Солдаты все больше теряли приличия, отказывались слушаться, покидали посты, чтобы в теплых комнатах играть в бесконечное домино.

Однажды вечером они устроили в одном из помещений дома Корнилова грандиозную пьянку. Я слышала пение, крики, звук падения тел. Иногда слышались посреди воя выстрелы: стреляли из окон.

Ни Зима, ни комиссар Дуцман, жившие оба в нашем флигеле, не пошевелились. Наверное, они боялись ярости пьяных.

Совершенно обессиленный, Кобылинский разыскал Государя и просил его об отставке: Зима и Малышев должны были его заменить.

Малышев — стрелковый офицер из Тобольска — исключительно гуманно относился к арестованным. Но Государь хорошо понял, с какими проблемами столкнулся Кобылинский с момента прихода Красной армии, если дело касалось наведения порядка в охране.

* Это письмо было закончено в марте 1918 года, и пришло в июле 19-го, следовательно, спустя год после смерти Боткина.

«Господин полковник, — сказал он, положив ему руки на плечи, — вы моя последняя защита. Пожалуйста, оставайтесь». И Кобылинский остался.

Второй комиссар, заменивший Никольского при Царской Семье, в конце концов тоже пришел. Его звали Павел Матвеев. Похожий на монгола, он выглядел так страшно, что мурашки бежали по спине. Говорили, что, признав его революционный пыл, сам Ленин произвел его в офицеры.

Вопреки нашим опасениям, он не выказал никакой враждебности к арестантам. Прибыв в Тобольск, он направился к учителям гимназии, чтобы усовершенствовать свое образование, и сквозь открытую дверь его комнаты я увидела на столе стопки книг и глобус.

Первое его распоряжение — вся свита должна была жить в одном доме с Царской Семьей, то есть генералы Тащицев и Долгоруков, учитель английского языка Гиббс, Настенька Гендрикова, госпожа Шнейдер и две горничные. «Дом Свободы», однако, не был достаточно обширным, чтоб разместить всех этих людей. Нужно было дополнительно поставить перегородки, и генералы должны были соединиться в одной комнате, что их холостяцким привычкам было противопоказано. Гиббс, со своей стороны, отказывался переезжать, пока ему не предоставят отдельной комнаты. Он получил в конце концов что хотел: специально для него, как для британского подданного, была дополнительно сооружена деревянная пристройка к дому.

Матвеев сообщил нам, что из Москвы должен прибыть третий комиссар для выполнения спецзадания, которое строго засекречено. Папа не ожидал ничего хорошего от его приезда, и мы были уже достаточно запуганы, когда нашу жизнь усложнила еще новая драма. В конце марта Алексея Николаевича постиг опять тяжелый приступ гемофилии.

Играя на импровизированных качелях — простая деревянная доска над стволом дерева — Царевич потерял равновесие и очень неудачно упал. Следствием было

тяжелое кровоизлияние. До сих пор Наследник переносил испытания ссылки довольно хорошо и никогда не жаловался на внезапное изменение его жизни. Я часто наблюдала из окна за его игрой в палисаднике. Он был как все дети мира — жизнерадостно смеялся и играл. Его падение произошло в неблагоприятный момент. Маленький Наследник был теперь парализован на обе ноги и нетранспортабелен. С этого момента всякая надежда Царя и Его Семьи на спасение стала напрасной.

Посланный Москвой комиссар прибыл в Тобольск 9 апреля 1918 года. Днем он пришел в дом к арестованным, а позже к нам. Его фамилия — Яковлев. Это был благообразно выглядевший мужчина с тонкими чертами лица интеллектуала. Его манеры были тактичны и вежливы, но лицо непроницаемо, и нельзя было угадать его намерений. Дома он носил матросскую рубашку, а на выход пехотную форму — толстый тулуп и папаху.

Когда папа вечером пришел из «Дома Свободы», я сразу поняла по его лицу, что у него для нас плохие новости. Глухим голосом он сказал: «Яковлев спрашивал меня, можно ли транспортировать Наследника. Я думаю, что он имеет поручение убрать отсюда Царя...»

На другой день 11 апреля папа отказался от своих визитов к больным в город. Солдатский Совет Отряда особого назначения заседал с утра. Присутствовали Яковлев, Кобылинский, Матвеев и Дегтярев. Дебаты были бурные. С 1 апреля пришло очень сильное подкрепление Красной армии из Екатеринбурга, и командир Заславский сеял возбужденное беспокойство среди солдат. «Арестанты убегут! — орал Заславский. — Уже готовы подземные ходы для их побега! Их надо заключить в Тобольскую тюрьму!» — «Вы вносите сумятицу, — возмутился Дегтярев. — Это все ложные слухи». Голоса становились визгливее. Яковлев пробовал утихомирить и призывал всех к ожиданию и спокойствию. Заславский в конце концов восстановил всех членов Совета против себя и под улюлюканье покинул зал. В тот же вечер Яковлев опять созвал Совет стрелков. На этот раз в отсутствие Кобылинского. Он показал специальные

приказы, которыми располагал и в которых ему давалось задание перевезти Царскую Семью в Москву. Совет был под сильным впечатлением, у него не было возражений. 12 апреля в 14 часов Яковлев попросил у Царя аудиенции.

«Я должен вам сказать, что я как специально посланный Центральной Комиссией направлен из Москвы, чтобы увезти всю Царскую Семью. Но поскольку Алексей болен, я получил вторичное распоряжение, а именно: выехать с вами одним».

Царь ответил: «Я не поеду».

«Я прошу вас не отказываться, — продолжал Яковлев. — Я должен выполнить поручение. В противном случае я буду вынужден применить силу или отказаться от своей миссии. Тогда, может быть, вам пришлют кого-нибудь, кто думает менее гуманно, чем я. Вы можете быть спокойны, я отвечаю головой за вашу жизнь. Если вы не хотите ехать один, можете по своему усмотрению выбрать себе спутников».

Днем папа уложил в чемоданчик лекарства, немного белья и туалетные принадлежности⁸¹.

«Я должен вернуться к Царской Семье», — сказал он.

Он поцеловал и благословил нас. Как только он ушел, я бросилась к окну и увидела, как он шел по грязной улице, осторожно обходя каждую лужу.

12 АПРЕЛЯ около 7 часов вечера к нам влетела запыхавшаяся и взволнованная госпожа Битнер.

«Я пришла к вам, чтобы сообщить под большим секретом, что сегодня ночью Яковлев увезет Николая Александровича и Александру Федоровну. Совет потребовал, чтобы их сопровождали восемь солдат и Матвеев. Ваш отец с князем Долгоруким их сопровождают. Если вы хотите передать ему какие-нибудь вещи, приготовьте чемодан. Полковник Кобылинский пришлет солдата, который его возьмет». Мы тепло поблагодарили госпожу Битнер и стали поспешно паковать вещи. Вскоре матрос Нагорный, находящийся на персональной службе у Царевича, принес нам прощальное письмо от папы.

Открытое, честное лицо этого светло-русого великана несколько утешило нас среди разыгравшейся бури. Он сказал, что через полчаса будет опять проходить мимо и зайдет за ответом.

Папино письмо было коротким и нежным. Он спрашивал: если ему придется ехать за границу, поедет ли мы к нему. Я ответила, что готова всюду следовать за ним, а Глеб выразил желание остаться в России. В это время он начал серьезно готовиться к вступлению в духовный сан.

Когда Нагорный с нашим ответом ушел, а солдат взял папин чемодан, я осталась одна в комнате с Глебом. Наша печаль была так велика, что мы даже не могли разговаривать.

Приказ об отъезде совершенно смутил Государыню. «Государыня, — говорил потом Жильяр, — была с Татьяной в своей комнате. Она была так растеряна, как я ее еще никогда не видел, даже во время болезни Алексея в Спале, даже во время отречения Государя. Она ни минуты не находила покоя. Ломая руки, ходила взад-вперед.

“Государь уезжает, — говорила она. — Ночью его одного хотят увезти. Это не должно случиться. Я не могу оставить его в такой момент... Вдвоем легче бороться. Вдвоем легче переносить мытарства! Но я не могу оставить Алексея! Он слишком болен, он нуждается во мне. Что будет с ним без меня?”

Она металась по комнате, взад-вперед.

“Он не должен уезжать... Если нужно чудо, то оно случится...”

Все молчали растроганно. Затем заговорила Татьяна:

“Но, мама, если ничего не случится, чтобы задержать отъезд отца, надо на что-то решиться”.

Некоторое время Государыня молчала. Она ужасно страдала... Я хорошо помню слова, которые она сказала: “Впервые в жизни я не знаю, что мне делать. До сих пор Бог всегда указывал мне путь. Сегодня я не получила никакого знака”.

Внезапно она воскликнула: “Я приняла решение! Мой долг ехать с ним!”⁸²

Когда папа сказал Их Величествам о своем решении последовать за ними в новое изгнание, Царь не смог удержаться от глубокого волнения, взял папу за руку и сказал: «Но ваши дети останутся одни! Что будет с ними?» Он знал, что у нас больше никого нет в этом Богом забытом сибирском городе, находившемся в руках большевиков.

«Ваше Величество, — ответил папа, — мой долг по отношению к Вам стоит на первом месте».

Когда все решения были приняты, Царская Семья и их свита собрались для вечернего чая. Великая Княжна Мария, которая уже в тяжелые революционные ночи доказала свое мужество, была выбрана для сопровождения родителей. Ольга Николаевна, слабая здоровьем, и Татьяна Николаевна оставались в Тобольске, чтобы вместе с Анастасией, которая, несмотря на свои семнадцать лет, все еще считалась ребенком, ухаживать за больным Царевичем. Кроме папы, ехали генерал Долгоруков, слуги Чемодуров и Седнев и горничная Анна Демидова. Государь, как всегда, был совершенно спокоен и приветлив с окружающими.

Государыня овладела собой и сохраняла веселое выражение лица. Великие Княжны были заплаканы.

В полночь Их Величества и Великая Княжна Мария прощались с прислугой. Государыня обнимала женщин, Государь — мужчин. Почти все плакали. Затем они собрались в комнате Наследника для последних поцелуев. Ребенок спал, и его не будили.

Я всю ночь неподвижно стояла у окна и наблюдала за домом напротив.

Около двух часов начали понемногу собираться кучера. Тени скользили вокруг упряжек, верховые солдаты двигались по двору взад-вперед: очевидно, участники Яковлевского эскорта.

Забрезжил день. За палисадником теперь отчетливо я увидела тарантасы — большие безрессорные кареты, запряженные лошадьми. Кобылинский наблюдал за происходящим. Охрана вышла на улицу и заняла места около выхода, в то время как кучер по знаку Яковлева подал к лестнице,

охрана и слуги по указанию старого Царского камердинера Чемодурова грузили багаж.

Папа вышел во двор первым. Вместо меховой шинели на нем был короткий тулуп, принадлежавший Князю Долгорукому.

Около пяти часов появились Их Величества, Великие Княжны, свита и слуги. Солнце уже было яркое, и день обещал быть прекрасным. Каждый садился в тарантас, указываемый Яковлевым. Процессия медленно тронулась, выехала за ворота на улицу мимо нашего дома, точно под моим окном.

В первом тарантасе находились Яковлев и Государь. Оба спокойно разговаривали. Царь был одет так же, как во время прогулок по двору, в шапке и простом пальто. В следующем я увидела Государыню и Великую Княжну Марию; чувствительные к холоду, они были завернуты в папину широкую подбитую мехом шинель.

Затем шел тарантас с папой и Князем Долгоруким. Когда они проезжали мимо моего окна, папа меня видел. Он снял шапку и, благословив, перекрестил несколько раз.

Отъезжающих сопровождали верховые вооруженные красноармейцы.

Когда исчезла из виду последняя коляска, я посмотрела на дом напротив. Там, на последних ступенях лестницы, стояли неподвижно три Великие Княжны в своих серых платьях. Они смотрели еще некоторое время в направлении колясок, которые только что скрылись из виду, а потом, медленно, одна за другой вернулись обратно в дом...

Глава XXIX

Приговор судьбы

ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА колясок я легла, не раздеваясь, на кровать; в доме Корнилова было спокойно.

Снаружи начали чирикать птички, время как бы остановилось, как замерзшее в равномерном утреннем освещении.

Я не могла уснуть. Каждый раз, смежая веки, я видела перед глазами картины этой ужасной ночи; лицо моего отца и его последнее благословение; усталую улыбку Государя, вежливо слушающего речи чекиста, затуманенный печалью взгляд Государыни, казалось, устремленный в Бог знает какую молчаливую вечность.

Набравшись мужества встать, я распахнула окно и села на подоконник, чтобы быть обогретой солнышком. В этом апреле весна действительно излучала тепло, и воздух был необыкновенной чистоты; Глеб сел рядом со мной. Мучимая мрачными предчувствиями, я предпочла одиночество и предоставила ему свое место.

ДЕНЬ БЫЛ не праздничный, и прохожие в этом квартале были редкостью, поэтому Глеб сразу заметил молодого оборванного мужика, который ходил по улице взад-вперед и незаметно поглядывал в нашу сторону. Внезапно он услышал, как его тихо позвали: «Глебушка!» Глебу показалось, что это сон. Только папа и несколько близких друзей называли его этим ласкательным именем. И все-таки этот бедный мужик позвал его так. Он удалился на несколько метров, вернулся и остановился как раз под нашим окном.

«Глебушка,пусти меня, пожалуйста!» Глеб вздрогнул. На этот раз он узнал голос. Это был Николай Седов, молодой офицер крымских казаков, который проводил тогда свой оздоровительный отпуск у нас в доме в Царском Селе. Глеб убедился, что в сенях нет солдат, и пропустил его по служебной лестнице прямо к нам в комнату.

Какое преображение: элегантный, лощеный, обольстительный капитан Седов — с длинными грязными волосами, падающими на лоб и затылок. На нем были тиковые штаны, валенки и ужасный, грязный ватник, надетый на голое тело.

«Как вы меня находите?» — спросил он.

Мы не могли ответить, и Седов продолжал:

«Я здесь с секретным поручением из Тюмени. Я пришел пешком и по дороге встретился с конвоем Царя. Великая

Княжна Мария узнала меня. У нас было время только улыбнуться друг другу.

«Но что вы хотите делать?» — спросил слегка обеспокоенный Глеб.

«Офицеры, преданные Государю, устроились здесь все поблизости рабочими и готовы к освобождению Царской Семьи. Они состоят под командой некоего Соловьева. Его очень оперативно осведомляют через верного человека в Тобольске, а именно через священника, который в церкви провозгласил “многая лета” Государю».

Глеб страшно побледнел: «Какую информацию дал вам этот человек?»

«Он нас предупредил, что Кобылинский и вся охрана из 4-го Стрелкового полка — предатели».

«Вы с ума сошли, — ответил Глеб изменившимся голосом. — Этот священник работает на красных. Он вам нагнал. Он и никто другой давал Государыне обманчивую надежду, что в Тюмени есть монархическая организация».

«Что ты говоришь!?» — Седов был явно потрясен словами Глеба.

«Ваш Соловьев мошенник! Кто он?»

«Он зять Распутина. Он женат на его дочери Матрене».

Глеб сердился все больше: «Как вы могли довериться шурина Распутина!»

В нескольких словах он объяснил, каково действительное положение. Седов был совершенно смущен: все его надежды рухнули из-за предательства!

«Отделись от этого Соловьева, — сказал Глеб. — Он может втянуть тебя в авантюру, из которой ты живым не уйдешь. Теперь тебе надо уходить. Дом ненадежен. К нам могут нагрянуть».

Седов кивнул. Его глубокое разочарование нас огорчало. Не говоря ни слова, он бросился по лестнице вниз и скрылся.

ЗА ДВА ДНЯ до Пасхи госпожа Битнер сообщила мне, что Кобылинский получил телеграмму от Яковлева. Царь и свита находятся в Екатеринбурге. Яковлев сдал

свои полномочия большевистскому Совету депутатов, так называемому Совдепу.

Почему Яковлев сдал свой пост? Почему путешествие закончилось уже в Екатеринбурге? Загадка за загадкой!

Даже Кобылинский не понимал этого. Одно было ясно: Царь и его Семья были, как и прежде, в руках большевиков. Через два дня мы получили письмо от папы. О своем пребывании в Екатеринбурге он сообщал очень скудные сведения, так как корреспонденция контролировалась. Он объяснил нам, что Государю определили большой дом в городе — дом Ипатьева. Арестованные занимали там только три комнаты. Их Величества и Мария занимали большую комнату. Рядом жила горничная Демидова. Он

Спасибо, дорогая
Таня Вам и Тите,
за милое письмо!
Пишете ли Папа?
Сам ничего не пишу.
Сам и страшно гру-
стят. Хотел бы
отправить моему другу
Юлии Александровичу
в дружеском письме.
Успехов Вам и Тите
и желаю всего доб-
рого. Ольга Р.

23-го апр. 1918 г. Тобольск.

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны Татьяне Боткиной.
Автограф. Тобольск, 23 апреля 1918 года

сам спал в столовой на полу рядом со слугами Чемодуровым и Седневым. Дом был окружен таким высоким двойным забором, что снаружи был виден только большой крест близлежащей церкви. Обедали они все вместе, и в Пасхальное воскресенье монахини из городского монастыря принесли традиционную пасху и яйца. На заутрене, однако, они присутствовать не могли. Содержание этого письма я передала через госпожу Битнер Великой Княжне Ольге. Она ответила мне в тот же день коротким письмом.

«29 апреля 1918 г. Воскресенье.

Спасибо Вам, душка Таня, за добрую весть. Мы тоже получили сегодня письмо от 23, но особенного ничего

29: Апрель 1918
Воскресенье

Спасибо Вам Душка Таня
за добрую весть. Мы тоже
получили сегодня письмо от
23 но особенного ничего не
имеем. Да Мария пишет
мне как в том же письме
писала по поводу и рас-
чужденности в казни. А
так же Слава Богу.
Пожалуйста Таня и Павел от
всех. Чувствую тепло и еще
благодарю Вас

Дом Ипатьева в Екатеринбурге, где была убита Царская Семья
и верные слуги

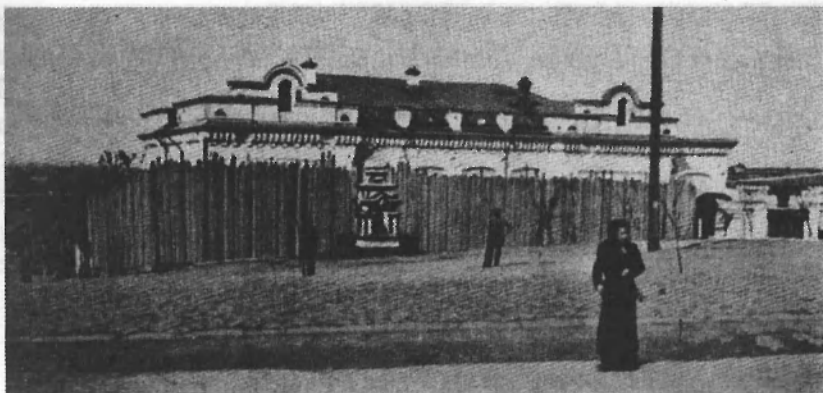
не пишут. Да, Мария пишет, что Ваш отец, как всегда, пишет по ночам и раз уже уснул в ванне. А так все Слава Богу. Поклон Глебу и Вам от всех. Целую нежно и еще благодарю.

Ольга Р. ».

На следующий день в Тобольск вернулся комиссар Матвеев с восемью солдатами. Его рассказ о путешествии навел нас на плохие предчувствия.

Яковлев перед отъездом в Тюмень послал туда своего адъютанта Авдеева с поручением подать поезд, чтобы сразу же ехать дальше. До Тюмени путешествие лихорадочно ускорилось. Когда 14-го* они прибыли туда, оно сразу же продолжилось в направлении Екатеринбурга. Но вблизи от цели они услышали, от кого — неизвестно, что их там не пропустят. Тогда Яковлев спешно поехал обратно в Тюмень и взял направление на Омск. На последней перед Омском станции — Куломзино — поезд был остановлен вооруженными красноармейцами. Яковлев узнал, что в Екатеринбурге он объявлен освобожденным от обязанностей, так как якобы пытался отправить Царя за границу. Он прицепил локомотив, поехал в Омск, телефоновал в Москву, в результате чего ему было приказано отправиться в Екатеринбург.

* Новый стиль. Письма, документы этого периода постоянно даются то по Юлианскому, то по Григорианскому календарю (прим. О. К.).

Внутренний забор (первый), окружавший дом Ипатьева.
Фото 1918 года

Поезд направили туда, но как только он прибыл в Екатеринбург, сразу был окружен красноармейцами⁸³.

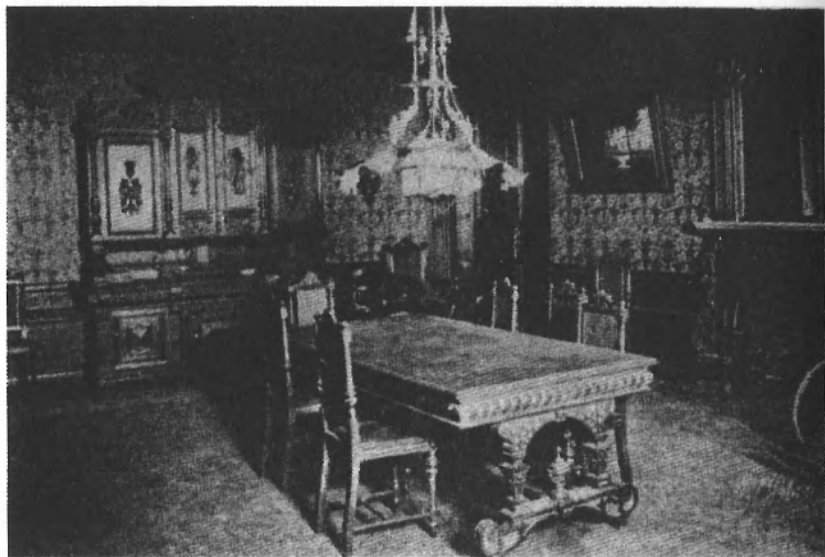
Екатеринбургский гарнизон потребовал выдачи арестованных. Комиссар Матвеев со своими восемью солдатами воспротивились приказу и угрожали каждому, кто приблизится к поезду, расстрелом. Ожидание длилось четыре дня. В конце концов Матвеев понял, что невозможно с восемью солдатами сопротивляться екатеринбургским большевикам, и сдался.

«Солдаты Тобольского отряда были обезоружены и заперты в погреб. Царь, Царица, Великая Княжна Мария Николаевна вместе с Боткиным, Чемодуровым, Седневым, Демидовой и Долгооруковым отвезены в дом Ипатьева.

Арестованные тобольские солдаты были через несколько дней отпущены»⁸⁴.

Немного позже я получила второе письмо от отца. Намеками он дал мне понять, что находится в отчаянной ситуации.

Он жаловался на то, как охрана обращалась с Государем, и описывал злоупотребления, которые ему приходилось терпеть, когда он пытался добиться улучшения условий для арестантов. Он заканчивал письмо такими словами, которые совсем не соответствовали его обычной позиции: «Я потерял свои иллюзии относительно доброты и терпимости русского народа».

Столовая Царской Семьи в доме Ипатьева,
где доктор Боткин провел свои последние ночи

В доме Корнилова дела принимали все более странный оборот. Во всех освободившихся после отъезда свиты комнатах расквартировались латыши из одного красноармейского отряда, которые пришли после Яковлева и были предоставлены в распоряжение Хохрякова, комиссара из Тобольска. Эти солдаты выглядели запущенными, были часто пьяны, и их бандитские рожи внушали мне страх. Единственными более или менее приличными людьми в нашем окружении были наш сосед Зима и комиссар Матвеев, который никогда с нами не говорил. Я часто слышала, как эти красноармейцы бушевали в коридорах, и умирала от страха: ведь они прекрасно знали, где я и то, что я совершенно одна. Но все-таки никто не осмелился войти ко мне в комнату. Очевидно, присутствие Матвеева их еще сдерживало. Время от времени Глеб говорил с городским комиссаром Хохряковым, который жил на первом этаже. Это был бывший моряк, в сущности, неплохой парень, но удивительно равнодушный. Главным его пороком было пьянство, которому он основательно при

первой возможности предавался. Для нас это было преимуществом, ибо когда он напивался, его язык развязывался, и он мог, не желая этого, выдать нам важные секреты.

Однажды вечером после ужина, который мы оплачивали из остатка денег тети Елены, дверь вдруг с треском распахнулась, и у нас в комнате появился солдат, которого мы никогда раньше не видели. Полумертвый от страха Глеб все же пошел ему навстречу. «Здесь живет комиссар Хохряков?» — спросил он.

«Да, здесь в доме, но он живет на втором этаже».

Солдат, казалось, рассердился.

«Я не буду за ним бегать! Я ему это оставляю, отдайте позже, — сказал он и всунул Глебу в руки толстую папку. — Это очень важные документы. Он забыл их на заседании Совета в Тобольске. Когда он выпивает, вечно все забывает. Мне некогда».

Он повернулся на каблуках и громко хлопнул дверью. Мы были как побитые.

«Это удивительно, — Глеб нервно засмеялся, — нас считают опасными арестантами, а этот мужик доверяет нам документы особой важности! Этот народ действительно ни о чем должного понятия не имеет. Я все же пойду наверх к Хохрякову и отдам ему его важные документы».

Я не была в восторге от того, что Глеб пойдет в комнаты, где живет Хохряков и его пьянчуги.

«Я постучался, и он открыл, — рассказал брат. — Конечно, он был совершенно пьян. С ним были две полуголые бабы, тоже пьяные. Я передал ему папку без единого слова. Это были, очевидно, важные документы, потому что он сразу смутился и высказал мне свою большую благодарность».

На следующий день Глеб встретил Хохрякова на лестнице и задал ему несколько вопросов.

После этого он пришел ко мне очень озабоченный: «На этот раз он был трезв, он мне доверился и сказал, что Великие Княжны и Царевич тоже должны быть переправлены к Их Величествам. По-видимому, все члены свиты попадут в тюрьму».

Почтовая карточка: Императрица Александра Федоровна в форме сестры милосердия. На обороте: поздравление Государыни и Августейших детей Татьяне Боткиной к Пасхе. Тобольск, 1918 год.
(Из архива К. К. Мельника)

Несмотря на опасное присутствие охраны, мы решили ни на один миг не оставлять больше дом Корнилова. Я надеялась выехать вместе с Великими Княжнами и встретиться с папой. Кобылинский обещал мне, что он тоже поедет и возьмет меня с собой.

Глеб же решил пойти в маленький тобольский монастырь, он был дружен с епископом Гермогеном.

В конце Пасхальной недели, 4 мая 1918 года, полковник Кобылинский был отозван, его часть распущена, и «Дом Свободы» попал под власть командира латышского отряда Родионова, разделившего командование с Хохряковым, хотя для Москвы он был его непосредственным начальником.

Родионов отличался ледяными манерами, выдававшими глубокую жестокость. Он мало говорил, но был корректен. Судя по тому как хорошо сидела на нем форма и по

его прямой манере держаться мы посчитали его бывшим офицером, однако чувствовали, что он мстителен и безжалостен.

«Родионов был с нами груб. Властным тоном он запретил Великой Княжне Ольге запирать на ночь дверь и грозился ее наглухо забить. Он обыскивал Нагорного и однажды очень кричал на него, найдя в его кармане письмецо Алексею от Коли Деревенко. Если ему казалось, что кто-нибудь был предан Царевичу, он начинал этого человека мучить. Особенно нравилось ему сердить Великих Княжон своим бесстыдством. Монахинь, приходивших на церковную службу, он обыскивал, а рядом со священником ставил красноармейца»⁸⁵.

Вскоре после заселения латышским отделением «Дома Свободы» к нам зашла госпожа Битнер.

«Милые дети, вы должны как можно скорее покинуть этот дом. Этот новый комиссар страшная bestия. Полковник Кобылинский сейчас болен и не может ничего больше для вас сделать».

«Мы это хорошо понимаем, — ответили мы озабоченно, — но не знаем, куда нам деться. В Тобольске нет гостиницы».

«Я нашла комнату, — сообщила нам Битнер, — у коллег из здешней гимназии, но на короткий срок. Сегодня же идите к этим людям, представьтесь и переезжайте не позднее утра».

На следующий день мы еще не были готовы с нашим переездом, как, совершенно запыхавшаяся, прибежала Битнер.

«Солдаты забирают послезавтра Царских детей, — сообщила она озабоченно. — Кобылинский совершенно без сил и слишком болен, чтобы ехать с ними. Было бы лучше, если бы ты сама сходила к Родионову и спросила, можно ли тебе с ними ехать, но я совсем не уверена, что он тебя возьмет».

На другой день я решила вместе с Глебом найти комиссара Родионова. Мы отправились в «Дом Свободы». Под окнами стояли жена и дочь повара Харитонова, которые пришли попрощаться, так как он уезжал с Княжнами

в Екатеринбург. Внезапно появился Родионов и заорал угрожающим голосом: «Под окнами болтаться запрещено! Если вы останетесь дольше, я вас расстреляю на месте!»

Бедные женщины в панике отпрянули назад. Момент был не очень подходящий, но я подошла к комиссару и в нескольких словах объяснила мое желание ехать с Великими Княжнами, чтобы быть опять с папой.

Увидев меня, он совершенно изменил свое поведение. С легкой улыбкой он наблюдал за мной.

«Но почему вы хотите уехать? Ссылка арестантов будет длиться годами. Вы молоды, и перед вами многообещающая жизнь!»

«Я хочу быть рядом с отцом, даже если вся моя жизнь пройдет в Екатеринбурге».

Родионов пристально наблюдал за мной.

«Я могу взять вас в Екатеринбург, если вы этого действительно хотите. Но арестованных вы все равно не увидите».

ОСТАВАТЬСЯ ОДНОЙ в этом незнакомом городе на Урале не имело смысла. Я подчинилась и тем подкрепила приговор судьбы остаться живой.

7 мая 1918 года пароход «Русь» привез Царских детей в Тюмень, откуда они должны были поездом следовать в Екатеринбург. Их сопровождали две фрейлины: графиня Гендрикова и баронесса Буксгевден, гофлектриса Шнейдер, няня Теглева, учителя Жильяр и Гиббс, матрос Клементий Нагорный, повар Иван Харитонов, слуги Алоизий Трупп и Волков и поваренок Леонид Седнев.

«Родионов держался по-хамски. Он закрыл каюту, в которой были Алексей с Нагорным, снаружи. Все остальные каюты, особенно с Великими Княжнами, по его приказанию нельзя было закрывать»⁸⁶. Я не имела счастья видеть их отъезд: Родионов строго запретил населению приходить на пристань. Я всю жизнь сожалела, что повиновалась этому приказу, потому что большие толпы народа все же проникли на пристань и могли видеть Великих Княжон совсем близко, на палубе парохода.

«9 мая утром Царские дети прибыли в Тюмень. Прежде чем следовать дальше, они стояли несколько часов... Прибытие в Екатеринбург произошло 10 мая в 2 часа ночи. Всю ночь вагоны возили по путям туда и обратно. Только в 9 часов они встали между двумя вокзалами Екатеринбурга. Оттуда Царских детей доставили на дрожках в дом Ипатьева»⁸⁷.

Глава XXX

Красный террор

ПОСТЕПЕННО отряды Красной армии из Екатеринбурга и Омска установили в мирном городке Тобольске режим террора. Все дома систематически обыскивали, и мы должны были уничтожить все, что могло нас скомпрометировать. Наши личные документы, папины письма и мой дневник. Все ушло в огонь, но сувениры из дома, где находилась арестованная Царская Семья, я не могла уничтожить; рука не поднималась. Несмотря на все предосторожности, мы жили беспокойно; самого факта, что мы жили в доме Корнилова, было достаточно, чтобы мы считались подозрительными большевикам. Однажды я была грубо разбужена. «Одевайся скорее, — кричал Глеб и тряс меня, чтобы я проснулась. — Звонят! Это, наверное, обыск!»

С бьющимся сердцем я смотрела, как Глеб вышел из комнаты, и слышала, как открывается входная дверь. Но мой страх длился недолго.

«Константин!!! Наконец-то!!» — закричал Глеб с облегчением.

Боже мой! Это был Мельник! Я тотчас же набросила халат и помчалась в прихожую, где раздевался наш друг. Глеб повис на нем и с восторгом обнимал. В нашей беспроектной жизни дружественное присутствие бывшего Сибирского стрелка было для нас бесконечным утешением. Он не изменился. Высокий, с бородой, казалось, он заполнил собой весь дверной проем. Его острый взгляд все заметил, задержался на мне, Глебе. Он рассказывал, как ему удалось до нас добраться. Солдаты его высоко ценили,

так что ему без особых трудностей удалось избежать «офицерской бойни», которую устроили советские солдаты после Октябрьской революции на фронте. Он собирался вернуться к своей семье на Украину, а поехал в Сибирь на помощь Царской Семье. До Красноярска все шло без происшествий. Он оставался в этом городе, пока не получил новые документы, разгружая железнодорожные вагоны и тем держась. Ни холод, ни тяжелая работа не подорвали его крепкого здоровья. Он как раз хотел уезжать в Тобольск, но его опознали как бывшего офицера и посадили в тюрьму. Условия арестантов были особенно тяжелые, и многие из них, менее приспособленные, умерли от голода и потери сил среди всеобщего равнодушия. Как-то при вечернем обходе одному комиссару запомнилась его фамилия: «Кто из вас Мельник?» Константин поднялся с нар. «Ты украинец? Знаешь наш язык?» Мельник ответил по-украински, прикинулся простаком и в лирических выражениях описал свое угнетение господами. Он выиграл. Комиссар был рад встретить в Богом забытой Сибири побитого судьбой соотечественника и его сейчас же отпустил.

Мельник сразу отправился к нам. Будучи человеком практичным, он обзавелся запасами — вынул из своих карманов фунт масла и две громадные буханки круглого хлеба, который долго не черствеет и очень вкусен. Я поставила воду для чая, и пока завтракали — мы месяцами не видели масла, — почувствовали, что в нашей судьбе свершился поворот. Несмотря на это событие, Глеб усердно продолжал свою религиозную жизнь, регулярно ходил в центр города в кафедральный собор, где он стал иподиаконом. Епископ Гермоген ему протезировал и предложил помощь в подыскании новой квартиры. Он написал городскому голове Тобольска, который согласился сдать нам в своем доме две комнаты.

Наша наличность, полученная от тети Елены, подходила к концу, и надо было искать работу. После долгих поисков Глеб получил уроки для отстающих учеников младших классов, а я давала уроки музыки и французского языка ученицам госпожи Битнер. Наш заработок был

весьма невелик, как раз на самое необходимое для жизни. Но нам это было безразлично, ведь мы очень беспокоились о папе. От него не было никаких известий.

ТЕРРОР усиливался. Первыми жертвами Красной армии стали представители духовенства, которые подозревались в верности Царскому Дому. Священников бросали в тюрьму, им предстояли пытки и лишения, но в первую очередь большевики схватили епископа Гермогена.

Он был приговорен комиссаром Дуцманом, нашим бывшим соседом по дому Корнилова, к смерти. Палачи потащили его на берег реки, издевались и пытали ужасным образом. Все время епископ непрерывно молился. Наконец его схватили за волосы и держали под водой до тех пор, пока он не потерял сознание. Затем к его телу привязали камни и бросили в реку.

Дом, в котором мы жили, также не избежал обысков. Однажды утром группа вооруженных солдат вошла во двор. Постучали в кухонную дверь.

«Это дом прокурора Карякина?» — спросил один из красноармейцев нашу хозяйку, которая была в полуобморочном состоянии. Она подтвердила, и солдаты методически обыскали каждую комнату, срывали все с постелей, выбрасывали содержимое из шкафов, открывали чемоданы и сундуки. Потом они постучали в нашу дверь. Мельник ее открыл. Однако он стоял на пороге так, что никто не мог зайти без того, чтобы отодвинуть его в сторону, он стоял во весь рост с угрожающим лицом. Красноармеец, стучавший в нашу дверь, был маленький сибиряк, но вооруженный. Остальные еще были заняты обыском. «Обыск!» — сказал он неуверенно и поднял голову, чтобы оглядеть Мельника.

«Покажи приказ об обыске», — потребовал Мельник.

Солдат вытащил из кармана измятую бумажку и послушно показал ее.

«Ты можешь читать? — спросил Мельник и протянул солдату бумажку. — Ваш приказ на обыск относится к семье Карякиных. А вы сейчас у Боткиных. Так что убийтесь».

На маленького, хилого солдата самоуверенность Мельника произвела сильное впечатление. Он повернулся к своим товарищам и крикнул: «Тут не надо обыскивать. Карякины не живут в этой части дома».

В этот день нас не тронули, но мы знали, что это только отсрочка, и наше время скоро настанет. Мы не заблуждались. В конце июня большевики отдали приказ произвести обыски во всех домах, и всех офицеров, которые при этом будут выловлены, расстреливать на месте. И все-таки Мельник не хотел бежать. Он верил в свои силы и свою судьбу.

«Если бы я каждый раз прятался от красных, — уверял он Глеба, слушавшего его с восторгом, — когда они грозили истребить всех офицеров, то я редко бы видел белый свет. Кроме того, у меня нет выбора. Я не могу оставить вас одних».

Мы провели очень плохую ночь. На следующее утро солнце уже давно взошло, когда шум большой толпы заставил нас выскочить из кроватей. Глеб открыл окно, чтобы посмотреть.

Недалеко от дома напротив много людей, оживленно жестикулируя, о чем-то спорили.

«Что случилось?», — спросил Глеб мужчину, стоявшего неподалеку.

«Белая армия и Чехословацкий корпус заняли Омск и идут на Тобольск!»

Другой голос добавил:

«Красные забрали все лодки и бежали. Можно еще увидеть последних, как они бегут! Белые очень многочисленны».

И правда, по улице мчались, прищпоривая своих коней, всадники. На них были черные кожанки, как у всех комиссаров того времени.

Над городом нависла тишина. После многочасового ожидания мы увидели на реке приближающиеся части Белой армии. Командир попросил всех офицеров в городе присоединиться к его войскам, чтобы преследовать части Красной армии. В тот же вечер Мельник покинул нас

и поступил в распоряжение белых. Два дня спустя один очень молодой солдат принес нам известие от Константина, в котором он просил средство от комаров. Я спешно смастерила импровизированную маску из тонкого муслина, снабдив ее картонным козырьком. Все это я передала молодому солдату.

Мельник отсутствовал недолго. Командир белых считал, что опыт Мельника как офицера больше нужен для защиты Тобольска, чем если он пойдет простым солдатом ловить на реке красноармейцев.

Мельник объяснил, что им удалось догнать беглецов, но битвы не произошло, потому что тучи комаров напали на лодки. С обеих сторон никто не мог применить оружия: миллионы миллионов насекомых полностью забили стволы оружия, впивались в лица, глаза, уши, носы и лезли под одежду.

Белые продолжали наступление, получив подкрепление на ходу. 6 июля они снова заняли Тюмень. Пять дней позже освободили Екатеринбург. Полные тревоги, мы пытались встретиться с очевидцами боев в надежде узнать что-нибудь о судьбе Царской Семьи и папы.

Когда белые вошли в Екатеринбург, они нашли дом Ипатьева пустым. Царская Семья, мой отец и большинство из свиты исчезли.

Может быть, их отправили дальше, в области, занятые большевиками? Может быть, они по просьбам родственников или, как говорят некоторые вполголоса, по просьбам немцев были вывезены за границу?

Немногие доверенные люди, оставшиеся в городе, были освобождены и могли вернуться в Тобольск. Камердинер Чемодуров появился первым. Белые нашли его в санитарном отделении тюрьмы, где красные его попросту забыли. Мы осаждали Чемодурова вопросами но, к сожалению, он ничего не знал о судьбе Царской Семьи, ведь вскоре после приезда Царских детей его перевели в тюремную больницу.

Картина, нарисованная им о жизни и условиях арестованных, была очень мрачной.

«Эти люди ни перед чем не останавливаются. Солдаты охраны напивались ежедневно. Они были очень грубы и хамили, особенно Великим Княжнам!»

Потом приехали Иза Буксгевден и Жильяр. Они тоже ничего не знали. Они сообщили только, что Настенька Гендрикова, фрейлина Шнейдер, генерал Татищев, камердинер Волков и Долгоруков были брошены в тюрьму.

Я пыталась не терять надежды, но это было нелегко. Перед сном я молилась. Молилась за папу, Царскую Семью. Но моя голова оставалась пуста, и я не находила слов, как будто порыв моей души наткнулся на непроницаемую стену. Мне казалось, что мои молитвы никогда не будут услышаны, все мои слова напрасны, бессмысленны, смешны. Я еще не понимала, я еще не знала, что все они мертвы.

С нетерпением я ожидала возвращения доктора Деревенко, который оставался в Екатеринбурге. Наконец я не могла совладать больше со своими страхами и разыскала его жену. Это была толстая матрона, которую в первую очередь волновала собственная судьба.

«Вы хотите известий из Екатеринбурга, — сказала она мне. — Мой муж знает немного. Он не принадлежал к свите и не жил в доме Ипатьева. Вот его самое первое письмо. Не читайте начало, это вас не касается. Начинайте вот отсюда».

Она положила свой толстый палец на строчку второй страницы, и я прочла ужасную фразу: «Боткина наверняка уничтожили, его и прислугу. Я надеюсь, что Государь и его Семья живы». Госпожа Деревенко молча смотрела на меня. Я была почти убита, но пыталась сохранить самообладание. Но это было выше моих сил. Внутренне я все время повторяла: «Эта женщина — чудовище, ее муж тоже. Им нравится распространять безосновательные ужасные новости. Я не должна им верить. Это неправда. Папа жив!»

Белые укрепили свои позиции по всей Сибири. Урал уже остался у них позади, и они приближались к Волге. В Омске было Белое правительство адмирала Колчака, замечательного человека, чья храбрость была широко известна. Представители других правительств, среди них французского и британского, тоже приехали к нему.

У нас опять появилась надежда. Скоро красные будут уничтожены. Но у нас все еще не было никаких известий от папы. Глеб поехал в Екатеринбург, чтоб на месте получить более полные сведения. По возвращении он объяснил мне, что ничего не смог выяснить: никто ничего не знает. Одно было ясно: в доме Ипатьева было совершено преступление: офицеры Белой армии в подвальном помещении обнаружили многочисленные следы от выстрелов и пятна крови.

Я противилась признать правду. Отец был жив. Вместе с Государем и Его детьми он был отправлен куда-нибудь дальше...

Глава XXXI

Гражданская война

В ОПРОС о выживании делался все острее: надо найти работу. Я снова разыскала госпожу Битнер, которая в бурях революции была нашим ангелом-хранителем.

«Думаю, для тебя можно кое-что сделать, — сказала она. — Я уверена, что ты сможешь преподавать французский в младших классах гимназии...»

Я чувствовала себя способной на любую работу, только не готовить, этому я никогда не училась.

«Я допущена учительницей в старшие классы, — продолжала она, — теперь все назначения должны утверждаться. Я предложу тебя в младшие классы, посмотрим, получится ли».

Мой допуск учительницей в младшие классы при одном голосе против прошел гладко. Я с большим удовольствием занялась своим новым делом, которое немного отвлекало меня от постоянного внутреннего беспокойства. Тобольская гимназия принимала учеников из многих соседних городов. Некоторые из них приезжали с севера на санях, запряженных оленями, ведь снег в этих областях выпадал уже в августе, и они оставались жить в общежитии. Мои отношения с учениками стали вскоре совсем дружескими. То, что я выросла в Царском Селе, что я жила

в доме Корнилова, вызывало симпатии ко мне многих девушек, которые были старше и, наверное, опытнее меня. У меня были преданные обожательницы, которые пользовались переманками, чтобы забежать в гардероб и обцеловать мое пальто или шляпу. Одна из моих учениц — Лиза Будишева — предложила мне даже жить у них в доме. Будишевы были самой прогрессивной семьей Тобольска. У них была ванная, умывальники в комнатах, форточки на окнах, сквозь которые зимой проникал воздух, в то время как по сибирским обычаям все щели в окнах прокладывали ватой. У них был прекрасный рояль. Отец, Павел Николаевич, был директором учреждения, занимавшегося вопросами эмиграции. Оно было создано Русским правительством вскоре после Русско-японской войны для оказания помощи в переезде жителям Центральной России, которые решились переехать в Сибирь.

У наших хозяев еду готовили в сибирской манере. В половине девятого был завтрак, около полудня чай с пирожками, после работы на открытом воздухе (в Сибири ночь настает после трех часов дня), в половине третьего, обед с супом, и последняя еда, ужин, — около семи часов вечера: опять чай, белый хлеб, несколько легких блюд, как, например, ватрушки, соленья или, что казалось еще смешнее, лепешки с картофельным пюре или же с тушеной морковью и со свежим маслом. По воскресеньям и праздникам весь Тобольск аппетитно благоухал горячими пирожками, жареными на масле, с начинкой из телятины и яиц.

По моему мнению, наш переезд к Будишевым имел только три минуса: кухарка, собака и петух.

Когда я в первый раз у них ужинала, то заметила, как какая-то похожая на бродяжку женщина подошла к госпоже Будишевой и шепнула ей что-то на ухо. Эта женщина выглядела действительно странно: вокруг распухшего красного лица витал запах водки, и в каждую ноздрю был засунут пучок петрушки, как прежде у выставленных в мясной лавке поросят. Лоб ее был обвит тюрбаном, а платье похоже на старый мешок из-под картофеля;

вместо передника оно было обвязано грязной тряпкой. То, что женщина была абсолютно пьяна, казалось, совершенно не мешало госпоже Будишевой. Но и она наконец потеряла терпение, слушая этот пьяный шепот.

«Слушай, Тимофевна, — сказала она, обернувшись к бродяжке, — если ты в таком состоянии, оставайся, пожалуйста, в кухне!»

«Я? В каком состоянии? Думаете, я пьяная? Ни капельки не выпила, я хотела только вас спросить, варить на завтра борщ или щи?»

«Делай что хочешь. Но если ты не пила, то зачем эта петрушка в носу?»

«Это чтобы отрезвиться!» — ответила неряха без всякой логики. Она величественно удалилась, шаркая своими громадными растоптанными валенками.

«Не обращайтесь на нее внимания, — сказала Будишева. — Эта наша кухарка Тимофевна. Она почти всегда пьяна, но честная и, кроме того, хорошо готовит».

Собака была гораздо симпатичнее кухарки, ее звали Карл. Это был большой красивый охотничий пес, но слишком лохматый для дома. Несмотря на густую шерсть, Карл был особенно чувствителен к холоду. Рано утром, когда кафельные печи открывали, чтобы выгрести теплую еще золу, он залезал туда и спал. Когда зола остывала, он перекладывался в одну из постелей, долго отряхиваясь.

Петух появился позже. Тимофеевна купила его живым, чтоб сделать рождественское жаркое. С согласия хозяйки дома она устроила в клозете нечто вроде куриного насеста. Каждый раз, отправляясь туда, я должна была смотреть, чтоб эта скотина не убежала. Петух был большой и сильный и глядел на меня всегда очень сердито. Иногда он выпускал без всякой причины громогласное «кукареку» и бил крыльями, как сумасшедший. Очевидно, положение заключенного постепенно сводило его с ума. Поэтому я ожидала Рождества с особенным нетерпением, чтобы освободиться от этой злой птицы.

Смех и веселые крики! После тяжелых дней в доме Корнилова я впервые услышала и восприняла их с радостью.

Быстро отправилась в комнату Мельника и Глеба, чтобы выяснить причину веселья. Картина, открывшаяся мне, повергла меня в безграничное удивление: Глеб и Николай Седов катали по столу громадный арбуз и имитировали при этом свинячий визг.

Вместо приветствия Седов крикнул мне: «Я должен остаться на несколько дней в Тобольске. Видите, я купил вам маленькую свинку!»

Это действительно был Седов, в этот раз аккуратно причесанный и чисто одетый. На нем была рубашка цвета хаки с погонами офицера и сапоги. Таким элегантным, как раньше, он, конечно, не был, но его жизнерадостность и вдохновение мне понравились. Какая радость была снова его увидеть! С момента его появления в мужицком обличье мы ничего о нем не слышали.

Привлеченный шумом, пришел Мельник. Оба углубились сразу в какую-то горячую дискуссию. После нашего предупреждения относительно Соловьева Седов установил связь с Кобылинским и отправился на розыски Царской Семьи. Его поиски привели его в гостиницу поблизости от Екатеринбурга, где ему перебежала дорогу группа переодетых мужчин. Их одежда была новой, с иголки, из дорогого материала, прически в порядке, ногти были чистыми, и голоса звучали благородно.

За километр каждый бы заметил, что это гвардейские офицеры. Седов предусмотрительно оставался в стороне и продолжал изображать грязного мужика. Это было правильно, потому что заговорщики вскоре были разоблачены и брошены в тюрьму. Информация, которую он получил, привела Седова в Петроград, где его предал один старый знакомый. Его привели к палачу Урицкому: «Так как мне нечего было терять, — засмеялся Седов и затянулся своей сигарой, — я имитировал сумасшествие. Я вращал глазами и, дергая ртом, бросил стоявшую на столе сахарницу в голову Урицкого. “Это обычный сумасшедший! Кого вы ко мне привели? — зарычал он. — Вы думаете, что я занимаюсь такими типами? Убрать его немедленно!”»

Седов опять очутился на улице, на свободе. Не колеблясь, он снова отправился в Сибирь, работая то тут, то там у крестьян поденщиком.

«Я повсюду наблюдал за поведением людей, чтобы не отличаться от них. Я часто поражался их обычаям. Например, в богатой крестьянской семье я питался вместе за одним столом. По воскресеньям на стол приносили целый ком масла, завернутый в бумагу. Отец семейства торжественно разворачивал его, брал кусочек на палец и мазал себе голову вместо помады. Сыновья делали то же самое, и я должен был тщательно втирать остатки масла в голову».

К сожалению, Седова опять разоблачили. Ему нельзя было больше показываться в деревнях, и он искал убежища в лесах, питаясь желудями и корешками, «как дикий кабан» — смеялся он. «Представляете, мои тиковые штаны были такие рваные, что висели лохмотьями вокруг тела! У меня оставалась только рубаха, которая, к счастью, была такой длинной, что я выглядел не очень неприлично». Долго блуждал Седов по лесам, пересекая открытую местность только ночью. Однажды вечером при выходе из леса на него напала банда верховых белогвардейцев «Белый или красный? Если красный, будешь сразу мертв!»

Конечно, Седов божился всеми богами, что он белый. Они отвели его к командиру, который показался ему бывалым офицером.

«Значит, ты белый? Офицер?»

«Так точно. Кавалерист».

«Хорошо. Это легко установить, а пока в погреб его!»

Седова держали без света, без питья и без еды. Усталый, он быстро заснул. Среди ночи его разбудили крысы, бегавшие по его голым ногам!

«Если это крысы, — сказал он себе, — значит, какая-то еда есть поблизости». И начал на четвереньках обыскивать подпол.

В полусгнившей соломе он наконец нашел пару корок, которые жадно проглотил. Вскоре, невзирая на крыс, продолжавших свою возню, он опять крепко уснул.

На рассвете дверь открылась. Командир стоял в дверях, вся его тяжело вооруженная команда была с ним, и оседланные лошади сгрудились вокруг.

«Если ты белый кавалерийский офицер, то покажешь нам, что ты умеешь».

Много дней Седов не ел ничего и до сих пор был без штанов. Имея в желудке стакан водки, он чувствовал себя не особенно хорошо, но ему удалось удержаться в седле, и он смог ехать вместе со всеми. Он быстро понял, что его взяли в «штрафную экспедицию» в красную деревню. Командир попросил его остаться с ним, а остальные пусть делают спокойно свое дело. Когда Седов въехал в село, он с ужасом увидел десять голых мужчин привязанных к кольям. Белые «партизаны» били их нагайками все сильнее по животу, пока внутренности не повисли. Улыбаясь, их предводитель подгонял: «Давай, еще немного!»

Он повернулся к Седову:

«Эти собаки получают только то, что заслужили. Это радует сердце. Не правда ли?»

«Так точно», — подтвердил Седов, ибо у него не было другого выбора. В противном случае он был бы быстро повешен там же. На обратном пути им встретился кавалерист, обратившийся к командиру.

«Мы ошиблись! — кричал он. — Красная деревня много дальше. Завтра надо туда поехать».

Все солдаты с командиром во главе ржали до упаду. Ночью Седову удалось бежать.

«Это похоже, — сказал Мельник. — Такие ошибки ужасны. Конечно, это бандиты. Они опережают белые части, и их преступления наносят нам большой вред».

Несмотря на наступление белых, нельзя было исключать встречную атаку красных. Гарнизонный комендант Тобольска, старый полковник, поручил Мельнику организовать защиту города. Большинство солдат у белых находились на передовой. Мельник должен был обратиться к добровольцам из учеников старших классов гимназии и духовной семинарии. Мальчики были воодушевлены, но без всякого боевого опыта. Мельник принял командование

частью, достал оружие и по своему собственному почину начал их обучать.

После ужина Мельник возвращался к своим молодым рекрутам, которые были собраны в здании гимназии. Глеб же шел в монастырь, а я оставалась одна с Седовым, который часто просил меня поиграть на рояле.

Пока я играла, Седов стоял рядом со мной. Когда я на него взглядывала, то встречала его очень нежный, сияющий, иногда немного печальный взгляд. Меня невольно смущало его обаяние, непринужденная манера держаться. В такие моменты он молчал. В его глазах стояло выражение болезненного обожания, от которого мне было больно. Иногда он дожидался, пока Мельник и Глеб вернутся к чаю. Мельник рассказывал о проведенном дне. Он симпатизировал одному девятнадцатилетнему рабочему (тот в прошлом году находился под судом за убийство. Через несколько месяцев тюрьмы, принимая во внимание его молодость, его отпустили при условии, что он преждевременно пойдет служить в армию). Мельнику он сразу понравился из-за своего усердия и ума. «Из него я еще сделаю отличного стрелка», — сказал он. «Если у него за спиной уже есть убийство, то, конечно, у него прекрасное к тому предрасположение», — заметил Седов не без сарказма.

Однажды днем в конце сентября, после моего возвращения из школы, я застала Мельника одного в комнате за заполнением формуляров. Я еще не сняла пальто, как он очутился рядом: «Вы позволите мне пройтись с вами по городу?» Я была очень удивлена, обычно он никогда со мной не выходил, а с другой стороны, у меня не было повода ему отказать.

Мы пошли к единственной в городе площади. Со времени войны ее больше не убирали. Она заросла травой и была полна вялой листвы. В сером свете клонившегося к вечеру осеннего дня она выглядела неуютно. Земля была усеяна шелухой от моркови, которую едят в Сибири, как яблоки, причем кожуру выплевывают.

«Это отвратительно выглядит, — сказала я, — пойдемте лучше к реке».

Мельник последовал за мной, и мы пошли по почти безлюдным улицам, ведущим к Иртышу. По дороге он беспрерывно говорил, говорил о моем будущем, о скуке этого маленького города и о своих надеждах скоро отсюда выбраться. «Глеб хочет скоро навсегда уйти в монастырь, — заключил он. — Вы, может быть, будете жить с человеком, не соответствующим вашему социальному рангу. Может быть, все-таки привыкнете к нему». В главной форме он предостерегал меня от себя самого, не отваживаясь, однако назваться. Его речь была подробна и нескладна.

Мы сидели на высоком берегу, и я молча смотрела на глубокую воду реки; на другой стороне в вечернем тумане исчезала ржавая листва лесов. Речи Мельника мне стали надоедать. Мне казалось, они звучат ненатурально. В какой-то момент я подумала о Седове, стоявшем гораздо ближе к нашей семье по воспитанию, манерам, культуре. Я думала о его обаянии и молодости. Затем я вспомнила, что папа просил меня выйти замуж за Мельника. Я обязана была его слушаться.

Я положила свою руку на рукав шинели Мельника и сказала: «Я прекрасно понимаю, что вы пытаетесь мне сказать. Я сделала свой выбор. Если вы хотите на мне жениться, я согласна». И мы обменялись первым, очень дружеским поцелуем.

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ после нашей свадьбы, незадолго до вечернего чая, в дверь сильно постучали. Двое вооруженных гимназистов хотели тотчас говорить с Мельником.

«Господин подпоручик, — говорили они, перебивая друг друга. — Идите скорее к тюрьме. Там восстание. Заключенные выломали главные ворота, разоружили охрану и кинулись в город. Ефрем послал нас, чтобы мы вам сообщили».

«Бегите скорее обратно к тюрьме и открывайте огонь, — приказал Мельник. — Я иду следом за вами».

Он уже надел шинель и крикнул Глебу: «Скорее мои пистолеты и ручные гранаты!» Он нацепил саблю, прикрепил

ручные гранаты на пояс, засунул два револьвера в карманы, поцеловал меня на пороге и помчался по лестнице: «Я позвоню по телефону». Мы с Глебом, испуганные и потрясенные, остались дома.

Мы знали, что в тюрьме 3000 заключенных, все красноармейцы, арестованные при наступлении белых. Для защиты города Мельник располагал сотней молодых ребят, которые еще не умели владеть оружием.

Мы собрались в гостиной, и госпожа Будишева приказала подать чай.

На улице, на которой в это время обычно было пусто, раздались голоса. Мы погасили лампы и посмотрели в окно. Три солдата убегали, дико крича. Неужели началась резня среди жителей Тобольска?

Смогли ли Мельник и его люди отразить атаку? От бандитов, бегущих по улицам, можно было ожидать всего что угодно... Но крики исчезли в ночи. Прошел час, следующий. Ничего. Улица была опять совершенно пустынна и спокойна. Наконец около половины одиннадцатого раздался телефонный звонок. Это мог быть только Мельник. «Татьяна, это ты? — услышала я спокойный голос моего мужа. — Все позади. Мы их опять заперли. Можете спокойно идти спать».

КОГДА МЕЛЬНИК прибыл на место, среди молодых рекрутов началась паника. Толпа заключенных выбежала из ворот. У них почти не было оружия, кроме того, что отняли у охраны, и они беспрерывно стреляли. Мельник тотчас же отдал приказ построиться в два ряда, чтобы обстрелять бандитов плотным огнем. Затем он побежал к тюрьме и бросил гранату во двор. Двор был полон людьми, которые хотели последовать за своими сокамерниками. Действие гранаты было ошеломляющим, и целую минуту никто не отважился выйти за ворота. Константин отдал приказ открыть огонь по тем, кто уже выбежал. «Стрелять точно», — была команда. С вооружением было плохо: Константин стрелял превосходно, и его с завидным хладнокровием поддерживал Ефрем.

После первого момента паники арестанты опять расхрабрились и начали вновь выбегать со двора. Константин и его люди подвергались опасности быть окруженными. Тогда Мельник бросил вторую гранату и начал штурмовать ворота. Арестанты попрятались обратно в камеры, чтобы не быть уничтоженными. Тобольский гарнизон бежал, и только на рассвете появился комендант города, который в начале бойни удирал по направлению к реке. Сами того не подозревая, мы были спасены от резни.

Глава XXXII

Транссибирская магистраль

ЧЕЛОВЕКА, за которого вышла замуж, я в сущности почти не знала. Константин Мельник был замкнутым, говорил мало, в особенности о себе. Мне понадобилось несколько домашних тихих вечеров, чтобы в доверительных беседах узнать, откуда он и, главное, кто он на самом деле. Мы всегда думали, что он происходит из крестьян, социальный подъем которых так поощрял тогда министр Столыпин, и я была очень удивлена, когда услышала, что до четырех лет он пас гусей. Его родители были простые крестьяне, что не мешало им быть очень богатыми, наверное, богаче, чем мы. Его дед был из тех запорожских казаков, о бурной жизни которых я мечтала, читая в своей комнате в Царском Селе «Тараса Бульбу».

Земля Мельника находилась поблизости от Австрийской границы, в Волынской губернии. Шесть дней требовалось, чтобы объехать ее кругом. Повсюду были озера и пруды, их было свыше девяноста, как рассказывал Мельник, повсюду были мельницы, которым они и обязаны, наверное, своей фамилией.

В пять лет Константина научили держаться на коне, чтобы он мог ездить со своими старшими братьями в ночное. Когда ему исполнилось семь лет, его отдали вместе с другими мальчиками-сверстниками в дальнюю деревню на обучение к дьячку, чтобы он получил хоть минимум образования. Порядок в этом несколько необычном «пансионе»

не понравился моему будущему мужу: в первый же вечер ему и другим ученикам была дана жалкая подстилка из соломы, на которой они укладывались на ночь на полу за входной дверью. Константин подождал, пока все уснут, и сбежал. Пара дюжин верст пешком до родительского дома его не испугали.

Никто его не ругал за это, а жена старшего брата, учительница, решила взять мальчика к себе и подготовить к вступительным экзаменам в Киевскую гимназию. В возрасте девятнадцати лет Константин закончил естественный факультет и без труда был принят в высшие круги городского общества. Когда началась война, он пошел добровольцем, как простой солдат, в драгунский полк. Как было дальше, я уже знала...

ПОСЛЕ ТОГО как мой муж спас Тобольск от резни, он отправился в Омск, где был принят адмиралом Колчаком.

Глава нового русского государственного правительства, Верховный правитель — назначил его председателем военного суда, в котором должно было рассматриваться дело арестантов, восставших в Тобольской тюрьме. Кроме того, Мельник должен был управлять разведкой. Это была важная и опасная должность.

Скромным было только жалованье, и основой нашего существования был, как и прежде, мой учительский гонорар в гимназии.

Военный суд заседал три недели. Когда Константин вернулся домой, мне сразу захотелось узнать: «Приговорены все к смертной казни? Или?»

«Ни в коем случае! Почему ты думаешь, что я всех приговорю к смерти? Я убивал людей своими руками, но только тогда, когда знал, что если они уйдут, то будут убивать каждого на своем пути — женщину и ребенка. — Он тяжело вздохнул, прежде чем продолжать. — Знаешь, сколько людей мы уничтожили в эту кровавую ночь? Двести. Мои люди насчитали двести трупов во дворе тюрьмы. Я бросал ручные гранаты, я стрелял непрерывно... Это ужасно! Я надеюсь, мне никогда больше не придется

этого делать. Как я подумаю, что зачинщиками были штабные офицеры... — Константин прервал себя на мгновение, а затем продолжал, как бы говоря с самим собой. — Те, кого мы захватили, не были офицерами. В большинстве это были молодые солдаты, которых согнали в ряды Красной армии, чтобы остановить атаку белых. Я три недели с ними говорил и установил их полную невежественность в политике. Как могу я теперь осудить на смерть толпу мужиков? Они останутся под замком, и больше ничего!»

Позже мой муж должен был посадить несколько человек, которые занимались распространением листовок и брошюр, большевистской пропагандой. Ефрем привел обвиняемых в нашу квартиру к Будишевым, допрос производился в нашей комнате. Все происходило мирно, без битья и грубости. Константину большей частью не надо было даже повышать голос. Его ледяного взгляда было достаточно, чтобы обвиняемые поняли серьезность допроса. Скорее, Ефрем, а не большевики, был той опасностью, которая заставляла стынуть мою кровь.

«ТАТЬЯНА, вы должны обязательно прийти ко мне поговорить, — крикнула мне госпожа Битнер, которую я встретила в коридоре гимназии. — Похоже на то, что Настенька Гендрикова и гофлектриса Шнейдер убиты коммунистами!»

Я, не задумываясь ни на минуту, оставила своих учеников. Госпожа Битнер, глубоко потрясенная, передала мне, что ей только что рассказал Волков, камердинер Государыни, вернувшийся в Тобольск.

Как мы уже знали от Жильяра, князь Долгоруков, генерал Татищев, графиня Гендрикова, госпожа Шнейдер и слуга Волков не были по прибытии в Екатеринбург допущены в дом Ипатьева, а попали сразу в тюрьму. Когда белые стояли под городом, коммунисты перевели всех пленных, за исключением генералов, в Пермь. Они оставались там два месяца и вытерпели многочасовые допросы, следовавшие один за другим. Однажды утром, в конце августа

1918 года, им сообщили, что их переводят дальше, и им предстоит длинный пеший переход.

Десять человек, построенные парами, сопровождаемые двумя вооруженными красноармейцами, вышли из ворот тюрьмы; женщины — впереди. Маленькая группа пересекла город и достигла проселочной дороги. Еще не дойдя до опушки леса, Волков моментально понял, что произойдет. Их должны расстрелять! Так как он был последним в колонне, то решил попытаться счастья и рискнуть. Он замедлил ход, в то время как остальные шли дальше, дождался, пока красноармейцы отвлеклись, сделал вид, что споткнулся, и внезапно прыгнул в кусты, вскочил и побежал изо всех сил. Солдаты стреляли по нему, но ни одна пуля не достигла Волкова. Через несколько минут сумасшедшего бега он услышал выстрелы. Бойня началась. Страшный крик, полный отчаяния, прорезавший густой лес, достиг его ушей. Волков остановился и перекрестился. Он узнал голос Натеньки Гендриковой.

Я СНОВА погрузилась в молитву, и снова, и снова у меня появилось страшное чувство: что все ни к чему. Я собралась с силами, чтобы отогнать предчувствия, которые меня охватили. Нет, только не папу, не Государя и Наследника, не Великих Княжон, светлая улыбка которых стояла у меня перед глазами! Когда Глеб узнал эту страшную новость, он решил уйти в монахи и вернуться назад в монастырь. Я была убита. Я пыталась уговорить его обожать еще немного. Белая армия вскоре одержит победу. Все будет как прежде, и папа опять будет с нами. Все вместе мы продолжим свою сердечную семейную жизнь, и он тогда будет жалеть о своем решении. Ничто не помогало. Я обратилась к моему мужу: «Сделай что-нибудь, чтобы отговорить Глеба от этой глупости! Этот монастырь ужасен, и монахи все похожи на разбойников. Поговори с Глебом. Он тебя послушает».

«Оставь его, пусть делает что хочет, — возразил Константин. — Как ты верно говоришь, этот монастырь ужасен. Не волнуйся, Глеб не останется там надолго. Твой брат

не имеет никакого понятия о трудностях этой жизни, он ее совершенно не знает. Он очень скоро вернется к нам, еще раньше, чем примет постриг».

Константин не ошибся. Не прошло и трех дней с ухода Глеба, как он вернулся домой. Он рассказал, что настоятель потребовал от него письменного объяснения своей лояльности по отношению к существующему в Сибири правительству во главе с адмиралом Колчаком.

Как монархист, Глеб отклонил это, и ему объяснили, что при таком условии он никогда не станет членом монастырской братии. Это объяснение показалось нам весьма странным, но мы сделали вид, будто приняли его всерьез. Через несколько дней мы узнали, что в монастыре разразился скандал. Один монах был убит. Следствие показало, что это преступление совершено было в состоянии аффекта. Убийца — другой монах — был «любовником» жертвы.

Мой муж был прав. О трудностях жизни мы не имели никакого представления...

«ПИСЬМО! Письмо от Седова!» — закричал Глеб и сунул его мне в руку.

Я вскрыла его и тотчас же начала читать вслух. Седов сообщал, что находится во Владивостоке. По пути он осведомился в Омске, как ему добраться до своего полка Крымских казаков, сражавшихся в Белой армии генерала Деникина на Юге России.

Его отправили во Владивосток — портовый город, где командовал заместитель адмирала Колчака генерал Хорват. В его штабе он познакомился с молодым офицером, который ему объяснил: «Если вы хотите скорее добраться до Юга России, обратитесь к полковнику Боткину. Он знает всех генералов и работает вместе с англичанами».

«Какой полковник Боткин?» — спросил Седов, который не знал всех членов нашей семьи.

«Есть только один, — ответил ему офицер. — Это брат Царского лейб-медика».

Таким образом в нашей монотонной сибирской жизни всплыл дядя Викар.

«Напишите ему сразу же, — предлагал Седов. — Ваш дядя имеет большие связи, и он может вам помочь».

Глеб тотчас же написал письмо, я тоже. Мы бросили свои письма в разные ящики. Если одно пропадет, второе, может быть, дойдет.

ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА улучшалась день ото дня. Несмотря на тяжелую зиму, Сибирская Белая армия, состоявшая в большинстве из добровольцев бывшей регулярной армии, все еще продолжала наступать. Она продвинулась за Урал и приближалась к Волге.

В этой местности климат был не такой суровый, как в Сибири, существовало множество железнодорожных путей, что облегчало военные операции. У всех на устах звучало доблестное имя генерала Гайды, командовавшего Чешским корпусом. Говорили также об одном русском — Степанове. Это был тот Степанов, которого я выхаживала в госпитале Екатерининского дворца!

И вот известие, которое произвело на нас впечатление разорвавшейся бомбы. Степанов взял Казань, куда еще перед отречением Николая II Государственный банк эвакуировал личные сокровища Царя. С этого момента святой город на Волге и деньги Царя были в руках белых. В наших руках!

20 марта 1919 года мы наконец получили известие, которого так долго ждали. Генерал Иванов-Ринов, главнокомандующий войсками во Владивостоке, просил моего мужа поступить в его распоряжение. Хотя имя дяди Викара нигде не упоминалось, но мы знали, что этот приказ был результатом его стараний. В пропуске были указаны четверо: «...подпоручик Мельник, его жена, урожденная Боткина, ее брат Глеб Боткин и Волков». Почему Волков? Мы этого не знали, но документ был официальный. Путешествие было непростым. Мы должны были ехать на санях до Омска при температуре минус 15 – минус 20°С. Мы не могли обременять таким образом себя лишним багажом, и я продавала все что можно, включая свои любимые книги.

БУДИШЕВЫ обеспечили нас теплой меховой одеждой, и в одно прекрасное мартовское утро мы двинулись в путь. Я с Константином в первых санях, самых больших, а Глеб и Волков заняли вторые.

Омск находился более чем в трехстах верстах, это приблизительно три дня пути. То, что камердинер Государыни присоединился к нам, придавало мне надежду и мужество. «Очевидно, Владивосток только первый этап нашего путешествия, и Царская Семья ожидает нас уже где-нибудь, вероятно, за границей», — думала я.

Ни одного дерева, ни одного кустика, только бесконечные ледяные пустыни, снег, снег и еще раз снег, насколько охватывал глаз. Он был темного цвета под широким, усеянным звездами небом; сверкающий, белый под ледяным утренним солнцем.

Через много часов мы сделали привал на несколько минут в обычной избе, которая была почтовой станцией, где меняли лошадей, съели сибирских пельменей и выпили горячего чая. Только мы расселись по местам, как кучер обернулся к нам: «Скоро мы будем нырять! До сегодняшнего вечера это случалось три раза. Держитесь только крепче. Главное, господин офицер, держите крепче маленькую дамочку!»

«Что это значит “нырять”?» — спросил Константин.

«Нам надо переехать реки, — пояснил кучер. — Мостов нет, и от одного берега до другого на льду навален снег. Лошадей надо гнать на полной скорости, чтобы не очутиться на дне». Он сел на край, чтобы можно было спрыгнуть, если сани перевернутся, и со всей силы стегнул лошадей, которые под дикий звон колокольчиков рванули с места.

«Сейчас будем там, — прорычал он. — Держаться!!!»

Тройка мчалась с сумасшедшей скоростью к обрыву и в таком же темпе по крутизне другого берега. Во время этого путешествия мы так «ныряли» раз двенадцать. Если речка не была широкой, при «выныривании» мы видели перед собой в вертикальном положении лошадиные спины. Это было страшное зрелище, но я находила его, в сущности, скорее веселым.

По моим понятиям, трудности путешествия начинались только с наступлением темноты. Большинство почтовых станций было заброшено, и они пользовались дурной славой. Наши кучера предпочитали постучаться к богатым крестьянам, чтобы переночевать. Но не все нас пускали. Нас было всего, считая двух кучеров, шесть человек. Когда мы находили наконец приветливых людей, они зачастую при всем желании не могли предоставить нам комнаты. Константин был такой умный, что прихватил с собой походную кровать, и я пристраивалась, как умела, около него. Хотя мы оба были худые, все же было тесновато! Волков, Глеб и кучера устраивали себе спальные места в амбаре.

Мы только и мечтали выспаться и, как только ложились, сразу засыпали, усталые от быстрой езды в санях.

Наутро четвертого дня мы прибыли в Омск и сразу же направились во французскую миссию, где нас ожидал Жильяр.

Мой муж оставил нас у него, а сам отправился в штаб адмирала Колчака. Он вернулся в восхищении: в поезде на Читу, где мы должны были пересесть на Владивосток, для нас был зарезервирован целый вагон.

Но когда мы приехали на вокзал, то сильно разочаровались. Поезд был обычным товарным составом, который иногда перевозил войска, а иногда уголь.

Посреди нашего вагона для скота стояла маленькая буржуйка и широкие нары, очевидно, на случай транспортировки военных частей. Все было покрыто липким черным слоем пыли. Чтобы попасть внутрь, надо было проделать акробатические трюки, ибо подножки не было. Не было так же и воды, и уборной.

Константин и Волков сложили наш багаж на нижние полки, а спать мы должны были этажом выше.

К сожалению, мы были приветливыми людьми. Несмотря на то, что вагон резервировали для нас, мы не могли отказывать другим путешественникам, просившим нас о местах. Вскоре у нас оказался пожилой полковник с женой, две другие пары с двумя взрослыми детьми и наконец молодой человек, который занял место рядом с Волковым.

Путешествие должно было продолжаться двенадцать дней. Наши попутчики были не требовательны — наоборот, жена полковника одолжила нам котелок для воды и свои чашки; ведь у нас, кроме стаканчиков для чистки зубов, не было посуды. Как только поезд останавливался у вокзала, надо было быстро выскочить, чтобы организовать воду и провиант. Свои права приходилось энергично защищать, потому что поезда ходили редко и наш вагон каждый раз штурмовали.

«Возьмите, пожалуйста, мою бедную маму», — плакал старый крестьянин и вцеплялся в тулуп Мельника.

«Где она, твоя мама? — спросил мой муж. — Куда ей надо?»

«Здесь она, здесь мама... Возьмите ее, господин офицер, я вас умоляю!»

Мужик сунул Константину в руки узел старых одеял, из которого высывалась беззубая сморщенная голова с двумя маленькими, абсолютно бессмысленными глазами.

«Ни-ни, твою маму я не возьму, — закричал Константин. — Позаботься о ней сам и жди другого поезда!» И он быстро захлопнул дверь товарного вагона.

«Ты это видела? — спросил он меня. — Она уже полумертвая, и он хотел запихать ее в поезд, чтобы избежать хлопот со смертью человека и формальностей похорон!»

Я СЧИТАЮ, что Мельника вовремя предупредили военные власти в Томске. Высокий, с энергичным лицом, он ходил по перрону, и его зачастую принимали за начальника военного конвоя. Местность, которую мы проезжали, кишела красными партизанами. Наш поезд теперь должен был идти медленно, впереди шел бронепоезд с солдатами. Красные не знали пощады. Они выходили на лыжах из лесу, нападали на деревни и станции, разбирали железнодорожные пути и забирали поезда. Мельник тотчас же взял в свои руки конвой поезда. Он прошел по всем вагонам, пересчитал всех боеспособных мужчин, прежде всего

офицеров, расставил всех на посты и дал им задание на случай, если начнется бой. Поезд тронулся снова, и я непрерывно смотрела в щель между двумя планками. На каждом телеграфном столбе вдоль железнодорожной линии на длинной веревке болтался труп. На рукавах повешенных были красные повязки. Я закрыла глаза. Одни русские теперь убивали других. Нет ничего более жестокого, чем гражданская война!

Повешенные и бронепоезд оставили особенно сильное впечатление. Красные не показывались, и мы без происшествий приехали в Читу. В округе было все спокойно, территория находилась под контролем Семенова, казачьего атамана, господство которого простиралось почти до Манчжурии.

Мы пересели и на этот раз поехали вторым классом. Наконец могли вымыться и отдохнуть. Стоял апрель. Воздух был мягким, почти весенним, не хватало совсем немногого, чтобы почувствовать себя счастливой.

Как только мы прибыли во Владивосток, взяли первого попавшегося извозчика и поехали к дяде Викару.

С трудом подавляя волнение, я предвкушала свидание с родственником, который был свидетелем нашей счастливой жизни. Сопровождаемая тремя своими спутниками, я поднялась по ступенькам к входной двери скромного деревянного дома. Дверь открылась. Дядя Викар стоял передо мной. Он сменил свою драгунскую форму на гражданское платье. Викар выглядел старым, лицо в морщинах выражало боль и решимость.

«Дети мои, — бормотал он. — Входите, входите скорее...»

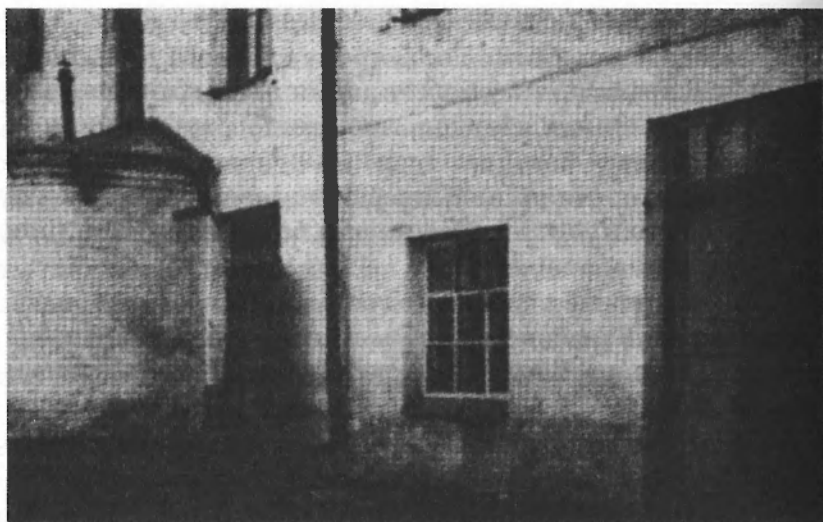
Мы вошли в маленькую комнату, которая, очевидно, была столовой.

«Наконец-то я вижу вас своими глазами, — сказал он, схватив нас за руки. — Как хорошо, что вы здесь, мои бедные и дорогие. Поверьте, я буду делать все возможное, чтобы заменить вам отца...»

Я вскочила.

«Что случилось с папой? Где он?»

Дядя с ужасом смотрел на меня.

Двор Ипатьевского дома, по которому должны были пройти жертвы в подвальное помещение — к месту расстрела

«Значит, ты ничего не знаешь?»

Я, предчувствуя самое страшное, почти закричала:
«Чего я не знаю?»

То, что случилось потом, в моей памяти не очень сохранилось. Я знаю только, что не плакала, не рассердилась ни на Глеба, ни на Константина, что они в течение более восьми месяцев скрывали от меня ужасную правду. Теперь от меня не утаили ничего: Царь, разбуженный среди ночи; медленный путь через двор дома Ипатьева; мой отец, предложивший Государю нести Наследника и назвавший его в последний раз «Ваше Величество»; ужасная комната в подвале. Николай II, который сидел вместе с Алексеем посреди комнаты; мой отец, стоявший позади них; разговор с Юровским; «Мы должны вас расстрелять». — «Как вы сказали?» — «Так и сказал». И выстрелы. И плач женщин, и удары штывками, чтобы прикончить раненых.

Все это я выслушала без слез.

«Я найду здесь для твоего мужа хорошее место, — говорил Викар. — Я устрою вас в поезде, где сейчас живет генерал Хорват... Питаться вы, конечно, будете дома...»

Комната, где была убита Царская Семья и верные и ей слуги

Викар говорил и говорил. Я его едва слышала. Я помню только страшную слабость, которая меня охватила. Этот ужасный груз... Было ощущение, как будто на меня навалилась скала. Я хватала воздух, задыхалась и была неспособна реагировать на что-либо. Не было сил даже плакать. Я разразилась рыданиями, когда осталась одна с мужем в поезде генерала Хорвата, и тогда так плакала, что Константин призвал меня к благоразумию. Потом я перестала плакать, запрятав свое горе поглубже. Я никогда от него так и не избавилась. Оно осталось во мне, глубоко засевшее, пока год за годом я к нему не привыкла. Оно еще и сегодня там...

Я не могла избавиться от этого ужасного кошмара. Я видела папу, как он встал перед Царем и упал, как дерево, от пули, которая поразила его прямо в сердце. Я слышала крик Анны Демидовой, когда она металась по комнате, пытаясь защититься подушкой, и кричала: «Нет, не меня, пожалуйста, не меня, нет!» Я представляла боль Анастасии, когда чекисты снова и снова кололи ее штыками. Ей было столько же лет, сколько и мне... Я видела, как Великие

Княжны обменялись последним взглядом, и видела хрупкую фигуру Наследника, убитого выстрелом из револьвера... Нет, это было слишком страшно, я переживала их смерть гораздо острее, чем если бы присутствовала при этом сама.

Почему я не умерла с моими любимыми? У меня было только одно желание. Меня охватила одна мысль, властная и мучительная. Я хотела к ним! Хотела умереть вместе с ними.

Несмотря на свою глубокую веру, я думала только о самоубийстве.

А потом случилось чудо. Я поняла, что жду ребенка. Я не смела больше думать только о себе. Я должна была жить.

Папа всегда учил меня: жить во имя жизни других.

Глава XXXIII

Последний реквием

В СЕ ИНОСТРАННЫЕ военные миссии были расквартированы во Владивостоке: англичане, американцы, японцы, французы, поляки, итальянцы, югославы, чехи были рядом с китайцами, которые уже давно засели у Тихого океана. Несметное количество их джонок мягко покачивалось в бухте на воде. При таком большом количестве национальностей и военных форм, которые можно было видеть на улицах, возникало впечатление, что я нахожусь в интернациональном порту. Наша жизнь медленно снова организовывалась. Мы сняли маленькую квартирку, и поскольку денег у нас было немного, я опять нашла уроки. Моими учениками на этот раз были японские офицеры. Вначале был только один — полковник Тсутсида. Но вскоре он попросил меня прийти к нему в штаб, чтобы давать уроки русского языка целой группе офицеров.

Глеб был цензором заграничной почты на Центральном почтамте. Константин, в рамках своей задачи выявления большевистской пропаганды, руководил русской офицерской тюрьмой.

Однажды он пришел домой очень взволнованный. «Соловьев здесь», — сообщил он мне. «Это ужасно! Что ты будешь делать?» — «Арестую! Я уверен, что это он тогда провалил побег Царской Семьи; когда он женился на дочери Распутина и встал во главе большого монархистского заговора, он притянул к себе всех верных Государю людей, как мотыльков на свет, для того чтобы потом их нейтрализовать. Я должен доказать, что он агент ЧеКа...»

Немного позже Мельник произвел обыск у зятя Распутина. Была найдена масса компрометирующих документов, и его посадили в тюрьму. К сожалению, Константин не мог его вечно там держать. Он должен был быть осужден, но во Владивостоке не действовали соответствующие гражданские институты, а иностранные миссии никогда не стали бы заниматься таким делом. Мельника вдруг осенило, и мы, казалось, нашли решение проблемы. Он послал Соловьева под сильной охраной в Читу к атаману Семенову, в убеждении, что казачий атаман не будет долго возиться с предателем, а накажет его по заслугам. Но никто не думал, что и у страшного атамана есть свои слабости. Одной из них оказалась Маша; она пела в кабаре и была лучшей подругой Распутинской дочери Марии Соловьевой. Агенту ЧеКа, провалившему все попытки освободить Государя, все же удалось спасти свою жизнь...

В НОЯБРЕ 1919 года мне пришлось прекратить уроки с японцами. По мнению врача, ребенок должен был появиться в начале января, и я не могла больше переносить длинную дорогу на городском транспорте. Наша ситуация не позволяла мне все же долго оставаться без работы и без заработка, и я нашла место секретарши при Британской миссии. Я вынуждена была ходить туда пешком, а холода были ужасные: минус 30°C, иногда минус 35°C! Улицы и тротуары не посыпали песком. Ужасные штормы с Тихого океана сметали снег в горы, и ветер перехватывал дыхание. Мой врач заблуждался: уже 20 декабря около полудня я родила своего первого ребенка. Это была

здоровенькая маленькая девочка. Ее отец настоял на имени Татьяна. Когда мой муж уходил вечером на смену караула в тюрьму, он целовал малютку и клал заряженный револьвер под подушку. «Если появится незнакомец, стреляй первой! — говорил он. — Не колеблясь, убей его!» Это было в 1919 году. Мне как раз исполнилось 20 лет.

Красная угроза подбиралась с каждым днем все ближе, несмотря на героические бои генерала Каппеля и его шестнадцатилетних солдат. С ноября Омск уже опять был занят большевиками. Адмирал Колчак, его правительство и государственные ценности были вывезены из города спецпоездом.

15 января 1920 года они прибыли в Иркутск, но город уже был занят красными. Адмирал и его премьер-министр были арестованы. 7 февраля 1920 года они были расстреляны мгновенно, без суда.

«Ты слышишь стрельбу?» — Мельник вскочил одним прыжком. «Беги к дяде Викару и спроси у него, что случилось», — сказал он брату. Через четверть часа Глеб вернулся обратно. «Красные уже в городе, и начались аресты белых офицеров, — сказал он. — Нам надо сразу бежать к дяде. Он находится под британской защитой, у него нас никто не арестует».

Мельник оделся в гражданское, и мы помчались к дяде Викару.

После обеда Константин решил вернуться в нашу квартиру, чтобы взять кое-что из вещей. Он возвратился через час, и его сообщение повергло нас в большое волнение. Он только начал упаковывать вещи, как вдруг услышал тяжелые шаги. Сквозь открытое боковое окно он увидел множество вооруженных солдат с красными повязками.

Позвонив в дверь, они спросили, не видел ли кто подручника Мельника.

Наш дом имел два входа, Мельник бросил все вещи и спасся через двор. Мой дядя решил, что моя дочь и я останемся у него. Глеб и Константин переночуют у британского комиссара Ходгсона. Там они будут в безопасности, по крайней мере, сейчас.

Красные набрались смелости два раза делать у дяди Викара обыск, каждый раз мотивируя свое вторжение словами: «Мы ищем подпоручика Мельника!» Пока они переворачивали все комнаты, я сидела в углу с моей дочкой на руках, опасаясь самого худшего, но каждый раз они уходили ни с чем. Дядя Викар очень за меня боялся и однажды вечером заговорил об этом с мистером Ходгсоном. Один из слуг это слышал. Это был Журавский, старый придворный слуга, который очень ценил и почитал Царя и моего папу. Когда дядя Викар собрался уходить, Журавский подошел к нему: «Извините, господин полковник, — сказал он, — я только что слышал, как вы говорили о своей племяннице. Если вы согласитесь, то мы можем поместить ее у себя».

«Но, Журавский, у вас самих большая семья», — ответил дядя.

Храбрый Журавский улыбнулся: «Ну не такая уж большая, две дочери и сын. Я буду спать у одного приятеля, моя жена будет спать вместе с сыном, так что одна кровать остается свободной для вашей племянницы и ее малютки. У нас она будет в безопасности. Красные здесь не обыскивают».

Я с большой благодарностью приняла предложение бывшего Царского слуги и сейчас еще не могу без волнения вспоминать этих внимательных, добрых людей. Они сохранили мою дочь от верной смерти. По своей неопытности я не заметила, что у меня нет больше молока. Малышка худела, и без госпожи Журавской она могла бы погибнуть.

Журавские отклоняли всякую денежную благодарность. Если я сидела за столом, когда он приходил с работы, то всегда целовал мне руку и садился поодаль на скамью. В эти тяжелые времена мне не пришло в голову изменять своим привычкам, и я до сих пор чувствую угрызения совести, что никогда не уговорила его сесть рядом со мной за стол.

«У тебя хорошие отношения с японцами, — сказал мне однажды дядя Викар. — Я знаю из достоверных источников, что они эвакуировали целые семьи и много

офицеров. Пойди к ним и попробуй их убедить, чтобы они для вас что-нибудь сделали». Без особого восторга я отправилась в Японскую военную миссию. В то время когда я еще давала там уроки, полковник Тсутсида попросил меня об одном одолжении: «Мы знаем, что ваш дядя поддерживает прекрасные отношения с англичанами и некоторыми русскими генералами. Кроме того, мы знаем, что он принимает много людей. Можете вы нам рассказывать, о чем говорится за столом?» Конечно, ничего подобного я не сделала.

Полковник принял меня очень приветливо, но когда я объяснила ему цель моего посещения, он сказал, очаровательно улыбаясь: «Правда, японцы очень помогают белым русским, но только тем, кто работал в свое время с нами...»

Я попрощалась с полковником Тсутсидой с такой же очаровательной улыбкой и молча ушла.

Проходя по длинному коридору Японской миссии, я заметила за стеклянной дверью большой гостиной множество русских офицеров, безмолвно ходивших взад и вперед. Внезапно один из них увидел меня и бросился к дверям. Это был молодой офицер, помогавший моему мужу при аресте Соловьева. С умоляющим выражением лица, сильно жестикулируя, он стал задавать мне непонятные вопросы, на которые у меня не было ответа. Он попробовал открыть дверь, но она была заперта. Многие офицеры пришли к нему на помощь, трясли все вместе за ручку, но безрезультатно. Я почувствовала себя очень униженной. Русские офицеры заперты, как дикие звери в клетке. При мысли, что и мой муж мог подвергнуться этому унижительному аресту, я радовалась, что мой визит был неудачен; уж лучше пусть он скрывается, каждый день меняет место своего нахождения.

Я продолжала свои старания: еще раз у японцев, затем у французов и наконец у итальянцев. Всюду я наталкивалась на любезный отказ. Никто не хотел вывезти нас из России.

Однажды вечером я сидела одна в комнате Журавских, как вдруг вошел Глеб. Он лег на мою постель и совершенно спокойно сказал:

«Сегодня ночью я уезжаю из Владивостока в Японию. На маленькой японской яхте вместе с Казем-Беком*. Я оставляю все свои вещи здесь и возьму только кое-что на память».

Я была огорошена, но постаралась этого не показать. Глеб встал. Мне кажется, мы даже не поцеловались. Нам было достаточно одного долгого прощального взгляда. Мы еще не знали, что никогда больше не увидимся.

СЛЕЖКА КРАСНОЙ АРМИИ становилась все заметнее, и мы не знали, к кому нам обратиться, когда один из наших друзей, Булыгин, сделал нам предложение: «А вы подумали о югославах? Они как раз сейчас репатрируют словенцев и хорватов. Один из пароходов пойдет в июне и уже заполнен. Но я слышал в Югославской миссии, что в июле пойдет второй...»

Югославы приняли дядю Викара с распростертыми объятиями.

«Для нас было бы большой честью осуществить отъезд дочери доктора Боткина, который пошел на смерть за Царя», — подчеркнул полковник, шеф миссии. — Таким образом мы проявим свою благодарность по отношению к вашему деду, знаменитому профессору Боткину, который во время славянской освободительной войны сопровождал Александра II и основал сербский Красный Крест... Знаете ли вы, что у нас имя Боткина не забыто?»

Неделю спустя все было в порядке. Мой муж стал обладателем нужных, изумительно подделанных бумаг. Он был по ним простым словенским солдатом, который репатрируется на свою Родину с женой и ребенком.

Настал час последних приготовлений. Дяде Викару я подарила золотой с сапфировой застежкой портсигар, который папа получил от князя Александра Ольденбургского в знак благодарности за двадцатипятилетнюю

* Глеб Евгеньевич выехал один, не с семьей Казем-Бека, на японской джонке, о чем он рассказал в своей книге: *Gleb Botkin. Grandeur et misere des Romanoff*. Berlin, 1932.

службу в Красном Кресте. Его жене я подарила красивый браслет, который в залог своей любви надел мне на руку Миша Безобразов. Это не было прощанье навсегда: я думала их всех еще увидеть...

Власть красных укреплялась с каждым днем, и последние иностранные миссии готовились покинуть Владивосток. Домашние обыски не прекращались, и я дрожала от страха, что моего мужа арестуют, когда свобода уже казалась такой близкой. Константин навещал меня только на рассвете; днем и на всю ночь он пропадал, и я оставалась одна со своим страхом.

В начале июля город был как в лихорадке. Все те, кто, как мы, имели шанс уехать, заканчивали свои приготовления к отплытию, но таких было меньшинство. Остальные из тех, кто до последнего оставался верным Царю, жили во Владивостоке как в сетях. Для них наступал конец. Для них не было ничего важнее русской монархии — дела, которому они себя посвятили. Второй год после убийства Царя был отмечен особо. Несмотря на красные тиски, которые зажимали все сильнее, несмотря на шпионов, записывавших имена и фамилии присутствующих, кафедральный собор был полон. Мы не смогли протиснуться внутрь, но стояли во время всей службы на дикой жаре вблизи ворот в храм.

Тут собрался весь Владивосток: прежде всего молодые бойцы армии генерала Каппеля. Плотными рядами стояли они в своей поношенной, но чистой и отглаженной форме с внимательными, отмеченными страданием лицами.

Перед этими молодыми юношами, которые в момент, когда все было потеряно, имели мужество подтвердить свою преданность Царю и свое презрение к палачам, мне было стыдно спасать свою жизнь, стыдно покидать Россию здоровой и невредимой.

Все стояли совершенно неподвижно, благоговение было щемящее. Во время последней молитвы об упокоении душ усопших все, кто были в церкви, встали на колени...

7 ИЮЛЯ 1920 ГОДА мы взошли на борт английского торгового судна «Гималаи», зафрахтованного Югославской миссией. Несмотря на красноармейский контроль в порту, несмотря на недоверие к нашим документам и нашим слабым знанием сербского языка, мы попали на борт.

На мостике рядом со мной навтыяжку стоял Константин; он, прищурившись, смотрел вдаль. На его лице было выражение мучительной боли.

Я сочувствовала ему, но разделять его чувства не могла. Я, напротив, была невероятно счастлива покинуть эту умирающую страну, эту Россию, которая мне принесла такую безмерную боль, где все мои дорогие были уничтожены. Моей Родины уже не было, она сама себя убила, а эта страна, которую я покидала, не была моей страной. Россия, моя Россия, исчезла навсегда...

ПОГОДА испортилась. Над гаванью проносились тяжелые, свинцовые облака, гонимые сильным ветром.

Сзади меня раздался плачущий женский, голос. Постепенно он становился уверенней, чище, яснее и подымался сквозь бурю к небесам.

*Облака стоят высоко в небе,
а с моря поднимается серый туман.
Скажи мне, наш храбрый атаман,
в какие мечты, в какой сон ты погрузился?*

Подавленная, я почувствовала странную горечь. Эта песня содержала скорбь всего мира, это был символ гибели моей страны:

*На носилках из щитов и оружия лежит
в крови разбойник с разбитой головой.*

Голос оборвался, замолк и снова зазвучал, как псалом:

*Прощай, прощай, молодой разбойник
с разбитой головой.*

Россию, мою поверженную Россию, я больше никогда не увидела.

Послесловие

НАШЕ почти кругосветное путешествие — Гонконг, Сингапур, Коломбо, Аден — длилось сорок дней и проходило в довольно приятных условиях. Первые известия, которые нас достигли, были от Юрия.

Когда мы прибыли в Порт-Саид, последний этап перед Дубровником, я решила остаться с дочерью на борту, а Константин сошел на берег. Татьяна спала в каюте, а я стояла на палубе перед дверью, когда вдруг услышала возбужденные голоса. Какой-то оборванный араб пытался что-то объяснить матросу, который его не слушал и ругался по-английски. Араб не отставал. Не зная почему, но я решила подойти поближе. «Что вам надо?» — спросила я араба. Мужчина протянул мне бумажку, явно вырванную из записной книжки, на которой можно было прочесть длинную фразу, написанную карандашом. Я посмотрела внимательнее на эту записку, как вдруг одно слово «Боткин» кинулось мне в глаза. Всмотревшись, я поразились: это был почерк Юрия. Наспех по-английски было написано: «На борту парохода “Тималаи” находится госпожа Мельник с мужем и ребенком. Скажите ей, что ее брат, господин Боткин, ожидает ее на набережной».

«Но это же для меня!» — крикнула я, потрясенная.

Араб понял, что записка попала к адресату, одарил меня своей лучшей белозубой улыбкой и объяснил на ужасном жаргоне, что у него есть маленькая лодочка и чтобы я следовала за ним. Когда я сидела в его шляпке, я уже издали увидела Юрия, который внимательно следил за каждой прибывающей лодкой.

Нелли казалась совсем маленькой и терялась в тени его высокой фигуры. Как описать мои чувства, когда брат заключил меня в объятия и прижал к груди? Наше потрясение было так велико, что мы не могли говорить. У Юрия и Нелли тоже было много тяжелого позади. Когда после побега из России они прибыли в Египет, их поселили в палатках в пустыне. Гигиенические условия и питание были

отвратительные, а по ночам они слышали лай бегавших вокруг шакалов.

Юрий попробовал найти дядю Петра, который был единственным членом нашей семьи, нормально жившим в Европе. Благодаря помощи дяди Пети, Юрий получил место в Русском консульстве в Каире, которое теперь занималось устройством эмигрантов. Значит, кое-кто из нас был еще жив! Значит, не все еще потеряно, надежда переписываться друг с другом соединяла нас и утешала, несмотря на неизбежную разлуку...

В КОНЦЕ КОНЦОВ мы прибыли в Дубровник, где Югославская армия устроила нас в бывшем военном форту. До того как Константин нашел место во Франции на целлюлозно-бумажной фабрике в Рив-сюр-Фюр, он вел тяжелую жизнь рыбака на Адриатике. Мы жили скорее плохо, чем хорошо, но получали известия почти от всех старых знакомых. Бедная госпожа Тевяшова погибла в петроградской тюрьме ужасной смертью. Ее арестовали как жену генерала по доносу их слуги, почтенного старца, которого все считали преданным и который в начале революции держал нас в курсе текущих событий...

Казицины, Боткины — дядя Саша, тетя Мария и Марианна — бежали вместе с волной эмигрантов и спокойно живут в Италии. Петрово-Соловово — в Бельгии. Тетя Рая добралась до Америки, но потом предпочла в конце концов обосноваться в Ницце. Моя мать жила в Берлине.

Сегодня все они, рассеянные по всему миру, давно умерли: Глеб — в Америке, где он очутился после Японии. Тетя Рая, дядя Саша и Марианна — в Италии, дядя Викар — в Манчжурии, моя мать — в Германии во время голода, вскоре после падения Третьего рейха; Казицины — в доме престарелых в Парижском четырнадцатом округе...

Вторая мировая война больше, чем Первая, стала для Юрия роковой: депортированный как рабочий в Германию, он был убит нацистами.

Моя долгая жизнь тоже скоро закончится. Мой брак с Константином Мельником не выдержал тяжелых

испытаний изгнания. Отчаяние при мысли, что мы не увидим больше свою Родину, подтачивало наши силы так же, как и бедность существования эмигрантов-рабочих, для которых деревянный стол или пара сапог представляют совсем другую ценность, чем ювелирные изделия, подаренные мне папой когда-то в Царском Селе. С Божьей помощью мне все же удалось одной вырастить в Ницце своих детей, и мой сын, Константин Мельник, носящий имя своего отца, стал даже советником премьер-министра при генерале Де Голле. Как издатель, он контролировал выпуск этой книги*. Среди моих десяти внуков есть: директор парижской косметической фабрики, медики, студенты Института политических наук. Так жизнь восторжествовала над смертью, а западная демократия поставила под сомнение кровавую большевистскую утопию.

В моей маленькой квартирке в Фонтене-о-Роз, совсем близко от кладбища Сен-Женевьев-де-Буа, где вскоре я буду покоиться рядом со своими друзьями по жизненному пути, соотечественниками из Царской России, меня посещают иногда мои правнуки, и я удивляюсь их играм, возникшим под влиянием телевизора или футбольной славы «Зеленых из Сент-Этьен». У некоторых из них светлые волосы, узкие глаза и звучные славянские имена.

Когда я вижу, как они возятся, играют, бегают под моими иконами с новым шлягером Сержа Лама на устах или с рисунками Гольдорака в руках, я снова вижу Глеба и его акварели; придворных Его Величества Николая II Российского Императора.

* Константин Константинович Мельник контролировал выпуск книги «С Царем и за Царя» (о четырех Царских слугах, погибших вместе с Императором и его Семьей в Ипатьевском подвале, в Екатеринбурге в 1918 году), вышедшей в России в 2008 году в Москве в издательстве «Русский хронограф». Как известно, одним из четырех слуг был лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин, отец Татьяны Евгеньевны, и дед Константина Константиновича.

Константин Константинович Мельник контролировал и данное издание, которое спустя 30 лет после его выпуска во Франции, выходит впервые в России на русском языке — талантливый и уникальный труд его матери Татьяны Евгеньевны Мельник-Боткиной (прим. О. К.).

Я слышу Юрия, поющего «Жизнь за Царя», вспоминаю светлое появление Дмитрия в блестящей форме камерпажа. Что может быть общего между этими милыми современными ребятами и их отдаленными предками? Что будут они знать о жертвенном пути их прадеда, того доктора Боткина, для которого клятва Гиппократова, любовь к больному Наследнику и верность своему Государю значили больше, чем собственная жизнь? Вспомнят ли они о боевых подвигах Константина Мельника в Первую мировую войну против немцев; узнают ли, как инстинкт бывшего землепашца вызывал у него с самого начала отвращение перед Октябрьской революцией и коммунистическим игом?

Я НАПИСАЛА эту книгу для четвертого поколения нашей большой русской диаспоры.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

- ¹ *N. Sokolow. Der Todesweg des Zaren. Berlin, 1925; Valentin Speranski. La maison à destination speciale. Paris. 1929.*
- ² *Speranski. Указ. соч.*
- ³ Там же.
- ⁴ *Sokolow. Der Todesweg des Zaren. С. 148–149.*
- ⁵ Там же. С. 150.
- ⁶ Там же. С. 151.
- ⁷ *Speranski. Указ. соч.*
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Sokolow. Указ. соч. С. 160–161.*
- ¹¹ Там же. С. 151–152.
- ¹² *Speranski. Указ. соч.*
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Sokolow. Указ. соч. С. 168–170.*
- ¹⁵ Там же. С. 173.
- ¹⁶ Там же. С. 176–177.
- ¹⁷ Там же. С. 181.
- ¹⁸ Там же. С. 179.
- ¹⁹ Там же. С. 181.
- ²⁰ *Speranski. Указ. соч.*
- ²¹ *Sokolow. Указ. соч. С. 179–181.*
- ²² Там же. С. 179–180.
- ²³ Там же. С. 178.
- ²⁴ Там же. С. 180.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Sokolow. Указ. соч. С. 180.*
- ²⁸ *Speranski. Указ. соч.*
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Из доклада *Окружного прокурора Екатеринбургa* // *La Russie futura* (Будущее России). 1920, № 2, Februar.
- ³¹ *Speranski. Указ. соч.*
- ³² *Sokolow. Указ. соч. С. 182.*
- ³³ *Speranski. Указ. соч.*
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Из доклада *Казанского окружного прокурора* министру юстиции // *La Russie futura* (Будущее России). 1920, № 2, Februar.
- ³⁶ *Sokolow. Указ. соч. С. 196–197.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ХОРОШИЕ ГОДЫ (1908–1914)

Глава V. Две силы

- ³⁷ *Maurice Paleologus*. Am Zaenhof wahrend des Ersten Weltkrieges, München 1925 (Gek. Nenausgabe u. D. T «Das Ende der Romanows». München 1962. S. 64. Эту тему продолжают новые исследования Михаила Эндена — двоюродного племянника Е. С. Боткина, внука Михаила Петровича Боткина (М. П. Боткин — дядя Е. С. Боткина — прим. О. К.): *Michel de Enden*. Raspoutin on la Fascination. Paris, 1976.
- ³⁸ *Georges Chavelski*. Souvenirs du dernier aumonier general de L'armel et de la flotte russes, New York Zitiert bei Michel de Enden, a. a. O.

Глава VIII. Драма в Спале

- ³⁹ *Maric Solovieff-Raspoutine*. Mon pere Grigori Raspoutine, zitiert bei Michel de Enden. Op. cit.
- ⁴⁰ *General Alexandre Spiridovitch*. Les dernieres annees de la Cour de Tsarskoie Selo. Paris, 1929.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *V. N. Voieikov*. Avec on sans le tsar. Helsinki. 1936; Zitiert bei Michel de Enden. Op. cit.
- ⁴³ *Anna Wyrubowa*. Glanz und Elend der Romanovs, Zürich — Leipzig — Wien 1927. S. 124.
- ⁴⁴ *Lettres de L'imperatrice Alexandra a L'empereur Nicolas II*. Paris, 1927 (Franz.); zitiert bei Michel de Enden, op. cit.
- ⁴⁵ Diese Anfeindungen wurden von Präsidenten der Duma Rodsianko, überliefert, und von *Robert K. Massie* in seinem Buch «Nikolaus und Alexandra» ritiert (S. 235) Эти слова были переданы премьер-министром Думы Родзянко и цитированы Робертом К. Масси в его книге «Николай и Александра».
- ⁴⁶ *R. K. Massie*. Nikolaus und Alexandra. Frankfurt/Main, 1968. S. 245–246.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Pierre Gilliard*. Le destin tragique de Nicolas II. Paris, 1921.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Anna Wyrubowa*. Указ. соч. S. 148–149.

Глава IX. Путешествие за границу

- ⁵¹ *Spiridovitch*. Указ. соч.
- ⁵² Aus den memoriren Peter Botkins, erschienen in der «Revue de Paris». 1920.
- ⁵³ Там же.

Глава X. На пороге 1914 года

- ⁵⁴ *Pierre Gilliard*. Указ. соч.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Alexander Block*. Der Sturz des Zarenreiches. Frankfurt. 1971. S. 12.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

БОЛЬШАЯ ВОЙНА (1914–1917)

Глава XII. Грозовые тучи

⁶⁰ *Pierre Gilliard*. Указ. соч.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Auszüge aus dem persönlichen Tagebuch eines französischen Offiziers aus dem Stab Joffres, der Zeitschrift "Tschassowoj". Nr 616 von M. Coutelin de la Roche mitgeteilt. Отрывки из личного дневника одного французского офицера из штаба генерала Жоффра, сообщенные в русский журнал «Часовой» № 616. Прислал М. Кутлен де ля Рош.

⁶⁴ *Pierre Gilliard*. Указ. соч.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Anna Wyrubowa*. Указ. соч. In Robert K. Massie. Указ. соч. S. 321.

⁷⁰ *Pierre Gilliard*. Указ. соч.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ *Alexander Block*. Указ. соч. S. 13.

⁷⁴ А. А. Блок. Дневник. М., 1989. С. 210.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Furst Felix Iusupow*. Rasputins Ende. Berlin, 1928. S. 150–154.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. S. 182–183.

⁷⁹ *Alexander Block*. Указ. соч. S. 36.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕВОЛЮЦИЯ (1917–1920)

Глава XXIII. Первая тюрьма

⁸⁰ *Alexander Block*. Указ. соч. S. 144–145.

Глава XXVIII. Чекист

⁸¹ *N. Sokolow*. Указ. соч. S. 76.

⁸² Там же. S. 78–79.

Глава XXIX. Приговор судьбы

⁸³ Там же. S. 84–85.

⁸⁴ Там же. S. 85.

⁸⁵ Там же. S. 129.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. S. 129–130.

КОММЕНТАРИИ

- С. 27. **Альбумозы** (лат. albumen) — типичные представители белков сыворотки крови. Физиологическая роль альбумозов крови очень велика, они определяют ряд процессов обмена в организме.
- С. 65. **Победа на Марне** — крупное сражение на реке Марна (Франция) в 1914 году, во время Первой мировой войны, между англо-французскими и германскими войсками (5–12 сентября 1914 года). Поражение немцев на Марне привело к провалу германского плана войны, рассчитанного на быстрый разгром противника на Западном фронте.
- С. 71. **Больница святого Георгия** находилась предположительно по адресу: Большой Сампсониевский пр., д. 15.
Семья Е. С. Боткина, по данным справочника «Весь Петербург» за 1905–1917 годы, проживала по следующим адресам:
Санкт-Петербург, Финляндский пр. (бывший Новосампсониевский), д. 15 (1905–1907 гг.);
Санкт-Петербург, Оренбургская ул., д. 4 (1908 г.);
Царское Село, Садовая ул., д. 3 (1909 г.);
Царское Село, Садовая ул., д. 6 (1910–1917 гг.).
- С. 71. **Гимназия**, где в Петербурге учились Юрий и Дмитрий, — возможно, это Введенская классическая мужская гимназия.
- С. 71. **Лицей Государя Николая II** — вероятно, имеется в виду Николаевская гимназия в Царском Селе. Лицей был один и только Александровский, получил наименование в 1843 году.
- С. 74. **Дрожки** — легкий открытый рессорный экипаж.
- С. 77. **Ливрея** (от франц. livrée) — одежда для служивых людей (швейцаров, лакеев, кучеров) с шитьем и галунами; первоначально — одежда для свиты, выдаваемая государством.
- С. 82. **«Лекарь поневоле»** Комедия Мольера; настоящая фамилия автора Поклен Жан Батист (1622–1673).
- С. 92. **Встреча Императора Николая II с Английским Королем Эдуардом VIII** состоялась в Ревеле 27 мая (9 июня) 1908 года.
- С. 97–98. **Орден Почетного легиона** — высшая награда республики Франции за военные и гражданские заслуги. Учрежден Наполеоном 19 мая 1802 года.
- С. 127. **Морской кадетский корпус** — военно-морское учебное заведение, готовившее офицеров флота. По окончании курса кадеты получали чин мичмана. Находилось (и теперь находится) на набережной Лейтенанта Шмидта (ранее Николаевской набережной).

- С. 133. Бушприт (бушприт) — брус на носу судна, выставляемый вперед горизонтально или наклонно вверх.
- С. 140. «Кошка», «Монах» — скалы в окрестностях Симеиза в Крыму.
- С. 151. «Каприз» («Capriceto»). Правильно «Большой каприз» — декоративный павильон в Царском Селе (г. Пушкин). Архитектор В. И. Неелов.
- С. 151. Бабий-Гон, или Бабигонское возвышение. Петергоф. В южной части Озеркового Лугового парка создавался в 1835–1857 гг. В 1850 году архитектором А. И. Штакеншнейдером построен дворец Бельведер и павильон — место отдыха во время дальних прогулок.
- С. 159. «Друзья Божии» — одна из любимых книг Императрицы Александры Федоровны. Возможно, имеется в виду одно из неоднократно переиздававшихся сочинений — «Gottesfreunden». В основе названия лежат евангельские строки: «Вы — друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам» (Ин. 15:14). Автор сочинения доктор Tauler Iogannes был одним из ярких представителей религиозно-мистического движения, возникшего в Южной Германии в XIV веке, чьи последователи исповедовали заповедь Божию — «Да любите друг друга» (*Сообщил К. М. Азадовский*).
- С. 184. «Народные дома» — культурно-просветительные учреждения клубного типа для рабочих и ремесленников. Создавались в Санкт-Петербурге с начала 1886 года, как правило, на средства Государственной Думы и частных пожертвователей.
- С. 199. Церковь Воскресения Христова находится в Екатерининском дворце Царского Села. Поставлена архитектором Саввой Чевакинским. Освящена в 1756 г. Современный адрес: Садовая, д. 7.
- С. 225. «Новое время» — русская газета: ежедневная право-консервативная, выпускаемая в Петербурге. Издавалась с 1868 года. С 1876 года принадлежала Товариществу А. С. Суворина. Закрыта большевиками 26 октября (8 ноября) 1917 года.
- С. 242. Храм иконы Божьей Матери «Знамение» в Царском Селе построен из камня в 1734–1744 гг. (архитекторы И. Г. Земцов и К. И. Бланк) повелением Цесаревны Елизаветы Петровны. Неоднократно перестраивался. В нем находилась одна из наиболее почитаемых Государыней святынь — Царскосельская икона Божией Матери «Знамение». Действовал до 1944 г. Восстановлен в формах XVIII в. Возвращен Русской Православной Церкви (1991). Находится возле лицейского садика. Современный адрес: Садовая, 2 «А». В настоящее время Царскосельский образ находится в церкви св. ап. Иоанна Богослова при Петербургской Духовной академии.
- С. 256. Молокане — русская рационалистическая секта, ответвление от секты духоборов. Основана во 2-й половине XVIII века. С духоборами разошлись по вопросу об источниках богопознания: различные толкования внутри секты.

- С. 285. **Стоход** — река в Галиции. Битва при ней состоялась 22–26 июня (9–13 июля) 1916 года на юго-западном фронте. Русская лейб-гвардия понесла тяжелые потери. Австрийско-германскими войсками здесь также были организованы газовые атаки. Применялся газ иприт. Впервые газ был применен германскими войсками в апреле 1915 года в боях у реки Иприт (Западный фронт). Стояние на Стоходе продолжалось до октября 1916 года. 22 марта /4 апреля 1917 года германские войска опять предприняли наступление в районе реки Стоход.
- С. 300. **Опатов (Опатовичи)** — город. С 2 июля 1914 года по 16 января 1915 года австрийскими войсками предпринимались наступления по всему Западному фронту. Особенные потери были в Русской армии среди гвардейских стрелков.
- С. 307. **Молитва Императору Павлу I.** Позже в среде русской эмиграции была распространена молитва, в которой обращались к Императору Павлу I как к святому: «Упокой, Господи, душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам в дни сии лукавые и страшные в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое. Призри, Господи, на верного раба Твоего, молитвенника за сирых, убогих и обездоленных Императора Павла I и по молитвам его святым подай, Господи, скорую и верную помощь просящим через него у Тебя, Боже наш!» (*Сообщила Ольга Николаевна Куликовская-Романова*).
- С. 309. **Волынский полк** одним из первых в феврале 1917 года принял участие в клятвопреступном бунте в Петрограде.
- С. 322. **«Великая бескровная»** — имеется в виду Февральская 1917 года революция. Так называли ее в либеральных кругах. Однако, как свидетельствуют факты, в феврале 1917 года только в Петрограде погибло около двух тысяч человек, большая часть офицеров, солдат и рабочих. Сведения взяты из книги: *Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция.* М. 1967. с. 403–404.

Комментарии составлены Л. Ф. Капрановой

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА НОВОМУЧЕНИКА ЛЕЙБ-МЕДИКА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

О. Т. Ковалевская

«Любовь отца была нам защитой»

Письма, «живое слово», как называл их Боткин, яснее даже, чем постоянное непосредственное общение, опять же, по его выражению, раскрывают человека: «некоторые характеры в письме всегда больше сказываются, покажут жемчужины из более глубоких раковин своего сердца, чем в устной речи, и это громадного значения и ценности положительная сторона таких невольных разлук, в каких мне, невольно приходится с Вами теперь проводить каждое лето», — писал Боткин своим детям. И они отвечали ему.

В письмах детей звучит ответная любовь к отцу, раскрывается «ароматное тепло из их добрых милых душ», — что так поддерживает Евгения Сергеевича. И теперь, через век, живое слово самого Боткина, которое мы можем услышать из его писем, дает возможность нам, людям XXI века, его потомкам, соприкоснуться с душой этого удивительно человека. Интересны не только факты его биографии, которые мы черпаем из писем, чрезвычайно ценные, ибо мы по крупицам собираем знания о нем; так же очень важны факты жизни Царской Семьи, о которой лейб-медик рассказывает в переписке.

Кроме того, письма доктора Боткина содержат важные педагогические советы. Нет, никаких рекомендаций не преподносится. Но доверительный, искренний, полный любви и нежности разговор, конечно, заставит задуматься родителей, педагогов, — всех, кто занимается проблемами детства (образованием, воспитанием, лечением ребенка)

об этом таинственном и так мало все-таки изученном мире. Он, казалось бы, так прост и ясен, а на самом деле — всегда неисследованная планета, полная тайн. Самый главный вопрос, который задает каждый, соприкасающийся с этой всегда загадочной «планетой», сформулирован польским педагогом, врачом и писателем Янушем Корчаком в одной из его книг «Как любить детей?!». Ответ можно найти в письмах Е. С. Боткина.

Он писал всем четверым своим детям, всем вместе и каждому по отдельности, соответственно поре жизни каждого — детству, отрочеству, юности. (Дмитрий был старший 1894 года рождения, Юрий — 1896, Татьяна — 1898 и Глеб — 1900).

В ГАРФе сохранились письма к Евгению Сергеевичу дочери Татьяны за несколько лет. Сначала это строчки, написанные робкой неокрепшей детской рукой. Девочка делится с отцом впечатлением о прочитанной книге о животных, которую он ей прислал. Через много лет впоследствии — из Тобольска в Екатеринбург — отцу пишет уже вполне взрослый человек твердым четким почерком, кстати, несколько похожим на почерк отца. Дочь пишет ему, осознавая свое с Глебом полное одиночество в мире, ставшем враждебным и опасным, но при этом в каждом написанном слове светится такая безраздельная, беззаветная любовь к отцу!

Рассказывая в книге о бедах и трагедиях, Татьяна говорит: «Но любовь отца была нам защитой». И теперь отец, знавший, что он обречен на смерть, оставшись с Царской Семьей, несомненно, ощущал защиту, облегчающую страдания, — любовь детей давала ему силы.

В числе самых дорогих вещей Боткин взял с собой в изгнание в Тобольск, а потом в Екатеринбург эти письма. После совершенного злодеяния в доме Ипатьева палачи, разграбив драгоценности, оставили для архивов бумаги, как не представлявшие меркантильного интереса, «честно» сдав все, что осталось, в органы. Так письма девочки, как многие другие бумаги Боткина и Царской Семьи, в конце концов попали в Государственный архив.

По тому, что в письмах сообщает отцу ребенок, какие проблемы с ним обсуждает, какие вопросы задает, можно составить представление о том, что отец писал дочери. Ясно, что он обязательно отвечал на каждое ее послание, продолжая бесконечный очень трогательный, полный любви и заботы, участия и мудрых советов разговор. Эти письма уничтожены. Оставшись с Глебом в Тобольске после перевода Царской Семьи и отца в Екатеринбург, дети оказались в страшной опасности — и без какой-либо защиты. Боясь обысков и ареста, — а уже одного того, что они жили в доме Корнилова, было достаточно для любой репрессии, — они сожгли в числе прочих документов и письма отца. Кое-что из фотографий удалось сохранить, вывезти потом в эмиграцию. Татьяна Евгеньевна напечатала их в белградской книге «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции». Так они и переиздаются теперь во многих изданиях без указания на источник.

Видимо, погибли и письма к Дмитрию (в книге автор рассказывает, как она разбирала документы Дмитрия, собирая вещи в доме на Садовой улице, при отъезде в Тобольск к отцу. Вероятно, она взяла с собой и его документы, и их постигла участь тех бумаг, которые пришлось уничтожить). Судьба писем, отправленных на Юрино имя, оказалась более удачной. Как мы знаем, Юрий с семьей — женой Нелли (Еленой Абаза) и сыном Георгием уехали на Кавказ, затем эмигрировали. При всех опасностях и тяжелых обстоятельствах жизни изгнанников Юрию удалось сохранить отцовские письма. Журнал «Кадетская Переключка», издающийся в Нью-Йорке, опубликовал эти письма Боткина детям в двух №№ 74 и 75 за 2003 и 2004 годы; их всего 19 (вероятно, неслучаен тот факт, что 75-й номер журнала — может быть, единственный экземпляр в Санкт-Петербурге с последними двумя письмами лейб-медика — оказался в библиотеке издательства «Царское дело»).

Эти 19 корреспонденций адресованы не только Юрию, они часто обращены ко всем четверым, с дополнительной припиской специально для кого-то одного. Неоспоримо, что все дети знали содержание всех писем. Так многие

факты, описанные в белградской книге 1923 года «Воспоминания о Царской Семье...» и в публикуемой сегодня книге известны автору из рассказов отца, содержащихся в этих письмах. Некоторые послания написаны строго только для старших — доверительный разговор отца со взрослеющими сыновьями.

Как эти письма Е. С. Боткина стали достоянием «Кадетской Переклички»? Журнал выходит с 1970 года. Его девиз — «Расторгнуты, но не рассеяны». Оказавшись в изгнании, россияне — специалисты высоких военных и государственных чинов, люди разных сословий, в основном представители старинных дворянских фамилий и родовитых семей, иногда близких к Императорскому Двору, собирали в этом издании ценные воспоминания, исторические исследования, философские работы — все, что должно быть сохранено для будущего России. Вокруг журнала сгруппировалось много замечательных людей. Долгие годы редактором журнала был Алексей Борисович Йордан, сын выпускника Императорского Пажеского корпуса Бориса Михайловича, капитана Генштаба, участника Первой мировой войны и Киры Анатольевны Гудим-Левкович, фрейлины Императрицы Александры Федоровны, во время Первой мировой войны сестры милосердия, награжденной за храбрость и спасение раненых, вынесенных с поля боя, четырьмя Георгиевскими крестами. Их сын Алексей Борисович не только редактировал журнал «Кадетская Перекличка», но и долгие годы поддерживал его материально. После его кончины в 2002 году родственники передали в редакцию материал, подготовленный им для очередного номера. Дело своего друга продолжил Игорь Николаевич Андрушкевич — профессиональный журналист, историк, философ, знакомый с ним со времени учебы в Русском кадетском корпусе в Сербии. Каким образом письма Е. С. Боткина попали к Йордану? У А. Б. Йордана была родная сестра Надежда Борисовна Йордан. 1923 года рождения. Она стала женой сына Юрия Евгеньевича Боткина — Георгия, того самого мальчика, родившегося в 1917 году у Юрия и Нелли в Царском Селе, внука Евгения Сергеевича. Внук

Евгения Сергеевича, сохранив письма деда, передал их брату своей жены, редактору журнала, для публикации (кстати, он, как и его дед, стал врачом). После кончины Алексея Борисовича его родственники передали материалы И. Н. Андрушкевичу, который и опубликовал письма Боткина в 74-м и 75-м номерах «Кадетской Переклички».

Дав разрешение издательству на публикацию писем Боткина, Игорь Николаевич предварил публикацию материалов журнала некоторыми объяснениями и пожеланиями.

«Когда А. Б. Йордан был вице-фельдфебелем (старшиной) в нашем Кадетском корпусе, он был в восьмом, а я в третьем классе. Когда скончался Алексей Борисович, с которым я дружил и часто говорил по телефону, его семья переслала мне большую папку с материалами, подготовленными им лично для печати следующего номера "Кадетской Переклички", после того, как я согласился стать редактором журнала. Практически все материалы для № 74 были подготовлены Алексеем Борисовичем (кроме его собственного некролога). Правда, материалов было больше, чем нужно, и мне пришлось выбирать. Кроме того, я решил расширить диапазон журнала, на основании полученных просьб. Это тоже вынудило меня выбирать материалы. Затем в следующих номерах все они практически были мною опубликованы. На первом месте моего личного выбора оказались именно письма новомученика лейб-медика. Мне даже показалось в этом своего рода указание свыше, одобряющее мое согласие взяться за эту для меня очень тяжелую работу в моем возрасте, без конторы, без секретаря, без корректора и вообще без персонала. И я рад, если письма сегодня будут опубликованы в России. Только в этом и заключается основная цель наших хождений по мукам. Я письма получил в виде текста на пишущей машинке, видимо, написанного очень давно. Пишу это Вам для истории. Все семь годовых номеров "Кадетской Переклички" под моей редакцией помещены в Интернете на сайте, для тех, кого заинтересует это издание, ставшее теперь доступным и в России.»

Я согласен дать Вам разрешение на перепечатку писем новомученика Е. С. Боткина, опубликованных под моей редакцией в «Кадетской Переключке», при следующих условиях.

1. Должны быть опубликованы все 19 писем: 17 из № 74 (2003) г. и 2 из № 75 (2004).

В последнем 19 письме ясно просвечивается сияние скорого прославления через мученичество. У святых прошлое, настоящее и будущее сливаются.

2. Нельзя делать сокращений, поправок или добавлений к тексту писем, но конечно можно сделать комментарий. Необходимо отчетливо указать, откуда взяты эти письма, каковы были получены русскими зарубежными кадетами и никогда до этого нигде не публиковались. При ссылке на «Кадетскую Переключку» обязательно указать название сайта, на котором помещены последние семь номеров этого журнала под моей редакцией (№ № 74–80). www.kadetpereklichka.org.

С уважением Игорь Андрушкевич».

ПИСЬМА ДЕТЯМ

«Штандарт», 17 июля 1908 года.

Золотой мой, милый Юраша,

Письмо Ваше, как я уже писал Мамуле, пришло ко мне в Петергоф, и я спешу Вам на него ответить, так как на этот раз мы не будем долго плавать. Правда, я не знаю, когда к Вам попаду, так как предстоит празднование именин Императрицы Марии Федоровны и разные другие церемонии, на которых мне придется быть, но тогда уж (с будущей недели) будем переписываться через Петергоф. Спасибо тебе, мой хороший, за твою ласку. Кроме того, что она мне дорога, как ласка сынишки, которого я так люблю, она мне нужна, как солнце; я вяну без нее и грущу. Ты совершенно прав, что славные детки, с которыми я здесь живу, меня очень утешают. Как только мы снова вступили на «Штандарт», Анастасия Николаевна меня спросила: “А Вы опять будете играть в булль?” — “Непременно”, — говорю. “А Вы не можете жить без булля?” — “Нет, — отвечаю я. — Я и в Петергофе брал кольцо от салфетки и бросал на квадраты паркета”, — продолжаю я шутить. “Вам булль помогает жить?” — тогда спросила Анастасия Николаевна. Премилая она девочка! Брат ее обворожителен, как всегда. Вчера я поцеловал его в шейку сзади, а он улыбается и говорит: “Какую Вы гадость поцеловали”, — и показывает на свою шейку — белую и нежную. Вчера Дрентельн видит, что он идет со своим деревянным ружьем, и спрашивает: “Вы на какой пост идете?” — “К денежному ящику”.

“А я на Великий пост”, — шутит Дрентельн. “А я на Петровку”, — отвечает Алексей Николаевич. На судах, которые часто переговариваются между собой флагами, есть один — красный с белым кружком, который означает “ясно вижу”. Вот играет раз Деревенько с Алексеем Николаевичем и прячется от него за дверь, а тот увидал его и кричит: “Ясно вижу”.

От президента Фалльера они получили три громадных ящика: один для Алексея Николаевича заполнен железной дорогой с рельсами, вагонами, станцией во всех подробностях и проч. Другой для старших сестер полон всяких разнообразных игр. Третий для маленьких содержит в себе чудные куклы, ходящие и говорящие, с массой для них нарядных платьев. А я получил от президента маленькую коробочку с Орденом Почетного Легиона (офицерский крест), который во Франции действительно дает большой почет и потому раздается туго, но нам они роздали очень широко.

Ну, дорогой мой, долг платежом красен; за твои добрые сведения настрочил я тебе немало, пора уж и кончать.

Крепко, крепко и нежно целую тебя, Мамулю, Танюрочку и братьев*. Как здоровье Мамули? Берегите ее, мои хорошие, кормите, ласкайте и старайтесь ничем не огорчать. Помни, что чем добросовестнее и старательнее ты будешь учиться, тем меньше ей будет хлопот, забот и трудов в этом важном департаменте ее обширного министерства. Драгоценная она у нас и ненаглядная, нигде и никогда я больше таких не видал; мы все должны беречь и холить ее, как один человек, кто как может.

Твой папуля**.

* В 1908 году Дмитрию было 14 лет; Юрию 12; Татьяне 10 и Глебу 8 лет (*здесь и далее примечания О. К.*).

** Это и последующие 16 писем публикуются по: Кадетская Переключка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк, США, XXXIII год, № 74. Нью-Йорк, 2003. С. 122–157. Письма публикуются с разрешения редакции журнала, с сохранением авторской пунктуации.

«6 сентября 1908 года.

...Не удивляюсь, что Маковский* был очарован Государем, это действительно чарующий человек. Как он тронул меня третьего дня, например! После обеда, часов около девяти с половиной вечера, обыкновенно я спешу к себе в каюту, чтобы пописать или почитать до чая, и стараюсь вернуться в столовую 15 или 20 минут двенадцатого, так, чтобы застать всех перед самым окончанием игры в бильярд. Это не настоящий большой бильярд, а маленькая доска, которая устанавливается совершенно горизонтально по ватерпасу; по ней четыре игрока катают маленький шарик с помощью маленьких палочек тоже с шариком на конце. Теперь постоянно по вечерам идет игра на двух столиках — на одном с Государем, на другом с Императрицей. Когда обе игры кончаются, Ее Величество прощается и уходит к себе вниз, а Государь садится пить чай. Вот я и стараюсь всегда прийти до этого момента. Так я и пришел третьего дня в самом тревожном состоянии вследствие отсутствия известий о Вас и потираю холодные руки, которые только что вымыл. Государь подходит ко мне и так ласково говорит: “Что это у Вас, Е. С., зазябший какой вид?”, — и обеими руками берет мои холодные руки. Ну разве не трогательно это чутье и эта милая, должен сказать, ласка?

Ну пора, к сожалению, кончать, а то не успеет письмо на пароход.

Целую тебя, мой ненаглядный, мой хороший, крепко, крепко, как мы с тобой это умеем. Расцелуй также, мой хороший, и золотую мамулю, и драгоценных Танюру с братьями.

Твой папулян».

* Маковский, Остроумов и другие упоминаемые лица, как правило, друзья Юрия и Дмитрия. Вместе с ними братья учатся и рассказывают отцу о жизни и разных обстоятельствах, связанных с учебой. Мы не комментируем эти имена и биографии, так как упоминание о них не влияет на смысл повествования.

«20 июля 1909 года.

Золотой мой, драгоценный, ласковый Юраша,

Ты себе представить не можешь, как порадовал ты меня своим письмом! Если бы не ты, мой хороший, я бы еще неизвестно сколько времени был без всяких вестей от Вас. Конечно, я успокаивал себя утешительным изречением: “Pas de nouvelles — bonnes nouvelles”*, — которое во время таких путешествий особенно справедливо, ибо города, намеченные для нашего посещения, известны, и если бы, не дай Бог, у Вас было бы что-то неладно, то мамуля наверняка догадалась бы, куда телеграфировать. Но все же насколько успокоительнее всяких рассуждений прямое слово, написанное знакомыми, родными буквами, да еще такое милое, ласковое слово, как твое! Крепко, крепко целую тебя за твое славное, трогательное письмо. Отвечаю тебе утром, по нашему времени в 11 часов, а у Вас уже час дня, в виду берегов Англии, к которой мы подходим медленным шагом, так как должны прийти только в 12 часов дня. Так странно — заснуть во Франции и проснуться в Англии! Положим, я просыпался в 6 часов утра, когда мы уходили из Шербурга и нам салютовали, просыпался и позже, когда нас покидали на полпути конвоировавшие нас французские суда и кричали “ура”, но я мог свободно и проспать эти моменты, и тогда переход был бы такой резкий и странный.

Я должен был прервать письмо, чтобы одеться и идти встречать Короля. Встретили, затем перешли на его великолепную яхту “Victoria and Albert”**, отлично позавтракали у него и затем на ней же три раза прошли вдоль Английского Флота. Ты представь, мой дорогой, 150 судов, из них 16 броненосцев! Нет, это трудно себе представить — это нужно видеть! Что за зрелище, что за подавляющее зрелище! При этом представь себе наш флот! Представь себе, что, вспоминая, мне даже не жалко нашего погибшего флота. Я не видал его, но думаю, что это были калоши

* Отсутствие новостей — хорошие новости (франц.).

** Виктория и Альберт (англ.).

в сравнении с современными гигантами; уж лучше ничего не иметь, чем одну бутафорию. Теперь мы потеряли флот в честном бою, и нас жалеют, а если бы он был таким, каким его описывают, над нами бы смеялись. Мы отстали не сейчас вследствие гибели нашего флота, а когда-то раньше, много раньше. Но здесь еще даже не половина Английского Флота, еще столько же, и даже больше таких же судов и броненосцев рассеяно у них по всему миру. Мне нравятся англичане; большей частью это все умные, деловые и симпатичные лица.

Пишу Вам все время, но не знаю, доходят ли до Вас мои письма; около Киля послал письмо мамуле, из Киля — Мимочке*, вчера из Шербурга — опять мамуле, отсюда, значит из Спидгеда, пойдет тебе. Ты меня страшно тронул своими милыми строками о Танюше. Она именно такая, какой ты ее описываешь, особенная. Это большая для меня радость и счастье, что Вы так любите друг друга; дай Бог, чтобы это и всегда так было. Гораздо легче тогда живется на белом свете. Особенно нужна Ваша дружба и любовь Танюше — женщине так часто нужна мужская помощь! Ты так тепло описал, мой золотой, мою летнюю жизнь среди Вас, что мне даже взгрустнулось, но я стараюсь никогда не думать о том, чего я лишен в жизни, а с вечной благодарностью останавливаюсь на том, что она мне дала и дает. Такой уж мне Бог дал счастливый характер и по нему и посылает мне жизнь.

Ваш лазарет делает чудеса, и Ваши врачебные способности дают мне мысль, что Вы отлично сумеете воспитать и здоровые растения. Поэтому предлагаю Вам с Мимулей следующую комбинацию: я ассигную Вам 25 рублей на садоводство, а Вы распорядитесь этой суммой так, как найдете для себя приятнее и целесообразнее. Выпишите себе прейскуранты от Регеля (Петербургское садоводство), Вагнера (из Риги), или заграничной фирмы, или какой-нибудь другой еще, по совету Екатерины Никитишны или тети Леночки, а затем выпишите то, что захотите, посоветовавшись,

* Мимочка — ласкательное прозвище Дмитрия, старшего сына.

конечно, с мамочкой, а если хотите доставить удовольствие Танюше и Глебушке, то и о их желаниях спросите. Из всего этого выберите то, что Вам наиболее интересно и скорее бы всего хотелось осуществить. Вот, например, Вам хотелось пустить по Вашему Робинзоновскому домику дикий виноград — и великолепно; рассчитайте, сколько нужно будет для этого кустов, и почитайте в прейскуранте, как его нужно содержать зимой. Такое нежное растение лучше, пожалуй, выписать из Петербурга или из Риги, где это растение уже успело привыкнуть к климату (Вагнером я был очень доволен). Могу еще очень порекомендовать хорошее вьющееся растение, которое великолепно шло у нас в Мустамяках и дает чудные благоухающие цветы: “*caprifolium*” (*chivre — fenille*)*. Если Вы заинтересуетесь кроме того выводкой роз, тогда лучше их выписать из-за границы. Тут Ек. Ник. Вам даст добрый совет. Наконец Вы захотите, может быть, завести какие-нибудь хорошие ягоды — валяйте! Наверное, Вы найдете нужным кое-где еще посадить деревья для защиты от соседей — и отлично сделаете. Выбирайте тогда, сговорившись с мамочкой, какие хотите сорта и сажайте, с ее, конечно, разрешения, там, где хотите. Если для тех или других Ваших планов Вам нужен будет парник, то на него я ассигную еще отдельно, сколько понадобится, — спросите только мамулю, где она позволит его ставить. Очень подходящим местом мне представляется свободное пространство около дяди Мишиного забора позади наших фруктовых деревьев и верхнего колодца. Не надо только ставить парник слишком близко к колодцу, особенно если культивируемые растения потребуют поливки навозом. Во всяком случае лучше так рассчитать положение парника, чтобы вода из него не стекала в колодец. Если Танюша и Глебушка тоже заинтересуются посадками, то скажи им, мой родной, что на их желания я ассигную еще 15 рублей. Попроси от меня мамулю выдать Вам все эти

* Каприфолиум — жимолость. Вьющееся медоносное растение с розовато-желтыми душистыми цветами и ягодами; высаживалось для украшения балюстрад и стен, расположенных на солнечной стороне.

деньги, когда они будут Вам нужны, и я верну ей этот долг по своем возвращении. Момент этот, кажется, скоро последует вслед за получением тобой моего письма, но надеюсь, что оно все-таки придет до меня. Во всяком случае, мне уже неоткуда будет писать Вам.

Сегодня опять пришла к нам Петергофская почта. Я получил всякие письма, даже адресованные в Царское Село, как видишь на прилагаемой открытке, которую прошу передать Глебушке, но от своей родной семьи — ни одного. Не знаю, что и думать, — теряются ли мамочкины письма или она больна. Тревожно, грустно и обидно. Если бы не ты, мой ненаглядный, я бы думал, что Вы просто вычеркнули меня из своей жизни и забыли. Поэтому еще и еще раз благодарю тебя, дорогой мой, хороший, за твое милое письмо. Поцелуй от меня мамулю и расцелуй братьев и сестру. Если тетя Рока приехала, поцелуй и ее от меня, пожалуйста.

Тебя же, мой золотой, целую сам так крепко и нежно, как только умею.

Да хранит Вас Господь! Весь твой папуля».

«Балтийский Порт, 22 июня 1910 года.

Милый мой, золотой, драгоценный Юраша,

Крепко, крепко целую тебя, мой ненаглядный, за оба твои письма; второе я получил сегодня, как раз когда собрался отвечать на первое. Не могу скрыть от Вас, что я ждал писем от Вас обоих старших с большим нетерпением, так как страшно недоставало непосредственного общения с Вами, но я нарочно не хотел напоминать Вам об этом, чтобы Ваши письма не вышли вынужденными и чтобы, с другой стороны, не мешать Вам проводить время так, как Вам приятно. Благодаря письмам мамули, Танюрочки и Глебушки, я и представлял себе вашу жизнь именно так, как Вы с Мимулей ее описываете, и издали радовался за Вас. Теперь же, получив от тебя, моего золотого, одно письмо, потом так скоро — до моего ответа — и второе, я ужасно обрадовался и так чувствую на себе твою такую дорогую мне нежную ласку; на меня так повеяло ароматным теплом из твоей

милой, доброй души! Некоторые характеры в письме всегда больше сказываются, покажут жемчужины из более глубоких раковин своего сердца, чем в устной речи, и это громадного значения и ценности положительная сторона таких невольных разлук, в каких мне приходится с Вами теперь проводить каждое лето. Можно жить иногда с человеком годами под одной крышей, при условии, разумеется, рабочей, деятельной жизни, и остаться ему почти чуждым или, по крайней мере, очень мало знать его, если не было случая или возможности поболтать, что называется, по душе. Или же наоборот, путем обмена двумя-тремя задушевными письмами, сблизиться с человеком, поняв его и проникшись им, так, что до конца жизни устанавливаются самые тесные душевные отношения.

Мне очень дорого было также и интересно узнать твое заключительное мнение об Анне Карениной; оно совершенно совпадает с моим. По существу она даже совсем хороший человек, но по слабости человеческой согрешила раз, а “кто Богу не грешен, Царю — не виноват?” За это она заплатила жестокой ценой. Как же ее не пожалеть?! Но не в узком смысле слова подразумеваю я здесь грех. Скверен он и гадок, что и говорить, но и после него, — а еще лучше до него, — могла она опомниться, прогнать от себя Вронского, как это сделала Татьяна с Онегиным, и вспомнить о долге своем перед мужем и сыном. Вступая в брак, человек, конечно, надеется на счастье, если он любит того, с кем сочетается, или, по крайней мере, на улучшение своей жизни, если он сочетается не любя, как это было с Анной. Это право человека, соединяющего свою жизнь с жизнью другого, искать лучшего, но каждое право налагает и обязанности. Разумеется, никто не в состоянии даже приблизительно взвесить вперед, что у него будет больше — прав или обязанностей. Если другая сторона будет в первом его обсчитывать, т. е. не исполнять своих обязательств, то этот человек вправе домогаться своих прав и даже требовать их соблюдения, а если ему в них все-таки отказывают, то и настаивать на уничтожении договора, как не честно выполняемого. Если же счастья или даже улучшения жизни не получается

не по вине той или другой стороны, а просто потому, что обе стороны или одна из них, ошиблись в своих надеждах или расчетах, как и было, насколько мне помнится, у Карениных, то людям остается только смириться, остается только нести принятые на себя обязанности, если нельзя расторгнуть договора полюбовно. Конечно, последнее довольно просто среди порядочных людей, когда их только двое, и до крайности сложно, когда уже их стало больше, т. е. когда появились дети. Это уже третья заинтересованная сторона, и тогда стремление разорвать договор, так близко ее касающийся, без ее согласия (а какое значение имеет согласие малолетних?) равносильно уже посягательству на их права, т. е. несоблюдению самых первых и священных обязательств, принятых на себя при вступлении в брак, — обязательств относительно невинных и незащищенных малых сих. Вот в несоблюдении этого священного долга, в стремлении в ущерб ему к личному счастью, однажды не удавшемуся, я и вижу главный грех Анны Карениной, за который она заплатила так дорого, — не жизнью, это самое пустое, — а теми муками, которыми она настрадалась с Вронским и которые довели ее до самоубийства. Как ни тяжело было бы ей исполнить свой долг относительно мужа и сына, при сложившихся с первым из них отношениях, это было бы все-таки легче, чем то, что пережила она в погоне за эгоистичным счастьем. Заслуга ее перед этими, по ее же воле связанными с ней людьми, а особенно перед Богом, была бы громадна. Это был бы подвиг самоотвержения. Но подвига может требовать только Бог, и Он же посылает тогда человеку силы совершить его. Люди же, которые сами не в состоянии дать кому-нибудь сил для совершения подвига, требовать его не могут. Поэтому преклоняясь перед теми, кто все-таки совершает подвиг, они обязаны быть снисходительными к тем, у которых сил на них не хватает, и не могут не пожалеть тех, которые искупают свою слабость тяжкими страданиями. Так было с Анной Карениной, и потому я и говорю, что она была все-таки хорошей и что ее бесконечно жаль. Жаль, конечно, и ее несчастного мужа, даже Вронского, но больше всех

их я жалею ни в чем не повинного сына Карениных: он от всей этой комбинации только потерял.

Ну целую тебя, мой голубочек, мой золотой, крепко, крепко, крепко.

Весь твой папуля.

Р. С. Напиши мне, мой родной, при случае, ясно ли я изложил свои мысли по поводу Анны К. Расцелуй ненаглядную мамулю, Танюшу (спасибо ей, золотненькой, за письмо — такое милое!) и братьев. Тете К. и Н. К-чу кланяюсь».

«Фридберг, 15–28 сентября 1910 года.

Мой милый, хороший, добрый Юраша,

Ты не можешь себе представить, мой золотой, как мне радостно, что я могу наконец засесть за более длинное письмо тебе и таким образом побольше поговорить с тобой, а через тебя и с остальными моими детками ненаглядными, которые так хорошо, так мило, так ласково и весело смотрят на меня из Мамулиной рамки! Хотя я не кончу сегодня письма, я знаю, потому что уже 11 1/2 часов вечера, но хотя бы начну. Все равно при здешнем образе жизни в один присест мне никогда не удастся написать хотя бы сколько-нибудь обстоятельное письмо. Начинаю с тебя, моего дорогого, потому что от тебя последнего имел я письмо. Вообще я Вам так благодарен, что Вы не оставляете меня письмами и не забываете меня; а ты особенно балуешь меня ими, мой хороший. Как часто в течение дня думаешь: вот бы им это показать, вот бы об этом рассказать, а теперь, начав писать, хочется болтать о всяком вздоре, как после долгой разлуки, перескакивая с одной мелочи на другую и главным образом радуясь, что можешь опять поболтать. Вспоминаю Вас, например, каждый раз, когда поднимаюсь по лестнице старого замка (на двери его стоит 1604 год), а это бывает, по крайней мере, один раз в день, когда мы после ужина идем играть в карты или во что-нибудь другое. Первое время я на этих лестницах постоянно спотыкался и чуть не падал, досадуя на свою разгильдяйность и косолапость, но затем мне старушка “грани”,

здесь княгиня Голицына, т. е. Обергофмейстерина, к которой все относятся с огромной заботливостью и уважением (Великий Герцог, по старой памяти, говорит ей “ты”, потому что вырос на ее глазах, а мы все целуем ей руку), объяснила мне, что ступени на лестницах неровные, оттого нога, привыкшая к ровным ступеням, и спотыкается. Уже теперь я всегда думаю об этом, и меня не сковырнешь. На башенных часах пробило 12! Если бы ты слышал этот бой, гулкий и низкий, как звон церковного колокола! Точно он прямо сквозь сотни лет пробивается из средних веков. Потом вспоминаю тебя каждый раз, когда смотрюсь в зеркало, чтобы завязать или поправить галстук. Здесь удивительно милые для нас с тобой зеркала — в них отражаешься гораздо более тоненьким. Впрочем, у немцев и в глазах что-то утончающее вставлено, потому что мне один из них сказал по поводу толщины: “Ach! Sie haben sich noch so schlank erhalten”*. Это я-то с “колобком”! Да и фотографии такие же. Посмотри, родной, карточки, которые я только что послал Мамуле, где мы гуляем втроем с Государем и Ал. Ал., особенно там, где мы так хорошо в ногу идем, что они все у нас вышли параллельными, а моя левая нога даже слилась с ногой Дрентельна, будто она в полтора раза длиннее правой; ведь и тут я как-то совсем приличных размеров вышел, будто и “колобка” нет. На днях мы сделали в том же составе первую пешеходную прогулку по Фридбергу, по городу. Там, право, кажется, Государя не меньше восьми раз сняли четыре фотографа; один и тот же раз снимает, потом забежит вперед в другую улицу (как посчастливилось ему догадаться, куда пойдет Его Величество?), глядишь — и еще раз чикнул! Между этими четырьмя фотографами оказался и наш Ган, который шел грустный с своим “животом”, как неудачный охотник с пустым ягташем, и вдруг... Государь! Сейчас побежал вперед и снял. Через несколько времени, заметив, что Ган все идет сзади, Его Величество остановился и сказал ему: “Ну уж снимите нас для альбома”, — т. е. это такая доброта, такая

* О! Вы все еще достаточно стройны! (нем.).

бесконечная доброта — наш Царь, что я тебе и сказать не могу, мой золотой. Ну, например, эти наши утренние прогулки. Мне положительно кажется, что он предпочитал бы делать их вдвоем с Дрентельном, что я не только гораздо менее интересен, чем Дрентельн, но иногда, может быть, даже мешаю завязаться между ними более интересному разговору, но Государь знает, как я наслаждаюсь и дорожу ими, и всегда берет меня с собой, а если я почему-то не свободен (должен быть позван к Ее Величеству), то он непременно перед обедом выразит мне сочувствие по этому поводу и всегда так удивительно сердечно и просто. Господи! Да я разве мог рассчитывать на такое счастье, чтобы каждое утро гулять с Государем?! Да я каждую прогулку считаю за особый праздник, а не то что думаю, будто у меня что отняли, когда я не попадаю на нее. Между тем и Царь, и Царица заботятся, чтобы я непременно попал. Ее Величество меня пораньше принимает и торопит на прогулку или, если не может принять меня до нее, посылает гулять и принимает меня потом по возвращении, а Государь видимо поджидает иногда — раз даже подъехал на автомобиле за мной к нашему домику. Подумай, мой дорогой, какой он добрый!.. Если бы только он мог знать, как я это чувствую!.. Все это пишу тебе, золотой мой, конечно, только для Вас, для семьи; никому другому я бы не сказал этого, потому что меня бы не поняли или приняли бы за хвастовство — так и Вы не рассказывайте, а я от умиления это наболтал, от полноты души. И пишу я это уже 3 октября по-здешнему, значит 16 сентября*. Вот как по времени не мог добраться до твоего письма, которого в первый прием написал лишь две страницы. Потом были всякие деловые письма, опять, между прочим, дяде Мише — целый фолиант по поводу памятника дедушки, так как он прислал мне (тоже порядочно давно) вырезку из какой-то газеты, где какой-то Илья Гинцбург очень глупо и неверно критиковал постановку памятника в Академии. Я также

* Возможно, опечатка либо описка. Следует читать: «И пишу я это уже 3 сентября; по-здешнему значит 16 сентября».

писал Мамуле, делал кое-какие покупки и т. д. Между прочим, купил и послал Вам четыре куклы и теперь очень интересуюсь, как Вы их поделите*. На сегодня должен опять остановиться, так как уже 12 часов ночи.

4-го октября. Радуюсь, что Вы уже втянулись в гимназическую работу, и она Вас, вероятно, уже не так тяготит, как первое время после лета. Этот переход всегда труден, но что это в сравнении со всей последующей жизнью, когда сменяющиеся времена года приносят только новые обязанности и новые заботы! Как вспоминаешь тогда все учебное время — время беззаботное с усиленным, правда иногда и очень скучным, трудом зимой, но зато и с полной свободой летом! Счастливы те, которые выберут себе специальность по вкусу, тогда и самый тяжелый труд им будет радостен, но какое множество людей работает исключительно из-за куска хлеба, проклиная лямку, которую они тянут, и утешаясь только какой-нибудь сторонней, приятной для них работой или отвлекаясь каким-нибудь одуряющим времяпрепровождением, вроде кутежей или карт. Несчастные! Для них закатилось лето навсегда, и они всю жизнь обречены оставаться в положении школьников, обязанных изучать ненавистные им предметы и лишенных вакаций.

Часто с большим чувством утешения вспоминаю Вас, моих ненаглядных, при виде Ваших сверстников из здешних Княжеских фамилий. Вот маленький князь (...) — Филипп — сын брата Великой Герцогини, тот самый мальчик, который вышел за кофе из группы, снятой во время

* Мы можем проследить судьбу одной из присланных Боткиным кукол. Прежде мальчики тоже играли в куклы, и им дарили и покупали эти игрушки. Из текста книги Татьяны Боткиной мы знаем, как Дмитрий берег свою куклу Мариночку: ходил с ней «гулять», с гордостью показывал своим друзьям, когда они собирались в доме Боткиных, доставая с таинственным видом Мариночку из ящика письменного стола. После гибели Дмитрия на фронте Татьяна нашла куклу на прежнем месте, в письменном столе.

Известно, что впоследствии Глеб, брат Дмитрия, свою дочку назвал Мариной. О чем сообщила Ольга Лукина, внучка Татьяны Евгеньевны Мельник-Боткиной.

прогулки в Мюнценберг, милый, хороший мальчик, трогательный брат своих трех сестер, единственный сын “владельческого” князя, достиг пятнадцатилетнего возраста, причастился и был отдан в школу ближайшего города на постоянное жительство и теперь возвращается домой только по праздникам. Милый десятилетний мальчик, Дик, принц Баттенбергский, племянник Ее Величества, о котором я столько писал, отдан в какую-то частную школу в Англии, где он живет постоянно, приезжая к семье только на вакационное время. До сих пор он даже плакал, расставаясь с семьей, но в нынешнем году перенес это уже стойчески, заявив, что он “much too old to cry”*. Эта английская система воспитывать мальчиков вне семьи ведет, между прочим, к тому, что, женившись, англичанин не столько вводит нового члена в свою семью, сколько сам входит в семью своей жены. Так, по крайней мере, я объясняю себе этот странный обычай, о котором я здесь узнал. Не легче и условия учения немецких мальчиков, учащихся приходскими. Сегодня, например, уезжает в Киль младший сын Принца Генриха, брата Императора, и Принцессы Ирины Прусских (она сестра нашей Царицы), после неполных двух недель вакаций. Это осенние; столько же бывает у них свободы на Рождество, на Пасху и в начале лета.

С большим интересом читаю Ваши письма, мои золотые, между прочим, и про акт, и про авиацию. Это обычай — на торжественных актах читать какую-нибудь ученую речь, к самому торжеству прямого отношения не имеющую, но директор стал передо мной, как живой, и я так и слышу его резкий голос, внезапно возвышающийся до крика. Очень порадовался я, что Вы испробовали — и, кажется, не без успеха — новую игру (в темноте). Вот еще одна, и прелезавная: все садятся в круг, а один с завязанными глазами, с помощью двух деревянных кухонных ложек, определяет, на кого он наткнулся. Он трогает туловище, руки, голову, лицо и т. д. и, зная, кто играет, но не зная, кто где сидит

* Слишком взрослый, чтобы плакать (англ.).

(его для этого предварительно несколько раз поворачивают), он должен догадаться по ощущениям, которые получает через ложки, где голова, есть ли борода, усы, много ли волос, и так постепенно узнать человека. Конечно, всякие при этом делают глупости: садятся спиной к середине, закрывают чем-нибудь лицо...»

«Волчий Сад», 25 октября – 7 ноября 1910 года.*

Мой золотой, драгоценный Юраша,

Крепко целую тебя, мой ангелочек, что не оставляешь меня письмами. Карты для пасьянса с большой охотой уже купил тебе, а относительно карточек для Остроумова боюсь, нет ли недоразумения; ведь я Вам послал их целую гибель, были также и дубликаты. Я просил из всей этой массы уделить, что найдете возможным, Остроумову. Быть может, мамуля забыла это передать Вам; на этот случай я купил еще кое-какие, но должен сказать, что во Франкфурте, насколько я мог этим заняться, открыток с китами мне почти не удалось найти. Здесь они все заняты видами, а не людьми; кое-что я все-таки достал, но типы опять-таки только Гессенские, вроде тех, что я присылал Вам, вероятно, благодаря тому, что только в Гессене, и то лишь в части его, еще носят старинные национальные костюмы, ради которых и снимают еще людей. Я бы купил для Остроумова повторение того, что уже посылал, но, как я уже сказал, здесь я еще таких не видел. Во всяком случае тебе будет чем исполнить свое обещание.

Очень мне жаль бедного твоего Воейкова! Писать мне об этом неудобно, но при первой же встрече с И. Л. Граве я заинтересуюсь этим мальчиком — это иногда помогает. А что Мишин Филиппович? Попал ли он в какую-нибудь санаторию и как его здоровье? Какой славный Mr. Voinot (так он пишется по-французски?), что принял в нем такое участие! А что Ю. М. Жохов еще преподает у Вас в гимназии или уже ушел? Он мне писал (по делу, конечно) из Петербурга. Бедный Коля Соболевский потерял отца.

* Возможно, небольшая гостиница в Германии.

Ты не пропустил этого и написал ему по поводу этого горя? Если будешь ему писать, то, кроме обычного поклона от меня, напиши ему, что, прочитав в газетах о кончине его отца, очень думал о нем и горячо ему соболезную. Не говоря уже о тяжести сердечной потери, трудно молодым людям начинать самостоятельную жизнь без отца. Я уже был врачом — правда только что окончив Академию, — когда скончался Ваш дедушка, притом в исключительно благоприятных условиях, благодаря ему же, конечно, и то так часто, часто чувствовал отсутствие его, не только как отца, которого обожал, но и как опытного, доброго, старшего друга, который мог бы в иных случаях наставить меня, поруководить мною и посоветовать. Тем более сочувствую я и стараюсь быть полезным молодым людям, которые оказываются в таком же или худшем положении и еще раньше теряют руководителя и заступника. Один из таких горемычных, между прочим, мой Леонид Рочаст. До аттестата зрелости, слава Богу, его удалось довести, но потом осенью он держал экзамены в Морское Инженерное Училище и с треском провалился, что меня очень, конечно, огорчило. Он сам был страшно сконфужен и поступил пока в Университет, но будущей осенью хочет повторить атаку на Училище. Это для него крайне важно, так как там он бы жил на всем готовом и ничего не платил, а по выходе сразу стал бы получать жалованье как морской инженер или механик на каком-нибудь пароходе.

Знаешь, дорогой мой, как забавно — здесь в Гессене я нашел и купил старинный русский складень, образец эмалевый, какой мне давно хотелось иметь, да я не находил у моих антикваров. В середине Св. Николай Чудотворец, а по бокам — Божья Матерь с Младенцем Иисусом (Казанская, Владимирская). Это старая, хорошо сохранившаяся копия очень старинного образа, и мне очень нравится. Случилось это так: Великая Герцогиня prepares базар, чтобы собрать денег для чахоточных. Приготавливает она его так же великолепно, как все делает; вещей доставлено бездна, не мало и жертвенных. Среди последних целый

маленький отдел прелестных наших кустарных изделий; между ними вдруг вижу две коробочки старинной русской эмали. Одну из них открывает Великая Герцогиня — и вдруг вижу складень! Сколько стоит? 22 м. 70 пф. Разумеется, я тотчас же и купил, так как предварительная продажа уже началась. Радость это мне доставило двойную: и приобретение самого складня, и извлечение его из неподходящего места с возвращением на родину. Он уже стоит у меня на ночном столике и теперь всегда будет при мне. Надо будет только его освятить (по совету С. И. Тютчевой). Как-нибудь я дам его тебе, когда ты пойдешь служить в церковь, и гимназический батюшка его освятит.

Целую Вас всех четверых, моих драгоценных, ненаглядных, хороших, золотых без конца, без конца.

Весь Ваш папуля».

«Севастополь, 16 сентября 1911 года.

Милые мои, золотые, ненаглядные, драгоценные, Пишу Вам еще лежа, но завтра Ив. Ив. обещает мне разрешить пройти к Ее Величеству, и по состоянию моего колена это действительно вполне возможно; боли почти нет, и при исследовании воспаление совершенно стихло, и никакими осложнениями я больше не рискую, даже, по-моему, если бы я стал ходить по-настоящему, хотя бы по трапам. Я не буду делать этого, пока мне Ив. Ив. не разрешит, лишь бы иметь возможность исполнять свои обязанности и избавить Ее Величество от лишней ходьбы — ежедневного посещения моей каюты для исследования. Много эта болезнь мне дала радости и счастья нам с детками, так что поистине можно сказать: “Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”. Все были так добры к нашим маленьким, что я просто растроган. Государь подал им руку. Императрица поцеловала их стриженные головки, а о Великих Княжнах они сами Вам напишут. Бесподобно было свидание Алексея Николаевича с Глебом. Сперва он и Тане, и Глебу говорил “Вы”, но скоро перешел на “ты”. Одним из первых вопросов к Глебу был: “Как называется это отверстие?” — “Не знаю”, — смущенно ответил Глеб. “А ты знаешь?” — обратился А. Н. к Тане.

“Знаю, полупортик”. Дальше опять вопрос Глебу: “Чей это костыль?” — “Папулин”, — тихо отвечает Глеб. “Чей?” — удивленный вопрос. “Папулин”, — повторяет окончательно смущенный Глеб. Тогда я объяснил, что значит это странное слово, но А. Н. несколько раз потом, среди другого разговора, повторял свой вопрос, заинтересованный забавным ответом и, вероятно, смущением Глеба, но тот уже отвечал смело.

Сегодня очаровательный А. Н. опять заходил ко мне и опять спрашивал про костыль. Ответ: “Мой”, — мало заинтересовал его, он снова спросил, и я уже отвечал: “Папулин”. Вчера, когда я днем лежал одиноко и грустил об уехавших детках, вдруг в обычное время пришла развлекать меня Анастасия Николаевна и захотела все сделать для меня, что делали мои детки, например, дать вымыть руки. Пришла и Мария Николаевна, и мы с ней сыграли в “о и т”, а сейчас забегала Ольга Николаевна — право точно ангел залетел. Добрая Татьяна Николаевна навещает меня каждый день. Вообще меня все страшно балуют и, за исключением двух-трех менее близких офицеров, меня все постоянно навещают, кто чаще, кто пореже, кто по несколько раз в день.

Требуют письмо. Пишите, золотые. Маленькие очень довольны Симеизом.

Целую Вас без конца, ненаглядные.

Весь Ваш папа!»

«Ливадия, 28 сентября 1911 года.

Мои милые, золотые, ненаглядные мальчики, спасибо Вам, мои драгоценные, что Вы балуете меня своими письмами. Вы не можете себе представить, какое это для меня успокоение и утешение! И знаете, дорогие, что мне еще ужасно дорого: Вы пишете мне теперь довольно часто, особенно для таких занятых людей, как мои золотые “умельники”, а начинаете письма почти всегда с того, что Вы мне что-то давно не писали. Это показывает, что Вам приятно со мной покалякать, хоть через бумажку, родные Вы мои.

Радуюсь, что теперь Вы уже имели письма от маленьких, по крайней мере от Танюши, которая постоянно жалеет о вашем отсутствии, когда видит что-нибудь особенно хорошее. Последние дни были для меня большим счастьем и принесли мне много радости: в субботу я перевез наших маленьких в Ялту, поместил в небольшой, но уютной и чистой комнате гостиницы “Джалита” с балкончиком на очень симпатичный и красивый внутренний сад. Я сделал это, чтобы дать им возможность побывать на базаре Ее Величества без особого утомления и вместе с тем посмотреть Ялту и ее ближайшие окрестности. Мне же это дало великое наслаждение видеть их каждый день и проводить с ними по несколько часов. Про базар, который удался блестяще (дал около 40.000 рублей чистого дохода) и был необыкновенным праздником для всех жителей Крыма, имевших счастье видеть Их Величества и Великих Княжон совсем близко и получать вещи прямо из рук Ее Величества (настроение было самое восторженное и умиленное!), дети напишут Вам сами, вероятно, подробно, а также опишут, я надеюсь, поездки в Массандру, в Никитский сад (ботанический), где мы даже снимались под пальмами и бананами (постараюсь прислать Вам одну из этих групп) и на Эриклик. Прибавлю только, что по дороге в Ялту я завозил их еще в Кореиз к Юсуповым, которые страшно любезно пригласили их у них поселиться, чтобы они имели о нем представление прежде, чем решать вопрос, куда им переселиться. Все эти осмотры привели их к моему убеждению, что, хотя Кореиз и несколько дальше Ялты, но жить в нем несравненно лучше, чем в этом грязном городишке по пансионам, тем более, что в Кореиз я могу все-таки каждый день приезжать на лошадях. Так мы и порешили, и если дети будут здоровы, они во вторник, 4 октября, уже поедут к Юсуповым. Поэтому отныне их адрес уже следующий: Крым, Кореиз, Дача Княгини Юсуповой (или Ливадия, доктору Боткину, для передачи). Сегодня князь мне показывал их будущее помещение. Это целая квартирка из двух великолепных и одной маленькой комнат со всеми удобствами и с чудным большим балконом на море. Прогулки в самом

Кореизе бесконечные и продолжаются непрерывно почти до самого Симеиза. Таким образом, наши золотненькие в состоянии будут целый день проводить на воздухе, если только позволят погода и здоровье. К сожалению, и по той и по другой части произошли маленькие недочеты: вчера, после страшно душного дня, разразился сильный дождь с таким ветром, что большие кипарисы так и валялись направо и налево, как хворостинки. После этого сегодня на горах выпал снег, и стало очень свежо. Вместе с тем, и Танюша, и Глебушка немного простудились. Глеба я увез из Симеиза с 37,1 температурой и с насморком, но в Ялте у него температура уже не поднималась и с насморком стало лучше, а Танюша, подзараженная, вероятно, Глебом, при переходе со страшно душного базара на лестницу в самом легком платье, подпростудилась и вчера стала кашлять, немного задыхаться, а температура была 37,4. Сегодня она была уже 36,8, кашель стал мелкий и редкий и астмы не было, почему я и решил их перевезти.

Поздравляю Вас, мои ненаглядные, с покупкой новой лошади. Страшно утешен, что у Вас есть такая радость в жизни, как верховая езда. Вашим усердным, усиленным и добросовестным учением Вы заслуживаете полезного и приятного отдыха. Верховая езда — благородный спорт. Не будьте только слишком большие рискунчики, мои дорогие. А как зовут вашу новую ласковую лошадку? Эта Юрашина ведь, а Риск — Мимулин, я так понимаю? Мимулинка, мой ненаглядный, если трудно будет тебе справляться с приготовлением уроков и случится не приготовить домашнего, то, в случае недовольства учителя, скажи ему, что я тебе это разрешил. А я верю, что, если ты не приготовил урока, то не из-за какого-нибудь удовольствия или развлечения, а по невозможности. Только умоляю Вас, берегите свой сон и ложитесь вовремя. Бесконечно люблю и также целую Вас, мои ангелочки, Господь с Вами!

Весь Ваш папа.

Р. С. Тетю Катю очень, очень благодарю за длинное письмо и открытки, тоже тетю Веру и тетю Машу».

«Спала, 29 октября 1912 года, 6 ч. 30 м. утра.

Золотой мой, золотой, ненаглядный Мимулечка,

Не пугайся часа, выставленного на письме: это я сижу на дежурстве у нашего бесценного Больного... Поговариваем уже о переезде, но я поверю, что увижу Вас, только когда собственными руками обниму и собственными устами поцелую. Боже! Боже! Как мне этого хочется!.. Но перед нами еще такая серьезная всероссийская, отечественная забота: здоровье Наследника и Его переезд, что о своих личных делах и не смеешь и не хочешь даже думать. Но зато какое утешение для меня переноситься мыслью в вашу жизнь, и как я тебе благодарен, мой драгоценнейший, за твои милые, интересные письма! У Вас легко оставляют без отпуска, и я вижу, что это совершенно неизбежно, так как целую массу подробностей только практически и можно изучить. К счастью, тебе совсем не скучно оставаться в Корпусе, и я действительно так счастлив, что тебе в нем хорошо!.. Ненаглядный мой, да благословит тебя Бог и в будущем на избранном тобою пути служения ему!.. Золотой мой, если петербургские фотографы по воскресеньям не работают, чего прежде за ними не водилось, то Ганч в Царском наверное снимает и по воскресеньям. Хоть и долго это будет, но все же будет. Свою карточку, снятую Г. П-чем, посылаю теперь тебе и Юрашечке.

Мой золотой, мой драгоценный, добрый, хороший Юраша!

Как я рад, что у Вас восстановились нормальные отношения с Б. Ник., спасибо тебе, моя радость, что ты это так устроил; я тебе так, так благодарен за это! Тетя Катя пишет, что ты страшно вырос; как это хорошо!.. Отчего, собственно, Мика скучает в Лицее? Ведь Кама не скучает, и С. Воейков и Озеров тоже довольны, не правда ли?

Танюрочка, моя радость, моя птичка, моя голубенькая, нежная, нежная, милая дочурка!

Спасибо тебе за твои ласковые, хорошие письма! Я так люблю, когда ты садишься поболтать со мной, просто так, даже не зная, о чем писать! Золотце мое, каждая буква твоя мне так дорога!.. А как вышло твое синее платье

с белым? Меня страшно интересует, довольна ли ты им? А довольна ли ты прачкой и как обстоит дело с электрическим утюгом? Голубка моя, когда будешь писать тете Мари, скажи ей, пожалуйста, что и ее, и дядю Сашу, и Марианночку страшно крепко целую, но что писать, совершенно не могу: еще слишком много хлопот около Больного, а на ночных дежурствах не всегда бываешь так бодр, как сегодня. Тетю Веру крепко целую за ее неистощимый запас книг; это все читанные или новые?

Родной мой, милый, славный Глебушарий, мой золотой абрикосик!

Как мне грустно, что ты все прихварываешь!.. Уж ради того, чтобы тебя поправить, надо мне скорее возвращаться, да ничего не поделаешь: нашему драгоценному Алексею Николаевичу я пока еще нужнее. Сейчас он проснулся, к нему пришла Мар. Ив. (сегодня ночью при нем была Ал. Ал. Теглева), и он вынимает из-под подушки ей подарки по случаю дня ее Ангела! А узнав от меня, что тетя Настя именинница, шепотом стал говорить Марии Николаевне и Анастасии Николаевне, чтобы они меня поздравили... Душечка мой! Когда тебе очень тяжело, что меня все нет, ты только подумай, что это мы для него должны потерпеть, и сейчас легче станет. Так я все время справляюсь... Посылаю тебе, мое золотце, фотографию 20-концевого оленя, убитого Государем, и кончаю, а то уедет фельдъегерь. Даже перечитать некогда.

Простите... Целую Вас, мои ангелы, без конца, безумно, как люблю. Да хранит Вас Господь!

Весь Ваш папа.

Письмо В. Н. прошу мальчиков передать».

«26 марта 1914 года.

Ах детки, детки, детки, мои милые, милые, ненаглядные, дорогие, золотые, неоцененные детки! Чем больше живешь с Вами, чем больше переживаешь с Вами и радостей, и забот, и огорчений (но именно с Вами и за Вас, а не из-за Вас), тем больше сживаешься с Вами и тем труднее от Вас отрываться. Вчера, когда я молился за Вас и за

нашу драгоценную Царскую Семью, чувствуя Вас еще так близко, так страшно захотелось хоть еще по одному разу к Вам крепко, крепко поцеловать — так хотелось, так хотелось, что и сказать не могу. Ангелы Вы мои! Да хранит Вас Бог, да благословит Он Вас и да будет Он всегда с Вами, как и я всегда с Вами, всегда около Вас, где бы я ни был. Чувствуйте это, мои ненаглядные, и не забывайте этого. И это уже навсегда! И в этой, и в другой жизни я уже не могу оторваться от Вас. Душа, которая так спаялась с Вашими чистыми душами, так привыкла звучать с ними в одном тоне, всегда будет, и освобожденная от земного футляра, звучать в том же тоне и должна в Ваших душах находить отзвук.

Пользуюсь остановками, чтобы писать Вам, так как на ходу приходится скорее рисовать, чем писать, и притом так медленно, так несоответственно моим чувствам, что буйной душеньке моей не вмоготу. А под окном гуляет ненаглядный Алексей Николаевич со своим прелестным, верным Шортом. Погода свежая и серая — всего 6 градусов (в Пажомове, Тульской губернии), и небо заволокло тучами. Сегодня Алексей Николаевич обходил вагоны с корзиночкой маленьких дутых яиц, которые он продавал в пользу бедных детей по поручению Великой Княгини Елизаветы Федоровны, севшей к нам в поезд в Москве. Когда я увидел, что в корзиночке у него все больше трехрублевки, я поспешил положить 10 рублей и тем самым заставил и других гг. из свиты раскошелиться. За каких-нибудь полчаса у Алексея Николаевича было уже свыше 150 рублей. Я смело мог позволить себе этот расход, так как вчера вечером в “Auction Bridge”* выиграл с графа Бенкендорфа (1 р.), генерала Комарова (8 р.) и князя Багратиона (14 р.) — всего 23 рубля! 92 points** по 25 копеек — небывалое явление! Спасибо Бонзочке***, драгоценному, что вовремя выучил меня “Окшену”!

* Окшен бридж (англ.) — игра в карты, пришедшая в Россию из Индии. В ней есть черты бриджа и виста.

** Очков (англ.).

*** Бонзочка — Дмитрий. Особая привычка, распространенная между близкими людьми давать друг другу прозвища, уменьшительные

После Пахомова я вытянул ноги и хотел почитать, но тотчас же задремал, даже заснул, проснувшись ровно в полдвенадцатого, час, когда мы должны были остановиться в Скуратове на восемь минут, где я хотел продолжать свое письмо. Через пять минут мы и остановились. Гляжу в окно — мелкий, сухой снег; градусник показывает всего лишь 1 градус. Вот что значит ехать на Юг! Мы уже скоро в Орловской губернии. Вернулись генералы с прогулки, и слышу единодушные восклицания на разные голоса: “Ах, как гадко!”, “Ужасно гадко!” Кстати, о Юге: Танюша, милая, кажется поняла, будто и вторая сопка взорвалась, а это была вторая телеграмма — все о первой, близ Феодосии.

Вкладываю Вам книжечку, которую Алексей Николаевич раздавал при яичках. Загляните в нее, золотые, сколько там делается хорошего для несчастных, бесприютных детей. Сегодня после завтрака я носил Алексею Николаевичу показывать свою замечательную пепельницу, сделанную из осколка его лампы. Он был очень доволен и очень хвалил, но так как я застал его за обычным дневным отдыхом (это было уже после прогулки в Пахомове), когда г-н Жильяр ему что-то интересное рассказывал, я, заметив, что он хочет продолжать слушать, поспешил уйти. Когда я в дверях раскланивался, этот ненаглядный мальчик, очаровательно улыбаясь, мне сказал: “Au revoir. Monsieur, je vous aime de tout mon petit coeur”*. Это ли не очарование? Я в восторге ему ответил: “Vous Ptes adorable!”**

Боже мой! Неужели и у Вас такая погода?! Ради Бога, Танюрочка, ненагляднейшая, сообразуйся с ней и в дурные дни не ходи в гимназию. Лучше теперь пропускать, чем во время экзаменов. Будьте здоровы, мои драгоценные, и благополучны. Да благословит Вас Бог, как я Вас

имена или совсем другие, чем официально известные. Так, Дмитрия еще звали Мима, Мимочка; князя Долгорукова Василия Александровича Государь звал Валя; Жильяра все звали Жиликом; Софию Буксгевден — Иза или Изи и т. д.

* До свидания. Мсье, я Вас люблю всем своим маленьким сердцем.

** Вы очаровательны.

благословляю. Целую Вас, мои драгоценные, мои любимые, целую, целую, целую и люблю без конца.

Весь Ваш папа.

Поддерживайте и берегите друг друга, мои золотые, и помните, что каждые трое из Вас должны четвертому заменять меня. Господь с Вами, мои ненаглядные».

«Ливадия, 5 апреля 1914 года.

Христос Воскрес!

Мой ненаглядный, мой хороший. Целую еще и еще.

Дорогой мой, ненаглядный, хороший Юрашечка, хочу особо поблагодарить тебя за твой подробный отчет о консультации. Я так и вижу, читая твое интересное письмо, милейшего Велимирского, который не может отделаться от своего давнего недостатка рассуждать с другим врачом о больном при нем же или при его родных. Это все равно что показывать публике или печатать свой черновик со всеми помарками и летучими заметками. Результат бывает всегда один и тот же — он дискредитирует собственную статью, которую в этом черновике готовил к печати, и зарождает к себе недоверие. Твой случай совершенно ясен и допускает только два решения: или легкая желчная колика, для которой не хватает более сильных болей, или этот самый дуаденит, который врачи предположили, но для которого желтуха была слишком коротка. И слава Богу! Я очень счастлив, что у тебя все так скоро прошло, и считаю, что теперь ты можешь уже все кушать, перейдя, однако, к всеядению с некоторой постепенностью, а не навалившись сразу на все после своего строгого поста, не ударившись, словом, в объедение. Серьезного ни в том, ни в другом заболевании ничего нет, но ответственность за больного в отсутствие отца, да еще отца — врача, всегда ложится на лечащих эскулапов особым гнетом, почему лица их делаются мрачнее, чем нужно, а сюртуки чернее обыкновенного. Бывает и у меня, конечно, черновая работа, и в душу закрадываются постоянно излишние страхи, но я считаю, что и то и другое должно оставаться в душе врача, что в этом уж его судьба — переваривать все это в себе самом, не делаясь

своей тяготой с больным и его окружающими и не вовлекая их, неподготовленных, в свою черную работу.

Итак, ты теперь здоров, мой ненаглядный, и я очень этим счастлив. Теперь будьте только дальше здоровы и налегайте на Ваши науки что есть силы. Пройти нужно много, а времени мало. Приходится считать каждую минуту. Зато приятно подумать, что, когда ты получишь это письмо, уже четверть нашей разлуки будет у нас за плечами — почти что так. Еще, значит, еще три раза столько, и, Бог даст, мы снова будем вместе. Такой короткий срок можно отработать и с большим напряжением.

Эту неделю я, кроме двух выездов к тете Мари и одной с ней прогулки, никуда не показывался (Ах нет! Еще один раз, на другой же день приезда, ездил по делу к здешнему профессору Федорову и в тот же день был у Шереметьева), даже в Ливадии хожу только в церковь и к завтраку, да в свитский дом к обеду. Вместе с тем я все-таки все время был занят, так как церковные службы берут много времени (Двенадцать Евангелий, вечерня с выносом Плащаницы, сегодня обедня — почти все по два часа), а днем у меня бывали посещения: раз тетя Мари с Верой Зилотти, раз В. А. Лопухин да два раза Сережа Сиротинин, который здесь без родителей и нуждался в ком-нибудь, заступающем их место. Даже медицинских обязанностей мне никаких, в добрый час сказать, все время исполнять не приходилось, так как пока у нас все слава Богу. Урывками почитывал “Иисуса Христа” протоиерея Высоцкого, поэму в четырех частях (в двух довольно толстых книгах), которые почта переслала мне, а я перешлю Вам, уже прочитав. Стихи не Пушкинские, что и говорить, напоминающие скорее русского раешника, масса почти детских наивностей в изложении, но последовательность событий подобрана хорошо, и, как простое изложение чистой души, читается не без удовольствия.

Долгие службы, благодаря дивному служению о. Александра, простаиваются легко, производят сильное впечатление и надолго создают особое настроение. В четверг мы все приобщались, и я не мог удержать слезы умиления,

когда Царь и Царица клали земные поклоны, кланялись нам, многогрешным, и вся Царская Семья приобщалась. “Плач Богородицы”, прочитанный о. Александром перед Плащаницей, в его передаче поразил меня своей красотой и поэзией, я будто никогда в жизни не слышал его. Похороны Христа здесь меня снова потрясли, как два года назад. Создается настроение, при котором Светлое Христово Воскресение действительно почувствуешь Праздником Праздников.

Сегодня тетя Настя должна Вам привезти от меня граммофон. Лучше ли он или хуже того, которым угощали Вас Георгиевские, — я не знаю, скажу только, что когда я выбирал Вам пластинки, я наслаждался, как в концерте. Обращаю ваше особое внимание на дивный дуэт тенора с баритоном, обращенный к Распятию. Этим и хорош граммофон, что ты можешь услышать, что любишь, и притом в отличном исполнении. К сожалению только, пластинки хороших певцов очень дорогие, почему я и мог Вам купить их лишь так мало. Теперь Вы можете сами ходить к Ю. Т. Циммерману (Морская, 34) и, выбирая пластинки по вкусу, слушать сколько и какие желаете, они там это очень любят. Тетя Настя, вероятно, рассказывала Вам, как она время от времени ходит туда за пластинкой в 1 рубль, а выслушивает за эту сумму целый концерт. Так она и застучала меня в магазине. Я убедился, что прелесть или отвратность граммофона зависит не только от его качества (наш безусловно хороший), но еще больше от выбора пластинок. Очень буду рад, если он Вам доставит хоть некоторое удовольствие.

Танюрочку ненаглядную благодарю за ее добрые весточки и Глебушку сладчайшего за его подробные ежедневные письма, — очень, очень, очень их благодарю, а Вас всех четырех, моих драгоценных, золотых, любимых, бесконечно целую и люблю. Господь с Вами!

Весь Ваш папа.

P. S. Представь себе, Николаша Орлов поехал к своему больному дяде в Париж и там заболел свинкой! А что ты скажешь про своего товарища Киреева? Хороший ли он или нет?

А попробовал ли ты надеть пояс, мой золотой? Ведь левая почка то все-таки несомненно подвижна, и спина у тебя побаливает от верховой езды. Если он тебе покажется слишком неудобным, можешь не носить его постоянно, но для верховой езды очень советую его надевать. Если он впору, то с ним много легче будет.

Сегодня у нас посерело и посвежело — утром у меня на балконе было 10 градусов, а теперь в пять часов дня немногим больше 9 градусов. Не имея солнца, я еще ежедневно топлю».

«Ливадия, 30 апреля 1914 года.

Юрашечка мой ненаглядный, мой дорогой, хороший мой,

Хочется попытаться продолжить тебе свое вчерашнее письмо, но, чтобы не забыть, попрошу тебя, если я этого не сделал, очень, очень, очень поблагодарить от меня добрейшую графиню Александру Илларионовну за то, что она 19-го числа все справлялась о нашем милом Бонзочке и телеграфировала тебе в Лицей. Это ужасно чутко, добро и очень меня тронуло. Она немало тебе этим помогла (я постоянно вспоминаю об этом). А как сдает экзамены Николай? Еще, чтобы не забыть; поблагодари Глебушку за его длинное, трехдневное письмо. Только что я написал Мимуле, что Глебушка примолк, как получил его письмо; точно так же, только что я стал тревожиться, что Бонзочку морят голодом, как Эльза Хр. написала, что он кушал щучьи котлетки. Нилов бы торжествовал, да и мне эти совпадения очень нравятся.

Ну теперь к “развратным” людям. В этом вопросе есть основная несправедливость, уже вкоренившаяся в нас из поколения в поколение; разные мерки к мужчинам и женщинам. Что мы себе прощаем, того не позволяем женщинам. Скажем, например, внебрачная половая жизнь; вот венчаются два хороших человека — она непременно невинна, а он слишком часто, к сожалению, нет, и далеко не всегда считает себя от этого плохим, тогда как не невинную девушку ни за что бы не взял себе в жены. До некоторой сте-

пени это понятно и объясняется физиологическим отличием полов; активная, мужская роль может исполняться без малейшего участия души и может поэтому совершенно не загрязнить ее, — женская же, пассивная, без душевной подкладки бывает реже и всегда несколько обидная, в таких условиях прямо оскорбительна. Поэтому не невинный мужчина действительно чище не невинной девушки, за некоторыми, впрочем, исключениями.

Продолжение потом, а сейчас целую Вас, моих чистых, ненаглядных, драгоценных, без конца. Да хранит Вас Бог.

Весь Ваш, бесконечно Ваш,
Любящий Вас папа».

«Ливадия, 5 мая 1914 года.

Мой милый, хороший, дорогой, золотой Юрашечка, Спасибо, спасибо тебе, мой драгоценный, за твою любовь и ласку. Ты так понял мое душевное состояние, так проникся им, что глубоко, глубоко тронул меня. Ты действительно сумел приласкать меня своим письмом, я будто ощутил твои поцелуи. Ты прав, ненаглядный мой, разлука с Вами всегда тяжелая, за время Мимулиной болезни была едва выносимой. Не быть с Вами и около нашего драгоценного раненого, не ходить за ним, не помочь ни Вам, ни ему — было пыткой. И сейчас сердце мое болью сжимается при мысли, что мне не суждено, по всей видимости, повидать его до его возвращения к занятиям и отъезда в лагерь. Конечно, это было бы дорогое удовольствие съездить отсюда дня на два в Царское, но я знаю, что Вы бы мне разрешили его. Опять повторяю: «Претерпевший до конца...»*

Не скрою от тебя, мое золотце, как я ничего от Вас не скрываю, что инцидент с французским экзаменом меня все-таки огорчил, хотя я искренне радуюсь, что тебя не так это огорчило, ибо тебе нужна бодрость духа до последнего экзамена и вера в свои силы, в возможность выполнить то, что ты себе наметил, т. е. то, что должен. Эта бодрость

* Претерпевший же до конца спасется (Мф. 10: 22).

и эта вера должны поддержать в тебе энергию, необходимую для той напряженной работы, которая требуется в экзаменационное время. В сущности оно так хорошо сравнительно с целым годом, что на него можно не жалеть сил. Обычная трудовая жизнь требует такого же напряжения не в течение двух-трех месяцев, а в течение десяти-одиннадцати, если и не всех двенадцати месяцев в году. Невольно вспоминается мне пианист Орлов, о котором я писал вчера Мимуре; какое напряжение сил должен был он развить, чтобы в течение гимназического курса, даже в седьмом классе, окончить еще консерваторию! Поэтому мне и кажется всегда, что необходимо в году заниматься, хотя это у Вас и не принято; это не может не облегчить экзаменационного времени. Не нужно ли нам будет в будущем году извлечь опять моего тезку "Le Fideau"? Хотя я совершенно удовлетворяюсь, разумеется, как уже писал тебе, переводной отметкой и совершенно понимаю, что "счастливый несчастный случай" с Бонзочкой не мог не отразиться на твоих занятиях, так что я даже поздравляю тебя с тем, как ты еще справлялся. Немножко обидна неудача именно с французским языком, которым ты владеешь, который особых трудностей все-таки не представляет и на который столько было потрачено. Боюсь, что такой экзамен может сыграть в руку г.г. Рождественским и испортить тебе репутацию. Но и это все в конце концов пустяки и преодолимо.

Больше всего на меня подействовал факт, практического значения для тебя совершенно не имеющий, это твой отказ отвечать на репетиции. Правда, судить о нем отсюда, не имея подробностей, очень трудно. Быть может, не ты один, а все вместе или целой группой решили не отвечать, быть может, ты должен был отказаться. Согласен, в репетиции после экзамена, который к тому же ее поглощает, очень трудно найти какой-нибудь здравый смысл, но раз она была назначена начальством, то не был ли отказ от нее своего рода обструкцией, и тогда — зачем она? Или может быть, хотя отметка за нее уже не считалась, выгоднее было совсем не отвечать, чем ответить плохо? Ты видишь, мой золотой, что я просто остановился в некотором недоумении

перед фактом, с которым я в своей экзаменационной практике не встречался, так что ты и прими это просто как вопрос, а отнюдь не упрек с моей стороны, мой дорогой. И вообще прости меня, что я так долго остановился на экзаменах, которыми ты и без того сыт по горло, мой бедненький.

Радуюсь, что тебе все-таки удастся иногда от них отвлекаться и что ты побывал в моем милом собрании Четвертого Стрелкового полка. Правда, как там уютно и как мило?! А если представить себе эти симпатичнейшие комнаты полными таких прелестных людей, как их радушные хозяйева, то ты легко поймешь, как меня в них иногда тянет. Ты знаешь, бильярд, на котором ты играл, во время больших ежемесячных обедов бывает сплошь уставлен закусками. Ты представляешь себе эту силу? Заметил ли ты знаменитую бабу-ягу над камином, под дланью которой так хорошо болтать с друзьями при свете камелька?!

Представляю себе, что мы с тобой присели там на низеньком диванчике, и продолжаю беседу о “развратных” и “разнузданных” людях. Надо прежде всего сговориться относительно того, кого называть этим именем. Прошлый раз я успел тебе только указать на основную разницу в оценке тождественных актов, произведенных женщиной или мужчиной. Но и эта оценка бывает совершенно различна у разных людей и даже в разных странах. В практичной Америке, например, девицам предоставлена большая свобода действий; они могут навещать мужчин, ходить, куда хотят, хоть в рестораны, — и это их не компрометирует. Зато к замужним женщинам относятся очень строго, так что Горькому пришлось уехать оттуда, так как гостиницы его не принимали с его невенчанной женой; на это посмотрели как на надругательство над браком. И, разумеется, этот взгляд гораздо правильнее нашего, который во всем стесняет девушку и все позволяет и прощает замужней женщине. В Германии в рабочем классе каждая девушка старается попасть на содержание, по крайней мере, в больших городах, а каждый молодой человек считает своей обязанностью иметь такую. Родители говорят своим дочерям: “Наслаждайся жизнью и любовью, а замуж ты всегда

успеешь выйти". И они действительно наслаждаются и любят хорошей, первой любовью, а потом выходят замуж, как на службу, и являются даже желанными невестами, так как успели скопить себе небольшие экономии. Но, разумеется, они "любят" людей обеспеченных, людей общества, а выходят замуж за равных себе. В Японии идут еще дальше; там чем больше у девицы детей, тем более она желанная невеста, ибо семья есть сила, а дети будущие работники (конечно, мальчики предпочитают). А у нас девица с ребенком называется развратной. Конечно, это далеко не всегда так; сколько между ними обманутых, сколько жертв даже не своего, а мужского темперамента! А все-таки редко, что такую не осудят, а замуж никто не возьмет. Рядом с этим мужчина, по деятельности имевший возможность наплодить целый полк, у нас называется молодцом и может быть милейшим человеком. В сущности, и те, и другие разнузданы, хотя и те, и другие могут быть милейшими людьми. Нам, мужчинам, некоторым оправданием, кроме общепринятого взгляда, являющегося большим соблазном, может еще служить атавизм, т. е. унаследованная от предков ненормально повышенная потребность. Но ведь и девушки могут быть в отца, и им может быть "целомудренность", как пишет моя корреспондентка, "давно вредна". Между тем мужчина, в силу перечисленных причин, может себя безнаказанно лечить, а девушка — нет. Вот почему я и пожалел свою разнузданную психопатку. Чтобы человечество улучшилось в этом отношении; в котором оно ниже животных, пользующихся своими способностями исключительно для продолжения своего рода, как и было предназначено природой, каждый человек должен над собой работать и стараться подчинить свою плоть себе, а не быть у нее в рабстве (как это слишком часто случается), и работа его никогда не пропадет даром; он не только уберезет свое тело и свою душу, но и передаст свои завоевания по наследству детям своим. Тем уже работа будет облегчена и, если они будут ее продолжать, они своим детям передадут еще больше сил над плотью, и так постепенно человечество будет очищаться и совершенствоваться. Не надо

«Царское Село, 16 ноября 1916 года.»

Драгоценный мой, ненаглядный, золотой мой Юрасечка,

Сегодня получил твое письмо по поводу моей первой телеграммы об Игнатъеве и лишний раз поразился, до какой степени наши души, т. е. твоя и моя, в некоторых отношениях — по-моему, в огромном большинстве их — сродны, просто даже тождественны. Все то, что ты пишешь о своих ощущениях, соображениях и колебаниях по поводу решения, которое ты принял, весь анализ своих чувств и велений разума — все это, изложенное у тебя так удивительно объективно и ясно, подробно и вместе с тем сжато, — не только совпадает с тем, что я бы, как мне представляется, чувствовал и думал на твоём месте, но совершенно тождественно с тем, что я сейчас переживаю и за себя, и за тебя, мой любимый, драгоценный друг мой. У меня также была мысль, не руководит ли мной в выборе решения соображение о твоей безопасности. Но из того, что я уже писал тебе, ты видишь, что я совсем его отбросил, даже по одному тому, что и предстоящее тебе путешествие считаю далеко не безопасным. И тут и на фронте ты, как, разумеется, и все мы, всецело в руках Божьих, и если Ему угодно сохранить тебя, то Он одинаково чудодейственно выведет тебя и из той, и из другой опасности; и в той, и в другой спасение зависит исключительно от Бога, так как ни в том, ни в другом случае человек сам ничего не может предпринять для своего спасения. Это-то и отличает их от всех где человек, спасения своего ради, может избежать того или другого, не сделать одного или наоборот сделать другое. Хотя, повторяю, результат всех его мероприятий остается все равно в Божьих руках, но сам-то он не беспомощен, не зависит так от случая, которого нельзя ни предвидеть, ни предотвратить, как в обеих твоих перспективах. Поэтому я вполне понимаю страх, который за последнее время охватил мама* именно за Ваше путешествие. Особенно нездоровье Нелли усилило его, и она стала говорить о том, что ей не следует пускаться

* Мама — мама Нелли.

Е. С. Боткин с младшим сыном Глебом и дочерью Татьяной
в Петергофе в 1914 году

забывать, что все, что отвоевано у плоти, прилагается духу, и таким путем человек становится выше, духовнее, действительно приближается к образу и подобию Божию.

Вот, мое золотце, какое сегодня Бонзочке будет развлечение, ведь Вы же обмениваетесь письмами, не правда ли, если в них нет личных секретов? Впрочем, нынешнее письмо к тебе не для маленьких пока. Со временем, если ты сохранишь его, а я не сохранюсь, чтобы повторить то же Глебушке, ему будет, может быть, интересно прочесть его.

А пока расцелуй их от меня покрепче, мой золотой, как ты умеешь, и приласкай за меня наших драгоценных маленьких. Вас же с Бонзочкой целую сам, как только могу, долго, горячо, крепко и нежно, как люблю Вас всех, моих ненаглядных, моих хороших, моих совсем особенных. Да благословит и хранит Вас Бог.

Весь Ваш папа.

P. S. У нас дождь и холод!

Сейчас получил телеграмму от Федорова: "Вчера видел твоего сына, все отлично". Как я счастлив! Поблагодари очень Э. Хр. за ее открытки; она всегда скажет какую-нибудь интересную подробность, а иногда ее открытка бывает единственной вестью».

в путь, имея такую болезнь почек. Я же стараюсь успокоить Наталью Феодоровну, доказывая, что это не болезнь, а инцидент, составляющий такую незначительную величину в сравнении с важностью и серьезностью основного вопроса — ехать ли на фронт или к Игнатьеву, — что он ни в коем случае не должен влиять на его решение. А ты был совершенно прав, мой ненаглядный, и в диагнозе, и в лечении этого инцидента бедной Нелли, который является характерной и, слава Богу, еще не очень сильной почечной коликой, вызываемой прохождением почечного песка. Кроме болей, она всегда дает и частые позывы на маленькие дела, и то жжение при этом, о котором ты писал, и большую нервность, даже и тогда, когда жжение пройдет или до него вовсе не дойдет. Я так уверен, что это колика, что прилагаю при сем (рецепт для равновесия вложен в Танюшино письмо) даже рецепт микстуры на случай, если бы, не дай Бог, боли у Нелли повторились; тогда ее нужно было бы принимать три раза в день по одной столовой ложке (утром, днем и вечером, вне еды) в полустакане той самой Ижевской воды, которую ты так правильно назначил. Не прав ли был, утверждая, что из тебя вышел бы прекрасный врач?! Мама в восторге от тебя и совершенно права. Она сама такая удивительно хорошая и так добра, что мы все сообща обсуждаем Ваши письма и Ваши события. Она хочет, чтобы по возвращении Нелли ее, как можно скорее, посмотрел какой-нибудь хороший специалист, акушер-гинеколог. Я рекомендую Рутковского, если Вы ничего не будете иметь против, или, если он еще будет нездоров, Парышева. Если потребуется непременно специалист с профессорским клеймом, то из более молодых есть Попов, а постарше — Редлих, который приезжал ко мне после моего тифа вместе с Рейнем, — наконец, сам Отт. Когда приедете, тогда сами и решите, и любой из них с удовольствием приедет без промедления, так что запасаться сейчас чьим-либо согласием надобности, конечно, нет.

Сегодня я послал тебе вторую телеграмму, касающуюся твоей командировки, внушенную моей вчерашней дружеской беседой со Скалоном. Она должна прийти раньше

моего последнего письма к тебе с известием о его запрещении тебе прикомандировываться, так что оно уже не должно волновать тебя. Телеграмма эта гласит приблизительно следующее: “Теперь командир окончательно согласен, приказание получишь из Ставки, куда тебя вызовут для дальнейших распоряжений. Форме не ходатайствуй, подробности напишу. Крепко целуем”. Теперь следуют подробности, которые Скалон настойчиво просил меня тебе изложить, чтобы ты никак не подумал, что у него или в полку есть что-то против тебя. Он напротив относится к тебе с прежним добрым расположением, никак не хотел мешать твоей командировке и вполне понимает, что при твоём здоровье тебе невозможно служить в полку, где в конце концов, хоть в батальоне, но строем заниматься пришлось бы. Дело, оказывается, в том, что офицерами твоего полка было постановлено, чтобы во время войны никто из них ни при каком штабе и нигде в прикомандировании не состоял, чтобы офицеры, носящие Вашу форму, были только в полку или в отделении его — в батальоне. Поэтому и Митю Зиновьева он взял от Безобразова. Вот почему и требование, предъявленное к тебе о снятии формы, не есть что-либо лично направленное против тебя, — и Скалон очень настаивал на этом, — а лишь выполнение постановления суда г.г. офицеров. По-видимому, ему показалось, что я через Ставку произвожу на него давление именно в том направлении, чтобы ты сохранил форму. Хотя он говорил со мной вполне откровенно, в этих подозрениях он мне не признался, и я только догадываюсь о них, но давление со стороны Ставки он почувствовал, потому что оттуда о тебе были три телеграммы: первая с вопросом о согласии полка, на что он ответил положительно, но с условием снятия формы; вторая ему же: “Будет ли командирован поручик Боткин?” По собственному его признанию, она “накалила” его, и он ответил: “Нет, не согласен”. Этот-то ответ, сообщенный мне графом перед отъездом, так и смутил меня, о чем я тебе подробно писал. Быть может, между первой и второй телеграммами была еще одна, почти наверное так, потому что на какую-то он ответил, что ты в запасном батальоне

и в настоящее время в Евпатории в отпуску по болезни, и наконец была третья (или, значит, четвертая), уже начальнику дивизии, тоже с вопросом о согласии на твое прикомандирование к Ставке. Начальник дивизии (это не Тома?) посоветовался со Скалоном и ответил так же, как тот на первую телеграмму, т. е. согласием с условием снятия формы, другими словами — выхода из полка. Естественно, что у Скалона могло составить представление, что кто-то в Ставке напоминает и пристаёт, и еще более естественно, что он заподозрил в этом меня (очевидно, он думал, что я сам в Ставке; а кто-то там торопит); так как согласие свое он дай с самого начала, то, очевидно, он заподозрил, что я хочу “и невинность соблюсти, и капитал приобрести”, т. е. прикомандировать тебя к Ставке и сохранить в полку, вопреки его постановлению. Всему указание на это и в том, что он о таком маловажном событии, как командировка поручика Боткина, говорил с Дрентельном, а тот рассказал Вете, подчеркнув, что ты в таком случае должен будешь выйти из полка, и в том, что в разговоре со мной, начатом им как бы в несколько боевом, т. е. готовом на бой настроении, он с самого начала — раньше, чем я успел просить о сохранении формы, — остановился именно на этом вопросе, рассказывал то, что я уже изложил тебе, и дал понять, что, уходя из полка без просьбы о сохранении формы, ты сохраняешь хорошие отношения с полком, а пытаешься сохранить и полк, и командировку, ты бы их испортил; так как шел бы против постановления полка, ничего при этом не добившись, “так как Государь считается с традициями полков, и его ходатайство (т. е. твое ходатайство) направил бы к нему же”, к командиру полка. Видишь, какое у них, т. е. у Скалона, офицеров и, по всей вероятности, у Дрентельна, составилось представление о моих “происках”! “Да что Вы, Михаил Николаевич, — ответил я ему, — неужели Вы думаете, что сын мой стал бы ходатайствовать о сохранении формы полка непосредственно перед Его Величеством? Ведь, разумеется, он бы с этим ходатайством к Вам бы обратился, а если он сделает это, то потому, что я, со слов графа Игнатьева, писал ему, что условие о снятии формы, как

граф Игнатьев выразился, трафаретное и что просьба о сохранении ее будет, по всей вероятности, уважена. Теперь же я, уважая полковые традиции вообще, а тем более такого близкого и дорогого мне полка, и в частности, даже вполне понимая и ценя желание его, чтобы форма его во время войны не пестрела в штабах, не только напишу сыну, чтобы он не ходатайствовал о сохранении ее, но даже прошу Вас, если письмо или телеграмма к нему об этом опоздают и его ходатайство успеет прийти к Вам, разорвите его и считайте, как будто Вы его и не получали, так как это я его по неведению своему подтолкнул на это и знаю, что сын мой ни за что не желал бы поступить как-нибудь против желания полка". Говорил я все это, разумеется, совершенно искренно и с глубоким убеждением, притом — нарочно это подчеркиваю — раньше, чем Скалон сказал мне, что, настаивая на сохранении формы при командировке, ты бы испортил свои отношения с полком, — так что не под угрозой, да и слова его не носили характера угрозы. Михаил Николаевич обещал мне так и поступить с твоим прошением, если бы оно пришло к нему, как с не существовавшим, и, видимо, удовлетворенный таким единодушным с ним — притом очевидно против ожидания — отношением к главному вопросу, он стал так особенно настойчиво и, скажу, сердечно доказывать и убеждать меня, что в снятии формы при таких обстоятельствах нет решительно ничего обидного, что она вообще не всеми же бывшими офицерами сохраняется (в качестве примера он упомянул о Вейссе, который получит полк и тоже переменит форму); главное сохранить хорошие отношения с полком, которые при тебе и остаются. Он рассказывал, как Веретенников хотел устроиться во французскую армию и тоже должен был выйти из полка, и т. д., и т. д. Между прочим, мы с тобой повторили, но совершенно невольно, ошибку Веретенникова, которую он назвал "некорректным поступком". Веретенников начал хлопотать о переводе, не спросив предварительно его. Запрос о тебе из Ставки тоже, говорит Михаил Николаевич, упал на него, "как снег на голову". Тогда я подробно рассказал ему, как было дело, как неожиданно оно

зародилось накануне твоего отъезда, за день до моего отъезда и за несколько дней только до отъезда Игнатьева в Ставку, как быстро все это загорелось, требовало срочного принципиального ответа, как под влиянием твоей инвалидности я уговаривал тебя принять предложение графа, считая его посланным свыше, и как ты был лишен всякой физической возможности не только лично или письменно, даже по телеграфу, спросить его мнения или совета, и что нам не пришло в голову и после оповестить его, так как мы до такой степени сами не верили, что из всех этих неожиданных, спешных переговоров что-нибудь выйдет, готовые считать все это просто случайным “вагонным разговором”. “Если бы Вы были здесь, — сказал я Михаилу Николаевичу, — я бы, разумеется, сам к Вам поехал за советом, так как, повторяю, сам не знаю, что для моего сына лучше. Знаю только одно, что на первых же месяцах войны он так подорвал свое здоровье, что для военной службы он больше не годится”. Скалон все терпеливо выслушал, признал, что у нас действительно не было возможности его спросить, что несколько не сердится на тебя за это и вообще мелочным самолюбием не страдает, наконец, что он считает правильным принять эту командировку ввиду твоей болезненности и невозможности служить в строю. Под конец я спросил его, чего же можно ожидать из всей этой истории с твоей командировкой, что я до сих пор ничего не предпринимал и думаю и дальше ничего не предпринимать. Скалон сказал, что, по его мнению, тебя перечислят по гвардейской пехоте и затем вызовут, вероятно, в Ставку. Потом, подумав, прибавил: “Даже наверняка так и будет”, — как будто он решил даже этому поспособствовать, устранив, может быть, бывшие противоречия. Мы дружески простились с ним, расцеловались. Дома я вспомнил свой разговор с Воейковым, бывший дня за два перед тем (он приезжал в Царское), когда он вдруг спросил меня: “Ну что же, сын Ваш едет в И.?” Я рассказал ему, в каком положении было дело перед отъездом Игнатьева и после отъезда Скалона, несмотря на предварительное согласие. “Он злой, — сказал Воейков. — Ну молодой человек сделал

ошибку, не предупредил его; но нельзя же портить ему за это — выходить из полка из-за такой командировки”. Я вспомнил это и счел долгом объяснить ему, что это не так, почему и тотчас написал ему о своем разговоре со Скалоном, объяснив, почему тебе придется выйти из полка и каким образом были получены противоречивые телеграммы, прося его при случае и другим объяснить, в чем дело, а если он случайно узнает, в каком положении твое дело, то известить меня.

Вот, родной мой, пока вся наша с тобой эпопея. Снова надо ждать, как Богу угодно будет все повернуть и устроить. Пока не заказываю тебе полушубка, но и не заказал еще погон гвардейской пехоты. Мы ничего не предпринимали. Он сам позаботился о нас, и, если это к благу твоему, Бог и доведет все до конца. А не выйдет из этого ничего — значит, так и лучше. Он хранит тебя, моего золотого, ненаглядного мальчика, и да хранит Он Вас и впредь, мои драгоценные детки, и да благословит Вас, моих любимых.

А я целую Вас, моих хороших, бесконечно дорогих, и люблю крепко, крепко, крепко.

Весь Ваш папуля.

Вчера мамá показывала мне письма Нелли и удивилась, что я в первый раз видел ее почерк, что она ни разу не написала мне. Милая моя Нелли, не смущайся, если мамá что-нибудь тебе напишет об этом, и не принуждай себя писать мне. Ведь Юраша пишет мне и за Вас, и от Вас обоих. Я так это чувствую, понимаю и принимаю, а ты береги себя, моя родная; и не принуждай себя. Знаю, что если Юрочке когда-нибудь некогда будет писать мне, ты будешь писать за него. Ведь правда, дорогая?»

«Ц.С., 16 апреля 1917 года.

...Между 9 1/2 и 10 ч. я пью кофе, продолжительность которого зависит от того, пью ли я его один или в обществе; затем я делаю свой обход больных, тоже разной продолжительности, и иногда успеваю утром пописать, а иногда и нет, если есть, например, обедня, как сегодня, или кто-нибудь

к нам зайдет из товарищей по заключению, или мы пройдем с кн. Долгоруковым пробовать пищу прислуги. К словам “к нам” следует прибавить: “Или к кому-нибудь из нас”, — подразумеваемая под “нами” медико-педагогический триумvirат: Mr. Gilliard, Вл. Н. Деревенко и меня. Отсутствие у меня собственной комнаты с водворением меня в кабинете Mr. Gilliard заставляет меня приспособляться к его образу жизни.

...Среди дня, между 3 и 4, я опять навещаю стационарных больных, чтобы справиться с дневной температурой и, если нужно, предпринять те или другие мероприятия. Между 4 и 5 ч. я часто приглашаюсь на какую-нибудь игру с Ал. Н-чем, преимущественно, если он в постели, сопровождаемую чаепитием. В 5 часов иногда в шестом, я бегу вниз, в дежурную комнату, заказать по телефону лекарства, которых ежедневно накапливается несколько, иногда до 20 и больше. В 6 часов мы уже обедаем с Ал. Н., и после обеда я усаживаюсь в свое кресло (писать неудобно и не приходится) и углубляюсь в газеты.

...С сегодняшнего числа (я продолжаю 17-го) во всем укладе нашей жизни произошла существенная перемена. Т. к. Ал. Н. снова, слава Богу, на ногах, и ему нужно учиться, а преподавателям вход к нам закрыт, то мы все распределили его предметы между собой, кто во что горазд. Мне достался русский язык в размере четырех часов в неделю».

«Тобольск, 24 декабря 1917 года.

Думаю, что этот листик не отяготит письма, а мне хочется в Сочельник написать тебе хоть несколько строк, мой драгоценнейший друг, мой ненаглядненький, мой милый, дорогой мальчик. Сегодня вечером я был на елке в доме № 1, где все женские руки семьи приготовили всем по несколько подарков и все вместе, своею бодростью и приветливостью, сумели всем окружающим устроить настоящий праздник... Деткам я ничего не мог сделать праздничного, но все же и им достались подарки и угощения, которыми побаловали меня к празднику некоторые добрые мои пациенты-тоболяки. Все люблю твоими ломбрикенами,

мой золотой, особенно вторым: они пришпилены как раз против моего кресла, на противоположной стороне, и над этажеркой с книгами, к которой тем чаще приходится подходить, что рядом висят мои кителя. Скоро, кажется, они отойдут в историю, т. к., когда стрелкам будет приказано снять погоны и они это выполняют, я, по всей вероятности, окончательно перейду на штатское платье, что очень советую тебе сделать безотлагательно. Вряд ли тебя теперь будут удерживать на службе, т. к. теперь офицеров равняют с солдатами и даже не избранных в ротные, батальонные и другие командиры прямо разжаловывают в солдаты, то, естественно, теперь должны к офицерам применять правила, существующие для солдат, а по ним, как ты помнишь, ты уже давно подлежишь чистой отставке. Очень рассчитываю, что так и будет решено в марте, а до того ведь действия комиссий приостановлены. Сегодня имел душевную беседу с Глебушкой, спросив его, не считает ли он за мной какого преступления, что так ко мне относится, и просил его откровенно мне сказать, в чем он меня обвиняет, т. к., хотя я (...), но все-таки, может быть, в состоянии буду дать ему удовлетворительные объяснения. Он сказал мне, что я ошибаюсь, будто он меня не любит, но что просто у него вид такой от мрачности настроения, которым все страдают. На что я ему заметил, что именно потому, что все одинаково страдают, все стараются друг друга поддерживать, стали добрее и снисходительнее друг к другу. С тех пор Глебушка со мной опять ужасно мил и нежен. Вопрос мой был не дипломатический, а от искренно встревоженной обиженной души, и ответ Глебушки меня вполне успокоил. Спите Вы покойно, мои ненаглядные, драгоценные, да хранит и благословит Вас Бог, а я целую и ласкаю Вас бесконечно, как люблю.

Ваш папа.

Целую тебя и люблю, мой ангел-утешитель, целую и люблю».

«Тобольск, 2/15 мая 1918 года.

...Со вчерашнего дня погода резко повернула у нас на тепло, кусок неба, видный из моего, еще не замазанного

известкой, окна, — ровного серо-голубого цвета, указывающего на безоблачность, но от всех ласк природы нам немного суждено видеть, т. к. нам разрешен лишь один час в день прогулки в один или в два приема...

...Сегодня я обновляю свою почтовую бумагу, которую мне вчера любезно доставили, и пишу своим новым пером и своими чернилами, которые обновил уже вчера в письме к деткам. Все это очень кстати поспело, т. к. завладевая чужим пером и чернильницей, я постоянно кому-нибудь мешал ими пользоваться, а бумагу, серенькую, уложенную мне Танюшей, я уже давно извел и писал на кусках писчей; извел и все маленькие серенькие конвертики, кроме одного.

...Ну вот и погуляли ровно час. Погода оказалась очень приятной — лучше, чем можно было предполагать за замазанными стеклами. Мне нравится это нововведение: я не вижу больше перед собой деревянную стену, а сижу, как в благоустроенной зимней квартире; знаешь, когда мебель в чехлах, как и у нас сейчас, — а окна белые. Правда, света, разумеется, значительно меньше, и он получается таким рассеянным, что слабым глазам больно, но ведь дело идет к лету, которое бывает здесь, может быть, очень солнечным, а мы, петроградцы, солнцем не избалованы».

«Екатеринбург, 25 апреля (8 мая) 1918 года»*

...Особенно после пребывания на воздухе, в садике, где я большую часть времени сижу. Да и время-то это пока, вследствие холодной и неприятной погоды, было весьма непродолжительным: только в первый раз, когда нас

* Два последние письма всей подборки от 25 апреля (8 мая) и от 26 апреля (10 мая) 1918 года опубликованы в издании: Кадетская Перекличка. Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом. Нью-Йорк, США, XXXIV год, № 75. Нью-Йорк, 2004. 118–119. Нет точных сведений, что эти два письма и последнее от 2/15 мая (№ 74 КП, 2003) действительно адресованы сыну Юрию. В них нет обращения; создается впечатление, что тексты отрывочны, может быть, это всего лишь части посланий. Однако то, что эти документы пришли из семьи Йорданов вместе с другими письмами, дает возможность предположить, что они отправлены именно Юрию.

выпустили, да вчера мы гуляли по 55 минут, а то 30, 20 и даже 15. Ведь третьего дня у нас было еще 5 градусов мороза, а сегодня утром еще шел снег; сейчас, впрочем, уже выше 4 градусов тепла».

«Екатеринбург, 26 апреля (10 мая) 1918 года.*

...Пока мы по-прежнему в нашем временном, как нам было сказано, помещении, о чем я несколько не жалею, как потому что оно вполне хорошо, так и потому, что в “постоянном” без остальной семьи и их сопровождающих было бы, вероятно, очень пусто, если оно, как надо надеяться, хотя бы тех же размеров, что был дом в Тобольске. Правда, садик здесь очень мал, но пока погода не заставляла особенно об этом жалеть. Впрочем, должен оговориться, что это чисто личное мое мнение, т. к. при нашей общей покорности судьбе и людям, которым она нас вручила, мы даже не задаемся вопросом о том, “что день грядущий нам готовит”, ибо знаем, что “довлеет дневи злоба его”**... и мечтаем только о том, чтобы эта самодовлеющая злоба дня не была бы действительно зла.

...А новых людей нам уж немало пришлось перевидать здесь: и коменданты меняются, точнее, подменяются часто, и комиссия какая-то заходила осматривать наше помещение, и о деньгах приходили нас допрашивать, с предложением избыток (которого, кстати сказать, у меня, как водится, и не оказалось) передать на хранение и т. п. Словом, хлопот мы причиняем им массу, но, право же, мы никому не навязывались и никуда не напрашивались. Хотел было прибавить, что и ни о чем не просим, но вспомнил, что это было бы неверно, т. к. мы постоянно принуждены беспокоить наших бедных комендантов и о чем-нибудь просить: то денатурированный спирт вышел и не на чем согреть пищу или варить рис для вегетарианцев, то кипяток просим, то водопровод закупорился, то белье нужно отдать в стирку, то газеты получить и т. д. и т. п. Просто совестно, но иначе ведь невозможно, и вот почему особенно

* Вероятно, описка или опечатка. Следует читать: «26 апреля (9 мая)».

** Мф. 6: 34.

дорога и утешительна всякая добрая улыбка. Вот и сейчас ходил просить разрешение погулять немного и утром: хотя и свежевато, но солнце светит приветливо, и в первый раз сделана попытка погулять утром... И она была так же приветливо разрешена.

...Кончаю карандашом, т. к. вследствие праздников не мог еще получить ни отдельного пера, ни чернил, и я все пользуюсь чужими, да и то больше всех*.

* Этот документ замыкает подборку из 17 писем, опубликованных в 74-м номере «Кадетской Переключки». Место отправления корреспонденции обозначено: «Тобольск, 2/15 мая 1918 года». Однако 2/15 мая Царская Семья со слугами, в числе которых был Е. С. Боткин, уже 16 дней как находилась в Екатеринбурге, куда их доставили 17/30 апреля в 4 часа утра. К моменту отправления данного послания Боткин уже написал две весточки от 25 и 26 апреля ст. ст., четко обозначив свой адрес: Екатеринбург. Поэтому начало письма следует понимать так: «Екатеринбург, 2/15 мая 1918 года».

ПИСЬМО

Председателю Екатеринбургского областного исполнительного комитета

«24 мая 1918 года.

В областной исполнительный комитет

Господину Председателю

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении областного Исполнительного комитета, вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих угасающих сил тоже не хватает. Состоящий при больном Клим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей, сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену и в помощь ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель его г-н Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений отвлекают в течение дня

больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г-н Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г.г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их — в крайности же — хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же.

Ев. Боткин»*.

* ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1, д. 6, л. 1.

ПИСЬМО БРАТУ А. С. БОТКИНУ

«г. Екатеринбург, 26 июня (9 июля) 1918 г.

Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, — по крайней мере, отсюда, — хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, — мое добровольное заключение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, — как хочешь: последствия почти тождественны*, т. к. и то, и другое положение имеет свои отрицательные и свои положительные стороны. Если б я был фактически, так сказать — анатомически, мертв, я бы, по вере своей, знал бы, что делают мои детки, был бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас. Пока я мертв только граждански, — у детей моих может быть еще надежда, что мы с ними еще свидимся когда-нибудь и в этой жизни, а у меня, кроме того, что мне еще удастся быть им чем-нибудь полезным, но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так что мне даже противно иной раз увидеть случайно себя в зеркало. Утешаю себя только тем, что, раз мне легче было бы

* Так у Боткина. Вероятно — тождественны.

быть анатомически мертвым, то, значит, детям моим лучше, что я еще жив, т. к., когда я с ними в разлуке, мне всегда кажется, что, чем мне хуже, тем им лучше. А почему я считаю, что мне было бы легче быть мертвым, — поясню тебе маленькими эпизодами, иллюстрирующими мое душевное состояние. На днях, т. е. третьего дня, когда я спокойно читал Салтыкова-Щедрина, которым зачитываюсь с наслаждением, я вдруг увидел в уменьшенном размере, как будто очень издалека, лицо моего сына Юрия, но мертвое, в горизонтальном положении, с закрытыми глазами... Последнее письмо от него было от 22-го марта ст. ст. и с тех пор почтовые сношения с Кавказом, и раньше испытывавшие большие затруднения, вероятно, вовсе приостановились, т. к. ни здесь, ни в Тобольске мы ничего от Юры не получали. Не подумай, что я галлюционирую, подобные видения бывали у меня и раньше, но ты легко себе представишь, каково мне переживать именно такое* и при настоящих условиях, в общем вполне благоприятных, но при невозможности не только поехать к Юре, но даже что-либо о нем узнать. Затем, вчера еще, за тем же чтением я услышал вдруг какое-то слово, которое прозвучало для меня, как "папуля", притом произнесенное, будто, Танюшеным голосом, и я чуть не разрыдался. Опять-таки это не галлюцинация, потому что слово было произнесено, голос был похож, и я ни секунды не думал, что это говорит моя дочь, которая должна быть в Тобольске: ее последняя открытка была от 23-го мая — 5-го июня и, конечно, это были бы слезы, чисто эгоистические, о себе, что я не могу слышать и, вероятно, никогда не услышу этот милый мне голосок и эту дорогую мне ласку, которой детишки так избаловали меня. Точно также ужас и горе, охватывающие меня при описанном мной видении, также чисто эгоистические, т. к. если действительно мой сын умер, то он счастлив, а если жив, то неизвестно, какие испытания ему приходится или еще придется переживать. Ты видишь, дорогой мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, которые

* Здесь и далее выделено Е. С. Боткиным.

я тебе только что описал, и бодр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет... Меня поддерживает убеждение, что "претерпевший до конца, тот и спасется"^{*}, и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года.

Когда мы еще не были выпуском, а только курсом, но уже дружным, исповедовавшим и развивавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большею частью не рассматривали их с религиозной точки зрения, да и не знаю, много ли среди нас и было религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и нам, у кого, вероятно, сознательно, и у кого и бессознательно, — как, в частности, это было у меня, т. к. это была пора не то чтобы форменного атеизма, а полного в этом смысле индифферентизма, — так близко подходит к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть многих из нас, стало совсем естественным переходом. Вообще, если "вера без дела мертва есть"^{**}, то "дела" без веры могут существовать и, если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжкого испытания — потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, — оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о "Курсовом", но "Господнем". Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что, так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. Но т. к. я не знаю, в чем положит Он их спасение и могу узнать об этом только с того света, то мои эгоистические страдания, которые я тебе описал, от этого, разумеется, по слабости моей человеческой,

* И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется (Мф. 10: 22).

** Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? (Иак. 2: 20).

не теряют своей мучительной остроты. Но Иов больше терпел, и мой покойный Митя мне всегда о нем напоминал, когда боялся, что я, лишившись их, своих деток, могу не выдержать. Нет, видимо, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать. В твоём письме, за которое я ещё раз горячо благодарю тебя (в первый раз я старался выразить это в нескольких строках на отрывном купоне; надеюсь, что ты вовремя получил его к празднику, а также мою физиономию — к другому?), ты с драгоценным для меня доверием поинтересовался моей деятельностью в Тобольске. Что же? Положа руку на сердце, могу тебе признаться, что там я всячески старался заботиться “о Господнем, како угодити Господу” и, следовательно, по курсовому, “како не посрамити выпуска 1889-го года”.

И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохраню это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал изо всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян. Собственно говоря, Тобольск только в центре своём, правда, обширном, представляет собой город, очень, кстати, живописно расположенный, богатый старинными церквями, богоугодными и учебными заведениями, к периферии же он постепенно и незаметно переходит в настоящую деревню. Это обстоятельство наряду с благородной простотой и чувством собственного достоинства сибиряков придает, по моему, всем отношениям жителей между собой и не приезжим тот характер непосредственности, безыскусственности и доброжелательства, который мы с тобой всегда так ценили и который создает потребную нашим душам атмосферу. К тому же в городе так быстро распространяются всякие вести, что первые же счастливые случаи, в которых Бог помог мне оказаться полезным, вызвали такое доверие ко мне, что желающих получить мой совет росло с каждым днем вплоть до внезапного и неожиданного моего отъезда. Обращались все больше хронические больные,

уже лечившиеся и перелечившиеся, иногда, конечно, и совсем безнадежные. Это давало мне возможность вести им запись, и время мое было расписано за неделю и за две вперед по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях, восьми больных в день я не в состоянии был навесить: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать. К кому только меня не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользоваться клеptomана и с истинной радостью вспоминаю, что этот бедный парень, взятый по моему совету своими родителями (они крестьяне) на поруки, вел себя все остальное время моего пребывания прилично... Я никому не отказывал, если только просившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалась немедленная помощь, так как, с одной стороны, время мое уже было обещано вперед другим, а, с другой, я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска, который очень ими счастлив и в количественном, а главное, в качественном отношении. Все это очень знающие и опытные люди, прекрасные товарищи и настолько отзывчивые, что публика Тобольска привыкла присылать прямо лошадь или извозчика к доктору и тотчас же его получить. Тем более ценно и ее терпение относительно меня, который не в состоянии был исполнять такого рода требования, а, напротив, вынужден бывал заставлять их подолгу ждать. Правда, так как скоро стало известно, что я никому не отказываю и слово свято держу, больные могли ожидать меня со спокойной душой. Если же болезнь не позволяла ждать, то больные или обращались к местным врачам, что меня всегда радовало, или к доктору Деревенко, который тоже пользовался большим доверием, или отправлялись в больницу; таким образом случалось, что, приехав в заранее назначенный мною день и час, я уже не заставал болящих, но это только всегда бывало на руку, так как большею частью программу

приходилось составлять столь обширную, что я не всегда мог ее выполнить, образовывались иногда долги, которые я выплачивал, когда кого-нибудь не заставал. Принимать в том доме, где я помещался, было неудобно, да и негде, но все же от 3 до 4½—5 я всегда бывал дома для наших солдат, которых исследовал в своей спальне, комнате проходной, но т. к. через нее проходили лишь свои же, то это их не стесняло. В эти же часы ко мне приходили мои городские больные — либо для повторения рецепта, либо для записи. Приходилось делать исключение для крестьян, приезжавших ко мне из деревни за десятки и даже сотни верст (в Сибири с расстояниями не считаются) и спешившими обратно домой. Их я вынужден был исследовать в маленькой комнатке перед ванной, бывшей несколько в стороне, причем диваном мне служил большой сундук. Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного, и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги. Кто из них мог переночевать, того я на следующее утро пораньше навещал на постоялом дворе. Они постоянно пытались платить, но т. к. я, следуя нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, т. к. в иные периоды я бы не в состоянии был и навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интересах я широко пользовался другим местным обычаем и просил тех, у кого есть, присылать за мной лошадь. Таким образом улицы Тобольска видели меня едущим и в широких архиерейских санях, и на прекрасных купеческих рысаках, но еще чаще потонувшим в сене на самых обыкновенных розвальнях. Столь же разнообразны были и мои друзья, что, может быть, и не всем нравилось, да мне-то до этого никакого не было дела. К чести Тобольска должен,

впрочем, оговориться, что прямых указаний на это никаких не было, да и косвенных было всего одно, к тому же оно и не бесспорно. Приехал как-то вечером ко мне муж одной из моих пациенток с просьбой безотлагательно навестить ее, т. к. у нее сильные боли (в животе). По счастью, я мог исполнить его желание, правда, за счет другой больной, но которой я не обозначил своего посещения, и поехал с ним на дом на извозчике, с которым он ко мне приехал. Дорогой он начинает ворчать на извозчика, что он не туда едет, на что тот ему резонно от...»*

* * *

Последнее письмо Е. С. Боткина оборвано на полуслове. Оно не было отправлено. Спустя несколько десятилетий после развала коммунизма и падения «железного занавеса» письмо прочел прямой потомок Евгения Сергеевича, его внук Константин Константинович Мельник-Боткин. После этого в России в 2008 году в издательстве «Русский хронограф» вышла в свет книга «С Царем и за Царя» под его редакцией. Теперь при участии его дочерей и его самого выходит книга Татьяны Боткиной об отце, лейб-медике последнего Русского Царя.

* ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1, д. 212, л. 1-4.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза Нелли (Елена) — дочь контр-адмирала Алексея Михайловича Абазы (1858–1915) и жена Юрия Евгеньевича Боткина. Семья Абазов владела имением «Межеритенка» в Подольской губернии.

Александр Петрович (1844–1932) — Принц Ольденбургский, генерал-адъютант свиты Императора Николая II, генерал от инфантерии. Член Государственного Совета. Сенатор. Окончил 1-й Кадетский корпус. Командир лейб-гвардии Преображенского полка. Главнo-начальствующий санитарной и эвакуационной частью во время Первой мировой войны. Эмигрировал во Францию.

Александра Федоровна (1872–1918), урожденная Принцесса Гессенская — последняя Императрица России (с 1894 г.). Убита вместе с Семейей большевиками в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислена к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Алексей Александрович (1850–1908, Париж) — Великий Князь, четвертый сын Императора Александра II; генерал-адъютант, генерал-адмирал; главный Начальник флота и морского ведомства (1880–1905), член Государственного Совета.

Алексей Николаевич (1904–1918) — Великий Князь, единственный сын Императора Николая II Александровича, Наследник Русского Престола. Убит вместе со своими близкими в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислен к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Анастасия Николаевна (1901–1918) — Великая Княжна, четвертая дочь Императора Николая II. Убита вместе со своими близкими в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислена к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Андрес Виктор Юльевич — врач. Служил в Главном управлении врачебной инспекции. Е. С. Боткин был знаком с ним со времени Русско-японской войны.

Бадмаев Жамсаран (в православном крещении **Петр Александрович**; 1849–1920, Петроград) — действительный статский советник. Родился в бурятской семье в Восточной Сибири. Практиковал тибетскую медицину.

Безобразов Владимир Михайлович (1857 – 1932, Ницца) — генерал-адъютант, командующий Русской Его Императорского Величества гвардией в 1914–1917 гг.

Безобразов Георгий Владимирович (1899–1933, Бельгийское Конго, Африка) — сын Безобразова В. М., учился в Императорском Пажемском корпусе.

Безобразов Михаил Владимирович (1895–1957, Брюссель) — сын Безобразова В. М.

Безобразова Надежда Владимировна (1871–1944, Ницца) — урожденная графиня Стейнбок-Фермор, супруга М. В. Безобразова.

Бенкендорф Александр Константинович (1849–1916) — Граф, гофмейстер, посланник в Копенгагене (1897–1902), чрезвычайный и полномочный посол в Англии (1903–1916).

Блерио Луи (1872–1936) — французский авиатор. Впервые в истории авиации удачно перелетел через Ла-Манш (шириной более 30 км), что вызвало громадный интерес и обсуждение в прессе во всех странах, в том числе в Англии, которая поняла, что ее уединенное островное положение в любой момент теперь может быть нарушено.

Боткин Александр Сергеевич (1866 – 13.03.1936, Сан-Ремо, Италия) — морской врач, капитан 2-го ранга (позднее капитан 1-го ранга), сын С. П. Боткина и брат Е. С. Боткина. Окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию с занесением его имени на мраморную доску. После окончания Академии служил на флоте. Член Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Участник гидрографических экспедиций Б. А. Вилькицкого в Обской губе и Енисейском заливе в 1894–1896 гг. Около трех лет провел в Северной Америке. Не один раз обошел вокруг света. Создал проект подводной лодки. Впервые за всю историю флота был удостоен чести при жизни быть увековеченным в названии корабля (см. об этом: Манвелов Н. В. «Обычаи и традиции Русского флота». М, 2008. 379 с. ил.). Медицину не оставял. Диагноз ставил исключительно верно, унаследовал этот дар от своего отца.

Боткин Виктор Сергеевич (1872–?) — младший сын С. П. Боткина и брат Е. С. Боткина. В 1914 г. был кавалерийским полковником, командиром Приморского драгунского полка. В 1918 г. служил в Британской миссии во Владивостоке. Ушел в Китай с Белой Армией. Умер предположительно в Харбине. Более точные биографические сведения отсутствуют.

Боткин Глеб Евгеньевич (1900–1969, Шарлотсвилл, США) — младший сын Е. С. Боткина. В эмиграции жил в Японии и Америке.

Боткин Дмитрий Евгеньевич (1894 – 3.12.1914) — старший сын Е. С. Боткина, хорунжий лейб-гвардии Казачьего полка. Погиб в Первую мировую войну в разведке, когда казачий разъезд столкнулся с превосходящими силами немцев. Прикрывая товарищей, последним уходил от преследования и был тяжело ранен. Со слов немецкого пленного офицера известно: «Лейтенант Левенбергер фон Шенгольц закричал офицеру (Дмитрию — прим. составителя): “Бросьте револьвер! Сдавайтесь!” На это ваш офицер ответил: “Сдаваться не буду”. Поднял револьвер и пошел навстречу цепи. Выстрелил — промахнулся, потом вторым выстрелом он убил

лейтенанта Шенгольца, после чего стал стрелять по цепи, но сам был убит следующими нашими выстрелами». Из письма П. Орлова А. Мосолову 13.XII.1914 (ГАРФ. Ф. 740, оп. 1, ед. хр. 26, л. 9–10).

Боткин Дмитрий Петрович (1829–1889) — коллекционер, председатель Московского Общества любителей художеств. Воскресные обеды, которые он устраивал, славились на всю Москву и собирали многочисленное общество. Воспитывался старшим братом Василием. Большое влияние оказал на младшего брата Михаила, впоследствии художника, академика Петербургской Академии художеств, коллекционера. Коллекцию составляли полотна выдающихся русских и зарубежных художников. Украшением собрания был вариант картины А. Иванова «Явление Христа народу» и картина В. Перова «Учитель рисования». Собрание Д. П. Боткина унаследовано его сыновьями Сергеем (увез свою долю в Париж) и Петром. С 1862 г. семья жила в Москве в большом особняке на Петровке, против церкви Воскресения в Барашихах. Там останавливался Е. С. Боткин с дочерью Татьяной во время приезда в Москву на торжества, посвященные 300-летию Дома Романовых.

Боткин Евгений Сергеевич (27 мая/9 июня 1865, Царское Село — в ночь с 16 на 17 июля 1918 года) — третий сын С. П. Боткина. Действительный статский советник. До поступления (1878) в 5-й класс 2-й Петербургской гимназии получил домашнее образование. По окончании гимназии (1883) поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет, повторив в этом путь своего отца, мечтавшего в юности стать математиком. После года учебы продолжил обучение в Императорской Военно-Медицинской Академии (ИВМА). Закончил ее в 1889 г. третьим на курсе, получив премию Пальцева. Эту премию выдавали «третьему по старшинству баллов в своем курсе. Премия может быть выдана только лицам православного вероисповедания и предпочтительно из детей духовного звания или русских врачей». 20 января 1890 г. определен ассистентом-интерном в Мариинскую больницу для бедных Ведомства Императрицы Марии. В марте 1891 г. назначен сверхштатным врачом той же больницы. По примеру отца стажировался в Гейдельбергском университете. По возвращении в Россию переведен врачом 14 мая 1892 года в Придворную Певческую капеллу. Защитил диссертацию и был удостоен ученой степени доктора медицины 8 мая 1893 г. Определен на должность сверхштатного врача Мариинской больницы для бедных с 13 января 1894 г. Весной 1895 года вторично командирован за границу от больницы за казенный счет с научной целью, по возвращении продолжил работу в женском терапевтическом отделении. В Мариинской больнице Е. С. Боткин поочередно работает в мужском терапевтическом отделении, в изоляторном, хирургическом. 12 мая 1897 г. удостоен звания приват-доцента ИВМА по внутренним болезням с клиником. 19 ноября 1897 года назначен сверхштатным врачом амбулатории лечебницы Свято-Троицкой

Общины сестер милосердия. Как приват-доцент, читает лекции студентам ИВМА. 1 января 1899 года назначен Главным врачом Общины Святого Георгия. Одновременно, являясь Главным врачом Общины, служил врачом VI разряда для командировок при Клиническом Военном Госпитале. В течение 1902–03 учебного года по поручению Конференции Академии читает лекции студентам пятого курса на кафедре госпитальной терапии и проводит занятия со студентами Академии в качестве одного из трех заместителей профессора Ф. И. Пастернацкого. В 1904 г. также по поручению Конференции Академии читает лекции по частной патологии и терапии с пропедевтикой, ведет практические занятия со студентами третьего курса в качестве одного из двух заместителей профессора В. Н. Сиротинина. В 1904 году Е. С. Боткин был назначен главным врачом, заведующим медико-санитарной службой Красного Креста при Манчжурской Армии на Дальнем Востоке. За проявленное мужество был награжден офицерскими боевыми орденами Святого Владимира IV и III степеней и медалью «За участие в делах на передовых позициях во время Русско-японской войны». 6 мая 1905 года пожалован в Почетные лейб-медики Двора Его Императорского Величества. Написал книгу «Свет и тени Русско-японской войны 1904–1905 гг.: из писем к жене», которая вышла в свет в 1908 году. 13 апреля 1908 г. назначен лейб-медиком Его Императорского Величества. 1 марта 1909 г. стал членом Военно-медицинского Ученого Комитета. Наиболее крупные труды Е. С. Боткина — его экспериментальные исследования, которые носят преимущественно гематологический характер и посвящены выяснению роли лейкоцитов как в норме, так и при различной патологии (*см. труды Военно-Медицинской Академии, посвященные 170-летию со дня рождения С. П. Боткина, под ред. проф. А. А. Новика. СПб, 2002; Б. Ф. Егоров. Боткины. СПб.: Наука, 2004*). С 1908 по 1918 г. — лейб-медик Императора Николая II. После Февральской революции добровольно разделил участь Царской Семьи в ссылке и заточении. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. расстрелян в Екатеринбургe в Ипатьевском подвале вместе с Царской Семьей и еще тремя слугами: И. М. Харитоновым, А. Е. Трушом и А. С. Демидовой. 16 октября 2009 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации реабилитировала Е. С. Боткина в числе 52 Царских служителей, оставшихся верными Царю и последовавших в изгнание вместе с Царской Семьей. К ним были применены разные формы политических репрессий, вплоть до расстрела. Канонизирован РПЦЗ в 1981 году как святой мученик Евгений.

Боткин Михаил Петрович (1839–1914) — живописец академического направления. Брат Василия Петровича, Дмитрия Петровича и Сергея Петровича Боткиных. В Академии художеств занимался у профессоров Завьялова и Бруни (совершенствовался за границей в Италии). Академик с 1863 г.; член Совета Академии художеств с 1879 г.; директор музея Общества поощрения художеств. С 1886 г. член Археологической комиссии.

Боткин Петр Дмитриевич (1865–?) — первый сын Дмитрия Петровича Боткина, двоюродный брат Евгения Сергеевича Боткина.

Боткин Петр Кононович (1781–1853) — родоначальник династии Боткиных. Основатель чаеоторгового дела в России. От двух браков имел 14 детей (девять сыновей и пять дочерей). Многие его дети продолжили дело отца, создав фирму «Петр Боткин и сыновья». Среди шестерых сыновей от второго брака (Павел, Дмитрий, Петр, Сергей, Владимир, Михаил) Петр, самый талантливый в купеческом деле, продолжил дело отца, создав обширную акционерную кампанию чайной торговли. Большинство сыновей, внуков и правнуков внесли свой вклад в развитие культуры, искусства, стали государственными деятелями. Сергей Петрович посвятил свою жизнь медицине. Вместе с Н. И. Пироговым, И. М. Сеченовым и И. И. Мечниковым Сергей Петрович стал одним из выдающихся ученых в мировой медицинской науке.

Боткин Петр Сергеевич (1861–1933) — дипломат, сын С. П. Боткина. С 1906 г. печатался в американской прессе. Второй секретарь миссии в Вашингтоне, секретарь дипломатического агентства в Софии. Первый секретарь посольства в Лиссабоне, затем в Лондоне, с 1907 г. министр-резидент в Марокко. С 1912 г. посланник и полномочный министр в Лиссабоне. Издал в Париже в 1930 г. «Картинки дипломатической жизни», обобщив в этой книге свой опыт.

Боткин Сергей Дмитриевич (1869–1945) — дипломат, сын Дмитрия Петровича Боткина, двоюродный брат Е. С. Боткина, женат на Н. Е. Бюцовой. Чиновник Министерства иностранных дел, служил в русских посольствах Германии, Австрии, Константинополя. С 1919 года — эмигрант. На средства, выручаемые от продажи вывезенной коллекции отца (ему досталась половина), семья сумела избежать нищеты на чужбине. Умер в Париже.

Боткин Сергей Евгеньевич (1892) — первенец Е. С. Боткина. Умер полугодовалым.

Боткин Сергей Петрович (5.09.1832–1889) — доктор медицины, профессор ИВМА, основоположник русской клинической школы, тайный советник, почетный член двух университетов, 35 русских и 9 иностранных обществ. Родился в купеческой семье. Окончил с отличием медицинский факультет Московского университета (1855), добровольцем поехал в действующую армию, где работал ординатором в госпитале под руководством Н. И. Пирогова. С 1856 г. совершенствовался четыре года, проходя обучение за границей. В 1860 году защитил диссертацию на тему «О всасывании жира в кишках». С 1861 года заведовал кафедрой академической терапии ИВМА. Во время Русско-турецкой войны (1877) около семи месяцев провел на балканском фронте. Один из основоположников военно-полевой медицины. Около 75 печатных работ посвящены актуальнейшим вопросам терапии, инфекционных болезней, фармакологии. Один из главных трудов С. П. Боткина — «Курс

внутренних болезней», постоянно переиздающийся до сих пор, — является настольной книгой терапевтов. Впервые в мировой медицинской литературе С. П. Боткин дал описание многих болезней, в частности, впервые высказал предположение об инфекционной природе острого эпидемического гепатита (болезнь Боткина). При его содействии в России начала издаваться первая медицинская газета — «Еженедельная клиническая газета». В 1878 г. был избран председателем Общества русских врачей и оставался на этом посту до конца жизни. Впервые в России добился постройки бесплатной лечебницы — Александровской барачной больницы, которая теперь носит его имя. В 1886 году был назначен председателем при Медицинском совете по вопросу об улучшении санитарных условий и уменьшении смертности в России. Первый из русских клиницистов создал школу отечественной научной клинической медицины. Трое его сыновей стали врачами: Сергей, Евгений и Александр. Из 106 его учеников 45 возглавили клинические кафедры в Санкт-Петербурге и других городах России. 85 стали докторами наук (в т. ч. В. Н. Сиротинин, Н. Я. Чистович, И. П. Павлов). Но, безусловно, самым верным его последователем, учеником, продолжателем созданных им традиций является его сын Евгений Сергеевич Боткин — лейб-медик последнего Русского Царя.

Боткин Сергей Сергеевич (1859 – 29.01.1910) — сын С. П. Боткина и брат Е. С. Боткина. Врач, профессор ИВМА. В Русско-японской войне участвовал в качестве помощника главноуполномоченного Красного Креста Северо-Восточного района действующей армии.

Боткин Юрий (Георгий) Евгеньевич (1896–1941) — второй сын Е. С. Боткина, капитан 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка. С 1920 года в эмиграции. Скончался в Берлине.

Боткина Анастасия Александровна (1835–1875) — урожденная Крылова, первая жена С. П. Боткина, мать Е. С. Боткина. Отец Анастасии Александровны А. И. Крылов — небогатый московский чиновник. Брат, Крылов Виктор Александрович (1838–1896) — драматург, переводчик (псевдоним Виктор Александров), начальник репертуарной части Александринского театра (1893–1896).

Боткина Ольга Владимировна (урожденная Мануйлова) — супруга Е. С. Боткина. С 1910 года, после развода, состояла в гражданском браке со студентом Рижского политехнического института Фридрихом Вольдемаровичем Лихингером.

Боткина Татьяна Евгеньевна (9.09.1898, Санкт-Петербург – 1.04.1986, Фонтене-о-Роз, Франция) — дочь Царского лейб-медика Е. С. Боткина и Ольги Владимировны Боткиной (урожденной Мануйловой). Четвертый ребенок в семье. После домашнего образования окончила женскую гимназию в Царском Селе. Как одна из первых учениц, в числе лучших пяти была представлена по традиции на выпускном акте вдовствующей Государыне Императрице Марии Федоровне в Аничковом дворце (1915). По окончании

гимназии продолжила образование для получения профессии учительницы младших классов. Приобрела прекрасную практику и обучение у отца навыкам ухода за ранеными в домашнем лазарете. Служила сестрой милосердия в Большом госпитале Екатерининского дворца во время Первой мировой войны. Последовала за отцом в изгнание в Тобольск вместе с братом Глебом. Не была допущена сопровождать Царскую Семью и отца в Екатеринбург. Вышла замуж за Константина Семеновича Мельника. В 1919 году семья переехала во Владивосток, откуда эмигрировала с сербами на пароходе «Гималаи». В эмиграции испытала все тяготы жизни: нищету, бедственное материальное положение, бесправие — прошла типичный путь русских изгнанников после катастрофы, постигшей Россию в 1917 году. Из Сербии семья переехала во Францию. Жила в Ницце. Православный храм во имя Свт. Николая в Ницце собирал вокруг себя беженцев из России, поддерживал духовно, помогая выстоять в суровой жизни на чужбине. Воспитывала детей и внуков. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Дети Татьяны Мельник-Боткиной: Татьяна (1919, Владивосток — 2003, Вир, Нормандия), Елена (1921, Дубровник — 2005, Конфлан-Сент-Онорин, близ Парижа), Константин (г. р. 1927, Рив-сюр-Фюр). Внуки Т. Е. Мельник-Боткиной: Мария, Татьяна, Ольга, Елена, Владимир, врач-хирург (дети Татьяны Константиновны); Иван, Елена, Александр, врач-хирург (дети Елены Константиновны); Екатерина и Анна (дочери Константина Константиновича). О братьях Татьяны Евгеньевны известно мало. Каждый из них испытал на себе тяжелую судьбу эмигрантов. Кроме сведений, данных в книге и статье, предваряющей публикацию писем Е. С. Боткина к детям, можно добавить факты, взятые из издания «Храм Христа Спасителя в Аньере 1932–1957» (Юбилейный сборник. Аньер, 1957), где сказано, что Юрий Евгеньевич проживал во Франции, пел в церковном хоре Храма Христа Спасителя в г. Аньере близ Парижа.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926, Москва) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Окончил Императорский Пажеский корпус. В книге речь идет о начавшемся в мае 1915 г. наступлении — так называемом Брусиловском прорыве. С марта 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом. Во время февральских событий 1917 г. принял активное участие в давлении на Императора Николая II с целью побудить его к отречению. При Временном правительстве Верховный главнокомандующий (заменен Корниловым). При большевиках арестовывался ВЧК. В 1919 г. вступил в Красную армию, назначен председателем Особого совещания при Главкоме Красной армии (1920), инспектором кавалерии (1923–1924), состоял для особо важных поручений при РВС СССР (с 1924). Автор книги «Мои воспоминания».

Булугин Павел Петрович (1896–1936) — капитан лейб-гвардии Преображенского полка. В 1918 г. в Крыму создал отряд охраны Лиц Императорской Фамилии и был начальником личной охраны

Императрицы Марии Федоровны. В марте 1920 г. Булыгин вместе со следователем Соколовым выехал в Европу. Автор книги: *Bulygin P. The Murder of the Romanovs. N-Y, 1935.*

Бутаков Александр Иванович — старший лейтенант Гвардейского экипажа, сын вице-адмирала Ивана Ивановича Бутакова. Погиб 14 декабря 1914 года.

Бюцова Ольга Евгеньевна (? — 1925, Берлин) — фрейлина Императрицы Александры Федоровны, свояченица Е. С. Боткина. Его двоюродный брат С. Д. Боткин был женат на сестре Бюцовой — Нине Евгеньевне (†1945, Париж). В 1915 г. О. Е. Бюцова вышла замуж за Г. Н. Папафедорова. Некрологи о ней были опубликованы в газете «Вечернее время» № 231 — Paris, 1925, 27 января и «Руль» №№ 1257–1261 — Берлин. 1925, 22 января.

Васильев Алексей Павлович (о. Алексей; ?–1930) — протоиерей Благовещенской церкви в Тобольске. Был духовником Царской Семьи во время Тобольской ссылки. Умер по дороге в Омск на станции Тара.

Ветошникова Наталья Борисовна (г. р. 1921) — филолог. Консультант по вопросам немецкого языка при подготовке данной книги. В ее семье сохранились, несмотря на репрессии, войны и блокаду Ленинграда, многие исторические документы, которые она передала в ряд музеев, библиотек и архивов, в том числе материалы, касающиеся Михаила Петровича Боткина, его сына Сергея Михайловича и дочери Любови Михайловны. Эти документы в настоящее время находятся в Санкт-Петербургском музее-институте семьи Рерихов, занимающем ныне особняк Михаила Петровича Боткина по адресу Санкт-Петербург, В. О., 18 линия, дом 1.

Виктория Федоровна (Даки; 1876–1.03.1936, Аморбах) — Великая Княгиня, урожденная Принцесса Виктория-Мелита, дочь Герцога Эдинбургского и Саксен-Кобург-Готского Альфреда и Великой Княгини Марии Александровны, дочери Императора Александра II. В первом браке (1894–1901) с Эрнстом-Людвигом, Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским, братом Императрицы Александры Федоровны. После развода в 1905 г. без разрешения Императора Николая II и вопреки канонам Православной Церкви вышла замуж за своего двоюродного брата — Великого Князя Кирилла Владимировича. Брак был признан Императорской Семейю только в 1907 г. В 1907 г. перешла в православие с именем Виктории, и ей был пожалован титул Великой Княгини. В эмиграции с 1917 года.

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — Германский Император и Прусский Король (1888–1918), двоюродный брат Императрицы Александры Федоровны.

Вилькицкий Борис Андреевич (1885–1961, Брюссель) — флигель-адъютант Свиты Императора (1914), капитан 1-го ранга (1916), впоследствии контр-адмирал. Гидрограф-геодезист. Окончил Морскую Академию в Петербурге. Будучи исследователем Арктики, дал ключ для плавания кораблей по Северному морскому пути. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1913 г. экспедиция Вилькицкого открыла Северную Землю. Его именем назван пролив между Северной Землей и Таймырским полуостровом. Имя исследователя и мореплавателя на географических картах: девять топонимов. В 1920 г. эмигрировал в Англию. В 1921–1924 гг. по приглашению советских внешнеторговых организаций возглавлял Карские товаро-обменные экспедиции. В течение многих лет работал гидрографом в Бельгийском Конго. В 1996 г. прах Вилькицкого перезахоронен на Смоленском кладбище в Петербурге рядом с могилами отца и младшего брата.

Владимир (в миру Вячеслав Михайлович Тихоницкий; 1873–1959, Париж) — митрополит, служил во Франции. Происходил из семьи духовенства (отец его, священник, был убит большевиками. Новомученик). В 1925–1956 гг. — настоятель св. Николаевского собора в Ницце. Брат архиепископа Кировского Вениамина. После смерти в 1946 г. митрополита Евлогия был избран митрополитом Западно-Европейских приходов Русской Православной Церкви, экзархом Патриарха Вселенского.

Воронин Михаил Степанович (1838–1903) — академик Императорской Академии Наук. Ботаник, известный своими научными трудами в области ботаники в конце XIX века. Его гербарии вошли в научную базу Санкт-Петербургского Императорского Ботанического сада.

Вырубова Анна Александровна (урожденная Танеева; 16.07.1884–20.07.1964, Хельсинки, Финляндия) — близкий друг Царской Семьи; с января 1903 г. фрейлина Императрицы Александры Федоровны; в апреле 1907 г. вышла замуж за старшего лейтенанта А. В. Вырубова, но вскоре развелась. 2 января 1915 г. пострадала в железнодорожной катастрофе, осталась инвалидом и долгое время передвигалась на костылях. Одна из почитательниц Григория Распутина, верившая в силу его молитвы. 21 марта 1917 г. по доносу была арестована Временным правительством и заключена в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Демократические власти России причисляли ее к «темным силам» старого режима, в связи с чем она претерпела много несправедливых оскорблений, издевательств и унижений. 24 июля 1917 г. освобождена постановлением ЧСК за отсутствием состава преступления, однако 24 августа по приказу Керенского получила предписание в 24 часа покинуть Россию, но на границе была арестована Гельсингфорским Советом и попала в Свеаборгскую крепость. 28 сентября по ходатайству родственников была освобождена из заключения. Находясь на свободе, установила нелегальную связь с Царской Семьей,

находилась с ней в постоянной переписке и оказывала посильную помощь Августейшим Узникам в Тобольской ссылке. В 1919 г. ее неоднократно арестовывали чекисты и 7 октября после заключения в тюрьме на Гороховой улице приговорили к расстрелу, но А. А. Вырубова бежала. Жила на нелегальном положении и в декабре 1920 г. бежала вместе с матерью Н. И. Танеевой в Финляндию. В ноябре 1923 г. приняла монашеский постриг в Смоленском скиту Валаамского монастыря с именем Мария. Автор воспоминаний о Царской Семье «Страницы из моей жизни» (Париж, 1922 и Берлин, 1923).

Гайда Радола (Гейдель Рудольф; 1892–1948, Прага) — чешский авантюрист, прапорщик Австро-Венгерской королевской армии. Во время Первой мировой войны фельдшер в Австро-Венгерской армии. С 1917 г. воевал в рядах Чехословацкого корпуса в России. С января 1919 г. командующий Сибирской армией. С января 1919 г. генерал-лейтенант. Участвовал в антиколчаковском мятеже во Владивостоке в ноябре 1919 г., после его подавления отправлен в Чехословакию. После оккупации Чехословакии немцами — член фашистского комитета, активный коллаборационист. Арестован СМЕРШ и в 1945–1947 гг. находился в заключении.

Галл (Галле) Михаил Александрович (1889–1973, Франция) — паж, корнет-гусар.

Гедройц Вера Игнатьевна (1876–1932, Киев) — Княжна, профессор-хирург в Царскосельском дворцовом госпитале, старший врач Собственного Ее Императорского Величества лазарета. Писала стихи под именем умершего брата — Сергея Гедройца.

Гендрикова Анастасия Васильевна (1886 – 22.8/4.09.1918) — Графиня, фрейлина Государыни Императрицы Александры Федоровны. Дочь Графа Василия Александровича Гендрикова, церемониймейстера Двора (1885), гофмейстера, состоящего при Императрице Александре Федоровне, оберцеремониймейстера (с 1900), и графини Софьи Петровны Гендриковой, урожденной Гагариной. Фрейлина Анастасия Гендрикова была одной из самых близких к Государыне особ. Последовала в Тобольск вместе с Царственными узниками. В изгнании преподавала Царским детям историю, затем последовала вслед за ними в Екатеринбург. По прибытии сразу же была арестована и заключена в тюрьму. 20 июля 1918 г. (н. ст.) была отправлена в Пермь. Впоследствии расстреляна вместе с Екатериной Шнейдер. Ее тело было найдено 7.05.1919 белогвардейцами и погребено по православному обряду на Ново-Смоленском кладбище в Перми. Канонизирована РПЦЗ в 1981 году как святая мученица Анастасия.

Генко Галина Анатольевна — геофизик и хранитель семейного архива. Ее мать Мария Борисовна Борисова (1896–1984) — этнограф, кавказовед, кандидат исторических наук, работала в Академии

Наук, во время блокады стала медицинской сестрой, в начале 50-х годов вернулась к служению науке. Отец Анатолий Несторович Генко (1896–1941) — востоковед, работал в институте Востока в системе Академии Наук, был дважды репрессирован: в 1938–1940 и в 1941 г., умер в тюремном изоляторе от истощения.

Георгиевский Павел Иванович (1857–1938, Прага) — профессор Санкт-Петербургского университета. Экономист. Председатель Центрального Совета Министерства внутренних дел. Сенатор.

Георгий Александрович (1871–1899, Абас-Туман Тифлисской губернии) — Цесаревич, Великий Князь, сын Императора Александра III. Погребен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Герарди Борис Андреевич (1870–?) — полковник, начальник Дворцовой полиции в Царском Селе. Иногда исполнял обязанности Коменданта Императорского поезда. В феврале 1917 г. просил разрешить ему вернуться в Царское Село.

Гермоген (в миру **Георгий Ефремович Долганов**; 1858–1918) — епископ Саратовский и Царицынский (1903–1911). За разногласия с Синодом по церковным вопросам, вынесенным им на суд мирской прессы, освобожден от управления Саратовской епархией. 8 марта 1917 г. назначен на Тобольскую кафедру. Здесь он не только примирился с Царем и просил у него прощения, но и проявил твердость и верность Государю и его Семье. По благословиению епископа в утешение Венценосным страдальцам в Тобольск была принесена икона Абалакской Божией Матери. Владыка тайно посылал Царственным Страстотерпцам, которых называл Святым Семейством, просфоры, молитвы и благословения. В ночь с 15 на 16 июня 1918 г. принял мученическую кончину. Канонизирован на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ в 2000 году в сонме священно-мучеников.

Голицына Вера Викторовна (1861–1973, Париж) — Княгиня, фрейлина Императрицы Александры Федоровны.

Гучков Александр Иванович (1862–1936, Париж) — происходил из богатой купеческой московской семьи. Основатель и лидер партии октябристов, депутат III и IV Государственной Думы, председатель III Думы (1910–1911). Способствовал отречению Императора Николая II. Министр Временного правительства. В эмиграции с 1919 г.

Давыдова Мария Николаевна (1920–2007) — переводчица книги Т. С. Боткиной. Из немецкого рода фон Фольборт, потомок Александра фон Фольборта — известного российского палеонтолога, потомственного дворянина (награжден за свою деятельность орденами Святого Станислава I степени, Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени). Много помогал молодым талантливым музыкантам и художникам: Антону Рубинштейну, Генриху Венявскому, Теодору Лежетицкому, Яну Ционглинскому (ученику

Репина). Отец Марии Николаевны, Фольборт Николай Владимирович, юрист по образованию, был репрессирован и расстрелян. Мать, Наталья Владимировна, урожденная Полетика, служила сестрой милосердия в английском госпитале, получила медаль «Флоренс Найтингейл». Отец и мать Марии познакомились и поженились на фронте в Первую мировую войну. Мария училась в школе Петришуле, когда в 1935 г. ее родителей арестовали и сослали в Казахстан. Мария поехала вместе с ними. Жили в г. Урицке в очень тяжелых условиях, школ там не было. В 16 лет вернулась в Ленинград к сестре и 80-летней бабушке. Работала секретарем в вечерней школе, санитаркой на скорой помощи. Во время войны бабушка умерла от голода, сестра с дочерью эвакуировалась. В 1942 г. Мария уехала в Чкалов к дяде, профессору медицинского института, ученику Павлова. В 1944 г. вышла замуж, вернулась в Ленинград, закончила библиотечный техникум, до пенсии работала заведующей технической библиотекой. В совершенстве знала немецкий язык, свободно читала на английском. Несмотря на трудную жизнь отличалась редким жизнелюбием, писала стихи, занималась переводами. Умерла в феврале 2007 года в возрасте 87 лет. Дочь — Елена Николаевна Давыдова.

Де Голль Шарль (1890–1970) — президент Французской Республики в 1944–1946 и в 1958–1969 гг.

Делаво-Кардовская Ольга Людвиговна (Дела-Вос-Кардовская) — художник времен Репина. Портретист. Картины выставлены в Русском музее. Проживала в Царском Селе, ул. Конюшенная, дом Белозеровой.

Демидова Анна Степановна (1878–1918) — комнатная девушка Императрицы Александры Федоровны. Родилась в Череповце в семье состоятельного мещанина. Училась в местном училище при подворье Леушинского монастыря, основанном в Череповце игуменией Таисией (Солоповой). Кроме необходимых дисциплин, в училище было поставлено высокопрофессиональное обучение шитью, рукодельным искусствам. По семейным преданиям, на одной из Ярославских ярмарок, где было представлено Леушинское рукоделие, Императрица Александра Федоровна отметила особо понравившиеся ей работы Анны Демидовой. Была взята во дворец комнатной девушкой в 1901 году. Обучала рукоделию Великих Княжон. Добровольно поехала с Царской Семьей в Тобольскую ссылку. Расстреляна вместе с Царской Семьей в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Погибла одной из последних, получив многочисленные огнестрельные и штыковые раны. Канонизирована РПЦЗ в 1981 г. как святая мученица Анна.

Деревенко Владимир Николаевич (1879–1936) — врач. В 1904 г. окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию; доктор медицины, приват-доцент, почетный лейб-хирург, с 1912 г. состоял при Цесаревиче Алексее, в 1917–1918 гг. врач Отряда особого

назначения в Тобольске. В Екатеринбург прибыл в конце мая 1918 г. со второй частью Царской Семьи. После убийства Царской Семьи работал в лазаретах Красной Армии, других лечебных учреждениях. Многократно арестовывался ГПУ–НКВД, в итоге был осужден на 5 лет тюремного заключения и погиб.

Деревенько Андрей Еремеевич (?–1921) — боцман яхты «Штандарт», дядька Цесаревича Алексея. Приставлен к нему в 1905 г. во время плавания Царской Семьи на яхте «Полярная звезда». В 1917 г. его заменил К. Г. Нагорный. Умер от тифа в Петрограде.

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937, Шанхай) — генерал-майор (1915), генерал-лейтенант (1919). Родился в Петербурге в дворянской семье потомственных военных, выходец из Дании. Окончил Императорский Пажеский корпус (1894), Академию Генштаба (1900). Участник Русско-японской и Первой мировой войн, начальник штаба 3-й армии, один из главных разработчиков плана так называемого Брусиловского прорыва (1916 г.), генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего (сентябрь–ноябрь 1917 г.) начальник штаба Ставки (с 3/16 ноября 1917 г.). Выехал в Киев, назначен начальником штаба Чехословацкого корпуса. С начала 1919 г. — полностью на службе у Верховного правителя России Колчака. Ему было поручено общее руководство расследованием обстоятельств гибели Царской Семьи и других членов Дома Романовых на Урале с назначением следователем Н. А. Соколова. Всеммерно содействовал ему до конца. В ноябре 1919 г. выехал в Харбин. Руководил эвакуацией вещественных доказательств и следственных материалов по делу об убийстве Царской Семьи. В июне 1922 г. в Приморье избран Земским Собором Единичным правителем и воеводой Земской рати, был сторонником восстановления в стране монархии. В октябре 1922 г. эмигрировал в Китай. Был председателем Дальневосточного отдела РОВС (Российский общевоинский союз) после генерала М. В. Ханжина. В 1922 г. издал книгу о гибели Царской Семьи. (См. *И. Ф. Плотников. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург–Москва, 2003*).

Долгоруков Василий Александрович (Валя) (1868–27.6/10.7.1918) — Князь, пасынок обер-гофмаршала Графа Павла Константиновича Бенкендорфа от первого брака с Марией Сергеевной. В службе с 1888 года. Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, гофмаршал Высочайшего Двора (с 1914). Во время Первой мировой войны состоял при Императоре Николае II в Ставке. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург, был заключен в тюрьму. Расстрелян чекистами. Его останки были обнаружены белогвардейцами. В 1981 г. канонизирован РПЦЗ как святой мученик воин Василий.

Дохтурова Елизавета Сергеевна — дочь генерал-лейтенанта С. В. Дохтурова, супруга генерал-адъютанта Владимира Александровича Дедюлина (1853–1913), Дворцового коменданта.

Дрентельн (фон) Александр Александрович (1868–1925) — флигель-адъютант, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, командир лейб-гвардии Преображенского полка. Остался в Советской России. Подвергался арестам и скончался в ссылке в Вологодской губернии. Супруга — Мария Александровна.

Думбадзе Иван Антонович (1851–1916, Ливадия) — генерал-майор свиты Его Величества. Ялтинский градоначальник. Участвовал в интригах против Г. Е. Распутина. Уволен по болезни. Сын Александр, ротмистр, в 1918 году в Севастополе взбунтовавшимися матросами Черноморского флота был брошен живым в топку крейсера «Алмаз». Пасынок, корнет Крымского Конного Ее Величества Императрицы Александры Федоровны полка С. В. Марков, принимал участие в попытках спасения Царственных Узников.

Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946, Париж) — митрополит. Член II и III Государственной Думы от православного населения. В 1920 г. эмигрировал в Сербию, затем в Германию и во Францию. В 1921 г. был назначен управляющим Западно-Европейскими приходами Русской Православной Церкви. В июне 1930 г. отстранен от управления приходами. Основал в Париже Свято-Сергиевский православный богословский институт, поддерживал Русское студенческое христианское движение (РСХД). В 1931 г. перешел под юрисдикцию Вселенского Патриарха. После окончания Второй мировой войны, в 1945 г., воссоединился с РПЦ МП с оставлением митрополитом, экзархом Западной Европы.

Жильяр Пьер (Петр Андреевич) (1879–1962) — швейцарский гражданин. Высшее образование получил в Лозаннском университете. Преподаватель французского языка Великих Княжон, воспитатель Цесаревича Алексея. Последовав в изгнание за Царской семьей, в Екатеринбурге был разлучен с ней. В 1922 г. в Женеве женился на А. А. Теглевой — бывшей няне Царских детей. Автор нескольких книг о Царской семье.

Занотти Магдалина Францевна — старшая камер-юнгфера при комнатах Императрицы Александры Федоровны. Добровольно последовала за Царской семьей в Тобольск, но не была допущена к Царственным узникам.

Иванов-Ринов Павел Павлович (1869 – после 1925) — Ферганский военный губернатор (с 1916 г.). Смещен после Февральского переворота. В апреле 1918 г. глава подпольной офицерской организации в Омске и Петропавловске. В июне 1918 г. руководил антисоветским восстанием в Омске, где возглавил гарнизон. С 13 июня

по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (произведен в чин генерал-майора), избран Войсковым Атаманом Сибирского Казачьего войска. С 1919 г. генерал-лейтенант. В 1922 г. начальник тыла армии во Владивостоке. Вместе с остатками войск генерала Дитерихса М. К. эвакуировался в Корею. Жил в Китае, в Тяньцзине. Осенью 1925 г. возвратился в СССР.

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954, Москва) — Граф. По окончании Императорского Пажеского корпуса служил в Кавалергардском полку. В ряде европейских стран был военным атташе при посольствах Императорской России. После 1917 г. сотрудничал с советской властью. Вернулся в Россию. Автор книги «Пятьдесят лет в строю». Первая публикация — Сталинград, 1941; вторая — Советская Колыма, 1943.

Игнатъева Софья Сергеевна (урожденная княгиня Мещерская; 1850–1944, Париж). — Графиня, вдова убитого эсерами Графа Алексея Павловича Игнатъева (1842–1906) и мать А. А. Игнатъева. В ее салоне (дом № 26 на Французской набережной) собирались правые общественные и религиозные деятели.

Иоанн Константинович (1886–1918) — Князь, сын Великого Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны. Флигель-адъютант Свиты Императора Николая II, штабс-ротмистр лейб-гвардии Конного полка. Женат на Елене Петровне, Принцессе Сербской, дочери Короля Сербии Петра I и Зорки, урожденной княжны Черногорской. Убит большевиками под Алапаевском в июле 1918 г. В 1981 г. канонизирован РПЦЗ.

Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) — представитель старинного дворянского рода. С февраля 1920 года в эмиграции. В 1923 г. из Белграда переехал в Мюнхен. Принял участие в учредительном съезде русской эмигрантской молодежи, создавшей союз «Молодая Россия». Союз существовал в русской эмиграции в 20-х–30-х гг. Члены Союза получили название «младоросов». Лидер движения «младоросов» до 1941 г., в котором партия была распущена. Эмигрировал в США. Преподавал русский язык и литературу в Йельском университете, в Коннектикутском колледже. В 1957 вернулся в Россию. Работал сотрудником Отдела внешних церковных сношений в Москве. Был членом редколлегии ЖМП. Скончался в Москве. Похоронен на кладбище в Переделкино у храма Преображения Господня.

Казицина Елена Михайловна — двоюродная сестра матери Т. Е. Боткиной, жена Казицина Дмитрия Алексеевича — чиновника особых поручений и члена комиссии по народному образованию.

Каппель Владимир Оскарович (16.04.1883–25.01.1920) — генерал-лейтенант (с ноября 1919 г.). Участник Первой мировой войны. Генерал Белой армии. Один из наиболее известных боевых генералов

на Юге России. Во время Сибирского ледяного похода Главнокомандующий Белыми армиями Восточного фронта. Умер в деревне Нижнеозерная, около Нижне-Удинска от воспаления легких. После кончины солдаты не оставили Каппеля в ледяной пустыне и совершили с его прахом тяжелейший переход через озеро Байкал. Его похоронили по православному обычаю в Чите в ограде храма. Позднее, при оставлении города, останки Каппеля были перевезены в Харбин и захоронены у северной стены Свято-Иверского храма. На памятнике были начертаны слова: «Люди, помните, что я любил Россию и любил Вас, и своей смертью доказал это. Каппель». В 2007 г. его прах перезахоронен в Донском монастыре в Москве.

Кобылинский Евгений Степанович (1879–1927) — полковник лейб-гвардии Петроградского полка; на фронте был ранен под Лодзью, затем контужен под Гутой Старой; переведен в Петроград в запасной батальон своего полка. После февральского переворота начальник Царскосельского гарнизона. Начальник караула. Комендант Александровского дворца в Царском Селе. Командир Отряда особого назначения по охране Царской Семьи в Тобольске, одновременно комендант губернаторского дома в Тобольске. Женился на Клавдии Михайловне Битнер, учительнице Тобольской гимназии, преподававшей Царевичу Алексею русский язык (приехала в Тобольск из Царского Села). После отправки Царской Семьи в Екатеринбург устранен от должности начальника Отряда особого назначения, распущенного 4 мая большевиками и замененного красноармейцами. Поступил на службу в Белую армию адмирала А. В. Колчака, служил при штабе интендантской части. В бою под Красноярском взят в плен красноармейцами. После гражданской войны проживал с женой в Рыбинске. Был расстрелян за участие в антисоветском заговоре.

Колчак Александр Васильевич (1874 – январь 1920) — адмирал, полярный исследователь, командующий Черноморским флотом (1916–1917), Верховный правитель России (с ноября 1918). Способствовал расследованию обстоятельств убийства Царской Семьи. В январе 1920 г. выдан чехословаками большевикам. Он и последний Председатель его Правительства (премьер-министр) Виктор Николаевич Пепеляев по постановлению Иркутского военно-революционного комитета были расстреляны на берегу Иртыша.

Константин Константинович (Младший; 1890–1918) — Князь, сын Великого Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны. Флигель-адъютант, штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка. Убит под Алапаевском в 1918 г. В 1981 г. канонизирован РПЦЗ как святой мученик Константин.

Лопухин Владимир Борисович (1871–?) — сенатор, сотрудник Министерства внутренних дел.

- Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1959?)** — доктор медицины. Окончил Императорскую Военно-Медицинскую Академию. Профессор, сенатор, член Государственного Совета. Возможно, он же — архиепископ Серафим, экзарх РПЦ в Западной Европе.
- Малышев Александр Васильевич (1889–1933)** — подпоручик лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка. Начальник караульной службы Отряда особого назначения в Тобольске. Предлагал Е. С. Кобылинскому в дежурство своего взвода дать возможность Царской Семье уехать.
- Мария Николаевна (1899–1918)** — Великая Княжна, третья дочь Императора Николая II. Убита вместе со своими близкими в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислена к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.
- Марков Сергей Владимирович (1898–1944)** — корнет Крымского Конного Ее Императорского Величества Императрицы Александры Федоровны полка. Пасынок И. А. Думбадзе. Пошел на фронт в возрасте 16 лет, был ранен, лечился в Царкосельском госпитале. Принимал участие в попытках спасения Царственных Узников, о чем написал книгу «Покинутая Царская семья. 1917–1918. Царское Село–Тобольск–Екатеринбург» (Вена, 1928).
- Мебес (Мебиус) Григорий Оттович (1868 – после 1928)** — преподаватель математики в военных учебных заведениях Петербурга. Ученик оккультиста Папюса, тамплиерская степень «король треф». Представитель ордена мартинистов в России. Арестован в 1928 г. На допросе отказался назвать имена членов ложи, которых было 40 (дело № 684–698; дело № 700. Ленинград). В тексте, возможно, речь идет о его сыне Александре.
- Мельник Константин Семенович (1893 – 5.09.1977, Рив-сюр-Фюр, Франция)** — поручик 5-го Сибирского стрелкового полка. Потомок запорожского казака, сын крестьянина-мельника из Волынской губернии. Окончил с золотой медалью гимназию и осенью 1917 г. поступил в Киевский университет на факультет естественных наук. В начале Первой мировой войны — вольноопределяющийся Драгунского Стародубского полка. Был контужен. После лечения был зачислен в Константиновское пехотное училище. Вышел прапорщиком в 5-й Сибирский стрелковый полк. Был тяжело ранен. Лечился в Царкосельском лазарете Великих Княжон Марии-Анастасии. Сблизился с лейб-медиком Е. С. Боткиным. После выздоровления командовал батальоном. Снова был ранен на реке Стоход. Прошел лечение у Е. С. Боткина в одном из царскосельских лазаретов. Узнав о ссылке Царской Семьи, добрался до Тобольска с намерением собрать верных Государю людей (как он считал, находившихся в районе Тобольска) и освободить Царственных Пленников. План его не мог быть осуществлен. В то время когда

Царская Семья находилась в Екатеринбурге, Мельник помог детям Боткина, Татьяне и Глебу, выехать из Тобольска. Женился на дочери Е. С. Боткина Татьяне. Служил в разведывательном штабе Колчака. После падения власти Верховного правителя переехал с семьей во Владивосток. Эмигрировал с семьей в Сербию, затем во Францию. Работал на бумажной фабрике г. Рив-сюр-Фюр близ Гренобля. Похоронен на местном кладбище (по сведениям парижской газеты «Русская мысль»: № № 3169, 3172, 1977; № 3197, 1978).

Милица Николаевна (1866–1951) — Великая Княгиня, дочь Князя (впоследствии Короля) Черногории Николая I Негоша. С 1889 г. в браке с Великим Князем Петром Николаевичем (1864–1931), сыном Николая Николаевича (Старшего).

Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — генерал-лейтенант (1908). Начальник Канцелярии Министерства Императорского Двора (1900–1916), чрезвычайный посланник в Румынии (1916–1917). С 1933 г. жил в Болгарии. Автор воспоминаний «При Дворе последнего Императора», Париж, 1934.

Мясоедов Сергей Николаевич (1866–1915) — из дворян. Полковник, служил в отдельном корпусе жандармов (1892–1909). В 1914 г. с началом Первой мировой войны по собственному прошению поступил в действующую армию. По сфабрикованному делу был арестован в Ковно, обвинен в измене и мародерстве в 1915 г. Судим в Варшаве в отсутствие единственного свидетеля подпоручика Колаковского. Повешен через несколько часов после вынесения приговора, который был утвержден после казни Великим Князем Николаем Николаевичем (Младшим).

Нагорный Климентий Григорьевич (1887–1918) — крестьянин села Пустоваровка Антоновской волости Свирского уезда Киевской губернии. Матрос Гвардейского экипажа Императорской яхты «Штандарт». В 1917 году заменил боцмана Деревенько после удаления последнего из Александровского дворца. Разделял заботы по уходу за Наследником во время его болезни. Добровольно отправился вслед за Царской Семьей в изгнание в Тобольск. В конце мая 1918 г. вместе с Царскими детьми прибыл в Екатеринбург. Был помещен вместе с ними в дом Ипатьева. 27 мая 1918 г. за открытый протест против расхищения охраной ценностей Царской Семьи вместе с И. Д. Седневым отправлен в Екатеринбургскую тюрьму и в тот же день расстрелян. Канонизирован в 1981 году РПЦЗ как святой мученик Климент.

Николай II Александрович (1868–1918) — последний Император России (с 1894 г.). Убит вместе с Семьей большевиками в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислен к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Николай Александрович (Никса; 1843–12.04.1865, Ницца) — Цесаревич, Великий Князь, старший сын Императора Александра II и Императрицы Марии Александровны. Похоронен в Петропавловском соборе. В его память поставлена часовня и храм Святителя Николая Чудотворца в Ницце.

Николай Николаевич (Младший; 1856–1929, Канны) — Великий Князь, генерал-адъютант, Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа (1905–1914), Верховный Главнокомандующий вооруженными силами России (1914–1915, 1917). Наместник на Кавказе (1915–1917). В апреле 1919 г. эмигрировал вместе с вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, жил в Италии и во Франции.

Ольга Николаевна (1895–1918) — Великая Княжна, старшая дочь Императора Николая II. Убита вместе со своими близкими в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислена к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Ордовский-Танаевский Николай Александрович (3.07.1863–20.09.1950, Бавария) — действительный статский советник, последний губернатор Тобольска (1915–1918). В 1919 г. эмигрировал через Эстонию в Германию. Приблизительно в 1930 г. переехал в Сербию. В 1945 — снова в Германии, жил в лагере для перемещенных лиц. С 1885 г. женат на дочери капитана Рижского отряда Корпуса внутренней стражи Елизавете Павловне, урожденной Петровой (1864–1942). Овдовел. В 1923 г. в Гамбурге рукоположен в священники, служил в православной церкви города Палермо. В 1928 г. принял монашество, в 1948 г. пострижен в великую схиму и окончил дни как схиархимандрит Никодим.

Орлов Владимир Николаевич (31.12.1868, Брюссель – 24.08.1927, под Парижем) — Князь. Окончил Пажеский корпус. Флигель-адъютант (1903), заведовал Военно-походной канцелярией Императора Николая II, генерал-лейтенант (1915), помощник по гражданской части Наместника на Кавказе (1915–1917). С 1919 г. в эмиграции. Оказывал Соколову Н. А. помощь в выяснении обстоятельств гибели Царской Семьи.

Орлова Ольга Константиновна (1874–26.10.1925, Париж) — Княгиня, супруга В. Н. Орлова, дочь К. Э. Белосельского-Белозерского. Мать ее была сестрой полководца Скобелева. В 1911 г. В. Серов написал ее портрет, который ныне находится в Государственном Русском музее. По угодливому выражению И. Грабаря, «портрет является злой сатирой на вырождающуюся аристократию».

Папа-Федоров (Папафёдоров) Георгий Николаевич (1865–18.10.1926, Берлин) — окончил Морской корпус (1887). Капитан

- Гранга. Генерал-майор флота (1915). Служил в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован из Одессы. В эмиграции член Объединения офицеров Гвардейского экипажа. В Германии — член Суда чести и ревизионной комиссии Союза взаимопомощи служивших в Российском флоте. Жена — Ольга Евгеньевна, урожденная Бюцова.
- Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920) — последний Председатель (премьер-министр) Правительства Колчака. По постановлению Иркутского военно-революционного комитета вместе с Колчаком расстрелян на берегу Иртыша.
- Перовская Софья Львовна (1853–1881) — революционерка, народница. В 1870 г. ушла из дома, порвала связи с семьей. Обвинялась по процессу «первомартовцев». За участие в убийстве Императора Александра II 1 марта 1881 г. приговорена к повешению.
- Перовский Василий Алексеевич (1795–1857) — Граф, военный деятель. Побочный сын Графа Разумовского А. Г. Был близок к Императору Николаю I. Возглавлял военные походы в Среднюю Азию и организовал Аральскую военную флотилию, что содействовало в дальнейшем присоединению к России Кокандского ханства. Его именем назван город Перовск (1853), позднее переименованный в Кызыл-орда (ныне Кизыл-орда).
- Перовский Лев Алексеевич (1795–1856) — Граф, государственный деятель. Побочный сын графа Разумовского А. Г. Служил в Министерстве иностранных дел и Министерстве уделов. Увлекался археологией. Коллекция древностей, собранная им, ныне находится в Эрмитаже.
- Петрово-Соловово Михаил Михайлович (1871–?) — генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. Камергер Двора. Супруга — Елизавета Андреевна, урожденная Пантелеева. У его сестры Софьи Михайловны, фрейлины Императрицы, было имение Салтыковка в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Находился в родстве с Перовскими.
- Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — действительный статский советник, член партии октябристов, депутат III и IV Государственной Думы, член Прогрессивного блока, последний (с 20.12.1916) министр внутренних дел России. Расстрелян чекистами.
- Пуятин Михаил Сергеевич (1861–05.5.1938, Париж) — Князь. Окончил Морской корпус. С 1895 г. штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка; штатный офицер для поручений при Управлении Гофмаршальской части Министерства Императорского Двора (1900–1914); с 1 января 1911 г. начальник Дворцового Управления. С 1912 г. генерал-майор. Наблюдал за работой по постройке Феодоровского Государева собора в Царском Селе. Под его редакцией вышел «Летописный и лицевой сборник “Дом Романовых”» (1913, вып. 1). Эмигрировал во Францию.

Распутин Григорий Ефимович (с декабря 1906 г. **Распутин-Новый**; 9/22.01.1869, с. Покровское Тобольской губернии — 17/30.12.1916, Петроград) — сибирский крестьянин, близкий друг Царской Семьи. В конце 1904 г. с рекомендательным письмом епископа Хрисанфа (Щеговского) приехал в Санкт-Петербург и через знакомство с архимандритом Феофаном (Быстровым) был представлен Великим Княгиням Милице и Анастасии («черногоркам»). 1 ноября 1905 г. состоялось знакомство Г. Е. Распутина с Царской Четой, о чем в дневнике за этот день Император Николай II оставил запись: «Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ.». С этого дня на протяжении 11 лет Царская Семья неоднократно общалась с Г. Е. Распутиным, принимая его советы и наставления и видя в нем, в первую очередь, молитвенника за здоровье больного гемофилией Цесаревича. Общение Г. Е. Распутина с Царской Семьей вызывало в основном негативную реакцию со стороны российского общества, особенно в среде русской аристократии. В результате заговора, в котором принимали участие Князь Ф. Ф. Юсупов, Великий Князь Дмитрий Павлович, В. М. Пуришкевич, С. М. Сухотин и С.С. Лазоверт Распутин был убит в Юсуповском дворце.

Ренненкампф (фон) Павел-Георг Карлович (1854—12.04.1918) — генерал от кавалерии (1910), генерал-адъютант (1912). Участвовал в кампании 1900 года в Китае, Русско-японской и Первой мировой войнах. Командовал 1-й армией Северо-Западного фронта, участвовал в проведении Восточно-Прусской операции. 3 октября 1915 г. вышел в отставку. После Февральской революции отправлен в Петропавловскую крепость. После прихода к власти большевиков уехал в Таганрог. Убит большевиками в Петрограде по прямому указанию А. В. Антонова-Овсеенко.

Ресин Александр Алексеевич (1857—1933, Сербия) — офицер лейб-гвардии Финляндского полка, командир лейб-гвардии Кексгольмского полка. Генерал от инфантерии, генерал-лейтенант.

Русский Николай Владимирович (1854—1918) — генерал-адъютант Свиты, генерал от инфантерии, член Военного совета при Военном министерстве (1909—1914). С августа 1915 по апрель 1917 командующий Северным фронтом. Принял активное участие в том давлении, которое оказало высшее военное командование на Императора Николая II, чтобы побудить его отречься от престола. Расстрелян в Пятигорске, перед расстрелом рыл себе могилу.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927, Ницца) — гофмейстер, член Государственного Совета, министр иностранных дел России (1910—1916), посол в Лондоне (1917—1918). В годы гражданской войны служил в правительствах Колчака и Деникина, был их представителем на Парижской мирной конференции.

Самсонов Александр Васильевич (1859–17.08.1914) — генерал от кавалерии. До войны Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского военного округа. С началом Первой мировой войны в 1914 г. назначен командующим 2-й армией Северо-Западного фронта. После окружения Центральных корпусов армии германскими войсками в ходе Восточно-Прусской операции (битва при Танненберге-Сольдау в августе 1914 года) застрелился.

Седнев Иван Дмитриевич (1886, Углич – 1918) — матрос Гвардейского экипажа Императорской яхты «Штандарт». Лакей Царских детей и официант Их Величеств. В 1917 г. добровольно уехал с Царской Семьей в Тобольск. Вместе с Царскими детьми переведен в Екатеринбург. Помещен в дом Ипатьева. 27 мая 1918 г. вместе с Нагорным был отправлен в Екатеринбургскую тюрьму и расстрелян вместе с ним за протест против расхищения охраной ценностей Царской Семьи. В 1981 году канонизирован РПЦЗ как святой мученик Иоанн.

Седнев Леонид Иванович (1904–1929) — племянник И. Д. Седнева, ученик повара. Находился вместе со своим дядей в Тобольске и Екатеринбурге. 27 мая 1918 г. удален из дома Ипатьева и помещен в дом В. С. Попова, под караул. Ожидал увидеть своего дядю, встреча с которым была ему обещана. Отправлен на родину в Ярославскую губернию. В 1929 году арестован и расстрелян.

Сейд-Абдул-Аход-Хань — Эмир Бухарский. Государство Хань, возникшее на территории Средней Азии в XVI в., в 1868 г. вошло в состав Российской империи как вассальное государство (эмират).

Семенов Григорий Михайлович (13.09.1890–30.08.1946) — из забайкальских казаков. Последовательный враг Советской власти. С 12 ноября 1919 г. командующий войсками Забайкальского военного округа, с 24 декабря 1919 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением и Забайкальского военного округа. С 30 апреля 1920 г. походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины. С 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции жил в Китае, США, Японии. В 1945 г. арестован в Манчжурии советской военной контрразведкой СМЕРШ. Судим и повешен в Москве.

Сиротинин Василий Николаевич (1856–1934) — клиницист, доктор, профессор Императорской Военно-Медицинской Академии, председатель Медицинского Совета; Член Совета Главного управляющего Государственным здравоохранением. Главный управляющий Российским Обществом Красного Креста. Председатель Общества русских врачей в Петрограде. В 1910 г. назначен почетным лейб-медиком. Товарищ председателя Всероссийского Общества врачей. Умер в Париже.

Соловьев Борис Николаевич (1893–1926) — поручик, сын казначея Святейшего Синода Н. В. Соловьева, друга Г. Е. Распутина. В марте 1917 г. офицер для поручений и адъютант председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы. 5 октября 1917 г. женился на дочери Г. Е. Распутина Матрене. По поручению А. А. Вырубовой и монархистов осуществлял нелегальную связь с Царской Семьей в Тобольске. Жил в Тюмени и Тобольске под именем Станислава Корженевского. Вместе с супругой эмигрировал. Умер в Париже.

Соловьева (Распутина) Матрена (Мария) Григорьевна (26.03.1898, с. Покровское Тобольской губернии – 1977, Калифорния) — старшая дочь Г. Е. Распутина. Жила на родине в Тобольской губернии, затем с отцом в Санкт-Петербурге. Замужем (с 1917) за поручиком Б. Н. Соловьевым, вместе с ним некоторое время находилась в Тюмени. С 1920 г. в эмиграции. Дети: Татьяна (1919–1982) и Мария (1920–1975). Вела дневник и написала за границей книгу воспоминаний о своем отце.

Сторожев Иван Владимирович (о. Иоанн; 16.03.1878, Арзамас – 5.02.1927, Харбин, Китай) — протоиерей. Родился в купеческой семье, рано лишился отца. Окончил юридический факультет Киевского университета Святого Владимира. По приезду в Екатеринбург работал по специальности присяжным поверенным, помощником прокурора, затем занялся адвокатурой, был блестящим оратором. Но гражданская профессия его не удовлетворяла, и он стал священником. С 1917 г. — настоятель Екатеринбургского собора. В 1918 г. ему суждено было стать последним, кто совершил богослужение в доме Ипатьева для заключенных членов Царской Семьи и их слуг: 20 мая (2 июня) и 1 (14) июня, менее чем за трое суток до их убийства, он служил обедницу. С приходом в город Белой армии и началом следствия по делу о гибели Царской Семьи давал показания. С августа 1918 г. о. Иоанн был назначен священником 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков, в дальнейшем получившего наименование «Адмирала Колчака», позднее — благочинным 7-й Уральской дивизии горных стрелков, отступал с белыми войсками на Восток. После поражения армии А. В. Колчака в 1920 г. эмигрировал в Харбин (Китай). Служил в двух храмах этого русского города — Свято-Софийском и Свято-Алексеевском (при коммерческом училище) и преподавал Закон Божий в гимназии Христианского союза молодых людей. Его проповеди на всю жизнь запомнились слушателям, особенно впечатляли те из них, в которых он касался памяти Императора Николая II и его Семьи как очевидец их последних дней.

Сухотин Сергей Михайлович (1887–?) — поручик лейб-гвардии Преображенского полка. В 1916 г. находился на излечении в госпитале Юсуповых, где близко познакомился с Ф. Ф. Юсуповым

и в декабре 1916 г. стал участником заговора и убийства Г. Е. Распутина.

Татищев Илья Леонидович (1859 – 27.6/10.7.1918) — Граф, из древнего рода Рюриковичей, потомок одного из сподвижников Петра Великого — Василия Никитича Татищева. Генерал-адъютант Свиты, генерал-лейтенант, числился по гвардейской кавалерии. Некоторое время состоял адъютантом Великого Князя Владимира Александровича (сына Александра II) — главнокомандующего войсками Санкт-Петербургского военного округа и гвардии, затем служил в Свите Николая II. 1905–1911 гг. состоял личным представителем Императора Николая II при Германском Императоре Вильгельме II. Участвовал в событиях Первой мировой войны. Один из генерал-адъютантов Николая II. Перед войной был назначен русским посланником в Берлин. Когда выяснилось, что граф Бенкендорф не сможет сопровождать Императорскую Семью в Тобольск, Государь остановил свой выбор на генерале Татищеве, который несколько раз проявлял желание разделить с Императорской Семьей заключение. Жильяр вспоминает, что однажды Илья Леонидович сказал ему: «Я молю только об одном — чтобы меня не разлучали с Государем и дали умереть вместе с ним». На его попечении оставались дети Романовых, когда Императорская Чета с дочерью Марией Николаевной были отправлены в Екатеринбург. Затем в числе других приближенных Императора сопровождал Царских детей в Екатеринбург. По прибытии туда сразу был заключен в тюрьму. Момент гибели точно не зафиксирован. Волков и Буксгевден рассказывают, что он погиб в Екатеринбурге в июле 1918 г. Непогребенные тела И. Л. Татищева и В. А. Долгорукова найдены за Ивановским кладбищем за тюрьмой в Екатеринбурге. 1 ноября 1918 г. Татищев канонизирован РПЦЗ как святой мученик воин Илия.

Татьяна Николаевна (1897–1918) — Великая Княжна, вторая дочь Императора Николая II. Убита вместе со своими близкими в июле 1918 г. в Екатеринбурге. Причислена к лику святых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 году.

Тевяшова Устинья Александровна — вдова генерала от кавалерии. Проживала в Царском Селе, дом 26 на Троицкой улице.

Тизенгаузен Екатерина Федоровна (1803–1888) — Графиня, урожденная Хитрово, камер-фрейлина Императрицы Александры Федоровны. Похоронена на Никольском кладбище Александроневской Лавры.

Трепов Александр Федорович (1862–1928) — статс-секретарь, член Государственного Совета, сенатор, егермейстер Высочайшего Двора, управляющий Министерством путей сообщения (1915), с ноября по декабрь 1916 г. председатель Совета министров. В 1918 г.

эмигрировал в Финляндию, затем переехал во Францию, активный монархист.

Трупп Алексей (Алоизий) Егорович (1856–1918) — из крестьян Витебской губернии. Потомственный почетный гражданин. С 1883 г. служил по Придворному ведомству. Камердинер Николая II. Вместе с Царской Семьей последовал в Тобольск. Как доверенный Царской Семьи, участвовал в выносе из бывшего губернаторского дома ценностей Романовых для укрытия в Тобольске и его окрестностях. В конце мая 1918 г. с Царскими детьми приехал в Екатеринбург, был помещен в дом Ипатьева. В ночь на 17 июля вместе с членами Императорской Семьи и тремя другими ее близкими слугами расстрелян.

Фалье (Falleres Clement Armand; 1841–1931) — президент Французской Республики (1906–1913). В Россию приезжал с официальным визитом в 1906 году. Е. С. Боткин принял участие в военно-морском параде в Шербуре в присутствии президента Фалье, который в 1908 г. присвоил Е. С. Боткину звание Кавалера Ордена Почетного легиона.

Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров; 1873–1940, Франция) — архимандрит, впоследствии архиепископ. В 1906–1911 гг. духовник Императрицы Александры Федоровны. В 1904 г. хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Петербургской епархии. С 1909 г. ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии. Впоследствии возглавлял Таврическую, Астраханскую и Полтавскую епархии. С 1920 г. в эмиграции.

Фредерикс Владимир Борисович (16.02.1838 – 5 или 8. 07.1927, Монрепо, Финляндия) — Барон, Граф (с 1913), генерал-адъютант Свиты, генерал от кавалерии, с 1897 г. управляющий Министерством Императорского Двора и уделов и исполняющий обязанности канцлера. Генерал от кавалерии. В дни Февральской революции находился при Императоре. 28.03.1917 был уволен с сохранением мундира и пенсии. Жил в Петрограде; в 1924 г. по разрешению советского правительства выехал с дочерью Эммой в Финляндию, в свое имение Монрепо на Карельском перешейке.

Фредерикс Эмма Владимировна (1867–1950) — Графиня, дочь Графа В. Б. Фредерикса и Ядвиги Алоизовны, урожденной Богушевской, фрейлина Императрицы Александры Федоровны.

Харитонов Иван Михайлович (1870–1918) — повар Царской Семьи. Происходил из семьи санкт-петербургского чиновника. При Дворе состоял в качестве поваренка-ученика с юношеского возраста. В дальнейшем обучался в Петербурге и Париже. В своей профессии выдающийся специалист. Как непревзойденный «суповник», был включен в число поваров Императорской кухни, затем стал

метрдоцелем. Добровольно уехал с Царской Семей в группе из нескольких поваров в Тобольск, а оттуда в конце мая 1918 г. в Екатеринбург. Находился в Ипатьевском доме. Был расстрелян вместе с другими заключенными в нем в ночь на 17 июля 1918 г. Канонизирован РПЦЗ в 1981 году как святой мученик Иоанн.

Хитрово Владимир Сергеевич (1891 – 1968, Париж) — брат Маргариты Хитрово. В 1910 г. закончил Императорский Пажеский корпус. Полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. Участвовал в Первой мировой войне.

Хитрово Маргарита (Рита) Сергеевна (17.10.1895–26.03.1952) — бывшая фрейлина Императрицы Александры Федоровны, дочь Сергея Константиновича Хитрово, генерального директора почты и телеграфа, и Любови Владимировны, урожденной Молоствово-вой. Сестра милосердия Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе. Последовала за Царской Семей в Тобольск. По личному приказу Керенского арестована (22.8.1917) и доставлена под конвоем в Москву. В эмиграции вышла замуж за офицера В. Г. Эрдели. Скончалась в Нью-Йорке, похоронена на кладбище монастыря Новое Дивеево.

Хорват Дмитрий Леонидович (1858 – 1937, Пекин) — генерал-лейтенант, директор-распорядитель на КВЖД. В правительстве Колчака сохранял прояпонскую ориентацию. Супруга — Камилла Альбертовна, урожденная Бенуа.

Чарская (псевдоним **Чуриловой Лидии Алексеевны**; 1875 – 1937, Ленинград) — писательница. Многие ее сочинения посвящены жизни воспитанниц закрытых учебных заведений. Повесть «Княжна Джаваха» (СПб, 1903) выдержала несколько изданий, последние переиздания вышли в 1992 и 2002 гг. Похоронена на Смоленском кладбище.

Чемодуров Терентий Иванович (1849–1919, Тобольск) — камердинер Цесаревича Алексея, а в последнее время Императора Николая II. Добровольно поехал с Царской Семей в Тобольск. Принимал, как посредник, участие в сокрытии в Тобольске Царских ценностей. Из Тобольска в конце апреля 1918 г. с первой частью Семей приехал в Екатеринбург. Помогал членам Царской Семей, повару в приготовлении пищи. 24 мая 1918 г. отправлен из дома Ипатьева в Екатеринбургскую тюрьму № 2, но в связи с болезнью, вскоре помещен в тюремную больницу. Со вступлением 25 июля 1918 г. в город белых оказался на свободе. Был тяжело болен. Уехал в Тюмень, потом в Тобольск. Жил с верой, что Царская Семья осталась в живых. Откуда у него были эти сведения, сказать не мог. Вероятно, у старого Царского слуги не укладывалось в сознании, что кто-то может покуиться на жизнь Помазанника Божия.

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) — протопресвитер (с 1910 г.) армии и флота. Его «Воспоминания» в 2-х томах не вызывают доверия из-за необъективности и подтасовок.

Шарабан Мария Александровна (по другим сведениям — Михайловна) — певица-цыганка, вторая жена атамана Г. М. Семенова, после развода с ним супруга хана Нахичеванского Второго. «Маша-Шарабан» — сценическое имя.

Шнейдер Екатерина (Гина) Адольфовна (1856–1918) — гофлектриса Императрицы Александры Федоровны и преподаватель русского языка. Была близка к Царской Семье длительное время, особенно в последние годы. Приходилась племянницей лейб-хирургу Гиршу. Состояла учительницей Великой Княгини Елизаветы Федоровны с прибытия Ее Высочества в Россию. Долгое время Шнейдер жила при Дворе без всякого официального положения. Затем граф Фредерикс, министр Двора, в 1897–1917 гг. создал для нее должность гофлектрисы, считая неудобным сопровождение ею всюду Великих Княжон без какого-либо придворного звания. Екатерина Адольфовна была удивительно предана как Государыне, так и Царским детям. Добровольно сопровождала Царскую Семью в Тобольск, а потом Августейших детей в Екатеринбург. Там она прямо на вокзале (23.05.1918 н. ст.) была разлучена с Царственными Узниками и отправлена в Пермь, где заключена в тюрьму. Убита вместе с Графиней Гендриковой 4. 09.1918 г. (н. ст.). Ее останки были найдены белогвардейцами в мае 1919 года и погребены по православному обряду на Ново-Смоленском кладбище в Перми. Канонизирована РПЦЗ в 1981 году как святая мученица Екатерина.

БИБЛИОГРАФИЯ

Tatiana Botkina. Catherine Melnik. Au Temps des Tsars. Paris: B. Grasset, 1980 (франц. изд.).

Tatjana Botkin. Meine Erinnerungen an die Larenfamilie. Muenchen-Wien: Albert Langen, Georg Mueller, 1983 (нем. изд.).

Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. СПб.: Изд. М. Боткина. СПб., 1880.

Александр Михайлович, Великий Князь. Воспоминания: две книги в одном томе. М.: Захаров, АСТ. 1999. 524 с.

Бенуа А. Н. Мои воспоминания в пяти книгах. М., 1980.

Библиография трудов, сочинений и писем *В. П. Боткина* // Ученые записки ТГУ. Вып. 139, 1963.

Божией милостью архиерей Русской Церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. Пер. с англ. (Россия в мемуарах дипломатов). М.: Международ. отн., 1991. 334 с.

Воейков В. Н. Дворцовый комендант Государя Императора. С Царем и без Царя. М.: Родина, 1994. 272 с.

Волков А. А. Около Царской Семьи. Предисловие Вел. Кн. Марии Павловны и Е. П. Семенова. Париж, 1928; М., 1993.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). Составитель *Николай Росс.* Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987. 644 с.

Дедюлин В. И. Памятные боткинские места в Петербурге // Вестник истории военной медицины. СПб., 1996. Вып. 1.

Доклад *Архиепископа Антония* Женевского и Западно-Европейского «Прославление Новомучеников Российских — всеправославное торжество», прочитанный на 13-м Епархиальном съезде Западно-Европейской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей 6 июня 1981 года. Люксембург // Храм-памятник в Брюсселе. М.: Паломник, 2005.

Егоров Б. Ф. В. П. Боткин — литератор и критик // Ученые записки Тартуск. гос. ун-та. 1963, вып. 139; 1965, вып. 167; 1966, вып. 184.

Жильяр П. Император Николай II и его Семья. Вена: Русь, 1921. 288 с.

Как погибла Царская Семья. Свидетельство очевидца *И. П. Мейера.* Перевод с немецкого. М.: Товарищество «Возрождение», 1990. 34 с.

Клиническая медицина. 1957, № 8.

Клиническая медицина. 1958, № 8.

Манвелов Н. В. Обычаи и традиции Русского Флота. М., 2008. 230 с.

Медицина и Императорская власть в России. Под ред. Г. Г. Онищенко. М.: Медиа Пресс, 2008.

Мельник (Боткина) Татьяна. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М.: Анкор, 2003.

Мельник Татьяна, рожденная Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. Белград: Всеславянский книжный магазин М. И. Стефанович и К°, 1921.

Мосолов А. А., генерал. При Дворе последнего Императора: записки начальника канцелярии Министра Двора. СПб.: Лит.-изд. агентство «Мета», 1992. 264 с.

Нестеров М. В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М.: Искусство, 1959. 399 с.

Николай II последний Император России: сб. биогр. и библиогр. материалов / Рос. гос. б-ка; (сост. Е. В. Ярошенко, А. А. Ермак). М.: Пашков дом, 2008. 443 с. (2306 назв.).

О реабилитации Царских служителей. www.imperialhouse.ru/rus/allnews/2009/1430.html.

Павлова С. В. Из воспоминаний // Новый мир. 1946, № 3.

Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худ. лит., 1972. 483 с.

Пирогов Н. И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 дек. 1854 по 1 дек. 1855. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1856. 33 с.

Пирогов Н. И. Севастопольские письма. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 177 с.

Письма к детям новомученика лейб-медика *Евгения Сергеевича Боткина* // Кадетская Переключка. Нью-Йорк. 2003, № 74. С. 122–157.

Письма к детям новомученика лейб-медика *Евгения Сергеевича Боткина* // Кадетская Переключка. Нью-Йорк. 2004, № 75, С. 118–119.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1996. 472 с.

Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1974.

Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург, 2003. Ил., порт. 528 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 364 с.

Российский архив. История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX. Т. VIII.

Саблин Николай. Десять лет на Императорской яхте «Штандарт». СПб.: Петропавловский, 2008. 284 с.

Салтыков К. М. Интимный Щедрин. М.-Пг.: Гос. изд., 1923. 79 с.

Серафим (Кузнецов), игумен. Православный Царь-Мученик. М.: Паломник, 1997. 800 с.

Сергей Петрович Боткин. 170 лет со дня рождения. Под ред. проф. А. А. Новика. Военно-Медицинская Академия. СПб., 2002. 96 с.

Сергей Петрович Боткин. К 175-летию со дня рождения. Монография. Под ред. засл. деятеля науки РФ академика РАМН Б. В. Гайдара. Военно-Медицинская Академия им. С. М. Кирова. СПб.: Человек и здоровье, 2007. 128 с.

Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998. 392 с.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция (1914–1917). Нью-Йорк: Всесл. изд-во, 1960. Т. 1–3. 240 с.

Сыновья С. П. Боткина в петербургской культуре // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Вып. 6 (124).

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959.

Фет А. А. Мои воспоминания. 1848–1889. Ч. 1–2. М.: Тип. А. И. Мамонова и К°, 1890. Т. 1; М., 1954.

Фомин Сергей. «Судья же мне Господь». Григорий Распутин: расследование. М.: Форум, 2010. 720 с.

Фрейлина Ее Величества. Дневник и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Польско-сов. изд.-полигр. о-во «Орбита», Моск. филиал, 1993. 380 с.

Цыган В. Н., Яроцкий А. И. На пороге великих открытий в физиологии. СПб.: Гуманистика, 2005. 376 с.

Чай в России. Боткины — чаоторговцы // Звезда. 2000, № 7. С. 15–31.

Шульгин В. В. Дни. 1920. М.: Современник, 1989. 560 с.

Якобий И. П. Император Николай II и революция. М., 2010. 863 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Ольга Ковалевская

«ТЕПЕРЬ СУДЬБА ВЫБРАЛА НАС...»

(Слово о Боткине)

I. Доктор больницы для бедных	5
II. Царский лейб-медик	26
Примечания	49

Татьяна Боткина

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ

Предисловие автора	53
--------------------------	----

Часть первая

ХОРОШИЕ ГОДЫ

(1908—1914)

Глава I. Царское Село	66
Глава II. Жизнь при Дворе	84
Глава III. От Санкт-Петербурга до Крыма	91
Глава IV. Развод	107
Глава V. Две силы	123
Глава VI. Царская яхта	132
Глава VII. В тени Петра Великого	145
Глава VIII. Драма в Спале	155
Глава IX. Путешествие за границу	164
Глава X. На пороге 1914 года	177

Часть вторая

БОЛЬШАЯ ВОЙНА

(1914—1917)

Глава XI. Надвигающееся сумасшествие	190
Глава XII. Грозовые тучи	200
Глава XIII. Победа за три месяца	207
Глава XIV. Ранний траур	214
Глава XV. Пленный	232
Глава XVI. Смерть офицера	240
Глава XVII. Страна погружается в пучину	245

Глава XVIII. Святость Распутина	264
Глава XIX. Перелом	275
Глава XX. Сражение у Стохода	285
Глава XXI. Страшный конец 1916 года	293

Часть третья
РЕВОЛЮЦИЯ
(1917–1920)

Глава XXII. Восстание в Петрограде	308
Глава XXIII. Первая тюрьма	316
Глава XXIV. Прощание с прошлым	325
Глава XXV. Отъезд в Сибирь	334
Глава XXVI. В ссылке	348
Глава XXVII. Красная армия	364
Глава XXVIII. Чекист	377
Глава XXIX. Приговор судьбы	383
Глава XXX. Красный террор	395
Глава XXXI. Гражданская война	401
Глава XXXII. Транссибирская магистраль	410
Глава XXXIII. Последний реквием	422
Послесловие	430
Примечания	434
Комментарии Л. Ф. Капраловой	437

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма новомученика

лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина

О. Т. Ковалевская. «Любовь отца была нам защитой»	440
Письма детям	446
Письмо Председателю Екатеринбургского областного исполнительного комитета	491
Письмо брату А. С. Боткину	493
Биографический указатель	501
Библиография	528

*Издатели выражают искреннюю благодарность
всем, кто оказал посильную помощь и внес свою лепту
в издание книги «Царский лейб-медик»:*

*Т. Н. Бирюковой,
А. И. Горбунову,
А. Ф. Константинову,
Н. Г. Кулешову,
Т. Н. Руновой.*

Спаси всех Господи!

**ЦАРСКИЙ ЛЕЙБ-МЕДИК
ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ЕВГЕНИЯ БОТКИНА**

Под редакцией К. К. Мельник-Боткина
и Е. К. Мельник (Франция)

Составитель и автор вступительных статей О. Т. Ковалевская

Перевод с нем. яз. М. Н. Давыдова
Перевод с итал. яз. И. Вашкинель

Консультанты текстов: на нем. яз. Н. Б. Ветошникава,
на англ. яз. В. А. Ступин, на франц. яз. О. Н. Лукина

Редактор О. Т. Ковалевская

Составители биографического указателя
Л. Ф. Капралова и О. Т. Ковалевская

Фоторепродукции Б. Д. Гесселя

Электронная обработка фотографий Д. К. Ковалевского

Компьютерный набор И. А. Пашковой

Корректоры Н. Ю. Жуланова и А. Г. Земцова

Оригинал-макет Е. И. Ивановой

Дизайн обложки Е. С. Широковой

Ответственный за выпуск С. И. Астахов

Подписано в печать 13.05.2010. Формат 60 x 90 1/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. 33,5 л. Тираж 1500 экз. Зак. 3182.

АНО «Издательство «Царское Дело»»

191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, д. 10,

тел. (812) 271-76-86

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП «Типография «НАУКА»».

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЦАРСКОЕ ДЕЛО»
ПРЕДЛАГАЕТ КНИГИ:

1. *Митрополит Иоанн (Снычев)*. **Голос вечности** (Проповеди и поучения).
2. *Митрополит Иоанн (Снычев)*. **Русская симфония** (Очерки русской историософии).
3. *Митрополит Иоанн (Снычев)*. **Русский узел** (Статьи, беседы, обращения).
4. *Митрополит Иоанн (Снычев)*. **Посох духовный** (Выбранные места из трудов архипастыря).
5. *Митрополит Иоанн (Снычев)*. **Епископ** (Духовно-нравственный облик русского архиерея).
6. **Был человек от Бога...** Жизнеописание митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), переданное очевидцами и им самим.
7. **Годовой диптих** (Поименный перечень почивших Высочайших лиц династии Дома Романовых и усопших родителей святых угодников Божиих с указаниями дней их памяти для молитвенного поминовения).
8. **Воспоминания товарища обер-прокурора Святейшего Синода князя Н. Д. Жевахова**. Уникальный документ эпохи, в котором автор стремился максимально правдиво изобразить внутреннее состояние Российской Империи во время первой мировой войны, в годы страшного клятвопреступного бунта и кровавой революционной смуты начала XX века.
9. *К. Бенаг*. **Англичанин при Царском дворе** (Духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса). Книга о судьбе одного из воспитателей детей Императора Николая II англичанина Гиббса, который десять лет провел рядом с Царственными Страстотерпцами, вернувшись на родину, принял православие и стал впоследствии православным священником.
10. **Певец Святой Руси** (Сергей Бехтеев: жизнь и творчество). Составитель *В. К. Невярович*. Книга удостоена Большой литературной премии России за лучшее произведение 2007 года.
11. **Хроника великой дружбы** (Царственные Мученики и человек Божий Григорий Распутин-Новый). Составители: *Ю. Ю. Рассулин, С. И. Астахов, Е. И. Душенова*.

12. *М. Ю. Мещанинов. Серафимовский лазарет-убежище А. А. Вырубовой в Царском Селе (Правда о месте погребения Григория Распутина).*
13. *Ю. Рассулин. Верная Богу, Царю и Отечеству (Анна Александровна Танеева (Вырубова) — монахиня Мария).*
14. *Иван Сусанин. Историческая повесть о костромском крестьянине, положившем жизнь за Царя.*
15. *Царский крест (К 90-летию со дня мученической кончины Царской Семьи). Сборник стихов. Составители Н. Г. Кулешов, С. И. Астахов.*
16. *От покаяния к воскресению России (Чин всенародного покаяния в тяжких грехах вероотступничества, клятвопреступления и цареубийства).*
17. *Я не исчезну просто так... (Владимир Алексеевич Михайлов — подвижник веры и трезвости). Сборник воспоминаний о нашем современнике, православном мирянине, посвятившем свою жизнь борьбе за народную трезвость.*
18. *А. П. Поляков. Огненный Авва. Роман о судьбе и подвигах старца иеросхимонаха Сампсона (Сиверса). Книга удостоена Всероссийской литературной премии «Александр Невский» в 2006 году.*
19. *Иеродиакон Макарий (Петанов). Правда о Фатиме (православное разоблачение католических лжечудес и фатимских обольщений).*
20. *Протоиерей Иоанн Восторгов. Полное собрание сочинений (тома 3, 4, 5). Труды яркого проповедника и духовного писателя начала XX века, исследователя общественно-политических явлений новомученика о. Иоанна Восторгова и в наше время не утратили своей актуальности.*

**Желающих приобрести
ЕДИНИЧНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ книги
просим направлять заказы по адресу:
191024, Санкт-Петербург, а/я 6,
ООО РЭА «Союзпечать» (книга-почтой)
или по электронной почте: newbooks@mail.ru
телефон для справок (812) 956-07-23.**

**Книги высылаются наложенным платежом
с оплатой после получения заказа.**

**По вопросам ОПТОВОГО приобретения книг
просим обращаться по адресу:**

**191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10,
Издательство «Царское Дело».**

E-mail: cd@tsardelo.ru;

<http://tsardelo.ru>

(подробная информация о книгах)

Тел. (812) 271-76-86

Ждем ваших заказов!

